

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2013

УДК 821.0:398

ББК 82

И32

Из истории русской фольклористики. Вып. 8 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Наука, 2013. — 616 с.

ISBN 978-5-02-038331-9

Выпуск содержит материалы и публикации по теории и практике отечественной науки о фольклоре XIX—XX вв.

Для филологов-фольклористов и интересующихся историей русской культуры.

Редколлегия:

А. Н. ВЛАСОВ, А. А. ГОРЕЛОВ, В. И. ЕРЕМИНА,
М. В. РЕЙЛИ, А. Н. РОЗОВ

Ответственный редактор

Ю. И. МАРЧЕНКО

Рецензент

А. Н. РОЗОВ

*Исследования проведены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-04-00091а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 13-04-16024*

© Коллектив авторов, 2013

© Российская Академия наук и издательство «Наука», серия «Из истории русской фольклористики» (разработка, оформление), 1978 (год основания), 2013

ISBN 978-5-02-038331-9

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Восьмой выпуск серии «Из истории русской фольклористики» посвящен 70-летию юбилею Отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом).

В первом разделе содержатся работы, отражающие историю формирования различных направлений научной и собирательской деятельности Отдела, новые материалы фольклорных экспедиций.

В статье А. А. Горелова «Из прошлого и настоящего Отдела фольклора ИРЛИ»¹ раскрываются этапы формирования главных направлений работы — текстология, библиография, собирательская деятельность, издание фольклорного наследия, труды в сфере «литература и фольклор». Подчеркивается значение Отдела как единственного в своем роде специализированного подразделения, способного объединять в своей работе несколько направлений, не утрачивая при этом научно-фольклористической направленности.

В статье Т. Г. Ивановой «Отдел фольклора Института литературы АН СССР в 1939—первой половине 1941 г.» на материале архивных документов Петербургского филиала архива РАН рассматривается начальный этап существования фольклористики в стенах Института русской литературы, когда Фольклорная комиссия АН СССР, работавшая при Институте антропологии и этнографии, была переведена в Пушкинский Дом. Т. Г. Иванова восстанавливает состав Отдела фольклора на 1 марта 1939 г. (филологи — М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова, В. А. Кравчинская, А. Н. Лозанова, П. Г. Ширяева; этномузыковеды — Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, С. Д. Магид), характеризует

¹ Статья представляет собой исправленный и дополненный текст, помещенный в сборнике, вышедшем к юбилею Пушкинского Дома. См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 205—229.

научно-фондовый багаж, с которым сотрудники Фольклорной комиссии переходили в ИРЛИ (библиотека фольклорной литературы, фольклорный рукописный архив, фонограммархив).

Публикация М. А. Никифоровой «Письма М. К. Азадовского к С. Ф. Ольденбургу» вводит в научный оборот новые материалы из эпистолярного наследия выдающегося ученого. События, имена, обстановка в науке, о которых идет речь в письмах М. К. Азадовского, требуют разъяснения для верного их толкования на фоне драматических событий сложного исторического периода.

В публикации Т. С. Каневой «Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г.: (Из полевых дневников А. М. Астаховой)» предлагаются материалы, освещающие одно из совершенно не изученных направлений собирательской деятельности ранних экспедиций советского времени, и в первую очередь — самой А. М. Астаховой.

Творческие судьбы многих сотрудников Отдела фольклора и входящего в его структуру Фонограммархива складывались весьма драматично. Это относится к судьбе фольклориста-музыковеда С. Д. Магид, которой посвящена статья Л. И. Петровой «Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме : Документы и факты». С. Д. Магид, проработавшая в качестве научного сотрудника Института долгое время, в 1950 г. была уволена из Института с унижительной формулировкой «за невыполнение годового плана». Л. И. Петрова на основе планов Отдела, отчетов, протоколов заседаний, переписки и других документов стремится предоставить объективную информацию о характере и объеме научной деятельности С. Д. Магид, процесс научной «реабилитации» которой начался сравнительно недавно. В работе предпринимается попытка выяснить, насколько справедливыми были упреки, высказывавшиеся в ее адрес в конце 1949—1950 г. Особое внимание уделено экспедиционно-собирательской деятельности С. Д. Магид. В работе предлагается описание коллекций Рукописного хранилища и звуковых коллекций, сложившихся на основе ее экспедиционных и стационарных записей. Статья содержит публикацию материалов, записанных С. Д. Магид в 1935 г. в Калужском и Перемышльском районах Московской области.

Интересные образцы народной прозы из архивного наследия В. А. Кравчинской содержатся в публикации М. В. Рейли «Записи В. А. Кравчинской в Лужском районе Ленинградской области (Экспедиция Отдела фольклора Пушкинского Дома 1947 г.)».

В том же направлении выдержана публикация Я. В. Зверевой «Мезенские сказки в записях экспедиций Отдела фольклора Пушкинского Дома 1958—1961 гг.».

Новые материалы и наблюдения содержатся в статье М. Н. Власовой «Из истории экспедиций сектора фольклора

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в Новгородскую область (1963—1987). Экспедиционные дневники В. В. Митрофановой (1965, 1967)».

Завершает первый раздел статья В. И. Жекулиной «Атаман : (По страницам дневника собирателя Жекулиной Валентины Ивановны. Экспедиция в Старорусский и Новгородский районы Новгородской области с 19 по 27 июня 1979 г.)».

Второй раздел посвящен различным материалам по истории отечественной фольклористики.

В статье В. И. Ереминой «Творческие контакты ученых : (Речь А. А. Шахматова о Ф. И. Буслаеве : Из переписки Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского)» освещаются неизвестные страницы русской фольклористики XIX в.

Чрезвычайно интересна статья А. Л. Топоркова «А. Н. Афанасьев в полемике с Н. Г. Чернышевским? : (Эпизод из журнальной полемики 1850-х гг.)». Автор комментирует анонимную работу, опубликованную в 1855 г. в журнале «Отечественные записки». А. Л. Топорков полагает, что ее автором был А. Н. Афанасьев. Но даже если в процессе дальнейших разысканий выяснится, что статья принадлежит другому автору, то, как справедливо считает А. Л. Топорков, научная значимость работы сохранится.

Ценные материалы, подкрепленные интересными комментариями, предлагаются в публикации О. И. Чариной «Записки фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г.». Коллекция записей, датированных концом XIX в., представлена образцами эпоса, историческими песнями и другими песенными жанрами, характеризующими устное народное творчество русских старожилов отдаленных районов Восточной Сибири.

Статья Е. А. Самоделовой «Фольклорист А. Н. Нечаев — научный консультант А. Н. Толстого : (По архивным источникам)» весьма актуальна для специалистов, изучающих проблематику «литература и фольклор».

Богата фактами хорошо иллюстрированная работа Е. Н. Груздевой «Надежда Михайловна Элиаш и ее место в истории русской фольклористики».

Выдающейся собирательнице народных песен, педагогу, общественному деятелю Н. Л. Котиковой посвящена работа Е. И. Якубовской «Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой». Почти четверть века посвятила Н. Л. Котикова собиранию, публикации и популяризации народной музыкальной культуры Псковской земли — родины своих предков. Значительное место в фонографическом наследии Н. Л. Котиковой принадлежит песенной традиции северной части Псковской области — районам, прилегающим к Псковскому и Чудскому озе-

рам, — современным Печорскому, Псковскому, Гдовскому, а также граничащими с ними районам Ленинградской и Новгородской областей и приозерной части Эстонии.

Новое направление работы Отдела фольклора Пушкинского Дома представлено в статье А. Н. Власова «Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики : (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России : Современное состояние, проблемы изучения)». Автор убежден, что разыскания источников в периферийных архивохранилищах и краеведческих музеях с последующим введением их в научный оборот актуальны для академической фольклористики в связи с работой над созданием «Свода русского фольклора».

РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ПУШКИНСКОГО ДОМА

А. А. ГОРЕЛОВ

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ИРЛИ

Завершались приснопамятные 30-е гг. XX в., когда в Пушкинском Доме произошло важное событие, капитально дополнившее его структуру, расширившее сферу гуманитарных исследований и вместе с тем придавшее необходимую целостность тому сложному научному организму, каким уже являлся в течение третьего века тогдашний Институт новой литературы Академии наук СССР, — в него влился Отдел фольклора.

Биография Отдела даже в пунктирном изложении обнаруживает достаточно прямую связь с движением общества по рельефам Истории: фольклор как традиционное устное творчество народа всегда предъявлял его сотрудникам требование непосредственного изучения текущих социально-культурных процессов, проецирующихся на путь этноса. Фольклористика неизменно базировалась на полевых исследованиях, где ученые и народ пытливно всматривались друг в друга, где искусство народное как всепроникающее начало национального бытия требовательно расширяло горизонты познания и ставило его на демократическую почву. Отсвет народности искони озарял фольклористику как историко-филологическую научную дисциплину, что сохраняется вплоть до наших дней.

Отдел фольклора вошел в ИРЛИ как готовая ячейка, имевшая собственную предысторию: в 1931 г. в составе Института по изучению народов СССР Академии наук была создана Фольклорная секция, далее переоформленная в Фольклорную комиссию, в 1933 г. комиссию штатно включили в новый академический Институт антропологии, этнографии и этнологии; на исходе 1938 г. Постановлением Президиума АН СССР (№ 66 от 11 дека-

бря) Фольклорная комиссия была преобразована в Отдел фольклора народов СССР, за чем последовал перевод новообразованного отдела в Институт литературы (Пушкинский Дом).

В марте 1939 г., после десятилетних административно-организационных колебаний и экспериментов, воплотилось в жизнь предложение академика П. Н. Сакулина, выдвигавшееся им при создании Института литературы. Еще в 1930 г., обдумывая возможности перспективного планирования работы для предполагавшейся штатной группы фольклористов в Институте на 1931 г., директор так очерчивал круг исследований, вытекавших из природы народного творчества и профиля Института: «Устная (народная) поэзия живет с древнейших времен и составляет существенный ингредиент общей литературной жизни всех периодов. В этом качестве она и должна входить в программу занятий Института».¹ Перед будущим Отделом устной поэзии выдвигались внушительные и увлекательные программные цели: «а) Собрание материалов, необходимых для изучения устной поэзии <...> с середины XVII в. (т. е. от момента возникновения прямых сохранившихся записей фольклора. — А. Г.) до наших дней; б) организация научных экспедиций для <...> собирания произведений устной поэзии в разных местностях Союза в разной социальной среде <...>; в) изучение устной поэзии в историко-социологическом плане; г) изучение устной поэзии в ее общелитературных связях».² Институтские планы П. Н. Сакулина подразумевали задачи исследования памятников художественной отечественной словесности в полном ее объеме — и книжной литературы, и поэтического фольклора. Это как нельзя лучше отвечало пушкинскому взгляду на неразрывность русской национальной словесной культуры при ее историческом движении: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (1825).³

Новообразованный Отдел фольклора возглавил бывший председатель Фольклорной комиссии проф. М. К. Азадовский.⁴ Отделу были переданы для фондового хранения и изучения материалы фольклорно-этнографических экспедиций Государственного Института истории искусств на Север России и географически однородные накопления частных коллекций (русский фольклор Заонежья, Пинеги, Мезени, Печоры, Кулоя, Беломорья),

¹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. 2-е, доп. изд. Л., 1988. С. 207.

² Там же. С. 208.

³ Пушкин А. С. ПСС: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 27.

⁴ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 267—271.

записи из Средней Азии (узбекский, туркменский, таджикский фольклор), с Волыни (еврейский фольклор), записи экспедиций Ленинградской государственной консерватории в Закавказье (армянский фольклор), на Украине, в Белоруссии, Сибири (в том числе народное творчество «семейских», бурят-монгольский фольклор) и целая серия других коллекций.⁵ Состоял Отдел из научно-исследовательской группы и трех базовых фондовых подразделений, активно действующих и в настоящее время. Это — Рукописное фольклорное хранилище,⁶ Фонограммархив, Справочно-библиографический кабинет со специализированной подручной библиотекой фольклорно-этнографической литературы.⁷

Итак, ИРЛИ принял сплоченное академическое исследовательское звено, объединявшее первоклассных фольклористов, успешно трудившихся в народознании над изучением различных жанровых комплексов и форм музыкально-поэтических, собственно словесных, обрядовых и внеобрядовых культурных традиций нескольких этносов Европы и Азии, а приоритетно — восточнославянского. Начался отсчет времени нового организационно-научного этапа существования петербургской школы фольклористики. Ее отныне олицетворяла многогранная деятельность плеяды советских фольклористов старшего поколения в стенах Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук.

Руководитель Отдела М. К. Азадовский (1888—1954) уже имел широкую известность как энтузиаст фольклористики (он даже шутливо именовал себя «крайним и узким шовинистом» от фольклористики),⁸ но одновременно и как этнограф и литературовед: еще до Октябрьской революции он совершил продуктивные личные экспедиции в казачьи поселения Амура, русские деревни Лены. Пореволюционный выпуск его записей народной поэзии «Ленские причитания» (1922), «Верхнеленские сказки» (1938), публикация «Сказок из разных мест Сибири» (1928), двухтомника «Русская сказка» (1938) были подкреплены кипучей параллельной научно-организаторской работой. Он сотрудничал в крупных фольклористических изданиях Сибири (шефствовал как соредактор над новооткрытым журналом Русского

⁵ *Астахова А. М.* Рукописное хранилище при Фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор. 1936. № 2—3. С. 435—440.

⁶ В 1980-е гг. включено в состав Рукописного отдела ИРЛИ, что — вопреки специфике предмета исследований — разобщило единые словесные и музыкальные фонды записей, разъяло целостность неделимых коллекций.

⁷ *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. С. 211.

⁸ Из писем М. К. Азадовского (1919—1941) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. Вып. 1. С. 216.

географического общества «Сибирская живая старина»), Москвы и Ленинграда, возглавлял созданную им кафедру фольклора в Ленинградском университете (1934—1949). Универсализм культурно-исторических увлечений (к ним относилось и коллекционирование произведений русской живописи начала XX в.), энергичное осуществление исследований и добротное печатание памятников фольклора, коммуникабельность, искренняя забота о консолидации сил фольклористов, в том числе о рекрутировании в науку о народном творчестве способной молодежи, обеспечивали за ним положение лидера.

Бок о бок с Азадовским трудились исследователи, закладывавшие основы фольклористики советского периода, изведавшие все перипетии бурного становления новых концепций науки о народном творчестве. В числе сотрудников Отдела имелись крупные собиратели классического фольклора, занимавшиеся экспедиционным обследованием метрополии национальной поэзии русского народа — Европейского Севера. Центральной фигурой была А. М. Астахова, фольклорист-словесник, уже прославившаяся выпуском первого тома практически сплошь собственных записей былин Северного края.⁹ Пионеры советской музыкальной фольклористики Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд незадолго до прихода в Пушкинский Дом выпустили по материалам преимущественно личных полевых записей устной поэзии, осуществленных в 1920-е гг., сборник песен Архангельщины.¹⁰ Серьезнейший вклад в изучение народной прозы вносили исследования замечательных сказковедов А. И. Никифорова, Н. П. Андреева, И. В. Карнауковой. Даровитый интерпретатор детского фольклора Г. С. Виноградов как никто до него глубоко проникал в суть поэзии детства. Собирательницей и издателем песен социального протеста позднефеодальной эпохи показала себя А. Н. Лозанова. Увлеченно изучала крестьянскую обрядовую и необрядовую лирику Н. П. Колпакова. Репертуар фабрично-заводского пролетариата фиксировала П. Г. Ширяева. Ответственную обязанность архивариуса Отдела исполняла рачительная хранительница фондовых материалов Г. Г. Шаповалова.

Примечательно, что в прямом сотрудничестве с Отделом находились ведущие исследователи фольклора разных народов, этнографы, лингвисты, искусствоведы, исследователи ли-

⁹ *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л., 1938. Позже выйдет книга-продолжение, ее записи былин соседних регионов: *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 2 : Прионежье, Пинега и Поморье. М.; Л., 1951.

¹⁰ *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Песни Пинежья : Материалы фонограмм-архива, собр. и разраб. Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд / Под общ. ред. Е. В. Гиппиус. М., 1937. Кн. 2.

тературно-фольклорных взаимосвязей, крупные академические и университетские ученые И. И. Толстой, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. Г. Кагаров, Н. П. Гринкова, В. П. Адрианова-Перетц, М. П. Алексеев, В. И. Чернышев, В. Н. Всеволодский-Гернгросс. К работе Отдела подключались, обогащая спектр научных интересов, ученые-«побратимы» учреждений Москвы, Петрозаводска, Перми и иных центров российских областей, автономий, а также союзных республик. Писатели, деятели искусства, литературные критики также были причастны к работе Отдела.

Внедрение в структуру Института литературы АН СССР, сосредоточенного на работе по проблемам русистики, Отдела фольклора, исследовавшего весь комплекс устной поэзии народов СССР, означало резкое расширение круга создаваемых институтских трудов за счет инерционно привнесенных тематических разработок, начатых в Институте этнографии и антропологии. По этой причине в 1941 г. Пушкинским Домом были изданы превышавшие пределы его органической компетенции «Белорусские народные песни» под ред. Е. В. Гиппиуса, первый том «Марийских сказок» под ред. М. К. Азадовского. В 1939 г. был опубликован 6-й том сборника «Советский фольклор», посвященный теме «Великая Октябрьская революция в творчестве народов СССР». Фонограммархив, выпустивший под руководством Е. В. Гиппиуса музыкальные записи ряда народностей Советского Союза (белорусы, чувашаи, удмурты, мари, карелы, вепсы, коми), продолжал эту работу, обещая публикацию материалов по 60 народностям СССР (в том числе башкир, татар, калмыков, цыган). Дальнейший выход к интернациональному материалу означал бы необходимость кадрового обеспечения Института русской литературы специалистами, способными к тонким экспертизам и исследовательским штудиям поэзии, музыки, бытовых традиций народностей разных фольклорно-языковых семей. Это ориентировало бы Пушкинский Дом на перемену профильных занятий либо подготовку к созданию отдельного и особого института фольклора народов СССР. В Пушкинском Доме было принято естественное решение продолжить сотрудничество с национальными отрядами союзной фольклористики, не подменяя их в решении специфических историко-культурных задач.

Логика фундаментального укрепления ИРЛИ требовала скорейшего преобразования Отдела фольклора народов СССР в Отдел русского фольклора с установками: 1) изучение устной поэзии русского народа; 2) изучение взаимоотношений фольклора и литературы, в частности взаимоотношений древнерусской литературы и фольклора в древнейший период русской истории (по этой проблематике в Пушкинском Доме усилиями

литературоведов создавались труды А. С. Орлова, В. Ф. Ржиги, В. Л. Комаровича, В. В. Данилова и других ученых); 3) переход к систематическому изданию воистину океанических по масштабам архивных накоплений и разрозненных публикаций записей русского фольклора; 4) исследование состояния современного народного творчества. Совершалось восстановление той дисциплинарной ситуации в исследованиях народной поэзии, которая существовала до Октября, когда фольклористика обитала под патронатом II отделения Императорской Академии наук.

Для изучения культурно-исторических пластов русского народного творчества, для издания памятников русского фольклора в деятельности бывшей Фольклорной секции Академии наук также имелись серьезные заделы. Недаром в 1937 г. была сдана в издательство составленная Е. В. Гиппиусом, З. В. Эвальд и Л. Н. Лебединским трехтомная антология «500 русских народных песен», в 1938 г. вышел в свет под редакцией Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд сборник «Народные песни Вологодской области», составленный по материалам записей коллег-словесников А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой и музыковедов В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова. Во внеплановом порядке иногда в сотрудничестве с внеакадемическими издательствами, с учеными других городов, в особенности Москвы и Петрозаводска, в предвоенный период публикуются при участии фольклористов Пушкинского Дома издания фольклорной классики. Только М. К. Азадовский курировал издания: «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (М.; Л.: Academia, 1936—1941. Т. 1—3), «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом» (М.; Л., 1938. Т. 2—3), *Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: Избранные тексты* (Л., 1940), «Былины и исторические песни из Южной Сибири : Записи С. И. Гуляева» (Новосибирск, 1939). Из новых публикаций существенными для науки обретениями были: «Сказки Магая (Е. И. Сороковикова)» (Зап. Л. Элиасова, М. Азадовского; Под общ. ред. М. К. Азадовского. Л., 1940); «Сказки Ф. П. Господарева» (общ. ред., предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941).

С первых шагов пребывания в ИРЛИ развернулась начатая в 1938 г. работа над коллективной концептуальной трехтомной монографией «Русский фольклор», для которой в предвоенный период достаточно быстро были написаны крупные фрагменты разделов. Первый том должен был открываться вступлением Н. П. Андреева «Проблема фольклора», где ставился вопрос о фольклористике как области науки.¹¹ За ней предполагалось дать обширный очерк М. К. Азадовского по отечественной

¹¹ *Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии...* С. 369.

фольклорной историографии. Второй том — согласно плановой разверстке — отдавался рассмотрению жанров дооктябрьского фольклора. Третий том посвящался фольклору советскому.¹² Кое-что позднее будет перестроено: в сданном в печать в 1947 г. начальном томе окажутся кроме разделов Андреева и Азадовского исследования по истории жанров и традиционно комплектуемых групп фольклорного материала в их этнографической аттестации: «Календарно-обрядовая поэзия» (автор А. И. Никифоров), «Заговоры» (автор А. М. Астахова), «Загадки», «Причитания» (автор Г. С. Виноградов), «Свадебная поэзия» (автор Э. В. Гофман-Померанцева). В 1948 г. том пройдет переработку М. К. Азадовского. Для второго тома еще до Великой Отечественной войны были представлены главы о былинах (А. М. Астаховой), о сказке (В. Я. Проппа), об исторических песнях (П. И. Калецкого; послевоенная доработка выполнялась А. Н. Лозановой). После войны здесь же будет отведено место очерку В. Ю. Крупянской о народном театре. Третий том, не заверченный вплоть до 1947 г., должен был включить не только раздел о советском фольклоре, но и статьи о лирической песне (ее начинала писать перед войной З. В. Эвальд, продолжить работу соглашалась А. М. Астахова).¹³

Монография «Русский фольклор», по словам ее участницы А. М. Астаховой, преследовала главную цель — «подвести итог тому, что сделано дореволюционной фольклористикой, и дать научное изложение и обобщение результатов, достигнутых советской фольклористикой», для чего авторы статей привлекали «большой фактический материал, зачастую совершенно свежий или малоизвестный», а «основные проблемы фольклористики» ставились и освещались в нем «по-новому».¹⁴

На этой информативно-программной заявке Отдела, предпосылавшейся исполнению его основного труда, приходится остановиться, хотя она имеет предельно обобщенную, деконкретизированную формулировку. Деятельность Отдела начиналась в откровенно жесткой социально-исторической ситуации, которая сложилась в стране к концу 1930-х гг. и которая, определяя характер работы фольклористики как гуманитарной отрасли, диктовала образ поведения ученых. По причине особенностей

¹² Из писем М. К. Азадовского (1941—1945) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 244.

¹³ Россыпь разнородных материалов-заготовок к неопубликованной монографии «Русский фольклор» хранится в архиве: РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 2, № 1; п. 3, № 1; п. 10, № 1, 8, 10; п. 11, № 2; п. 15, № 1; п. 17, № 3—6; п. 28, № 3; п. 30, № 3.

¹⁴ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии... С. 269.

их материала они вместе с краеведами то и дело оказывались «на линии огня». Несмотря на приверженность апробированным демократическим методикам объективной характеристики народнопоэтических материалов — методикам, ставшим научным навыком и традицией еще в дореволюционном народознании, они были поставлены перед необходимостью ограничения области своих интересов, обеднения и деформации своего предмета. Пореволюционный период вводил в особую фазу прежде всего практику собирательства. Честная и тщательная регистрация фактов фольклора — основа изучения духовной жизни демоса — попадала под пристальный надзор недреманных «горлита» и «главлита». Между тем от фольклористики требовались учет и собирание живых народнопоэтических памятников, запечатлевавших мировоззрение этноса в конфликтную эпоху, отражавших переменность массового переживания, осмысленные события революции, гражданской войны, строительство нового общественного строя, новых государственности, экономики, когда народ везде оказывался по обе стороны классовых баррикад, а психология совокупного общенародного множества и частного человека намагничивались политическими страстями. Россия как держава преимущественно земледельческого населения на глазах утрачивала формы традиционного, слагавшегося веками бытового уклада, и эта денационализация быта была далекой от действительного прогресса. Старина обнаруживала свою стойкость, особенно в глуши, но со всех властных трибун получала обидные и несправедливые ярлыки «реакционности», «отсталости». Всюду прививалась новь. Победительный аллюр коллективизации, с ее траурным голодным прологом и такими же ближайшими следствиями без сожаления выводил в расход прежнюю житейскую обрядность, ломал календарные обычаи русской деревни.

Фольклористы-собиратели, по обыкновению выезжавшие за фольклором в сельскую местность, собрали до конца 1920-х гг. немало ценнейших свидетельств того, что деревня «в первые годы Советской власти <...> представляла собой поистине поле битвы»,¹⁵ но введение политической цензуры на печатное слово, а затем общеобязательность установки на «идейно-эстетический отбор» фиксируемых фольклорных материалов, требование приоритетной представленности в записях «явлений зарождающейся социалистической культуры»,¹⁶ фактически независимо от репре-

¹⁵ Крупянская В. Ю. Советское народное поэтическое творчество 20-х годов // Русское народнопоэтическое творчество : Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа // Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1953. Нов. сер. Т. 20. С. 216.

¹⁶ Там же. С. 198.

зентативности и реальной роли вне­традиционных явлений в действительности, создали к концу 30-х гг., когда фольклористика обживалась в стенах Пушкинского Дома, прежде немисли­мую ситуацию стерилизации материала. Уже на этапе соби­рания фольклора происходил разрыв с истиной. Произволь­ность и авто­матизм в выставлении «оценок» полевому материалу понемногу становились спутниками научной среды при освещении эволю­ции народной культуры. Высокое державное руководство не счита­лось с «правдой сущей» (А. Твардовский), социальные «педа­гогемы» времени обязывали общественную науку решать задачи с предуказанным ответом. Симптоматичными для фольклори­стического народознания стали выхолащивающие его природу утраты: со страниц фольклорных изданий исчезает жанр фоль­клорно-этнографического очерка с точными описаниями под­робностей сельского существования, распространенный в докол­хозный период; фильтрация фольклорных материалов постигает и стадию их записи, и стадии архивного хранения и публикаций, часть материалов уничтожается; академическая наука выглядит ветвью партийно опекаемой пропагандистской службы с неми­нуемым редактированием произведений-подлинников фолькло­ра; достоверные записи в публикациях замещаются продуктами декоративной «художественной самодеятельности», уравнивание которой с настоящим фольклором в поле науки оскопляло осно­вополагающий термин «фольклор».

Фольклор как устное стихийное творчество масс в русской науке, обращенной лицом к поэзии национально-народного боль­шинства (в первую очередь, но не исключительно — крестьян­ства), творившего художественные и бытовые традиции, всегда пред­ставал как слово и музыка, отмеченные высоким уровнем, естественной вариативности в рамках канона. Вариативность выступала созидающим фактором — хранительницей моделей традиционной художественности — от поэтических образов, структур-композиций до ритмических и словесных форм. Вари­ативность продуцировала новое в сфере эстетических подоби­ев, поддерживала систему установившихся норм, впаянных в пред­определенность быта. Она всегда являлась неопровержимым сви­детельством массовости приятий и распространенности явлений фольклора, выступала контролирующим критерием их подлин­ности.

В новых условиях этот критерий был «отозван». Параллельно происходила подмена классического научного термина «фоль­клор» двусоставным синонимом «советский фольклор» и трех­составным «советское народное творчество», не отвечавшими традиционными наименования предмета исследования. Практика отдавала первенство синонимам, несшим смысл обед­няющий и, как правило, политизированный. Реальность налага-

ла свою печать и на деятельность фольклористов Пушкинского Дома.

Было бы глубочайшим упрощением процесса развития науки, однако, толковать позитивный отклик многих ученых на доктринальные партийно-политические призывы лишь как явления социальной мимикрии. Общественный романтизм не миновал корпорацию ученых. Пафос устремленности к переделке мира на высших началах разума и справедливости был ей также присущ. Освещавшиеся теорией марксизма-ленинизма убеждения нередко гипнотизировали, подталкивали к опережению реальности искомыми фактами, которые должны были и могли быть созвучны реальным трудовым победам, особенно волновавшим молодежь. Говоря об истории гуманитарного знания советского периода, нельзя забывать, что в новых поколениях поселялась искренняя тяга к самоотверженному строительству социализма, действительная солидарность с тезисами энергично внушавшейся новой идеологии. Неудивительно в этой последней связи констатировать, что к «эталонному» государственному «корпусу» образцов «советского фольклора» — юбилейному сборнику 1937 г. «Творчество народов СССР», имевшему лишь фрагментарное отяжеление фольклором подлинным, — к монументальному тому, наполненному «новинами» мастеров фольклора, составленному с помощью писателей и партийных функционеров (главная редакция: А. М. Горький, Л. З. Мехлис, А. И. Стецкий), — примыкали сотни аналогичных публикаций, принадлежавших и рядовым, и правофланговым фольклористам. Они словно наперебой расписывались в праздничной «книге визитов» высокого начальства, демонстрируя лояльность политической поведения. Среди публикаций произведений о гражданской войне, ее героях, о первых лицах партии большевиков, о трудовых подвигах можно увидеть и вклад фольклористов, образовавших Отдел фольклора Института русской литературы. Драматично-переменчивое время сурово обошлось с подлинным фольклором 1920—1930-х гг. на общественные темы, имевшим различную идеологическую окраску, и оттого при оценке предвоенного развития фольклористики следующими поколениями пушкинодомских фольклористов этот факт торможения науки получит надлежащую оценку.¹⁷ О серьезности фактографических фольклорных утрат за эпохальную треть века — от революции до середины 1950-х гг. — будет точно сказано: «...даже о

¹⁷ См.: Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978; Горелов А. А. 1) Принцип историзма и некоторые проблемы изучения русского фольклора // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 250—262 (статья была написана в 1964 г.); 2) От редактора // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 3—4.

фольклоре XVI—XVII вв. <...> мы знаем гораздо больше, чем о фольклоре советского времени».¹⁸

Трудности становления новообразованного Отдела фольклора ИРЛИ АН СССР и трудности индивидуальных путей ученых на рубеже 1930—1940-х гг. во многом определялись попыткой политического руководства страны директивно пронизать все научное знание философией научного коммунизма. Методологические инъекции с помощью руководящих партийных постановлений осуществлялись вне зависимости от реальных потребностей обращаться к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (реже этот круг включал также имена Плеханова, Воровского, Ольминского, Луначарского, виднейших зарубежных марксистов — П. Лафарга, Р. Люксембург и др.), а также к сочинениям писателей, меченных знаковым эпитетом «пролетарский», к сочинениям ведущих критиков революционно-демократической плеяды. Овладение методологией исторического и диалектического материализма получало вследствие этого фразеологический, формализованный либо утилитарно-приспособленческий характер. На деле приложение марксистско-ленинских положений к ряду общественных наук могло иметь лишь отчетливо очерчиваемые границы. Как бесспорное проявление научного осмысления мира оно получало целесообразность и логическую оправданность в конкретных ситуациях (например, при оценках материалистической почвенности или содержания фольклора, рожденного социальной борьбой масс). Однако явная необоснованность марксистских идеологических трансплантаций в филологию, искусствознание, литературоведение и т. д. вплоть до истории в собственном смысле провоцировала бесплодные внутринаучные теоретизирования вокруг «неоевангельские» трактуемых цитат и отсылалась крушением человеческих судеб. В пооктябрьскую фольклористику вторгся вульгарный псевдосоциологический диктат. Его проявлением стали истребительные выходы в прошлое науки, когда в исследованиях добросовестных предшественников выискивалась концептуальная «буржуазность» (отсюда — превратные трактовки ряда работ представителей «исторической школы», компаративистов, безразборная популяризация утверждений об «антинародности» религиозного фольклора, осуждение чохом «аристократической теории» происхождения былевого эпоса и старших исторических песен и т. п.). Приторная эксплуатация сочинений классиков марксизма и оглядка на передовицы партийных газет присутствует и в некоторых работах старшей генерации фольклористов Пушкинского Дома. Но, ставя в связи с этим исторические факты

¹⁸ См.: *Емельянов Л. И.* Термин «советский фольклор» в 1930-е годы // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5. С. 223.

в нравственную плоскость, недопустимо закрывать глаза и на то, что фольклористика в 1930-е гг. испытала репрессивное давление государственного аппарата. В биографиях петербургских ученых (Д. К. Зеленина, В. Н. Перетца, В. Я. Проппа, К. А. Копержинского и др.) известны драматические страницы.¹⁹

Разумеется, далеко не все работы фольклористов конца 1930-х гг., даже шедшие по руслу политических требований эпохи, были продуктом ложного пафоса. Именно с этой поры у руководства СССР появляются стремления апеллировать в своих действиях к национальному чувству народов страны, и в том числе — русского народа. Зримые проявления этого — сокрушительная оценка партийной печатью либретто оперы «Богатыри» Д. Бедного (1936) и популяризация вышедшего на экраны героического фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), что имело резонанс во всей области культуры и гуманитарной науки.

Качественно новым поветрием общественного климата отделила одна из впечатляющих и внутренне назревших инициатив ленинградских академических фольклористов, о которой с середины 1938 г. станет говорить писатель А. Н. Толстой. В 1939 г. он добьется от правительства и Академии наук СССР разрешения на проектирование издания Свода фольклора народов СССР.²⁰ В организованную Академией наук группу пионеров издания, состоявшую из фольклористов Ленинграда и Москвы, войдут пушкинодомцы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус, член ленинградской писательской организации А. Н. Нечаев, москвичи-ученые Ю. М. Соколов, Э. В. Гофман (Померанцева), С. И. Минц, М. А. Рыбникова, поэт К. И. Чуковский. Будет ставиться вопрос о приглашении в редколлегия М. М. Пришвина.

Уже начнется выработка планов издания Свода русского фольклора — первой серии общесоюзного многонационального антологического Свода, русская часть которого должна была включать 38 томов, представляя сокровища основных жанров русской народной поэзии. А. Н. Толстой, утвержденный главным редактором издания, увидел в начинавшемся предприятии «чрезвычайно большую и трудную работу».²¹ Озабоченность ощущал и М. К. Азадовский. Его в 1940 г. тревожили и требовавшие об-

¹⁹ Ашинин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов» : 30-е годы. М., 1994. С. 262—275; Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 316.

²⁰ Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой: Жизнь и творчество : (Краткий очерк). М., 1960. С. 267; Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии... С. 270.

²¹ А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 5.

суждения «план, принципы издания», и «академический» лед, без ломки которого невозможно было «двинуться дальше».²²

Институт русской литературы с его Отделом русского фольклора был максимально заинтересован в академическом санкционировании и стимулировании работы, ложившейся в первую очередь на плечи его сотрудников. Необходимой акцией в этом направлении явилось московское совещание фольклористов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР 20 мая 1940 г., где выступил А. Н. Толстой, уже услышанный Совнаркомом СССР. Несмотря на то что проектировавшийся Свод ориентировался на тип издания избранных материалов, в котором между привлекаемыми фондовыми накоплениями и публикациями неминуемо должны бы возникать несоответствия и разногласия, Свод изначально мыслился как вежа в издании, а значит, и в изучении национального фольклора.

Все более или менее близкие к исполнению теоретические, исследовательские и текстологически-эдиционные программы Отдела фольклора Пушкинского Дома были порушены военным нападением Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., а там и начавшейся 8 сентября блокадой Ленинграда.

Ход Великой Отечественной войны заставил сотрудников Отдела русского фольклора ИРЛИ АН СССР менять научные планы, работать над актуальной оборонной тематикой, вынудил покинуть осажденный город, эвакуироваться под угрозой гибели от голода (1942).

Фольклористы Пушкинского Дома в суровую пору войны осуществляют ряд патриотических акций, создадут цикл научных работ, созвучных времени. Вскоре после начала военных действий появится примечательная брошюра А. М. Астаховой и В. А. Кравчинской «Защита Отечества в народном творчестве» (Л., 1941), Н. П. Андреев станет участником создания очерка «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» (М.; Л., 1941), в блокадных условиях выйдут: популяризовавший народнопесенное и книжно-поэтическое наследие объемистый песенник «Русские народные песни» Е. В. Гиппиуса (Л., 1943), индивидуальный сборник Н. П. Колпаковой «Частушки Ленинградского фронта» (Л., 1943), новый по характеру материала сборник смешанного фольклорно-литературного состава «Фронтной фольклор» (Сост. В. Ю. Крупянская, отв. ред. М. К. Азадовский. М., 1944). Ученые ИРЛИ выступают организаторами собирания произведений массового народного творчества всех видов периода Великой Отечественной войны, и в 1943 г. с их участием в Иркутске и Москве пройдут два всесоюзных совещания по проблемам сбора и изучения военного фолькло-

²² Из писем М. К. Азадовского (1919—1941). С. 265.

ра. Это создаст первые предпосылки для издания в перспективе обобщающих трудов, каким явится обширная коллективная монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (отв. ред В. Е. Гусев. М.; Л., 1964). Закреплением достижений предшествующих лет будет защита докторской диссертации А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины» (декабрь 1944 г.). Но в годы войны не стало А. И. Никифорова, Н. П. Андреева, З. В. Эвальд.

Подлинное развитие и размах деятельности *Отдела* народно-поэтического творчества (это нынешнее официальное название действительно с 1986 г., с 1945 г. он именовался *Сектор* народно-поэтического творчества) начинается в послевоенный период, когда научные исследования устремляются по магистральным линиям: история и источниковедение, историография и библиография русского фольклора; комплексное изучение современного фольклорного процесса России (для этого будет планироваться последовательность экспедиционных работ); фольклористическое архивоведение; многоаспектное текстологическое исследование фольклорных записей; история взаимоотношений русской литературы (и искусства) с народной культурой.

Тем не менее возобновившийся труд над трехтомником «Русский фольклор», переход к масштабным публикациям фольклорного наследия, завершение важнейшей монографии М. К. Азадовского «История русской фольклористики» оказались замороженными драматичными общественными событиями. Победное окончание Великой Отечественной войны порождает в руководстве страны опасения за морально-политическое единство народа. Как объяснит партийная историография, беспокойство было вызвано тем, что «...десятки миллионов людей проживали на территории, временно захваченной врагом. Миллионы людей были угнаны гитлеровцами в Германию. Много советских военнослужащих находилось в плену. Всех этих людей гитлеровцы подвергали усиленной идеологической обработке. Во время освободительного, антифашистского похода Советских войск на Запад часть Вооруженных Сил оказалась на территории капиталистических государств, и реакция пыталась различными способами повлиять на советских воинов». Из этих мнимо убедительных, если не сказать демагогических, соображений вытекали «в области идеологии и культуры» задачи «развернуть решительную борьбу с остатками буржуазных взглядов, нравов и обычаев, полностью преодолеть тлетворное влияние реакционной культуры империалистического Запада, сделать всех советских граждан сознательными патриотами...».²³ Форсированно

²³ История Коммунистической партии Советского Союза. 2-е доп. изд. М., 1962. С. 618, 607—608.

принятые в 1946–1948 гг. постановления по идеологическим вопросам, проведенные в 1947–1948 гг. дискуссии по вопросам философии, биологии, в 1950 г. — по вопросам физиологии, языкознания, в 1951 г. — по проблемам политической экономии обостряют идеологический надзор за сферой науки. На этих дрожжах поднялись обвинения ученых в низкопоклонстве перед буржуазным Западом. Впервые мелькнувшие в устах И. В. Сталина на встречах с писателями в августе 1946 и в мае 1947 гг.²⁴ слова о борьбе с антипатриотами приведут в 1948—1949 гг. к кампании дискредитации научных и литературных кадров, ошельмованных кличкой «носители буржуазного космополитизма». В число облыжно подвергнутых гонениям ленинградских филологов попал и М. К. Азадовский. Ему пришлось, оставляя не доведенными до конца академические замыслы (выпуск незавершенной двухтомной «Истории русской фольклористики» состоится посмертно — в 1958—1963 гг., отпадут редактирование коллективной монографии «Русский фольклор», 8-го выпуска сборника «Советский фольклор», перейдет в другие руки новое издание «Древних российских стихотворений, собранных Киришей Даниловым» и т. д.), покинуть Пушкинский Дом и Ленинградский университет, где одновременно была ликвидирована (из патриотических соображений?!) кафедра фольклора.

Характерно для общей ситуации в фольклористике вынужденное появление в этот момент составленного сотрудниками ИРЛИ юбилейного сборника «Образ И. В. Сталина в поэзии народов СССР» (Л., 1949 — авторы В. Д. Кравчинская, М. Я. Парижская (Мельц), Г. Г. Шаповалова, П. Г. Ширяева) и создание одного из самых одиозных памятников времени «Очерки русского народнопоэтического творчества Советской эпохи»,²⁵ где все рассмотрение народной поэзии шло в ключе тезисов: «Советское народное творчество как одно из звеньев социалистической культуры — надстройки, порожденной новым экономическим строем, — представляет, следовательно, совершенно новое качественное явление»; «...оно не укладывается в привычное понятие фольклора», а значит, «было бы глубочайшей ошибкой переносить на художественное творчество народов СССР, или <...> на советский фольклор все те определения „фольклорности“, которые отстоялись и закрепились в результате анализа и изучения народнопоэтического творчества дооктябрьского времени...».²⁶ В «Очерках» стирался водораздел между стихийно

²⁴ Громов Е. С. Сталин : Власть и искусство. М., 1998. С. 386—387, 401—402.

²⁵ Очерки русского народнопоэтического творчества Советской эпохи / Ред. А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, И. П. Дмитраков. М.; Л., 1952.

²⁶ Там же. С. 11.

живущим фольклором прошлого и массовым «самодеятельным», литературно ориентированным искусством, регулируемым и направляемым партийным руководством; снималась грань между фольклором и литературой: все было подчинено фикции всеохватывающего служения народного творчества якобы бурно движущемуся коммунистическому прогрессу.

В книге, естественно, не могло быть ни выхода к свидетельствам народной поэзии о трудностях русской пооктябрьской жизни, ни объяснения таких явлений, о которых пели частушки:

Вот и кончилась война —
Я осталась одна:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик!

Ты война, война, война,
Ты меня обидела:
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела!..

Я работала в колхозе —
Заработала пятак.
Я одну дыру закрою,
А другая будет так.²⁷

Концепция труда обрекала на отказ от изучения собственно фольклорного искусства — документа самопроявления народного мировоззрения. За этим подходом к действительности не было будущего, как и за той лакировочной словесностью, которая под псевдонимом «литературы социалистического реализма» отрекалась от изображения сложной правды сложного мира. Но подходы к фольклору в монографии были всего лишь вариацией идеологического канона, обнародованного в 1949 г. на страницах журнала «Советская этнография» (№ 4), где В. И. Чичеров «сверстал» «Материалы к истории советского фольклора».

Обновление Сектора народнопоэтического творчества состоялось со сменой мало подходившего на роль заведующего Сектора И. П. Дмитракова крупным ученым, филологом-древником профессором М. О. Скрипилем (1954—1957). Уже летом 1955 г. при ленинградском фольклористическом обсуждении в Секторе хрестоматии МГУ «Устное поэтическое творчество русского народа» (сост. С. И. Василенок и В. М. Сидельников. М., 1954) взгля-

²⁷ Русская народная поэзия. Лирическая поэзия / Сост. А. Горелов. Л., 1984. № 1041, 1033; Частушки в записях советского времени : [Север и Северо-Запад] / Изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965. № 7517 (вариант).

ды авторов учебного пособия, следовавших за В. И. Чичеровым, подверглись солидарной критике. В хрестоматии обнаружались и другие недостатки, присущие советской фольклористике. Во-первых, вульгарная историко-генетическая «паспортизация» фольклора создавала жесткую безмотивную привязку явлений народного творчества к общественно-экономическим формациям, распределению по социально-политическим периодам, в которые материал устной поэзии отнюдь не вмещался. Во-вторых, изумляло пренебрежение эстетическим критерием. В-третьих, наблюдалось уравнивание фольклорных и литературных материалов. Обсуждение хрестоматии было знаменем менявшегося времени. В атмосфере дискуссии начинало вершиться преодоление догматики научного мышления и социологического празднословия. Критика, обращенная на составителей хрестоматии, нередко оборачивалась при этом и самокритикой. В ходе дискуссии были заявлены поиски путей перехода к построению истории фольклора как истории его жанров, судьбой которых далеко не всегда распоряжались факторы, выступающие на первый план при социальной периодизации. Наглядно выявлялось, что история жанров фольклора в свою очередь обладает специфичностью, а их развитие не подразумевает тождества стадий эволюции.

Ревизии принципов внешнего историзма, утверждавшихся хрестоматией МГУ, предшествовало организованное в 1953 г. совместно ИРЛИ и ИМЛИ на площадке Пушкинского Дома Всесоюзное совещание, посвященное термину «советский фольклор», его понятийному содержанию и толкованиям. Определение предмета исследований способствовало суверенизации фольклористики как науки.

Показательно, что в аудиториях, где шли споры о современном фольклоре и о специфике предмета науки, стало весомо обозначаться присутствие новой генерации фольклористов. Независимо мыслящему поколению, первоначально обвиненному в «нигилизме», предстояло вносить поправки в гражданский и научный кодексы исследовательского поведения. Несмотря на все давление «самоуверенно-невежественного руководства партии» (А. Фадеев)²⁸ на науку, культуру, пошло медленное возвращение фольклористики на материк подлинного фольклора, началось трудное, но неуклонное возрождение классических методик исследования народной поэзии с внедрением элементов здорового компаративизма, структурного анализа, аналитики знаковых поэтических систем, восстановление принципов строгого историко-генетического исследования семантически многослойной

²⁸ Из письма А. А. Фадеева в ЦК КПСС 13 мая 1956 года // Россия, которую мы не знали : 1939—1993 : Хрестоматия / Под ред. проф. М. Е. Главацкого. Челябинск, 1995. С. 314.

фактуры жанров, циклов, вариантов произведений, с гибким учетом диалектологии фольклора как культуры. Пересмотр взглядов и концепций, прижившихся в фольклористике с 1930-х гг., совершался в 1950-е гг. (с решительным ускорением в годы ликвидации культа И. В. Сталина) в Пушкинском Доме фронтально, а дискуссии о современном народном творчестве и его слагаемых протекали на фоне углубившегося исследовательского интереса к фольклорной классике, к осязаемым процессам изменений в былинах и исторических песнях в первую очередь.

1953—1956 гг. памяты фольклористам Пушкинского Дома как время появления трехтомного историографического труда «Русское народное поэтическое творчество», который содержал попытку целостного освещения истории жанров русского фольклора в их движении сквозь время, привнесившее в жанры особый отпечаток «редактирующих» обстоятельств более поздних эпох. Книги коллективной монографии несли эхо текущих споров. Сторонники акцента на выявлении «передового народного творчества» встретили неожиданно упорное требование оппонированных ученых рассматривать народное творчество как таковое — во всем его фольклорном объеме, не прибегая к субъективистским, сомнительным операциям «селекции», хотя бы и с «опорой» на классиков марксизма, исключить априорность теоретических подходов. В труде предстали значительные исследования больших объемов материала, принадлежавшие видным специалистам. Например, разделы о народном творчестве X—XIII вв. написал Д. С. Лихачев, о творчестве XIII—XV вв. — М. О. Скрипиль, XVI—XVII вв. — Б. Н. Путилов. Учет форм, анализ активного бытования древнего фольклора в перепетиях XVIII—XX вв., несмотря на его неполноту, был осуществлен с достаточно убедительной трактовкой влияния учтенных социально-исторических факторов на искусство. Возникли необходимые очерки жанровых субкультур в их эволюции, нашедшие далее серьезные продолжения (для Б. М. Путилова и Э. С. Литвин — по историческим песням, для К. В. Чистова — по причитаниям, для Е. А. Тудоровской — по сказке). Освещение судеб жанров в труде не избежало ни натяжек, ни упрощенно-поверхностных прочтений памятников старинного народного творчества. Остались нерешенными — по условиям времени — и проблемы истории фольклора, возникшего в советскую эпоху. К ним фольклористике пришлось идти синхронно с «расконсервировавшими» истину о состоянии советского общества русскими писателями: с Шолоховым — автором 2-й книги «Поднятой целины», с «деревенщиками» А. Яшиным, В. Тендряковым, Ф. Абрамовым, Е. Дорощем, В. Беловым и др.

Появление историографически-обзорного трехтомника выявило очевидность: создание истории жанров фольклора, при всей

ее гипотетичности, нуждается в гораздо более фундаментальных базовых ресурсах. Необходимо ускорение ввода в активный исследовательский обиход вековых накоплений материала, за что ратовал еще А. Н. Толстой. И фольклористы Пушкинского Дома вновь возвращаются к идее создания монументальной библиотеки национального устного творчества — Свода русского фольклора.

В 1956 г. по инициативе и под редакцией М. О. Скрипиля был выпущен пробный проспект шести серий Свода русского фольклора,²⁹ разделы которого были написаны коллективом сотрудников Сектора народнопоэтического творчества — А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой, А. Н. Лозановой, Н. В. Новиковым, Б. Н. Путиловым, П. Г. Ширяевой и внештатным участником работы К. В. Чистовым. Проспект, составленный по жанровому принципу организации материала, имел разделы: «Былины», «Исторические песни», «Сказки», «Лирические песни», «Причитания», «Рабочий фольклор», — т. е. не охватывал жанрового объема народной поэзии. Авторы сознавали, что и в предъявленных разделах принципы организации материала еще не определены. Проспект как бы демонстрировал противоречия богатейшего фонда записей, собраний, публикаций, где не было единства, сквозной однородности композиционных структур. Наука располагала «сырьем» для создания фольклорных жанровых серий. Многое требовалось впервые учесть, разыскать, критически оценить, вырабатывая наиболее продуктивный вариант генеральной организации серий Свода. Сектор народнопоэтического творчества Института русской литературы организовал два всесоюзных совещания — в Свердловске и Ленинграде 9—11 и 21—23 мая 1956 г. Кипение полемики, страстные обсуждения программы издания, способов комплектования серий, детализирующие работу подсказки подчеркивали общее желание скорее включиться в создание национальной библиотеки фольклора. Почти сто участников совещаний, прибывших из далеко отстоящих географических точек СССР, выработали постановление, которое одобряло идею и задачи Свода русского фольклора, высказывало пожелание выпустить примерно через год новую редакцию проспекта.³⁰

После совещаний в Институте русской литературы предпринимается издание новой академической серии «Памятники русского фольклора», начинается серьезная текстологическая

²⁹ Свод русского фольклора : Проспект / Ред. М. О. Скрипиль. Л., 1956.

³⁰ См.: Новиков Н. В. «Свод русского фольклора» // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 317—324; Добровольский Б. М. О межобластном совещании в Свердловске по обсуждению «Свода русского фольклора» // Там же. С. 325—326.

подготовка разнотипных, отмеченных поисковым характером проб, фундаментальных жанровых антологий и коллекционных публикаций русского народного творчества, предваряющих издание Свода.

Неожиданная кончина М. О. Скрипиля не позволила выдающемуся ученому-организатору довести до окончательной результативности, до желанного воплощения идею создания Свода русского фольклора.

Краткая, но замечательная деятельность М. О. Скрипиля на посту заведующего Сектором народнопоэтического творчества способствовала единению сил фольклористов вокруг больших задач. Нацеленность на выпуск Сектором «Памятников русского фольклора» как предварения Свода дала блестящий научный результат. Первый выпущенный том «Памятников» — «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (М.; Л., 1960; М. О. Скрипиль выступал здесь соавтором А. М. Астаховой и В. В. Митрофановой) — стал образцом публикаций фольклорной классики. Настойчивость М. О. Скрипиля в удовлетворении осознанных потребностей фольклористики позволила начать в 1956 г. выпуск ежегодника «Русский фольклор» (первая редколлегия: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, М. О. Скрипиль; название было предложено В. Я. Проппом), ставшего одним из важнейших двигателей отечественного народознания. На страницах ежегодника сразу начинают публиковаться материалы и исследования по истории, теории, поэтике народной поэзии, по истории науки, помещаются обзоры книг фольклористов и рецензии на фольклорные издания, подборки хроникальных известий о научной жизни учреждений, где бьется пульс фольклористики, особые подборки сведений об экспедиционно-полевой работе, данные архивоведческого порядка, тематические и персональные библиографии, очерки-портреты деятелей науки. В «Русском фольклоре» станут печататься разнопрофильные этюды фольклористического, музыкологического, этнографического, лингвистического содержания. Здесь будут кристаллизоваться концепции книг, диссертаций и целых направлений движения науки, получать первую апробацию вдохновенные и вдохновляющие разыскания, принадлежащие именитым ученым, и первые «пробы голоса» молодежи, только-только определяющей в фольклорной специализации, статьи-открытия и статьи-заблуждения. Ежегодник станет пестроцветным, свободным в выборе материалов и аргументов. Отдельные тома будут выдерживать строгую тематическую однонаправленность, но чаще — разнообразие, широкаяхватность публикаций. От монотонности издание избавит соседство актуальных статей неожиданного, новаторского содержания, информации о новых находках, полемических выступлениях. Интерес к «Русскому фольклору» возникнет сразу

и превратит его в один из авторитетных органов отечественной и мировой фольклористики.³¹

Из последних организационных акций М. О. Скрипиля нельзя не выделить его редакторский подбор статей для специального, IV выпуска сборника «Вопросы советской литературы» (1956), имевшего тематический подзаголовок «Фольклор в русской советской литературе» (редколлегия: А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, М. О. Скрипиль, В. В. Тимофеева). Издание отвечало запросам и литературоведения, и фольклористики, определяя одну из важных будущих исследовательских линий работы Сектора. Образцовым музыкально-поэтическим изданием явился том «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях» (сост. Б. М. Добровольский, А. Д. Соймонов. М.; Л., 1956), вышедший под редакцией великолепного знатока материала филолога А. Н. Лозановой и талантливейшего музыковеда Ф. В. Соколова.

Преемник М. О. Скрипиля на посту заведующего Сектором (1957—1967) Б. Н. Путилов, принимая научную эстафету еще при жизни старшего коллеги, ряд лет сотрудничал с ним в основных трудах Сектора, а далее проявил разумную последовательность и дальновидность, продолжив серьезнейшие коллективные начинания, весомо укрепляя авторитет своего подразделения целым циклом фундаментальных публикаций. Известный прежде как автор двух сборников записей казачьих исторических песен (Песни гребенских казаков. Грозный, 1946; Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948) и исследователь историко-песенной эпики русского Кавказа, Путилов подвинул Сектор на осуществление программы антологического, но максимально приближенного к сводному типу издания общерусских исторических песен. В 1960 г. выходят одновременно монография Б. Н. Путилова «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.» (защищена как докторская диссертация) и обширный (составлен Б. Н. Путиловым совместно с музыковедом Б. М. Добровольским) том «Исторические песни XIII—XVI вв.». Появление этих книг вооружало новым опытом исследователей, работавших с материалами сводного типа: 1) книги осуществляли учет и пересмотр публикаций жанра за весь период XIX—XX столетий, заново оценивали уровень записей старшего периода — XVII—XVIII вв., серьезно пополняли фонд вводимых в науку затерянных текстов; 2) вводили обновленную сюжетно-содержательную классификацию материала; 3) учитывали

³¹ См. сводные указатели содержания ежегодника в следующих его выпусках: Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 344—355; Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 212—223; Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 528—546.

предшествующую литературу вопроса; 4) дополняли тексты историческим комментарием и интерпретациями, пересматривая и отсеивая устаревшие суждения, застывшие на стадии исследований В. Ф. Миллера и С. К. Шамбинаго (сдвиг особенно явствен в монографии Б. Н. Путилова, прежде всего — по эпохе Ивана Грозного); 5) свидетельствовали о нерасторжимости словесно-музыкальной художественной ткани песен; 6) адресовались подготовленными текстами и к массовому, и к ученому читателю.

Книги возникли в атмосфере повышенного интереса к старшей русской исторической песне и вовлекли в ее изучение исследователей фольклора разных поколений, существенно расширив плацдарм коллективного обсуждения исторических и текстологических проблем. Об этом свидетельствовали публикации острых, принципиальных статей, где соседствовали «Некоторые вопросы генезиса исторической песни» Л. И. Емельянова (Историко-литературный сб. М.; Л., 1957), «Песня о гневе Грозного на сына» В. Я. Проппа (Вестник ЛГУ. 1958. № 14), «Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова: (Пolemические заметки)» А. А. Горелова (Русский фольклор. М.; Л., 1961. Т. 6), «Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой» О. Б. Алексеевой (Там же), «Историко-бытовые черты в песнях Разинского цикла» Л. С. Шептаева (Там же) и др. Несмотря на то что частные несогласия разводили авторов упомянутых исследований, а жанровая однокачественность исторических песен была справедливо поставлена под сомнение,³² все они честно работали на постижение природы исторического фольклора. Недаром упомянутые книги получают в относительно короткой перспективе фактографические продолжения, подхватывавшие те же структурные принципы (гнезда сюжетов-версий, откликнувшихся вольными сюжетными композициями на события реальной русской истории и на деятельность исторических лиц) — новые тома серии «Памятники»: «Исторические песни XVII века» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966); «Исторические песни XVIII века» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971); «Исторические песни XIX века» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. В. Домановский, Э. С. Литвин. Л., 1973).

Индивидуальности сотрудников Сектора находят близкие их исследовательским тяготениям и эрудиции возможности самораскрытия при создании продолженных трудов

³² См. в этой связи критические замечания В. Я. Проппа, приветствовавшего выход двух упомянутых книг, в его рецензии: *Пропп В. Я.* Проблемы исторической песни // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 207—209.

серии «Памятники русского фольклора». Так возникают: «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ.» (подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960), «Былины Печоры и Зимнего Берега : Новые записи» (изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961), «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961), «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков» (изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961), «Песни Печоры» (изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963), «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» (изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964), «Частушки в записях советского времени : [Север. Северо-Запад]» (изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965), «Песенный фольклор Мезени» (изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967), «Загадки» (изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968). Вышли без грифа серии, но фактически к ней принадлежали «Песни, записанные в Куйбышевской области» (сост. Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова; Вступ. статья Н. П. Колпаковой; Муз. ред. Ф. В. Соколов. М.; Л., 1959), «Русские сказки в записях и публикациях 1-й половины XIX века» (сост., вступ. статья, коммент. Н. В. Новикова. М.; Л., 1961), «Русская народнобытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова, А. П. Разумовой» (вступ. статья, коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962).

Рядом возникли весьма значительные научно-популярные публикации классического фольклора в «Библиотеке поэта» (былинные и историко-песенные сборники), в издательстве «Художественная литература», в «Литературных памятниках». Из них наиболее весомыми были: подготовленное по заново прочитанной рукописи оригинала XVIII в. совместно Б. Н. Путиловым и А. П. Евгеньевой издание «Сборник Кирши Данилова» (М.; Л., 1958); «Былины» (1–2 т.) (совм. подгот. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958), «Илья Муромец» (подгот. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958).

Как правило, всем этим книгам предстояла долгая жизнь в культуре и науке, но за иными из них усматривалось и незаурядное общественное значение. Так, составители сборника «Частушки в записях советского времени» пытались показать высокой общественное звучание любимого фольклорного жанра русской деревни, глубоко передающего ее духовный мир, а потому предельно сузили круг «самодеятельных» частушек (чуть более 50 на 8230 текстов). Содержание сборника, лишь незначи-

тельно пострадавшего от вмешательства «Ленгорлита», послужило материалом для одного из сильнейших публицистических выступлений «Нового мира» А. Т. Твардовского о судьбах русской сельщины в XX столетии.³³ Ю. Казаков напишет составителям: «Наша фольклористика за последние 20—30 лет <...> себя дискредитировала всевозможными „современностями“. Из былин сделали вообще Бог знает что! Очень радостно мне было поэтому познакомиться с Вашей книгой — достаточно объективной и очень интересной по материалу».³⁴

Для общей ситуации 1960-х гг. было, однако, показательным, что выпуск Сектором книги частушек, ответственным редактором которой был заведующий, не повлиял на решимость части сотрудников Сектора выпустить пережиточно-ортодоксальную антологию «Русский советский фольклор» (сост., примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой. Л., 1967), где по-прежнему торжествовала смесь литературно-самодельных подделок и произведений фольклорного творчества. Если в предисловии к книге «Частушки в записях советского времени» отстаивалось тождество устной «неписаной» истории народных масс советской эпохи, воплотившейся в разлитом море лирических миниатюр и творчестве лучших писателей той же эпохи (М. Шолохов, А. Твардовский, С. Залыгин, А. Солженицын и др.), то извинительные и уклончивые формулировки автора «Предисловия» к книге «Русский советский фольклор» Б. Н. Путилова охраняли право авторов нового сборника на половинчатость и осторожность решений из опасений закрыть дорогу «различного рода смежным, промежуточным и переходным явлениям», «сузить картину современных процессов в фольклоре, представить их односторонне, пройти мимо заметных и интересных явлений народнопоэтической культуры», даже при понимании того, что последние «не всегда отвечают всем принципам фольклорности». Настойчиво внедрялся тезис, что «границы между фольклорными и нефольклорными явлениями нередко начинают размываться; возникают произведения промежуточного, переходного типа; появляются и живут в народном творчестве такие художественные явления, природу которых

³³ Буртин Ю. О частушках // Новый мир. 1968. № 1. Этот отклик, как и ряд других печатных реплик на труды ИРЛИ, не учтен в кн.: Пушкинский Дом : Библиография трудов / Сост. А. К. Михайлова. Л., 1981. Между тем он был назван «самой знаменитой новомирской статьей» выдающегося публициста-социолога Ю. Г. Буртина (*Биуль-Зедгинидзе Н.* Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского (1958—1970 гг.). М., 1996. С. 136).

³⁴ Письмо Ю. Казакова А. А. Горелову от 29.11.1965 г. (Из личного архива А. А. Горелова).

<...> нельзя еще ясно определить».³⁵ Автор очерка «Советский фольклор» Л. Домановский твердо настаивал на том, что советский фольклор — это культурная продукция, обслуживающая духовную жизнь масс без различия ее официальных и личностных проявлений. Суждение о роли фольклора советской эпохи он заканчивал энергичским трафаретом: «Русский советский фольклор <...> вошел в историю Советского государства. На всех этапах его развития произведения советского фольклора помогали советским людям в труде и борьбе, поддерживали энергию и энтузиазм строителей нового общества. Они являлись могучим средством мобилизации масс, их воспитания в духе коммунизма».³⁶ Многосложность истории пореволюционной России, отраженная в реальном фольклоре, начисто отметалась.

Неудивительно, что в Секторе народнопоэтического творчества в послесталинское время возникла перманентная дискутабельность, связанная с разным отношением разных специалистов к объему термина и самому термину «народная поэзия советского периода». Со стороны представителей старшего поколения сотрудников, наученных опытом идеологического подчинения (оно никуда еще не уходило, то и дело отзываясь в науке, литературе), выражалось настойчивое пожелание, чтобы участники экспедиций активнее пополняли записи материалом современным, который отвечал бы теоретическим постулатам об «изменении художественного метода в советском фольклоре», к коему безуспешно применять «традиционную фольклористическую методологию».³⁷ Расхождения во взглядах вели к тому, что на экспедиционных отчетах подвергалась сомнению даже полевая фактография, если экспедиции не носили специализированно-поискового характера, не преследовали нацеленности на конкретные формы фольклора.

Выглядело это по меньшей мере двусмысленно, но так было. Пожалуй, не стоит подвергать забвению один типичный для тогдашней жизни Сектора эпизод, относящийся к началу 1960-х гг.

В органе Бюро ЦК КПСС по РСФСР газете «Сельская жизнь» появилось коллективно подписанное резко критическое письмо «Поют ли частушки в Нежитине? По поводу одной „ученой“ статьи» (Сельская жизнь. 1964. № 9. 11 янв.), направленное против кандидата филологических наук Л. И. Емельянова, а точнее, его аналитического отчета об экспедиции 1959 г. в с. Нежитино Макарьевского р-на Костромской области, — отчета, опубликованного в шестом томе «Русского фольклора» за 1961 г.

³⁵ Путилов Б. Н. Предисловие // Русский советский фольклор : Антология. Л., 1967. С. 4, 3.

³⁶ Русский советский фольклор. С. 39.

³⁷ Там же. С. 12.

На суровое выступление «Сельскую жизнь» подтолкнуло столь же негативное коллективное письмо об отчете, появившееся в Костромской областной газете (*Галунина А., Ванин Н., Тихомиров К. Две правды о колхозе Нежитине // Северная правда. 1963. № 129. 2 июня*), о котором Сектор не знал и на который не реагировал, хотя адресная критика, прозвучавшая в партийной печати, требовала обязательных покаяний. Второе выступление побуждало администрацию ИРЛИ к «оргвыводам», и Сектор в удручающем молчании собрался на обсуждение неожиданно негативных откликов «общественности» на «ошибочную», если не «порочную» статью. По мнению Л. И. Емельянова, в среде преимущественно пожилого населения доминировало пристрастие к религиозному фольклору, старая традиция находилась на «низком уровне», а новые формы народного творчества не имели сколько-нибудь яркого и массового воплощения, ввиду чего информировать своих читателей о жалких «положительных фактах» младший научный сотрудник не посчитал надобным. Уже на предварявшем собрание Сектора заседании Ученого совета была брошена настораживающая реплика о необходимости ученым-фольклористам не мазать действительность черной краской, прислушиваться к печати, справедливо осуждающей скороспелые «туристические» попытки наделить наших современников-колхозников (советских людей!) «всех от мала до велика религиозной фанатичностью». Положение участников секторского обсуждения осложнялось тем, что в Нежитине из общего состава сотрудников Сектора побывал лишь музыковед В. В. Коргузалов, а руководитель экспедиции В. Е. Гусев и иные ее участники вели записи фольклора на других маршрутах.

Неловкость испытали дирекция и заместитель директора чл.-кор. В. Г. Базанов, курировавший деятельность Сектора народнопоэтического творчества. Щекотливо было положение Б. Н. Путилова как заведующего Сектором, которому полагалось сочинить ответ в высокую газету, по возможности соблюдая честь фольклориста (он понимал: Л. И. Емельянов написал в отчете о Нежитине то, что увидел) и вместе с тем не давая поводов для «оргвыводов» ни против своего научного подразделения, ни лично против себя: перед партийной печатью полагалось держать голову «поклонно».

Уже началось заседание, и старшие коллеги достаточно увещающе и устыжающе покритиковали оплошавшего кандидата наук, который вместо покаяния с упорством «правдоискателя» отстаивал фактическую достоверность того, о чем рассказал в «Русском фольклоре». Он отверг методичку выискивания «ростков нового» там, где мировоззрение сограждан определяли пристрастие к религиозному фольклору и пережитки-поверья, «низшая мифология». Никто еще не предвидел, что на неведомом закате XX в.

«рудиментам архаики» предстояло показать катастрофическую силу общественной влияния, а «пережиточным» культурным формам — доказать явственную косность народного (в том числе социального) миропонимания. На пресловутом заседании Сектора В. В. Коргузалов признал, что поисками нового фольклора они с Емельяновым занимались мало, ибо колхозная молодежь находилась почти вся на лесозаготовках. Провинившийся собиратель был поддержан в выступлениях О. Б. Алексеевой, З. И. Власовой, П. Г. Ширяевой, будущего академика, а тогда младшего сотрудника Отдела древнерусской литературы А. М. Панченко, недавно наблюдавшего религиозные шествия-оползания озера Светлояра. Невозможно было, однако, отдать безусловное предпочтение одной из дискутирующих сторон.

Нужен был третейский судья из костромской среды. И он нашлся — в газетном зале Публичной библиотеки.

Автор настоящей статьи предложил заседанию прослушать выдержки из низовой газетной партийной печати Макарьевогo района за 1957—1958 гг., которая, как обнаружилось, уделяла немало внимания общественной и культурной жизни села Нежитина. Оказалось, что Л. И. Емельянов имел в ней союзников еще до того, как приехал в костромское село записывать фольклор, а критическое выступление газеты «Знамя труда» за 1959 г., когда ленинградский фольклорист находился в Нежитине, касалось гораздо более значительного числа фактов живучести религиозных пережитков. Отсутствие надлежащей атеистической пропаганды, должной «вырвать часть молодежи из-под влияния церковников и верующих бабушек», прямо ставилось в вину некоторым из облученных административными «эполетами» нежитинцев, подписавших статью «Поют ли частушки в Нежитине?». Выходило, что и «Сельская жизнь», и «Северная правда» требовали к ответу фольклориста Емельянова совершенно напрасно. По итогам заседания в центральные газеты ушло облегчившее душу заведующего Сектором народнопоэтического творчества Б. Н. Путилова послание, снимавшее с молодого сотрудника беспочвенные обвинения.

Внутрисекторское обсуждение проблемы экспедиционной работы убеждало, что в частных противостояниях старшего и младшего поколений фольклористов истина не всегда находилась на стороне маститых ученых, даже если их точку зрения отстаивали такие многоискусные полемисты, как В. Е. Гусев, методологически безупречно священнодействовавший в Секторе работами «Марксизм и русская фольклористика конца XIX—начала XX века» (М.; Л., 1961)³⁸ и «Эстетика фольклора» (Л., 1967).

³⁸ Эта книга составила основу успешно защищенной диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, о которой В. Я. Пропп,

Поисковый диспут безоглядного поколения с более осторожным продолжался практически во всех печатных изданиях, где обсуждались вопросы статуса и эволюции современного народного творчества и где определялись очертания фольклора как предмета специализированного научного знания — того предмета, который изучали В. Ф. Миллер и А. А. Шахматов, А. С. Марков и А. Д. Григорьев, а позже А. М. Астахова, Н. П. Колпакова 1920-х гг. Копья ломались на страницах «Русского фольклора» и «Русской литературы», в сборнике «Фольклор и художественная самодеятельность» (отв. ред. Н. В. Новиков. Л., 1968), пронизывали тезисы сборника «Современное состояние народного творчества» (Л., 1970). Сближены с этой тематикой были в Секторе проблемные исследования рабочего фольклора — «межевой» культуры, вставшей на водоразделе между фольклором и литературой — сборник «Устная поэзия рабочих России» (отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1965), монография О. Б. Алексеевой «Устная поэзия русских рабочих : Дореволюционный период» (Л., 1971).

В теоретическом ряду в связи с работами Сектора в области подготовки серии «Памятники русского фольклора» находился актуальный по всем своим компонентам — от анализа сказительского искусства былинщиков или бескомпромиссной оценки публикаций сказок, загадок, рабочего фольклора, лирических песен до установления приемлемых терминологических стандартов в обиходе текстологии — сборник «Принципы текстологического изучения фольклора» (отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л., 1966).

Сектор народнопоэтического творчества в 1960-е гг. дал жизнь целой череде замечательных, сразу ставших общеизвестными индивидуальных монографий, посвященных истории жанров русского и славянского фольклора, историографии.

1962 г. стал временем появления книги А. М. Астаховой «Народные сказки о богатырях русского эпоса», собравшей воедино данные о влияниях русских устных источников из круга богатырских сказаний, песен на эпическую прозу других народов.

Вышла книга Н. П. Колпаковой «Русская народная бытовая песня» — результат сорокалетних исследовательских раздумий

размышляя, скептически, записал: «Я его (В. Е. Гусева. — *А. Г.*) очень люблю. Но его диссертация — не исследование, а характеристика. Собственно, доктора за нее давать нельзя. Но слабые работы — знамение времени. Падение науки» (Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 298). Как говорится, «Платон мне друг, но истина дороже». Были на сей счет и иные мнения (см.: *Мельц М. Я.* Виктор Евгеньевич Гусев как фольклорист : (Юбилей ученого) // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 213—216).

над жанровой природой и классификацией крестьянской песенности. Оказавшись перед лицом огромного фонда записей и публикаций, автор книги опасалась раствориться в материале. Согласно верным оценкам В. Я. Проппа и В. И. Ереминой, задача, которую решала изумительно знавшая лирику Н. П. Колпакова, привела ее на путь, как будто бы создавший защиту перед лицом множественности вариантов, но практически спорный. Сжав понятие народной лирики до круга личностных песен, выделив их в особую группу бытовой поэзии, Колпакова произвольно ограничила «степь широкую» устной лирики.³⁹ Группировка произведений создала «равносильность» разрядов заклинательных, величальных, игровых, лирических песен, что сопровождалось обеднением групп — их отрывом от животворящей основы. Тем не менее искусствоведческое распределение материала как большой научный эксперимент явилось оригинальным опытом, обаявшим последующих исследователей считаться с особой трактовкой песенной культуры.

В 1965 г. написал книгу «Славянская историческая баллада» Б. Н. Путилов. Для ученого это стало «формулой» вхождения в пространство славянского песенного сотворчества, с обилием в нем сюжетных аналогов, типологических соответствий русскому материалу, и отныне Путилов будет расширять и пополнять свои историко-песенные наблюдения, что сформирует в нем крупного знатока-историка совокупного славянского эпоса.

А. М. Астахова выпустила в 1966 г. ныне настольную книгу былиноведов «Былины : Итоги и проблемы изучения», предложив энциклопедически-объективное рассмотрение былевого эпоса — его классификации, генезиса, эволюции, содержания и стиля, фазисов собирания, публикации и нередко — изучения, а также обзорное его судеб на документально оснащенном отрезке истории XVII—XX вв. В монографии были конкретно выявлены дискуссионные и слабые пункты в позициях исследователей-былиноведов, содержались не устаревшие и по сей час призывы к обоснованию либо отвержению утвердившихся тезисов путем проверки системы доказательств предшественников добавочными разысканиями.

Как раз разысканиями и обновленными прочтениями историко-фольклорных материалов и источников классического труда П. В. Киреевского была насыщена докторская монография А. Д. Соймонова «П. В. Киреевский и его собрание народных песен» (Л., 1971). Воскрешая и уточняя историю создания великой серии русской песенности XIX ст., автор книги своим открытием,

³⁹ Еремина В. И. Классификация народной лирической песни в советской фольклористике // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 17. С. 110—112.

прочтением одновременно заложил основу необходимого нового издания классической коллекции.⁴⁰

Неотделимость литературы от народной поэзии, очевидная в области собирания и публикации памятников народного творчества, о которой писал А. Д. Соймонов, предписывает литературоведению исследование литературного процесса, изучение биографий мастеров слова в аспекте контактов с фольклором, и в Пушкинском Доме с неизбежностью возникла «параллельная» — фольклорная история литературы, давшая 4 книги очерков «Русская литература и фольклор» (1970—1982), посвященных рассмотрению многоэтапной эволюции русской словесности под углом зрения взаимоотношений со стихией устной речи. Сектор народнопоэтического творчества принял участие в создании этого труда, его сотрудниками написано около половины глав, со 2-го тома издание было отдано под организационную опеку и ответственность Сектора.

Значимым участком работы в ИРЛИ с 1950-х гг. стало библиографическое обеспечение трудов по фольклористической русистике. Из картотеки, которую создавала информатор-библиограф М. Я. Мельц, вкладывая в дело душу, возникает в 1961 г. справочное пособие «Русский фольклор». Его тома, будучи посвящены сперва только регистрации текущих публикаций, затем начинают фиксировать и литературу периодов, которые не имели соответствующих библиографических справочников. Исподволь возникла (ныне уже 11-томная) серия книг, еще не достроенная до хронологической полноты, но уже неотъемлемая от деятельности фольклористов всех специализаций, а также этнографов, литературоведов, писателей и получившая мировое признание.⁴¹

К сожалению, конфронтационные эксцессы, иногда колебавшие течение жизни Сектора народнопоэтического творчества, привели в 1960-е гг. к уходу из ИРЛИ сначала молодых (А. А. Горелов, Л. И. Емельянов), а затем некоторых старших

⁴⁰ Одна из предварительных исследовательских акций А. Д. Соймонова в этом направлении — участие вместе с Г. Н. Париловой в сб.: *Песни, собранные писателями : Новые материалы из архива П. В. Киреевского (Литературное наследство. Т. 79. М., 1968)*, где ему принадлежит ведущая статья, статьи и комментарии, публикации материалов А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, Н. М. Языкова.

⁴¹ М. Я. Мельц — составительница томов: *Русский фольклор : Библиографический указатель : 1945—1959. Л., 1961; То же : 1917—1944. Л., 1966; То же : 1960—1965. Л., 1967; То же (ч. 1; 2) : 1966—1975. Л., 1984, 1985; То же : 1901—1916. Л., 1981. Позже составителями серийного издания выступали: *Иванова Т. Г. Русский фольклор : Библиографический указатель : 1976—1980. Л., 1987; То же : 1881—1900. Л., 1990; То же : 1981—1985. СПб., 1993; То же : 1800—1855. СПб., 1996, — а также: *Иванова Т. Г., Рейли М. В. То же : 1991—1995. СПб., 2001.***

сотрудников (Б. Н. Путилов Н. П. Колпакова, Н. В. Новиков, Г. Г. Шаповалова, В. Е. Гусев). В это время на посту заведующих Сектором видим опытных ученых А. Д. Соймонова (1968—1970), затем Ф. Я. Прийму (1970—1971). В 1971 г. вернулся из Ленинградского университета избранный по конкурсу заведующим А. А. Горелов. В составе сотрудников Сектора появились филологи В. И. Еремина, Е. В. Невзглядова, А. Ф. Некрылова, П. С. Выходцев, В. И. Жекулина, Н. И. Хомчук, А. Н. Розов, Т. Г. Иванова, Л. И. Петрова, Т. А. Новичкова, аспирант Ю. И. Мальцев. В Фонограммархиве стали работать музыковеды М. А. Лобанов, С. В. Фролов, А. Д. Троицкая, Л. Ф. Морохова, Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастров, инженеры-акустики В. П. Шифф, Г. В. Матвеев, А. В. Осипов.

Несмотря на временные утраты, Сектор продолжал жить в интенсивном научном режиме, а на главных научных направлениях был создан целый ряд неоспоримо первоклассных трудов: «Былины : Русский музыкальный эпос» (сост. Б. М. Добровольский. В. В. Коргузалов. М., 1981); «Русская свадьба» (сост. Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова; редактор-составитель музыкальной части А. М. Мехнецов. М., 1985). В серии «Памятники русского фольклора» вышли 3 тома «Собрания народных песен П. В. Киреевского»: «Записи Языковых <...>» (подгот. текстов к печати, статья, коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1); «Записи П. И. Якушкина» (подгот. текстов, вступ. статья, коммент. З. И. Власовой. Л., 1983, 1986. Т. 1, 2). Вышли региональные тома экспедиционных записей середины XX в. — «Песни и сказки Пушкинских мест : (Фольклор Горьковской обл.)» (изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. Л., 1979. Вып. 1); «Традиционный фольклор Новгородской области : (По записям 1963—1976 гг.) : Песни. Причитания» (изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979); «Традиционный фольклор Новгородской области : (По записям 1963—1999 гг.) : Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры» (изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина [с участием А. А. Панченко и С. А. Штыркова]. СПб., 2001); «Фольклор Русского Устья» (изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев, М. Ф. Дружинина, Ю. И. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменская, В. В. Митрофанова, М. А. Никифорова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986). Переиздан с дополнениями по архивному фонду РГБ том «Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова» (изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. Н. Марченко. СПб., 2002).

Большая работа по переизданию фольклорного наследия развернулась во время постсоветского издательского ренессанса, воссоединившего научные и научно-популярные эдиционные

цели. С опорой на серьезнейший труд в архивах, часто с решением уникальных текстологических заданий, были выпущены многие книги, к публикациям которых применимы определения: «первое издание», «первое полное издание», «издано впервые». Силами сотрудников Отдела народнопоэтического творчества были подготовлены «Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова» (изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина. М., 1996); «Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857—1862» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных. М., 1997); «Великорусские сказки Пермской губернии : Сб. Д. К. Зеленина» (изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб., 1997); «Русские народные пословицы и притчи» Снегирева И. М. (изд. подгот. Е. А. Костюхин. М., 1999); «Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокозерские и самарские сказки)» (подгот. текстов В. И. Жекулиной, вступ. статья, коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2000); «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (изд. подгот. А. А. Горелов, Е. Н. Якубовская. СПб., 2000); «Великорусские сказки Вятской губернии : Сб. Д. К. Зеленина» (изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб., 2002); «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.» (под ред. А. А. Горелова. [Сюжетный коммент. Ю. А. Новикова]. СПб., 2002—2003. Т. 1—3); «Великорусские сказки Архива Русского географического общества : Сб. А. М. Смирнова» (изд. подгот. Т. А. Новичкова. СПб., 2003. Кн. 1—2); «Сказки и предания Самарского края : Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым» (изд. подгот. Е. А. Костюхин, Л. Г. Беликова. СПб., 2003). С участием Т. Г. Ивановой переизданы «Сказки и песни Белозерского края» Б. М. и Ю. М. Соколовых (СПб., 1999. Кн. 1—2), с участием Е. А. Костюхина — «Русские сказки и песни Сибири» (СПб., 2000), с участием Т. А. Новичковой — существенно дополненные по архивным разысканиям «Бабушкины старины : Пятиречие: Эпическая поэзия О. Э. Озаровской» (СПб., 2000). Подлинным открытием и раскрытием практически неведомой ипостаси великого филолога-историка А. А. Шахматова как собирателя фольклора явилось осуществленное В. И. Ереминой издание «Фольклорное наследие А. А. Шахматова» (СПб., 2005). Среди изданий детского творчества и творчества для детей самыми емкими по материалу на сегодня являются «Детский поэтический фольклор» (сост. А. Н. Мартынова; отв. ред. Б. Н. Путилов. СПб., 1997) и «Поэзия детства : Русское народное творчество для детей» (сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Ереминой. СПб., 2004).

Указанными изданиями постсоветского периода в содружестве с издательствами «Тропа Троянова», «Дмитрий Буланин»,

«Алетейя», «Ладомир», «Индрик» фактически осуществляется программа Отдела народнопоэтического творчества ИРЛИ по переизданию классических фольклорных собраний, прошедшая в 1980-е гг. апробацию ОЛЯ АН СССР как особая серия «Свода русского фольклора» — спутница его основных жанровых серий.

Свое место в текущем литературном и научном процессе обрели научно-популярные издания: «Русская народная поэзия. Лирическая поэзия» (сост., подгот. текста, предисл. к разделам, коммент. А. А. Горелова. Л., 1984); «100 песен рабочего класса» (сост. П. Г. Ширяева. Л., 1984); «Русские исторические песни» (Библиотека поэта. Большая сер. 3-е изд. (вступ. статья, сост., подгот. текстов, примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987)); «Русские народные песни» (Библиотека поэта. Малая сер. 4-е изд. (вступ. статья, сост., подгот. текстов, примеч. А. Н. Розова. Л., 1988)); «Обрядовая поэзия» (сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М., 1989); «Русские народные сказки» (сост., вступ. статья, тексты, коммент. Т. Г. Ивановой. М., 1989); «Круглый год : Русский земледельческий календарь» (сост., вступ. статья, примеч. А. Г. Некрыловой. М., 1989); «Русская историческая песня» (Библиотека поэта. Малая сер. 4-е изд. (вступ. статья, сост., примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1990)); «Лирические песни» (сост., предисл., подгот. текстов, примеч. П. С. Выходцева. М., 1990). Сборники текстов выходили по заявленным Отделом в издательстве «Современник» планам серии «Сокровища русского фольклора», а также в издательствах «Лениздат», «Молодая гвардия», «Северо-Запад», «Петербургский писатель» и др. Был внесен вклад в создание и выпуск научно-популярных справочников: *Власова М. Н.* Новая абевега русских суевений : Иллюстрированный словарь (СПб., 1995); *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь (СПб., 1995).

Создание названных работ Отделом народнопоэтического творчества было солидным взносом в современность во имя удержания и укрепления нравственных и художественных ценностей, на которые опирается здание отечественной культуры и которыми оно воссоединяется с многовековой историей России. Аутентичность, подлинность, достоверность, связанность с порождающей и несущей средой есть и пребудут основной целью публикаций памятников былого и нового фольклора. Важно, что на широчайшем поприще изданий многожанровой народной поэзии в сложнейшие годы российской истории — на переломе XX—XXI столетий — отрабатывались и отрабатываются принципы текстологической академической школы национальной фольклористики, создающие исследовательскую и эдиционную эрудицию ее представителей, обогащающие опытом, потребным для решения воистину ответственных задач.

Разумеется, этому служили все издания Отдела, среди которых в 1970-е гг. возникла новая серия «Из истории русской фольклористики» (второй ее выпуск — пока серия не имела официального академического статуса — получил тематическое заглавие «Из истории русской советской фольклористики»). В 1978—1998 гг. вышли пять ее выпусков (отв. ред. А. А. Горелов).

В 1970—2000-е гг. диапазон интересов и возможности коллектива фольклористов Пушкинского Дома отразил выход нескольких значительных монографий ведущих научных сотрудников Отдела.

Принципиально значительным исследованием явилась книга В. И. Ереминой «Поэтический строй русской народной лирики» (Л., 1978). В ней на большом материале рассмотрены семантика и синтаксическая структура лирической песни, с углублениями в природу и формы метафоры, метонимии. С логикой и ясностью, присущими мышлению лучших учеников В. Я. Проппа, впервые освещена роль зиждущего начала лирической культуры — фактора повторяемости.

Специфике лирической песни была посвящена монография Ю. И. Мальцева «Традиционные формулы русской народной не обрядовой лирики» (Л., 1989), к которой с момента ее появления не исчезает большой интерес специалистов.

Трудом, обобщившим накопленные научные мнения о загадках, увиденных в свете личных наблюдений над уровнем и своеобразием отражения действительности в жанре, о поэтических связях с иными жанрами, об исторической эволюции загадок, явился монографический очерк В. В. Митрофановой «Русские народные загадки» (Л., 1978).

Монография «Методологические вопросы фольклористики» (Л., 1978) Л. И. Емельянова была посвящена дискуссионным вопросам общей фольклористики — уточнению понятия «фольклор» как предмета научного изучения, реабилитации исторической школы, выявлению своеобразия исторического мышления в бытине, острому освещению проблемы фольклоризма литературы.⁴² Она послужила и служит оживлению теории и истории фольклористики.

В монографии В. И. Ереминой «Ритуалы и фольклор» (Л., 1991), где прослежено функционирование тождественных обрядовых лейтмотивов в родинах, на свадьбе, на похоронах, выявлено единство поведенческих стимулов и их народных трактовок на пространстве человеческой жизни.

⁴² Попытки корректирования суждений Л. И. Емельянова см. в статьях: *Выходцев П. С.* На стыке двух художественных культур : (Проблема фольклоризма в литературе) // *Русский фольклор.* Л., 1979. Т. 19. С. 3—30; *Горелов А. А.* К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Там же. С. 31—48.

С уклоном в популярное изложение сложных проблем написана яркая книга А. Ф. Некрыловой «Русские городские праздники, увеселения и зрелища (Л., 1984), сразу переведенная за рубежом.

По-новому открыл культурологическую тему встречи священнослужителей и простого народа в бытовой среде А. Н. Розов — автор книги «Священник в духовной жизни русской деревни» (СПб., 2003), кстати сказать, сумевший серьезно пополнить библиографические разыскания в области фольклористики за счет обходившейся прежде вниманием духовной прессы.

В Отделе, где со времен А. М. Астаховой поощрялась былинно-новедческая тематика работ, вышли исследовательские книги, касавшиеся разных проблем эпической истории. Сюжетология главенствовала в монографиях: *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора (Л., 1982); *Новичкова Т. А.* Эпос и миф (СПб., 2001). Региональное начало предопределило содержание исследования Т. Г. Ивановой «„Малые“ очаги северорусской былинной традиции: (Исследование и тексты)» (СПб., 2001). З. И. Власова в книге «Скоморохи и фольклор» (СПб., 2001) попыталась связать творчество былин с институтом скоморошества.

Из разнообразных книг, выходявших как труды Отдела народнопоэтического творчества, либо создававшихся его сотрудниками, стажерами должны быть также названы: историографическая монография Т. Г. Ивановой «Русская фольклористика в биографических очерках» (СПб., 1993), дополнившая труд М. К. Азадовского фактографическими разысканиями о Е. В. Аничкове, А. В. Маркове, братьях Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. Д. Григорьеве, В. Н. Андерсоне, Д. К. Зеленине, Н. Е. Ончукове и О. Э. Озаровской; коренящаяся в материале обстоятельная монография Е. А. Костюхина «Типы и формы животного эпоса» (М., 1987) и его же отмеченные сицилийской международной премией вузовские «Лекции по русскому фольклору» (М., 2004); созданное во многом на материалах коллекции книжного лубка Отдела текстологически значительное исследование «Русская лубочная сказка» К. Кореповой (Н. Новгород, 1999); насыщенная новыми фактами книга М. Я. Мельц «Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре» (СПб., 2000); концептуально родственная работам Отдела докторская монография Ю. А. Новикова «Сказитель и былинная традиция» (СПб., 2000); создававшиеся в разные годы А. А. Гореловым — собрание литературных эссе в двух книгах «Соединяя времена» (М., 1978; СПб., 2011), первая в лесковiane докторская монография о писателе «Н. С. Лесков и народная культура» (Л., 1988); высоко оцененные В. Я. Проппом «Народные песни о Ермаке» (СПб., 2011); две книги «В поисках легендарного Кириши Данилова» (СПб., 2011), излагающие историю открытия

певца — составителя рукописи сборника «Древние российские стихотворения...».

Отдел народнопоэтического творчества своими рецензиями, советами оказывал помощь в издании общезначимых фольклорно-литературных книг своих внештатных коллег. В их числе были: многолетний труд собирателя «Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным» (Л., 1982); богатейшая по материалу, лучшая из книг автора, антология «Песни русских поэтов : В 2 т.» (Библиотека поэта. Большая сер. 3-е изд. (вступ. статья, сост., подгот. текста, биогр. справки, примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988)); энциклопедия поморской культуры — «Сказ о Беломорье» К. П. Гемп (М.; Архангельск, 2004); уникальный сборник «По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы» (изд. подгот. Ю. А. Новиков. СПб., 2005), и др.

На протяжении всех 66 лет своего существования Отдел народнопоэтического творчества вел огромную «полевую» исследовательскую работу, изучая естественную жизнь фольклора, почерпая среди народа «Антееву силу», без которой фольклористика умирает. Более 100 экспедиций разного состава участников, включавшие филологов, музыковедов, этнографов, писателей, инженеров-акустиков, — всех поколений 1939—2005 гг. — записывали фольклор в советский и постсоветский периоды, стремясь познать и закрепить на будущие времена животворящие слово, музыку, обряды своих соотечественников. Отдел хранит записи, сделанные его сотрудниками в областях Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Великолукской, Вологодской, Восточно-Казахстанской, Гомельской, Горьковской (Нижегородской), Иркутской, Калининской (Тверской), Кировской, Костромской, Куйбышевской (Самарской), Курганской, Ленинградской, Могилевской, Мурманской, Новгородской, Пермской, Псковской, Ростовской, Харьковской, Читинской, в Приморской крае, в республиках Бурятии, Карелии, Коми, Якутии.

Накопленный опыт позволил фольклористам Института русской литературы возобновить инициативу создания Свода русского фольклора. После статьи заведующего Сектором народнопоэтического творчества А. А. Горелова «Соединяя времена» (1973) и выпуска специального тома ежегодника «Русский фольклор» (том XVII, 1977) 6 сентября 1977 г. ОЛЯ АН СССР приняло решение о развертывании работы ИРЛИ над Сводом русского фольклора. «Трехзначная цифра томов нас не пугает», — обещающе говорил о Своде академик-секретарь ОЛЯ АН СССР М. Б. Храпченко. В Пушкинском Доме 6 декабря 1978 г. было проведено Всесоюзное совещание с повесткой дня: «Издание

Свода русского фольклора».⁴³ Определенной мобилизацией всесоюзных кадров фольклористов на решение проблем Свода русского фольклора явилась также проведенная 23—27 октября 1979 г. Всесоюзная научная конференция по координации собрания и архивного хранения русского фольклора.⁴⁴ Состоялось укрепившее программу издания былинной серии Свода новое обсуждение вопросов историзма песенного эпоса на страницах журнала «Русская литература» (1983). В 1995 г. в Вильнюсе был выпущен из печати актуальный справочник-исследование Ю. А. Новикова «Былина и книга», содержащий данные о зависимых от книги и фальсифицированных текстах былин (2-е, доп. изд. появилось в СПб. в 2001 г.), предостерегавший от текстовой доверчивости в выборе былинных оригиналов для перепечатки.

С 2001 г. началось систематическое издание серии Свода «Былины в 25 томах». Наконец-то входит в жизнь полный корпус русского национального эпоса, до сих пор лишь наполовину представленного в публикациях. Вышли 7 томов (1—2-й тома — «Былины Печоры», 3—5-й — «Былины Мезени», 6-й — «Былины Кулоя», 7-й — «Былины Пинеги»).

Создание серии «Былины» было бы немыслимо без постоянной и комплексной кооперации с учеными других научных учреждений и вузов России и ближнего зарубежья. Участие в серийной работе принимают все сотрудники Отдела народнопоэтического творчества: А. А. Горелов, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Н. Розов, Т. Г. Иванова, Т. А. Новичкова, Е. А. Костюхин (в качестве рецензента), Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастров, Л. И. Петрова, С. В. Гаврилина, М. Н. Власова, М. В. Рейли, Е. П. Фрэнсис (Гладких), Е. И. Якубовская, З. И. Власова, инженеры Г. В. Матвеев, В. П. Шифф, А. В. Осипов, а также сотрудники Рукописного отдела ИРЛИ В. П. Бударагин, А. Н. Мартынова, технические сотрудники Н. И. Коваленко, И. Д. Опарина, Е. Б. Соломон, авторитетные консультанты А. С. Герд, В. В. Колесов, А. Ф. Некрылова, Ю. А. Новиков, П. А. Скрелин, И. Я. Фроянов.

Беспрецедентный по богатству включенных материалов критически выверенный комплекс текстов Свода явится основой исследований культур и собственно истории восточнославянских этносов, послужит приобщению новых поколений России к подлинникам устной поэзии. Создание былинной серии Свода русского фольклора — этапный момент в «биографии» Отдела

⁴³ См.: *Хомчук Н. И.* Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (Серия «Былины») // *Русский фольклор.* Л., 1979. Т. 19. С. 218—227.

⁴⁴ См. резолюцию конференции: *Русский фольклор.* Л., 1984. Т. 22. С. 198—201.

народнопоэтического творчества Пушкинского Дома, ставящий серьезные задачи дальнейшей координации фольклористической работы перед всей наукой России о народном творчестве и его истории.

* * *

Особым и необходимым звеном научной и организационной структуры Отдела народнопоэтического творчества является Фонограммархив — крупнейшее этномузыковедческое хранилище страны.⁴⁵ Его цель — сохранение звуковых материалов отечественного народоведения, систематическая запись образцов устного народного творчества и их изучение, пропаганда через издания (в том числе звуковые), оснащение трудов фольклорно-этнографической направленности неотторжимым музыкальным компонентом, разработка технических методик архивации звука. Собрание Фонограммархива насчитывает свыше 150 000 единиц хранения, более 95 % которых — материалы этномузыковедческого, этнолингвистического и филологического содержания. Фонограммархив — единственное в России энциклопедическое собрание звуковых образцов из коллекций отечественного народоведения. Наряду с другими фондообразованиями России и зарубежья он сохраняет важную часть всемирного наследия устных традиционных культур. Будучи этномузыковедческим звуковым архивом, Фонограммархив собирает первичные звуковые материалы на территории Российской Федерации, но при комплектовании фонда не предусматривается каких-либо региональных ограничений.

Исторические коллекции Фонограммархива включены в Мировой Регистр программы Памяти Мира ЮНЕСКО. Наиболее ранние записи относятся к 1889 г. В России использование фонографа для фиксации фольклорно-этнографических материалов первоначально носило преимущественно стихийный характер и не подкреплялось стремлением к созданию фонохранилищ. Тем не менее Исторические коллекции Фонограммархива (1889—1955) насчитывают более 35 000 записей образцов музыкально-поэтического и прозаического фольклора и устной речи (более 500 часов звучания). Выполнены они практически в тот же период, что и звукозаписи старейших европейских Фонограммархивов — Венского и Берлинского. Количество записей, относящихся к наиболее раннему периоду применения фонографа в фольклорно-собирательской практике (до 1910 г.), весьма значительно.

⁴⁵ Раздел, посвященный Фонограммархиву (как и в кн.: Пушкинский Дом : Книга-альбом. М., 2003. С. 431—432), написан его заведующим Ю. И. Марченко.

Реально фонд Исторических коллекций — более 7000 фонографических валиков, более 400 дисков с восковой основой, более 300 дисков с целлулоидной основой, около 50 лаковых дисков. Исторические коллекции, как и современные приобретения, поступили благодаря: а) исследователям, которые поддерживали Фонограммархив методологическими и техническими средствами; б) организациям и собирателям, передававшим свои фонды в Фонограммархив; в) штатным сотрудникам Института русской литературы. Среди Исторических коллекций наиболее значительны этномузыковедческие, этнолингвистические и филологические коллекции: Е. Э. Линевой, С. Г. Рыбакова, В. И. Иохельсона, С. Е. Малова, Л. Я. Штернберга, Э. А. Вольтера, А. В. Анохина, С. М. Широкогорова, С. Д. Майнагашева, А. В. Маркова, О. Э. Озаровской, С. И. Бернштейна, Х. С. Кушнарера, Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, Б. А. Галаева, Н. К. Каргер, Л. М. Кершнер, С. Д. Магид, Б. Э. Петри, В. М. Жирмунского, А. А. Шахматова, Н. С. Державина, В. И. Анучина, Э. Ф. Эмсгеймера, Б. Я. Владимирцова, Ш. С. Асланишвили, Н. О. Очирова, В. К. Томилина, Н. М. Ковязина, З. К. Чхиквадзе, А. М. Астаховой, Ф. А. Рубцова, Н. Л. Котиковой и др.

Исторические коллекции Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН отражают процесс развития устных традиций до воздействия на них урбанистических тенденций XX столетия. Эти материалы составляют основу известных публикаций, в том числе обеспечивают издание серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора.

Без Исторических коллекций многие составляющие некоторых культур (в особенности культур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока) могли бы быть утрачены. Звуковые документы 1890—1930 гг., сохранившие редчайшие образцы устного творчества, оказываются подчас единственными источниками эволюционного сопоставительного анализа. В коллекциях наиболее полно отражено стилистическое разнообразие устных традиций, которое в современных записях представлено со значительными упрощениями.

Попытки организации звукового хранилища в структуре Академии наук были предприняты в начале XX столетия. По инициативе академика А. А. Шахматова возник Фонографический архив Первого Славянского отделения Библиотеки Императорской Академии наук. Основу фонда составили полевые записи на восковых цилиндрах академиков А. А. Шахматова и Н. С. Державина, дополненные записями магистра филологии Э. А. Вольтера — первого хранителя Фонографического архива. Однако подлинная рабочая база Фонограммархива сложилась лишь в 1926 г. благодаря усилиям Е. В. Гиппиуса (ответственный хранитель с 1926 по 1944 г.) и З. В. Эвальд.

Официально хранилище звуковых фольклорных записей существует в системе Академии наук с 1931 г. В 1931 г. в Фонограммархиве были объединены крупнейшие фольклорные фонотеки Ленинграда и Москвы (в том числе коллекции бывшего Фонографического архива Библиотеки Императорской Академии наук) для их централизованного хранения и использования. С 1938 г. Фонограммархив находится в составе Института русской литературы. В первые послевоенные десятилетия начался период «вторичного становления» Фонограммархива (ответственные хранители — Ф. А. Рубцов, А. Н. Дмитриев, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов). С 14 октября 1971 г. Фонограммархив получил статус Центрального фонда звукозаписей фольклора в Академии наук СССР с режимом матричной консервации коллекций. Контакты с научно-исследовательскими учреждениями и архивами, расположенными на территории прежнего Советского Союза, в последние годы ослаблены, хотя и дополнены сотрудничеством с Венским и Берлинским фонограммархивами.

В период 1970—1980-х гг. работа Фонограммархива выполнялась его сотрудниками В. В. Коргузаловым, С. В. Фроловым, М. А. Лобановым, А. В. Осиповым, В. П. Шиффом, Г. В. Матвеевым, А. Д. Троицкой, Л. Ф. Мороховой, А. Ю. Кастровым, Е. И. Якубовской. С 1986 г. заведующим Фонограммархивом является Ю. И. Марченко.

Научная и культурная ценность Фонограммархива обусловили его значение как источников центра богатейших материалов для исследований и публикаций. С 1983 по 1995 г. выпущена серия грампластинок «Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома», снабженная полными текстами и нотировками мелодий. Две серии компакт-дисков: «Non-Russian Traditions», «Russian Folk Traditions» (выполнены под руководством музыковедов Ю. И. Марченко и А. Ю. Кастрова инженерами звукозаписи В. П. Шиффом и Г. В. Матвеевым — 2000 г.).⁴⁶

В 2000-х гг. Отдел понес большие и невозполнимые потери научных кадров: безвременно ушли из жизни Т. А. Новичкова, Е. А. Костюхин, З. И. Власова, В. П. Шифф, А. Ю. Кастров, В. И. Жекулина. Но все же ряды сотрудников удалось пополнить новыми учеными-исследователями. В 2009 г. защитили

⁴⁶ О работах, выполненных по международным и межведомственным проектам при участии сотрудников Фонограммархива Пушкинского Дома, см.: *Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы : (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 493—508.

кандидатские диссертации по основным темам Отдела молодые фольклористы Н. Г. Комелина «Эпическая традиция Зимнего Берега Белого моря : История собирания и проблемы текстологии» и А. И. Васкул «История русской фольклористики второй половины XIX—начала XX в. : (Проблемы источниковедения)», а Фонограммархив был укреплен известным этномузыкологом, ученицей Е. В. Гиппиуса Е. А. Дороховой, а также выпускницей С.-Петербургской консерватории Г. Н. Щупак.

По решению Ученого Совета института с 2011 г. Отдел народнопоэтического творчества был переименован в Отдел русского фольклора, сохранив основные стратегические направления своей деятельности.

Произошли некоторые структурные перестройки. Внутри Отдела возникло новое подразделение: Центр сравнительного народоведения, созданный на базе кабинета-библиотеки Б. Н. Путилова (заведующий А. Н. Розов). Одной из главных задач деятельности Центра явились создание библиотечного фонда и систематизация творческого наследия выдающего ученого в области межкультурной коммуникации. На базе Центра были проведены два научных семинара, посвященные разработкам эпического наследия народов мира и научному наследию А. Б. Лорда.

В 2012 г. были организованы международные конференции: «Нерешенные вопросы изучения русского былинного эпоса» и «Самоидентификация этноконфессиональных групп в современном мире : (К 50-летию возвращения казаков-некрасовцев на родину)».

Последовательность и убежденность в развитии традиций академической школы отечественной фольклористики за последние годы позволила воссоздать полевую экспедиционную работу и архивные разыскания. Фольклорно-археографические исследования на новом этапе стали наиболее приемлемой и продуктивной формой работы на территории Русского Севера, в районах бывших былинных очагов и расселения старообрядцев, а также на юге России, местах жительства казаков-некрасовцев. В свете новых технологических возможностей сотрудниками предпринята попытка создания базы данных архивных и экспедиционных материалов «Национальный звуковой депозитарий» и «Музеи и частные коллекции Севера России».

В последние годы существенно обогатилась база источников фольклорных материалов за счет получения на хранение одной из известных фонографических коллекций Союза композиторов РФ, создателем которой выступил Е. В. Гиппиус.

После продолжительного перерыва увидели свет очередные тома «Свода русского фольклора» «Серия Былины» – «Былины Кулоя» (СПб., 2011. Т. 6), «Былины Пинеги» (СПб., 2012. Т. 7). На стадии издания находятся три тома пудожских былин. Иссле-

довательские статьи и публикации новых архивных материалов вошли в состав периодических изданий Отдела «Русский фольклор» (СПб., 2011. Т. 34; СПб., 2012. Т. 36) и «Из истории русской фольклористики» (СПб., 2007. Вып. 7). За последние три года сотрудниками было выпущено несколько монографических изданий и сборников статей: «Классический фольклор сегодня : Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова» (СПб., 2011); А. А. Горелова: 1) «Народные песни о Ермаке» (СПб., 2011), 2) «Соединяя времена : Исследования. Разыскания. Научно-популярные статьи» (СПб., 2011), 3) «В поисках легендарного Кирши Данилова» (в 2 ч. СПб., 2011); М. Н. Власовой «Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926—1928 гг.» (СПб., 2011), А. Н. Власова «Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодского-Северодвинского края XVI—XVIII веков : Тексты и исследования» (СПб., 2011).⁴⁷

Несмотря на все сложности существования Отдела народнопоэтического творчества после распада СССР (резкое сокращение финансирования академических изданий, экспедиций, конференций, архивных поисков, ослабление связей с исследовательскими фольклористическими центрами других территорий страны, паралич академического Научного Совета по фольклору и т. д.), Отдел продолжает жить большими традициями петербургской науки и стремится к осуществлению программ, необходимых для возрождения величия России, сохранения ее культурных сокровищ для нынешних и грядущих поколений.

⁴⁷ Заключительный раздел написан заведующим Отдела фольклора доктором филологических наук А. Н. Власовым.

Т. Г. ИВАНОВА

**ОТДЕЛ ФОЛЬКЛОРА
ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР
В 1939—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 г.**

В 1920—1930-е гг. в Ленинграде фольклористика последовательно была сосредоточена в разных научных учреждениях, выступавших преемниками по отношению друг к другу в области изучения народной культуры. В 1920-е гг. мощная команда специалистов по устной поэзии сложилась в Государственном институте истории искусств (ГИИИ), который в 1926—1929 гг. совершил четыре знаменитые комплексные экспедиции на Русский Север: Заонежье (1926), Пинега (1927), Мезень (1928), Печора (1929). В результате этих поездок образовался костяк ленинградской фольклористики того времени (словесники А. М. Астахова, А. И. Никифоров, Н. П. Колпакова и И. В. Карнаухова, музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд).

В 1930 г. Кабинет фольклора города и деревни в Государственном институте истории искусств возглавил М. К. Азадовский, только что переехавший из Иркутска в Ленинград. В 1931 г. ГИИИ был преобразован в Государственную академию искусствознания (ГАИС), из которой фольклористика была переведена в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ). В этом учреждении ленинградская фольклористика (М. К. Азадовский, А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, А. Н. Нечаев, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, П. Г. Ширяева, аспирантки А. Н. Лозанова и З. Н. Куприянова) существовала с апреля 1931 по февраль 1933 г., когда ИПИИ слился с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой), образовав Институт антропологии и этнографии АН СССР (ИАЭ). Соответственно Фольклорная секция народов СССР (с 1937 г. — комиссия), руководимая М. К. Азадовским, с февраля 1933 по

начало 1939 г. была структурной единицей этого Института.¹ В 1939 г. произошли новые изменения в статусе ленинградских фольклористов, возглавляемых М. К. Азадовским, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук в фонде Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПФ АРАН, ф. 150).

Перевод Фольклорной комиссии народов СССР из Института этнографии АН СССР в Институт литературы АН СССР² был вызван очередными, далеко не первыми при советской власти, структурными преобразованиями внутри Академии наук. По Уставу 1927 г. в Академии наук было два Отделения: Отделение физико-математических наук и Отделение гуманитарных наук (история, филология, социология, экономика и др.). Устав 1930 г. также утвердил два Отделения: Отделение математических и естественных наук и Отделение общественных наук. Устав 1935 г. изменил структуру Академии наук, разделив ее на три Отделения: Отделение общественных наук, Отделение математических и естественных наук и Отделение технических наук. Наконец, в 1938 г. в связи с ростом числа научно-исследовательских институтов и лабораторий в системе Академии наук было создано 8 Отделений: физико-математических наук; химических наук; геолого-географических наук; биологических наук; технических наук; экономики и права; истории и философии; литературы и языка.

На первый взгляд было бы вполне логично, если бы при таком структурном делении Фольклорная комиссия оставалась, как и Институт этнографии, при котором она существовала, в Отделении истории и философии. Однако общий вектор развития науки — неоднократно проговоренное в различных трудах сближение фольклористики с литературой — предполагал и другое решение, согласно которому Фольклорная комиссия сопологалась бы с научными структурными подразделениями, изучающими разные аспекты филологии. Последняя позиция и была принята Президиумом АН СССР.

Решение о переводе Фольклорной комиссии из Института этнографии в Институт литературы состоялось 11 декабря 1938 г. В выписке из протокола заседания Президиума говорится: «Считать целесообразным, при организационном разделении в системе Академии наук СССР дисциплин собственно исторических и филологических, создание единого центра научно-фольк-

¹ См. подробнее в моих работах: Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 48—66; История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009.

² Институт литературы АН СССР — название Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на конец 1930-х гг.

лорной работы при Отделении языка и литературы АН СССР, и передать Фольклорную комиссию Института этнографии АН Институту литературы АН СССР».³ Как можно понять из процитированной выписки из протокола, решение было принято в результате доклада академика А. М. Деборина.⁴

Предполагаемый перевод Фольклорной комиссии в Институт литературы, судя по всему, взволновал ленинградское фольклористическое научное сообщество: ученые высказывали опасение, что в рамках Пушкинского Дома они не смогут полноценно заниматься изучением этнографической составляющей фольклорной культуры. В связи с этим в решении о Фольклорной комиссии Президиум АН СССР отметил также следующее: «Одновременно Президиум АН считает необходимым, чтобы новые организационные формы научно-фольклорной работы не сужали бы теоретической и практической научной базы советской фольклористики исключительно литературоведческого изучения фольклора (так! — *Т. И.*), а представляли бы широкие возможности продолжения органической связи фольклористики с этнографией и лингвистикой, с которыми ее объединяет целый ряд общих проблем и методов исследования».⁵ Данное пожелание, как известно, так и осталось пожеланием: отечественная фольклористика на протяжении 1930—1950-х гг. в силу многих причин развивалась исключительно в русле литературоведения.

Фактическое присоединение Фольклорной комиссии к Пушкинскому Дому происходило в январе—феврале 1939 г. В Петербургском филиале Архива Академии наук сохранился документ на бланке Института этнографии, датированный 15 января 1939 г.:

Директору Института литературы АН СССР

Институт этнографии АН просит в ближайшие дни выделить представителя Вашего Института в комиссию по передаче Фольклорной комиссии ИЭ Институту литературы и сообщить ИЭ, кто именно выделен Вами в приемно-сдаточную комиссию.

Директор, академик В. В. Струве
Ученый секретарь С. М. Абрамзон.⁶

³ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 33.

⁴ Деборин (настоящая фамилия Иоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963) — философ, академик АН СССР (1929). Образование получил на философском факультете Бернского университета (1908). С конца 1890-х гг. участвовал в революционном движении; в разные периоды был близок к меньшевикам и большевикам.

⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 33.

⁶ Там же, л. 4. Вместо ученого секретаря подписался его помощник Н. И. Насепин.

20 января ученый секретарь Института литературы Ф. Ф. Канаев⁷ в ответном письме⁸ называл состав приемно-сдаточной комиссии, в которую были назначены он сам, помощник директора по административно-хозяйственной части А. Ф. Канайлов и старший научный сотрудник А. Л. Дымшиц. Включение в комиссию Александра Львовича Дымшица (1910—1975) было вызвано, по-видимому, тем, что на данный момент он был чуть ли не единственным в Институте литературы сотрудником, отчасти занимавшимся проблемами фольклора: в 1936 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте он защитил кандидатскую диссертацию «Очерки из истории ранней пролетарской поэзии и рабочего фольклора».

17 февраля члены сдаточной комиссии от Института этнографии Д. К. Зеленин, М. О. Скрипиль и А. М. Астахова составили «Акт о приемке и передаче материалов Фольклорной комиссии». Согласно этому акту, справочная библиотека Комиссии на этот период насчитывала 1028 единиц библиографических описаний. В число этих единиц не был включен неполный комплект «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (без 16-го и 32-го томов, которые и в настоящее время в подсобной библиотеке Отдела фольклора Пушкинского Дома отсутствуют). В библиотеке было также 5 альбомов газетных вырезок на темы «Ленин и Сталин в фольклоре народов СССР», «Частушки», «Творчество народов СССР», «Песни народов СССР» и «Сказки и сказы народов СССР». Вместе со справочной библиотекой в Институт литературы поступало 6 библиографических карточек, а также картотека песен, приобретенная у В. И. Чернышева (70 000 карточек).

Помимо библиотеки Фольклорная комиссия передавала в Пушкинский Дом свой рукописный архив: 90 коллекций устно-поэтических записей (388 основных папок и 110 дублетных папок); еще 6 коллекций, не вошедших в опись, т. е. не прошедших архивную обработку (49 основных папок и 1 дублетная); фонд В. М. Жирмунского «Песни немцев СССР» (33 папки; 3937 текстов); 21 картотека (11 ящиков и 2 папки). Отдельную коллекцию составляли 633 негатива фотографий.

Фонограммархив Фольклорной комиссии к этому времени насчитывал 4528 фоноваликов, внесенных в инвентарные книги, а также 155 фоноваликов, опись которых еще не была составлена. В Институт литературы передавалось 699 рабочих валиков, не-

⁷ Канаев Филипп Фролович (1899—между 1941 и 1945) — окончил Институт красной профессуры (1932). 10 июня 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Идеи и образы „Жизни Клина Самгина“ М. Горького». Погиб во время Великой Отечественной войны.

⁸ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 5.

большая подсобная библиотека (47 книг и 447 нотных изданий), 88 папок с нотными расшифровками народных песен (5044 текста) и 26 папок с рукописными текстами песен народов СССР.⁹

25 февраля 1939 г. в сохранившейся в СПФ АРАН записке Ф. Ф. Канаев просил М. К. Азадовского позвонить ему, чтобы договориться о включении плана работы Фольклорной комиссии в общий план Института на март 1939 г.¹⁰ С 1 марта 1939 г. члены Фольклорной комиссии — М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, А. Н. Лозанова, П. Г. Ширяева, З. В. Эвальд — по документам уже числятся в штате Института литературы.

В рамках Института литературы Фольклорная комиссия народов СССР была переименована в соответствии со структурой этого учреждения в Отдел. Сохранилось «Положение Отдела фольклора народов СССР (т. е. Положение об Отделе. — *Т. И.*) в системе Института литературы АН СССР и его задачи». Документ не датирован, но, надо полагать, он относится к первым месяцам пребывания команды М. К. Азадовского в стенах Пушкинского Дома. Задачи Отдела формулировались следующим образом:

«а) разработка вопросов исследования фольклора народов СССР (словесного и музыкального) и истории фольклористики на основе марксистско-ленинской теории; подготовка к печати исследований и учебных пособий по истории фольклора и фольклористики.

б) соби́рание и изучение материалов нового советского фольклора и фольклорного наследия народов СССР (словесного и музыкального) и подготовка к печати научных и научно-популярных публикаций фольклорных материалов».¹¹

Фактически «Положение» закрепляло все те направления работы, которые сложились в Фольклорной комиссии народов СССР еще в ее бытность в Институте этнографии: областью исследования оставался фольклор народов СССР, а не только русская народная поэзия; равное значение имело изучение как словесного, так и музыкального фольклора; предметом исследования должны были быть и сами фольклорные формы и жанры, и история фольклористики как научной дисциплины. В соответствии с идеологическим диктатом того времени в формулировке задач Отдела фольклора народов СССР были введены ссылки на марксистско-ленинскую теорию, а также необходимость изучения «нового советского фольклора».

⁹ Там же, л. 8—9.

¹⁰ Там же, л. 10.

¹¹ Там же, л. 71.

По «Положению» Отдел фольклора сохранял структуру, сложившуюся еще в Институте по изучению народов СССР (1931—1933) и окончательно оформившуюся в Институте этнографии: словесная часть (рукописное фольклорное хранилище и справочная библиотека) и музыкальная часть (фонограммархив, справочная библиотека и лаборатория в виде студии стационарной звукозаписи, а также создаваемой в это время гальванопластической и технической мастерской).

В конце 1930-х гг. Фольклорная комиссия народов СССР (а затем и Отдел фольклора народов СССР) решал важную для него проблему штатов. В Архиве Академии наук сохранился недатированный документ, названный «Штатное расписание Фольклорной комиссии при Институте литературы Академии наук СССР на 1939 г.».¹² Из него следует, что на предыдущий 1938 г. для Фольклорной комиссии был утвержден штат в 12 человек: заведующий Фольклорной комиссией (он же — заведующий отделом словесного фольклора); заведующий Фонограммархивом (он же — заведующий отделом музыкального фольклора); ученый секретарь; старшие научные сотрудники (3 ставки); младшие научные сотрудники (4 ставки); научно-технический сотрудник; уборщица. В действительности научные силы Фольклорной комиссии, напомним еще раз, составляли 7 человек. Как можно понять, в 1938 г. шла напряженная работа по оснащению технической мастерской (гальванопластической лаборатории), в которую были вложены уже немалые средства. На 1939 г. М. К. Азадовский в дополнение к штатному расписанию 1938 г. просил еще полставки для инженера-химика по гальванопластике, ставок для техника гальванопластики и сменного ночного техника.

Одновременно руководитель Отдела фольклора ставил вопрос о специальных ставках для архивистов. В обосновании сметы на 1939 г., составленной во второй половине 1938 г. еще в стенах Института этнографии, по этому поводу говорилось: «Два крупнейших архива Фольклорной комиссии (рукописный и фонограммархив) не имеют ни одного специального архивного работника. В результате работа обоих этих архивов мирового значения до сих пор не упорядочена. Переход всех архивов СССР в ведение Архивного управления и упорядочение в настоящее время всей архивной работы СССР — ставят перед Академией наук неотложную задачу срочно привести в порядок ее архивные богатства. Учитывая специфику обоих архивов (архив рукописей и архив звукозаписей), с 1939 г. необходимо выделение 2 единиц — специалистов-архивистов по рукописному хранению и по хранению звукозаписей — 2 оклада младших научных сотрудни-

¹² Там же, л. 16.

ков...».¹³ В Пушкинском Доме вторым (наряду с А. М. Астаховой) хранителем рукописного фольклорного архива вскоре стала В. А. Кравчинская, а хранителем Фонограммархива — С. Д. Магид, которая неоднократно уже привлекалась для работы с коллекциями фоноваликов (по договорам), но в штаты Фольклорной комиссии до сих пор не входила.

В связи с темой научных кадров Отдела фольклора остановимся на одном любопытном эпизоде декабря 1939 г. Насколько мы знаем, эта страница в истории отечественной фольклористики еще никогда не освещалась. Ряд документов свидетельствует, что в это время М. К. Азадовский и З. В. Эвальд были выдвинуты Академией наук Белорусской ССР в члены-корреспонденты. Выдвижение ленинградских ученых в члены Белорусской академии в условиях конца 1930-х гг. было вполне объяснимым. Напомним, что в это время шло строительство академий в союзных республиках СССР. Белорусская академия наук (именно таковым было первоначальное название) была создана 1 января 1929 г. на базе фактически первого научно-исследовательского и культурно-общественного учреждения республики — Института белорусской культуры (Инбелкульт) (1922—1928); с 1936 г. появилось новое название — Академия наук Белоруссии. Первым президентом Академии наук стал историк профессор В. М. Игнатовский. На день открытия штат Академии наук составлял только 128 человек, из них лишь 87 являлись научными сотрудниками. В конце 1930-х гг. Академия наук Белоруссии начала обзаводиться своими членами-корреспондентами и академиками.

2 декабря 1939 г. из Белоруссии в Институт литературы было послано письмо следующего содержания: «Ученым Советом Института истории АН БССР выдвинуты кандидатуры гг. Эвальда и Озадовского (так! — *Т. И.*) в члены-корреспонденты» на предстоящих выборах АН БССР. В связи с этим отдел кадров Академии наук БССР убедительно просит Вас выслать в наш адрес к 6.XII 1939 года общие характеристики научных работ тов. Эвальд и Озадовского, их значение для науки и социалистического строительства СССР (характеристика на каждого отдельно)».¹⁴

Вопрос, почему именно М. К. Азадовский и З. В. Эвальд были выбраны белорусскими коллегами для выдвижения на звание члена-корреспондента, находит свой ответ и в научных биографиях кандидатов, и в общем контексте происходящих событий. Напомним, что летом 1932 г., еще в бытность Фольклорной секции в Институте по изучению народов СССР, состоялась экспедиция, организованная ИПИН совместно с Белорусской

¹³ Там же, л. 24.

¹⁴ Там же, оп. 1-1940, № 32, л. 21.

академией наук. От ИПИН в поездке участвовала З. В. Эвальд. Вместе с нею песни белорусского народа собирали студенты Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ; впоследствии — филологический факультет Ленинградского государственного университета) М. Л. Супер и Ф. А. Наркевич (надо полагать, белорусы по происхождению), а также сотрудник АН БССР М. А. Гринблат. Маршрут был составлен таким образом, чтобы обследовать разные по своим характеристикам регионы: экономически развитый Петриковский и изолированный Туровский районы. Предметом внимания ученых был прежде всего музыкальный фольклор — как архаическая лирика, так и революционные песни. Свою задачу собиратели формулировали следующим образом: «... выяснить соотношение и взаимодействие различных видов реликтового фольклора в различных социальных группах и обусловленность этого соотношения спецификой процессов общественно-экономического развития и классовой борьбы и темпами социального строительства в различных районах Полесья».¹⁵ Впоследствии З. В. Эвальд повторно вместе с Е. В. Гиппиусом совершила еще одну экспедицию в Белоруссию (1934). Напомним, что в методологическом плане для изучения календарных обрядов в свое время большую роль сыграла ее статья «Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья».¹⁶ В 1939 г. был уже готов и на следующий год вышел в свет составленный М. Я. Гринблатом под редакцией З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса сборник «Песні беларускага народа» (Мінск, 1940. Т. 1); в 1941 г. были изданы «Белорусские народные песни», открывшие серию «Песни народов СССР», о которой мы еще скажем ниже. Таким образом, выбор белорусскими коллегами именно З. В. Эвальд в качестве кандидата на звание члена-корреспондента АН БССР был вполне логичен.¹⁷

В том же 1939 г. Академия наук Украинской ССР, решая те же задачи, что АН БССР, избрала в свои действительные члены москвича Ю. М. Соколова — второго наряду с М. К. Азадовским главу отечественной фольклористики того времени. Белорусские

¹⁵ Эвальд З. В. Фольклорная работа в Полесской экспедиции // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 220.

¹⁶ Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Советская этнография. 1934. № 5. С. 17—39. Переизд.: Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Под ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1979. С. 15—32.

¹⁷ См. о вкладе З. В. Эвальд в белорусскую этномузыкологию: Гиппиус Е. В. З. В. Эвальд и ее исследования белорусского народного песенного искусства // Гиппиус Е. В. Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. Минск, 2004. С. 219—236.

ученые в свою очередь решили остановить свой выбор на руководителе ленинградской фольклористики.

Институт литературы явно не спешил с ответом на письмо из Минска. Ученый секретарь Ф. Ф. Канаев без указаний директора П. И. Лебедева-Полянского,¹⁸ проживавшего в Москве и периодически несколько раз в месяц приезжавшего в Ленинград, брать на себя решение этого вопроса не хотел. 13 декабря белорусские коллеги пишут второе письмо, обращенное секретарю партийной организации и директору Института литературы АН СССР: «На наши письма к Вам от 2.XII с<его>/г<ода> мы до сих пор не получили ответа. Поэтому просим Вас вторично выслать, как можно в кратчайший срок, общие характеристики и парт<ийно>-полит<ические> характеристики на гг. Азадовского М. К. и Эвальда З. В. (так! — *Т. И.*)».¹⁹ Третье напоминание датируется 21 декабря.²⁰ Какой ответ был послан Институтом литературы в Минск, нам выяснить не удалось. Однако, как известно, выдвижение М. К. Азадовского и З. В. Эвальд в члены-корреспонденты Академии наук БССР осталось без последствий.

Хотя возможность повысить официальный статус М. К. Азадовского и З. В. Эвальд в фольклористическом сообществе Институтом литературы явно была упущена, в стенах Пушкинского Дома удалось решить другие кадровые вопросы. К 1941 г. (скорее всего, еще в конце 1939 г. — соответствующие документы нами пока не обнаружены) гальванопластическая мастерская, о создании которой пекся Е. В. Гиппиус, была укомплектована инженерными кадрами.

Сохранился список сотрудников Отдела фольклора народов СССР на 1 января 1941 г.:²¹ заведующий Отделом, доктор филологических наук М. К. Азадовский; старший научный сотрудник, доктор филологических наук Н. П. Андреев; старшие научные сотрудники, кандидаты этнографических наук (так! — *Т. И.*) Е. В. Гиппиус, А. М. Астахова, З. В. Эвальд, А. Н. Лозанова, С. Д. Магид; младшие научные сотрудники, без ученой степени П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская; старший научно-технический сотрудник Г. Г. Шаповалова (последнее имя вписано в машино-

¹⁸ Лебедев-Полянский Павел Иванович (1882—1948) — участник революционного движения, государственный и общественный деятель. В 1922—1931 гг. — начальник Главлита. С 1931 г. — профессор Первого Московского университета, специалист по истории русской литературы и критики. Член редколлегий «Большой Советской Энциклопедии», «Литературной энциклопедии», серии «Литературное наследство» и других изданий. Член-корреспондент АН СССР (1939), академик (1946). С 1937 по 1948 г. — директор Института литературы АН СССР.

¹⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1940, № 32, л. 20.

²⁰ Там же, л. 19—21.

²¹ Там же, № 36, л. 7.

писный текст от руки, и, скорее всего, в штатах Отдела фольклора Г. Г. Шаповалова оказалась не к 1 января 1941 г., а несколько позже); заведующий гальванистической мастерской Н. И. Клочков, научно-технический сотрудник мастерской В. А. Сниткина. Всего 12 человек. В другом документе — алфавитном списке сотрудников Института литературы на 1 января 1941 г.²² — А. М. Астахова, А. Н. Лозанова и С. Д. Магид названы кандидатами филологических наук, а З. В. Эвальд кандидатом исторических наук, что отвечает истинному положению дела. М. К. Азадовский, что следует опять же из списков этого периода, являлся одновременно заведующим кафедрой фольклора и профессором филологического факультета Ленинградского государственного университета; Н. П. Андреев — профессором Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена; Е. В. Гиппиус — профессором Ленинградской государственной консерватории. П. Г. Ширяева, будучи сотрудником Института литературы, являлась также его аспиранткой. В таком составе коллектив Отдела фольклора народов СССР встретил Великую Отечественную войну.

Завершая разговор о кадрах Отдела фольклора на период 1939—1941 гг., следует сказать, что М. К. Азадовский уже в 1939 г. озаботился тем, чтобы Институт литературы предоставил Отделу возможность готовить собственных аспирантов. Сохранился отзыв М. К. Азадовского о работе студенток 5-го курса Ленинградского государственного университета Ирины Михайловны Колесницкой (1917—1994)²³ и Марии Аркадьевны Шнеерсон (1913—?),²⁴ написанный в связи с рекомендацией их в аспирантуру Пушкинского Дома.²⁵ Обе они войну встретили в качестве аспиранток Пушкинского Дома.

Какие же научные темы разрабатывались фольклористами Института литературы в 1939—1941 гг.?

²² Там же, л. 54—60.

²³ См. о И. М. Колесницкой подробнее в нашей статье: Ирина Михайловна Колесницкая : (Отдавая долги своим учителям) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С.132—138.

²⁴ Шнеерсон Мария Аркадьевна (1913—?) — филолог, окончила в 1939 г. ЛГУ. Перед Великой Отечественной войной опубликовала статьи «Фольклорный стиль в сказках Пушкина» (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 176—200) и «„Руслан и Людмила“ Пушкина : Очерк из истории русского фольклоризма» (Там же. 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. С. 19—66). После войны работала в Ленинградском областном институте усовершенствования учителей. Впоследствии эмигрировала в США. Автор книг: Александр Солженицын : Очерк творчества. Frankfurt, 1984; «Вот твой вечный дом» : Личность и творчество Михаила Булгакова. Книга для юношества. СПб., 2000 (в соавт. с М. Г. Качуриным).

²⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1940, № 32, л. 23—25.

По документам, отложившимся в Архиве Академии наук — «Объяснительная записка к смете на 1939 год по Фольклорной комиссии при Институте литературы АН СССР»,²⁶ «Основные темы плана Фольклорной комиссии»,²⁷ план работы Отдела на 1940 г.,²⁸ ежемесячные планы Института литературы на 1941 г.,²⁹ годовые индивидуальные планы сотрудников на 1941 г.,³⁰ — в полном объеме восстанавливается круг научных проектов, осуществлением которых занимались ленинградские фольклористы в этот период.

Следует подчеркнуть, что деятельность Отдела фольклора народов СССР, как и любой другой научной структуры, проходила в условиях идеологического прессинга. Наиболее ярким выражением сопряжения научной мысли с господствовавшей идеологией является состоявшаяся с 25 по 30 мая 1939 г. в Петрозаводске Всекарельская конференция сказителей, в которой ленинградские фольклористы приняли активное участие. Из программы совещания следует,³¹ что 27 мая Н. П. Андреев выступил с докладом «Творчество народов СССР». Самым значительным событием конференции стал обмен творческим опытом между сказителями. Этой частью совещания (собственно говоря, главной частью) руководили А. М. Астахова и А. Н. Лозанова, а также ученики М. К. Азадовского А. Д. Соймонов и М. М. Михайлов. В рамках конференции известные сказители М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев и А. В. Ватчиева исполнили свои произведения о Чапаеве, Е. С. Журавлева — плач о Чкалове и т. д.³² Кульминацией сказительского форума стало коллективное письмо товарищу Сталину, сочиненное носителями фольклорной традиции:

Мы, сказители-былинники карельские,
Обещаем мы товарищу да Сталину
И даем ему слово верное:
Пятилетку выполним да по-ударному,
Мы сослужим службу государству нашему
Песней радостной да сказкой мудрою.
Отдадим мы жизнь за отца за Сталина,
За заботушку о нас да за великую.³³

²⁶ Там же, оп. 1-1939, № 11, л. 22—32.

²⁷ Там же, л. 37—38.

²⁸ Там же, л. 66.

²⁹ Там же, оп. 1-1941, № 1.

³⁰ Там же, № 46, л. 15—32.

³¹ Программа опубликована: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 666—667.

³² Всекарельское совещание сказителей // Красная Карелия. Петрозаводск, 1939. 30 мая. № 121.

³³ Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Красная Карелия. Петрозаводск, 1939. 6 июня. № 127; см. также: Письмо карельских

Не приходится сомневаться, что вся идеологическая «начинка» этого опуса была преподнесена былинщикам их кураторами. Надо полагать, что в тексте «Письма карельских сказителей товарищу Сталину» немало строк, принадлежавших непосредственно А. М. Астаховой, А. Н. Лозановой или их младшим коллегам.

Однако мероприятия типа Всекарельской конференции сказителей были, пусть одиозно выразительным, но все-таки не определяющим эпизодом в научной деятельности Отдела фольклора. Сутью была работа над серьезными изданиями, одни из которых нашли воплощение в основном уже в послевоенный период, а другие так и остались неосуществленными.

Остановимся прежде всего на трех масштабных проектах, которые, к сожалению, в силу исторических событий не были реализованы: а) вузовский курс «Русский фольклор», б) Свод русского фольклора, в) нотная серия «Песни народов СССР».

Университетский курс «Русский фольклор» был задуман М. К. Азадовским еще в 1938 г.; работа же над ним развернулась в 1939 г. Это был коллективный труд, в котором участвовали как сотрудники Отдела фольклора, так и специалисты из других учреждений страны. Как можно понять из архивных документов, издание мыслилось как главный пункт в планах Отдела на 1939 г.

21 апреля 1939 г. состоялось обсуждение доклада М. О. Шахновича «Пословицы и поговорки», представляющего соответствующую главу «Русского фольклора».³⁴ С 31 мая по 4 июня 1939 г. (т. е. сразу же после Всекарельской конференции сказителей) ленинградские фольклористы провели конференцию, посвященную обсуждению первого тома этого большого коллективного труда. Согласно программе, на 31 мая—1 июня был назначен доклад А. И. Никифорова (Ленинград, Педагогический институт им. М. Н. Покровского) «Обрядово-календарный фольклор» и его обсуждение; на 2 июня — доклад Э. В. Гофман (Москва) «Свадебная поэзия»; на 3 июня — доклады В. П. Петрова (Киев) «Заговоры», Ю. М. Соколова (Москва) «Исторические песни», А. Н. Лозановой «Песни о Степане Разине»; на 4 мая — доклад И. А. Оссовецкого (Москва) «Духовные стихи».³⁵

«Русский фольклор», как известно, до издания доведен не был. Однако сохранившиеся материалы — тексты отдельных глав и стенограммы апрельского обсуждения доклада М. О. Шахновича

сказителей товарищу Сталину // Карелия : Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 6—10.

³⁴ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 186—207 (стенограмма прений по докладу).

³⁵ Там же, № 11, л. 45.

и прений во время июньской конференции — раскрывают некоторые аспекты этого несостоявшегося труда.³⁶ Общая концепция задуманного труда и его отдельных частей по материалам стенограммы и других документов восстанавливается достаточно явственно.

По словам А. М. Астаховой, задача книги «„Русский фольклор“ и статей, которые туда войдут, — подведение итогов того, что сделано в пределах того или иного фольклорного вида и отметка дальнейшей перспективы изучения, дальнейшей проблематики».³⁷ Из косвенных замечаний выступавших на июньской конференции можно понять, что издание предполагало большой, в несколько авторских листов, очерк М. К. Азадовского по истории фольклористики. (К началу Великой Отечественной войны из этого очерка вырастет знаменитая «История русской фольклористики»). «Русский фольклор» в основной своей части, как уже следует из обозначенной выше программы конференции, предполагалось строить по жанрам и обрядовым комплексам. Книга, по мысли ее создателей, не должна был сводиться к статьям справочного характера. В. П. Петров, один из участников совещания, сравнивая задуманное обобщающее издание по русскому фольклору с аналогичным обобщающим курсом «История СССР»,³⁸ по поводу последнего издания говорил: «Редакция этого курса решила подвести всех авторов к некоему среднему уровню и дать статьи справочного характера типа брокгаузовских статей». В результате, по его мнению, в этой книге «имеются справочные статьи по истории СССР, но вовсе нет истории СССР».³⁹ Издание по русскому фольклору мыслилось как коллективная монография, в которой имелся бы общий стержень, но в то же время отдельные главы не должны были терять авторской индивидуальности. М. К. Азадовский, например, начиная дискуссию по докладу А. И. Никифорова о календарной обрядности, замечал: «...нужно четко иметь в виду, что мы обсуждаем не только научный характер, — нужно не забывать, что это глава к будущей коллективной работе <...> В основном нам нужно прийти на помощь автору, обратить внимание на форму увязки той или иной работы с общим коллективным трудом. Мы должны отстаивать общий коллективный принцип, все время считаясь

³⁶ Там же, № 29. Второй экземпляр стенограммы хранится в Рукописном отделе Института русской литературы: р. V, кол. 221, п. 13, № 1—4.

³⁷ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 192.

³⁸ По-видимому, речь идет о следующем издании: История СССР / Ин-т истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1: С древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. 1—2. 424 с.; Ч. 3—4. 532 с.

³⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 146.

с авторской индивидуальностью. В то же время автор, отстаивая свои интересы и порывы, должен помнить задачу коллектива». ⁴⁰

Сохранившиеся стенограммы прений по докладам на июньской конференции 1939 г., на наш взгляд, являются интересным документом своего времени. Они демонстрируют, как в советской науке, находившейся под гнетом преступного сталинского режима, переплетались различные тенденции: идеологическое начетничество, принятие штампов, насаждавшихся большевистской властью, и подлинная научная мысль, порой намного опережавшая свое время.

Как уже было сказано, в июне 1939 г. первым состоялся доклад А. И. Никифорова «Обрядово-календарная поэзия». Машинопись этого труда хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: основной текст (в неполном виде) и фрагмент под названием «Древнерусское язычество и его значение для календарно-обрядового фольклора». ⁴¹ В основу своей концепции А. И. Никифоров положил зависимость календарных обрядов от солнечного цикла (зимнее солнцестояние, весеннее равноденствие, летнее солнцестояние и осеннее равноденствие). Четырем сезонам, по гипотезе докладчика, соответствовали четыре божества (такowymi были Коляда и Купала, сохранившие свои имена). Каждый сезон, по мнению исследователя, открывался встречей очередного календарного цикла, а завершался проводами (явные попытки определить единую структуру календарно-обрядовых комплексов). Данную цикличность исследователь назвал теорией ритма. Миграционную экзегезу, занимающую большое место в рассуждениях А. Н. Веселовского (Коляда заимствована славянами из Византии), исследователь полностью отвергал.

А. И. Никифоров в изучении обрядов, явно опираясь на свой опыт исследования сказок (и на опыт В. Я. Проппа), манифестировал тезис «от морфологии к генезису»: «...сначала уяснить себе систематизацию, а затем переходить к генезису». ⁴² «Систематология, — подчеркивал исследователь в заключительном слове, — является основной задачей моей работы. Я думаю, что сразу давать генетику нет возможности, не вставая заранее на какую-то, может быть, иногда ненадежную теорию». ⁴³ В соответствии со структурологическим методом (так будут называть по-

⁴⁰ Там же, л. 153.

⁴¹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 120, п. 9, № 1, л. 1—39 (в первой пагинации); п. 15, № 5 («Древнерусское язычество и его значение для календарно-обрядового фольклора»; 25 л.). Развитием темы в трудах А. И. Никифорова стал подготовленный им сборник текстов «Обрядовый фольклор» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 120, п. 9, № 1, л. 1—417 — вторая пагинация).

⁴² СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 180.

⁴³ Там же, л. 184.

добные подходы через несколько десятилетий) А. И. Никифоров для понимания календарной обрядности предлагал формулы математического характера, вызвавшие неодобрение слушателей. В ответ ученый замечал: «Что касается формулы. Я ее защищать не буду, совершенно спокойно с ней расстанусь, но на формуле я гораздо лучше в состоянии мыслить. Мне достаточно взглянуть на формулу, чтобы прекрасно запомнить весь процесс, а пока не покажешь на формуле — все расплывчато».⁴⁴ Следует помнить, что морфологическое изучение календарных обрядов (т. е. поиски их единой структуры) в этот период еще никем из ученых не было проделано. А. И. Никифоров был первопроходцем в этом направлении. К сожалению, это исследование не было закончено, во время войны его автор скончался в блокадном Ленинграде, и структурно-морфологические видение календарных обрядов в отечественной науке было предложено уже только в начале 1960-х гг. в книге В. Я. Проппа.⁴⁵

Доклад А. И. Никифорова вызвал оживленную дискуссию. При обсуждении этой работы со стороны молодого поколения фольклористов, воспитанного в духе официальной идеологии, предполагавшей, что в любом исследовании самым главным является манипулирование цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма, прозвучали в адрес автора упреки, весьма характерные для конца 1930-х гг. Некто Галилов высказался следующим образом: «Мне обидно, что у докладчика нет основ марксистского анализа, я хочу обвинить докладчика в эмпиризме, он ни разу не упоминает Энгельса, хотя труд Энгельса о религии и обрядах — известен. Он танцует от Аничкова и других, но не затрагивает вопросы с точки зрения Маркса, и это большой недостаток для научной работы на сегодняшний день. Этот доклад нужно было делать 20 лет тому назад, да и не 20, а все 50 лет. Почему я так говорю, потому что эти обряды это все надстройка <...> Это все нужно связать <с> материальными силами. Таким образом, я обвиняю докладчика в том, что он эмпирик, и этот труд будет недостаточным для аспирантов — людей сегодняшнего дня».⁴⁶ М. К. Азадовский вынужден был как-то нивелировать это замечание, близкое к политическим обвинениям: «Изложенное Александром Исааковичем (Никифоровым. — *Т. И.*) — это выдающаяся и замечательная работа, и тов. Галилов неправ, когда говорит, что эта работа могла быть написана 50 лет назад. Эта работа не может быть названа эмпирической работой».⁴⁷

⁴⁴ Там же, л. 171.

⁴⁵ *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники : (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.

⁴⁶ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 144.

⁴⁷ Там же, л. 164.

К счастью, основное содержание дискуссии оставалось в поле подлинной науки. Прохоров (еще одно имя, которое мы не можем прокомментировать), например, высоко оценил попытку А. И. Никифорова найти в календаре «постоянные части и переменные части»⁴⁸ (т. е. выделить структурное единство обрядов), однако указал на ряд уязвимых положений в концепции автора. Так, деление народного календаря на четыре цикла Прохорову представлялось не до конца обоснованным. Он напомнил о существующем мнении, что год славянина делился на два (или три) цикла.⁴⁹ А. М. Астахова говорила о методологической уязвимости выстраивания общей модели русского народного календаря без учета региональных (локальных) особенностей: о развитой календарной обрядности можно говорить в аграрных районах России, но не на Русском Севере.⁵⁰ Э. В. Гофман подчеркнула, что в работе А. И. Никифорова мало внимания уделено поэтике календарных песен, при этом исследовательница, абсолютно в духе времени, подчеркивала литературоведческий характер фольклористики как научной дисциплины: «...фольклор это литературоведческая наука и поэтому вопрос анализа поэтики, анализа поэтических форм не должен играть роли второстепенной, а должен стоять в центре внимания всей статьи».⁵¹

Серьезные критические замечания по отношению к концепции А. И. Никифорова высказал Ю. М. Соколов. Маститого главу московской фольклористики не устраивало слабое прочтение этнографической составляющей в исследовании. «Правоммерно ли то, что вы сегодня очень резко отграничивали себя, фольклориста, от проблемы этнологии и этнографии», — задавал он вопрос А. И. Никифорову.⁵² Обрядовая жизнь, по мнению Ю. М. Соколова, у докладчика предстала «вне фона развития человечества в целом»,⁵³ вне социальных и хозяйственных основ жизни русского крестьянина.

В. П. Петров также подчеркнул, что календарные обряды имеют аграрный характер, это недостаточно явственно показано в исследовании А. И. Никифорова, увлекшегося исследованием морфологической стороны календарных ритуалов. Он акцентировал внимание на том, что толкование календарной обрядности должно быть связано с понятием «род», в который входили

⁴⁸ Там же, л. 156.

⁴⁹ См. современные исследования: *Агапкина Т. А.* Этнографические связи календарных песен : Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000.

⁵⁰ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 161—162.

⁵¹ Там же, л. 160.

⁵² Там же, л. 136.

⁵³ Там же, л. 138.

живые и умершие («родители»). Хозяйственно-аграрные обряды совершались как для живых, так и для «родителей». Знаменитая жатвенная «борода» В. П. Петровым истолковывалась следующим образом: «Так как хозяйства общие, то „родители“ принимают участие в жатве, как и живые члены родовой группы; для работы „родителям“ оставляется кусок жатвы, предполагается, что они часть поля дожнут. Потом будет называться „козлиной бородой“».⁵⁴

Устные прения по докладу А. И. Никифорова, как видим, свидетельствуют о живом биении научной мысли в фольклористическом сообществе.

Не менее содержательной была дискуссия по поводу доклада Э. В. Гофман «Свадебная поэзия», прочитанного 2 июня.⁵⁵ Исследовательница, акцентировавшая литературоведческий характер фольклористики, сосредоточилась почти исключительно на жанрах русской свадьбы, оставив в стороне ее обрядовую суть. В связи с этим А. И. Никифоров замечал: «Фольклору посвящена большая часть данной работы, а обряд остается, с моей точки зрения, сильно в тени и остается он в тени незаслуженно».⁵⁶ История форм брака (групповой брак, экзогамия, эндогамия, парный брак), подчеркивал А. И. Никифоров, в виде пережитков отразилась в русском фольклоре, а в докладе это не было раскрыто. О том, что в работе «момент поэтический» преобладает над этнографическим, говорили Ю. М. Соколов, Г. С. Виноградов, М. К. Азадовский и другие участники конференции. Интересно замечание А. И. Никифорова, еще раз свидетельствующее о его структурном подходе к явлениям фольклора. Исследователь указал на то, что в русской традиции имеются разные редакции свадьбы, выявляемые не только на уровне различных территорий, и даже не стадиально, «а чисто морфологически».⁵⁷

Стенограмма июньской конференции 1939 г. содержит обсуждение доклада «Духовные стихи» И. А. Осовецкого,⁵⁸ бывшего

⁵⁴ Там же, л. 150.

⁵⁵ В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилась статья Э. В. Гофман «Свадебная поэзия», по-видимому дополненная и переработанная по материалам состоявшейся дискуссии (РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 3, № 1 (машинопись, 134 л.)). Из поздней авторской пометы, сделанной в 1969 г. во время пребывания Э. В. Гофман в фольклорном архиве ИРЛИ, следует, что материал статьи впоследствии был использован ею для написания соответствующей главы в вузовском учебнике «Русское народное поэтическое творчество» (Русское народное поэтическое творчество : Пособие для вузов / Общ. ред. П. Г. Богатырева. М., 1954).

⁵⁶ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 87.

⁵⁷ Там же, л. 89.

⁵⁸ Сохранился текст статьи (РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 17, № 4; машинопись с правкой; 59 л.).

на тот момент московским аспирантом. Отметим, кстати, что само включение этого пласта народной поэзии в вузовский курс «Русский фольклор» свидетельствует об упорном желании ученых, несмотря на идеологический диктат, сохранять в своих исследованиях все поле фольклорной культуры. Это не всегда удавалось: до издания многие задуманные труды не доходили или доходили в искаженном виде. Однако понимание необходимости изучения духовных стихов и народных легенд, отражающих христианские стороны крестьянского мировоззрения, исследования заговоров и мифологических рассказов, являющих суеверное сознание народа, в фольклористике никогда не исчезало. Глава о духовных стихах в «Русском фольклоре», как видим, была запланирована.

Однако молодой автор, естественно, не мог не оказаться в тисках идеологических штампов. В докладе преобладали характеристики духовных стихов как «реакционного» пласта фольклорной традиции. В связи с этим П. И. Калецкий заметил, что «докладчик похоронил духовные стихи как нечто мертвое, реакционное, что в народе никакой роли не играло, имело узкую базу». ⁵⁹ «Мне кажется, — продолжал П. И. Калецкий, — что вопрос о духовном стихе надо ставить в плане определенного этапа в истории народного мировоззрения». ⁶⁰ Н. П. Андреев также настаивал на том, что религиозное содержание духовных стихов отнюдь не означает, что они не народны, а экспедиционный опыт показывает (здесь ученый ссылаясь на запись духовных стихов в 1920-е гг. экспедициями ГИИИ), что стихи остаются востребованными в деревенской среде.

Интересной была и дискуссия по поводу доклада «Заговоры» В. П. Петрова. ⁶¹ Среди замечаний прозвучала неудовлетворен-

⁵⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 29, л. 20.

⁶⁰ Там же, л. 20.

⁶¹ В связи с открывшимися неизвестными фактами биографии В. П. Петрова позволим себе сделать небольшую справку об этом исследователе. Петров Виктор Платонович (1894—1969) — этнограф, фольклорист, философ, историк, литературовед, прозаик, писавший под псевдонимами В. Домонтович и Виктор Бэр, а также советский разведчик. В. П. Петров в 1918 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. В 1925—1929 гг. вместе с А. М. Лободой редактировал «Етнографічний вісник», внесший весомый вклад в славянскую фольклористику, работал в Этнографической комиссии Украинской Академии наук (1927—1933). В 1930 г. за исследование о Пантелеймоне Кулише ученый получил степень доктора. Последняя должность В. П. Петрова перед войной — директор Института украинского фольклора (Киев). В начале войны по заданию советского командования фольклорист остался в Харькове на оккупированной гитлеровцами территории. Занимаясь разведывательной деятельностью, в 1942—1943 гг. он выпускал литературный журнал «Український

ность тем, что докладчик остановился только на лечебных заговорах. Насколько можно понять, этот просчет был исправлен в доработанном варианте, сохранившемся в Рукописном отделе Института русской литературы и опубликованном А. Н. Мартыновой в 1981 г.⁶²

Дискуссия по поводу глав, предназначенных для «Русского фольклора», наглядно демонстрирует, что в отечественной фольклористике даже в самые тяжелые годы идеологического диктата научная мысль продолжала напряженно развиваться. Исследователи, несмотря на неоднократное осуждение со стороны власти имущих формалистических и структурологических методов в изучении традиционной культуры, как мы показали на материале дискуссий по поводу доклада А. И. Никифорова, не могли отказаться от идей, которые были им дороги. Всякий раз при возникновении серьезного научного проекта, каковым был «Русский фольклор», фольклористы, особенно те из них, чья научная мысль была воспитана в рамках методологической свободы дореволюционного периода и первых лет советской власти, отбрасывали в сторону идеологические «ходули» и руководствовались исключительно собственными представлениями о научной истине.

Работа над «Русским фольклором», как и над любым коллективным изданием, шла весьма непросто. Кто-то из предполагаемых авторов по тем или иным причинам отказывался от порученных им глав, и М. К. Азадовскому приходилось искать новых исполнителей. Так вскоре после июньской конференции 1939 г. случилось с Ю. М. Соколовым: глава по историческим песням,

засів» (здесь опубликован его роман «Без ґрунту» («Без почвы»)). В 1943 г. возглавил кафедру этнографии Украинского научного института во Львове. После окончания войны, вероятно, опять же по заданию разведывательных органов СССР, остался на Западе. До 1949 г. В. П. Петров проживал в Мюнхене, редактировал журнал «Арка», преподавал этнографию в Украинском свободном университете в Мюнхене, публиковал под псевдонимом Виктор Бэр философские произведения. В украинских эмигрантских кругах он занимал видное место. В 1949 г. В. П. Петров вернулся в СССР (по некоторым сведениям, он был выкраден советской разведкой, заподозрившей его в предательстве). Однако катастрофических последствий возвращение в Советский Союз для В. П. Петрова не имело: ему удалось избежать ГУЛАГа. Впоследствии он работал в Москве в Институте археологии АН СССР, а с 1956 г. — в киевском Институте археологии. За работу в области разведки В. П. Петров имел правительственные награды. См.: *Портнов А.* Загадки Виктора Петрова-Домонтовича [Интернет-ресурс]: <http://www.exp21.com.ua/rus/visitors/67-17.htm>. — 15.05.2010.

⁶² *Петров В. П.* Заговоры / Публ. А. Н. Мартыновой // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 77—142. Рукопись хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (р. V, кол. 17, п. 9, № 1, л. 2—53 — машинопись; л. 54—151 — подготовительные материалы).

которую первоначально он предполагал написать, была поручена П. И. Калецкому, о чем свидетельствует письмо Института литературы в Издательство Академии наук с просьбой заключить с автором договор.⁶³

Многие авторы (и в первую очередь сам М. К. Азадовский) в ходе работы превышали отведенный объем. 11 декабря 1940 г. Н. П. Андреев, например, передавая М. К. Азадовскому главу «Сказки», писал: «Представляя при сем три раздела главы „Сказки“ (I. Материал. II. Определение жанра. III. Международный характер сказок и вопрос о заимствовании), считаю необходимым сообщить, что в отведенный мне по плану объем (4 1/2 печ. л.) едва уложилось более или менее удовлетворительное по полноте изложение этих разделов <...> Вследствие этого я прошу увеличить объем порученной мне главы (по возможности, до 8 листов)».⁶⁴

Работа над «Русским фольклором» продолжалась до начала Великой Отечественной войны. Судя по плану Института литературы, на 1941 г. намечалось завершение подготовки к печати этого вузовского курса. На 19 февраля на Ученом Совете должно было пройти обсуждение первого тома «Русского фольклора».⁶⁵ К концу года в производство предполагалось сдать второй и третий тома,⁶⁶ в связи с чем на первую половину года было запланировано несколько заседаний Отдела фольклора с обсуждением статей, предназначенных для этого издания: «Русская сказка» Н. П. Андреева (10 января), «Русская лирическая песня» З. В. Эвальд (24 января).⁶⁷ Доклад З. В. Эвальд о песнях (и в данном случае уже обозначенный как совместный с Е. В. Гиппиусом) в связи с болезнью автора был впоследствии перенесен на 28 марта.⁶⁸

Выходу в свет «Русского фольклора» в том виде, как его задумал М. К. Азадовский, помешала начавшаяся Великая Отечественная война. По ее окончании работа над изданием была продолжена. Сохранился недатированный документ, относящийся к 1947—1948 гг., раскрывающий концепцию и содержание трех томов «Русского фольклора»:

«I. Русский фольклор

Курс должен противопоставить старому, дореволюционному и современному буржуазному пониманию фольклора новые принципиаль-

⁶³ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 57.

⁶⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 15, № 2.

⁶⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1941, № 1, л. 29.

⁶⁶ Там же, л. 35.

⁶⁷ Там же, л. 42.

⁶⁸ Там же, л. 27.

ные установки, опирающиеся на основные положения марксизма-ленинизма.

Конкретной основой курса, стержнем его являются указания тт. Сталина, Жданова, Кирова о конспектах учебников по истории, определяющие понимание исторического процесса; в свете этих указаний используются результаты дискуссии, развернувшейся по вопросу о концепции происхождения героического эпоса.

Основной принцип курса — характеристика фольклора, как подлинно-народного творчества, глубоко-реалистического по своему внутреннему характеру. Фольклор рассматривается в его этнографическом, литературно-художественном и историческом значении.

Курс посвящен русскому фольклору. Материал фольклора других народов привлекается в порядке аналогий, полнее освещающих отдельные этапы в развитии фольклора, и для характеристики взаимодействий в фольклоре различных народов, как результата взаимоотношений самих народов. Особенно широко материалы фольклора братских народов привлекаются в характеристике советского фольклора.

Объем курса 100 п. л.

Построение

Т о м I

Историография изучения русского фольклора — проф. М. К. Азадовский

Т о м II

Теоретическое введение — проф. Н. А. Андреев
Сказки — Н. П. Андреев и В. Я. Пропп
Исторические песни — П. И. Калецкий
Песни о Разине — А. Н. Лозанова
Обрядовая поэзия — А. И. Никифоров
Свадебная поэзия — Э. В. Гофман
Лирическая песня — Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд
Заговоры — В. П. Петров
Причитания — Г. С. Виноградов
Детский фольклор — Г. С. Виноградов
Загадки — Г. С. Виноградов
Частушки — П. И. Калецкий
Народная драма — М. А. Рыбникова, В. А. Крупянская
Пословицы — М. О. Шахнович
Духовные стихи — И. А. Оссовецкий
Рабочий фольклор — А. Л. Дымшиц
Переделки народных песен — И. Н. Розанов

Т о м III

Основные линии советской фольклористики — Ю. М. Соколов
Ленин и Сталин в фольклоре — Ю. М. Соколов

Советские песни — Л. Н. Лебединский
Народные поэмы — <А. М.> Новикова
Плачи — В. И. Чичеров
Сказы — <С. С.> Жислина, <Н. Д.> Комовская
Сказки — С. И. Минц
Частушки — В. М. Сидельников
Пословицы — М. О. Шахнович
Сказители — А. М. Астахова
Литература и фольклор — <И. С.> Эвентов
Библиография фольклора советской эпохи — А. Н. Лозанова». ⁶⁹

Данный архивный документ отражает один из этапов работы над «Русским фольклором» и выявляет некоторые интересные детали, связанные с этим изданием. Глава по истории русской фольклористики, переросшая в монографию, заставила М. К. Азатовского предложить весь первый том посвятить истории науки. Два оставшихся тома должны были отражать соответственно фольклорную традицию дореволюционного и советского периодов. Второй том (дореволюционный фольклор), по-видимому, в основе своей был готов к началу войны, унесшей жизни многих авторов (Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, З. В. Эвальд, М. А. Рыбникова и умерший 17 июля 1945 г. Г. С. Виноградов). Появление третьего тома, полностью посвященного советскому фольклору, без сомнения, было вызвано новым витком в усилении идеологического диктата, развязанным сталинским режимом по окончании Великой Отечественной войны. Согласно довоенным планам, эта часть фольклорной (псевдофольклорной) культуры должна была в издании занимать гораздо более скромное место.

В РО ИРЛИ помимо названных выше глав «Русского фольклора» сохранились также следующие: Н. П. Андреев и В. Я. Пропп «Сказки» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 15, № 1), Г. С. Виноградов «Причитания» (п. 10, № 7), Г. С. Виноградов «Загадки» (п. 10, № 8), Г. С. Виноградов «Детский фольклор» (п. 17, № 5), Н. Д. Комовская «Устный народный рассказ» (п. 17, № 9), А. М. Новикова «Поэмы» (п. 17, № 1), М. А. Рыбникова «Драма о царе Максимилиане» (п. 17, № 10), В. И. Чичеров «Плачи» (п. 17, № 7), М. О. Шахнович «Советские пословицы и поговорки» (п. 17, № 6), Н. М. Элиаш «Колыбельные песни восточных славян» (п. 15, № 5, 7), неустановленный автор «Советская песня» (п. 17, № 11). Как видим, во второй половине 1940-х гг. «Русский фольклор» был в значительной степени готов к печати.

Однако издание так и не было осуществлено: помешала развернувшаяся позорная кампания «борьбы с космополитизмом»,

⁶⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 10, № 10.

в результате которой в мае 1949 г. М. К. Азадовский был уволен из Пушкинского Дома. Вместо «Русского фольклора» в начале 1950-х гг. вышло «Русское народное поэтическое творчество»,⁷⁰ построенное совсем на других принципах: здесь была предпринята попытка рассмотреть русскую народную поэзию в хронологическом аспекте, выделив фольклор времени расцвета древнерусского раннефеодального государства, фольклор периода феодальной раздробленности, времени создания централизованного Московского государства и т. д. Это издание явно не стало событием в истории отечественной науки о «живой старине». Так завершился проект вузовского курса по русскому фольклору.

Как уже было сказано выше, вторым масштабным проектом Отдела фольклора в предвоенные годы стал Свод русского фольклора, появляющийся в планах Института литературы в 1940 г.⁷¹ Напомним, что в качестве инициатора этого издания в предвоенные годы публично выступал писатель А. Н. Толстой. Весной 1938 г. он познакомился с поморским сказочником М. М. Коргуевым, обладавшим громадным репертуаром, что подсказало ему идею масштабного издания русского фольклора. 26 мая 1938 г. писатель обратился к советскому правительству с предложением создать библиотеку памятников русской народной словесности: «У нас имеются колоссальные матерьялы изданных и неизданных записей былин, сказок, сказаний, песен. Русский фольклор неизмеримо богаче и художественнее фольклоров европейских народов.

Но все это разбросано по разным изданиям и сборникам, не приведено в систему, не отобраны лучшие варианты, не произведена научно-художественная работа составления, так сказать, канонического свода. Неизданные записи и произведения, творимые сейчас советскими сказочниками и сказителями, представляют также огромный фонд.

Наш фольклор лежит под спудом и недоступен нашему народу, недоступны ему сокровища языка, запечатленные в рукописях и антикварных изданиях.

Пора, наконец, изданием полного свода фольклора увековечить гений русского народа. Такое издание, помимо того, должно произвести большое впечатление во всем мире».⁷²

На протяжении 1938 г. М. К. Азадовский и другие фольклористы неоднократно обсуждали проект Свода вместе с А. Н. Толстым. В хронике работы Фольклорной комиссии за 1937—1938 гг.

⁷⁰ Русское народное поэтическое творчество / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.: Л., 1953—1956. Т. 1; Т. 2, кн. 1—2.

⁷¹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 66.

⁷² Цит. по статье: *Крестинский Ю.* Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика // Вопросы литературы. 1974. № 1. С. 314.

А. М. Астахова писала: «В конце 1938 г. инициативная группа под председательством депутата Верховного Совета писателя А. Н. Толстого, — в составе руководящих работников Фольклорной комиссии Института этнографии (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус), члена Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Н. Нечаева, московских фольклористов Ю. М. Соколова, Э. В. Гофман, С. И. Минц, М. А. Рыбниковой и В. И. Чичерова, члена Московского отделения Союза писателей К. И. Чуковского, — выдвинула проект издания тридцатитомного корпуса русского фольклора и проект организации летом 1939 г. Всесоюзной Фольклорной выставки. По этому поводу в первых числах декабря 1938 г. в Москве состоялось специальное совещание, выработавшее установки и планы издания и выставки».⁷³

В январе 1939 г. А. Н. Толстой был избран действительным членом АН СССР, что позволило придать проекту Свода новое качество. В первом же своем выступлении на общем собрании Академии наук 27 февраля писатель озвучил программу издания, посвященного устной поэзии всех народов Советского Союза: «...сейчас можно и нужно говорить об издании общего свода фольклора всех народов СССР».⁷⁴

В мае 1940 г. в Отделении литературы и языка АН СССР состоялось совещание, где был представлен проспект Свода русского фольклора. Отметив грандиозность и сложность создания Свода фольклора народов СССР, А. Н. Толстой подчеркнул: «Начать <...> следует с подготовки к изданию свода русского фольклора. Эта инициатива Академии наук СССР будет, несомненно, подхвачена Украинской и Белорусской академиями наук и филиалами Академии в других советских республиках. Таким образом, на основе опыта подготовки русского свода мы сумеем создать общий свод фольклора всех народов СССР».⁷⁵

В декабре 1940 г. Президиум АН СССР утвердил главную редколлегию Свода русского фольклора. К этому времени создание Свода рассматривалось уже не только как научная и художественная задача, но и как политическая: «Значение работы над сводом фольклора народов СССР определяется тем огромным ме-

⁷³ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор : Сборник статей и материалов. М.; Л., 1941. Вып. 7. С. 270.

⁷⁴ В Академии наук СССР // Литературная газета. 1939. 1 марта. № 14. С. 6.

⁷⁵ Полный свод фольклора народов СССР // Литературная газета. 1940. 26 мая. № 29. С. 6. См. также: А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 3—6.

стом, которое занимает фольклор в жизни нашей страны, и тем вниманием, которое уделяется народному творчеству Партией и Правительством».⁷⁶

В качестве первоочередной задачи была сформулирована идея «малого» Свода русского фольклора, который должен был состоять из 38 томов, среди них были названы былины (5 томов), исторические песни (1 том), причитания (2 тома), духовные стихи (полтома), песни (10 томов), заговоры, загадки, пословицы, детский фольклор (3.5 тома), народный театр (1 том), фольклор рабочего и революционного движения (1 том), советские поэмы и сказки (2 тома). 39-й, дополнительный, том планировалось посвятить фольклорным текстам в произведениях русских писателей. Как видим, основной принцип построения Свода русского фольклора был жанровый. Внутри жанров материал предполагалось располагать по сюжетам. Однако Свод, по мысли редколлегии, должен был отражать областные поэтические стили, а также индивидуальность сказителей.

Как можно понять, наиболее разработанным на 1940 г. был проект издания сказок. Планировалось несколько томов посвятить волшебным (150 сюжетов), анекдотическим, новеллистическим, сказкам о животных, бывальщинам. Один из томов должен был представлять советские сказки; два тома — творчество отдельных мастеров этого жанра.⁷⁷

На 1940 г., согласно архивным документам, Н. П. Андреев для проекта «Академический корпус русских сказок» (серия сказок в «малом» Своде русского фольклора) предполагал составить указатель материалов, не входящих в основные сборники сказок.⁷⁸ М. К. Азадовский и А. М. Астахова планировали подготовку текстов былин, записанных в начале XX в., находящихся в архивах и в отдельных разрозненных изданиях.

По общим планам Института литературы за 1941 г.⁷⁹ работа над Сводом была обозначена следующим образом: «Свод фольклора народов СССР в 40 томах (на 1941 год — к печати один том и проводится организационная работа по подготовке всего издания)».⁸⁰ По-видимому, к печати должен был подготовлен том, посвященный былинам, редактором которого была назначена А. М. Астахова. На 28—30 июня планировалось совещание по вопросам, связанным с изданием Свода фольклора народов СССР.⁸¹

⁷⁶ Свод фольклора народов СССР // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 2. С. 129.

⁷⁷ Там же. С. 129—131.

⁷⁸ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 66.

⁷⁹ Там же, оп. 1-1941, № 1, л. 33—37.

⁸⁰ Там же, л. 34.

⁸¹ Там же, л. 16.

Совещание, по понятным причинам, не состоялось. Однако 24 июня, т. е. на третий день войны, в соответствии с ранее намеченными планами прошло расширенное заседание Бюро Отделения литературы и языка совместно с Ученым Советом Института литературы.⁸² В повестке дня был отчет по проверке полугодового плана работы Института литературы в 1941 г. По поводу Свода русского фольклора постановили: «Считать, что работа проходит нормально».

Судьба Свода русского фольклора оказалась не менее драматичной, чем вузовского курса «Русский фольклор». До войны реализацию этого проекта по-настоящему развернуть не успели. По окончании войны не стало главы проекта писателя-академика А. Н. Толстого, а вскоре началась антикомпаративистская кампания, сыгравшая роковую роль в судьбе М. К. Азадовского. В 1956 г. идея Свода опять стала в центре внимания фольклористов Пушкинского Дома.⁸³ Однако практическое воплощение Свода началось лишь в 2001 г. — с первого тома «Былины Печоры», открывающего серию «Былины».

Третьим масштабным проектом Отдела фольклора в 1939—1941 гг. стала серия «Песни народов СССР» (руководитель Е. В. Гиппиус). Серия предполагала представить в 40 выпусках нотные расшифровки песен 60 этносов, населяющих Россию. В работе, помимо музыковедов Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, участвовали специалисты по культуре народов СССР (как тогда говорили, национальные кадры). Они в основном занимались словесной расшифровкой песен с фоноваликов и переводом текстов на русский язык. Интенсивная работа над серией началась в 1937 г. В следующем году, т. е. еще в Институте этнографии, были подготовлены к печати 6 выпусков («Карелы и вепсы», «Удмурты», «Чуваши», «Мари», «Белорусы», «Коми»). В Архиве Академии наук сохранились сопроводительные письма Института литературы в Государственное музыкальное издательство (Москва) при передаче рукописей трех выпусков («Чуваши», «Коми», «Белорусы»)⁸⁴ В 1939 г. Фонограммархив намеревался закончить работу над выпусками «Цыганы», «Мордва», «Татары». Существовали также планы экспедиционных поездок для собирания материала по песенному фольклору крымских татар, калмыков, мордвы, адыгейцев и цыган.

Из грандиозного проекта «Песни народов СССР» издан был лишь один сборник — «Белорусские народные песни»

⁸² Там же, л. 1—10.

⁸³ Свод русского фольклора : Проспект / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Сост. А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, А. Н. Лозанова, Н. В. Новиков, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, П. Г. Ширяева; Отв. ред. М. О. Скрипиль. Л., 1956.

⁸⁴ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 51—54.

З. В. Эвальд, основанный на фонозаписях, сделанных в 1931 (С. Д. Магид), 1932 (З. В. Эвальд), 1934 (З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус) и 1938 гг. (Ф. А. Рубцов) в разных районах Белоруссии.⁸⁵ Здесь представлены тексты песен на белорусском языке (под редакцией М. Я. Гринблата), перевод текстов на русский язык (М. А. Фроман), нотные расшифровки и статьи-комментарии З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса («Замечания о белорусской народной песне»), К. В. Квитки («Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен») и В. М. Беляева («Справка о белорусских народных музыкальных инструментах»). Предисловие, написанное Е. В. Гиппиусом, раскрывало цели и задачи всей серии «Песни народов СССР». Здесь исследователь специально останавливался на проблеме нотных расшифровок. Хороший расшифровщик, подчеркивал он, в обязательном порядке должен быть и исследователем музыкального стиля: «...основная задача нотной записи с фонографа (музыкальной расшифровки) — в раскрытии закономерностей национальной музыкальной формы и национального музыкального стиля. Процесс расшифровки — это поиски таких закономерностей в живом наблюдении и тщательном анализе произведений народной музыки».⁸⁶

Выходу в свет остальных томов помешала война,⁸⁷ по окончании которой проект возобновлен не был: З. В. Эвальд скончалась во время ленинградской блокады, а Е. В. Гиппиус переехал из Ленинграда в Москву и стал работать в Московской государственной консерватории. В настоящее время в рукописном фонде Фонограммархива Пушкинского Дома хранятся около 60 папок с материалами к этой серии: нотные расшифровки с фоноваликов и слуховые нотировки, тексты на языке оригинала и переводы на русский язык песен разных народов (белорусы, карелы, коми, мордва, чувашаи, удмурты, башкиры, татары, калмыки, ненцы, саамы, эвенки и др.). Это записи 1920—1930-х гг., сделанные разными собирателями в полевых и в стационарных условиях в Ленинграде.

Помимо названных трех масштабных проектов Отдел фольклора народов СССР в 1939—1941 гг. занимался и другими темами и изданиями. Важным пунктом предвоенных планов была работа над очередными (седьмой и восьмой) томами временни-

⁸⁵ Белорусские народные песни / Сост. З. В. Эвальд. М.; Л., 1941 (Песни народов СССР / Под ред. Е. В. Гиппиуса).

⁸⁶ Гиппиус Е. В. Предисловие // Белорусские народные песни. С. 8—9.

⁸⁷ К проекту «Песни народов СССР» имеет отношение также статья Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд «Карельская народная песня» (Советская музыка. 1940. № 9. С. 82—90) — фрагмент комментариев, предназначенных для сборника «Карельские народные песни».

ка «Советский фольклор», бывшего в рассматриваемый период главным фольклористическим изданием в СССР. Временник, ответственным редактором которого являлся М. К. Азадовский, объединял как русских фольклористов, так и исследователей из национальных республик, во многих из которых наука о «живой старине» еще только зарождалась. Седьмой том «Советского фольклора», напомним, вышел в 1941 г.⁸⁸

К началу войны был готов и полностью отредактирован и восьмой выпуск «Советского фольклора». В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилась машинопись титульного листа данного выпуска, завизированная М. К. Азадовским и Д. С. Лихачевым. Руководитель Отдела фольклора свидетельствовал: «Отредактировано. Ответственный редактор проф. М. К. Азадовский. 7/1.1941 г. Ленинград». Виза Д. С. Лихачева, являвшегося в то время редактором Издательства Академии наук, поставлена 22 июня 1941 г.: «Отредактировано. Редактор Д. С. Лихачев». ⁸⁹

Сохранился черновой вариант оглавления этого выпуска.⁹⁰ Сборник открывался некрологом Ю. М. Соколова, скончавшегося 15 января 1941 г. (написанным М. К. Азадовским), и статьей А. Л. Дымшица «Академик Ю. М. Соколов как исследователь советского фольклора». Эти материалы, по-видимому, были вставлены в «Советский фольклор» уже после передачи рукописи в издательство. Далее должны были следовать статьи М. К. Азадовского «О построении истории русской фольклористики» и В. П. Петрова «Язык и фольклор». Раздел «Фольклор народов СССР» составили три работы: Ю. М. Соколов «Джангар и эпос народов СССР», И. И. Кравченко «Советский фольклор Дона и Донбасса», С. И. Минц «Современная советская сказка». В разделе «Фольклор и литература» значатся статьи П. Н. Беркова «Ломоносов и фольклор» и Р. Орбели «Сюжетные параллели в двух турецких сказках — „Ашуг Гариб“ и „Кярам и Асли“ по армянским их вариантам». Далее следовал раздел «Материалы по истории фольклора и фольклористики»: И. Д. Фридрих «Частушки русских крестьян в Латвии (1924—1940)», П. Г. Ширяева «Украинский рабочий фольклор», А. Дымшиц «Фольклор соромовских рабочих», В. Крупянская «Народная драма „Лодка“». В «Заметках и сообщениях» значатся статьи В. И. Чернышева «Песни села Большого Болдина», И. Я. Айзенштока «У истоков западноукраинской фольклористики», А. А. Ромаскевич «Древний и современный эпос иранских племен», Б. Варнеке

⁸⁸ Советский фольклор: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М. К. Азадовский. М.; Л., 1941. Вып. 7.

⁸⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 23, № 1, л. 1.

⁹⁰ Там же, № 2.

«Зародыши драмы в песнях», В. А. Кравчинской «Новый вариант песни о восстании декабристов», Т. Петуховой «Рассказы о Пушкине». Последним разделом «Советского фольклора» был раздел «Обзоры и рецензии».

Восьмой выпуск «Советского фольклора» в 1941 г., естественно, издан не был. После войны вследствие изменившейся исторической ситуации сборник потребовал коренной переработки. Часть статей устарела и перестала быть актуальными (из раздела хроники). Работа И. Д. Фридриха «Частушки русских крестьян в Латвии (1924—1940)» не могла быть включена в сборник, так как автор к этому времени находился в сталинских лагерях.⁹¹ Исключены были практически и все остальные статьи. В сохранившемся оглавлении сборника, завизированном М. К. Азадовским 10 февраля 1948 г., находим раздел «Фольклор Великой Отечественной войны» (статьи А. М. Астаховой «Фольклор Великой Отечественной войны в свете общей проблемы советского фольклора», Н. В. Новикова «Из фронтовых записей фольклориста», В. Г. Базанова «Народные причитания времени Великой Отечественной войны», Л. С. Шептаева «Хакасская бытовая лирическая песня в годы Великой Отечественной войны», Е. Вирсаладзе «Патриотические идеи в грузинском народном творчестве»). Раздел «Personalia» содержит некрологи скончавшихся Н. П. Андреева (автор М. К. Азадовский), А. И. Никифорова (В. Я. Пропп), З. В. Эвальд (С. Д. Магид), М. А. Рыбниковой (И. Н. Розанов). Специальные заметки освещали конференции 1943 г., прошедшие в Иркутске и Москве, а также конференцию по фольклору и этнографии Средней Азии. Обзоры собирательской работы, равно как и деятельность отдельных научных структур, представленные в нескольких статьях, также охватывают период войны и середины 1940-х гг. Центральными статьями в этом варианте восьмого выпуска были статьи В. М. Жирмунского «Итоги и задачи изучения эпического творчества народов Средней Азии», П. Н. Беркова «Проблемы научного изучения „Манаса“», К. А. Копержинского «Былины Восточной Сибири (Новые записи)», Э. С. Литвин «Фольклорные источники „Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе“ Н. С. Лескова», С. И. Минц «К вопросу о фольклоризме В. Г. Короленко («Слепой музыкант»)».

Однако и в этом виде восьмой выпуск из-за развернувшейся кампании «борьбы с космополитизмом» издан не был. Через несколько лет «правопреемником» «Советского фольклора» стал

⁹¹ См.: *Иванова Т. Г.* Иван Дмитриевич Фридрих и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // *Русская история и культура : Статьи. Воспоминания. Эссе : Сборник статей / Под ред. Ю. К. Руденко.* СПб., 2007. С. 337—369.

пушкинодомский «Русский фольклор : Материалы и исследования», первый выпуск которого вышел в 1956 г.

Помимо «Советского фольклора» по предвоенным планам Отдела фольклора предполагалось также продолжить издание бюллетеней Фольклорной комиссии, первый опыт которого был осуществлен в 1934 г.⁹² Редактором этого периодического органа был назначен Н. П. Андреев. Бюллетень, состоявший из информационных сообщений из Карелии (А. Н. Лозанова), Белоруссии (М. Я. Гринблат), Грузии (М. Я. Чиковани) и т. д., был собран в 1939 г.,⁹³ но издание, к сожалению, не состоялось.

Отдельным пунктом в планах 1940 г. значится работа по переизданию классиков отечественной фольклористики. Совместно с Отделом западных литератур фольклористы Пушкинского Дома готовили т. 2—3 (эпос) Собрания сочинений А. Н. Веселовского (В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев и М. К. Азадовский).

В предвоенные годы в Отделе фольклора готовились три диссертации. В 1940 г. А. М. Астахова начала работу над докторской диссертацией «История былин на Севере». Работа эта была закончена во время Великой Отечественной войны в Казани, куда был эвакуирован Пушкинский Дом, и защищена 1 декабря 1944 г. уже по возвращении института в Ленинград.⁹⁴ Е. В. Гиппиус к 1 декабря 1940 г., согласно планам этого года, предполагал завершить докторскую диссертацию «Правобережные северодвинские диалекты русской народной песни». Защита не состоялась. Докторской диссертацией, защищенной в июне 1957 г., стала другая работа — о сборниках русских народных песен М. А. Балакирева.⁹⁵ Над кандидатской диссертацией «Дооктябрьский рабочий фольклор» в рассматриваемый период работала П. Г. Ширяева. Защита (формулировка темы: «Рабочий фольклор первой русской революции») состоялась 15 мая 1946 г.⁹⁶

⁹² См.: Фольклор : Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1934.

⁹³ См. рукопись: РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 30, № 2.

⁹⁴ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 1 (Материалы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой «Северный период в истории русской быliny»). Диссертация издана в виде монографии: *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

⁹⁵ Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 12. Отражением докторской диссертации Е. В. Гиппиуса является сборник: *Балакирев М. А.* Русские народные песни для одного голоса с сопровождением ф.-п. / Ред., предисл., исслед., примеч. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1957.

⁹⁶ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 29 (Материалы по защите кандидатской диссертации П. Г. Ширяевой «Рабочий фольклор первой русской революции»).

В предвоенные годы Отдел фольклора работал также над рядом сборников фольклорных текстов, как получивших выход в печать, так и неосуществленных.

К 1939 г. были готовы к сдаче в печать первый том сборника «Песни Пинежья», подготовленного Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд,⁹⁷ и второй том «Былин Севера» А. М. Астаховой.⁹⁸ Издание их было заложено в предложенную смету на 1939 г. Однако, как известно, первый том «Песен Пинежья» так никогда и не вышел в свет,⁹⁹ а второй том «Былин Севера» был издан уже после Великой Отечественной войны в 1951 г.

Следует подчеркнуть, что Фольклорная комиссия народов СССР (и наследовавший ей Отдел фольклора народов СССР) работала в тесном контакте с исследователями из других научных учреждений. В связи с этим многие издания готовились сторонними специалистами, но получали консультативную и редакторскую поддержку Комиссии и включались в ее планы.¹⁰⁰

Так, в рассматриваемый период шла работа над переизданием «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, которое готовил А. И. Никифоров, в 1936—1942 гг. являвшийся профессором Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. По непонятным причинам второй и третий тома под общей редакцией М. К. Азадовского вышли в свет еще в 1938 г.¹⁰¹ Окончание же подготовки первого тома намечалось на 1939 г. Это издание, вошедшее в науку как 3-е издание «Онежских былин», напомним, завершено не было. Корректуру первого тома А. М. Астаховой довелось читать в самом начале Великой Отечественной войны,¹⁰² но издание тома в условиях ленинградской блокады не состоялось. Уже после войны на основании данного 3-го издания

⁹⁷ Вышел только второй том: Песни Пинежья : Материалы Фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. М., 1937. Кн. 2.

⁹⁸ Былины Севера / Записи, вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938—1951. Т. 1—2.

⁹⁹ В настоящее время рукопись тома находится в рукописном фонде Фонограммархива Пушкинского Дома.

¹⁰⁰ Полагаем, что переименование в 1937 г. Фольклорной секции Института этнографии АН СССР в Фольклорную комиссию народов СССР было связано с практикой М. К. Азадовского по широкому привлечению фольклористических сил Ленинграда и других городов к осуществлению задуманных изданий.

¹⁰¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 3-е изд. / Подгот. текста, коммент. А. И. Никифорова. М.; Л., 1938. Т. 2: Киж. Выгозеро; Т. 3: Водлозеро. Кенозеро. Моша.

¹⁰² См.: Иванова Т. Г. Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. М., 2005. № 2 (18). С. 16—17.

было подготовлено 4-е издание этого классического былинного собрания.¹⁰³

По планам 1940 г., А. И. Никифоров, работавший по договору, должен был представить сборник «Северные сказки, записи экспедиций 1926—1928 гг.». Это издание, раскрывающее материалы экспедиций ГИИИ, было осуществлено много позднее В. Я. Проппом.¹⁰⁴

Отдел фольклора сотрудничал также с В. И. Чернышевым, который по планам 1939 г. готовил издание сказок пушкинских мест. Этот сборник, включающий в себя записи из Пушкинского и Бежаницкого районов Псковской области и из Болдинского района Горьковской области, был напечатан в 1950 г.¹⁰⁵

Среди предвоенных планов ленинградских фольклористов значится сборник «Былины и исторические песни донских казаков», который готовил А. М. Листопадов при консультативной поддержке А. М. Астаховой и Е. В. Гиппиуса. Надо полагать, что отголосками этого проекта стали сборники, вышедшие также в послевоенный период.¹⁰⁶

Еще одним проектом предвоенного периода был сборник текстов, посвященный советскому фольклору. В связи с этим в 1939 г. намечалась экспедиция А. М. Астаховой в район г. Сталинграда (ныне Волгоград). Очевидно, что и сама тема (советский фольклор), и выбор региона для полевой работы обусловлены идеологическим прессингом периода культа личности Сталина. Фольклористы надеялись в районе бывшего Царицына, в обороне которого от Белой армии, согласно официальной советской историографии, главную роль сыграл Сталин, найти устные песенные и прозаические произведения, воспевающие «великого вождя».

В 1941 г. в планах Отдела фольклора появляется сборник «Сталин и фольклор» (другое название: «Сталин в фольклоре народов СССР»), идея которого возникла в связи с грядущим 25-летием Октябрьской революции (1942). Согласно сохранившимся индивидуальным планам,¹⁰⁷ Н. П. Андреев намеревался написать для этого издания статью «Фольклор и литература». А. Н. Лозанова

¹⁰³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. / Подгот. текста, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова; Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1949—1951. Т. 1—3.

¹⁰⁴ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

¹⁰⁵ Сказки и легенды пушкинских мест : Записи 1927—1929 гг. / Записи на местах, наблюдения, исследования В. И. Чернышева; Подгот. к изд. Н. П. Гринковой, Н. Т. Панченко. М.; Л., 1950.

¹⁰⁶ *Листопадов А. М.* 1) Донские былины. Ростов н/Д., 1945; 2) Донские исторические песни. Ростов н/Д., 1946; 3) Былинно-песенное творчество Дона. Ростов н/Д., 1948.

¹⁰⁷ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1941, № 46.

планировала составление библиографии по данной теме, статью «Сталинская тема в сказке», а также экспедицию в Сталинградский район. Этот проект, в значительной мере трансформированный, в послевоенный период был доведен до корректуры, хранящейся в РО ИРЛИ: «Сталин в поэзии народов СССР» (сост. В. А. Кравчинская, М. Я. Парижская (Мельц), Г. Г. Шаповалова, П. Г. Ширяева; Отв. ред. А. М. Астахова).¹⁰⁸

Наконец, остановимся на экспедиционно-собирательской деятельности Отдела фольклора в 1939—1941 гг. Основные экспедиции этого времени были связаны с реализацией еще одного проекта Пушкинского Дома, заявляемого в предвоенных планах, — со сборником «Фольклор Ленинградской области». Подготовка этого издания значится в планах 1940 г., где имеется пункт «Материалы Рукописного хранилища Фольклорного отдела». Отдел фольклора, как можно понять, важной задачей считал публикацию своих экспедиционных материалов. Издание «Фольклор Ленинградской области» в планах значится как том 3 из серии «Материалы Рукописного хранилища Фольклорного отдела».¹⁰⁹ Надо полагать, что первыми двумя томами мыслилось двухтомное издание «Былины Севера» А. М. Астаховой (1938—1951). Подготовка сборника «Фольклор Ленинградской области» в 1940—1941 гг. планировалась А. Н. Лозановой (впоследствии она отошла от этого издания) и В. А. Кравчинской.

К 1940 г. в активе ленинградских фольклористов была уже экспедиция 1937 г. А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой в районы, которые, согласно территориально-административному делению того времени, входили в Ленинградскую область: в Кирилловский, Петриневский и Мяксинский районы (ныне Кирилловский и Череповецкий районы Вологодской области).¹¹⁰ В сборник планировалось также включить материалы, записывавшиеся сотрудниками ИПИНа и ИАЭ в Ленинграде и пригородах начиная с 1931 г. на крупных предприятиях, во время майских и октябрьских демонстраций, на Первой областной олимпиаде народного творчества (декабрь 1935—январь 1936 г.).

«Фольклор Ленинградской области», повторим еще раз, — это тот проект, вокруг которого в предвоенные годы развернулась экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность Отдела фольклора. Как уже было сказано выше, Ленинградская область в этот период включала территории, ныне относящиеся к другим областям России: отдельные районы современных Вологодской, Новгородской и Псковской областей. В связи с этим экс-

¹⁰⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 18, № 2 (корректурa; 220 л.); № 1 (машинопись; 679 л.).

¹⁰⁹ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1939, № 11, л. 66.

¹¹⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 75, п. 1—2.

педиционные маршруты, связанные со сборником «Фольклор Ленинградской области», были весьма разнообразными.

В конце марта—начале апреля 1939 г. В. А. Кравчинская в Маловишерском районе работала с талантливой исполнительницей с хутора Марино Грушинского сельского совета Оксиньей Григорьевной Лебедевой (ныне Новгородская область). От нее собирательнице удалось записать сказки, заговоры, описание свадебного обряда и песни. В настоящее время эти материалы составляют коллекцию 96 (2 папки) в фольклорном хранилище Рукописного отдела Пушкинского Дома.

На следующий год, в конце января—феврале 1940 г., В. А. Кравчинская обследовала фольклорную традицию в г. Боровичи и Кончанском сельском совете Боровичского района — в бывшем имении А. В. Суворова (ныне Новгородская область). Экспедиции были посвящены две статьи фольклористки, опубликованные в боровичской газете «Красная искра».¹¹¹ Из статей явственно вытекает, что собирательницу интересовали в первую очередь прозаические сказы советского содержания (о Гражданской войне, о встречах с В. И. Лениным и т. д.). Соответствующий материал В. А. Кравчинская записывала от работников местного завода «Красный керамик». Равным образом она вызывала исполнителей на рассказы о крепостном праве, а также о Суворове. Методика получения советских сказов у фольклористов к 1940 г. уже была отработана, поэтому задачу записи советского фольклора собирательница выполнила вполне успешно. Тем не менее в работе В. А. Кравчинской объективно порой возникали свидетельства подлинного состояния устной традиции. В отчете фольклористки любопытно замечание о частушках. По-видимому, вопреки собственным ожиданиям, сформированным идеологическими установками, она вынуждена была констатировать: «...советских частушек мне удалось записать очень немного: большинство советских частушек книжного происхождения. И сами исполнители говорили: „Это мы из песельников взяли“ или „слышали по радио“».¹¹² В Боровичском районе собирательнице удалось записать также исторические песни о казаке Платове, восстании декабристов, турецкой войне и пр. Лирика помимо «тяговых» (протяжных) песен была представлена песнями на слова Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Некрасова и др. В настоящее время материалы В. А. Кравчинской — полевые и машинописные копии — составляют в фольклорном архиве Пушкинского Дома папки 1—3, 24 и 29 в коллекции 105.

¹¹¹ *Кравчинская В.* 1) Фольклор Ленинградской области // Красная искра. Боровичи, 1940. 2 февр. № 23; 2) Живая летопись // Красная искра. 1940. 17 февр. № 39.

¹¹² РО ИРЛИ, р. V, кол. 105, п. 1, № 1, л. 4.

В собирательской работе в 1930-е гг. очень большое место занимали установка контактов фольклористов с грамотными носителями устной традиции и нацеливание их на запись своего репертуара. В названных выше газетных статьях В. А. Кравчинская напрямую обращалась к читателям «Красной искры» с призывом записывать фольклор и присылать его произведения в Институт литературы. Эта же просьба звучала и в ее разговорах с исполнителями, с которыми она встречалась. Свидетельством эффективности подобной практики являются фольклорные записи и письма исполнителей, отложившиеся в разных фольклорных коллекциях Пушкинского Дома. Так, весьма интересным с точки зрения бытования пословиц в конкретных жизненных ситуациях нам представляется письмо боровичанки М. Ф. Шитиковой, посланное В. А. Кравчинской в марте 1940 г., т. е. вскоре по окончании экспедиции. Здесь имеются замечания о пословицах, которые она выслала ранее собирательнице: «Вера Александровна, вы спрашиваете, откуда я знаю пословицы. Я их знаю давно, не сейчас, я знаю их с детства. Мне много говорила моя мама. Вот пословица „рад бы в корольки, да животки коротки“ мне говорила мама. Потом у нас был отец большая пьяница, и вот она бывало плачет-плачет, а потом и скажет „Ох, доченька, при худе худо, а без худа еще хуже“. Потом, когда я пошла в ученье в портнихи, мне было 12 лет, она мне и наказала: „Смотри, доченька, не бери ничего чужого. Береги честь молоду, будь бедная, но честная. Знай, что бедность не порок“».¹¹³

В фольклорном архиве Пушкинского Дома отложилось также письмо Сергея Яковлевича Шатуланова из д. Кузово Боровичского района, адресованное В. А. Кравчинской. При письме было 16 песен (кол. 105, п. 29, № 1).

Одновременно с В. А. Кравчинской в Ленинградской области в январе—феврале 1940 г. работали другие собиратели. Так, фольклорную традицию станции Угловка того же Боровичского района обследовала П. Г. Ширяева (кол. 105, п. 23).

Напомним, что в 1930-е гг. Фольклорная комиссия и в бытность в Институте по изучению народов СССР, и в Институте этнографии АН СССР активно привлекала для экспедиций ленинградских студентов. Эта практика продолжалась и в Институте литературы. В январе—феврале 1940 г. одновременно с В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой в другом районе Ленинградской области — Порховском (ныне Псковская область) — работали студенты Н. Н. Алексеев и Е. А. Степанова, обследовавшие Воротицкий, Березовский и Чебуревский сельские советы (их материалы составляют папку 7 в той же коллек-

¹¹³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 105, п. 3, № 25. В процитированном тексте исправлены орфографические и пунктуационные ошибки.

ции). Данная экспедиция также способствовала установлению контактов Пушкинского Дома с одним из исполнителей — В. Н. Никандровым, приславшим в начале января 1941 г. в Институт сказку «Как поп обманил коммуниста» (папка 8). Записи были сделаны в то же время в Старорусском районе (папка 9 и 9 d; ныне Новгородская область; М. В. Семенчук).

Работа над собиранием материала для сборника «Фольклор Ленинградской области» была продолжена в 1941 г. В январе в Ленинграде проходила Областная олимпиада народного творчества. В рамках этого мероприятия В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева записали репертуары Едровского хора из Валдайского района (ныне Новгородская область) и знаменитого песенного коллектива «Гдовская старина» (ныне Псковская область). Эти материалы составляют папку 6 в коллекции 105. П. Г. Ширяева в феврале 1941 г. ездила в Окуловский район (кол. 105, п. 23, № 12; ныне Новгородская область); в мае 1941 г. — в Середкинский район близ Пскова (кол. 105, п. 25).

Сборник «Фольклор Ленинградской области» к началу войны, по-видимому, был в значительной степени готов к печати, но выйти в свет не успел. Война неизбежно заставила во многом пересмотреть задачи этого издания, в результате чего уже в 1945 г. фольклористы Пушкинского Дома возобновили собирательскую работу. В марте 1945 г., еще до окончания войны, в Ленинграде был проведен смотр художественной самодеятельности, в рамках которого пушкинодомцы сделали записи песен (кол. 105, п. 14). В том же году состоялось несколько экспедиций в Ленинградскую область: А. Н. Лозанова ездила в Лужский район (кол. 105, п. 11), П. Г. Ширяева — в Гатчинский (кол. 105, п. 26) и Ораниенбаумский районы (кол. 105, п. 27), Е. Орехова и Л. Пахаева (по-видимому, студенты) — в Сланцевский (кол. 105, п. 10) и Волосовский районы (кол. 105, п. 13). Экспедиционная деятельность продолжалась и в 1946—1949 гг.

«Фольклор Ленинградской области» претерпел определенные трансформации, и в конце концов был осуществлен в виде сборника «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области: 1931—1949 гг.»,¹¹⁴ вышедшего в 1950 г. Книга открывалась разделом «Песни наших дней» (авторские песни, записанные на демонстрациях); затем следовали рабочие песни, песни исторические и бытовые. Предполагался второй том — сказки и сказы, которые готовила П. Г. Ширяева,¹¹⁵ но издание не состоялось.

¹¹⁴ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области : 1931—1949 гг. / Сост. В. А. Кравчинская, П. Г. Ширяева; Ред. А. М. Астахова; Муз. ред. Ф. А. Рубцов. Л.; М., 1950.

¹¹⁵ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1947, № 10, л. 2.

Таковы основные проекты, реализованные и неосуществленные, над которыми работали сотрудники Отдела фольклора народов СССР Института литературы АН СССР в 1939—1941 гг. Два предвоенных года были, вероятно, не самым ярким эпизодом в истории ленинградской науки о «живой старине», однако именно в этот период фольклористика укоренялась в стенах Пушкинского Дома, а сами фольклористы становились пушкинотомцами.

М. А. НИКИФОРОВА

ПИСЬМА М. К. АЗАДОВСКОГО С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ

В Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН) хранятся восемь писем литературоведа и фольклориста проф. М. К. Азадовского к востоковеду, индологу, организатору науки академику С. Ф. Ольденбургу.¹

«Все ближайшие товарищи С. Ф. Ольденбурга сходятся на том, что он обладал идеальным набором необходимых руководителю и организатору качеств»,² — заметил академик Г. К. Скрябин. Заслуги Сергея Федоровича Ольденбурга как неперемного секретаря Академии наук, которым он состоял четверть века, огромны. Он разрабатывал стратегию жизни АН, входил в советы крупнейших музеев страны (Азиатским музеем, в 1930 г. преобразованным в Институт востоковедения АН СССР, руководил лично), был председателем Этнографического отделения Русского географического общества (РГО), организатором множества плодотворно работавших комитетов и комиссий, инициатором и редактором научных изданий, членом редакции «Всемирной литературы».

Для представителей гуманитарных наук, связанных с изучением и сохранением человека и его культурного наследия, академик С. Ф. Ольденбург стал всеобщим защитником: по его мнению, при нехватке «у нас еще знаний, чтобы работать с тою точностью, с какою работают

¹ Из восьми писем М. К. Азадовского, хранящихся в СПФ АРАН в фонде С. Ф. Ольденбурга, два (первое и второе) были опубликованы с купюрами его супругой Лидией Владимировной. См.: Из писем М. К. Азадовского (1919—1941) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 206—207, № 10; С. 219, № 27.

² *Скрябин Г. К.* Выдающийся организатор науки // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 5.

наши товарищи естественники», в мире наблюдалось «сильное ослабление гуманитарных изучений»³ при крайней их важности.

Наука о фольклоре нашла в нем великую опору. Он был, по словам М. К. Азадовского, «собирателем сил русских фольклористов, их организатором и в значительной степени их вдохновителем»;⁴ а как председатель Сказочной комиссии, на десятилетия определил пути развития сказковедения.⁵

Марк Константинович Азадовский, как и Сергей Федорович, родившийся в Сибири, часто обращался за помощью к земляку-академику. Они были знакомы давно: В. С. Бахтин вспоминает, что «особенно важную роль» в становлении его учителя как ученого, в формировании его научных интересов сыграли А. А. Шахматов, С. А. Венгеров, И. А. Шляпкин и С. Ф. Ольденбург.⁶ Контакты с последним были постоянными. С 1914 по 1916 г. Марк Константинович — член редкомиссии Отделения этнографии РГО и член редколлегии «Приложения к „Живой старине“»; в 1915 г. по заданию Сказочной комиссии он отправляется в Верхнеленский край; в январе 1926 г. в качестве представителя от Иркутска с правом «решающего» голоса принимает активное участие в работе VI сессии (плenums) Центрального бюро краеведения, которым до 1928 г. руководил С. Ф. Ольденбург.⁷

³ *Ольденбург С. Ф.* Странствование сказки // Восток. М.; Л., 1924. Кн. 4. С. 160.

⁴ *Азадовский М. С.* Ф. Ольденбург и русская фольклористика // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности : 1882—1932. Л., 1934. С. 25.

⁵ Многие его плодотворные идеи в этой области остались слабо или вовсе не разработанными. Это вопросы специфики народной сказки, ее структуры как сложного конгломерата эпизодов, тем и мотивов, роли в народной сказке книжного и иноэтнического субстратов, излюбленности сюжетов и своеобразия подачи их у каждого этноса. См.: *Ольденбург С. Ф.* 1) Новый сборник сказок из Северной Индии // ЖМНП. 1893. № 9. С. 277, 278; 2) Сказки современного Египта // ЖМНП. 1896. № 7. С. 212—213; 3) Странствование сказки // Восток. С. 158; 4) Исключительная важность исследования народной сказки // Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. : Обзор работ. Л., 1926. С. 6, и др.

⁶ *Бахтин В. С.* Жизнь и труды моего учителя : Заметки и воспоминания // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 33. Л. В. Азадовская вместо С. Ф. Ольденбурга включает в этот ряд Л. Я. Штернберга: *Азадовская Л. В.* Сердце не знало покоя // Там же. С. 17. Оба они могли основываться только на словах самого М. К. Азадовского.

⁷ Центральное бюро краеведения (ЦБК), созданное в 1921 г. при Академии наук, к середине 20-х гг. перешло в ведение Главнауки. VI сессия (плenums) ЦБК состоялась 10—12 января в Москве (Известия ЦБК. Л., 1926. № 1. Янв. С. 1—32). С. Ф. Ольденбург, «вследствие исключительной перегруженности» работой в Академии, вынужден был оставить председательствование в ЦБК, но его ближайшие товарищи и местные работники выражали «твердую уверенность», что краеведное движение не лишится его «руководящего влияния». См.: Телеграмма акад. С. Ф. Ольденбургу от

Письма М. К. Азадовского свидетельствуют о добрых, сердечных отношениях с С. Ф. Ольденбургом. Они обращены к близкому человеку, к учителю жизни. Марку Константиновичу требовалась опора, которую он видел в С. Ф. Ольденбурге, преданном делу, и тот всегда незамедлительно оказывал поддержку.

Предлагаемый материал, кроме первого письма 1924 г., относится к 1927—1929 гг. Большинство писем датировано.

Письма публикуются в реальном или предполагаемом хронологическом порядке, что отражено в их нумерации. Относительно расположения в деле перемещено только одно письмо, предположительно относящееся к 1927 г., с шестого на третье место, в связи с чем сдвигается нумерация писем архивного источника. Завершает публикацию недатированная записка (между концом 1929 г. и началом 1933 г.).

Паспортизация документа, краткая его характеристика, особенно сти подлинника указаны в сносках. Смысловые и технические сноски приводятся в едином ряду. Исправления автора, как правило, не оговариваются. Цифровые обозначения месяцев в датировках писем заменяются словесными. Знаки в круглых скобках, выражающие отношение М. К. Азадовского к происходящему, сохранены. Курсивом в тексте отмечены слова, подчеркнутые им. Восстановленные сокращения помещены в угловых скобках.

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами. Запятая после начального обращения в письмах заменена восклицательным знаком, последующий текст начинается с красной строки. В письмах М. К. Азадовского после обращения следуют запятая и пропуск строки. Сам текст письма начинается либо с красной строки, либо без отступа, но всегда с большой буквы.

Все письма написаны от руки, чаще на почтовой бумаге, иногда скорописью, черными, фиолетовыми, темно-зелеными и синими чернилами. Конверты отсутствуют.

Письмо 1⁸

Иркутск, 25 апр<еля> 1924.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Я очень признателен за привет и за сведения, которые передал мне от Вашего имени Б. Э. Петри.⁹ Хотел сразу же написать Вам,

ЦБК // Известия ЦБК. Л., 1927. № 10. Дек. С. 352. На той же конференции М. К. Азадовский был избран членом ЦБК (Там же. С. 353).

⁸ СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1—3. На двух двойных листах почтовой бумаги заполнена только первая страница второго листка из четырех. Фиолетовые чернила, скоропись. Данное письмо приводится полностью, поскольку в публикации Л. В. Азадовской (Из писем М. К. Азадовского. С. 206—207. № 10) имелись пропуски.

⁹ Петри Бернгард Эдуардович (1884—1937) — этнограф и палеоэтнограф, археолог, антрополог, представитель петербургской этнографиче-

но сильные головные боли надолго оторвали меня от письменного стола.¹⁰

Из всех новостей, переданных мне Петри, приятнейшей была — о возобновлении Сказочной комиссии.¹¹ Позвольте в свою очередь и Вас порадовать: я приступил к печатанию ленских сказок, и в только что вышедшем выпуске «Сибирской живой старины» напечатано уже три листа предисловия и четыре листа текстов. В следующем выпуске, если удастся, помещу еще семь листов текстов, и это составит первую часть моего сборника.¹²

ской школы. Занимался этнографией первобытности и современности. Изучал шаманных бурят, а также тунгусские и самодийские народы края, участвовал в нескольких экспедициях. Странник длительных экспедиций с последующими выездами для уточнения и дополнения материала. Вводил статистические методы в этнографические изучения. Предлагал разбить всю территорию края на квадраты и проводить планомерное изучение местных народов, оказывая им необходимую помощь. Проектировал культбазы и охотничьи хозяйства на основе научных обследований.

Именно Б. Э. Петри удалось возродить работу этнологической секции Восточносибирского отдела Русского географического общества (ВСО РГО), привлечь в нее молодые силы и наладить связь «с научными организациями по ту сторону Урала и за пределами России», выпустив четыре номера «Этнографического бюллетеня» в 1922—1923 гг. (*Виноградов Г. С.* Этнографические изучения в ВСО РГО 1851—1926 гг. // Изв. ВСО РГО. Иркутск, 1926 (на обложке: 1927). Т. 50. С. 27). Выпускник Петроградского университета и профессор Иркутского, Б. Э. Петри был учителем археолога акад. А. П. Окладникова и антрополога, краниолога и скульптора проф. М. М. Герасимова, разработавшего метод восстановления мягких тканей по черепу. Репрессирован, реабилитирован в 1959 г.

С приходом М. К. Азадовского в качестве заведующего кафедрой этнографии и избранием его руководителем работ этнологической секции ВСО РГО (1924) профиль работы той и другой изменился: стало уделяться внимание изучению не только местных по происхождению народов, но и старожильского русского населения Сибири.

¹⁰ За две недели до этого, 10 апреля 1925 г., Азадовский жалуется слависту акад. Н. С. Державину на «все те же головные боли, к<ото>рые меня мучают вот уже третий год» (СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, ед. хр. 2, л. 1 об. Публ.: Из писем М. К. Азадовского. С. 210. № 15). Бывшему политическому ссыльному и этнографу, изучавшему якутов, К. Э. Пекарскому (1858—1934), он пишет 20 марта 1925 г.: «Все еще преследуют меня сильнейшие головные боли. Часто по целым неделям не могу прикоснуться к книжке и перу» (СПФ АРАН, ф. 202, оп. 2, ед. хр. 7, л. 11. Публ.: Из писем М. К. Азадовского. С. 209. № 14).

¹¹ Работа Сказочной комиссии Этнографического отделения РГО под председательством С. Ф. Ольденбурга при секретаре Н. П. Гринковой была возобновлена 30 мая 1924 г. (см.: Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. С. 7).

¹² Речь идет о сказках Н. О. Винокуровой, записанных автором в 1915 г. Повторных записей перед публикацией не предпринималось.

Добиться разрешения на печатание сказок было весьма не легко. Было очень трудно доказать, что эти «старушечьи бредни» имеют какую-то ценность. Затем — первоначально были исключены всякие упоминания мало-мальски религиозного характера. Даже такие выражения, как «славо Богу», «вот-те Христос», «перекрестился», зачеркивались цензором. Часто нарушался ритм, а иногда и весь смысл. В сказке о колдуне и его ученике (Вы прочтете ее в сборнике под № 4) был выкинут весь эпизод продажи сына колдуна.¹³ Наконец, не мало пострадали были тексты во имя целомудрия и нравственности. С большим, повторяю, трудом удалось восстановить эти разрушения.

Мне думается, что такие факты (едва ли они единичны в провинциальных условиях) должны вызвать некоторый отклик со стороны Центральной сказочной комиссии. Нам существенно необходима Ваша помощь. Конечно, я говорю не о каком-нибудь вмешательстве в наши взаимоотношения с местными административными органами. Отнюдь нет. Это ни к чему бы не привело. Нам нужно иметь за собой Центр<альные> органы как нечто, на что мы можем постоянно опираться в своей работе. Опубликуйте от имени Сказ<очной> комиссии или еще лучше от ЦБК обращение о собирании сказок, о значении таких работ и т. п. — и мы спасены. Нам не придется изыскивать тысячи аргументов и на нас, б<ыть> м<ожет>, не будут смотреть, как на полуумных,¹⁴ зрящих людей. Только такое обращение лучше всего было бы опубликовать в одной из центральных газет. Тогда только мы получили бы возможность говорить: мы выполняем задания Центра, а это имеет магическое значение.

То же можно применить и ко всем прочим нашим предприятиям. У меня далеко нет уверенности, что удастся спокойно приступить и к дальнейшему продолжению «Сибирской живой старины». Причины те же. Затем, вообще, дорогой Сергей Федорович, побольше бы связи центральных учреждений с провинцией — отсутствие ее часто совершенно не дает возможности работы.

«Сибирскую живую старину» Вы, вероятно, получите на ближайших днях — и мы все (деятели отд<ела> Географ<ического>

¹³ Вероятно, имеется в виду эпизод пьянства старика и продажи сына в образе жеребца вместе с уздой, вопреки его наказу. Поскольку Н. О. Винокурова «является самым ярким и сильным представителем реально-психологического направления в русской сказке», как подчеркивает автор в своей антологии (см.: Русская сказка : Избранные мастера. М.: Л., 1932. Т. 1. С. 371), то она старается дать психологическую мотивировку действий персонажей, и эпизод воспринимается не просто как нарушение наказа сына, а как недостойное поведение старика. См. также этот эпизод: *Азадовский М. К.* Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938. С. 32.

¹⁴ Так в тексте.

о<бщест>ва) будем ждать с нетерпением Вашего отзыва о нашем детище, а я — вдвойне: мне очень дорого слышать Ваше строгое суждение о моих сказочных текстах.

Позвольте пожелать Вам всего лучшего.
Крепко жму руку.

Ваш М. Азадовский.

Иркутск, Б.-Трапезниковская, 35.

Р. С. В одном из журналов я встретил указание на Вашу статью, посвященную методологич<еским> вопросам изучения сказки, опубликованную, как видно, в недавнее время.¹⁵ Мне она совершенно неизвестна, между тем ознакомиться с ней я считаю необходимым. Не сможете ли Вы прислать мне оттиск или хотя бы указать точно: где опубликована Ваша статья.

М. А.

28 апр<еля> 1924.¹⁶

Письмо задержалось, т<ак> к<ак> поедет с представителем ВСОРГО,¹⁷ Ив<аном> Фед<оровичем> Молодых,¹⁸ к<ото>рый, кстати, передаст Вам и экземпляр нашей «Живой старины». Пользуюсь этим, чтоб ознакомить с образцом отношения цензуры к народному творчеству.

Переписываю абзац сказки: все, что мною подчеркнуто, цензором вычеркнуто.

«Так помолимтес богу, потеплим свечи, и заклёнёмса, што ни ты другу <жену> не поимеш, ни я другово не возму — вот и вверимса друг другу — и ты с надеждой поплывеш, и я останус. Ну, и

¹⁵ Л. В. Азадовская в комментарии к письму (Из писем М. К. Азадовского. С. 207) пишет, что имеется в виду статья «Странствование сказки» в четвертом номере журнала «Восток» за 1924 г. (с. 157—160). М. К. Азадовский проштудировал ее и активно использовал в своей речи на 50-летнем юбилее научно-общественной деятельности С. Ф. Ольденбурга. См.: *Азадовский М. К. С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика*: (Речь на заседании АН СССР 01.02.1933) // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности 1882—1932. Л., 1934. С. 25—35.

¹⁶ Приписка от 28 апреля 1924 г. ранее не публиковалась.

¹⁷ ВСОРГО (ВСО РГО) — Восточносибирский отдел Русского географического общества.

¹⁸ Молодых Иван Федорович (1897—1937?) — действительный член ВСО РГО, географ, гидролог и гидрограф. С именем И. Ф. Молодых связывается развитие научной гидрографии в России и СССР. Сибиряк. Окончил три курса электромеханического факультета Петроградского политехнического института в 1918 г. В 1919 г. руководил Монгольской экспедицией. Решал задачи изучения водных путей Сибири и их развития, в частности рек Ленского и Байкальского бассейна, Индигирки и Колымы (СПФ АРАН, ф. 155, оп. 2, ед. хр. 480, л. 152, 154 об.). Репрессирован.

пришли оне¹⁹ в дом, *затеплили свечи, помолилис богу* и закленили друг друга на одной точке стоять».²⁰

Пример этот, к сожалению, не единственный.

М. А.

Письмо 2²¹

Четв<ерг,> 18 сентября
Кисловодск, 12 сент<тябрь> 1927.

Дорогой Сергей Федорович!

Спасибо Вам и милой, сердечной Елене Григорьевне²² за ласковое и теплое слово участия. Спасибо и за те лестные отзывы, которые Вы дали о моих работах. Мне до слез обидно, что не удалось провести с Вами хоть несколько дней, именно дней отдыха, а не тех урывчатых²³ минут, к<ото>рые суждены бывают в Ленинграде. Тем более обидно, что я мог выбрать любой срок и уже во всяком случае быть в Кисловодске к началу августа. Я выбрал сентябрь, чтобы прямо из Кисловодска поехать на Краеведческий съезд, который, к сожалению, отложен на декабрь²⁴ и, вероятно, будет недоступен для меня.

Но из Кисловодска я все же проеду в Ленинград и Москву. Хотел бы прочесть в заседании Географ<ического > общества доклад «Характеристика ленского сказочника Аксаментова»²⁵

¹⁹ Возможно, вместо «о» — «а».

²⁰ Данный абзац из сказки Н. О. Винокуровой «Верная жена» см. также: *Азадовский М. К.* Верхнеленские сказки. С. 97 (№ 17).

²¹ СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 4—5 об. На сложенном вдвое маленьком листе лощеной бумаги запись со всех сторон черными чернилами. В левом верхнем углу выше даты отметка: «Четв<ерг,> 18 сентября». «Четв.» написано по диагонали, месяц проставлен римскими цифрами.

Сноска, обозначенная в тексте письма звездочкой (*), касающаяся доклада о сказочнике Ф. И. Аксаментове, расположенная в подлиннике в самом низу л. 4 об., в настоящей публикации перенесена в текст в круглых скобках и начинается со строчной буквы. Письмо приводится полностью, включая последнюю, не публиковавшуюся фразу; неверное прочтение двух слов исправлено по подлиннику. Публ.: Из писем М. К. Азадовского. С. 219. № 27.

²² Елена Григорьевна — вторая жена С. Ф. Ольденбурга.

²³ Конец слова написан весьма неразборчиво.

²⁴ Вероятно, речь идет о Третьей Всероссийской конференции по краеведению, которая первоначально планировалась как Всесоюзный краеведческий съезд; время его проведения неоднократно переносилось. Конференция проходила 11—14 декабря 1927 г. в Москве, в помещении Второго государственного университета. См.: III Всероссийская конференция по краеведению // Известия ЦБК. Л., 1927. № 10. Дек. С. 345.

²⁵ Аксаментов Федор Иванович — сказочник из села Анги. Его тексты, составившие второй выпуск «Верхнеленских сказок», не удалось издать

(предисловие ко 2-му тому «Ленских сказок», отправленных для напечатания Poliwk'e.²⁶)

Так как заседания Этнографического отдела²⁷ бывают по пятницам, то, очевидно, это может быть 7 или 14 октября. Кто должен установить окончательный срок: Отдел²⁷ или я? Кому написать официально? Приемлемо ли <это> вообще и, главное, совпадает ли с Вашим пребыванием в Ленинграде: читать доклад без Вас — мне было бы тоскливо и больно. Черкните, дорогой Сергей Федорович, обо всем этом сюда. Мне нужно знать все заранее, чтоб соответственно уговориться и с Москвой, где, по просьбе Б<ориса> и Ю<рия> Матвеевичей,²⁸ я предполагаю повторить этот доклад в один из «понедельников» фольклористической секции Г. А. Х. Н.²⁹

Здесь я пробуду до 2-го или 5-го — еще не выяснил.

Сердечный привет Елене Григорьевне. Крепко жму руку.

Весь Ваш Марк Азад<овский>.

Письмо 3³⁰

Москва, 18 октября <1927>.

Дорогой Сергей Федорович!

Мне так о многом хотелось с Вами переговорить, что я забыл одно данное мне поручение. Речь идет о Цибикове.³¹ В Главпроф-

в Иркутске, и в 1926 г. они были посланы собирателем «для напечатания» И. Поливке.

²⁶ Так в подлиннике, правильно: Polivka.

Поливка Иржи (Юрий Иванович) (1858—1953) — чешский фольклорист и этнограф. В 1928 г. осуществил издание второго выпуска «Верхненских сказок» Азадовского. См.: *Azadovskij M. Pohádky z hornolenského kraje // Národopisný věstník československý: Vydava společnost narodopisného musea. Praha, 1928. № 1—4.*

²⁷ М. К. Азадовский дважды называет «отделом» Этнографическое отделение Географического общества.

²⁸ Речь идет о фольклористах братьях Соколовых: Борисе Матвеевиче, директоре Центрального музея народоведения, и Юрии Матвеевиче, руководившем фольклорной секцией ГАХН.

²⁹ ГАХН — Государственная Академия художественных наук, располагавшаяся в Москве.

³⁰ СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 15—16 об. На согнутом листе белой, чуть кремовой лощеной нелинованной бумаги размашистая скоропись черными чернилами. Без помарок, если не считать двух аккуратных клякс между строк, вставленного над строкой слова «вернее» и зачеркнутой запятой. Год отправки не проставлен, предположительно 1927.

³¹ Цибиков Гомбожап Цибинович (Цыбиков Гомбожаб Цэбекович) (1873—1930) — востоковед, выпускник Петербургского университета

обре³² сообщили мне, что они не получали от Вас ни отзыва, ни самого дела, к<ото>рое они своевременно Вам отправили.

Спорить с Главпрофобрм и доказывать им, что дело потерялось именно у них, — задача бесполезная, хотя не так еще давно они затеряли дело М. П. Алексеева (из Одессы),³³ переходящего к нам.

Поэтому, будьте добры, дорогой Сергей Федорович, повторите свой отзыв — вероятно, у Вас сохранилась копия — но только направьте его прямо в *Иркутск* на имя декана педагогического факультета. А мы уже перешлем со всем повторным делопроизводством.

В ЦБК мне показали отчет по Сибири, составленный для печати, В. М. Хитрово.³⁴ Я очень резко разошелся по вопросу о возможности его печатания с Даниил<ом> Осиповичем.³⁵ Напе-

(1899), бурят, исследователь Тибета, первым совершивший по заданию РГО путешествие в Лхасу под видом буддийского паломника и осуществивший детскую мечту акад. С. Ф. Ольденбурга «непрерывно пробраться в Тибет» (СПФ АРАН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 15, л. 5), первый ученый, лично увидевший далай-ламу. 7 мая 1903 г. сделал доклад в РГО по результатам экспедиции. Награжден медалью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу» и премией им. Н. М. Пржевальского. Им сделаны первые в мире фотографии Тибета и Лхасы, привезен, обработан и сдан в Азиатский музей (ставший в 1930 г. Институтом востоковедения; художественные коллекции его переданы Эрмитажу) громадный художественный и книжный материал. Монография «Буддист-паломник у святынь Тибета» вышла только в 1918 г. (на обложке 1919 г.) под редакцией в том числе и акад. Ольденбурга. Преподавал во Владивостоке. С 1928 г. состоял профессором и заведующим кафедрой педагогического факультета Иркутского университета.

³² Главпрофобр — Главное управление профобразования.

³³ Алексеев Михаил Павлович (1896—1981) — литературовед, академик АН СССР (с 1958 г.). В 1927—1932 гг. состоял профессором Иркутского университета. Данью уважения к Сибири стала книга «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII веков», вышедшая в Иркутске двумя изданиями (1-е изд.: Т. 1, Ч. 1: XIII—XVII вв. Иркутск, 1932; Т. 2, Ч. 2: Конец XVII в. Иркутск, 1936; 2-е изд.: Иркутск, 1941).

³⁴ В подлиннике описки, правильно: В. Н. Хитрово.

Хитрово Владимир Николаевич (1878—1949) — ботаник, занимавшийся изучением растений луга европейской части страны и Западной Сибири; в 1925 и 1926 гг. совершал по линии Центрального Бюро краеведения поездки в Сибирь, о которых доложил на заседаниях ЦБК 16.04.1927 г. Спустившись по Енисею, докладчик не нашел «никаких признаков краеведческой работы и надежд насадить таковую в ближайшее время ввиду недостатка культурных сил». «Наблюдения В. Н. Хитрово найдут отражение в отчетном докладе ЦБК по Сибири на III Всероссийской краеведческой конференции, так как эта часть отчета по поручению ЦБК разрабатывается им в качестве дежурного краеведа» (Известия ЦБК. 1927. № 5. Май—июнь. С. 159). Именно она вызвала заслуженное возмущение М. К. Азадовского.

³⁵ Даниил Осипович — Даниил Осипович Святский — ученый секретарь ЦБК.

чатание такого отчета вызовет целую бурю в Сибири. Достаточно указать, что в нем не упомянуты ни «Сиб<ирская> жив<ая> старина», ни другие издания Отдела,³⁶ самому Отделу отведено три-четыре строчки, ни единым словом не упомянуто об юбилее³⁷ и весь он сведен к какому-то второстепенному учреждению. Масса фактических неточностей во всех отделах обзора, неверная перспектива, вернее, отсутствие ее — в общем, беглые впечатления случайного характера, совершенно не дающие возможности уловить своеобразный и бурный темп сибирского краеведения. Лучше отложить печатание до следующего №, поручив составление такого обзора кому-либо из сибиряков: Казаринову, или Ауэрбаху,³⁸ или кому третьему.³⁹ Лучше странички, посвященные Новосибирску. Пожалуйста, дорогой С<ергей> Ф<едорович>, прочитайте повнимательней в эту статью и выскажите свое суждение.

Сегодня уже выезжаю в Иркутск. Сердечный привет Елене Григорьевне.

Весь Ваш М. Азадовский.

³⁶ Восточносибирский отдел РГО.

³⁷ Юбилей Восточносибирского отдела РГО, который был образован в 1851 г. и первоначально назывался «Сибирским», отмечался в 1926 г.

³⁸ В качестве знающих краеведческую работу в Сибири М. К. Азадовский предлагает двух сибиряков.

Казаринов Пантелеймон Константинович — краевед, историк и библиограф Сибири, профессор, ученый секретарь «Сибирской советской энциклопедии», член президиума Общества изучения Сибири и ее производительных сил, председатель совета ВСО РГО, поместивший к его юбилею очерк «Три четверти века : (К юбилею Вост.-Сиб. Отд. ГРГО)» в вып. 2 (6) «Сибирской живой старины» (Иркутск, 1926. С. 3—32). На III Всероссийской краеведческой конференции в декабре 1927 г., как и М. К. Азадовский, был избран членом ЦБК. Сибиряк, выпускник Петроградского университета (СПФ АРАН, ф. 155, оп. 2, ед. хр. 303, л. 27).

Ауэрбах Николай Константинович — археолог, историк Сибири, ученый секретарь Общества изучения Сибири и ее производительных сил, участник раскопок позднепалеолитических стоянок на Афонтовой горе под Красноярском 1923—1925 гг. (в 1923 г. работы финансировались в том числе и ВСО РГО). Уроженец Нижегородской губ. (1892) и выпускник Московского университета, Ауэрбах занимался археологическим изучением Приенисейского края, добровольно исполняя обязанности заведующего археологическим отделом местного музея; автор очерков по истории северного морского пути и колонизации низовьев Енисея (СПФ АРАН, ф. 155, оп. 2, ед. хр. 30, л. 6—9).

³⁹ С. Ф. Ольденбург предоставил автору письма возможность опубликовать собственный отчет во вновь созданном журнале. См.: *Азадовский М. Гуманитарные изучения в Иркутске в 1926—1927 гг.* (Иркутск, май 1927 г.) // *Человек : Журнал АН СССР. Л., 1928. № 1. С. 98—101.*

Р. С. Надеюсь скоро получить уже «Якутию»,⁴⁰ за штудирование которой примусь с большим интересом и постараюсь дать о ней отзыв на страницах сибирской печати.

Следующие три письма посвящены событиям, связанным с изданием «Сказок из разных мест Сибири», собранных учениками М. К. Азадовского — студентами педагогического факультета. Издание сборника было приурочено к 10-летию юбилею Иркутского университета.

К юбилейным торжествам готовились уже в сентябре 1928 г.: среди прочего местная газета «Власть труда» в № 220 от 21 сентября 1928 г. сообщала: «Организуется краеведческая выставка и выставка изданий университета и ВСО РГО». На ней обязательно должны были присутствовать издания и материалы, подготовленные М. К. Азадовским, его сотрудниками и учениками: ведь «и в дальнейшей работе по изучению и собиранию сказки в Сибири тесно объединяются ВСО РГО и Университет».⁴¹

Сам сборник имеет посвящение: «Иркутскому государственному университету в день его десятилетия посвящается. 1918—1928».

Окончена большая, трудная работа, сборник сдан в печать, но его преследуют неудачи.

Письмо 4⁴²

Ялта, 28 ноября <1928>.

Дорогой Сергей Федорович!

Надеюсь, что Вы уже получили сборник сказок.⁴³ Очень хочу знать Ваше о нем мнение. Предыдущее мое письмо — последнее из Иркутска — было, как оказалось, преждевременным.⁴⁴ После Вашей телеграммы цензор немедленно дал разрешение на выход сборника. Но случилось так, что в это же время все большое

⁴⁰ «Якутия» — сборник статей под редакцией П. В. Виттенбурга с предисловием С. Ф. Ольденбурга (Л., 1927).

⁴¹ *Азадовский М. К.* [Предисловие редактора] // Сказки из разных мест Сибири / Под ред. проф. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928. Т. 1. С. V. (Труды кабинета русской литературы при педагогическом факультете Иркутского гос. ун-та).

⁴² СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 6—7 об. На двойном листке почтовой бумаги, темно-фиолетовые чернила, скоропись. Помарки встречаются только на первой странице, изредка — заполненные чернилами петли букв; некоторые слова стали выцветать. Год не проставлен, определен по смыслу.

⁴³ Имеется в виду сборник «Сказки из разных мест Сибири», выпущенный в 1928 г. к 10-летию Иркутского университета.

⁴⁴ В деле (ед. хр. 4) отсутствует.

начальство разъехалось из Иркутска (наш центр ведь теперь — Новосибирск), и в день моего отъезда, когда я уже должен был с собою забрать экземпляры в Москву, — на книгу наложил veto политконтроль — последняя инстанция на пути книги. И только уже в Москве — после ряда моих телеграмм — я получил извещение о снятии запрета и что сборник рассылается.

Поэтому-то так необходимо, дорогой Сергей Федорович, чтоб он был отмечен в печати авторитетным отзывом. Приходится бороться за право дальнейших изданий. Ведь, в сущности, то же происходит и с «Сибирской живой стариной». В прошлый № не попала одна из интереснейших статей — о фольклоре беспризорных — и по той же причине.

Ряд статей я сам не решаюсь публиковать. Статьи по фольклору вызывают все более и более возражений, — и это, конечно, отзывается на энергии нашей молодежи. Поэтому с таким нетерпением и надеждами ждем мы все обещанной Вашей рецензии в «Печати и революции».⁴⁵

Кстати, в нынешнем году нашему журналу исполнилось ровно 5 лет. Первый его выпуск появился в свет осенью 1923 года.

Как было бы хорошо, если бы Географическое общество как-нибудь отметило эту дату в существовании журнала. Такое внимание со стороны нашего Центрального Отдела было бы для нас необычайно важно опять-таки не в каких-нибудь личных или т.п. целях, но только в смысле дальнейшего укрепления журнала и завоевания ему прочного положения.

В нынешнем году мы, вероятно, последний уже раз получаем субсидию из государственного бюджета — на будущий год, как Вы знаете, все провинциальные краеведческие общества должны уже окончательно перейти на местные средства. И тут-то — отстоять субсидию на специальное издание «Сибирская живая старина» будет не так-то легко. Тем более что к этому примешается еще много посторонних моментов. В местной газетке уже был иронический выпад (из кружка Петри) по поводу журналов «Живое — мертвое, мертвое — живое».⁴⁶

⁴⁵ С. Ф. Ольденбург сдержал обещание: в журнале «Печать и революция» (1928. Кн. 8. С. 188—190) опубликована его рецензия к юбилею «Сибирской живой старины» (Сибирская живая старина : Этнографический сборник ВСО РГО. Иркутск, 1923—1928. Вып. 1—7), призванная защитить как издание, так и всю проводимую М. К. Азадовским работу и блокировавшая выпады местных чиновников.

⁴⁶ В местной газете «Власть труда», если ее, а не какое-нибудь более мелкое издание имел в виду М. К. Азадовский, в майских, сентябрьских и октябрьских номерах 1928 г. подобная публикация отсутствует. Возможно, она была сделана раньше, а возможно, речь идет о местной университетской или краевой газете «Советская Сибирь», издававшейся в Новосибирске. В материале «Улучшить положение тунгусов» «Власть труда» на

И здесь моральная поддержка Центра будет иметь чрезвычайно важное значение.

Состоится ли съезд представителей Отделов?⁴⁷ Если он будет примерно в самом конце января, то я, вероятно, смогу на него приехать.

Крепко жму руку. Сердечный привет Елене Григорьевне. Очень хочу Вас видеть и обязательно приеду в Ленинград.⁴⁸

Весь Ваш Марк Аз<адовский>.

Крестьянский пер., 3
Пансион⁴⁹ «Красная Заря»
Ялта.

Новый, 1929 год М. К. Азадовский встречает в Ялте, по всей видимости, уже на частной квартире.

с. 2 № 213 от 13 сентября 1928 г. сообщает: «Проф. Петри, обследовавший качугских тунгусов, сделал доклад о своей работе в райисполкоме. В связи с докладом райисполком принимает ряд мер по улучшению положения тунгусов». В № 266 от 16 ноября 1928 г. напечатана статья «Два месяца у тунгусов — экспедиция в верховья Лены и Киренги: По материалам проф. Петри».

Противостояние с проф. Б. Э. Петри было постоянным и носило, вероятно, методологический характер, что хорошо видно из писем М. К. Азадовского к одному из крупнейших знатоков Сибири этнографу Л. Я. Штернбергу. 16 июня 1924 г. он пишет: «То, что Вас огорчает в Петри, увы, и всех нас здесь достаточно даже не огорчает, а порой прямо убивает. При встрече расскажу подробнее. В прошлом году, когда я приехал сюда из Читы, я застал его совершенно изолированным...» (Из писем М. К. Азадовского. С. 208. № 12). «...Петри для меня один из товарищей по Вашему семинарию, и ради этого я склонен многое ему прощать. Боюсь, что скоро настанет час, когда придется совершенно с ним порвать...» (Там же). 18 мая 1927 г. ему же: «На съезде в Новосибирске пришлось отстаивать право чисто этнографических изучений, особенно изучение духовной культуры, религии и фольклора. Против последних решительно выступил проф. Б. Э. Петри. Но его доклад в полной мере провалился. Любопытно, что активными его противниками явились некоторые коммунисты, деятели по работе среди нацменьшинств сибирского края» (Там же. С. 217. № 25). Однако необходимо учесть, что публикация письма к Л. Я. Штернбергу имеет купюры, которые могут несколько деформировать общее содержание текста.

⁴⁷ Вероятно, речь идет о региональных отделах Географического общества.

⁴⁸ Марк Константинович, длительное время находящийся в Ялте, обещает «обязательно» приехать в Ленинград, хотя, как писал он 14 сентября 1926 г. Ю. М. Соколову (см.: Из писем М. К. Азадовского. С. 215. № 23): «Из Иркутска уехать — не то ведь, что из какого-нибудь Саратова или Симферополя. Поездка означает месяц минимум вне работы и университета».

⁴⁹ Вероятно, слабо написана или пропущена точка и речь идет не о пансионе, а о пансионате «Красная Заря».

Письмо 5⁵⁰

Ялта, 31 декабря <1>928.
Земский пер., 16.

С новым годом, дорогой Сергей Федорович!

Сам я, впрочем, не очень весело встречаю его. Не весело, оттого что оторван от своих близких, не весело, оттого что все еще вынужден жить на курорте⁵¹ и, главное, не весело, потому что очень тяжело и печально складываются условия работы.

Хочется поделиться с Вами только что полученными известиями из Иркутска. История последнего сборника «Сказок»,⁵² оказывается, еще далеко не окончена, но вступает в новую фазу, для меня весьма нерадостную.

В Иркутске только что закончилась конференция пролетарского студенчества.⁵³ На ней выступил с трехчасовым докладом местный агитпроп, т.<ов.> Вальдман⁵⁴ на тему «Вопросы идеологической борьбы в ВУЗе». Речь эта, наверное, будет напечатана целиком;⁵⁵ пока же мне сообщили почти стенографическую запись абзаца, относящегося ко мне:

⁵⁰ СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 8—10 об. Письмо написано на двух двойных листках лощенной почтовой бумаги в линейку фиолетовыми чернилами, с пометками и исправлениями.

⁵¹ В письме к чешскому фольклористу Иржи Поливке от 21 января 1929 г. М. К. Азадовский сообщает, что уже собирается уезжать из Ялты (см.: Из писем М. К. Азадовского. С. 223. № 31).

⁵² Сборник «Сказки из разных мест Сибири».

⁵³ Точной даты проведения Конференции пролетарского студенчества без привлечения иркутских архивных материалов определить не удалось.

⁵⁴ Газета «Власть труда» (1928. № 219. 20 сент.) дала информацию о привлечении в юбилейном году новых научных сотрудников и преподавателей в университет, причем на кафедру ленинизма (хозяйственно-правовой факультет) приглашены доценты Вальден (так! В подлиннике ошибка) и Кацнельсон. Во время празднования юбилея Вальден выступает уже как «местный агитпроп», т. е. заведующий агитационно-пропагандистским отделом (АПО).

⁵⁵ Материал «Сосредоточить основной огонь по борьбе с правыми настроениями : (Из выступления зав. АПО т. Вальдена на окружном агитпроповещании)», помещенный в газете «Власти труда» (1929. № 25. 1 февр.), содержит лишь общие фразы; возможно, подобная речь появилась с большим опозданием (отсутствует и в марте), возможно, ее следует искать в университетских изданиях. В статье Ник. Загорского «Об одной задаче идеологической борьбы» предлагается «сосредоточить внимание на разоблачении попыток буржуазной профессуры столкнуть студенчество в болото буржуазной социологии (например, в области художественной литературы, этнографии, педагогики)» (Власть труда. 1929. № 57. 12 марта). Фамилии не названы, но, думается, иркутяне сразу догадывались, кто имелся в виду.

«Должны ли мы касаться вопросов истории и народного творчества <?> — спрашивал докладчик. — Да, должны. Но мы должны делать так, чтобы при этом из виду не терялось самое главное, самое основное. И вот, в то время, когда мы плохо знаем экономику своего края, в это время выпускаются Труды студентов педагогического факультета под названием „Сказки“ и т. д. На них тратятся деньги» и т. д., и т. д.⁵⁶ В конце имеются такие перлы: по поводу моего замечания в предисловии, что с педагогической точки зрения изучение сказок и сказителей полезно и потому, что заставляет знакомиться непосредственно с трудовой жизнью крестьянина и,⁵⁷ стало быть, дает возможность уяснить народно-хозяйственные процессы, докладчик восклицал: «До сих пор мы полагали, что такие процессы постигаются из изучения экономических отношений в деревне, а вот проф. Азадовский „открывает“, что для этого нужно обратиться к сказкам. Не знаю, можно ли назвать такой взгляд „марксистским“. Думаю, что нет!».⁵⁸

Эта возмутительная и неграмотная передержка была, к сожалению, не единственной. Еще хуже было, когда речь зашла о «Живой старине»; там определенно доказывалось, что журнал в ненадежных руках⁵⁹ и т. п.

Как же быть, дорогой Сергей Федорович, — ведь руки опускаются. Это — результаты пятилетней напряженной работы. За эти пять лет, почти совсем забросив или, вернее, отставив на

⁵⁶ В предисловии к сборнику Азадовский «приносит горячую благодарность» в том числе «Правлению Иркутского Государственного Университета за материальную помощь изданию» (*Азадовский М. К.* [Предисловие редактора] / Сказки из разных мест Сибири. С. VIII) и таким образом невольно дает козырь в руки «агитпропа», хотя университетских денег потрачено было очень мало (см. след. письмо).

⁵⁷ Буква исправлена: скорее всего, это «и» из первоначального «а», но не исключено и обратное.

⁵⁸ В Предисловии М. К. Азадовский пишет: «В кратких вступительных заметках молодых собирателей также хранится немало ценнейших штрихов по вопросу о бытовании сказки, о характере ее носителей, о связи сказки с местными хозяйственными условиями и пр.

В связи с этим следует особо подчеркнуть важное педагогическое значение работ студенческой молодежи по собиранию и записи сказок. Необходимость выяснения всех условий бытования сказки <...> — все это заставляет глубже и пристальнее вглядываться во все стороны крестьянского быта, и т^аким^о образом^о собирание и запись сказок является прекрасной школой для дальнейшего уяснения и постижения процессов народнохозяйственной жизни» (*Азадовский М. К.* [Предисловие редактора] // Сказки из разных мест Сибири. С. VI—VII).

⁵⁹ Соредктором «Сибирской живой старины» был этнограф и фольклорист проф. Георгий Семенович Виноградов.

второе место, личную⁶⁰ научную работу, я как вол и каторжник трудился над организацией общей работы. Мне удалось, благодаря налаженным печатным трудам, поставить Иркутск на одно из первых мест в краеведческой среде и обратить на него внимание западных ученых. И вот — результат!

Невероятно тяжело.

Вы, конечно, понимаете, что это только начало и за этим последуют другие моменты.

Во всяком случае, как бы это ни кончилось, работать в прежнем направлении будет невозможно. Вероятно, мне предложат отказаться от изучения сказок, предложат прекратить «Ж<ивую> старину» (или, б<ыть> м<ожет>, передать ее Петри) и т. д. А м<ожет> б<ыть>, будет что-нибудь и еще хуже.

Конечно, пока все это я прошу сохранить между нами и подумать обо мне, не следует⁶¹ ли мне радикально изменить свою жизнь. Очень жалею, что не могу повидаться сейчас с Вами и побеседовать до конца «по душам».

Сердечный привет Елене Григорьевне. Всего, всего лучшего.

Ваш Марк Аза<довский>.

⁶⁰ С. Ф. Ольденбург считал, что «продумывание и осуществление общих работ» часто кажется «важнее, может быть, чем труд личный», при этом «всегда остается нерешенным, кто поступает здесь правильнее и целесообразнее» (СПФ АРАН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 15, л. 7).

⁶¹ Письмо демонстрирует озабоченность М. К. Азадовского своей судьбой, готовность «радикально изменить свою жизнь» (определенную роль здесь играет и непримиримость отношений с Б. Э. Петри). 21 января 1929 г. Азадовский напишет И. Поливке о своих планах: «После непродолжительного проживания в Москве поеду в Ленинград, где и проведу около трех месяцев», — но направится из Ялты в Ленинград и пробудет там «до августа 1929 г.» (Из писем М. К. Азадовского. С. 223, № 31 и коммент. к нему). М. К. Азадовский «получил довольно авторитетное приглашение в Ленинградский университет» на кафедру фольклора от акад. Н. С. Державина еще в 1925 г., но было жаль расставаться и с Сибирью, тревожила материальная сторона и то, «как бы при столичной нагрузке не пришлось трудновато». «Но — с другой стороны, хочется поработать в большом масштабе, провести ряд работ, которые можно осуществить только в столице. Да и вообще боязно закиснуть в провинции» (письмо Э. К. Пекарскому от 20 марта 1925 г. — СПФ АРАН, ф. 202, оп. 2, ед. хр. 7, л. 10 об.—11; неполная публикация: Из писем М. К. Азадовского. С. 209, № 14). «Иркутск особенно мне жалеть не приходится. Хотя вокруг меня тут и кипит кой-какая работа, но трудно работать в тесных рамках педфака, с ограниченным, минимальным количеством <часов> для историко-литературных занятий. (Материально теперь неплохо. Я стал получать 170 руб.)» (письмо Н. С. Державину от 10 апреля 1925 г. — СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, ед. хр. 2, л. 1 об.; publ.: Из писем М. К. Азадовского. С. 210, № 15).

Р. С. Перечел еще раз письмо моего друга и решил, что стоит Вам сообщить и заключительный абзац речи о сказке. Для фольклористов это очень поучительно:

«Недавно в „Сов<етской> Сибири“ была напечатана небольшая заметка о том, что какой-то ученый при раскопках нашел где-то в Сибири остатки яиц доисторического страуса. Но нужно ли нам поэтому изучать эти страусовы яйца? Мы — не против сказок, но в деле планового строительства нашей страны нам нужна наука, повернутая лицом к жизни...».

Несмотря на безотлагательную помощь Сергея Федоровича, «злключения со сборником» продолжались, и 25 января Марк Константинович шлет ему новое письмо.

Письмо 6⁶²

Ялта, 25 янв<аря> 1929.

Дорогой Сергей Федорович!

Приходится снова писать Вам о злключениях со сборником работ моих учеников — «Сказки из разных мест Сибири». Цензурные сопротивления, о которых я Вам писал, были сломлены благодаря Вашей телеграмме. Сборник был разрешен цензурой, но — уже законченный в печати, — он вновь был задержан местным Политконтролем. Причины были те же, что смущали и цензуру: «*Непристойность*» (!).⁶³ Забавно, что особенно указывалось на неприличие сказки «Любовь жены» (№3), — а между

⁶² СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 11—14 об.

Текст во многом повторяет предыдущее письмо, написан на такой же почтовой бумаге темно-зелеными чернилами; несмотря на исправления, не выглядит результатом скорописи, аккуратен и разборчив, как и вообще почерк Азадовского. Второй двойной листок помечен римской цифрой «III».

⁶³ М. К. Азадовского привлекала мысль С. Ф. Ольденбурга о роли странствующего элемента (моряков и солдат) в бытовании и распространении индийской сказки (*Ольденбург С. Ф.* Странствование сказки. С. 158), так что при записи и изучении сказки русской, особенно в условиях Сибири, он сделал вывод о распространении и развитии ее деклассированными, выломившимися из традиционной культуры бродягами-«поселенцами», чья задача — приукрасить и затянуть сказку до «ужны» (т. е. ужина, ибо ненакормленным гость не останется). Обильное помещение в сборник материалов подобного рода в значительной степени могло спровоцировать признание его «непристойным». Название одного из текстов — «Дом терпимости, сочинение Гоголя», — не имеющего отношения ни к сказочной традиции, ни к традиции русской классической литературы, ни к Н. В. Гоголю, свидетельствовало не в пользу сборника.

тем, это лучшая сказка в сборнике, остро пронизанная к тому же чувством резкой социальной ненависти к высшим классам, духовенству и пр.⁶⁴

Наконец, после двухнедельных хлопот удалось снять и эту преграду.

Сборник был выпущен, разослан, поступил в продажу, — но тут началось новое, нечто гораздо худшее и тревожное.

Уже *post factum* против издания сборника высказался ряд некоторых местных партработников. Сначала завагитпропом на конференции пролетстуда⁶⁵ заявил о ненужности такого рода изданий в настоящее время. Такие сборники, по его мнению, отвлекают силы и средства (хотя на этот сборник университетских денег пошло всего 250 руб. — остальное покрыто путем предва-

Для марксиста доцента Вальдена здесь мог выступить на первый план отмеченный К. Марксом для раскультуренной товарной деревни буржуазного этапа «идиотизм деревенской жизни».

Некоторая тенденциозность отбора материала типична для М. К. Азадовского; ее подтверждает и замечание А. Н. Нечаева о том, что книга сказок Н. О. Винокуровой «является практическим приложением утверждений, выдвинутых проф. М. К. Азадовским» (*Нечаев А. Н. М. М. Коргуев и его сказки // Сказки Карельского Беломорья. Кн. 1 : Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939. С. XXIX*).

О том, что сибирские сказки (вернее, сказки русских Сибири) — это сказки в первую очередь не «поселенцев», свидетельствуют тексты хорошей сохранности из «разных мест Сибири», записанные в послевоенное время в Русском Устье, на Лене и в других регионах.

Отметим, что среди сказок Чирошника, включающих явно книжный элемент, не содержится текста, по своим художественным достоинствам сравнимого с русскоустыньским «Анчиухом» — фольклоризацией, как установлено Г. Л. Венедиктовым, древнерусской повести из эллинистического романа об Аполлонии Тирском (вторая версия его — тоже сибирская, омская), по которой можно изучать пути, степень, проблемы фольклоризации литературы, взаимодействия литературы и фольклора (Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. № 18, 19. С. 95—100, 100—104; коммент. С. 308); *Венедиктов Г. Л. Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 400—409*.

⁶⁴ Даже «лучшая», вызвавшая восхищение И. Поливки, сказка «Любовь жены» (№3), сохраняя целомудрие сюжета явно народной сказки, дает образ не только умной и верной жены, но и провоцирующей церковников искусительницы, специально вводящей их в грех, — женщины хитрой и себе на уме. Текст избилует мешанско-купеческой «галантерейной» лексикой.

Такие тексты, по мнению члена Сказочной комиссии М. Б. Едемского, демонстрируют «совершенное отсутствие простоты, яркости и скромной красоты и меткости сказочного языка» (*Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок : Из отчетов об этнологических наблюдениях по Северу России за последние годы // Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. С. 44*).

⁶⁵ Пролетстуд — пролетарское студенчество.

рительной подписки, продажи и пр.). Для иллюстрации им был приведен такой пример: «Недавно, — говорил он, — было сообщено о находке в Сибири яиц доисторического страуса. Но неужели же мы будем их изучать? Конечно, не должны. Нам нужна наука, повернутая лицом к жизни, а не доисторические яйца,⁶⁶ не сказки...» и т. д. (хотя тут же прибавил, что вообще-то он не принципиальный противник сказок).

Затем состоялось специальное совещание по поводу этой же злополучной книги — при Кабинете агитации и пропаганды облкома.⁶⁷ Ко мне не обратились даже хотя бы с предложением прислать письменно свои соображения о характере и значении этого издания (а ведь торопиться было все равно не к чему: можно было бы подождать моего письма).⁶⁸

Над сборником же был учинен форменный суд. Совершенно невежественные и некомпетентные лица заявляли, что сборник не имеет никакого научного значения, ибо де все это давным-давно известно, что сборник не имеет никакого краеведческого значения, ибо сказки — не сибирские и т. д.⁶⁹ Даже стыдно сообщать о всех этих нелепостях, дорогой Сергей Федорович!

⁶⁶ Заслуживает внимания выдержка из статьи И. Вальдена «Десять лет Иркутского государственного университета», где в подглавке «Изучение производительных сил» читаем: «Нам думается, что очень часто мы наши небольшие средства тратим в значительной степени неэкономно и нецелесообразно. Наши научные организации не умеют иногда выделить основного, главного, сосредоточить на нем все силы, всю энергию, все средства; должны ли мы, например, при нашей бедности, при незначительном количестве научных сил здесь, у нас в Иркутске, заниматься выяснением того исключительной (?) важности вопроса, где же заложен первый камень города Иркутска, или разрабатывать вопросы классового расслоения латвийской деревни XVIII века,* — или же мы должны помочь советской власти в изучении колоссальнейших запасов природных богатств округа, края в целом? Нам думается, что последнее. (* Мы не отрицаем необходимости и таких научных работ. Вопрос идет о практической целесообразности и необходимости делать это именно теперь. И. В.)» (*Вальден И. Десять лет Иркутского государственного университета // Власть труда. Иркутск, 1928. № 251. 27 окт. С. 2*). Но у Азадовского были и защитники. В том же номере «Власти труда» проф. Одинцов в заметке «За учителя-общественника: Педагогический факультет», стараясь отвести удар, представляет педфак как «центр научной мысли», сотрудники которого «подвергают изучению многообразную жизнь края, исследуют его богатства, изучают его прошлое, намечают пути дальнейшего развития».

⁶⁷ Данных об этом совещании в городской газете не обнаружено.

⁶⁸ М. К. Азадовский не присутствовал при решении судьбы сборника и подходил к проблеме так, будто речь шла о докладе на научном съезде, а не о выполнении нижестоящими организациями директив; мнения ученых и чиновников часто не совпадали.

⁶⁹ В рецензии о «Сибирской живой старине» (Печать и революция. 1928. Кн. 8) С. Ф. Ольденбург поставил вопрос о необходимости записи

Что же касается предисловия проф. Азадовского, то оно 1) не соответствует характеру и содержанию книги (?!), 2) оно методологически неприемлемо, ибо советует изучать сказки для того, чтобы ознакомиться с процессами народнохозяйственной жизни. Такое утверждение противоречит марксизму.

Помимо всей нелепости такой постановки вопроса, эти утверждения в корне противоречат истине. Как Вы помните, в моем предисловии идет речь совсем о другом. Я говорил о *педагогическом* значении работы по собиранию сказок. Такая работа заставляет студента невольно входить во все детали быта крестьянина.

А в заключение постановили: считать издание «Сборника» несвоевременным. Что это значит? Я это, в сущности, рассматриваю как выражение общественного недоверия мне как организатору, редактору и издателю. Впрочем, некоторые из участников совещания высказывались вообще за полное изъятие сборника.

Отдельных суждений, направленных против сказки как таковой («ненужная чертовщина»), я уже не буду Вам приводить.

Вы скажете, что все это не так страшно: обычное провинциальное головотяпство. Но ведь за всем этим скрывается и другое. Ведь огромная налаженная работа теперь сорвана. Я не могу уже руководить дальше работой по изучению фольклора: ученики мои терроризованы. Недавно я получил письмо от одного из них. Просит извинения, но от данной мной ему темы отказывается. Боится.

И у самого у меня такое состояние, как будто я подвел доверившуюся мне молодежь.

Вместе с тем были подвергнуты попутной критике — и с такими же результатами, и такими же «методами» — прочие наши издания, в том числе и «Сиб<ирская> живая старина». Словом, уничтожается вся та работа, которая проделана за революционное десятилетие и которая выдвинула Иркутск на одно из первых мест в краеведческой среде и обратила на него внимание западной науки.⁷⁰

этнографического и фольклорного материала не только сибирских по происхождению народов, но и русских, и украинцев, и белорусов, основываясь на том, что они за века бытования в Сибири приобрели новые, не присущие жителям европейской части страны, черты.

⁷⁰ С. Ф. Ольденбург считал закономерным «тот исключительный интерес, который проявляется теперь на Западе к русской сказке»: «накопилось чрезвычайно значительное количество научных записей народных сказок, которые ждут издания», сказок живых, так как у нас сказка «продолжает развиваться» (*Ольденбург С. Ф. Исключительная важность исследования народной сказки : Предисловие // Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. С. 6*). Иркутские записи Азадовского выступают частью, вариантом общего культурно-научного потока.

Я понял бы эти нападки, если бы действительно в Иркутске никто не занимался ничем другим, кроме как фольклором, сказками, археологией, историей прошлого быта и т. д. Но ведь Выто хорошо знаете, как разносторонни в Иркутске краеведческие изучения и как, напр<имер>, много сделано для изучения местной экономики тем же самым Географ<ическим> об<ществ>ом, в котором я председательствую.

Но почему же так травить и уничтожать один небольшой сектор в этой общекраеведческой работе? Почему — с какими инструкциями и директивами Центра это согласовано — объявлять чуть ли не под табу такой важный и, конечно, нужный отдел, как фольклор? Почему так легко дискредитируется в глазах студенчества и общества научное значение наших работ и нас самих? Как быть? Руки опускаются — не знаеш<ь>, что делать. Посоветуйте, дорогой Сергей Федорович, научите ...

Весь Ваш М. Азад<овский>.

P. S. Кстати, Вам, вероятно, небезынтересно будет слышать мнение Поливки о сборнике. Я получил от него письмо, он благодарит за присылку и пишет, что не может насладиться текстами сборника, изяществом стиля, значительностью содержания. На этом сборнике, — пишет он, — он окончательно убедился, как превосходят русские сказки сказки остальных славянских народов. Собирается посвятить ему специальную статью.

М. А.

Письмо 7⁷¹

Дорогой Сергей Федорович!

Из случайного ленинградского письма узнал о сильной болезни Елены Григорьевны. Надеюсь, теперь уже наступило улучшение. Очень хотел бы иметь весточку и знать, что уже нет основания для беспокойств.

Особо хорошего тоже мало приходится сказать. До Рождества горла (? — М. Н.) хватило, а теперь с каждым днем все хуже и хуже. Не следовало мне возвращаться, так как это очень отдалило и устройство в Питере.⁷²

⁷¹ СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 17—17 об. На двойном листе неолощенной, сильно пожелтевшей бумаги в линейку написанный скорописью синими чернилами текст только на первом листе, до сгиба. Без даты и указания места. Речь в письме идет о периоде между выходом последнего номера «Сибирской живой старины» и переездом в Ленинград.

⁷² Марк Константинович выехал из Ленинграда в Иркутск 1 августа 1929 г., но 13 декабря снова был в Ленинграде (см.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург : Опыт биографии. СПб., 2006. С. 193).

На днях вышел VIII—IX том «Сибирской живой старины», вероятно, последний. Через несколько дней Вы его, конечно, уже получите. Но, вообще, этнографическая работа замерла совершенно.⁷³ О каких-нибудь крупных изданиях и мечтать не приходится.

Сердечный привет Елене Григорьевне. Крепко жму Вашу руку.

Весь Ваш М. Азад<овский>.

Письмо 8⁷⁴

<Конец 1929—1932>.

Дорогой Сергей Федорович!

Простите, что снова тревожу Вас, но Вы меня не так поняли. Я просил автоперевода другого абзаца:

Стр. 234: *Ainsi, là où, nous trouvons nous, Russes'* и т. д. до конца абзаца (до слов «*L'étude de la littérature...*»)⁷⁵

Простите, что я тревожу Вас с этим, но как раз в этом отрывке есть возможность истолковать при переводе иначе вашу мысль.

Весь Ваш М. Азадовский.

⁷³ 8—9-й том «Сибирской живой старины» вышел в 1929 г. Этнографическая работа в это время приостановилась во всей стране. В 1930 г. музеи страны, где научно обрабатывались и хранились результаты комплексных экспедиций по изучению человека «в этнологическом аспекте» в виде текстовых, вещных, художественных экспонатов, не только лишились статуса научных учреждений — многие из них разгромлены, кадры заменены. Научные коллекции огромного числа краеведческих музеев, в том числе и записи сказок, объективно были утрачены.

⁷⁴ СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4, л. 18. Скоропись фиолетовыми чернилами. Первое слово — «Дорогой» — написано с нажимом, некоторые слова исправлены. Вверху листка надпись карандашом не рукой автора: «Азадовский М. К.». Дата отсутствует.

⁷⁵ М. К. Азадовский просит автоперевод фрагмента речи С. Ф. Ольденбурга о народной сказке в Сорбонне в мае 1929 г. См.: *S. d'Oldenbourg. Le conte dit populaire : Problèmes et méthodes.* Paris, mai 1929 // *Revue des Études slaves.* Paris, 1929. Т. 9, fasc. 3—4. P. 221—236 (в «Материалах для библиографии трудов С. Ф. Ольденбурга» П. Скачкова работа отсутствует. См.: Сергею Федоровичу Ольденбургу... С. 625—637).

Упомянутый отрывок расположен на с. 234—235. Текст выверен по публикации, в подлиннике обнаруживаются описки М. К. Азадовского: должно быть «*là où nous trouvons nous, Russes*», «*de la littérature*».

Русский перевод фрагмента см.: *Азадовский М. К.* С. Ф. Ольденбург как фольклорист // Советская этнография. 1933. № 1. С. 36.

Последние листы дела, л. 19—23, — рукописная копия письма № 5 с резолюцией об изъятии, подписанной 23.04.1970 г.

Жизнь М. К. Азадовского в этот период наладится: приказом № 11 от 7 сентября 1930 г. он будет «отчислен с 1 сент<ября> 1930 г. от должности профессора Педагогического факультета Иркутского Госуд<арственного> Ун<иверсите>та за переходом на работу в другой ВУЗ», начнет работать в нескольких учреждениях Ленинграда, а 13 апреля 1931 г. будет «назначен на должность научного сотрудника 1 разряда ИПИИ⁷⁶», согласно выписке из протокола заседания Президиума АН СССР от 13.04.1931, § 27.⁷⁶

⁷⁶ СПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 75, л. 11 об.—12. ИПИИ — Институт по изучению народов СССР АН СССР.

**ПЕЧОРСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ И ЗАМЕТКИ
О ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ
В ЗАПИСЯХ ЭКСПЕДИЦИИ ГИИИ 1929 г.***

(ИЗ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ А. М. АСТАХОВОЙ)

Публикация и комментарии Т. С. Каневой

Поездка на Печору летом 1929 г. стала последней в серии знаменитых комплексных экспедиций на Русский Север, предпринятых сотрудниками секции изучения крестьянского искусства Государственного института истории искусств (г. Ленинград) во 2-й половине 1920-х гг. Постоянная участница этих выездов А. М. Астахова оценивала данное событие как одно из крупнейших фольклористических предприятий 1920-х гг.¹ Печорская группа под руководством Е. В. Гиппиуса за 20 с небольшим дней побывала в 11 населенных пунктах, раскиданных на огромной территории по берегам трех рек: в двух селах коми-ижемцев (в с. Ижма на одноименной реке и с. Щельяур на Печоре) и в ряде русских поселений Припечорья: на р. Пижме (в д. Абрамовской и в с. Замежное), в с. Усть-Цильма и в прилегающих к нему деревнях (Высокая Гора, Карпушовка, Конино, Коровий Ручей, Роцинский Ручей, Федосейкино), в д. Климовке, отстоящей от

* Работа выполнена в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ, НИФ «Духовная культура европейского Севера : Системное описание и исследования традиций Печоры», рег. № 6.2231.2011.

¹ Астахова А. М. Вопросы изучения русского фольклора в годы 1917—1944 // Русский фольклор : Библиографический указатель : 1917—1944 / Сост. М. Я. Мельц; Под ред. А. М. Астаховой, С. П. Луппова. Л., 1966. С. 19.

Усть-Цильмы более чем на 100 км ниже по Печоре, и наконец, практически в самых ее низовьях — в с. Великая Виска.²

В сравнении с собирательской работой в Заонежье (1926), на Пинеге (1927) и Мезени (1928), где применялся комплексный метод «благодаря наличию <...> специалистов различных искусствоведческих профилей»,³ на Печоре был зафиксирован лишь фольклорный материал, что обусловлено составом экспедиции, в которой работали фольклористы — музыковеды Евгений Владимирович Гиппиус и Зинаида Викторовна Эвальд, филологи Анна Михайловна Астахова, Наталия Павловна Колпакова и Ирина Валерьяновна Карнаухова, а также театровед Сергей Сергеевич Писарев.⁴ Однако качество полученного в печорской экспедиции ГИИИ материала для фольклористического исследования севернорусских традиций трудно переоценить:⁵ из поездки 1929 г. собиратели привезли 54 записи былин от 21 сказителя, на основе которых А. М. Астаховой удалось дать разностороннюю характеристику печорского эпоса, около 500 песен от сольных исполнителей и нескольких певческих коллективов — не говоря о том, что именно этой группой фольклористов впервые на Печоре были сделаны звукозаписи образцов музыкально-поэтического фольклора,⁶ как и впервые записывались произведения многих жанров.⁷

² До середины 1929 г. все поселения входили в состав Печорского у. Архангельской губ., затем — Северного края РСФСР (в его составе Ижемский и Усть-Цилемский районы отошли к Коми области, нижнепечорские селения — к Ненецкому национальному округу).

³ Колпакова Н. П. У золотых родников : Записки фольклориста. Л., 1975. С. 4.

⁴ Для сравнения: в заонежской экспедиции приняло участие 17 специалистов разных профилей (по народному зодчеству, хореографии, прикладному искусству и т. п.).

⁵ О некоторых итогах экспедиции см. также: Канева Т. С. Усть-Цилемская традиция в записях 1929 г. : (К 80-летию экспедиции Государственного института истории искусств на Печору) // Традиционная культура : Научный альманах. 2009. № 3. С. 105—117.

⁶ Печорские фонозаписи 1929 г. входят в состав «Исторических коллекций» — специального фонда Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (см.: Марченко Ю. И. Ранние звукозаписи в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома : По материалам экспедиций в районы Обонежья, Поморья, на Мезень, Пинегу и Печору) // Рябининские чтения-2007 : Материалы V Науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера (г. Петрозаводск, 17—21 сентября 2007 г.). Петрозаводск, 2007. С. 356—358).

⁷ До экспедиции ГИИИ 1929 г. фольклористические записи на Печоре (былины, сказки, отдельные образцы духовных стихов, святочных величаний, фольклора пестования) удалось сделать лишь Н. Е. Ончукову в 1901—1902 гг., см.: Ончуков Н. Е. 1) Печорские былины. СПб., 1904 (далее — Онч. 1904); 2) Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губер-

В отличие от предыдущих северных экспедиций ГИИИ после печорской поездки не появилось обобщающего исследования по типу хорошо известных выпусков «Крестьянского искусства СССР».⁸ Ее результаты вошли в несколько жанровых изданий, причем с разной степенью полноты. Наиболее полно представлены в первую очередь былины, опубликованные в первом томе «Былин Севера» А. М. Астаховой,⁹ а сравнительно недавно — и в «Своде русского фольклора».¹⁰ Из записей сказок, выполненных И. В. Карнауховой, известно лишь 19 текстов, опубликованных ею в сборнике «Сказки и предания Северного края».¹¹ Из коллекции богатейших песенных материалов 1929 г. представлена незначительная их часть — немногим больше десятой доли: 59 текстов напечатаны в сборнике 1963 г.;¹² отдельные образцы с нотными расшифровками — 5 песен от мужского ансамбля Чупровых — опубликованы лишь недавно,¹³ две из них вошли также в аудиоальбом.¹⁴

В экспедиционных поездках ГИИИ каждый из исследователей сосредоточивался на сборе материала определенного жанра: А. М. Астахова вела запись былин, Н. П. Колпакова — песен

нии). СПб., 1908 (далее — Онч. 1908); 3) Печорские стихи и песни. СПб., 1908 (далее — Онч. 1908а).

⁸ Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Вып. 1: Заонежье. Л., 1927; Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. Л., 1928.

⁹ Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. Т. 1: Мезень и Печора. Л., 1938. № 48—99; Нотное прилож. № VIII—XI (далее — БС).

¹⁰ Былины Печоры: В 2 т. / Сост., подгот. текстов В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, В. В. Коргузалова, А. Ф. Некрыловой; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.) (далее — БП). Т. 1: № 11, 25, 26, 42—45, 58, 59, 69—72, 108—110, 120—124, 133—136, 139, 140, 155—157; Т. 2: 166, 171—173, 187, 191, 200—205, 216—219, 255, 256, 263, 271; Прилож. 2, № 1—3; Прилож. 3, № 3; Прилож. 6, № 1, 2.

¹¹ Из них 9 записаны от устьилёмки, 10 — от обрусевшего ненца, см.: Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934. № 151—169. Полевые материалы собирательницы утрачены, см.: Власова М. Н. «Сказки и предания» И. В. Карнауховой // Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края / Подгот. текстов, вступ. статья, коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2006. С. 14.

¹² Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. № 324—383 (далее — ПП).

¹³ Образцы печорского песенного фольклора в записях 1929 года / Публ., коммент. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 224—267.

¹⁴ Пижемские певцы и сказители: (К истокам певческой культуры Усть-Цильмы): Из собрания Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: Аудио CD / Сост. А. Н. Власов, Т. С. Канева, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко. Сыктывкар, 2008. № 19—20.

и материала по свадебному обряду,¹⁵ И. В. Карнаухова — сказок, звукозапись музыкально-поэтических текстов осуществляли Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Эта специализация, соответствовавшая профессиональным интересам ученых, нашла отражение в составе архивных коллекций собирателей и в изданиях печорского фольклора, записанного в 1929 г. Однако в своих печорских дневниках А. М. Астахова, подводя итоги, выделила сразу несколько жанрово-тематических групп собранных ею текстов: «Работала по 3-м основным направлениям: 1. Собирала эпич.<е-ские> песни: былину, дух.<овный> стих, ист.<орическую> п.<есню> <...>. 2. Собирала материал по колдовству и знахарству, записывала заговоры. 3. Продолжала ту работу, кот.<орую> начала на Мезени: похоронный обряд и похоронный причет. Кроме того, т<a>к к<a>к в эт.<ом> году не было сотрудника, кот.<орый> работал бы специально по мелким жанрам, брала в кажд.<ом> районе частушки, записала несколько образцов печорских баек. Итак, кроме основного материала запис.<ано> много».¹⁶

Как уже отмечалось, из печорских материалов, собранных А. М. Астаховой, ею самой к печати были подготовлены былины, составлявшие главный профессиональный интерес ученого. Следует отметить, что записи духовных стихов и заговорных текстов, выполненные собирательницей и в других северных экспедициях 1920-х гг., стали известными широкому кругу исследователей благодаря публикациям Л. И. Петровой лишь в последние два десятилетия.¹⁷

Настоящая статья посвящена причитаниям (в подавляющем большинстве — похоронно-поминальным), а также сведени-

¹⁵ Материалы по печорской свадебной обрядности вошли в диссертацию Н. П. Колпаковой «Свадебный обряд на Севере», рукопись осталась неопубликованной (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, кол. 165, п. 25); практически сразу после экспедиции на заседании Фольклорной секции ГИИИ Н. П. Колпаковой были сделаны доклады «Свадебный обряд на р. Печоре» и «Свадебные причеты на р. Печоре» (*Иванова Т. Г.* Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е годы // *Русский фольклор* : Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 61).

¹⁶ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, кол. 6, п. 8, ед. хр. 5, л. 46.

¹⁷ Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // *Из истории русской фольклористики*. Л., 1990. Вып. 3. С. 180—218; Духовные стихи Обонежья : (По материалам экспедиций 1926—1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // *Из истории русской фольклористики*. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 439—491; *Петрова Л. И.* Духовные стихи на Мезени : (Из полевых тетрадей А. М. Астаховой 1928 г.) // *Русский фольклор* : Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 318—348; Из полевых записей А. М. Астаховой 1928 года : (Заговоры на Мезени) / Публ. Л. И. Петровой // *Из истории русской фольклористики*. СПб., 2007. Вып. 7. С. 184—223.

ям о похоронном обряде, записанным в печорской экспедиции ГИИИ Анной Михайловной Астаховой.

До сих пор первой (и единственной крупной) публикацией причитаний, зафиксированных на Печоре, является сборник В. Г. Базанова, в который вошло 66 плачей (похоронных, поминальных, при проводах на войну, бытовых) от 18 исполнительниц, записанных в Усть-Цилемском районе экспедицией Карело-Финского государственного университета в 1942 г.¹⁸ Представляемые в настоящем сборнике тексты, относящиеся к первой трети XX в., существенно дополняют источниковую базу исследований печорской причеты, являясь самыми ранними из известных материалов по этому жанру.¹⁹

Всего в печорских полевых тетрадях А. М. Астаховой обнаружено 5 записей о похоронном обряде в 4 тетрадях и 28 текстов причитаний в 5 тетрадях.

Сведения о похоронном обряде (см. № 30—34) представляют собой краткие заметки — ответы, очевидно, на одни и те же вопросы (об отдельных действиях при умирании, подготовке умершего к положению в гроб, подготовке гроба, на похоронах и непосредственно при погребении, на поминках, о некоторых поминальных обычаях), последняя запись о похоронном обряде, сделанная в с. В. Виска (№ 34), завершается шестью примечаниями, одна из которых имеет отношение к поверьям о смерти. Информанты этих сведений не всегда отмечены в полевых записях, среди названных — женщины старшего (№ 30) и среднего (№ 33) возраста.

Причитания записаны А. М. Астаховой от шести или семи-восьми (см. комментарии к № 7—9) исполнительниц, возраст

¹⁸ Русская народно-бытовая лирика : Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1912—1945 гг. / Вступ. статья, коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962. С. 45—221 (далее — РНБЛ). Записи были сделаны в с. Усть-Цильма, д. Карпушовка, Уег, Кривая Виска и Хабариха (р. Печора) и в с. Трусово (р. Цильма) В. Г. Базановым, студентами Н. Митропольской, А. Беловановой, А. Разумовой.

¹⁹ Отдельные образцы печорской похоронной причеты имеются также в других изданиях: Печорские былины и песни / Зап., сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979. № 34—39 (записи конца 1930—1940-х гг.); Русский народный хор села Усть-Цильма : Грампластинка. М.: Мелодия, 1978. № 18; *Бабикова Т. И.* Погребально-поминальный обряд «устыцилёмов». Сыктывкар, 1998. С. 39—42. О записях причитаний в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета см.: *Канева Т. С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы : Некоторые аспекты характеристики локальной традиции : Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002. С. 37—42; *Ильина Ю. Н.* Усть-Цилемские похоронно-поминальные причитания в современных записях // Вторые Мяндинские чтения : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (11—12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) : В 2 т. Т. 2. В печати.

точно названных составляет от 37 до 56 лет. Из 28 плачей два относятся к исполнявшимся при проводах «в солдаты» (братьев — № 19, мужа — № 22), 13 — непосредственно к похоронным причитаниям (№ 1—10, 14, 24, 28), три являются собственно поминальными (№ 18, 26, 27, сюжет «вызов покойного из могилы»), остальные могут быть оценены как похоронно-поминальные (могли бытовать как в ситуации похорон, так и при поминовении, на что в отдельных случаях указали и сами исполнители).

Большая часть причитаний записывалась собирательницей, очевидно, при пересказе (см. высказывания исполнительниц: «Скажет сказывать, так не выходит», № 13; «Плачем, так складнее», № 16), лишь три плача были зафиксированы «с голоса» (№ 16, 24, 26), два из них были исполнены как в пересказе, так и «на голос» (№ 24, 26).

В полевой записи тексты причетов, как правило, сопровождаются краткими замечаниями об исполнительницах, а также сведениями о приуроченности, характере бытования плачей и т. п.; все они приведены в комментариях. Мы сочли необходимым опубликовать также 3 лаконичные заметки о плачах и их исполнителях, содержащие сведения о терминологии, отношении к причету старообрядческих наставников, и оценки исполнителями старшего поколения современного состояния голошения; здесь нами сохранены собственно рабочие пометы собирательницы, а именно — упоминания имен потенциальных информантов. Одна из этих заметок помещена в комментарий к тексту № 11, две другие, следующие в тетради одна за другой, составили один текст (№ 29). Таким образом, в настоящую публикацию вошли практически все материалы по похоронной обрядности, зафиксированные А. М. Астаховой на Печоре.

Тексты публикуются по полевым (карандашным) записям А. М. Астаховой (далее в комментариях — п. з). Ни их беловых копий, ни машинописных вариантов в архиве не обнаружено; вероятно, их и не было, поскольку эти карандашные записи не перечеркнуты собирательницей, как она обычно делала при переписывании полевых текстов начисто. Материалы хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в кол. 6, папке 8. Далее в комментариях к текстам эти данные не повторяются, указываются только единица хранения и соответствующие листы или номера. Кроме этого, в комментариях приводятся следующие сведения о записи: дата, населенный пункт (опущены общие административные координаты: Печорский уезд Архангельской губ.), данные об информантах; если какие-то из них не указаны собирателем перед записью публикуемого текста, то восстанавливаются нами по соотношению с предыдущими заметками и заключаются в квадратные скобки.

Как уже указывалось, в комментарии также вошли все замечания и пометы, сопровождающие тексты причитаний.

Тексты причитаний и заметки о похоронном обряде для удобства восприятия материала даны по отдельности (№ 1—28, 30—34); последовательность текстов внутри этих блоков соответствует их месту в полевых тетрадах (из этого порядка выбивается лишь текст № 29 «О плачах»). В случае, когда заголовок причитаний (приуроченность исполнения, адресация) приводится по полевой записи, он заключен в кавычки.

В публикуемых текстах сохранены почти все зафиксированные собирательницей фонетические и морфологические особенности местной речи, в том числе и колебания произношения в пределах одного произведения, а также расставленные ею ударения в словах. В соответствии с современными нормами орфографии внесены правки в написание глаголов 2-го лица ед. ч. и неопределенной формы (везде проставлен «ь»); как адекватные литературной норме сняты случаи фиксации в полевой записи ассимиляции согласных в середине слова и оглушения согласного в конце слова, буква «о» после шипящих заменена на «ё» (в словах типа «тяжёлый», «шёлковый», «пошёл»), «я» после «ч» — на «а» («чадо»), исправлено написание названия с. Усть-Цильма (вместо Усть-Цыльма). Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами. В «Записках о похоронном обряде» разбивка текста на абзацы выполнена нами. Восстановленные сокращения и недописанные окончания слов, характерные для скорописи, а также предположительные чтения заключены в угловые скобки; неразборчивые фрагменты, части слов, отдельные буквы обозначаются как *<нрзб>* тоже в угловых скобках; знаки повтора словосочетаний или отдельных слов, использованные собирательницей в отдельных случаях, заменены на соответствующие слова (словосочетания), которые при этом выделены курсивом. Для публикуемых полевых записей характерны правки в виде повторного прописывания тех же или других знаков поверх написанных ранее, на что указывает отчетливый, отличный от контекста нажим карандаша, иногда и размер букв. Такие случаи, не вызвавшие затруднений при прочтении полевой записи, показаны подчеркиванием выправленных букв; более сложные случаи оговорены в примечаниях.

Автор публикации выражает благодарность сотрудникам ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Юрию Ивановичу Марченко, Людмиле Ивановне Петровой и Яне Валерьевне Зверевой за помощь в подготовке текстов к публикации. Особая благодарность — доценту СыктГУ Юлии Николаевне Ильиной, а также сотруднику ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН Татьяне Ивановне Дроновой, оказавшим большую помощь в расшифровке «темных мест» полевых записей.

1. По брату

- Удалы добры молодцы,
Кому да гроб робите,
Это вито гнездо,
Золото кольцо?
- ⁵ Моему да ясну соколу,
Моему да брату родителю,
Солнцю да моему красному,
Красному да обогривному,
Сходимому да красну солнышку,
- ¹⁰ Брату да моему родителю.
Не на это да был он роценой,
Об этом¹ да мы не думали,
Что² уберётца да³ он⁴ укатитца.
Пошёл он да поехал
- ¹⁵ По матушке да по быстрой реке
За наживой да за великой.
Случилося да тут несчастьеце,
Смерть⁵ тут ему пострадалася несчастная,
Пострадалась да стретилась.
- ²⁰ Да ты оставил молоду жену,⁶
Молоду жену да⁷ ты любу семью
С детьми да со малыма,
Со многима да со артельными,⁸
Со артельными да со семейными.
- ²⁵ Как станет детей роцить
Мати да их родимая⁹
Без горы да без высокоя,
Без стены да без камённая,
Без отця да без родителя,
- ³⁰ Без крепкой¹⁰ стены да без городской?
Как не стала ваша гора высока,
Как не стала каменна¹¹ стена да городова.
Как станет да вас мати роцити,
Роцити вас да мотатися,
- ³⁵ Мотатися да подымать вас, детей малых?

¹ В начале строки зачеркнуто «Мы об», сверху вписано «Об».

² В п. з. «Чтобы», зачеркнут слог «бы».

³ «да» вписано над строкой со знаком вставки.

⁴ После «он» зачеркнуто «да скоро».

⁵ В п. з. «Смёрть» с зачеркнутыми двумя точками над «ё».

⁶ Стих вписан между строк.

⁷ «да» вписано над строкой.

⁸ Возможно прочтение «артельными».

⁹ В начале строки зачеркнуто «Их».

¹⁰ «Крепкости», «сти» зачеркнуто, надписано «й».

¹¹ Слово написано над строкой со знаком вставки.

Перевидите нужды-бедности,
Всякой да неприятности,
Не одетые да не обутые,
Не допито да не доежено,
40 А баскó и хорошó да не унóшено.
Как с вами станет жить позоритьца,
Как станет вас,¹² детей, роцити
Без грозы да без отцёвоей?
Не повыростид он детей малых,
45 Не повыростил да не повыздонул
До полного до большого возраста,
До крепкого да ума разума.

Ед. хр. 6, л. 49 об.—51. [2 июля 1929 г., с. Усть-Цильма], Тиронова Татьяна Никифоровна, 43 лет. Об исполнительнице сообщается: «Двух мужей потеряла» (л. 49 об.).

Сведения о дате, месте записи и исполнительнице в № 1 относятся к № 2—6.

Вероятно, от этой же исполнительницы спустя 13 лет записывались плачи экспедицией Карело-Финского государственного университета под руководством В. Г. Базанова (РНБЛ, с. 192—208, № 56—61). Он также указал на двойное вдовство исполнительницы (РНБЛ, с. 563), совпадает и место записи, однако имеется одно важное различие — возраст Т. Н. Тирановой: в п. з. А. М. Астаховой четко обозначено: 43 г. (т. е. ок. 1886 г. р.), в публикации В. Г. Базанова (и в комментариях, и в одном из плачей¹³) — 61 г. (т. е. ок. 1881 г. р.).

Тексты плачей, записанных А. М. Астаховой от Т. Н. Тирановой, предваряются замечаниями исполнительницы: «Когда хочешь, тогда причитаешь. Сердце больное, так и раньше начинает вдова причитать». Затем пометы собирателя: «Причитывает, кому делает гроб. Тем, кто гроб робит.¹⁴ На похоронах.¹⁵ Гроб еще поверх земли, пока еще не зарыт.¹⁶ Другая сказала: надо гр<об> на похоронах <оплакать?>». Судя по этим указаниям, плач мог исполняться как во время изготовления гроба, так и при погребении, тем более что в самом тексте вопрошание к плотникам сочетается в нем с оплакиванием умершего и его осиротевших детей.

¹² Слово вписано над строкой.

¹³ «Я годами да слишком не старая, // (Мне 61 год, какая же я еще старая!) // Сокрушилася да я состарилась...» (РНБЛ, с. 202).

¹⁴ Первое предложение написано почти по центру строки (как заголовок), второе вписано слева над первым словом причета («Удалы...»).

¹⁵ Сочетание заключено в скобки, подчеркнуто, на слове «похоронах» — вертикальная наклонная черта, возможно, перечеркивание.

¹⁶ Предложение написано справа от причитания, подчеркнуто. Возможно, выделено подчеркиванием вместо «На похоронах».

После причитания примечание исполнительницы: «И дальше плачет, как буду жить» (л. 51).

Все 6 плачей (№ 2—6 наст. публикации), исполненных Т. Н. Тироновой, в п. 3. имеют сплошную нумерацию.

2. Сиротам, потерявшим мать. «Когда в гроб валя́т»

- Кладём вашу да мать родиму
Во это во вито гнездо
На долги¹⁷ веки да нарушимые,
Оставаютця да дети малые.
- 5 Больше не видатьця веки вам по веки
С матерью да с родимою,
С жалостью да со сердцебною,
С¹⁸ родимою со матерью.
Розостанетесь да больше не видайтесь,¹⁹
- 10 Не сойдетеся, больше не свидитесь
На долги веки да нарушимые,
Нарушимые да человечески.
Последнее да расставаньце,
Вековечное несвиданьце.
- 15 Вас бросила да мати родимая,
Вас бросила да жалость сердечная,
Горьких детей да бесприютных,
Мотатьця да жить-позоритьця.
Кто станет вас будить поутру рано,
- 20 Топить у вас жарку печь?
Кто вам будет обед готовить?
Кто на вас будет бёло ведь мыть?
Кто на вас да будет цясто шить?
Кто за вами да будет ухаживать,
- 25 Больни сердца ваши да удабривать,
Удабривать да успокаивать
У горьких детей, у несчастных?²⁰
Кто вас будет валить да вечером поздно,
Валить да детей малых?²¹
- 30 Кто про²² вас будет стелить да место мягкое?
Кто будет за вами ухаживать,
Ухаживать да успокаивать,

¹⁷ В п. 3. «долгие», конечная буква «е» зачеркнута.

¹⁸ В п. 3. «Со», «о» зачеркнута.

¹⁹ Буква «и» вписана сверху со знаком вставки, последняя буква читается невнятно из-за исправления: очевидно, сначала было записано «видатесь», исправлено на «видаетесь».

²⁰ «Несчастных», «т» зачеркнута.

²¹ «И» написано над строкой со знаком вставки.

²² Предлог написан над строкой со знаком вставки.

- Больны сердца ваши удабривать?²³
 Дальше как будет им жить без родителей?²⁴
- 35 С кем пойдёте на цисты гладки по́жини,
 На луга да на²⁵ зелёны,
 На площади да мелкотравчаты?
 С кем будете робить-делати,
 Косить с кем будете шёлкову траву,
- 40 Ставить да сено зелёное,
 Зелено́ сено́ да мелкотравчато?
 У вас не стало в доме хозяина,
 Хозяина да управителя,
 Над вами да распорядителя,
- 45 Над вами да нет управщика,
 Управщика да распорядителя,
 Старшего да предводителя.
 Вас кто будет по житью наперед вести?
 Вас все житьё да застоялось,
- 50 Опустились у вас да крылья гусиные,
 Опали да крылья лебединые.
 Не веселый дом да без хозяина,
 Не тёплый²⁶ день тот без солнышка,
 Так же не²⁷ красно жить детям²⁸ без матери,
- 55 Без родных родителей.
 Они намаютца да напозорятца,
 По чужим людям да нашатаютца,
 По чужим дворам да по подворьяцам,
 Из конца в конец да через Усть-Цильму
- 60 Из двора во двор да через улицу.
 Не будет у их отца-матери,
 Не найдется да ронных родителей,
 Не отыщется да желанных,
 Пригожить их да приголубить,
- 65 Горьких детей да неприютных,²⁹
 Бесприютных, детей позорных.
 Намаютца да напозорятца,
 Сёреди веку да состарятца.
 Бесприютна жить да маятлива,
- 70 Их некому, детей, да защитити,³⁰
 Некому их да заслóвити,

²³ После строки — как начало следующей — зачеркнуто «Кто».

²⁴ Под словами «без родителей» подписано: «если и отца нет».

²⁵ Предлог написан над строкой со знаком вставки.

²⁶ Далее зачеркнут слог «по» или «но».

²⁷ Далее зачеркнут предлог «без».

²⁸ Далее зачеркнуты предлог «без» и неразборчивое слово.

²⁹ Стих вписан в одной строке с предыдущим. Далее зачеркнута строка «Бесприютных да без<мотли>вых», на полях — знак вопроса.

³⁰ Зачеркнуто ударение над предпоследней буквой «и».

От буйна ветра да³¹ нету закрýлена,
От мокра дожда нету закрýлена,
От злого врага да некому зашýтити,
75 Зашýтити да заслóвити.
Они куда пойдут и куды поедут —
Всем будто виноватыи,
Подвижные да подначальнии,³²
Без вины они да виноватыи,
80 Без причины да всем причиннии,
Всем они да подначальнии,
Намаютця всяко да напозорятця.
Ни за что пройдёт их молода игра,
За что пройдёт она, прокатится,
85 Их игра со малых лет позорливая,
Судьба их да маятливая.

Ед. хр. 6, л. 51—54.

Указание на приуроченность плача предваряет текст, написано рядом с его порядковым номером, подчеркнуто; далее в скобках — «по матери», фраза зачеркнута, над и под ней исправление: «Если остались дети». После причитания комментариев исполнительницы: «Еще дальше плачут, их приплакивают».

3. Тем, кто сделал гроб

Вам спасибо, да удалым молодцам,
Вы моей да лады милоей
Поставили нов высок терем,
Срубил да нову горницу,
5 Вы свили ему да витó гнездо,
Будто <ислили>³³ да золото кольцо.

Ед. хр. 6, л. 54.

Рядом с порядковым номером причитания указана приуроченность: «Когда сделают <гроб>» (подчеркнуто).

4. Прощание с мужем. «Когда опускают гроб в могилу»

Ты прости-ко,³⁴ мой да ладо милое,
Да прости, да моя дума крепкая,
Ты крепка³⁵ дума да подвенецня,

³¹ Возможно, союз «да» зачеркнут.

³² В начале строки зачеркнуто «Ви».

³³ «с» написано над словом.

³⁴ Далее после пробела зачеркнуто «р».

³⁵ Зачеркнут знак ударения над «а».

- Подвенецня да припостельня.³⁶
5 Не видатця нам веки́ по́ веки,
На долги́ веки́ да нарушимые,
На долги́ веки́ да человечески,
Разостались с тобой да наве́ки.
Разостались да больше не видатьця,
10 Не видитьця да со милой ла́дой.

Ед. хр. 6, л. 54 об.

Указание на приуроченность дано рядом с порядковым номером текста.

5. «Когда понесут из избы»

- Куды тебя³⁷ да³⁸ снаряжаю я,
Куды тебя да сподобляю я,
Во котору³⁹ да путь-дорожецк<у>?
Да⁴⁰ ты⁴¹ не во⁴² дальнюю — в печальную,
5 Во матушку да во сыру́ землю́,
Во сыру́ землю да во темну⁴³ тюрьму,
Во темну тюрьму да в земляну бугру,
В земляну бугру да подземную,
На вечно⁴⁴ житьё да бестреложное,
10 Бестреложное да беспокойное.
Больше не станет-от да треложитьця,
Треложитьця да беспокоитьця,
Не станет больше о нас заботитьця.
Остались твоя горька́ семья да бесприпулярня,
15 Горька́ семья твоя да не обеспечена,
Не при цём твоя семья брошена,
При нужде́ она да при бенности,
Приурайной⁴⁵ хлебной скудости,
Не одетые, не обу́тые
20 Твои да дети малыи.
Как стану детей рощити,
Мотатьця да позоритьця? и т. д.⁴⁶

³⁶ Далее начата и зачеркнута строка: «Ты прости мо<е>да», над «мо<е>» зачеркнуто неразборчиво написанное слово (часть слова) типа «коси».

³⁷ Далее зачеркнуто слово «я».

³⁸ «да» написано над строкой.

³⁹ Слово подверглось правке, вероятно, сначала было «каку».

⁴⁰ Союз написан слева над строкой со знаком вставки.

⁴¹ Местоимение написано поверх другого неразборчивого слова.

⁴² Предлог написан над строкой со знаком вставки.

⁴³ Слово написано над зачеркнутым неразборчивым словом.

⁴⁴ «е» написано поверх «ч» — очевидно, погрешность скорописи.

⁴⁵ «у» заключено в скобки.

⁴⁶ Указание на возможное продолжение.

Ед. хр. 6, л. 55—55 об.
Указание на приуроченность дано рядом с порядковым номером текста.

6. По мужу. «Когда привезут, где умер»

Ты откуль пришёл,⁴⁷ откуль приехал?
Из той пути из дорожецьки,
Из дальней да из печальной.
Пришёл да приехал,
5 Не привез нам большой радости,
Привёз нам горе великоё,
Привёз он нам слёзы горёции,
Печаль нам немалую⁴⁸ — печальную,
Тоску нам великую,
10 Кручинушку да неугасимую.
Как мы станем жить-позоритьця,
Позоритьця да мотатися?
Намаемся да напозоримся
Без тебя, да мой ладо милое,
15 Без тебя, да моя дума крепкая,
Намаемся да напозоримся.
Как станем без тебя жить-мотатьця?
Хватит да горя великого,
Хватит да слёз горецих.⁴⁹

Ед. хр. 6, л. 55 об.
Указание на приуроченность дано рядом с порядковым номером текста.

7. Дочери. «Когда в землю кладут»

Ты прости, моя кормилица,
Ты дорога моя дитя сердечня,
Последне⁵⁰ с тобой прощеньице,
Больше на́ века да не свиданьице.
5 Ты пошла скоро, поторопилася,
Молодѣхонька да зеленѣхонька,⁵¹

⁴⁷ Далее зачеркнут союз «да».

⁴⁸ После слова стоит знак вопроса; значение знака неясно.

⁴⁹ В начале строки зачеркнуто слово, предположительно «Моей».

⁵⁰ Зачеркнуты точки над первой буквой «е». В начале строки зачеркнут предлог «На».

⁵¹ Возможно прочтение «зелёнѣхонькой». Над гласной во втором слоге небольшая черточка (возможно, зачеркивание точек над «ѣ»; «ѣ» в третьем слогe вписано, очевидно, поверх «е»).

- Ты бросила своих малых детей,
 Уж ты бросила да их оставила
 Ты полну избу да их целу куцу.
- ¹⁰ Уж ты тиха была, моя смиренная,
 Уж ты скоро была проворная,
 Ты баска была, моя хорошая,
 Твоё белó лице, белó румяноё,
 Твоя складна́ была да баска тушечка,
- ¹⁵ Походочка твоя была утиная.

Ед. хр. 9, л. 51. 6 июля 1929 г. [д. Конино, Осташова Анастасия Петровна, 60 лет.].

В данной единице хранения содержатся две части причитаний: 5 текстов на л. 51—52 об. (№ 7—11 в наст. публикации) и 5 текстов на л. 54 об.—58 (№ 12—16); они имеют сплошную нумерацию, при этом вторая часть текстов имеет также свою автономную нумерацию: № 1 (6), № 2 (7) и т. д. по № 5 (10).

Сведения об исполнителях первой части текстов неопределенны. После 4-го текста (№ 10 в наст. публикации) имеется запись: «Марфа Алексеевна Булыгина, 70 лет», после 5-го (№ 11) — «Татьяна Никиф<оровна>, здешняя». Первые же три причитания (№ 7—9 в наст. публикации), а, возможно, и все пять (№ 7—11) предположительно можно атрибутировать А. П. Осташовой на следующих основаниях. Перед первым причетом имеется запись: «б VII продолже<ние>». Судя по предшествующим записям, продолжение может относиться именно к ней — «ближайшей» женщине-исполнительнице (ед. хр. 8, л. 36 об.: «В доме Настасьи Петровны, 60 лет, внучку байкает»). Среди песенных материалов Н. П. Колпаковой из этой же экспедиции также имеются записи от А. П. Осташовой, 60 лет, д. Конино, от 5 июля (ед. хр. 5, № 14—27; публикацию нескольких текстов см.: ПП, № 325, 345, 348). Эта исполнительница — дочь усть-цилемского старинщика Петра Родионовича Поздеева («Настасья Петр<овна>, дочь Петра Род<ионовича>») (ед. хр. 9, л. 2).⁵²

Об исполнительнице также сообщается: «Дочь умерла и муж».

Сведения о дате и месте записи в № 7 относятся к № 8—11.

Адресат и приуроченность причитания указаны перед текстом. В п. 3. текст записан под № 1.

⁵² Поздеев Петр Родионович, ок. 1836 г. р. В 1901—1902 гг. в с. Усть-Цильма Н. Е. Ончуков записал от него 3 сказки (Онч. 1908, № 28—30), духовный стих (Онч. 1908а, № 1) и 11 былин (Онч. 1904, № 20—29; БП, т. 1: № 23, 40, 105, 106, 138, 153; т. 2: № 190, 176, 243, 270, прилож. 6, № 8). Сведения об исполнителе см.: Онч. 1904, с. XXX, с. 77—78; БП, т. 2, с. 559—560.

8. «Отцу-матери. Тогды же»

Ты кормилица моя, гора высокая,
Ты крепка́ стена да городовая,
Тихая́ была, смиренная,
Умна да ты разумная.
⁵ Путь у неё да был толковитый.
На всякую да на вещенку
Ты пером писать да топором тесать.
На последней с вами прощеньице,
Больше на век да на свиданьице.

Ед. хр. 9, л. 51 об.

Адресат и приуроченность причитания указаны перед текстом. В п. з. текст записан под № 2.

После причитания дополнение исполнительницы: «Когда под образами лежит, тогда начнут оплакивать. Когда вымоют да поваля́т, тогда <зацинают>. А когда кончится, тогда хлыпью, иные и с причитания<ми>. Тогда так же плачут».

9. По дочери. «Когда гроб делают»

Ты молодёхонька да зеленёхонька,
Ты почто поторопилася
Со всего со⁵³ свету белого?
Тебе це́ накущи́ло?
⁵ Молодёхонька да зеленёхонька,
Надоела тебе да жить всесветная.

Ед. хр. 9, л. 52.

Приуроченность указана перед текстом. В п. з. текст записан под № 3.

После причитания дополнение исполнительницы: «Когда в гроб кладут, тогда не плачут. Когда <поносят>, тогда причитаю<т>»:

Последнее у нас прощеньице,
Больше на веки да не свиданьице».

10. «Когда несут»

Понесли по славной да по Усть-Цильме,
Не на своих да ногах резвых.

⁵³ Далее зачеркнуто начало следующего слова «бе» (очевидно: белого).

Ед. хр. 9, л. 52 об. Запись после текста: «Марфа Алексеевна Булыгина, 70 лет». Возможно, запись указывает на его исполнительницу (в этом случае место записи может быть иным: д. Рошинский Ручей или с. Усть-Цильма, где 6 июля также работала экспедиция, см.: ед. хр. 14, л. 4).

Приуроченность указана перед текстом, после слова «Когда» зачеркнуто предположительно «поне<сут>». В п. з. текст записан под № 4.

11. По умершей от болезни

Что с тобой случилось?
Велика боль тебя <скорботыйна>,
Неизлечимая к тебе да привязалась.
Не могла стерпеть тягости тяжелой,
⁵ Никак не могли тебя повылечить,
На резвы тебя ноги поставити.

Ед. хр. 9, л. 52 об.—53. Запись после текста: «Татьяна Никиф<оровна>, здешняя». Возможно, запись указывает на исполнительницу данного текста (записи от нее см. № 1—6 в наст. публикации).

Над текстом справа примечание: «Хоть и лежит не в гробе ещё, тогда и плачут» (подчеркнуто). После причитания на следующем листе имеется запись: «Старожил Настасья Калинична Тирон<ова>. Пла́ксы⁵⁴ назыв<ает/ают>. Показала, как поют. Видимо, нет прикрепленных к определен<ным> моментам плачей».

В п. з. текст записан под № 5.

12. «По мужу»

Ты кормилица мой, да ладо милое,
Ростил ты <у меня> да остави<л>⁵⁵
Горюху меня, да горе серую.
Измена моя великая,
⁵ Изменил ты меня,⁵⁶ оставил,
Не хотел⁵⁷ меня изменить ты,
А изменил меня да бросил.

Ед. хр. 9, л. 54 об. [6 июля 1929 г.], д. Рошинский Ручей или с. Усть-Цильма; Булыгина Мария Григорьевна, 56 лет. После данных об исполнительнице записано: «Плакунья».

⁵⁴ Слово подчеркнуто.

⁵⁵ В начале строки зачеркнуто «Ты».

⁵⁶ Далее зачеркнута часть следующего неразборчивого слова.

⁵⁷ Далее зачеркнуто «ты».

Сведения о дате, месте записи и исполнительнице в № 12 относятся к № 13—16.

Адресат оплакивания назван перед текстом. В п. з. плач записан под № 1 (6).

13. «По брату»

Родитель мой, да солнце красное,
Укатился, мой, да убрался ты,
Уж я пришла, верно, к тебе приехала.
Не вставашь ты на резвы́ ногѣ,
5 Не стрещёшь меня, да горе серую,
Не выходишь ты да круто крыльцо,
Не стрещёшь меня, горезлосчастную.
Нам последнеё <нынь> с тобой прощеньцеё,
Прощеньицеё да росставаньицеё.

Ед. хр. 9, л. 55.

В п. з. плач записан под № 2 (7). Адресат оплакивания назван перед текстом. Слева от этого обозначения, над первой строкой со знаком вставки по отношению к ней, запись: «Когда <за...>», справа зачеркнуто: «Когда умер. Когда не» (?). После текста замечание о сложности исполнения плача в неестественной (необрядовой) обстановке и в пересказе: «Над покойным как знам, а так нынче-то не знам. Скажет сказывать, так не выходит».

В п. з. плач записан под № 2 (7).

14. «С могилы придешь»

Не весёлый нам нынче светлый⁵⁸ деничек,
Убрался мой да брат-родитель.
Сегодня туманный нам да светлый <денецек> ,
Не стало в доме хозяина.
5 Не поцём больше нам же вито гнездо,
Разбить нам нынче, роскатать надо,
Роскатать надо да по одну́ бревну
И спустить надо напониз водѣ,
Напониз водѣ и наплáв рекѣ.
10 И я, бенна, седу да в лодоцьку,
И поеду я да напониз воды
И без весел да без еловых.
Унесёт пушай меня да на синё морё,
На синё морё да на глубокоё,
15 Пovýбьет меня пушай большѣм валóm,

⁵⁸ Слово написано над строкой со знаком вставки.

И легче мне,⁵⁹ да бенной, горе серое.
Не носят меня нынче да ноги резвья,
Не подымаецця да буйна гóлова,
Засираютця мои мутны оцї,
20 Не подымаютця мои руки белья,
Делать на мне работоньку,
Злу ли худу, как тяжёлую.

Ед. хр. 9, л. 55 об.—56.

В п. з. плач записан под № 3 (8). Приуроченность указана перед текстом рядом с порядковым номером.

15. «По детям»

Кормилица моё, дитя сердечнойё,
Кормилица моё, да чадо милоё,
Тихоё было, смирённое,
Умноё было, разумноё,
5 Путнее было, толковатое.
Не цула же, не думала,
Что розостанусь я с тобой, цядо милоё.
Уж я стара да дряхлая,⁶⁰
Уж на тебя, бенна,⁶¹ жила⁶² — надеялась
10 Уж при старой я при старости.
Кто меня, бенну, приютить станет
При старой ты при моёй старости,
При дряхлой при моёй дряхлости.
Уж ты сходи, моё дитя сердечнойё,
15 Уж когда не заносят, бывает, меня ноги резвьи,
Не стану ходить на своих резвых ногах.
Кому я приклоню свою да буйну голову,
Ко которому да роду племени?
Уж я на тя жила, бенна, надеялась,
20 Уж ты, дитя моё, бенно, сердечнойё.
Уж я осталась от тебя, горе серая.
Уж у меня закроецця да, винно, белый свет.
Колет моё шибко да ретиво серцё,
И жаль тебя, дитя сердечнойё.
25 Уж я не мо́гу, бенная, умом подумати,
Уж не притти мне ко виту гнезду.
Уж тебя жаль, да дитя сердечнойё,

⁵⁹ Далее зачеркнуты две буквы следующего неразборчивого слова.

⁶⁰ Над «дряхлая» зачеркнуты два слова (написаны друг над другом): «верно <бе...>».

⁶¹ «Бенна» написано над зачеркнутым «верно».

⁶² Зачеркнуто ударение над «и».

Уж не зацем мне на светлы светлицы,⁶³
Уж мне жаль своё⁶⁴ дитя сердечной.

Ед. хр. 9, л. 56 об.—57 об.

Адресат оплакивания назван перед текстом. В п. з. плач записан под № 4 (9). Рядом с порядковым номером замечания исполнительницы: «Своё серыцё разболится, мы всё выплачем, и легче⁶⁵ будет. Как жила, так и плацу. Хорошо жила так жал<ею>, худо жила, так <жал...> <...ть>, что так муцилась».

16. По племяннице

Любим<ая> моя племяннен<ка>,
Уж ты голубуш<ка> да леб<едь> бе<лая>,
Ты мол<одёхонька> да зел<енёхонька>,
Уж ты почто, наша, да⁶⁶ убра<лася>,
⁵ Да убрал<ася> да укат<илася>,
Наш<а> не старая был<а>, не <дряхлая>.
Уж мы, бенны, то не д<умали>,
Уж мы в разуме же не дёржа<ли>.
Уж <нрзб> да леб<едь> б<елая>,
¹⁰ Уж <росс...> да сера уту<шка>,
Уж ты, моя да беляну<шка>,⁶⁷
Уж ты, моя да лебедь белая.

Ед. хр. 9, л. 58—58 об.

В п. з. плач записан под № 5 (10). Перед текстом замечание исполнительницы: «Плачем, так складнее». Причитание записано с голоса, о чем свидетельствует помета собирателя перед текстом («С голоса», подчеркнута). После текста имеется помета рабочего характера (адрес другого информанта), на следующем листе комментарий исполнительницы: «Когда плачут, друг про дружку {конают}, кто хорошо, кто плохо. Она не жалет,⁶⁸ коль не плачет».

⁶³ В начале строки зачеркнуто «Э».

⁶⁴ «Своё» написано над зачеркнутым «тебя».

⁶⁵ Далее зачеркнуто «выйдет».

⁶⁶ Союз «да» написан над строкой.

⁶⁷ Над словом «моя» написано предположительно «государ<ыня>», т. е. возможно прочтение: «государыня белянушка»; однако данное сочетание не характерно для местного художественного словаря, слово «белянушка» обычно встречается в составе формульного выражения «голубушка моя/наша белянушка».

⁶⁸ Далее зачеркнуто «если».

17. «По матери»

Кормилица, мать родимая,
Кормилица, жалость сердечняя,
Ты на цѣто⁶⁹ меня, бенну, засеела,
Сорѣк недель меня поносила,
5 Во бесцясной цяс меня спорѣдила,
Велика *щясья* да не надѣлила,
А наделила ты меня бесцяссицем,
Бесцяссицем да горюцьми слезьми.
Уж ты оставила меня сиротинушкой,
10 Сиротинушкой⁷⁰ меня убогой,
Уж каликой меня перехожей.
Уж горюха я, горегорькая,
Горегорькая я, бесцясная,
Не отцом была я засеена,
15 Уж я не матерью была спорѣжена,
Уж засеели меня ветры буйные,
Уж спородила мать сыра земля,
Уж не роду нету и не племени,
Уж не отця нету у меня, не матери.

Ед. хр. 11, л. 28—28 об. 13 июля 1929 г. [с. Замежное], Мяндина Марфа Федоровна, 40 лет.

Об исполнительнице сообщается: «3-е детей: дев<очка> 10 л., мальч<ик> 8 л., мальч<ик> 1 ½». Исполнительница была также знатоком песен: в материалах этой же экспедиции, собранных Н. П. Колпаковой, от М. Ф. Мяндиной и хора записано около 70 песен (ед. хр. 4, № 30—98), имеется публикация трех из них: ПП, № 333, 339, 340.

Адресат оплакивания назван перед текстом следующим образом: «По отцу и матери», слово «отцу» зачеркнуто.

После 11-го стиха — попытка исполнительницы завершить причитание: «Бат и довольно». После причитания — замечание исполнительницы о приуроченности: «Когда хотят, тогда плачут».

Сведения о дате, месте записи и исполнительнице в № 17 относятся к № 18—21.

Все пять текстов (№ 18—21 наст. публикации), записанных от М. Ф. Мяндиной, в п. з. пронумерованы (№ 1—5).

⁶⁹ Мягкий знак надписан справа сверху над «ц».

⁷⁰ Далее зачеркнуто «ты».

18. Матери. «На 40-м дне или когда угодно, на могиле»

Розвейте-ко, да ветры буйные,
Уж вы розвейте да все жёлты пески,
Уж розодвинься, да мать сыра земля,
Розокройся, да гробова доска,
⁵ Отойдите-ко, да руки от сердца,⁷¹
Уж ты восстань, моя мати родимая,
Уж ты восстань, моя жалось сердечья.

Ед. хр. 11, л. 28 об.—29.

Приуроченность текста указана рядом с его порядковым номером. После прочтения имеется замечание исполнительницы: «А там дальше пойдет, что хошь».

19. «По братьям, когда на службу повезут»

Кормилец ты мой <родимый>⁷² брателка,
Кормилец да крыло правое,
Уж ты слуга моя да была верная,
Уж ты слуга была да неизменная.
⁵ Кормилец⁷³ ты, да ронный брателка,
Уж я не носила тебя, не родила,
Уж велику жалось в тебя положила.
Уж где я тебя ныне стану сыскивать,
Уж где стану тебя спроведывать?
¹⁰ Уж я во толпах тебя стану во мусьских,
Уж в пирах тебя во народных.
Не видать тебя больше, ясна сокола,
Уж не слыхат твоего важного голосу.
Уж я из рук тебя нынче отпустила,
¹⁵ Уж я из глаз тебя потерела,
Уж горькая я нонь, горегорькая.

Ед. хр. 11, л. 29—29 об.

Приуроченность указана перед текстом. После прочтения замечание исполнительницы: «Усть-цилёмки шибко плакуньи».

20. По отцу

Кормилец мой, гора высокая,
Кормилец мой, стена каменная,
Уж ты бросил нас, бенных, спокинул,

⁷¹ После «р» в п. з. знак смягчения (р').

⁷² Возможно прочтение «родный».

⁷³ В п. з. «кормилец», вторая буква «о» зачеркнута.

- Уж ты не выростил нас до возрасту.
⁵ Намотались мы да по чужим людям,
 По чужим людям да по работушкам,
 Не видали мы да светла денецька,
 Не сыпали мы да тёмной ноценьки,
 Уж не обуты были да⁷⁴ не оденые,
¹⁰ Ото всех будто были виноватые,
 Уж нас некому было защитити,
 Уж нас некому было засловити,
 Безотецьки были, безматерны,
 Уж мы безро́нны были, бесплеменны,
¹⁵ Уж сиротинушки были убогия,
 Уж калики были перехожая,
 Уж мы шаталися да мы моталися.

Ед. хр. 11, л. 30—30 об. См. № 17.

Перед текстом имеются комментарии исполнительницы: «Природа, горе само велит приплакнуть. Друг от друга учимся. Уж всех победней Мара плацет — так про меня говорят». Непосредственно над прочтением и справа от него замечания о приуроченности: «Хошь когда захоронят, хошь потом, кака жисть, так и сплачешь» (подчеркнуто). Рядом с текстом, на полях слева (после 10-го стиха), пояснение исполнительницы об адресации плача: «По отцу больше <нрзб>. Говорит <нрзб> век без отца жила».

21. «По детям»

- Ты⁷⁵ кормилица, да цядо мило,
 Ты кормилица, да дитя сердечное,
 Ты⁷⁶ свеця́ моя да воску ярова,
 Ты верба́ моя да леторощена,
⁵ Уж ты ильинская моя да сладка репоцька,
 Уж ты дитя моя сердечья,
 Уж ты крыло́ моё да было правое,
 Уж ты слуга́ моя да была верная,
 Уж ты кормилица моя, дитя сердечья.
¹⁰ Я умела тебя, горе, засеети,
 Восемь месяцев тебя исполнити,
 И умела тебя, бенна, спородити,
 Не умела я тебя только споростити.

Ед. хр. 11, л. 30 об.—31.

⁷⁴ Союз «да» написан над строкой со знаком вставки.

⁷⁵ Слово написано слева сверху перед следующим словом.

⁷⁶ Далее зачеркнуто «верба».

Адресат оплакивания назван перед текстом, рядом с его порядковым номером, затем в следующей строке — замечание исполнительницы: «По детям ешо не дошло, так не смогу». Между 9-м и 10-м стихами пояснение исполнительницы: «Хошь помрёт, хошь на службу — онно и то же, только так величают». После текста: «Умрёт, так, бат, с радости заплачу».

22. «Когда мужа в солдаты берут»

Кормилец ты, ладо милой,
Кормилец ты, дума крепка,⁷⁷
Дума крепка, припостельня,
Уж ты бросишь меня, спокинешь
⁵ С детьми малыми, со глупыми,
Уж ты бросишь всю дело-работаньку
На меня, бенну-злосчасную,
Муську⁷⁸ на меня и женьскую,
Вонную,⁷⁹ ходящую.

Ед. хр. 13, л. 28. [20 июля 1929 г.], д. Климовка, Кислякова Павла Ефимовна, 42 лет.

Об исполнительнице сообщается следующее: «Малограмотная. Старобрядка. Здешняя, в У-Ц <Усть-Цильме> бывала. Слышала, как здесь причит<ают>».⁸⁰ Слева добавлено: «Муж жив. Дети: 2 девуш<ки>, 2 мальчи<ка>». Справа также имеется замечание, очевидно, об усть-цилемских плакальщицах: «Усть-цилемски слёз не <нрзб>».

Сведения о дате, месте записи и исполнительницы в № 2 относятся к № 23—24.

Тексты, записанные от П. Е. Кисляковой, в п. з. пронумерованы (№ 1—3). Приуроченность и адресация текстов даны перед каждым из них.

23. «По детям, если умрут»

Ты кормилица, да чадо мил<ое>,
Ты кормилица, дитя сердечное,
Дитя ношено да дитя рóжено,

⁷⁷ В п. з. «крепкая», «я» зачеркнуто.

⁷⁸ Далее зачеркнуто «то».

⁷⁹ Над словом между строк в скобках вписано слово типа «унижен».

⁸⁰ Эти данные вписаны на правом поле между предложением о приуроченности текста и первыми строками причитания, что затрудняет прочтение. После «бывала» читается «Только», отнесение слова к предыдущему или же последующему предложению затруднительно.

Велика тегось⁸¹ была предложен<a>,
5 Велика скука была видена.
Хотела я тебя снарядить
До полного тебя возрасту,
До крепкого ума-разума.

Ед. хр. 13, л. 28—28 об.

На полях слева после 6-го стиха: «Если мать <причитывает>».

24. «По мужу»

Пропетый вариант

Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты кормилец мой,⁸² сте́на каме́нная,
Стена каме́нна да городова́я,⁸⁴
Те⁸⁵ построили да нову горницу,
Те *построили* да светлу светлицю,
Без дверей она да без окошецков,
Без окошецков да без косявцатых,
Тебе ведь на веки да нерушимые,
Со свету тебя, со белого.

Сказанный вариант

Ты кормилец, гора высокая,
Ты кормилец мой,⁸³ сте́на каме́нная,
Те⁸⁶ построили да нову⁸⁷ горницу,
Те *построили* да светлу⁸⁸ светлицю,
Без окошецков да без косявцатых.
Со свету тебя со белого
Положили мы тебя во матушку,
Во матушку да во сыру́ землю,
Расстаемся с тобой на веки.

Ед. хр. 13, л. 28 об.—29 об.

Адресат оплакивания назван перед текстом.

Текст сначала пересказан, затем пропет, о чем свидетельствуют помета собирателя напротив последних трех стихов слева («Сказала, потом проплакал<a>») и особенности записи текста.

После причета комментарии исполнительницы: «Маленькая была, когда татка умер, от людей слышала, да не запомнила. На похоронах всегда плацут. Умрёт — сразу причитыва<ют>. Повезут — плацут. На могилу привезут — плацут. Матерь родимую повезли — хлыпью плакала, а словами не плакала. Ес<т>ь

⁸¹ В п. з. изначально была сделана запись «те гось», затем «слова» соединены чертой в одно слово, над «с» зачеркнутая вертикальная палочка (возможно, от буквы «т»).

⁸² «Мой» вписано между строк.

⁸³ «Мой» вписано между строк.

⁸⁴ В начале строки зачеркнуто «Уж».

⁸⁵ В п. з. «тебе», слог «бе» зачеркнут.

⁸⁶ В п. з. «тебе», слог «бе» зачеркнут.

⁸⁷ В п. з. «нову<ю>», последняя буква зачеркнута.

⁸⁸ В п. з. «свету<ю>», последняя буква зачеркнута.

разное прицитывают, всяко-разно. Духовные не позволяют плакать, докуль не закопают, только хлыпью можно. Когда умрет — плачут, когда обряд<ят>, положат на лавку, плачут. Когда гроб принесут — тогда не плачут. Плаксы — когда девки по невесте плачут, а по похор<онам> не зовут. Только говорят: голосом плакала? „Эко никто голосой-то не поплакал“. Чеснее кажется, <когда оплакивают?> весь народ разбеднят, котора хорошо начнёт выплакивать».

25. «По муже»

Кормилец ты мой, гора висока,
Кормилец ты мой, стена камённая,
Кормилец ты мой, дума крепкая,
На кого ты меня бросил, бенну, злосчасну,
5 С малыма детьми, глупыма?
Кто у меня станет делать-рóbити?
Кто станет наживать на них?
Кто *станет* их кормить-поить?
Кто станет их воспитывать?
10 У меня коротки стали руки белые,
Приходилисе да ноги резвые,
Примутилисе да оци глупые,
Незамо́гу я их кормить-поить,
Незамо́гу я их повыростить
15 До большого до полну возрасту,
До крепкого до ума-разума,
До настоящих их до работников.
Кормилец ты мой, да ладо милое,
Не состарил меня, бенну, злосчасну,
20 До старых лет моих, до дряхлых,
До той старости глубокой.
Я осталася молодёхонька,
Молодёхонька и зеленёхонька,
Всецины́ да перевижу я,⁸⁹
25 Всекой всецины да переслышу я.
Оставил меня с горем великим,
Меня с малыма детьми, глупыма,
У меня некому наперёд вести,⁹⁰
Некому да делать-рóbити.
30 Ты кормилец мой, ладо милоё,
Тихой ты был да смирённой,
Умный был, разумной,

⁸⁹ В п. з.: «Всецины́ я да перевижу же», «я» и «же» зачеркнуты, над последним написано «я».

⁹⁰ В начале строки зачеркнуто «Мне».

Тихá весна́ да без буйна́ ветра́,
Жарко́ летó да без мокра́ дождя́,
35 Холодна́ зима́ да без белá снега́.

Ед. хр. 13, л. 39 — 40. [21 июля 1929 г., д. Климовка], Чупрова Оксенья Ефимовна, 37 лет.

Об исполнительнице приведены следующие сведения: «Двух мужей похоронила, один умер, другой на войне убит. Живет с сыном 10 лет и девочкой 8. Здешняя. Бывала в Усть-Цильме. Слышала, как там плачут, говорит, что так же, как здесь. Малограмотная» (л. 39).

Между 17-м и 18-м стихами примечание исполнительницы: «Тут опять его прихватишь, приплацешь». После причитания комментарии исполнительницы: «Умрёт. Вымоют, обредя́т, повалят — <нрзб>и когды́ на могиле, и везде. Хошь и похоро<ня>ют, на могилу придёшь» (комментарии подчеркнуты). Ниже здесь же: «Самой пришлось причитать по муже и по матери».

Сведения о дате, мести записи и исполнительнице в № 25 относятся к № 26.

От О. Е. Чупровой записано два текста (см. № 26), в п. з. они пронумерованы (№ 1—2). Приуроченность и адресация текстов даны перед каждым из них.

26. «По мужу». «На могиле»

Э, потените-ко, да ветры буйные,
А вы со всех со четыре⁹¹ дальние стóроны,
А вы со пятой ли да со востоцьной,⁹²
А расколеся-ко, да мать сыра́ земля,
5 Ах, рознесите пески макаръевски,
А розокро<й>ся-ко, да гробова доска,
А розмахнитесь-ко, да белы сáваны,
А откаатитесь-ко,⁹³ да руки óт сердца,
А разокрытись, да оци ясные,
10 А розмахнитесь,⁹⁴ да уста́ а сахарныи,
А поворотися, да⁹⁵ т(ы)вой⁹⁶ говорок-езык,
А ты воостань-косе,⁹⁷ да ладо милоё,

⁹¹ Далее зачеркнут предлог «со».

⁹² «е» написано сверху между «о» и «й».

⁹³ Вторая буква «а» написана сверху со знаком вставки.

⁹⁴ Возможно прочтение «розмакнитесь».

⁹⁵ Над союзом «да» зачеркнуто «ты» (очевидно, как излишнее начало следующего слова).

⁹⁶ «ы» написано сверху со знаком вставки, вероятно, огласовка согласной.

⁹⁷ Вторая буква «о» в первом слого глагола написана сверху со знаком вставки.

А ты воостань-ко,⁹⁸ мой, на резвы́ ногѣ,
Потолкуем⁹⁹ со мной, побеседуе<м>,
¹⁵ А посидим со мной, а посоветуем,
А ты пойдём со мной да во витó гнездó,
А посмотри¹⁰⁰ своих да детѣй¹⁰¹ мálых,
А ты ле сробь мою дело-робото́ньку,
А ты направь мне жить житьё а¹⁰² хресьеньское.

Ед. хр. 13, л. 40 об.—41 об.

Комментарий перед текстом: «На могиле. Похороненный, <полежит>, так к нему придѣшь, поплачешь».

Текст, очевидно, сначала был пересказан, а затем исполнен «голосом», на что указывают, во-первых, характерные для такого варианта особенности записи текста (фрагменты, встретившиеся только в пересказанном варианте, заключены собирательницей в квадратные скобки, только в пропетом — дописаны к основному тексту и заключены в круглые скобки); во-вторых, приведенные после записи текста наблюдения собирателя: «Оказался очень твердый текст, при пении только небольшие вставки. Не плач, а говорение нараспев, слова — протяжно».

Публикуемый текст воспроизводит вариант, записанный «с голоса». Пересказанный текст может быть представлен так:

Потените, да ветры буйные,
Со четыре дальние стóроны,
Со пятой да со востоцьной,
Росколися-ко, да мать сыра́ земля,
⁵ Унесите да¹⁰³ все пески макарьевски,
Розокро<й>ся-ко, да гробова доска,
Розмахнитесь-ко, да белы сáваны,
Откаатитесь-ко, да руки от сёрдца,
Отворитесь, да оци ясные,
¹⁰ Посидим со мной, побеседуем,
Ты пойдём со мной да во витó гнездó,
Посмотри своих да детѣй мálых,
Сробь мою дело-робото́ньку,
Направь мне жить житьё а хресьеньское.

Записан рассказ исполнительницы: «Мужа увезли на́ войну, невестка пришла: „Науци меня плакать“. Я сказал<а>: „Поживи,

⁹⁸ Вторая буква «о» в первом слого глагола написана сверху со знаком вставки.

⁹⁹ В начале строки зачеркнут союз «А».

¹⁰⁰ Окончание «и» написано над зачеркнутым «еть».

¹⁰¹ Над первой буквой «е» зачеркнут знак ударения.

¹⁰² Союз «а» надписан со знаком вставки.

¹⁰³ Союз «да» написан над словом «все».

сама научишься“¹⁰⁴. Так вот пожил<a> полгода и опосле научилась пуще меня. „Горе научит, лишь бы горе было“. Невестку Овдотей зовут. По матери так же плачут на могиле: „Потените да ветры буйные“, только кличем матери, а не мужа». В конце листа — замечание собирателя: «Напев плача похож на напев у<сть>-цилем<ской> старушки».

На следующем листе — продолжение записок об оплакивании и похоронах: «Плачут и когда помрёт, когда не омыт еще и не охитят. Когда твоё желание,¹⁰⁴ тогда и плачь. Мужики не плачут, а бабка Миколуши<ха>¹⁰⁵ баб учила плакать. Мужики слезами плачут, а так не причитывают. По брату ли, по сестре? Все живы, не умер, так не знаю. Котора умеет, говорят: „Хорошо плакала, причитывала“, а которая не умет, так не умет. По маленьким детям не принято плакать, счаслив, что умер, водитьца не надо, <нрзб>,¹⁰⁶ малого не так жалешь, вот постарше — так жалко, уж робить может, пособить.¹⁰⁷ На кладбище несут гроб закрытый, на кладбище откроют, поставят, опять закроют. Кладбище далеко, летом в лодке возим, зимой на сáнях. Когда мужа брали в солдаты, хлыпью плакала, молода была, не умела».

27. По отцу. «На могиле, когда приходят»

Донесли меня ноги резвые,
Довели меня очи слёзные
До приметного меня до местечушки,
До глубокой темной могилушки.¹⁰⁸
5 Вы сподуйте-ко, да ветры буйные,
Разнесите вы жёлты́ пески,
Ты роздайся, мать сыра́ земля,
Росколься,¹⁰⁹ гробова́ доска́,
Разорвитесь, да белы саваны,¹¹⁰
10 Вы откройтесь, да очи ясные,
Разомкнитесь, уста́ сахарные,

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: «<нрзб> плачешь».

¹⁰⁵ Над строкой в скобках: «Николай Самсонович», очевидно, муж бабушки Миколушихи.

¹⁰⁶ Два слова вписаны над строкой со знаком вставки.

¹⁰⁷ Следующие два предложения и последнее даны отдельными блоками.

¹⁰⁸ Далее в следующей строке зачеркнуто «Ты розро».

¹⁰⁹ Слово написано сверху над зачеркнутой фразой «Ты роскройся ко».

¹¹⁰ В п. з. другая последовательность строк, исправлена собирательницей введением нумерации:

«2) Роскол<и>ся гробова́ доска́,

1) Ты роздайся, мать сыра́ земля,

3) Разорвитесь, да белы саваны».

Восстань, восстань, мой батинка,
Вот промолви словечуш<ко>,
Подыми-ко свою руку правую¹¹¹
15 На мою буйну гол<ову>,
Наложи¹¹² мне-ка <благословение>,
Как мне-ка жить у чужих людей.

Ед. хр. 15, л. 9—9 об. 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Безумова Анисья Алексеевна.

Приуроченность плача указана перед текстом.

От А. А. Безумовой записано два плача (см. № 28), а также рассказ о похоронном обряде, который не публикуется из-за большого количества «темных» мест.

Сведения о дате, месте записи и исполнительнице № 27 относятся к № 28.

28. По мужу. «В землю кладут»

Я из рук, бедна, опустил<а>,
Я из глаз, бедна, потеря<ла>
Свою да ладу милую,
Свою да полюбовну.
5 На кого меня оставил, и как буду жить?
Бросил и кинул
Своих детей мал<ых>,
Глупых и неразумный<х>,
В некрепком уме-разуме.
10 Как буду я с ними жити?
Как буду я с ними быти?
Некого мне посл<ушаться>,
Некому попих<м>ути.

Ед. хр. 13, л. 9 об.—10.

Приуроченность причитания указана перед текстом: «В землю кладут. Если по муже». После 5-го стиха замечание исполнительницы: «Плакса есть така», после текста ее же комментарии: «Кто како сколько знат. „Здесь не взыскивают“». На следующем листе продолжение: «Все одно плачут, что на ум найдет. Не так, что по списку, разное, могут и одно, что на ум пойдёт».

¹¹¹ Слева от 13-го и 14-го стихов (на полях) наискось вписано неразборчивое слово. После последнего стиха (как начало следующего) зачеркнуто слово «Пойду».

¹¹² Возможно прочтение: «накажи».

29. О плачах

Женщина пожилая Мавра Мариановна¹¹³ говорит, что нынче «голосить духовные не велят, говорят, будто тяжел<о> покойному». Голошельница хорошая¹¹⁴ жена Афанасия Максимовича. «Голосить». Ее сестра Агашка, Агафья — хорошо голосила. Пётриха хорошо голосила, горбатая. Говорит, что сейчас уже не голосят, «нищего доброго не знают».¹¹⁵ Говорит, что в Усть-Цильме голосят, когда¹¹⁶ парня в солдаты берут.

Средн<их> лет женщина, племянница Гаврил<а> Иван<овича> из Абрам<овской>¹¹⁷ <...> Тоже говорит, что сейчас не голосят: «Бат, голосили бы, да не умеют». <...> В Загрявочной Анна¹¹⁸ причетница.

Ед. хр. 11, л. 9—10. [11 июля 1929 г., д. Абрамовская].

30. Заметки о похоронном обряде

Плачут¹¹⁹ родные или соседки, знакомые.

Чашку с водой ставят, когда умирает, но не всякому ставят. Потом воду выплескивают.

Моют¹²⁰ старушки женщи<н>, мужчин — старики. За мытьё дают вещи от покойник<а> или новые, мануфактуру на рубаху, чулки или что-либо. Моют на полу на сололке, один поливат, а другой моет.

Щепу из гроба на Печору. Сейчас иные говорят, что и топить можно,¹²¹ только не раскидывать.

Воду выльют (не мож<ет> сказать про воду и <мы>¹²²).

Когда повалят на лавку, придут богу помолят<ся>, причитают. Когда моют — ¹²³ свои причитают.¹²⁴

Обряж.<ают> в рубаху обыкнов.<енную>, одежду новую только, чулочки сошьют из портн<а>. Подушечка из портн<а>, саван из порт-

¹¹³ Имя и отчество написаны сверху со знаком вставки.

¹¹⁴ Далее зачеркнуто имя, предположительно «Агафья».

¹¹⁵ Начало цитаты (начальная кавычка) не просматривается, очевидно, должна быть перед словом «нищего».

¹¹⁶ Слово написано дважды.

¹¹⁷ Чупров Гаврила Иванович, исполнитель старин из д. Абрамовской (публикации былин см.: БС, т. 1, № 64—67; БП, т. 1, № 123, 136; т. 2, № 166, 201).

¹¹⁸ Далее зачеркнуты две фамилии: Носова (сверху — знак вопроса), Мяндина.

¹¹⁹ Далее зачеркнут предлог (или начало слова) «по».

¹²⁰ Далее зачеркнуто «женщины».

¹²¹ Щепой топить печь (?).

¹²² Возможно, не дописано слово «мыло».

¹²³ После тире зачеркнуты буквы «пр».

¹²⁴ В конце предложения в скобках, очевидно, памятка для последующих опросов: «проверить».

на. Чулочки нешит.<ые> из овечьей белой шерсти. В обутках не валят. Подушка — листья от веника, сухими и в гроб.

«Из веку в век так ведется»¹²⁵ (3-й де<нь>).¹²⁶

Поминальн<ые> дни 9-й; третины, полусорочины — мало; 40 дён.

Когда¹²⁷ выносят покойного, так ворота запира<ют>, пока не¹²⁸ вышли все, «чтоб в избе еще люди остались».¹²⁹

Несут на кладбище на носилках.

В могилу денег не бросают. С могилы вернутся, поминки.

На могиле — деньги подают, <в>сяки сушки — всем дают.¹³⁰ Через гроб подают тоже деньги, колачи, когда в¹³¹ гроб положат.

Иголки-нитки <нрзб>¹³² обязат.<ельно>.

К печке не прикладывают рук.

Постель не стелют, полотенце не вешают, но верят, что 6 недель душа тут окол родного дома.¹³³

Блинов не пекут, мясо, шаньги, рыба.¹³⁴ Кисель — не варят, «муки нет».

На 9-й, 40-й день тож<е> поминки, до 40 человек бывает, кто богат.¹³⁵

Опускают на веревках в могилу. На могиле не поминают.

Говорят, очень притесняют,¹³⁶ за поминовенья, панихиду — нормы лишают.

Кладут на лавк<у>¹³⁷ ногами на восток, как и хоронят.

Крышку гроба не заколачивают (как жида сделали, чтобы не <украли>, так мы это не дела<ем>).

Несут гроб открытым, родные сыплют землю на гроб, в гроб ничего не кладут, в гробу окна не рисуют.

¹²⁵ В середине фразы между словами «век» и «так» стоят кавычки (вверху строки, как и в конце предложения), роль которых не ясна.

¹²⁶ Очевидно, речь идет о дне погребения.

¹²⁷ В начале строки зачеркнуто недописанное слово «вор», очевидно, «ворота».

¹²⁸ Слово «пока» читается невнятно, буква перед «е» в возможной частице «не» приходится на порванный фрагмент листа. Ср. с подобными сообщениями и в других публикуемых текстах.

¹²⁹ Далее в новой строке зачеркнуто неразборчивое слово.

¹³⁰ Далее в двух новых строках подряд зачеркнуты части слов (начало строк): «то» и «покойн».

¹³¹ Далее в новой строке зачеркнута фраза (3—4 слова) и слова над ней (между строк).

¹³² Не исключено прочтение: «тян» (тянут), «таш» (ташат).

¹³³ Между фрагментами «не вешают» и «но верят» (между строк) зачеркнута фраза, над ней сочетание типа «гроб не закрывают».

¹³⁴ Над словом «пекут» зачеркнуто неразборчивое слово; возможно, относится к предыдущей фразе.

¹³⁵ Далее примечание рабочего характера: «Анна Ивановна Ермолина — плачет, ее спросить».

¹³⁶ После запятой зачеркнуто слово или его часть.

¹³⁷ «На лавк» написано сверху со знаком вставки.

Свечу не дают умирающе<му>.
Читает, кто грамотный, «На отход души».

Ед. хр. 6, л. 27—28 об. [1 июля 1929 г., с. Усть-Цильма].

В п. 3. сведения об информантах представлены кратко: «Аг. Род. Анна Петр. Чупрова Пелагея Семеновна сосед<ка>Анны Петр.». По другим записям собирательницы данные можно конкретизировать следующим образом. Первая рассказчица — Овчинникова Агафья Родионовна, 62 лет. От нее А. М. Астаховой были записаны также духовный стих про Лазаря, баллада «Вдова Пашица» и былина «Дунай» (бел. ркп., п. 8, ед. хр. 2, л. 3—16);¹³⁸ вторая рассказчица — Чупрова Анна Петровна, приятельница Агафьи Родионовны (БС, т. 1, с. 439); сведения о третьем информанте ограничиваются названными именем и отчеством (Пелагея Семеновна).

31

Чашку с водой не ставят.

Снег и лед кладут, чтобы не испортил<ся>.

На соломку кладут,¹³⁹ поливают ковшом из ведра, никуда <мыльной> не употребляют. На Пижме мыло на лекарство оставляют, ребенка моют, и сами — это, говорят, на здоровье.¹⁴⁰ Жир от мертвеца берут, чтобы глаза мазати.

Стружки на реку, и соломку, на которой моют, тоже.

<Моют> мужик<ов> стари<ки>, женщ<ин> — старушки.¹⁴¹ Дают рубашку или пинжак, или шапку от покойного.

(Л. 48) <Одевают> в свою одежду чистую или новую. Чулки обяз.<ательно> белые из портна.¹⁴² Здесь никто не вяжет.¹⁴³ На Пижме есть еще обут<ки>.¹⁴⁴ Саваном и покрыва<ло>. Листья из веника. <Нрзб> не кладут. Кошечек не делают.

Хоронят на Пижме на 3-й д.<ень>, чтоб «не ожил», в Усть-Цильме на 2-й.

Тем, кто гроб делает, деньги не дают, только кормят, поят.

¹³⁸ Публикации текстов см.: БС, т. 1, № 76 (БП, т. 1, № 120) — «Дунай Иванович — сват»; БС, т. 1, № 77 — «Вдова Пашица»; сведения об исполнительнице см.: БС, т. 1, с. 439; БП, т. 2, 554.

¹³⁹ В п. 3. «кладят».

¹⁴⁰ Данное предложение оформлено как отдельный абзац, отчеркнуто от соседних фраз.

¹⁴¹ Читается как «старушку»; возможно, погрешности скорописи.

¹⁴² Далее в конце строки зачеркнуто предположительно «Из шерс<ти>», возможно относящееся к следующему предложению.

¹⁴³ Возможно, речь идет об обычае не перевязывать ноги умершему.

¹⁴⁴ Далее невнятная фраза: «Если <нрзб>, так и <нрзб>». Предложение отчеркнуто от других.

Помин<ки/ают> в 3-й, 9-й, 20-й, 40-й. В день похор<он> пом<инки> после похор<он>.

Двери избы и ворот<а> <прикрывают>.¹⁴⁵ <На> могилу <идут> родные, суседи.

Деньги не брос<ают>. На кладбище¹⁴⁶ как покойн<ого>в землю спустят, так подают, как <встал>,¹⁴⁷ <только> не через могилу. Подают деньги, хлеб и т.д.¹⁴⁸

До 40 ден только молятся и образа кадят, что душа ходит.

Ед. хр. 6, л. 47 об.—48 об. [2 июля 1929 г., с. Усть-Цильма]. В п. з. имеются лишь следующие сведения об информантах: «Таисия Ивановна, грамотная, и молодая с Пиж<мы>, грамотная,¹⁴⁹ мало училась».

32

Умиравший. Зовут духовного, и умирающий кается в грехах, если что сделал. Чашку с водой не ставят,¹⁵⁰ они и¹⁵¹ не слыхали. Когда видят, помирает — кадят его и образа.

Омывают мужчину — мужчин, женщину — женщины престарелые. Моют на полу на сололке.¹⁵² Солому сносят на реку, мылом не моют, затрут и все на реку наладят. Ес<ли> зимой, то на другой берег снесут, чтобы псы не мочили, в снег затопчут. Мыло не все признают, некоторые поганым считают, та<к> ка<к> на заводах из лошада.<ей> дел<ают> и пр.

Одежда: больше в белом, если что запасе<но>. Если нет — то в старом повалят, а то, что¹⁵³ и старое, хоть и новое, — прополощут в реке обязательно. Обутки не одевают, чулочки портяны, саван и покрывало. В Усть-Цильме, говорят, невесты и в цветном, шёлковом, здесь нет.

Веник крошат. Из веку так ведется. Лис<т> крошится на подволоках чистый, а солома, может, нет — <жали> или <нрзб> мочил.¹⁵⁴

Руки¹⁵⁵ складывают, прав<ую> руку в крест, в левую¹⁵⁶ листовку.

¹⁴⁵ Очевидно, речь идет о моменте выноса покойного из дома.

¹⁴⁶ Сочетание написано в отдельной строке, мы сочли возможным соединить его с фразой из следующей строки.

¹⁴⁷ Кто как встал, кто как стоит возле могилы.

¹⁴⁸ Далее — пометы рабочего характера: «Есть кто плачет. Марфа Алексеевна Булугина, зеленый старый дом, хорошо плачет в св<адьбу>. Татьяна Никифоровна Тиранова, недалеко от горки».

¹⁴⁹ Слово «грамотная» в обоих случаях вписано сверху.

¹⁵⁰ В начале строки (перед «Чашку») зачеркнут предлог или часть слова «Во».

¹⁵¹ Союз написан над строкой со знаком вставки.

¹⁵² В п. з. «на сололку».

¹⁵³ Далее зачеркнуто «не» или «пе».

¹⁵⁴ Возможно: «мочило» (солому), поэтому она «нечистая».

¹⁵⁵ В начале строки зачеркнута часть слова «Пра».

¹⁵⁶ Далее через пробел зачеркнута буква.

Хоронят на восток ногами, лицом к страшному суду. В гроб ниче не кладут. В гробу ниче не намечают.

Поминки после похорон, на кладби<ще> не едят. Кто на могиле, все сыплют песок. На могиле молитву читают. А отпевают в избе. Подают на могилы деньги.

Вещи раздают родным, кому покойный обещал.¹⁵⁷

3-й, 6-й, 9-й, 20-й, 40-й д<ень>¹⁵⁸ поминают обедом, панихиду.

Милостын<ю>¹⁵⁹ подают — накормят.

Покойно<го>¹⁶⁰ носят, обыкнов.<енно> не везут — тогда на санях.¹⁶¹ Гроб несут открытый, дорогой кадят (говорят, для погоды, когда народу много, то под крышей несут). Несут под пен<ие> «Святый Боже». Опускают на веревках. Деньги в могилу не бросают.

Полотенце не вешают и постель не стелят. И ворота, и двери не заклад<ывают>.¹⁶²

Когда уходят на¹⁶³ кладбище, кто-ниб<удь> должны оставаться, чтобы¹⁶⁴ род не испортился. Если родные все уходят, так чуж<ой> кто бы остался.

Двери после¹⁶⁵ покойн<ого> не закрыв<ают>, все з&раза уходят.

На поминки шаньги, кашу варят, кисель — даже не знают, что такое.

Не причитывают, грехом считают.¹⁶⁶ Нельзя плакать, покойному тяжело будет. По маленькому нельзя плакать, надо радоваться всему роду, младенец безгрешен. Если отец-мать плачут, ризы младенца тяжелат, не может лететь.

Ед. хр. 10, л. 42 об.—44 об. [10 июля 1929 г.], д. Абрамовская (река Пижма). Информант (информанты) не указаны.

33

Когда умирает, чашки с водой не ставят.

Моют на полу на сенце (соломы в эт.<ой> деревне нет). Сенцо и¹⁶⁷ щепу от гроба сносят на Печору. Мылом нельзя мыть.¹⁶⁸ Обряжают на одежду чистую, если есть — новую, сверху саван. На ноги чулочки сошьют полотнены, если нет — то мешочные, в сапогах не хоронят.

¹⁵⁷ Далее зачеркнуто «Носят».

¹⁵⁸ После тире зачеркнуто начало слова.

¹⁵⁹ В начале строки зачеркнуто несколько букв.

¹⁶⁰ В начале строки зачеркнуто «Если».

¹⁶¹ Над «тогда на» зачеркнуто «а ес<ли>».

¹⁶² Слово находится в конце строки и, как часто это бывает, написано невнятно.

¹⁶³ Далее зачеркнуто «моги<лу>».

¹⁶⁴ Далее зачеркнуто три слова: «<нрзб> все не».

¹⁶⁵ Далее зачеркнуто слово или его часть.

¹⁶⁶ Далее в новом предложении зачеркнуты два слова.

¹⁶⁷ Далее зачеркнуто «струж<ки>».

¹⁶⁸ Предложение подчеркнуто.

В гроб сухих листьев, прутьи от веников — куда дым. В гроб кладут в левую руку листовку, правую складывают крестом.¹⁶⁹

Кто делает гроб — того кормят.¹⁷⁰

Кто моет — тому вещи — рубаху.¹⁷¹ Мужчин моют мужчины, женщ.<ин> — старухи.¹⁷²

В гробу окошек не прочерчивают. Поминальн<ый> обед после¹⁷³ кладбища. На кладбище не едят.¹⁷⁴ На могиле раздают деньги. Деньги дают всем — бедным, богатым. Грамотным больше, неграмотным меньше (грамотн<ым> наперёд и дру<гие> вещи, чтобы поминали). Кроме того, на кладбище подают жито, хлеб.¹⁷⁵

В избе — через гроб подавают деньги.

Гроб на полу ногами под порог. Поминки на 9-<й>, 20-<й>, 40-<й> <дни>.

После возвращения с кладбища руки не прикладывают к печке.

Когда гроб вынесут, двери прикроют, чтобы не все вышли сразу, чтобы народ остался. Когда понесут, кто-либо остается помыть, охитить, одежду проветрить.

До 40 ден ничего не делают (постели не стел<ят>, тряпку¹⁷⁶ не вешают, ворота-двери заклад<ывают>).

Ед. хр. 12, л. 36 об.—37 об. 19 июля 1929 г., д. Климовка, 3 женщины средних лет (35—45).

34

Моют в тазах, воду куда попал<о>, подальше на сторону. Мыло кто и в гроб положат, кто и приберет. Хранят, когда ребята порату плачут, моют «мертвецким мылом», когда глаза болят — моют.

¹⁶⁹ Между строк (над последней частью фразы) зачеркнуто: «Мылом нельзя мыть».

¹⁷⁰ Далее зачеркнуто несколькими наклонными черточками предложение: «На ноги полотнены чулочки, мешочн<ые> сошьют, в сапогах не хоронят», очевидно, повтор (см. ранее).

¹⁷¹ Далее зачеркнуто «Саван сверху покрывают» (повтор, см. ранее).

¹⁷² Далее зачеркнуто несколько предложений: «Веник<и> сухие <накрошат>», «<нрзб> дают рубахи», «Стружки — куда хошь»; «В левую листовку кладут, <правую> руку складывают крестом»; «Окошек не про<...>».

¹⁷³ Далее зачеркнуто «похор<он>».

¹⁷⁴ Под частицей «не», которая пришлась на конец строки, неразборчивое слово (слова).

¹⁷⁵ Фраза сложилась в результате правки: подряд зачеркнуты варианты начала фразы «Разда<ют>», затем «На кладбище» (перед «подают»); окончательное начало предложения: «Кроме того, на кладбище» вписано сверху между строк; после слова «подают» зачеркнуто неразборчивое слово.

¹⁷⁶ Полотенце, ср. в тексте № 34.

Стружки не жгут, относят под горку, чтобы под ногами не <топтал-се>. Некотор<ы> и жгут.

Окошки не прочерив.<ают>.

Подушку: веничные листья или струж<ки>. Волосья из боро-ды, <головы>, ес.<ли> ес.<ть> <в> — подушеч<ку>, чаще вс.<его> лист.<ья> и струж<ку> — гробовая струж<ка>. <Прутки>¹⁷⁷ выносят вон — отбросят подальше.

В гроб старушке¹⁷⁸ листов.<ку> <нрзб>,¹⁷⁹ в праву крест складут. Грамот<ным> канун кладут¹⁸⁰ рядом.¹⁸¹ Свечку венчалъну кладут, если <уцелела>, всяк свою, или даже обе. Если старый — всяк себе пасут, если думает еще замуж, так обе кладут.

Одевают в чистое, стиран<ое>, шьют и ново, бел<ое> и чер<ное>. Молод<ых> бол<ше> в бел<ом>.¹⁸² Больше в одежде валят, саван мал<о> шьют. На ноги туфли шьют из лоскутьев черных или чулков. На голо-ву, кто как носил. Некотор.<ых> в хороших платьях, шёлковых валя́т.¹⁸³

Денег не бросают. Спускают на материи, эту материю сиротам раздают, тут же <на> могиле разд.<ают>.¹⁸⁴ Деньги¹⁸⁵ дают через гроб, в церкви <больше> <раздают>, иногда и на могиле, в гроб денег не кладут.

После кладби<ща> — поминки. Олабыши или блины, кисель не обязател.<ьно>, рыба и друг.<ое>. Раздаривают вещи после обеда, у кого что есть.

Дверей не притворя<ют>. Все идут. Кто-нибудь оста<ется> — вы-мы<ть>, <накрыть>, приготовить.

Руки к печке — кто ходил¹⁸⁶ на могиле: «Чтобы не околеть за покой-ника». Покойник к<a>к мерзнет, чтобы не зяб<нуть>. Мертвого за ноги супа<ют>, чтоб не бояться.

Место кадят в <неделю>, никто не садится.¹⁸⁷ Постель не стел<ят> полотенца не вешают. Ворота закрыв.<ают> как обыкнов.<енно>.

Чашку с водой ставят, дух выйдет, <тут> <нрзб> в <нрзб> ча<ш-ку>. У изголовья, «с ду<ши> спускаются».¹⁸⁸ Куда <нрзб> на сторону

¹⁷⁷ Прутья от веника.

¹⁷⁸ Слово написано над следующим.

¹⁷⁹ В п. з. почти без пробела от предыдущего слова — две буквы слитно («вл», «вм» или «вш»); возможно, сокращено «в левую (руку)», ср. с подоб-ным сообщением в тексте № 32.

¹⁸⁰ Далее зачеркнута часть слова.

¹⁸¹ В следующей строке особняком: «Не кладут» (смысловая соотне-сенность затруднительна).

¹⁸² Далее две буквы: «вд».

¹⁸³ Далее два или одно неразборчивое слово.

¹⁸⁴ В этой фразе между строк имеется невнятная запись: «Хошь <...>, хошь <...> <кидают>».

¹⁸⁵ Слово написано дважды, очевидно, погрешность скорописи.

¹⁸⁶ В п. з. «приходил», первый слог зачеркнут.

¹⁸⁷ На место умершего (?).

¹⁸⁸ Из-за неразборчивых слов расстановка знаков препинания предло-жена условно.

вылив.<ают>, на большой угол с <восточной> сторон<ы>,¹⁸⁹ свечу в руки не кладут.

<Умирает>. Где умир.<ал> — не трясут.¹⁹⁰ На стул сажают — моют. Не на соломе, соломы нет. На стол, больше на стол, а то на лавку. Ногами к двери, головой к <стене>,¹⁹¹ «Ногами ведь идет челов<ек>».

Крест в ноги ставят, лицом на восток.

<Хоронят на 3-й день>.¹⁹²

<Поминают в 6-й, 9-й, 20-й, 40-й дни, в родительскую субботу>.¹⁹³

На кладбище не едят.

Сходят кадят.

Мужч.<ин> стар<ики>, женщ.<ин> — старухи <моют?>.

Платят деньга<ми>, главн.<ого> <нрзб>¹⁹⁴ рубахой, одеждой, иногда ситцу. Тем, кто гроб дел.<ал> — сторонн<им> платят, в одной¹⁹⁵ деревне не платят, считают, что нуж.<но>, кормят.

Песок сыплют, кто жен.<атый>.

Со священ<ником> открытый, без <панихиды>, без священ<ника> закрытый. Гроб заколачивают. Везут или несут, в санях,¹⁹⁶ летом в лодке.

Окна не открывают для душ<и>, когда умирает.

Пахнёт к<а>к ладаном¹⁹⁷ — покойник скоро будет.

Ед. хр. 15, л. 10 об.—13 об. 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Безумова Анисья Алексеевна.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИИИ — Государственный институт истории искусств
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН — Институт языка, литературы и истории Коми Научный центр Уральского отделения РАН
СыктГУ — Сыктывкарский государственный университет

¹⁸⁹ Далее зачеркнуто «икону ставят».

¹⁹⁰ Постель, на которой умер (?).

¹⁹¹ В п. з. лишь одна буква «с».

¹⁹² В п. з. «Хорон 3».

¹⁹³ В п. з. «Помин 6, 9, 20, 40. Родит. суббота».

¹⁹⁴ В п. з. три буквы типа «одр».

¹⁹⁵ В п. з. «одном»; очевидно, следствие скорописи.

¹⁹⁶ Далее зачеркнуты одна или две буквы.

¹⁹⁷ Над «как ладаном» написано два слова, первое неразборчиво, возможно: «<демонский> дух».

Л. И. ПЕТРОВА

СОФЬЯ ДАВИДОВНА МАГИД В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

(ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ)

29 декабря 1949 г. вышло Постановление Президиума Академии наук СССР, предписывавшее руководству Института русской литературы «пересмотреть кадры научных сотрудников и освободить от работы в Институте лиц, не отвечающих в деловом и политическом отношении требованиям, предъявляемым к научным сотрудникам Академии наук СССР».¹ Одним из таких «освобожденных» сотрудников оказалась Софья Давыдовна Магид, работа которой в Фонограммархиве в течение целых 15 лет по сути была перечеркнута итоговой характеристикой: «В 1950 отчислена из штата ИРЛИ за невыполнение годового плана».² Ее творческая реабилитация как ученого, музыковеда-фольклориста состоялась лишь в последнее де-

¹ Документы по Фонограммархиву. Начато 10 мая 1934 г. Окончено 23 февраля 1957 г., л. 10. В настоящее время все цитируемые документы (рукописи-оригиналы или машинописные копии оригиналов) хранятся в Отделе народнопоэтического творчества ИРЛИ РАН. При необходимости изменена орфография и пунктуация, некоторые согласования в предложениях; ряд цифровых обозначений передан словесно, унифицировано написание «Фонограммархив» (вместо иных написаний: «фонограмм-архив», «фонограммархив»), библиографические ссылки в документах оформлены в соответствии с современными нормами.

² Пушкинский Дом : Материалы к истории 1905—2005. СПб., 2005. С. 475.

сятилетие — во многом благодаря работам проф. Н. Д. Светозаровой.³

Софья Давыдовна Магид (Экмекчи) (1892—1954) поступила на работу в ленинградский Фонограммархив в 1931 г., будучи уже в зрелом возрасте, имея за плечами консерваторское образование (по классу рояля), годы занятий концертной и преподавательской деятельностью, учебу на высших курсах искусствознания Гос. института истории искусств (ГИИИ), начальный опыт исследовательской и собирательской работы — в качестве внештатного сотрудника при Фольклорной секции ГИИИ.

По сохранившимся в Отделе фольклора Пушкинского Дома документам можно конспективно представить направление, характер и объем работы, проводившейся С. Д. Магид в качестве сначала младшего научного (2-й категории), затем старшего научного сотрудника тех структурных академических подразделений, в составе которых оказывался Фонограммархив (Фольклорная секция Института по изучению народов СССР АН (ИПИИ); Фольклорная комиссия Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (ИАЭ), преобразованная из Фольклорной секции; Отдел фольклора Института литературы (впоследствии — Института русской литературы) АН СССР, созданный на базе фондов и штата Фольклорной комиссии).

В довоенный период творческая судьба С. Д. Магид складывалась весьма благополучно. То, что позднее ставилось ей в упрек, — интерес к еврейскому фольклору, фольклору вепсов, карел и других малочисленных народов России⁴ — в 30-е гг. как раз соответствовало основному направлению научно-эспедиционной работы Фольклорной секции Института по изучению народов СССР, сотрудником которой она стала. К примеру, в плане работ Фольклорной секции ИПИИ на 1935 г. были обозначены такие темы как «Негидальский фольклор» (испол-

³ См., в частности: *Светозарова Н. Д.* 1) Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2. С. 309—334 (здесь же опубликован список печатных трудов С. Д. Магид); 2) Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы: (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 500—505.

⁴ В характеристике «бывшего» старшего научного сотрудника С. Д. Магид, составленной в 1950-м, в частности, говорилось: «Характеризуя работу С. Д. Магид в целом, следует сказать, что ее научные интересы шли по следующим направлениям: собирание и изучение еврейского фольклора, изучение казахских песен, собирание песен вепсов и карелов. Русской песенной культурой Магид стала интересоваться в 1935 году в плане собирания, без дальнейшего научного исследования. <...> (Документы по Фонограммархиву, л. 8).

нитель — К. Мыльникова), «Эскимосский фольклор» (А. И. Никифоров, В. Г. Богораз, А. С. Форштейн), «Чукотская сказка» (А. И. Никифоров), «Шорский фольклор» (Н. П. Дыренкова), «Музыка вогульских медвежьих танцев» (Е. В. Гиппиус), «Осетинское многоголосие как стадияльный тип музыкального мышления» (Э. Эмсгеймер), «Немецкие песни Ленинградской области» (Э. Эмсгеймер), «Гурийские песни» (Г. З. Чхиквадзе), «Песни Армении» (И. Орбели) и др. В этом списке чужеродной выглядит скорее тема А. М. Астаховой «Русские былины Северного края», нежели та, что разрабатывалась С. Д. Магид: «Классовая дифференциация музыкального фольклора белорусских и волыньских евреев».⁵ В общий научный план подразделения было включено и ее исследование по средневековой еврейской балладе. Так, в отчете Фольклорной секции за 1936 г. отдельным пунктом отмечено: «„Средневековая баллада в еврейском фольклоре (по записям у волыньских и белорусских евреев)“». Диссертация С. Д. Магид. 100 текстов и мелодий, и исследование. Всего около 10 печ. листов. Написана и должна быть передана на отзыв специалисту-гебраисту».⁶ В план секции на 1937 г. был включен даже пункт по защите названной диссертации.⁷ И хотя защита состоялась на два года позднее (в 1939-м), никаких нареканий на этот счет в отчетах не содержалось: серьезное исследование требовало дополнительного времени для завершения, и все это понимали и принимали.

Стоит особо отметить, что индивидуальная работа С. Д. Магид никогда не противопоставлялась коллективной, не шла вразрез с текущими задачами, ставившимися перед подразделением в целом.

Если в план научно-исследовательской работы Фольклорной секции включалась подготовка коллективного издания «800 песен народов СССР», то это отражалась и в плане С. Д. Магид: «Отбор и редакция музыкальных текстов евреев и немцев Поволжья», «Стационарные записи различных народов», «Проверка подтекстовок по всему изданию — около 400 <номеров>», «Экспедиция в Азербайджан».⁸ Если шла работа над собранием «Революционных песен», то среди составителей — наряду с М. С. Друскиным, В. И. Чичеровым, А. В. Шиловым, П. Г. Ширяевой — была и С. Д. Магид, хотя вряд ли эта тема

⁵ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 15.

⁶ Годовой отчет сектора. Начато — сентябрь 1936 г. Окончено 20 ноября 1948 г. (Индекс № 221), л. 5.

⁷ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 34.

⁸ Там же.

интересовала ее как исследователя, тем более музыковеда-фольклориста.⁹

В Программе работ ИАЭ АН СССР на 1938—1942 гг. по музыкальному фольклору значилась работа над сборниками «по народной музыке — башкирской, мордовской, чувашской, немецкой, эвенкийской, еврейской, армянской».¹⁰ В полном соответствии с этой программой оказывалось включение в общий «План работы Фольклорной комиссии» на 1938—1942 гг. исследования С. Д. Магид по еврейской народной балладе (в объеме 10 печ. л.), а в связи с этим — экспедиции в Биробиджан и подготовки сборника.¹¹

Таким образом, дело было не только, а, может быть, и не столько в личных интересах и пристрастиях С. Д. Магид, сколько в общем направлении коллективной работы. Если что-то не получалось, не издавалось, не завершалось (как например, начатая совместная работа музыковедов Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, Л. Н. Лебединского, С. Д. Магид над изданием «800 песен народов СССР», которое должно было объединить записи «свыше 60 народностей, наций и национальных групп СССР»),¹² то это была общая неудача, неблагоприятное стечение обстоятельств, а не чья-то конкретная вина.

С 1931 г. С. Д. Магид исполняла обязанности хранителя фондов Фонограммархива, и степень ее загруженности в связи с этим была чрезвычайно высока. С. Д. Магид активно занималась не только научной систематизацией и описанием звуковых материалов ФА, но не гнушалась никакими видами чисто технической «черновой» работы. К примеру, в 1936 г. ею выполнялись такие виды архивной работы, как «Расшифровка песен народов Сибири для научного описания» (80 песен), «Подготовка к перепечатке и корректура машинописных копий материала Московской экспедиции» (совместно с А. М. Астаховой и П. Г. Ширяевой), «Регистрация новых поступлений Ф<онограмм>архива», «Наклейка номеров на коробки и смена старых коробок (1500 вал<иков>)), «Заполнение общих разделов карточек научного описания (240 карт<очек>)).¹³

Одним из итогов той кропотливой архивной работы, которая дает зримый результат, как правило, в трудах других исследователей, использующих материалы, уже кем-то описанные

⁹ Годовой отчет сектора. Начато — сентябрь 1936 г. Окончено 20 ноября 1948 г. (Индекс № 221), л. 7.

¹⁰ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 56.

¹¹ Там же, л. 68.

¹² Там же, л. 70.

¹³ Там же, л. 15, 20, 21.

и благодаря этому общедоступные, стала статья С. Д. Магид «Список собраний Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭ Академии наук СССР».¹⁴ Эта была первая и потому особенно важная публикация, дающая реальное представление о составе фондов Фонограммархива и не утратившая своего значения до настоящего времени.

30-е гг. XX в. ознаменовались многочисленными фольклорными экспедициями в союзные и национальные республики. Активное участие принимала в них и С. Д. Магид. Приобретенный ею опыт собирателя (как практический, так и теоретический) не вызывал сомнения у коллег и не ставился в зависимость от того, фольклор какого народа ей приходилось записывать. Когда в 1938 г. сотрудники Фольклорной комиссии приняли на себя «ударное обязательство» «организовать и провести курсы по собиранию фольклора для работников периферии (филиалов Академии наук, Ленинградской области, Карелии и пр.)», С. Д. Магид и З. В. Эвальд была доверена такая сложная и ответственная тема, как «методика записей песенных мелодий».¹⁵ Позднее «проблема песни и песенности» стала интересовать Магид и в плане теоретическом. Доклад с такой темой был заявлен исследовательницей в 1947 г. на юбилейную сессию Института русской литературы, посвященную 30-летию советской власти.¹⁶

Серьезная экспедиционная работа всегда требовала не только знаний, практических и, вопреки расхожему мнению, теоретических, но и немалой доли самоотверженности. Одним из таких самоотверженных собирателей была и С. Д. Магид, не оставлявшая экспедиционную работу на протяжении всей своей научной деятельности.

Весьма красноречиво свидетельствует об этом, в частности, ее отчет от 1 августа 1949 г. об экспедиции в Великолукскую область, состоявшейся с 6-го по 27 июля 1949 г. — менее чем за год, заметим, до увольнения: «Экспедиция по записи народных песен Великолукской области является частью и продолжением плановой работы фольклорного отдела по обследованию современной народнопесенной традиции Ленинградской, Псковской, Великолукской и Новгородской областей.

Экспедиция была проведена в трехнедельный срок и работала в составе двух человек: ст. н. с. Отдела фольклора С. Д. Магид (руководитель отряда, музыкальные записи) и приглашенный мл. н. с. Нат<алья> Львовна Котикова (текстовые записи).

¹⁴ Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 415—428.

¹⁵ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 73.

¹⁶ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 37.

Работа была начата с обл<астного> центра Вел<икие> Луки, где при помощи и участии местных партийных и советских организаций были собраны сведения о состоянии музыкальной культуры на местах, выработан и согласован маршрут экспедиции.

В силу местных условий (отсутствия транспортных средств, плохого состояния дорог после войны и большой географической протяженности области) маршрут экспедиции был не сквозным, а „звездным“, т. е. экспедиции пришлось троекратно возвращаться в обл<астной> центр и снова выезжать в район по другому направлению.

Экспедиция работала в 5 районах.

а) В г. Вел<икие> Луки и пригородных колхозах В<еликолуцкого> района.

б) В Пустошкинском р-не, дер. Ольховке и к<олхо>зе им. Ильича.

в) В г. Опочке и Опочечком р-не в дер. Исаки, Пузякино.

г) В Пореченском р-не в дер. Урицкое и примыкающих к ней колхозах.

д) В Пеновском р-не, в ряде колхозов Занеprеченского с/с: Ильино, Выселки, к<олхоз>е Волга и др. — *проехав со звукозаписывающим оборудованием по району около 400 км на грузовиках и около 40 км пешком, не считая проездов по ж<елезной> д<ороге>* (курсив мой. — Л. П.).

Экспедицией произведено:

музыкальных записей на фонограф — 74 <номера> (на 26 фоноваликах).

текстовых записей: а) песенных — 97 <номеров>,

б) частушек — 342 <номера>.

Сопутств<ующих> объяснительных материалов, репертуаров самодеятельных колхозных хоров, описаний и пр. — 2 тетради.

25% песенного материала — советский фольклор, гл<авным> образом песни Великой Отечественной войны, записанные из уст участников партизанского движения. Большинство напевов этих песен и часть текстов зафиксированы впервые.

По линии крестьянской певческой культуры экспедицией установлены зоны с развитым хоровым многоголосием (Занеprечеье, Ольховка) и наряду с ними обширные районы сплошного хорового одноголосия (Опочечкий р-н, дер. Урицкое Пореч<енского> р-на). В Пустошкинском районе зафиксирован оригинальный и до сих пор неизвестный тип мелодического распева протяжных песен. В дер. Урицкое обнаружен в живом бытовании (записаны в поле во время жатвы) ряд старинных артельных трудовых (жнивных) песен, исполнявшихся жнеями с внесением соответствующих текстовых изменений, как-то: обращение к председателю колхоза и пр. При записи от самодеятельного хорового коллектива Занеprеченской избы-читальни,

составленного ими самими театрализованного действия — старой русской свадьбы — отмечены совершенно неизвестные до сих пор в литературе участники „игры“, т<ак> наз<ываемые> „срядники“ — пародийные маски жениха и невесты и пр.».¹⁷

Конечно, время накладывало свой отпечаток не только на фольклористические исследования, но и на собирательскую деятельность. Все «реверансы» в сторону «советского фольклора» были продиктованы суровыми требованиями 30—50-х гг. XX ст. «Был спор, можно ли записывать эти частушки».¹⁸ Спор этот возник во время совместной экспедиции Фольклорной секции ИАЭ (которую представляла С. Д. Магид) и Мособлисполкома в Калужский р-н Московской области в 1935 г. Речь шла о частушках типа:

В Ромоданове деревне
Желтые наличники.
Мы пожили у колхозы,
Теперь — единоличники.

Таков был изначальный текст. Но в полевом блокноте слово «теперь» приписано рядом в скобках, а вместо него стоит «вы», меняющее смысл на противоположный: «Вы — единоличники». Возможно, именно эта маленькая хитрость «спасла» запись, поскольку некоторые частушки были впоследствии из блокнотных листков вырезаны.

Тем не менее, несмотря на возможную цензуру и возможные порицания со стороны официальных лиц, большинство записанных С. Д. Магид (или с ее участием) песенных текстов представляют традиционный крестьянский фольклор, а не сочинения «новой колхозной» деревни.¹⁹

В результате многолетней экспедиционной деятельности Софьи Давыдовны Фонограммархив и рукописное фольклорное хранилище (включенное позднее в состав Рукописного отдела ИРЛИ РАН) существенно пополнились материалами, по-насто-

¹⁷ Планы, программы и переписка по организ<ации> научн<ых> экспедиций. Начато — январь 1931 г. Окончено — июнь 1951 г. (Индекс № 680), л. 68—68 об.

¹⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 93, л. 5. Эта запись принадлежит С. Рязову, также принимавшему участие в этой экспедиции и фиксировавшему в основном частушки, в том числе и приводимую здесь в качестве примера.

¹⁹ На это будет особо указано в характеристике, данной С. Д. Магид в 1950 г.: «Дирекция находит возможным отметить и деловые качества С. Д. Магид: опыт собирателя, который не был в достаточной мере устремлен на собирание современного народного творчества, в чем явно отразилось пренебрежение к советскому фольклору ее бывшего руководителя профессора М. К. Азадовского, под руководством которого С. Д. Магид работала в течение ряда лет» (Документы по Фонограммархиву, л. 9).

ящему еще не оцененными, незаслуженно не востребованными до сих пор и лишь отчасти введенными в научный оборот. Далее приводится перечень этих материалов, составленный по регистрационным документам V разряда РО ИРЛИ РАН (описям коллекций, книгам поступления (КП), Инвентарной книге), а также каталогу коллекций и фонографических цилиндров (ФВ) Фонограммархива ИРЛИ РАН.

Фольклорное хранилище РО ИРЛИ РАН (разряд V)

1. Экспедиция ГИИИ 1928 г. на Волынь (евреи). Передано из Ленинградского отделения Гос. Академии искусствознания (ЛОГАЙСа). Собиратель С. Д. Магид. — Кол. 7 (КП 24).

2. Белорусская экспедиция ИПИНа АН СССР 1931 г. в Пропойский р-н БССР (белорусы, евреи). Собиратель С. Д. Магид. — Кол. 19 (КП 24, 25).

3. Белорусская экспедиция 1934 г. (с 15.08 по 20.08) в г. Минск и Мозырский р-н БССР (евреи). Собиратель С. Д. Магид. — Кол. 43 (КП 48). Коллекция отсутствует.

Материалы были переданы С. Д. Магид 25.11.34 г. и зарегистрированы А. М. Астаховой: «8 толстых тетрадей (85 песенных текст<ов> и 3 действия)». В КП запись: «Вероятно, возвращено собирателю». В Инвентарной книге также записано: «Вероятно, передано собирателю назад». И здесь же указание на то, что материалы по фольклору белорусских евреев в настоящее время находятся в РНБ.

4. Экспедиция в Калужский и Перемышльский р-ны Московской обл. (русские). Совместная собирательская работа Фольклорной секции и Мособлисполкома: материалы Калужской бригады Мособлисполкома. Собиратели: С. Д. Магид и М. Е. Шереметева. — Кол. 49 (КП 60 от 7 марта 1935 г.).

5. «Еврейская старинная мелодия для чтения торы в день Рош Гашана (Новый год)». Получено от С. Д. Магид в декабре 1940 г. — Кол. 1 (КП 188).

6. Экспедиции в Псковскую (1946, 1947) и Великолукскую (1949) области (русские). Собиратели: С. Д. Магид, Н. Л. Котикова (1 папка, 199 ед. хр., песни) — Кол. 145 (КП 292).

В коллекции имеется «Акт от 13 сентября 1950 г.», подписанный уч<еным> секретарем Сектора фольклора В. Кравчинской и С. Д. Магид: «Принято от С. Д. Магид 3 папки (возможно, слитые затем в одну? — Л. П.) материалов Псковских экспедиций 1946 и 1947 гг. и Великолукской экспедиции 1949 г., не зарегистрированные в Рукописном хранилище Сектора фольклора и состоящие из беловых текстов без черновики и без дневников собирателей и без достаточной паспортизации» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 145, № 1).

Материалы были переданы уже после увольнения собирательницы, которое официально состоялось 13 апреля 1950 г.²⁰ Этим объясняется и негативный оценочный характер «Акта». Ранее, заметим, при приеме экспедиционных записей на хранение не требовалось обязательной сдачи от собирателей полевых рукописей и дневника.

Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
(в квадратных скобках указан номер соответствующей
коллекции фольклорного фонда РО ИРЛИ)

1. Экспедиция 1928 г. в УССР — Житомир, Хмельницк (евреи). Передано из ЛОГАЙСа в 1931 г. Собиратель С. Д. Магид (170 записей: песни, проза, наигрыши). — Кол. 43, ФВ 1809—1868 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 7].

2. Экспедиция 1931 г. в БССР — Могилев (белорусы). Собиратель С. Д. Магид (128 записей: песни обрядовые, лирические, с движением; наигрыши). — Кол. 42, ФВ 1778—1808 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 19].

3. Экспедиция 1931 г. в БССР — Могилев (евреи). Собиратель С. Д. Магид (68 записей: песни, наигрыши). — Кол. 44, ФВ 1869—1889 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 19].

4. Студийные записи 1934 г. в Ленинграде (казахи). Собиратель С. Д. Магид (10 записей: песни, наигрыши). — Кол. 113, ФВ 3607—3610.

5. Экспедиция 1934 г. в БССР — Гомель (евреи). Собиратель С. Д. Магид (76 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением; наигрыши). — Кол. 115, ФВ 3642—3672.

6. Записи 1934—1935 гг. в Ленинграде и Москве (русские, евреи). Собиратель С. Д. Магид (350 записей: песни). — Кол. 186, ФВ 5033—5098.

7. Записи 1934—1935 гг. в Ленинграде и Москве (евреи). Собиратель С. Д. Магид (68 записей: песни). — Кол. 204, ФВ 5353—5356.

8. Экспедиция 1935 г. в Калужский и Перемышльский р-ны Московская обл. (русские). Собиратель С. Д. Магид (168 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, наигрыши, причеть). — Кол. 122, ФВ 3939—3975 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, собиратели: С. Д. Магид, М. Е. Шереметева].

9. Студийные записи 1936 г. в Ленинграде (лазы). Собиратель С. Д. Магид (8 записей: песни, песни обрядовые, лирические, причеть). — Кол. 129, ФВ 4097—4098.

²⁰ В делах Отдела указана иная дата: «3-го марта 1950 г. С. Д. Магид была уволена за невыполнение плана» (Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 90).

10. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (эвенки). Собира- тель С. Д. Магид (65 записей: песни, песни обрядовые, лириче- ские, с движением, эпос, проза). — Кол. 126, ФВ 4039—4063.

11. Студийные записи 1937 г. в Москве и Ленинграде (грузи- ны-гурийцы). Собиратели: С. Д. Магид, И. Д. Мегрелидзе (57 за- писей: песни, наигрыши). — Кол. 134, ФВ 4178—4204.

12. Экспедиция 1937 г. в Карелию (карелы, вепсы). Собира- тель С. Д. Магид (83 записи: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, наигрыши, причеть). — Кол. 142, ФВ 4399—4423.

13. Экспедиция 1937 г. в Карелию (карелы, финны, вепсы). Собира- тель С. Д. Магид (59 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, эпос, наигрыши, причеть). — Кол. 187, ФВ 5099—5112.

14. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (чуваши). Собира- тель С. Д. Магид (47 записей: песни, песни обрядовые, лириче- ские, с движением). — Кол. 206, ФВ 5392—5401.

15. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (лопари, гольды, коряки, чукчи, эскимосы, буряты, эвенки). Собира- тель С. Д. Ма- гид (63 записи: песни, песни обрядовые, лирические, с движени- ем, проза, наигрыши). — Кол. 207, ФВ 5402—5422.

16. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (индейцы (ну минд) из г. Кулдисак (штат Огайо, США)). Собира- тель С. Д. Ма- гид (2 записи: проза). — Кол. 212, ФВ 5437.

17. Экспедиция 1938 г. в БССР — Гомель (евреи). Собира- тель С. Д. Магид (53 записи: песни, наигрыши). — Кол. 152, ФВ 4566—4580.

18. Записи 1936—1941 гг. в Ленинграде, Боровичах, Колпино, Парахино (русские). Собиратели: П. Г. Ширяева, студенты ЛГУ И. Н. Этина и П. В. Башкиров, С. Д. Магид. (101 запись: песни, песни обрядовые, лирические, с движением). — Кол. 218, ФВ 5516—5546.

19. Экспедиции в Псковскую (1946, 1947) и Великолукскую (1949) области (русские). Собиратели: С. Д. Магид, Н. Л. Ко- тикова, Н. И. Клочков(?). (166 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, наигрыши). — Кол. 226, ФВ 5664—5723.

Всего, по данным каталога коллекций Фонограммархива, С. Д. Магид (частично с другими собирателями) было записано 590 фонографических цилиндров — 1742 записи произведений различных фольклорных жанров, в основном песенных, — от представителей 18 народов.

Часть принадлежащих ей рукописных материалов находится в Рукописном фонде Фонограммархива. В их числе и многочис- ленные нотные расшифровки — один из тех видов постоянной работы С. Д. Магид, которая, как отмечалось в отчете Отдела всего за несколько месяцев до увольнения исследовательницы,

«требует не только большой культуры слуха и опыта, но и углубленной теоретической подготовки».²¹

В 1941 г., когда «коллекции Фонограммархива и Рукописного хранилища Отдела были тщательно упакованы и сданы на хранение в Эрмитаж»,²² С. Д. Магид была вынуждена покинуть Пушкинский Дом в связи с сокращением штатов. Но это ни в коей мере не было связано с какими-либо претензиями к ней как научному работнику. Весной 1941 г., перед самым началом войны, она была командирована Институтом литературы в Ораниенбаумский р-н Ленинградской области. В КП 197 разряда V Рукописного отдела ИРЛИ зафиксировано поступление от С. Д. Магид 7 мая 1941 г. двух тетрадей с финскими народными песнями (с припиской, свидетельствовавшей, вероятно, о передаче материалов в ФА: «Кар<ельские> записи в Фонограммархиве»). На 1941 г. планировалось ее участие в подготовке сборников в серии «Песни народов СССР»: «Цыганские народные песни» (составители Е. В. Гиппиус (руководитель), З. В. Эвальд, С. Д. Магид, М. В. Панов (лингвист), акад. А. П. Баранников (консультант)) и «Калмыцкие народные песни» (составители Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, С. Д. Магид, Ф. Н. Гоухберг и А. В. Бурдуков — по договору).²³ Предполагалось также участие С. Д. Магид в 1941 г. в коллективном сборнике статей. В письме от 1 марта 1941 г., подписанном и. о. уч. секретаря Б. П. Городецким и зав. Отделом фольклора проф. М. К. Азадовским, говорилось:

«Многоуважаемая Софья Давыдовна!

Отдел фольклора Института литературы АН СССР просит Вас написать статью „Еврейские подпольные песни Зап. Украины и Зап. Белоруссии“ для сборника, посвященного теме: „И. В. Сталин и фольклор“. Предполагаемый объем статьи — 2 печ. листа, срок представления — 1 декабря 1941 г.».²⁴

Отношения С. Д. Магид с сотрудниками Отдела были вполне доверительными и уважительными. Именно на ее мнение, как авторитетное, ссылалась, например, А. М. Астахова в письме от 21 сентября 1944 г., когда вновь начал муссироваться вопрос о выделении Фонограммархива «в особую научную ячейку,

²¹ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 25.

²² Там же, л. 34.

²³ «План <...> Отдела фольклора ИЛИ по музыкальному фольклору на 1941 г.» // Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 215.

²⁴ Переписка по научно-консультационной работе сектора народного поэтического творчества за 1940—1941 гг. Начато 5 января 1940 г. Окончено декабрь 1941 г. (Индекс № 661), л. 258.

„Комиссию по изучению народной музыки“, которая <...> должна быть организована при Московском Отделении Института этнографии»²⁵: «...Я несколько задержалась с ее (запиской с возражениями против изъятия ФА из Института литературы — Л. П.) представлением, но мне хотелось предварительно поговорить еще по этому поводу с ленинградскими музыковедами, в частности, с бывшим сотрудником Отдела фольклора С. Д. Магид, которая также считает изъятие Фонограммархива недопустимым».²⁶

После войны, когда коллекции фонозаписей были возвращены в Пушкинский Дом, С. Д. Магид без каких-либо препятствий восстанавливается в Институте в должности старшего научного сотрудника. В отчете Сектора фольклора ИЛИ за 1946 г. этот факт констатируется как само собой разумеющийся: «В конце текущего года приступила к работе С. Д. Магид».²⁷

Кроме ежедневных обязанностей по Фонограммархиву, С. Д. Магид начинает в 1947 г. подготовку тома «Песни Псковской области», материал для которого еще только предстояло собрать, что она и осуществляет вместе с приглашенной (для участия в экспедиции) на временную должность м. н. с. Н. Л. Котиковой.²⁸ Намеченный при этом срок сдачи тома — декабрь 1947 г. — представляется совершенно нереальным, хотя впоследствии этот факт будет весьма «успешно» использован против С. Д. Магид. Но до определенного времени от нее не требовали всего лишь за год в одиночку начать и закончить подготовку целого сборника, тем более на основе новых экспедиционных записей. Отчет С. Д. Магид за 1947 г. был утвержден без каких-либо замечаний, а на 1948 г. в числе прочего запланировано продолжение работы над «Песнями Псковской области»: «Подготовка к печати дополнительного материала (30 <номеров>) для расширенного издания сборника „Песни Псковщины“, объем 5 п. л. Срок 1 июля 1948 г.».²⁹

В соответствии с этим заданием в 1948 г. С. Д. Магид «а) обработаны по фонографу и подготовлены к печати 30 зап<исей> песенных текстов; б) составлена библиография к 30 вышеуказанным текстам... 0.5 п. л.; в) подготовлено к печати 15 песенных расшифровок (многоголосные записи 1947 г. 1.5 п. л.). В от-

²⁵ Переписка по научно-консультационной работе. Начато 16 апреля 1945 г. Окончено 14 декабря 1949 г. (Индекс № 661), л. 18.

²⁶ Там же, л. 8.

²⁷ Годовой отчет сектора. Начато — сентябрь 1936 г. Окончено 20 ноября 1948 г. (Индекс № 221), л. 139.

²⁸ О жизни и деятельности, в том числе собирательской, Натальи Львовны Котиковой см. статью Е. И. Якубовской «Страницы биографии Н. Л. Котиковой» в наст. изд.

²⁹ Документы по Фонограммархиву, л. 16.

чете значится также «Доработка и завершение комментариев к сборнику» „Песни Псковщины“, написание вступительной статьи — 1.5 п. л. и «Подготовка к печати 15 нотных расшифровок для сборника».³⁰

В этом же году С. Д. Магид планировала приступить к подготовке сборника «Песни Великолукской области», опять-таки на основе материалов, которые должны были быть собраны в процессе намечавшейся на июль 1948 г. экспедиции. Однако экспедиция в Великолукскую область (совместно с Н. Л. Котиковой) состоялась годом позже — вероятно, по причине болезни С. Д. Магид.³¹ Начало работы над «Песнями Великолукской области» было в результате перезапланировано на 1949 г., с «переходом» на 1-й квартал 1950 г. Тем не менее никаких претензий в адрес сотрудницы и в 1948 г. высказано не было. Ее годовой отчет был заверен зав. Отделом М. К. Азадовским с примечанием: «Работа выполнена, несмотря на длительную тяжелую болезнь».³² В «Перечне работ, проделанных сотрудниками Сектора фольклора за I квартал 1949 г.», подписанном А. М. Астаховой, содержалась соответствующая информация и в отношении С. Д. Магид (также без какой-либо негативной оценки по поводу количества или качества ее работы): «По сборнику» „Песни Великолукской области“ — Подготовка к экспедиции в Великолукскую область. Проработка опубликованных и рукописных текстовых материалов. Расшифровка фонограмм экспедиции в с. Ильинское Великолукской обл. Расшифровано 7 фонограмм 3-й степени трудности. Объем 1 п. л. По Фонограммархиву: прослушивание и отбор фонограмм для перевода с восковых валиков на гальванические. Прослушано и отобрано 400 шт. валков».³³

В июле 1948 г. для обсуждения на Отделе С. Д. Магид был представлен материал сборника «Песни Псковской области». Он не был утвержден к печати сразу, что отнюдь не сказалось на общей положительной оценке этой работы. Так, в составленном А. М. Астаховой (ставшей заведующей Отделом) отчете о работе Сектора фольклора за 1939—1949 гг., в частности, отмечалось — как явление сугубо положительное: «На основе собранных Фонограммархивом песенных материалов происходила

³⁰ Индивидуальные планы и отчеты на 1948 год («Индивидуальный план научно-исследовательской работы на 1948 г. Магид С. Д., старшего научного сотрудника»). Здесь же содержатся и ее поквартальные отчеты.

³¹ В черновых набросках поквартальных отчетов С. Д. Магид указано, что с 20 мая по 1 июля она пробыла на бюллетене, в августе—сентябре находилась в отпуске, а в сентябре по 10 октября — вновь на бюллетене (см. там же).

³² Документы по Фонограммархиву, л. 17.

³³ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 45.

подготовка двух областных сборников „Песни Псковской области“ (составитель С. Д. Магид) и „Песни Смоленской области“ (составитель Ф. А. Рубцов)».³⁴

Шел естественный «рабочий» процесс. И вполне закономерно, что в план С. Д. Магид на 1949 г. была включена «доработка (курсив мой. — Л. П.) по указанию Отдела фольклора сборника „Песен Псковской области“. Срок — декабрь 1949 г.».³⁵ Т. е. том вовсе не был признан несостоявшимся, а работа над изданием неудовлетворительной. Правда, в отчете С. Д. Магид за 1949 г. отмечалось, что запланированная на декабрь доработка сборника «не выполнена вследствие болезни (с 16 ноября по 31 декабря с. г. нахожусь на бюллетене)».³⁶ Но это была не вина, а беда сотрудника. Работа над томом была бы продолжена и, скорее всего, получила бы завершение в хорошем издании.

Таковы основные факты, отражающие реальную картину деятельности С. Д. Магид как сотрудника Отдела фольклора ИЛИ (ИРЛИ) АН СССР, и вряд ли можно утверждать, что они естественным образом привели к одному из самых драматичных периодов творческой судьбы С. Д. Магид — ее увольнению в 1950 г. Оно не было естественным результатом какого-либо «внутреннего» конфликта в коллективе или недобросовестного отношения старшего научного сотрудника к своим прямым обязанностям, злостного невыполнения производственных планов и т. п. Не случайно, думается, в машинописной копии «Объяснительной записки к материалам индивидуальных планов и отчетов С. Д. Магид за 1947—1949 гг.»³⁷ датированной 30 августа 1950 г. и связанной, конечно, с процедурой увольнения последней, заклеена фамилия подписавшегося за зав. Сектором фольклора и сохранена только подпись ученого секретаря Сектора В. А. Кравченко.

С. Д. Магид не смирилась с ситуацией и обратилась с письмом к Президенту Академии наук СССР акад. С. И. Вавилову. Это обращение было, вероятно, не столько попыткой восстановиться в Институте, сколько следствием обиды и желанием восстановить творческую репутацию. О содержании письма и реакции на него можно судить по сохранившимся в делах Отдела черновикам и машинописным копиям документов, составленных на имя Ученого секретаря Президиума Академии наук СССР проф.

³⁴ Там же, л. 28.

³⁵ Документы по Фонограммархиву, л. 17

³⁶ Там же, л. 17.

³⁷ Там же, л. 18—18 об. В этой записке, заметим, ни слова не сказано об основной каждодневной работе С. Д. Магид — научному описанию материалов Фонограммархива. Зато ставится в вину даже тот факт, что «в редакции 1947 года — сборник («Песни Псковской области» — Л. П.) не обсуждался на Секторе фольклора».

В. П. Сухотина в ответ на соответствующий запрос АН СССР от 2 октября 1950 г. С незначительными сокращениями эти материалы приводятся в настоящей работе.³⁸

«<...> Дирекция Института русской литературы (Пушкинский Дом) сообщает, что письмо бывш<его> ст. научного сотрудника Института С. Д. Магид <...> содержит в себе ряд голословных утверждений, не соответствующих действительности и преследующих, под видом „заботы“ о судьбе Фонограммархива, чисто личные цели <...>. Не соответствующим действительности является заявление С. Д. Магид о своей роли как организатора Фонограммархива: С. Д. Магид была принята на работу в 1931 году, тогда как Фонограммархив зародился в июне 1926 года (см. Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 409), С. Д. Магид пришла к готовой базе Фонограммархива, действительным организатором которого был коллектив сектора фольклора и зав. музыкальной частью сектора Е. В. Гиппиус <...>» (л. 10—11).

Необходимо, однако, внести уточнение. С 1926 по 1931 г. (т. е. до включения в систему академических учреждений) материалы Фонограммархива пополнялись главным образом за счет экспедиционной работы Государственного института истории искусств, Ленинградского отделения Государственной Академии искусствознания. Напомним, что С. Д. Магид до 1931 г. была внештатным сотрудником Института по изучению народов СССР и собранные ею материалы экспедиции 1928 г. в УССР влились в состав коллекций Фонограммархива (кол. 43) еще до зачисления в штат.

«...Не соответствующим действительности является и утверждение С. Д. Магид о том, что на базе материалов Фонограммархива ею „составлен ряд сборников и написан ряд статей“. На самом же деле за всю ее научную деятельность как сотрудника Сектора фольклора Института ею опубликовано всего 4.75 п. л. мелких статей. Что же касается упоминаемого С. Д. Магид „ряда сборников“, то в Институте имеется рукопись лишь одного, нуждающегося в радикальной переработке, сборника „Песни Псковской области“,³⁹ о неудовлетворительном характере которого будет сказано ниже.

Все тщательно проверенные данные о систематическом невыполнении С. Д. Магид в течение ряда лет своих планов научно-исследовательских работ были представлены в суд, что ква-

³⁸ Печатается по: Документы по Фонограммархиву. Начато 10 мая 1934 г. Окончено 23 февраля 1957 г., л. 10—15 (машинописная копия).

³⁹ В настоящее время этот сборник находится в Отделе рукописей РНБ: Фонд 1000. Пост. 1978.9. № 1—3. В Рукописном фонде ФА ИРЛИ имеется рукопись сборника «Песни Великолукской области».

лифицируется С. Д. Магид в ее письме Президенту АН СССР как „фальшивки“ и как „травля“.

Заявление С. Д. Магид о том, что в Секторе фольклора якобы существует „тяжелая склочная атмосфера“ является результатом полного непонимания со стороны С. Д. Магид основ критики и самокритики: все главы для готовящегося III тома „Русского фольклора“ подвергались острой и принципиальной критике, невзирая на лица. Статья С. Д. Магид „Народнопесенное творчество в советскую эпоху“ обсуждалась на секторе дважды: 7 января и 13 марта 1950 года. Во время заседания 7 января С. Д. Магид были указаны основные пороки ее статьи. Подводя итоги, зав. Сектором фольклора доктор филологических наук А. М. Астахова отметила: „Дана регистрация, перечисление, а общих выводов нет... Статья должна давать музыкальную характеристику... На том же материале надо дать другую статью с выделением специфики музыкального языка нашего времени... Поражает обилие словесных текстов вместо разбора напевов, разбора музыкальных образов... Главное требование — переделать работу в корне, надо осмыслить собранный материал“.

На этом же заседании был установлен по согласованию с С. Д. Магид окончательный срок представления ею статьи — 7 февраля 1950 г. Этот срок С. Д. Магид не был выдержан, и поэтому назначение вторичного обсуждения окончательной редакции статьи — 13 марта — не было для нее неожиданным. Более того, об этом заседании ей лично было сказано и подтверждено по телефону 12 марта, но в ответ было сообщено из квартиры С. Д. Магид, что она заболела и на заседании присутствовать не может. По предложению дирекции сектор обсудил эту статью в отсутствие С. Д. Магид, в связи с невозможностью дальнейших оттяжек со сдачей статьи редакции тома.⁴⁰ Ф. А. Рубцов был уведомлен своевременно о предстоящем 13 марта обсуждении статьи Магид, но на заседание сектора не явился. Отсюда очевидна необоснованность обвинения со стороны С. Д. Магид в том, что от обсуждения ее статьи Институтом сознательно отстранились музыковеды» (л. 11—12).

На самом деле авторская и редакторская работа над статьями 3-го тома задуманного трехтомного издания «Русский фольклор» (3-й том, посвященный советскому фольклору, должен был быть завершен первым) продолжалась и после увольнения С. Д. Магид. Более того, «Институтом было возбуждено ходатайство перед

⁴⁰ Подробный протокол заседания от 13 марта в делах Отдела фольклора ИРЛИ не обнаружен: в «Книгах протоколов» научных заседаний Сектора фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за этот период указывалась лишь повестка дня и приводился список присутствующих (см.: Книга № 2. Начато 17 января 1950).

Ученым Секретариатом Президиума АН СССР о разрешении переноса срока сдачи тома на декабрь 1951 года».⁴¹ В информационной справке по Сектору народного творчества от 26 марта 1951 г., в частности, пояснялось: «В 1948 г. Сектор работал над трехтомником под редакцией проф. М. К. Азадовского — „Русский фольклор“. В 1949 г. в связи со сменой руководства Института все три тома этого издания были подвергнуты рецензированию и признаны методологически порочными, построенными на жанровом принципе и подлежащими написанию заново на основе исторической периодизации явлений народного творчества».⁴²

Что же касается участия музыковедов в обсуждении работы С. Д. Магид, то отношение к их мнению филологов (в том числе и при подготовке разного рода фольклорных изданий) долгое время было весьма скептическим. Вряд ли могло быть иначе и в данном случае. Факт остается фактом: ни в одном из документов мы не обнаружили каких-либо негативных оценок деятельности С. Д. Магид со стороны ведущих фольклористов-музыковедов, но и отставание ее как сотрудника Фонограммархива также не было зафиксировано.

«Утверждение С. Д. Магид о том, что в „результате сложившейся тяжелой обстановки зав. Фонограммархивом Рубцов подал заявление об уходе“ — не соответствует действительности. Ф. А. Рубцов подал заявление об освобождении его от работы по болезни, пытаясь таким образом получить нужную ему формулировку ухода из института, знал о постановлении Президиума Академии наук СССР от 29 декабря 1949 г., предписывающем Директору Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР освобождаться от научных сотрудников, систематически не выполняющих в течение ряда лет своих планов научно-исследовательских работ. Так же обстояло дело и с самой С. Д. Магид.

О характере же работы Ф. А. Рубцова „Песни Смоленской области“ можно судить по архаическому репертуару записанных им песен религиозного и обрядового характера.⁴³ Говорить о подобном сборнике, как это делает С. Д. Магид, как о блестящей ра-

⁴¹ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 50.

⁴² Там же, л. 173. В этой же справке утверждалось, что 3-й том за один, 1950-й, год «был написан — в основном силами сотрудников Сектора — заново <...> и находится в производстве» (л. 174).

⁴³ В черновом варианте данного документа были приведены примеры такого рода «крамольных» записей: «№ 16 „Христос воскрес Сын Божий“, № 17 „Ходил Христос по белу свету“, № 19 „Христос воскрес на весь век“, песни с призывами идти „в монастырь“ (№ 140), не работать „в святую пятницу“ (№ 139 «Труженик, брось трудиться») и т. д. и т. п.» (см.: Документы по Фонограммархиву, л. 36—37).

боте, „имеющей особо важное значение, сделанной на материалах родины Глинки и вскрывающей истоки его творчества, а следовательно, и истоки русской музыкальной школы“ — значит обнаружить полнейшую неосведомленность в характере русской национальной музыки. Даже не музыковеду ясно, что нельзя выводить жизнеутверждающее творчество Глинки из напевов белорусских духовных стихов и обрядового песенного фольклора, хотя бы эти произведения и были записаны „на родине Глинки“.⁴⁴

Сборник Ф. А. Рубцова игнорирует современную песенную культуру и извращает действительное бытование песни в Смоленской области.

Подобный сборник мог быть составлен 100 лет назад, но и тогда оказался бы реакционным и искажающим подлинный характер русского народного песенного творчества» (л. 13—14).

Мы намеренно привели полностью составленное официальное мнение-отзыв о сборнике Ф. А. Рубцова, поскольку этот отзыв содержит типичные для того времени претензии к сборнику и изданию материала фольклористами, критически относящимися к понятию «советский фольклор». «Реабилитация» «Песен Смоленской области» состоялась уже после смерти автора-составителя.⁴⁵

«Сборник „Песни Псковской области“, охарактеризованный С. Д. Магид как ее „капитальная работа“, действительно „лежит в шкафу отдела без движения“, ибо он также не отражает современной песенной культуры Псковской области. Он повернут в прошлое, а советское народное творчество в нем обеднено — оно представлено всего тремя песнями и небольшим количеством частушек. Сборник состоит из 120 песенных текстов и 8 печатных листов комментариев. Вступительная статья не является теоретическим исследованием о значении песенной культуры в советскую эпоху и не дает научной характеристики современного песенного творчества, ограничиваясь общими положениями о традиционном фольклоре, известными уже по ра-

⁴⁴ Годом ранее, в уже упоминавшемся отчете Отдела за 1939—1949 гг., как раз подчеркивалось, что сборник Ф. А. Рубцова «представляет особый интерес ввиду смыкания в данной области русской и белорусской музыкальных культур с преобладанием русского начала» и что «родоначальник русской музыкальной школы гениальный композитор <М. И.> Глинка (в тексте ошибочно указаны другие инициалы: С. Н., т. е., вероятно, писателя С. Н. Глинки. — Л. П.) — уроженец центра Смоленщины — Ельни. Все его детские впечатления связаны с фольклором Смоленщины» (см.: Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 28).

⁴⁵ См. об этом: Ф. А. Рубцов : Материалы к сборнику «Песни Смоленской области» / Публ. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. 6. С. 158—247.

ботам таких знатоков русской песни, как Е. Э. Линева, Лопатин и Прокунин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус и др.

Содержание комментариев не отвечает назначению книги как научно-популярного <?> издания. Комментарии перегружены библиографическими данными и во многом повторяют комментарии вышедшего в 1937 году сборника „Песни Пинежья“ (Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд) (стало быть, тоже научно-популярного? — *Л. П.*). Не отвечает типу научно-популярного издания и транскрипция текстов, переданных в псковском говоре. Сама эта транскрипция, по отзыву языковеда А. П. Евгеньевой, является не точной и не научной» (л. 14).

Характер высказанных здесь претензий не давал права заявлять об этой работе как вовсе не состоявшейся и, следовательно, обвинять в невыполнении соответствующего планового задания. Вспомним, что до увольнения С. Д. Магид реч шла именно о *доработке* издания. Утверждение, что сборник «Песни Псковской области» (равно как и «Песни Смоленской области» Ф. А. Рубцова) «признан на научном заседании сектора подлежащим *переработке* (курсив мой. — *Л. П.*)»⁴⁶ появилось позднее — в справке «Итоги работ Сектора за 1948—1950 гг.», подписанной новым заведующим И. П. Дмитраковым 26 марта 1951 г. Заметим, впрочем, что в этой итоговой справке обозначены и другие издания, считавшиеся завершенными, но таковыми не признанные: «„Устные рассказы и сказки Ленинградской области“ (объем 35 п. л., редакторы А. М. Астахова и А. Н. Лозанова, составители В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева). Сборник не сдан в печать, так как должен быть разделен на два полутома: „Устные рассказы“ и „Сказки“»; «„Новые записи исторических песен“ (15 п. л., редактор А. М. Астахова, составители А. Н. Лозанова и П. Г. Ширяева). Сборник возвращен РИСО для доработки».⁴⁷

Думается, справедливо было бы констатировать, что для завершения работы над «Песнями Псковской области» С. Д. Магид не хватило не профессионализма или желания довести дело до конца, а просто времени. Позднее (уже после смерти С. Д. Магид) часть материалов сборника была включена в состав издания Н. Л. Котиковой «Народные песни Псковской области» (М.: Музыка, 1966).⁴⁸

«Не соответствующим действительности является и заявление С. Д. Магид о том, что в Институте, как правило, сознательно тормозилась экспедиционно-научная работа. Единственный

⁴⁶ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 174.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ О структуре сборника С. Д. Магид и судьбе его материалов см.: Якубовская Е. И. Страницы биографии Н. Л. Котиковой. С. 512—584 наст. изд.

случай перенесения Великолукской экспедиции с I-го квартала 1949 года на II квартал того же года был вызван задержкой получения ассигнований из Москвы.

Заключение С. Д. Магид о явной „гибели“ Фонограммархива в условиях Института русской литературы не соответствует действительному положению вещей, которое правильно показано в докладной записке на Ваше имя о состоянии Фонограммархива от 25 сентября за № 193-9» (л. 14—15)

Письмо С. Д. Магид, судя по цитатам из него, действительно содержало крайне резкие и, вероятно, не всегда справедливые высказывания, заставляя руководство Отдела и Института не просто отвечать на «запрос», но и оправдываться. Из чернового варианта «ответа» был вычеркнут весьма показательный в этом отношении абзац: «Ничем не подтверждается в письме, потому что не может быть подтверждено, обвинение дирекции в отказе от „обсуждения изменения плана работ Фонограммархива в свете новых массовых политических задач“, как указывается Магид. Таких планов в дирекцию от сотрудников Фонограммархива не поступало ни в Сектор фольклора, ни в дирекцию Ин<сти>тута».⁴⁹ О том же свидетельствуют и заключительные фразы публикуемого здесь документа, призванные убедить Президиум АН СССР в положительной общественной деятельности Отдела в целом:

«Сектор фольклора Института развертывает большую общественную работу по связи с ленинградской композиторской общественностью и рабочей художественной самодеятельностью Ленинграда.

Работники сектора и Фонограммархива поддерживают и укрепляют связь с самодеятельными коллективами Ленинградской и Вологодской областей. В Фонограммархиве ведется ежедневная работа по консультациям и по записи современного творчества от отдельных исполнителей. Это еще раз подчеркивает тенденциозность утверждения С. Д. Магид о том, что „хранение музыкального фольклора в настоящий момент является фактически беспризорным и умертвленным“ (!).

В настоящее время Институт предпринимает ряд мероприятий по пополнению и укреплению штата Фонограммархива высококвалифицированными музыковедами» (л. 15).

Стоит отметить, что от Отдела фольклора документ был подписан канд. филол. наук И. П. Дмитраковым, направленным ЦК ВКП(б) на должность заведующего Сектором устного народного творчества только в 1950 г. и, естественно, не успевшим лично объективно разобраться в сложившейся ситуации. А между тем в результате произведенных «сокращений» в этот период образовалась катастрофическая «лакуна» не только в

⁴⁹ Документы по Фонограммархиву, л. 42.

заведовании Фонограммархивом, но и в музыковедческом его составе, что, безусловно, отражалось на работе подразделения в целом. В докладной записке Ученому секретарю Президиума Академии наук СССР от 25.09.1950 г., в частности, отмечалось: «В настоящее время штат Фонограммархива состоит лишь из 3 сотрудников: 1) и. о. Зав. гальванопластической мастерской — ст. н<аучно>-техническ<ого> работник<а> со средним техническим образованием (Н. И. Ключкова. — *Л. П.*), 2) лаборанта со средним образованием (В. А. Виноградовой. — *Л. П.*) и 3) ст. н<аучно>-технического сотрудника, хранителя фонотеки — дипломантки Ленинградской Консерватории (А. Г. Кудышкиной. — *Л. П.*). В настоящем своем составе Фонограммархив не имеет ни одного высококвалифицированного музыковеда-фольклориста и остро нуждается в срочном усилении кадров. Необходимо срочное привлечение в Фонограммархив не менее двух высококвалифицированных специалистов-музыковедов на должности: а) Заведующего Фонограммархив<ом>, желательно со степенью доктора искусствоведческих наук; б) Высококвалифицированного расшифровщика сложных фонограмм, желательно со степенью кандидата искусствоведческих наук».⁵⁰

Поистине, что имеем — тем не дорожим.

С. Д. Магид была разносторонним человеком и ученым. Она безусловно принесла бы еще немалую пользу Фонограммархиву, учитывая к тому же многонациональный состав его фондов. Записи фольклора, сделанные С. Д. Магид в разных регионах России, в том числе и от представителей «малых» народов, в настоящее время вполне доступны и ждут своего исследователя.

Судьбы многих ученых, не исключая и сотрудников Пушкинского Дома, складывались весьма драматично. Многие достойные научные труды так и не вышли в свет при жизни их создателей. И лучшая дань памяти исследователю, лучший способ его «реабилитации» — это введение в научный оборот результатов его творческой деятельности.

* * *

Мы представляем материалы по русскому фольклору, собранные С. Д. Магид и М. Е. Шереметевой во время совместной экспедиции в Калужский и Перемышльский р-ны Московской обл. Положительные результаты этой экспедиции были отмечены в справке «Отдел фольклора Института русской литературы

⁵⁰ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 117.

Академии наук СССР в 1939—1949 гг.»: «Большой и интересный вклад в Рукописное хранилище внесли материалы по фольклорному обследованию Московской области, организованные зимой 1934 <?>—35 г. Московским Облисполкомом и Московским Обкомом ВКП(б) при научном руководстве фольклорной секции Института этнографии».⁵¹

Экспедиция проводилась зимой (январь—февраль) 1935 г. Были обследованы населенные пункты Калужского (с. Ромодановское, д. Большие Сушки, д. Малая Слободка, с. Куровское, с. Воротынское, д. Колышево, д. Обухово) и Перемышльского (с. Корекозово, д. Киреево) районов. В состав экспедиции входили С. Д. Магид (руководитель) и М. Е. Шереметева. Фамилия еще одного участника — С. Рязова, о котором уже упоминалось в статье, в «официальных» документах Фольклорной секции ИАЭ не значилась.

Для решения основной задачи — изучения песенной фольклорной традиции данного региона творческий «дуэт» С. Д. Магид и М. Е. Шереметевой оказался очень плодотворным. С одной стороны, М. Е. Шереметева в 1926 г., будучи сотрудником Калужского областного музея, уже побывала в ряде селений бывшего Калужского уезда с целью изучения свадебного обряда.⁵² Впоследствии по материалам своих записей собирательница подготовила к изданию небольшую книгу с описанием свадебного обряда Гамаюнщины, включая тексты свадебных песен.⁵³ С другой стороны, М. Е. Шереметева производила записи как этнограф. Песни записывались ею, судя по всему, в сольном исполнении и, по всей вероятности, не всегда в момент пения: «...мной сделаны многочисленные записи песен и подробностей свадебного обряда *со слов* (курсив мой. — Л. П.) старух и стариков в разных гамаюнских селениях».⁵⁴ Зафиксировать мелодию без соответствующей аппаратуры, естественно, не представлялось возможным. В своей книге М. Е. Шереметева выражает благодарность «Н. П. Ракову, записавшему с голоса гамаюнских крестьянок 13 мелодий свадебных песен».⁵⁵ Благодаря же участию в экспедиции 1935 г. опытного фольклориста-музыковеда С. Д. Магид, песни, как правило, записывались в хоровом испол-

⁵¹ Там же, с. 12.

⁵² Первый раз — совместно с этнографической секцией при Калужском обществе истории и древностей, второй — во время трехдневной командировки от Калужского областного музея.

⁵³ *Шереметева М. Е.* Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928 (Труды Калужского общества истории и древностей).

⁵⁴ Там же. С. 4

⁵⁵ Там же. С. 5. В издании помещены нотировки этих 13 песен (по 2—3 строфы).

нении (5—15 чел.) и удалось зафиксировать в том числе образцы групповых причитаний.

Кроме с. Ромоданово в 1935 г. (относительно 1926 г.) обследовались другие населенные пункты Калужского края. Производились записи (текстовые и на фонографических цилиндрах) почти исключительно традиционного крестьянского фольклора, но не только свадьбы. Это была протяжная лирика, хороводно-игровые песни с описанием движений, хороводные без движения, свадебные с указанием на их привязанность к определенным моментам обряда, единичные записи романсов, частушки и страдания.

Обращает на себя внимание тот факт, что возраст большинства исполнителей не превышает 35 лет. Среди них много совсем молодых — 17—23 лет. Это безусловно свидетельствует о хорошей еще сохранности в середине 30-х гг. XX в. традиционной культуры пения в данном регионе.

7 марта 1935 г. материалы экспедиции были переданы С. Д. Магид в хранилище Фольклорной секции ИАЭ АН СССР и впоследствии составили коллекцию № 122 Фонограммархива и коллекцию № 49 Рукописного хранилища Сектора фольклора ИЛИ (ИРЛИ) АН СССР. В настоящее время текстовые материалы находятся в РО ИРЛИ РАН (р. V, кол. 49, п. 1—7). 1-я и 2-я папки — беловые копии экспедиционных записей. Среди них — несколько полевых записей на разрозненных блокнотных листах и в «остатках» блокнота, принадлежащих, судя по единичным отметкам на записях и подписи на блокноте, еще одному участнику экспедиции 1935 г. — С. Рязову, сведения о котором, как уже отмечалось ранее, в «официальных» бумагах отсутствуют. Папки 3 и 4 — машинописные копии материалов, содержащихся в первых папках, а также вторые экземпляры машинописи. Папки 5 и 6 — записи частушек и страданий. В папке 7 содержатся немногие фотоматериалы экспедиции, состояние которых не позволяет, к сожалению, опубликовать их в настоящее время. Общие сведения об обследованных населенных пунктах приведены в п. 2, № 83.

Беловая копия конкретного текста не содержит паспортных данных. Эти данные имеются на обложках, в которые вложены рукописные тексты, зафиксированные в одном населенном пункте. Надписи на обложках сделаны, вероятно, хранителем фольклорного хранилища тех лет. При этом фамилия собирателя либо вообще не указана (записи в селах Киреево, Воротынское, Малая Слободка), либо указана одна С. Д. Магид (записи в селах Ромодановском, Большие Сушки, Корекозово — кроме частушек, где обозначены две фамилии: С. Д. Магид и М. Е. Шереметева). Вместе с тем на некоторых (но только на некоторых) листках с перебеленными текстами сверху имеются пометы, сделан-

ные простым карандашом или красными чернилами: «Магид» (п. 1, № 39, л. 1; п. 1, № 48; п. 1, № 50 и др.), «Шереметева» (п. 1, № 41, л. 1), «Рязов» (п. 1, № 36). Однако остается неясным, кем и когда сделаны эти пометы. Поскольку в ряде случаев фамилия «Магид» стоит под вопросом (п. 1, № 52, л. 1), то пометы вряд ли принадлежат одной из собирательниц. Машинописные копии каждого из текстов, напротив, содержат паспортные сведения, в том числе (в большинстве случаев) фамилию конкретного собирателя. Однако достоверность этих сведений вызывает некоторые сомнения. Если следовать этим указаниям, то окажется, что на одном и том же фонографическом цилиндре⁵⁶ записи делались поочередно: то М. Е. Шереметевой, то С. Д. Магид (ФА ФВ 3949.01 и 3949.02 — записи М. Е. Шереметевой, 3949.03 и 3949.04 — записи С. Д. Магид, 3949.05 — вновь М. Е. Шереметевой; ФА ФВ 3951.01 — запись М. Е. Шереметевой, 3951.02 и 3951.03 — С. Д. Магид). Или другой пример: песня «Посиди, Дуня, потерпи горя...». Фрагмент с записью на фонограф в д. Большие Сушки и полный текст из с. Куровское переписаны набело одной рукой. Но на листе с фрагментом надпись карандашом «Магид», а на листе с полным текстом — «Шереметева». Скорее всего, такого рода разделение весьма условно и работа проводилась совместно, что гораздо вероятнее и чисто технически. Посему мы также не будем разделять материалы экспедиции 1935 г. на записи музыковеда С. Д. Магид и записи этнографа М. Е. Шереметевой.

В настоящей статье тексты публикуются по рукописным беловым копиям,⁵⁷ хранящимся в РО ИРЛИ РАН. В примечаниях к каждому номеру, кроме шифра Рукописного отдела, дается ссылка на соответствующую звукозапись (если таковая имеется)⁵⁸ в кол. № 122 ФА ИРЛИ.

Необходимо отметить, что собиратели стремились к фонетически точной передаче распетых текстов, старательно фиксируя «иканье» и «акающий» московский говор.⁵⁹ В беловых рукописях довольно много примеров, когда первоначально четко про-

⁵⁶ Заметим, что в описи фонографических цилиндров (ФВ 3939—3975) указана — что в то время было общепринятым — только фамилия музыковеда (в данном случае — С. Д. Магид).

⁵⁷ Машинописные копии с неисправленными опечатками нами не учитываются.

⁵⁸ Некоторые песни были зафиксированы «на слух», без фонографа. Кроме того, среди рукописных материалов имеются тексты, звукозаписи которых не сохранились, так как соответствующие валики (вероятно, при транспортировке во время войны) оказались разбитыми (ФВ 3948. 01–04 и ФВ 3952. 01–04).

⁵⁹ В уже упоминавшейся книге М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» «аканье» и «иканье» отмечено в том числе и при передаче спонтанной речи.

писанное (в соответствии с правилами орфографии) «о» в слове исправлено на «а»: «Неаткуль взялси млад сизои арел» — первоначально зафиксированное «орел» исправлено на «арел») (кол. 49, п. 1, № 60, стихи 35—36); «Паживи («о» исправлено на «а»), мая сестрица» (кол. 49, п. 2, № 30, стих 74); «Прилетал тот ясен сакол» — «сакол» исправлено из «сокол» (кол. 49, п. 1, № 57, стих 8); «Ясныва сокала залётныва» — «сокала» исправлено из «сокола» (кол. 49, п. 1, № 57, стихи 25 и 26) и т. п.

Тем не менее в беловых рукописях все же встречаются разночтения в написании одного и того же слова, вызванные скорее «машинальной» орфографически правильной записью, нежели вариативностью звучания: кол. 49, п. 1, № 10 — в стихе 38 четко прописано «балота», а в стихе 40 четко прописано «болота»; кол. 49, п. 1, № 57 — «На серебряну причалинку» (стих 11) и «На сиребрину причалинку» (стих 12) или: «Што никто не догадайтца./Дагадалься иё матушка,/ Дагадалься иё матушка,/ Её матушка-сударушка» (стихи 16—19); кол. 49, п. 2, № 45 — «Да вы што же её не поймали?» (стих 19) и «Мы поймать иё не поймали» (стих 20) и т. д.

Учитывая все сказанное, мы позволили себе внести в публикуемые записи некоторую фонетическую правку, всякий раз непременно отмечая таковую путем подчеркивания соответствующей буквы: «и» (при «иканье») заменено на «е», «а» (при «аканье») — на «о». Поскольку целью такого редактирования является удобство восприятия текстов, «аканье» и «иканье» снимаются только в приставке и корне слова — и лишь в единичных случаях — в суффиксах, если «аканье» мешает прояснению значения слова: «На нем кудри ветром выють» (кол. 49, п. 1, № 27, стих 42, 44). То же касается гласных на конце наречий, т. е. вместо «часта» печатается «часто». Возможность двоякого прочтения рукописи («а» в записях зачастую трудно отличить от «о») оговаривается в примечаниях к тексту.

Вместе с тем «аканье» и «иканье» сохраняются в приставке и корне слова, если соответствующий слог — ударный («вичеру») или может быть воспринят как ударный («систрицы-подружки»).

Оглушение согласных на конце слов, зафиксированное (хотя и в единичных случаях) в рукописи, в публикации отмечается лишь подчеркиванием измененной буквы: вместо «вакрук» — «вокруг». Таким же способом указывается на отображение в записях мягкости всегда мягкого «ч»: вместо «Дружечка» печатается «Дружечка».

В круглые скобки (отсутствующие в оригинале) заключены гласные, которые воспринимаются как огласовки согласных либо указывают на особую протяженность звука. К примеру, вместо «А — тышла да пырочь атыехала» (текст № 19) печатается «Оты(ы)шла да п(ы)рочь от(ы)ехала».

Если в экспедиционных записях есть указание на повтор стихов (как правило, в круглых скобках стоит цифра 2 или помечено «2 раза»), то в настоящей публикации стихи повторяются без дополнительных на то указаний. Оговорки делаются лишь при пометах «и т. д.», означающих повтор нескольких строк. Не воспроизводится черта, отделяющая четверостишия в текстах оригиналов.

Отдельные буквы, восстановленные собирателями и заключенные в круглые скобки, даются в квадратных скобках. Пунктуация, почти отсутствующая в рукописях, приведена в соответствии с современными синтаксическими нормами.

Настоящую публикацию мы рассматриваем как предварительную, поскольку песенные тексты не сопровождаются соответствующими расшифровками напевов. Но, учитывая вынужденную фрагментарность записей на фонограф, а также их техническое состояние в настоящее время, считаем, что публикуемые материалы не только позволяют составить представление о работе С. Д. Магид как собирательницы русского песенного фольклора, но и станут существенным подспорьем при возможной будущей работе со звукозаписями экспедиции 1935 г. фольклористов-музыковедов.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ¹

№ 1

Плач невесты за столом на девишнике (сопровождается хоровым пением — см. текст № 2).

Да пропил ты меня,
А родный батюшка,
А за зелёную вино,
За рюмочку серебряную.
⁵ Ой, да когда ж я у тебе,
Ох, родный батюшка,

¹ Материалы экспедиции 1935 г. не содержат этнографического описания свадебного обряда. Но отмечаемая приуроченность песен к тому или иному моменту свадебной игры свидетельствует об идентичности основных обрядовых действий с теми, что были зафиксированы в 1926 г. М. Е. Шереметевой. Публикуемые здесь тексты расположены в соответствии с последовательностью элементов свадебного обряда: девишник; утро свадебного дня; поезжанье (действия, связанные с возвращением невесты из церкви в дом матери и приездом туда «поезжан» — женихова «поезда»); почестные (действия в доме жениха, куда приезжают жених с невестой и «почестные» — «поезд» невесты).

Ах, со слезьми за стол садились,
А слезьми горючими
А обливались.
10 Ах, да спасибо тебе,
Ах, родный батюшка
И родная матуш(и)ка...

№ 2

«Песня эта поется в начале девишника. Во время этой песни невеста за столом воет» (л. 2)² (см. текст № 1).

Ай, што при вичеру,
Чису вичеру,
При последнем чису вичеру,
При последнем чису вичеру,
5 Да при Марьянам девишничкю,
При Марьянам девишничкю,
При Ивановам стоворничке
Прилетал тот ясен сокол.
Вон садил(ы)ся на окошечкю,
10 Он садился на окошечкю,
На серебряну причалинку,
На серебряну причалинку,
Позолочену приборинку,
Позолочену приборинку —
15 Што никто не догадайтца,
Што никто не догадайтца.
Догадались её матушка,
Догадались её матушка,
Её матушка-сударушка,
20 Её матушка-сударушка:
«И дитя моя, детонька,
Ты дитя моя, детонька!
Ты прий-ка ясна сокыла,
Ты прий-ка яснава сокыла,
25 Ясныва сокола залётныва,
Ясныва сокола залётныва,
Доброва молодца приезжева,
Доброва молодца приезжева —
Ивана Матвеевича».

² Пояснения к тексту, взятые в кавычки, цитируются по беловым копиям с указанием в круглых скобках не полного шифра (помещенного в примечаниях), а только соответствующего листа рукописи.

№ 3

Плач невесты (сопровождается хорovým пением — см. текст № 4).

Ох, пикрасуйтєся
Ох, и матушки
И ох, подружаньки
И ох, на моем пир-беседушке
5 При девичей волюшке,
При широкой долюшке.
Родная моя матушка!
Што ж у тебе за пир-беседушка:
Иль ты сына женишь,
10 Или невестку берешь?
Ведь ты свою слугу верною
Со двора отдаешь!
Открасовалась моя русая косушка
Во лендах, во светях....
.....

№ 4

«Поют „на девшиинку“» (групповая причетъ — см. текст № 3).

Ой, во трубушку трубили
Рáно по заре,
И рáно по заре.
Ой, плакала ў нас Марьюшка
5 По русай кóсе,
По русай кóсе:
«Ой ты свет, ты моя косуш(ы)ка,
Русая была,
Русая была.
10 Осуди^а ево, Господи, Ивана мово,
Ой, Васильевича,
Ой, Васильевича!
Он прислал ко мне свашенькю
Немилосливаю,
15 Нежалосливаю.
Ой, стала мою косуш(ы)ку
И рвать, и метать,
И рвать, и метать,
Ой, поутру ранёшунья
20 На две заплетать,
На две заплетать.

^а В ркп. «О суди».

№ 5

Плач невесты (сопровождается хоровым пением — см. текст № 6).

Не расплетай ты, жалкая сватунька,
Мою косу русую,
Не выплетай-ка
Мою ленту алую!

№ 6

«Поется на девшинике» (невеста в это время причитывает — см. текст № 5)

Во трубушку трубю́т
Рано по́ заре,
Рано по́ заре.
Да свет Марья плачет
⁵ По русай ко́се,
По русай ко́се:
«Да свет моя́ ко́сушка
Русая была,
Русая была,
¹⁰ По́ утру ранёшунька
Матушка плела,
Матушка плела.
Приехала сватунька
Немилосливая,
¹⁵ Немилосливая.
Стала мою́ ко́сушку
И рвать-порывать,
И рвать-порывать.
Стала мою́ русою
²⁰ На два заплетать,
На два заплетать».

№ 7

«Песня принадлежит к циклу так называемых „елушных“ песен, которые пелись на девшинике».³

³ Примечание С. Д. Магид с дополнительным указанием: «Песня была пропета в сокращенном виде. Полный текст смотри: М. Е. Шереметева. „Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда“. Калуга, 1928 г. <С. 66—67>». Текст в книге М. Е. Шереметевой предваряет описание: «Накануне свадьбы вечером, в доме невесты, девушки-подруги устанавливают на столе под образами елку, украшенную бумажными цветками и лоскутками разных

На горе-то стоить ёлушка,
 Под гырой стоить светёлушка,
 Под гырой стоить светёлушка,
 За светёлушкой — убрáной стол,
 5 За светёлушкой — убрáной стол.
 За столом сидять девушки,
 За столом сидять девушки,
 Красна[я]^а девушка Настасьюшка,
 Красная девушка Настасьюшка.
 10 Приходил к ей рóдный батюшка,
 Приходил к ей рóдный батюшка.
 Вон и зовёт, зовёт Настасьюшку домой,
 Вон зовёт, зовёт Настасьюшку домой:
 «Ты пойдем, пойдем, Настасьюшка со мной!» —
 15 «Я не йду, не йду, не слушаюсь:
 Темна ночушка немесечная!»
 К ней приходит родня^а матушка,
 Вона зовёт, зовёт Настасьюшку домой,
 Вона зовёт, зовёт Настасьюшку домой:
 20 «Ты пойдём, пойдём, Настасьюшка, со мной!» —
 «Я не йду, не йду, не слушаюсь тебе:
 Темна ночушка немесечная!»
 К ней приходит свет Иванович,
 И вон зовёт, зовёт Настасьюшку домой,
 25 Вон зовёт, зовёт Настасьюшку домой:
 «Ты пойдем, пойдем, Настасьюшка, со мной!» —
 «Я иду, иду, и слушаюсь тебе:
 Темна ночушка все месечная!»

^а В ркп. на конце слова — «я» со знаком, указывающим на неслоговой звук: ѣ.

№ 8

*«Поется на девишнике».*⁴

Немножко, неможко ж веночку висеть,
 На стенке висеть,
 На стенке висеть,

тканей; на деревце зажигали восковые свечи. Невеста садилась под образами на лавке. Лицо ее было закрыто развернутым ситцевым платком. Она начинала плакать, а девушки затягивали <...> песни, во время которых невеста продолжала свой причет» (Там же. С. 66).

⁴ Песню пели подружки невесты, а невеста в это время, согласно описанию свадебного обряда М. Е. Шереметевой, «продолжала плакать на голос» (Свадьба в Гамаюнщине... С. 67). Здесь же опубликован вариант этой песни (с. 67—68).

- А на стенке висеть.
 5 Немножко, немножко в девушках сидеть,
 Красных посидеть,
 Немножко, немножко — один вечерок.
 У трубушку трубить
 Рано по утру,
 10 Рано по утру.
 Плакала Настасьюшка
 По русай косе,
 По русай косе:
 «Уж ты, моя косушка,
 15 Русая была,
 Русья была.
 Уж я тебе, косушка,
 Часто г(ы)ладила,
 Часто г(ы)ладила.
 20 Уж я тебе, косушка,
 Мелко плётывала,
 Мелко плётывала.
 Пришла ко мне свашунька
 Эх, немилосливая,
 25 Эх, и нежалосливая.
 Стала мою косушку
 Р(ы)вать и щипать,
 И рвать, и щипать.
 Стала мою косушку
 30 На две заплетать,
 На две заплетать».

№ 9

«Поют на девиннике».

- «Соколы́, и эй вы, мои со́колы,
 И соколы́, эй вы, мои яс(ы)наи,
 Соколы́, и эй вы, мои яснаи!
 Эй, вы куда жа, сокол', лётали
 5 И вы куда жа, сокол', лётали?» —
 «Уж мы лётали, лётали,
 Уж мы лётали, лётали,
 И с моря на мыря мы лётали,
 10 С моря на мыря мы лётали». —
 «Да вы што жа, сокол', видели,
 Да вы што жа, сокол', видели?» —
 «Уж мы видели, видели,
 Уж мы видели, видели,
 15 Сера вўтицу на мыри,
 Сера вўтицу на мыри». —

«Да вы што же ей не по́ймали,
Да вы што же её не по́ймали?» —
20 «Мы поймать её не по́ймали,
Мы пыймать её не по́ймали —
С крылья пёрышки повыщипали,
С крылья перя повыщипали,
На синяя мóря бросили,
25 На синяя мóря бросили.
И поплыла ж наша вутица,
И поплыла ж наша утица
А вдоль по морю, морю синему».

№ 10

«Поют на девшинике».

«Берёза, берёза,
Белья берёза,
Э люли-люли,
Белья берёза!
5 Што жа ты, берёза,
Рано зашумела,
Эй, люли-люли,
Рано зашумела?» —
«Как жа мне, берёзи,^a
10 Рано не шумети,
Э, люли-люли,
Рано не шумети:
Холодныя воды
Коренья^b подмыли,^b
15 Э, люли-люли,
Коренья^b подмыли;^b
Буйнами ветрами
Сучьи поломали,
Эй, люли-люли,
20 Сучьи поломали;
Красным(и) солнцем
Макушу сушила,
Эй, люли-люли,
Макушу сушила». —
25 «Што жа ты, Марья,
Рано затужила,
Эй, люли-люли,
Рано затужила?» —
«Систрицы-подружки!
30 Как мени не тужити,
Эй, люли-люли,
Как мени не тужити:

Васильевы кони^в
 Стоять заложены,
 35 Эй, люли-люли,
 Стоять заложены;
 Васильевы слуги
 Давно наготови,
 Эй, люли-люли,
 40 Давно наготови;
 Васильева сила
 На двор заступила,
 Эй, люли-люли,
 На двор заступила».

^а В ркп. «берези», однако отсутствие точек над «е», скорее всего, результат скорописи; ср. написание этого слова в стихах 1, 2, 4, 5.

^б Неясно, «а» или «о» в слове.

^в В ркп. «куни», над «у» сверху в скобках «о».

№ 11

«Песню эту поют, сидя на девшинике».

Как и сгаркнула голубушка
 За селом, за селом,
 За селом.
 И как усплакылась свет Марьюшка
 5 За стылом, за стылом,
 За стылом:
 «И да немилослив родный батюшка
 Да мене, да мене,
 Да мене
 10 Отдаёт мне, молодёхуньку,
 От себе, от себе,
 От себе.
 Оставляеть мои светики
 Все себе, все себе,
 15 Все себе.
 (Й)уставай-ка,^а родна матушка,
 Раненько, раненько,
 Раненько.
 И наливай-ка мои светики
 20 Частенько, частенько
 Частенько
 Не утрами, не вечерними
 Зарями, зарями,
 Зарями —
 25 Но^б горячими, родна матушка,

Слезами, слезами,
Слезами!»

^a В ркп. «Юставай-ка».

^b В ркп. «На», однако сверху в скобках надписано «о».

№ 12

*Плач невесты.*⁵

Спаси Христос, рódный батюшка,
За хлеб, за соль!
А тебе, рódная матушка, —
За тёплую кватёрушку!
⁵ И тебе, рódный братец, —
За ласковы словечки!

№ 13

*«Плач невесты, стоящей на телеге, при отъезде из дома матери»
(сопровождается хорovým пением — см. текст № 5).*

Простите мене, все добрые людюшки,
Все тетушки и дядюшки,
Сестрицы-подруженьки!
Не запомните мне мои прежние грубости,
⁵ Мои девичьи глупости!

№ 14

Дружечка во^кру^т коней ходить,
Свашен(и)ка хмелем осы^паить.
«Дружечка, ходи по^ско^рея!
Свашен(и)ка, осы^пь ты по^сме^лея!
⁵ Свашен(и)ка, хмель-то яровая —
Штоб невеста была наша веселáя».

⁵ В книге М. Е. Шереметевой помещен вариант текста с указанием, что на девешнике, уже после отъезда «овощных» (родни жениха с подарками невесте), когда «подруги поедят, невеста благодарит отца с матерью и плачет», «и так всех благодарит в очередь» (*Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине... С. 31*).

№ 15

«„Елушку“ играют, когда утром собирают у матери невесту; поют ее невесте-сиротке».

- «Елушка-сосёнушка!
Все ль тебе сучки-ветачки,
Все ль тебе отростачки?» —
«Однава сучка нетути —
5 Што самой верхушачки,
Што самой верхушачки,
Золотой макушечки,
Золотой макушечки». —
«Все ль тебе, свет Марьюшке,
10 Все ль тебе гости собраны,
Все ль тебе гости собраны,
Все ль тебе за стол посажены?» —
«Однаво гостя нетути,
Самыва любимыва,
15 Самыва любимыва —
Батюшки родимыва,
Батюшки родимыва.
Вы сестрицы-подружаньки,^a
Вы подружаньки!^a
20 Вы сходятя во Божий храм,
Вы сходятя во Божий храм,
И узайдитя во Божий храм,
И ударьтя в большой колокол —
Пробудитя мово батюшку
25 На мою ль беседушку,
На мою ль на горькаю!»

^a В ркп. скорее «о», чем «а» в приставке.

№ 16

«Эту песню поют девушки перед свадьбой сиротки».

- Што ни лучше древушке
Бох листву не дал.
А мне, красной девушке,
Бох счастья не дал.
5 Отдал мене батюшка
Замуж далеко,
А лихая мачеха —
Ишшо дальше.
Приказал мне батюшка
10 Пять лет не бывать,

А лихая мачеха —
Совсем не бывать.
Скинуся кукушечкой,
Полечу я в сад.
15 Как я закукую —
Весь сад оглушу.
Как я зап(ы)лачу —
Весь сад затоплю.

№ 17

«Поётся молодым, когда „Встречают от венца“».

Где ты был,
Где ты был,
Да сизый селезень?
Где ты была,
5 Где ты была,
Сера вутушка?
Бох вас снёс,
Бох вас снёс,
В одно в озеро.
10 Где ты был,
Где ты был,
Николай Михайлович?
Где ты была,
Где ты была,
15 Мария Ивановна?
Бох вас снёс,
Бох вас снёс,
За [о]дин стол, за [о]дно кушонье.

№ 18

«Дружку накрывают рушником, и он начинает резать каравай».

Дружечка коравай крой[ть],
Под(ы)ружия сыр колупаить.
Как у нас на дворе
То дождь, то мятель,
5 То мятелица мятет.
У нашево дружки
Раскрыты макушки,
Подружия сыр колупаить.
Как у нас на дворе
10 <То дождь, то мятель,
То мятелица мятет>^a

У нашева дружки
А накрыты макушки.
Как у нас на дворе
15 <То дождь, то мятель,
То мятелица мятет>.

^a В ркп. вместо части припева, выделенной угловыми скобками, — помета: «и т. д.».

№ 19

«Поется после венчания в церкви — на поезжаньи».

Розлилася-разли(е)леилася
По лугам вода вол(и)ныя,
По лугам(ы) вода вольныя.
Эй, отошла-п(ы)рочь от(ы)ехала,
5 Оты(ы)шла, да п(ы)рочь от(ы)ехала
Эх, любимая дочь от матери.
Ворочал ее батюшка:
«Эх, и воротись моя детын(и)ка,
Воротися, да ж ты моя милая!
10 Ах, и позабыла золотые ключи,
Позабыла ж ты золотые ключи,
Эх, и позабыла ищцо пер(и)стенъ свой...».⁶

⁶ В книге М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине...» при описании такого действия, как «поезжанье», опубликован более полный вариант этой песни: «Молодых выводят из хаты, а девушки в это время поют: „Разлилась, разлеялась...“» (с. 44). В записи 1935 г. в тексте оказалась усеченной концовка, приводимая здесь по варианту издания 1928 г. (знаки препинания проставлены в соответствии с современными нормами правописания):

«...Позабыла золоты ключи,
Сы шалкóвым своим пóисам,
Сы шалкóвым своим пóисам,
Сы кольцом позолоченным,
Сы кольцом позолоченным!» —
«Не обманувай, батюшка,
Не обманувай, рóдимый!
Не забыла золоты ключи,
Сы шалкóвым своим пóисам,
Сы кольцом позолоченным —
А забыла я, батюшка,
Свою волю — нéгату ,
Свою волю — нéгату
И свет девичью красоту!»

№ 20

«Песня поется несколько раз подругами невесты, когда приглашают сватов из дома молодой на почестные. Подруги запирают сватов; они должны откупиться деньгами».

Друженька-перевертушка!
Перевернись,
Как пёрушка!
У окно не вылезешь^a —
⁵ У дверь не выпустим.

^a «Вариант — „не выпрыгнешь“» — примеч. собирателя. Вероятно, некоторые песни пропевались дважды.

№ 21

«Величальная молодым на поезжаньи и на почестных» (л. 3).

У голубя у сизова
Зылотая гылова,
И ой лёли, и ой лёли,
Зылотая гылова.
⁵ У голубки, у голубки
Пызолоченная,
И ой лёли, и ой лёли,
Пызолоченная.
У Ивана, у Ивана
¹⁰ Молодая жена,
И ой лели, <и ой лели,
Молодая жена>^a
Все молоденькая,
Все хорошенькая,
¹⁵ И ой лели, <и ой лели,
Все хорошенькая>.
Собирались, срезжались
Все Ивановы друзья,
И ой лели, <и ой лели,
²⁰ Все Ивановы друзья>
Любовались, милавались
Все Ивановой жене,
И ой лели, <и ой лели,
Все Ивановой жене>:
²⁵ Кабы эта сударушка
Моя была жена,
И ой лели, <и ой лели,
Моя была жена> —

Я бы эту сударушку
 30 Во колясачке возил,
 И ой лели, <и ой лели,
 Во колясачке возил>,
 Во колясачках возил
 На ямских лошадах,
 35 И ой лели, <и ой лели,
 На ямских лошадах>,
 На ямских лошадах,
 Все на вóрных конях,
 И ой лели, <и ой лели,
 40 Все на вóрных конях>,
 Все на вóрных конях,
 На расписанных санях,
 И ой лели, <и ой лели,
 На расписанных санях>.
 45 Наши кони вороныи,
 Извозчики молодыи,
 И ой лели, <и ой лели,
 Извозчики молодыи>.
 Приударья, приударья
 50 По ямским лошадам,
 И ой лели, <и ой лели,
 По ямским лошадам>,
 По ямским лошадам,
 Все по вóраным коням,
 55 И ой лели, <и ой лели,
 Все по вóраным коням>.
 Позабавья, позабавья
 Вы сударушку мою,
 И ой лели, <и ой лели,
 60 Вы сударушку мою>,
 Все сударушку мою
 Все Прасковьюшку,
 И ой лели, <и ой лели,
 Все Прасковьюшку>,
 65 Все Прасковьюшку
 Все Иванавну,⁶
 И ой лели, <и ой лели,
 Все Иванавну!>

^a В ркп. вместо части припева, выделенной угловыми скобками, — помета: «и т.д.» и уточнение. Кроме первых двух четверостиший, в остальных в припеве вместо «лѣли» — «лели», что, возможно, является чисто «технической» погрешностью: просто не проставлены точки над «е». То же относится и к слову «Все» в стихах 13, 14, 38, 41, 54 и т. д.

⁶ В ркп. первоначально «Ивановну», «о» исправлено на «а».

№ 22

«Величальная».

У ворот сосна зеленая,
Зеленая, зеленая, зеленая.
У Сергея жена молодая,
Молодая, молодая, молодая
5 На свадьбу ево собирала,^a
Собирала,^a собирала,^a собирала.^a
Полотенца ему розкатала,^b
Роскатала,^b розкатала,^b розкатала,^b
Золотым гривняном завязала,
10 Завязала, завязала, завязала.
Завязавши, ему приказала,
Приказала, приказала, приказала:
«Тебе будут там величать,
Величать, величать, величать —
15 И мене, младу, вспоминать,
Вспоминать, вспоминать, вспоминать,
Ахимушкой называть,
Называть, называть, называть,
Иванавнай почитать,
20 Почитать, почитать, почитать».

^a В ркп. в приставке скорее «а», чем «о».

^b В ркп. в приставке скорее «о», чем «а».

№ 23

«Свадебная — играют на почестных».

В нас по сеням, по сенюшкам,
По сеням, по решетчатым
Там гуляла-погуливала
Молодая боярыня
5 Все свет Соня Димитриевна.
Она будила-восбуживала
Своево дружка милова
Все Сережу свет Ивановича:
«Ты устань, устань, милый друг,
10 Пробудися, надежда моя!
Оторвался твой ворон конь
От столба от точенава,
От колечка серебрянава,
От литова позолоченава;
15 Перепрыгнул через тын в огород,
Поломал весь зеленый сад».

Сад зеленый а вышонья,
Черна ягода смородина,
А што груша зелена, зелена,
20 Свет вот Соня весела, весела.

№ 24

*«Свадьбишная, поется на второй день в доме жениха, Когда обы-
грывают гуся. (На почестных)» (л. 3).*

Эй, вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему
5 Плывет стадо,
Плывет стадо,
Плывет стадо лебединое,
Плывет стадо лебединое, —
Эй, лебединое,
10 Лебединое,
Лебединое, гусиное,
Лебединое, гусиное.
Плывет стадо,
Плывет стадо,
15 Плывет стадо — што не строхнется,
Плывет стадо — што не строхнется,
Не строхнется,
Не строхнется,
Не строхнется, не ворохнется,
20 Не строхнется, не ворохнется.
Под ним вода,
Под ним вода,
Под ним вода не всколыхнется,
Под ним вода не всколыхнется.
25 Ой, сине моря,
Синя моря,
Синя моря всколыхнулася,
Синя моря всколыхнулася.
Сера утка,
30 Сера утка,
Сера утка встрепехнулыся,
Сера утка встрепехнулыся.
Неоткуль взялси,
Неоткуль взялси,
35 Неоткуль взялси млад сизой орел,
Неоткуль взялси млад сизой орел.
Поймал-задрал,

Поймал-задрал,
 Поймал-задрал лебедушку белаю,
 40 Поймал-задрал лебедушку белаю
 Под самою,
 Под самою,
 Под самою праву крылышку,
 Под самою праву крылышку.
 45 Он кров пустил,
 Он кров пустил,
 Он кров пустил по синю морю,
 Он кров пустил по синю морю.
 А пёрушки,
 50 А пёрушки,
 А пёрушки — по дубравушки,
 А пёрушки — по дубравушки.
 Брала перья,
 Брала перья,
 55 Брала перья красна девушка,
 Брала перья красна девушка
 Свому дружку,
 Свому дружку,
 Свому дружку на подушечку,
 60 Свому дружку на подушечку,
 Сердешнаму,
 Сердешнаму,
 Сердешнаму на пуховаю,
 Сердешнаму на пуховаю.

№ 25

«Поется, когда молодые легли в клетки».

Орехова клетка
 Поставлена редко.
 5 Как во этой клетке
 Идет целованье
 Крепкой обниманье.
 Два два товариши
 Пошли спать в повалишиши
 10 Орехова клетка
 Поставлена редко
 <Как во этой клетке
 Идет целованье
 Крепкой обниманье>^a.
 15 Как ни стыдно
 Чужой девке
 С чужим парнем
 Спать ложиться

Спать ложиться
20 Спать ложиться
Спать ложиться.

^a Вместо стихов, взятых в угловые скобки, — указание на повтор:
«И т. д.»

№ 26

«Поют на свадьбе».⁷

А ты свет моя масляница,
Пропилася да промаслилася.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
5 Я у середу не прядывала,
У четверх не завёртывала.
Ой, долина, долина, долина,^a
Ой, долина, долина, долина.
А у пятницу — так не прядуть,
10 У субботу — родители.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
В воскресенье к обедни пошла,
Пехтерь пирогов понесла,
15 Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина,
Еще курицу жариную,
Требуху перепариную.
Ой, долина, долина, долина,
20 Ой, долина, долина, долина.
Полюбил ее молоденький попок,
Подарил ей кашамировой платок.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
25 «Мне платок носить хочитце,
А попа любить не хочитце.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
Оттаво любить не хочитце:
30 По погосту волочитце,

⁷ Вариант этой песни помещен в книге М. Е. Шереметевой с пояснением, что это — «величание бобылкам (лодырям тоже)»: «проспала субботу («родительскую» субботу — особый день поминовения усопших, по православному календарю. — Л. П.), в воскресенье опомнилась родителей поминать» (Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине... С. 89). «„Иные ревнуют на эту песню“, т. е. обижаются» (Там же. С. 90).

Ой, долина, долина, долина,
 Ой, долина, долина, долина,
 По погосту волочитце,
 Пирогами побирайтце,
 35 Ой, долина, долина, долина,
 Ой, долина, долина, долина.
 Пирогами побирайтце,
 А блинами обжирайтце!»
 Ой, долина, долина, долина,
 40 Ой, долина, долина, долина.

^a Здесь и далее припев зафиксирован не полностью: «Ой, долина и т. д.».

№ 27

Песня величальная холостому парню.

Да кто ж (й)у^a нас холостой, холостой,
 Да кто ж (й)у^a нас холостой, холостой,
 И вой лёли, холостой, холостой,
 И вой лёли, холостой, холостой?
 5 Да кто ж (й)у^a нас нежанат, нежанат,
 Да кто ж (й)у^a нас нежанат, нежанат,
 И вой лёли, нежанат, нежанат,
 И вой лёли, кудреват, кудреват?
 Николай-то холостой, холостой,
 10 Михайлович нежанат, нежанат,
 И вой люли, нежанат, нежанат,
 И вой люли, нежанат, нежанат.
 Вон беленький кудреват, кудреват,
 Вон беленький кудреват, кудреват,
 15 И вой лёли, нежанат, нежанат,
 И вой лёли, нежанат, нежанат.
 На ём шапка с собольем, с собольем,
 Макушеч<ка>^b с угульем, с угульем,
 И вой лёли, с угульем, с угульем,
 20 И вой лёли, с угульем, с угульем.
 Во шапочке платочек, платочек,
 Во шапочке платочек, платочек,
 И вой люли, платочик, платочик,
 И вой люли, платочик, платочик.
 25 Во платочки три узли, три узли,
 Во платочки три узли, три узли,
 И вой люли, три узли, три узли,
 И вой люли, три узли, три узли,
 Первый узел — виселёк, виселёк,

- 30 Первый узел — виселёк, виселёк,
 И вой люли, виселёк, виселёк,
 И вой люли, виселёк, виселёк.
 Втарой вузел — маков свет, маков свет,
 Втарой вузел — маков свет, маков свет,
 35 И вой люли, маков свет, маков свет,
 И вой люли, маков свет, маков свет.
 Третий вузел — любовик, любовик,
 Третий вузел — любовик, любовик,
 И вой лёли, любовик, любовик,
 40 И вой лёли, любовик, любовик.
 Ево девўшки спрашивали, спрашивали,
 Да молодушки пытали,
 И вой лели, пытали, пытали,
 И вой лели, пытали, пытали:
 45 «На што табе маков свет, маков свет,
 На што табе маков свет, маков свет,
 И вой лёли, маков свет, маков свет,
 И вой лёли, маков свет, маков свет?» —
 «Штоб я, молодец, светел был, светел был,
 50 Штоб я, молодец, светел был, светел был,
 И вой лёли, светел был, светел был,
 И вой лёли, светел был, светел был!» —
 «На што ж табе веселёк, веселёк,
 На што ж табе веселёк, веселёк,
 55 И вой лёли, веселёк, веселёк,
 И вой лёли, веселёк, веселёк?» —
 «Штоб я, младец, весел был, весел был,
 Штоб я, младец, весел был, весел был,
 И вой лёли, весел был, весел был,
 60 И вой лёли, весел был, весел был!» —
 «На што ж табе любовик, любовик,
 На што ж табе любовик, любовик,
 И вой лёли, любовик, любовик,
 И вой лёли, любовик, любовик ?» —
 65 «Штоб девушки любили, любили,
 Штоб девушки любили, любили,
 И вой лёли, любили, любили,
 И вой лёли, любили, любили,
 Молодушки хвалили, хвалили,
 70 Молодушки хвалили, хвалили,
 И вой лёли, хвалили, хвалили,
 И вой лёли, хвалили, хвалили,
 Гулять с собой водили, водили,
 Гулять с собой водили, водили,
 75 И вой лёли, водили, водили,
 И вой лёли, водили, водили,
 Винцом-пивцом поили, поили,
 Винцом-пивцом поили, поили,

И вой лёли, поили, поили,
80 И вой лёли, поили, поили!»

^a В ркп. «ю».

^b В ркп. «Макушечь» и далее оставлено место — вероятно, чтобы впоследствии восстановить усеченную при пении концовку слова.

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ

Хороводная

№ 28

Э, на вулице дождь и дождь
Сильной проливаеть,
Вой лёшунки да лёли,
Сильной праливаеть.
5 Э, брат свою сестрицу
По дождич(и)ку водить,
Вой лёшунки да лёли,
По дождич(и)ку водить.
Э, по дождичкю водить,
10 По голов(ы)ке гладить,
Вой лёшунки да лёли,
По голов(ы)ке гладить:
«Эй, ты расти, расти, сестрица,
Ты расти, моя родная,
15 Эй, вой лёшунки да лёли,
Ты расти мая родная!
Эй, вырасти ж большая —
Отдам я тебя замуж,
Эй, вой лёшунки да лёли,
20 Отдам я тебя замуж,
Э, а брат свою сестрицу,
Не близко ж и не далёко,
Э, вой лёшунки да лёли,
Не близко ж и не далёко.
25 Э, не близко не далеко —
Семь верст за Москвою,^a
Вой лёшунки да лёли,
Семь верст за Москвою,^a
Эй, семь верст за Москвою,^a
30 За крутою за горою,^a
Вой лёшунки да лёли,
За крутою за горою».
Эй брат с торгу поехал —
К сестре своей заехал,
35 Вой лёшунки да лёли,

К сестре своей заехал.
 Э, сестра брата увидала,
 На дороге догоняла,^а
 И вой лёшунки да лёли,
 40 На дороге догоняла.^а
 «Эй, здорова^а ль моя сестрица,
 Здорова ль моя родная,
 И вой лёшунки да лёли,
 Здорова ль моя родная?» —
 45 «Эй, родимая мой братец!
 Не совсем и я здорова,
 И вой лёшунки да лёли,
 Не совсем и я здорова.
 А не совсем и я здорова:
 50 Есть ў мене четыре горя,
 И вой лёшунки да лёли,
 Есть ў мене четыре горя.
 А первая ў мене горя —
 А свекор батюшка бурливый,
 55 И вой лёшунки да лёли,
 И свекор батюшка бурливый.
 И а еще у мене горя —
 Свекры моя кропотлива,^а
 И ой лёшунки да лёли,
 60 И свекры моя кропотлива.^а
 А третье у мене горя —
 Деверёчик мой насмежник,^б
 И ой лёшунки да лёли,
 Деверёчик мой насмежник.^б
 65 А у еще у мене горя —
 Золовка ў мене смутьянка,
 И вой лёшунки да лёли,
 Золовка ў мене смутьянка.
 И а еще ж у мене горя —
 70 Муж мене, младу, не любит,
 И вой лёшунки да лёли,
 Муж мене, младу, не любит». —
 «Э, поживи, моя сестрица,
 Поживи, моя родная,
 75 И вой лёшунки да лёли,
 Поживи, моя родная:
 Э, свекар журливай
 В сыру землю пойдить,
 И вой лёшунки да лёли,
 80 В сыру землю пойдить;
 Э, свекровья твоя кропочеть —
 Добра ж и себе хочеть,
 И вой лёшунки да лёли,
 Добра ж и себе хочеть;

85 И деверёчик твой насмешник
Сам жениться будет,
И вой лёшунки да лёли,
Сам жениться будет
Э, золовка твоя смутьянка
90 Сама в люди пойдить,
И вой лёшунки да лёли,
И сама в люди пойдить;
И муж тебе, младу, не любить —
Другую не вóзметь,
95 И вой лёшунки да лёли,
Другую не вóзметь».

^a В ркп. скорее «а», чем «о».

^b Искаженное от «насмешник».

Лирические № 29

«Поют за прялкой».

«Посиди, Дуня, потерпи ж и горя!» —
«Родный ба... батюшка, насиделася,
Насиделася да натерпелася,
Печаль-горюшка натерпелася!»
5 Из-под камушка, камня белова
Течёт речушка, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая.
Как на той на речке девка мылася,
Девка мылася и белилася.
10 Молодой казак вел коня проить,
А журливый муж вел жену топить.
«Не топи меня днем — топи вечером:
Мои детушки все улягутся,
А соседушки успокоются!»
15 А старшая дочь не спала всю ночь.
А навутро дочь отца спрашивала:
«Родный батюшка, и где жа наша родна матушка?» —
«В новой горенке Богу молится». —
«Родный батюшка, ей там нетути!» —
20 «А на што вам родна матушка?
Привяду я вам мать новую,
Как построю вам горницу новую,
Как и сделаем печку кахельну». —
«Да сгорит твоя изба новая,
25 Провались твоя печка кахельна!»

№ 30

«Посиди, Дуня, потерпи горя!» —
«Родный батюшка, насиделася,
Печаль-горюшка натерпелася,
Да рódный батюшка, натерпелася!»
5 Из-под камушка, камня белава
Там тьякёт речка, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая...⁸

№ 31

Ванька-ключник.

Эх, в саду ягыдка малина
По закрытию росла.
Эх, в саду ягыдка малина
По закрытию росла.
5 Эх, свет княгиня мыладая
С князем в тереме жила.
Эх, свет княгиня мыладая
С князем в тереме жила.
Как поехал князь на [о]хоту,^a
10 А княгиня — при дворце.
Как поехал князь на [о]хоту,^a
А княгиня — при дворце.
А княгиня к Ване льнула,
Как сорочкя на плече.
15 А княгиня к Ване льнула,
Как сорочкя на плече.
Эх, и селавала-милавала,
На постелю спать клала,
Эх, и селавала-милавала,
20 На постелю спать клала:
«Эх, ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать,
Эх, ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать!»
25 Эх, и нянька с Ванькяй разругалась —
Эх, и нянька князю донесла.
Эх, и нянька с Ванькяй разругалась —
Эх, и нянька князю донесла.
Эх, и князь дызнался-дыгадался
30 Ды Ванюшкинай беде,
Эх, и князь дызнался-дыгадался
Ды Ванюшкинай беде:
«Эх, и слуги, мои слуги,

⁸ «Дальше слова забыла», — примеч. С. Д. Магид.

Уж слуги верныи мои,
 35 Эх, и слуги, мои слуги,
 Уж слуги верныи мои!
 Вы подитя, приведитя
 Ванькю клюшничкя ко мне,
 Вы подитя, приведитя
 40 Ванькю клюшничкя ко мне!»
 Вот ведуть, ведуть Ванюшу —
 На нем кудри ветром вьють.
 Вот ведуть, ведуть Ванюшу —
 На нем кудри ветром вьють.
 45 Как поставили и Ванюшу
 Против князева лица,
 Как поставили и Ванюшу
 Против князева лица:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша,
 50 Сколько лет с княгиней жил,
 Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Сколько лет с княгиней жил?»
 Ищо знаить Ванькя клюшник
 Да перину пухаву.
 55 Ищо знаить Ванькя клюшник
 Да перину пухаву.
 Ищо знаить Ванькя клюшник
 Да княгиню мыладу.
 Ищо знаить Ванькя клюшник
 60 Да княгиню мыладу.

^a В ркп. в начале слова — «а» со знаком, указывающим на неслоговой звук: ъ.

ПЕСНИ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОГО ЦИКЛА № 32

«Песня эта была связана в прежнее время с обрядом: крестины и похороны кукушки, пелась после кумления (на Вознесенье)».

Эй, горемычная, эй, куку...
 Ох, да куку... кукушечка
 День и ночь она куку...
 Да куку... и да кукуить.
 5 Эх, день и ночь она все куку...
 Эй, все куку... кукуить.
 Сабе парычку она не найде...
 Ой, сабе не найдеть,
 Эх, сабе парычку-то не най...
 10 Эй, да не най...ох(ы) не найдеть.

Хоть и найдеть —
 Да не надб...эй, да не надолг_о.
 Ох, найдеть —
 Да не надол...да не надол(ы)г_о
 15 Ах, либ_о на день,
 Ах, либ_о на два дня,
 Ах, да либ_о на день,
 Либ_о на день, либ_о на два дня,
 Ах, да немног_о —
 20 Ай, на неделю, ай, на неделюшку,
 Ай, да немног_о —
 На неде...ой, на неделюшку.
 Ай, да разнесчастна,
 Разнесчастная красна девушка,
 25 Ай, разнесчастна
 Красная де...красная девушка
 И зы ворота она выходи...
 Она выходи...ох, выходила
 Ай, зы ворота
 30 Она выходи...она выходила⁹
 Отца с матерью она брани...
 Она брани...она бранила,
 Эй, отца с матерью она брани...
 Она брани...ох, бранила:
 35 «Ды на што ж мене, мать, спыродила,
 Эх, спыроди...эх, спыродила?»

№ 33

«Эту песню поют в начале масляной недели на улице, когда начинается катанье с горы, когда толпа девиц стоит „кучкой“ на горе.»

Ой да Масляна на двор въезжайть,
 На двор въезжайть.
 Её^а девицы на горе встречаютъ,
 Её^а краснаи на горе стречаютъ,
 5 Её^а девушки побывать оставляютъ,
 Её^а краснаи побывать оставляютъ:
 «Ой жи, Масляница, погостюй неделью,
 Ой ды, широкая, погостюй другую!» —
 «А вы, девушки, рада [б] побывала,
 10 А вы, краснаи, рада погыстевала!» —

⁹ «При вторичном исполнении здесь был добавлен следующий абзац:

Слезы горьки она рани...
 Ой, да рани...
 Ой, да ранила», — примеч. собирателя.

«Ой да, масляна, ково ты боишься ?
 Ой да, широкая, ково ты боишься?» —
 «Ой да вы, девуш(а)ки, Поста я боюся,
 Ай да вы, краснаи, Большова боюся!» —
 15 Ой да и, Масляна, Пост еще далёко,
 Ой да, широкая, Пост еще далёко!» —
 «Ой да и, девушки, где ж он далёко —
 В лесе на ёлке,^a на крутой на горке!»

^a В бел. ркп. вместо «ё» — «е».

ПЕСНИ ЛИРИЧЕСКИЕ

№ 34

Широко распространенная лирическая протяжная, могла входить в цикл свадебных.

Заходили ту... тучи темная,
 А другая не... непогожая,
 А другая не... непогожая
 Со дожами, со... со метелими,
 5 Со лётнами со... со морозами
 Со лётнами со... со морозами.
 Собиралась дочь, дочь от матери,
 Собиралась дочь, дочь от матери.
 Собиралася до-й... до-й поехыла,
 10 Собиралася до-й... до-й поехыла,
 Поехыла — не... не простились,
 Поехыла — не... не простились.
 Лошидён(ы)ка при... приуморилыся,
 Лошидён(ы)ка при... приуморилыся,
 15 Серёд лесу ста... становилыся,
 Серёд лесу с(ы)та... становилыся,
 Серёд лесу, се... серёд тем(ы)ныва,
 Серёд лесу, се... серёд тем(ы)ныва,
 Среди садоў, садоў зелёныва,
 20 Среди садоў, садоў зелёныва.
 Сольвьями ду... ой, думу думыла,
 Сольвьями ду... ой, думу думыла:
 «Соловей моя ты соловьюшка!
 Не с онной ли мы со сторонышки,
 25 Ня от одной ли родной матушки,
 Ня от одной ли родной матушки?
 Поклониси-ка мо... моей матушки,
 Поклониси-ка-си ро... родному батюшки!»

№ 35

Свели, свели ж в поле светочки,
Свели — да й спомеркли.
Любил парень красную девчонку,
Любил — да спокинул,
5 Любил — да спокинул...
И за што, за што девку спокидаишь?
Сама про то знаишь,
Сама про то знаишь...
В чистам поли, в широкам раздольи
10 Стоял куст калины,
Стоял куст калины...
Срублю-сломлю черёму-калину
Под самай корешочик,
Под самай корешочик...
15 И засажу я черёму-калину
В зеленой садочик,
В зеленой садочик...
«И расти, расти, черёма-калина,
Расти, принимайся,
20 Расти, принимайся...
Живи, живи, моя сударушка,
Ни об чом не печалься,
Ни об чом не печалься ж...
Ежель будеть печаль горя —
25 Пиши чаще письма,
Пиши чаще письма...» —
«Сама, девка, писать не умею,
Писарям не верю,
Писарям не верю ж...
30 Напишу письма со слезами,
Сошлю со дружьми,
Сошлю со дружьями...
А с какими ж я со дружьями —
С буйнами ветрами,
35 [С буйнами ветрами]...
Запрегу я коней пару,
Сама к нему прибываю».

№ 36

«Устяжная, поют, когда идут с работы, со жнивки, или после подборки дров».

Ах, да не по морю
Утеньшек плывётъ.
Эй, да не ко мне ли

С горя матушка идётъ,
5 Ах, да не ко мне ли
С горя ж рóдная идётъ,
Ах, не ко мне ли
С горя ж рóдная идётъ?
Эй, да ты поди-ка,
10 Эх, поди, рóдная, ко мне,
Эх, да поди,
Поди, рóдная, ко мне!
Эй, да посмотри-ка
На несчасную ж мене,
15 Эй, посмотри-ка
Э, на несчасную ж мене:
Эй, да как я боюсь —
Во чужих людях живу,
Эй, да как я боюсь —
20 Во чужих людях живу.
Эх, да не по плису,
Эй, да не по бархоту хожу,
Эх, да не по плису,
Эй, да не по бархоту хожу —
25 Эх, да через горя
Гарячй слезы раню
Эх, да через гóря
Эй, горячи слезы роню.
Эй, да как за нашим
30 За широким за двором,
Эй, да как за нашим
За широким за двором
Эй, да разливалась
Весной поляя ж вода,
35 Эй, да разливалась
Эй, весной поляя ж вода,
Эй, да затопляла
Все болота, все луга,
Эй, да заливала
40 Эй, все болота, все луга.
Эй, да оставался
Один маленький лужок,
Эй, да оставался, эх, один
Маленький лужок.
45 Эй, да собирались
Все девчата во кружок.

ПЕСНЯ ХОРОВОДНО-ИГРОВАЯ

№ 37

Там и шли-прошли
Все два молодца
В саду мята,
Рожь не жата,
5 Некошоная трава.
Один молодец
Нынче женитце.
В саду мята,^a
Рожь не жата,
10 Некошоная трава.
Другой молодец
Завтра женитце.
В саду мята,
Рожь не жата,
15 Некошоная трава.
Берет девицу,
Девицу-раскрасавицу.
В саду мята,
Рожь не жата,
20 Некошоная трава.
Эти девицы
Вместе сходятце.
В саду мята,
Рожь не жата,
25 Некошоная трава.
Вместе сходятце,
Домой просютце.
В саду мята,
Рожь не жата,
30 Некошоная трава.
«Отпустите нас
На единый час!»
В саду мята,
Рожь не жата,
35 Некошоная трава.
«Мы ня отпустим вас:
Расцелуйтя нас!
В саду мята,
Рожь не жата,
40 Некошоная трава.
Расцелуйтя нас
По семнадцать раз!»

^a Здесь и далее припев полностью не зафиксирован, дано лишь указание на его повтор: «В саду и т. д.».

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 56 — бел. ркп. (ФА ФВ 3954.01).

Зап. 26 января 1935 г. в с. Корекозово Перемышльского р-на Московской обл. Исп.: Фролов Саша, 22 года; Фролова Таня, 23 лет; Вдовина Маня, 20 лет; Конова Дуня, 35 лет.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 57, л. 1—2 (ФА ФВ 3954.02).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 88 (ФА ФВ 3960.04).

Зап. зимой 1935 г. в д. Киреево Перемышльского р-на Московской обл. (колхоз «Новая деревня»). Исп.: Фомина Мария Ивановна, 37 лет (запевала); Кунакова Надежда Максимовна, 40 лет; Кунакова Мария Ивановна, 40 лет; Максимова Настасья Николаевна, 40 лет; Янкина Елена Ивановна, 50 лет; Андреева Мария Николаевна, 40 лет; Кунакова Федосья Ивановна, 35 лет; Фомина Наталья Терентьевна, 35 лет; Новикова Анна Уколовна, 42 лет.

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 87 (ФА ФВ 3960.03).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 3.

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 16 (ФА ФВ 3965.01).

Зап. 31 января в д. Малая Слободка Калужского р-на Московской обл. (колхоз «За коллективизацию» им. 1 августа). Исп.: Головкина Татьяна, 49 лет.

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 17 (ФА ФВ 3965.02).

Зап. 31 января в д. Малая Слободка Калужского р-на Московской обл. (колхоз «За коллективизацию» им. 1 августа). Исп.: хор из 13 чел., запевала Головкина Татьяна, 49 лет.

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 38, л. 1—2.

Зап. 23 января 1935 г. в д. Большие Сушки Калужского р-на Московской обл. (колхоз «Герои Челюскинцы»). Исп.: Пахмичева Ириша, 19 лет; Пахмичева Мавра, 26 лет; Заикина Аксинья, 19 лет; Сосова Настя, 23 лет; Усачева Маруся, 17 лет.

№ 8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 37 (ФА ФВ 3949.01).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.

№ 9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 45 (ФА ФВ 3970.04).

Зап. 1 февраля 1935 г. в с. Куровское Калужского р-на Московской обл. (колхоз «1 августа»). Исп.: Миронова Катя, 34 лет; Матвеева Настя, 28 лет; Бодрова Дуся, 24 лет; Горбачева Поля, 40 лет; Степина Паня, 40 лет; Головешкина Нюша, 28 лет; Саламатина Настя, 26 лет.

№ 10. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 47 (ФА ФВ 3970.04).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 9.

№ 11. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 5, л. 1—2 (ФА ФВ 3963.01).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.

№ 12. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 19 (ФА ФВ 3965.03).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 5.

- № 13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 18. (ФА ФВ 3965.04).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 5.
- № 14. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 18 (ФА ФВ 3965.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 15. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 9, л. 1—2 (ФА ФВ 3963.02).
Сведения о времени и месте записи см. примеч. к № 6.
- № 16. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 71 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 17. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 22 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 18. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 12 (ФА ФВ 3964.03).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 19. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 21 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 20. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 58 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 21. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 59, л. 1—3 (ФА ФВ 3954.04).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 22. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 40 (ФА ФВ 3949.04).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 23. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 6 (ФА ФВ 3941.03).
Зап. 20 января 1935 г. в с. Ромодановское Калужского р-на Московской обл. (колхоз «Красный Двор»). «Записано с голоса певицы крестьянки Архиповой Авдотьи Тимофеевны, 30 л<ет>».
- № 24. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 60, л. 1—3 (ФА ФВ 3954.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 25. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 15 (ФА ФВ 3964.06).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 26. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 41, л. 1—2 (ФА ФВ 3949.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 27. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 14, л. 1—3 (ФА ФВ 3964.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 28. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 30 (ФА ФВ 3967.03).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 9.

- № 29. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 29 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 30. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 28 (ФА ФВ 3947.02).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 31. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 27 (ФА ФВ 3947.01).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 32. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 53, л. 1—2 (ФА ФВ 3953.02).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 33. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 83 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 3.
- № 34. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 31, л. 1—2 (ФА ФВ 3945.01).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 35. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 24, л. 1—2 (ФА ФВ 3946.02).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 36. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 10 (ФА ФВ 3942.04).
Зап. 21 января 1935 г. в с. Ромодановское Калужского р-на Московской обл. (колхоз «Красный Двор»). Исп.: Балашева Катя, 23 лет; Архипова Дуня, 30 лет; Капралова Таня, 20 <лет>.
- № 37. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 19 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.

ЗАПИСИ В. А. КРАВЧИНСКОЙ В ЛУЖСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

(ЭКСПЕДИЦИЯ ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОР ПУШКИНСКОГО ДОМА 1947 г.)

Публикация М. В. Рейли

Биографические сведения о В. А. Кравчинской, к сожалению, крайне скудны, хотя и они позволяют нам получить представление о жизни рядового ученого советской эпохи. Весь доступный биографический материал оказался сосредоточен в юбилейном издании «Пушкинский Дом : Материалы к истории. 1905—2005».¹ Итак, читаем:

«Кравчинская Вера Александровна родилась 22 марта 1885 г. в с. Шапки Петербургской губ.(?).

В 1898 г. она окончила Коломенскую гимназию в Петербурге, а в 1901 г. — там же словесное отделение Педагогических курсов женских гимназий. С 1918 г. работала в УОНО, в редакциях газет „Красная кооперация“, „Ленинградская правда“, „Красная правда“ и др.

В 1938 г. Вера Александровна проходила вольнослушателем по кафедре фольклора ЛГУ, а 1 декабря 1938 г. была принята на работу в ИРЛИ на должность младшего научного сотрудника Отдела фольклора. В годы Великой Отечественной войны с июня 1941 по 4 июля 1942 г. вела оборонную работу в МПВО Института и на территории домохозяйства. Позже была отмечена медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“».²

¹ Пушкинский Дом : Материалы к истории : 1905—2005. СПб., 2005. 600 с.

² Там же. С. 462.

В то же время продолжалась работа ученого. Так, вскоре после начала военных действий как ответ на немецкую оккупацию появилась брошюра А. М. Астаховой и В. А. Кравчинской «Защита Отечества в народном творчестве» (Л., 1941).³ Позже В. А. Кравчинская была эвакуирована в Ульяновскую область, где работала учителем. После возвращения из эвакуации, с 15 сентября 1945 г. она — научно-технический сотрудник Отдела фольклора, где и проработала до 31 декабря 1954 г.

Это было непростое время. Миллионы советских людей во время войны побывали в германском плену или проживали на оккупированных территориях, что, по мнению И. В. Сталина, могло повлиять на их благонадежность. В связи с этим была развернута кампания по преодолению «тлетворного влияния» буржуазного Запада.

В 1946—1948 гг. появились постановления партии, в которых пристальное внимание уделялось идеологической составляющей в сфере науки.

Ученых обвиняли в приверженности западным идеям, антипатриотизме и «буржуазном космополитизме». Из патриотических соображений(?) в Ленинградском университете была ликвидирована кафедра фольклора.

В это же время появляется составленный сотрудниками ИРЛИ юбилейный сборник «Образ И. В. Сталина в поэзии народов СССР» (Л., 1949 — авторы В. А. Кравчинская, М. Я. Парижская (Мельц), Г. Г. Шаповалова, П. Г. Ширяева), что было созвучно общей ситуации борьбы фольклористики, как науки, за выживание.⁴

Вера Александровна принимала участие и в других коллективных трудах: ТОДРЛ. Т. 6 (М.; Л., 1948); «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи» (М.; Л., 1948); «Русское народное поэтическое творчество советской эпохи» (М.; Л., 1952); «Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века» (М.; Л., 1955) и др. В сферу ее научных интересов входили повествовательные жанры русского фольклора (сказы, сказки, былички), песни и частушки Отечественной войны и др.

Основными трудами В. А. Кравчинской можно назвать следующие: *Астахова А. М., Кравчинская В. А.* Защита Отечества в народных песнях. М.; Л., 1941; *Русские народные песни, записанные в Ленинградской области: 1931—1949 гг.* / Сост. В. А. Кравчинская, П. Г. Ширяева. Л.; М., 1950.⁵

³ См.: Горелов А. А., Марченко Ю. И. Отдел народнопоэтического творчества // Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории: 1905—2005. С. 462.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся экспедиционные коллекции В. А. Кравчинской: № 88, п. 1; № 96, п. 1, 2; № 105, п. 1, 2, 9, 9д; № 118, п. 1—5; № 139, п. 1; № 166, п. 1, 2; № 198, п. 1 и др.

В мае—июне 1947 г. состоялась экспедиция сотрудников ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом) под руководством В. А. Кравчинской в Лужский район Ленинградской области. Одна из первых послевоенных экспедиций на которой сказались все сложности и противоречия этого времени. Подъем патриотического духа, вызванный недавно одержанной победой над фашистской Германией, неразрывно связанный с горечью потерь близких и родных, с одной стороны, политические установки руководства страны и специфическая направленность идеологической работы партии и правительства, с другой — вызвали существенные изменения как в бытовой картине русской деревни, так и в ее фольклорном репертуаре. В свою очередь в работе собирателей также заметна определенная тенденциозность в отборе материала. В основном их внимание сконцентрировано на военно-патриотической тематике: военно-патриотические песни и частушки времен Великой Отечественной войны, фронтовые рассказы и т. п.

В целом можно отметить огромное количество песенного фольклора, видимо, наиболее доступного в силу своей изобильности и относительной идеологической нейтральности. Здесь и песни гражданской войны и Великой Отечественной и лирические песни, и плясовые, и хороводные. При этом количество обрядовых — свадебных и календарных — песен сравнительно невелико. Зато многочисленны песни о вождях: В. И. Ленине и И. В. Сталине. Почти отсутствуют свадебные и похоронные причеты. Очень немногочисленны сказки. В основном это бытовые сказки, сказки-анекдоты и детские сказки о животных. Волшебных сказок почти не встречается. Детский фольклор также представлен весьма скромно. Однако попадаются и довольно архаические по форме и содержанию мифологические рассказы.

В экспедиции в Лужский район Ленинградской области В. А. Кравчинская сосредоточила свое внимание на фольклорной прозе. Вот что пишет она сама в листке, предвещающем экспедиционные материалы.

«Записи в Лужском районе производились тремя собирателями: А. Н. Лозановой, Ф. П. Васильевым и В. А. Кравчинской.

А. Н. Лозанова записала в 1945 [г.]¹ сказы о Велик[ой] Отеч[ественной] войне и одну сказку о Ерше Ершовиче.

¹ В квадратных скобках раскрыты сокращения автора дневника.

Ф. П. Васильев совершил в 1946 г. рекогносцировочную экспедицию, обойдя пешком в течение [двух] недель свыше [пятидесяти] населенных пунктов в юго-западной части Лужского р[айона] и выявил [девять] сказителей, от которых записал [тридцать девять] сказок и [одно] местное предание.

В. А. Кравчинская обследовала в 1946 г. Заклинский сельсовет и записала в колхозах „Заклинье“ и „Нелайский труженик“ в течение [двух] недель [девятисто три] сказки; из них [двадцать две] легендарные, носящие местное название „былиц“, и [девять] сказов о Великой Отечественной войне. В колхозе „Заклинье“ был выявлен 76-летний сказитель Ларион Леонтьевич Леонтьев. Репер[туар] — [восемнадцать] волшебных сказ[ок], [тридцать девять] преда[ний] о леших, водяных, русалках, домовых, колдунах, знахарях, кладах, [пять] сказов о креп[остном] праве, [девять] сказов о Великой Отечественной войне».²

Приводим текст дневника В. А. Кравчинской, который представляет несомненный интерес как с точки зрения собирателя фольклора, так и с позиции непосредственного отражения и оценки исторической и бытовой обстановки послевоенного времени в деревнях Ленинградской области.

ДНЕВНИК СОБИРАТЕЛЯ (РО ИРЛИ, КОЛ. 118, П. 5, № 1)

[Обложка (оборот)]: На ломоносовском чтении:

«О лете я пишу, но им не наслаждаюсь».

Ломоносов

(Из послания к Шувалову).

Ломоносов:

«Не так свирепствует преславный крокодил,
Которого питал в себе

великий Нил,

Не так несытой волк

на паству нападает,

Как правду ненависть рожденная терзает.

Ломоносов

(Из доклада Модзалевского

об открытой природе... (далее нрзб. — М. Р.)

² На полях рукописи запись: «В репертуаре сказителей Лужского района преобладают легендарные сказки, носящие местное название былиц». Как следует из дальнейших записей, под «былицами» подразумеваются и бытовые рассказы, и предания, и былички.

[Титул]

Кравчинская В. А.
1 мая 1947 г.
Луга
Дневник собирателя.

[Титул оборот]:

Евдокия Трофимовна Леонтьева: «Мы живем по Сталинской конституции».

Марк А. А.: Без мольцонеров с им не обойдешься.
Все в полевице:

Сапожник: Алексей Васильевич Тимофеев.

Плотники — бригадир Алексей Цветков.

Александр Михайлович Логинов — ночной сторож.³

Дневник собирателя.

1/V. В невероятной тесноте и давке выехала из Л[енингра]да в Лугу. В вагоне сидели друг на друге, стояли в проходах, старались примоститься на узлах и корзинах. Весь этот хаос продолжался до Толмачева, когда половина пассажиров схлынула. Луга встретила меня пронизывающим северным ветром и морозящим дождем. Остановилась у Е. С. Галеевой. Записала от нее сказку про царевну-лягушку. Вечером дочитывала взятую с собой превосходную книгу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

2/V. Холод и дождь продолжаютя. Записала от Е. С. Галеевой сказку «Аленький цветочек». Разыскивала указанную соседями слепую сказительницу Ел[ену] Анат[ольевну] Рель, нашла ее дом, но двери на замке, хозяйка, по словам соседей, ушла по миру.

3/V. Встретилась с секретарем РКВКП (б) товарищем Ополченным и получила направление для реализации 2-го гос[ударственного] займа россий[ского] нар[одного] хоз[яйства] в колхоз «Нелайский труженик» Лужского сельсовета, куда и отправилась пешком вместе с председателем этого колхоза Н. Г. Никитиным, случайно встреченным мной в райкоме. Удача! Он вел меня напрямиком через лес и «омшары», причем я ежеминутно восхищалась своими сапогами-самоходами: без них я пропала бы, а в них шагала, не обращая внимания на воду, доходившую местами выше щиколотки.

В поле звенели жаворонки, в лесу заливались яблоки, не обращая внимания на холод. Незаметно мы дошли до колхоза

³ Надписи карандашом на обложке дневника.

Заклинье, где я осталась ночевать. Теперь-то мне кажется, что это незаметно, но тяжесть портфеля и сумки с хлебом, перевешенных через плечо, дали себя знать. Никитин не догадался облегчить меня, хотя шел с пустыми руками.

В Заклинье находится Лужский сельсовет, где завтра будет собрание актива, посв[ященное] займу. В сельсовете пусто и только из комнаты сторожа несутся непрерывные старческие стоны. Это стонет жена сторожа, 88-летняя старушка, захворавшая [четыре] дня тому назад. Жена председателя колхоза Зина Павлова отвела меня к старику-сказителю Ларивону Леонтьевичу, о котором мне говорила Галя Шаповалова. Его изба на самом краю деревни. На двери висел огромный замок, какие вешают на лабах, а сам хозяин собирал во дворе дрова, чтобы топить «байню». Встретил меня очень приветливо и на ходу рассказал, что может заговорить любого до того, что он заснет под его сказки.

— Когда я был взводным в германскую войну, так побился об заклад с ундером Охлопаевым, что буду ему рассказывать одну сказку трое суток и не устану. А он не выдержит — заснет. Переставал я говорить только когда обедали. На третьи сутки он заснул, а я выиграл [сорок пять] булок по рублю и угостил весь свой взвод.

Деду Ларивону 76 лет. Это высокий, чуть сутуловатый старик с мохнатыми черными бровями, сильной проседью, суровый на вид, но при ближайшем знакомстве очень располагающий к себе. Много, охотно и как-то по-детски смеется, рассказывая о самых, казалось бы, трагических фактах своей биографии. Философ! Все для него ничто в сравнении с вечностью. На обоих глазах у него катаракт, собирается ложиться на операцию. Почти не видит («дальше чем на полтора метра одна чернота»), попал ногой в корыто с выстиранным бельем — смеется: «Попадет от старухи».

— Где же старуха? — На работе! Ей 65 лет, но она работает в колхозе «с темна и до темна». — Ушел дед в байню, приговаривая:

— Больно хорошая сказка про птицу Гаук, надо только вспомнить. Да, мало ли я их пересказал на своем веку. Не люблю только, чтобы засыпали под мои сказки. Чуть кто начнет «колыбаться», я уже вижу и сейчас потрясу⁴ за шиворот.

Уверяю его, что колыбаться не собираюсь. Осталась одна в большой избе — пятистенке. Тикают ходики. На полу яровизируется картофель. Перед окнами куры усердно роются на вспаханном под картошку огороде. Поют петухи к дождю. Как хочется, чтобы дед Ларивон оказался хорошим сказочником, чтобы завтра удачно сделать доклад на заседании актива в сельсовете

⁴ Слово «*потрясу*» вставлено сверху чернилами (сам дневник написан карандашом).

и успеть реализовать заем в «Нелайском труженике». Мне еще в Луге сказали, что народ там хороший, отзывчивый. Но ведь трудности послевоенного времени велики. И кое-кто играет на этих трудностях.

Вернулся дед. Он не только истопил «байню», но и сам успел вымыться, а «старухи» все нет как нет. Наконец, является и она, полная противоположность деду Ларивону, маленькая, круглая, вся точно из кружков. Круглый красный носик, круглые розовые щечки, круглые голубенькие глазки, и только седые волосы, выбивающиеся из-под платка, разоблачают ее возраст.

Пришла и начинает командовать:

— В байню, в байню! А ты, дедуля, ставь самовар.

И вот уже мы с ней в байне, где кроме нас моется еще несколько женщин. Стоит сладкий березовый пар. «Наздают», парятся, парят меня и наперерыв сообщают деревенские новости. Бабка, которая стонала в сельсовете, умерла только что. Пойдут ее обмывать, ка[к] только «побайнятся».

Дома дед Ларивон наделал беду: никак не затворить ему было крана, и он выпустил из кипящего самовара половину воды. За этим занятием его застала бабка и, к моему удивлению, не стала ругаться, а ограничилась довольно двусмысленной загадкой, тут же все наладила. Самовар на столе, мои ленинградские «подушечки», хлеб и плавленый сыр тут же. Начинается чаепитие и дед заводит чудесную сказку про Ивана великого русского богатыря. Начал в [пять] часов, а окончил в 1 час ночи. Уже дело дошло до свадьбы героев, я спрашиваю — все? — но он невозмутимо отвечает:

— Еще столько же будет, и, видя мое изумление, раздражается смехом.

Тут уж вмешивается баба Дуня со своей командой: «Спать! Спать. Спать!» Дед Ларивон забирается на печку, мы с бабкой на кровать. Трудовой день окончен, и все засыпают по щучьему веленью.

4/V. 5 ч[асов] утра. Все уже на ногах. Бабка обряжает корову Мильку, топит печку, варит картошку. Мы с дедом на вчерашних позициях. Продолжается сказка по И[вана] в[еликого] р[усско-го] б[огатыря] и заканчивается в 1 час дня. До 2-х дед еще рассказывает мне былицы про водяного, про лешака и про немцев. В 2 часа я делаю доклад на активе сельсовета. Выступает после меня уп[олномоченный] РК ВКП (б) Дмал и пред[седатель] сельсовета. Реагирует актив вяло. Подписываются туго. Что-то будет в Нелайском труженике.

4-го, 6 ч[асов] вечера. Дорога от Заклинья до Нелая местами трудно проходимая. Никитин ушел вперед, а я в двух «омшарах» чуть не завязла. Через жердочки переходить — боялась потерять равновесие, пошла по воде, и покрылись голенища, с тру-

дом выбрались. Дошла до Нелая мокрая, как мышь. Уже издали видны ярко-белые новые крыши колхоза, вновь построенного на бывшем пепелище. Прекрасный материал для агитации за заем. Наконец-то Нелай! Направо 5-й дом Павла Морозова, где я должна остановиться. Дом, как и все здесь, достроен на половину, но добротно: толстый лес, аккуратная стройка. Хозяйка — колхозная кухарка Клава, жена колхозн[ого] сторожа, инвалида, встречает приветли[во]. В доме чистота. Все в вышитых полотенцах, образа, зеркало, на окнах тюлевые занавески. Аппетит зверский (Об этом писать не стоит). Иду в правление, где в 4 ч[аса] д[ня] состоится общее собрание. Помещение правления в бывшей колхозной бане на берегу Нелайского озера. Для бани хорошо, для правления плохо. Пришло всего несколько женщин. Знакомлюсь, беседую пока не о займе, а о песнях и сказках. Общее оживление, М. И. Логинова тут же рассказывает сказку о 12 разбойниках и мачехе. Приходи[т] председатель и говорит, что собрание переносится на 9 ч[асов] вечера. Иду «домой» и валюсь на кровать, моментально засыпаю, но тут же меня будят. Пришла М. В. Логинова рассказывать сказки. Записываю. Вместе идем на общее собрание. Там народу уже много, но почти все подростки и женщины. Ждем мужчин. Сидим час-полтора. Наконец, председатель открывает собрание, боясь, что разойдутся. Делаю доклад о международном положении и незаметно перехожу к значению наших займов и к новому займу. Первым подписывается колхозный пастух Филипп Степанович Иванов на 500 рублей. Основную массу придется обрабатывать в индивидуальном порядке. Женщины пошумели о тяжелой жизни и разошлись.

5/V. Встала до рассвета. Беспокоит, как будет проходить подворный обход. Дописывала слова в сказках деда Ларивона. В 7 ч[асов] утра пришел председатель. Пошли в обход. Нерадостная картина. В большинстве домов давно нет ни хлеба, ни картошки. Едят щи из «стрекавы», правда, подбеленные молоком, и лепешки из черной массы протертой мерзлой и гнилой картошки с отрубями. Дети особенно плохо выглядят. И все же подписываются колхозники, правда, после длительных уговоров. К 9 часам утра охватили подпиской 25 человек на 6 тысяч рублей. Послала с нарочным письмо Ополченному (РК РКП(б)) со сводкой и заметкой для передачи по радио о колхозном пастухе Ф. С. Иванове, передовике займа. Вечером эта заметка уже передавалась по радио. Весь день прошел в обходе дворов и полей. В 2 ч[аса] дня провела беседу в поле с колхозницами, разбрасывавшими навоз и известку. Почти у каждой кто-нибудь погиб на войне — муж, сын, брат. Вместе плакали, а потом и потужили, и собрала я там подписку на 750 руб[лей], которую приняла колхозный счетовод Шура с большими черными глазами и большим же флюсом, тщательно замотанным теплым платком. У бедняжки бо-

лят зубы, и она только помыкивает убедительно, приговаривая: «Да ну же, тетя Дуня, или тетя Феня» — вся ораторская часть падает на меня. К 11 ч[асам] вечера подсчитали наши трофеи (последний обход изб происходил в полупутьмах, керосину почти ни у кого нет. Люди ужинали в густом сумраке, мы всем желали хлеба-соли и получали в ответ «милости просим»). Дальнейшие разговоры были не так-то уж приятны. У моей хозяйки сделали привал. Говорила Москва об итогах реализации займа 310, и мы тоже подсчитывали наши трофеи: 7700 рублей (а контрольная цифра на колхоз — 15 тысяч. Завтра, как говорится, «la séance continue»).

6/V. Опять встретила солнце на ногах. Не спится. У хозяйки полная изба трактористов, приехавших сеять. Спят вповалку на полу, на печке. Народ славный, но не для совместных ночлегов. Поля открыты белым налетом изморози. На озере давно уже кипит жизнь: отпихиваются шестами от берегов, чолны двигаются по ярко-синей глади. Рыбы мало. Холодно. Дописываю слова у деда Ларивона. Сейчас, если не придет председатель, пойду к деду Марку, он хотел рассказать «про немцев и про старину».

Записала от Марка Анд[реевича] Андреева сказы про немцев и про старину, от огородника Ив[ана] Ник[олаевича] ряд сказов. Продолжила вм[есте] с председателем подворный обход по займу. Подписка под [...] до 8 тысяч.

7 / V. Первый теплый весенний день. Подписка дошла до 9950 руб[лей]. Послала отчет Василеостровскому райкому. Зашла к Марку Андреев[ичу]. Он сидел на бревне в своем огороде на самом берегу Нелайского озера и очень мне обрадовался. Я еще вам не все рассказал. И полились былицы. Подошел его брат Василий Андреевич и наперебой стали рассказывать про старину. У Марка речь, как река льется, у Василия — затрудненная речь. Недаром его прозвали «Мунька». В промежуток между сказами Василий поехал проверять свои вятири. Чолон скользил по безмятежному голубому озеру. Марк Андреевич иронически следил за братом. Вы увидите, разве для кошки привезет. А я сегодня с утра на хорошую уху наловил. Наши ерши славятся по всему району, куда слаще, чем с Заклинского озера. Там рыба тухнет, оно мелкое, не боле полуторых сажен и дно илистое, а наше до 7 сажен доходит — вода чистая — глядите. В это время дед Василий пристал к берегу и навстречу ему стрелой вылетел черный мохнатый кот, неизвестно откуда появившийся.

Марк Андреевич рассмеялся:

— Чует добычу.

Василий Анд[реевич] хмуро показал нам корзиночку, на дне которой трепыхались скользкие крупные ерши:

— Вот ведь ворюги. До меня мои мережи вытряхнули, да еще сеть одну перевернули. Где тут поймаешь.

Огорчение помешало ему рассказать ряд былиц «про барщину». Когда я уходила с Маркова огорода, на меня яростно налетел белый петух лонгтан, досакаявая чуть не до плеча. Еле от него отбилась щепкой.

Дед вдогонку сказал: «Это паровой, они все такие бешеные, которые из инкубатора, неестественного рождения».

«Бешеный» проводил меня до самой улицы и победоносно закукарекал, видя мое поспешное отступление.

...Все на полях, даже самые древние старики. Вернулась домой, дописывала слова в былицах, написала заявление о пенсии моему хозяину — инвалиду в райсобес. Под вечер пошла на парники к Ивану Николаевичу. У каждого дома звонко и насмешливо насвистывали скворцы. Они одни только и нарушали чрезмерную тишину. Ивана Николаевича застала на парниках одного. Он закрывал матами рамы с капустной рассадой.

— Что же вы один?

— Да баб не удержать, все разошлись. Уж не знаю, как и побеседовать с Вами. Смотрите, какое поле надо покрыть. Часов до десяти работы хватит.

Все-таки он рассказал мне превосходные былицы «Барский клад», «Чудеса причудились», «Завели» и сказку-анекдот «Беспокойная собака» в своей записной книжечке он заранее отметил эти заглавия, которые с трудом разобрал («писака-то я неважный») и сказал, что таких былей и небылиц он может еще нарассказать, было бы время. Да вот времени-то нет. Все-таки назначил мне прийти на парники завтра в три часа дня: «Выберу часок, а за час Вы много напишите. Ишь как у Вас карандаш летает. Я с вечера припомню, что надо, замечу в записной книжке».

Мы дружески расстались. Поздно вечером по очереди приходили ужинать [восемь] трактористов. Приходили бригадиры, председатель. Вообще у моих хозяев своеобразный клуб колхозного актива. Массу вопросов задают о международном положении и проявляют некоторую осведомленность даже в кризисе правительства во Франции.

8/V. Ночь прошла очень беспокойно. Под самыми окнами гудел трактор. Оказывается, один из трактористов, по просьбе хозяина, решил вспахать ему огород и на этой затее попался. Как раз шла проверка постов. На сдворок в 2 ч[аса] ночи пришел председатель сельсовета с представителем от района. Конечно, сняли тракториста с этой незаконной работы и отослали на колхозные поля. Попало сильно хозяину, ночному сторожу, которого нашли на его сдворке около тракториста, а не на охране кладовых. Успел тракторист вспахать только половину огорода. В доме паника. Хозяйка, однако, не падает духом.

Только 5 часов утра, а я уже встала, потому что спать при такой возне и суете невозможно.

Можно уже сделать некоторые выводы о преобладающем здесь фольклорном жанре — это былицы, в которых непременно фигурируют водяной и леший и их козни, причем рассказывается все в твердом убеждении, что все это «истинная правда». О порче, о колдунах говорят тоже как о вещах реальных. Правда, теперь, мол, колдуна не сразу узнаешь, они боятся советской власти, но все же потихоньку могут наделать много бед, и болезнь навести на человека, и падеж на скотину, и присушку и отсушку сделать. Зашла к Марку Андреевичу. Старик сидел на бревне в своем огороде и отдыхал: только что вскопал под картошку сотки три целины. Пот с него лил ручьями. Вчерашний белый петух угрожающе подскакивал к нам. Пошли в избу, и я взяла справку о пропавших без вести дочках Марка, Кате и Клавдии, ушедших в партизаны. Есть сведения, что их отряд попал в окружение. Возможно, что они были в плену и еще не репатриированы. Обязательно наведу в Л[енингра]де справки. От старика пошла на парники, Ив[ан] Ник[олаевич] исполнил свое обещание — 3 часа подряд рассказывал мне. В очень неудобной позе на ящике ок[оло] парников я записывала. Подошли двое слушателей и очень интересно реагировали на сказы и сказки. Все их замечания я тоже записала. Под конец Ив[ан] Ник[олаевич] сделал важные разоблачения о человеке, служившем старостой в тройке и теперь занимающем отв[етственный] пост. Ему в лицо говорят колхозники, когда он начинает оскорблять их, «теперь это тебе не немецкая республика, а советская». Говорит шопотом, оглядываясь, ведь он нас заест, если узнает, что мы жаловались. И в районе никому не говорите, там у него замазано. Только в Ленинграде пусть нас вызовут, мы все подробно раскроем. К тому же он пьяница и за водку все сделать готов. Не скрою — я была положительно расстроена этими разоблачениями. Записала все слово в слово, как записываю фольклорные материалы. Скажу, что провожал меня со страхом и надеждой. «Домой» вернулась в 9 ч[асов] вечера и застала кроме [восьми] трактористов еще новую ночлежницу — учетчицу-латышку Валентину Карловну Вилке. Все ночевали вповалку на полу. Валя, б[ывшая] партизанка, обещала рассказать свою историю, как ушла к партизанам, как попала в плен, как бежала в пути, обещала сказать партизанские песни, «но не при ребятах» (т. е. не при трактористах), а придет ко мне в Заклинье, куда я уйду завтра утром.

9/V. Проснулась от неприятной духоты в 3 ч[аса] ночи и вышла на крыльцо. Было еще холодновато и даже куры и сторожевая собака Джэк спали — одни на насесте, другие — как Диоген — в бочке. Вернулась — просто газовая атака. Однако легла снова и неожиданно заснула и окончательно проснулась под торжественный звон московских курантов (такой ясный, точно звонили в самих Нелаях), под звуки гимна и великолепную

передачу Левитаном приказа генерала армии Булганик к дню победы. Как велика, как могуча наша Родина! Какое счастье быть русским советским человеком. Хозяйка давно уже возилась у печки и вынимала по случаю своего дня ангела румяную ватрушку и булочки, правда из очень серой муки. На столе кипел самовар. Стояла глубокая тарелка с медом в сотах (хозяин вечером чистил улья от остатков прошлогоднего меда), и я давно с таким удовольствием не пила чаю, как в это утро. Рассказывала трактористам о зверском убийстве эсэсовца[ми] Эрнста Тельмана (т[олько] что выслушали передачу) и о беседе Сталина со Стасиным. Как здесь важно правильное политическое освещение события, и такое чувствуешь удовлетворение, что оставляешь по себе дружескую, доверчивую память. Многим, по их просьбе, дала свой лен[инградский] адрес — пусть пишут. Ведь всегда можно тем или иным способом помочь. Это — долг коммуниста.

Простилась с хозяевами и двинулась в путь. Дорога в Заклинье прямая. Там, где я тонула уже нет прежней пучины, но все же воды достаточно. Жаворонки трезвонили так, что Глинке было бы завидно — ведь это настоящий серебряный многоголосый хор — кажется, что и небо, и земля поют вместе. В лесу ковры разостланы — белые поля подснежников. Развертываются душистые березовые листочки. Все молодо, свежо, празднично. Жаль только, что хлеба у меня осталось мало. Придется жить воспоминаниями о клавдиных ватрушках, да и тех, по правде, я стеснялась есть в таком масштабе, как хотелось бы. [Четыре] километра отшагала, солнце палило по-летнему, резиновые сапоги тянули к земле. И вот я в Заклинье. Дед Ларивон режет верхушки у скороспелки и, очевидно боясь, что я оторву его от дела, торопливо говорит:

— Вот сегодня сажаю один, старуха в колхозе навоз возит.

На полу у его ног играет полугодов[ый] внучонок по прозвищу Михрютка (Миша), пускает лужу и орет. Дед беспомощно разводит руками. Беру «Михрютку», завертываю и уношу в сад. Сажусь с ним на скамеечку и начинаю петь то, что певала своим ребятам. Он сначала таращит на меня голубые глазенки, потом жмурится, не то от солнца, не то от моего «кота-воркота», и очень быстро засыпает. За няньченьем меня застает Евдокия Трофимовна, пришедшая на обеденный перерыв. Она в восторге, что Михрютка заснул. Я осторожно вношу его в избу и укладываю на кровать. Он даже не пошевелился. Нет, я не разучилась еще няньчить малышей. Дед Ларивон и баба Дуня зовут меня обедать, но я категорически отказываюсь — сыта утренним угощением. Дописываю дневник в саду. Дед Ларивон, уходя в избу, говорит: «А ведь когда Вы уехали, я вспоминал, ночь не спал и вспомнил, что не все я рассказал Вам про Ив[ана] В[еликого] р[усского] богатыря. Думал-думал. Что же этот сукин сын стар-

ший делал?! Я Вам сказал, что он в волшебном царстве остался, ан нет, с ним целая история вышла. Вечером расс[кажу]». А баба Дуня подмигнула на деда и сказала иронически: «Еще кумплект». На что дед невозмутимо ответил: «Сказку можно и прибавить и отбавить, это не песня». Вечером ужинали: картошка голью, чай с молоком. У меня был хлеб — остатки. Я поделилась. А завтра — «что Бог пошлет». Баба Дуня ушла к обще[му] собр[анию]. А дед Ларивон совсем расхворался от утомления: посадил один картошку. Голова, спина — все у него болит. Дома нет керосина, и мы в сумраке сидели, и записывала я «кумплект» к Ив[ану] р[усскому] б[огатырю], кот[орый] он препр[нрзб] вариант сказки о дер[евянном] голубе. Вот еще материал для дисс[ертации] Маруси Николаевой. Потом писать стало невозможно, и мы улеглись. Дед на печке, Лариса с Михрюткой на кровати, я на полу. И не слы[шала] как пришла бабушка. Встала в 4 ч[аса] утра. Хоть и не сажала картошку, а спина болит от спартанского ложа. Снова дед расс[казывал] мне про купца Толзина — огромная разница с вариантом Ларисы — здесь, у деда — нако[нрзб.], импровизация, у Ларисы все смягчено литературным языком. Опять та же картошка и кипяток с молоком. Хлеба нет. Записываю о пережинках и узнаю, что в Заклинье живет «зажинальщица и колдунья Бондариха», которая «все знает» и может даже, если я захочу, передать мне колдовство. Как не сходить к такой таинственной особе. Вооружаюсь остатками карандашей и отправляюсь с очень маленькой надеждой на успех. Бондариха — суровая тощая старушка с иконописным лицом — ничего не хотела «сказывать». Рассказала из времен нем[ецкой] оккупации «Как я искала сына». В Заклинье народ еще голоднее, чем в Нелаях. Там хоть общественное питание [трет]ий день как организовали, правда без хлеба, но мясной суп и каша. А здесь блаженствует только председатель Алексей Николаевич Павлов, беспробудный пьяница и циник. Он открыто говорит колхозникам: «Вы кто? Я один здесь партиец, один стою сотни. А пить кончу, когда пропью весь колхоз». На счет колхоза незаконно содержит своего шурина, платя ему по сто рублей в день сдельно, как плотнику. И т[олько] вчера после бурного колхозного общ[его] собрания, стал платить... по 50 р[ублей] в день — 1.500 в месяц за обтесывание бревен. Пьянствует и предсельсовета Тимофеев, на котором числится еще активное сотрудничество с немцами. Все это делается в 3-х километрах от районного центра. Надо обо всем расс[казать] нашему партбюро и действовать через депутата Верх[овного] С[овета] РСФСР тов. Харитонова, чтобы он разогнал эту сволочь. Сегодня дед Ларивон говорил мне, что у пре[дседателя] колхоза столько муки, крупы, масла, сала, мяса, что и на грузовике не вывезти, а колхозники живут впроголодь: хлеб послед[ний] раз большинство ело в декабре, а теперь «кто-

что», кто жмыхи, кто морож[еную] картошку — «трахмал» собирают и пекут лепешки. Сегодня вечером я мылась в бане и видела 3 женщин — почти скелетов со вздутыми животами, точь-в-точь как у нас в Л[енингра]де в [19]41—[19]42 году, когда и я имела такой же страшный вид. Они говорят: «Цель[ный] день под ложечкой сосет».

Вечером пришла одна из голодающих колхозница Гутя Федорова б[ывшая] председатель р[...] к[...] колхоза, с новыми разоблачениями председателя колхоза Павлова, вора, расхитителя и растратчика колхозного имущества и денег. Еще материал для Харитоновна. Ребята (внуки) ушли вечер[ом] в Лугу к матери, и я ночевала на кровати — выпалась за вчерашнюю ночь.

11/V. Дед на заре ходил с внуком Колей, прибежавшим ночью, к Луг[е] ловить рыбу — перемерзли и поймали 3 налимчиков и 2 окушков. Трава покрыта изморозью. Хорошо, что яблоки еще не расцвели — померзли бы. С 6 час[ов] утра дед рассказывает мне были — очень поэтичные — весьма близкие к волшебным сказкам со всевозможной чертовщиной. В 9 ч[асов] утра его сменил Коля и рассказал три оригинальных варианта к дедовским сказкам. Он «отлепляет» их от дедушкиных сцеплений. Получаются самостоятельные сюжеты. Карандаши исписаны, бумага к концу, но у меня еще есть перспективы в Луге, куда я сегодня вечером двинусь с облегченной сумкой (совсем без хлеба и каких-либо продуктов) и с портфелем, набитым до отказа сказками. Еще немного и придется заводить для этой цели чемодан, как у Киреевского. Утром опять приходила Гутя. Она буквально страшна своей худобой и голодным блеском в глазах. Бабушка Дуня дала ей пол-лепешечки из подсолнечных жмыхов с чуть-чуть ячменной мукой. У стариков тоже нет хлеба, но есть корова, которая их спасает. Дали Гуте и кусочек жмыха, который она тут же принялась грызть. А в это время у председателя Павлова полное изобилие, вплоть до жареной свинины, и ежедневное пьянство. Если мне удастся привлечь к этому безобразию внимание областных организаций, — как будет великолепно избавить колхозников от всей этой шайки во главе с Тимофеевым.

Обратный путь по шоссе из Заклинья в Лугу был для меня труден, п[отому] ч[то] я шла в теплом пальто, вязаной кофте, трех парах чулок и носков и резиновых сапогах, да еще тащила портфель со сказками и сумку с дорожными вещами, а солнце жарило по-летнему. Все же добралась до тихой пристани — дома Е. С. Галеевой, где переночую и завтра — в Ленинград.

Испробовала на Е. С. Г[алеевой] действие заклинских и нелайских сказок. Она говорит: волосы шевелятся, вот это сказки! Покойный муж мне много читывал (она неграмотная), а таких не читал. А я уже потеряла критерий — то они мне ка-

жуются прекрасными, то самыми обыкновенными. Как прекрасно, например, поверье о слезах кукушки, и как поэтичен рассказ об этом деда Ларивона. И подумать только, что все это взято на поверхности, что если бы обследовать глубины Ленинградской области, то можно было бы найти золотого мастера сказки типа Абрама Новопольцева. Впечатления нужно разложить по полкам и в первый же день передать А. К. Перепеч[е] о злоупотреблениях в Лужском сельсовете. Почему я прохожу мимо райкома РКП (б). Ополченный с его «обрастанием»(?) и грубостью не внушает мне доверия — он не может не знать, что делается у него под боком, и раз терпит такие вещи, значит, нужно искать правды выше.

[Далее написано чернилами]. Все, что видела и слышала, написала в докладной записке 1-му секретарю Вас[илеостровского] райкома ВКП(б), тов. Г. М. Нестерову, а на словах подробно рассказала зав. Отделом агитации и пропаганды райкома ВКП(б) т[ов.] Плюхиной. Она сказала, что тов. Нестеров очень заинтересовался моим сообщением и лично расследует дело о злоупотреблениях в Лужском сельсовете, лично же доложит и товарищу Харитонову. О движении этого дела мне будет сообщать тов. Плюхина. Вот то будет великолепно, если наладится после вмешательства тов. Нестерова нормальная жизнь в колхозах Лужского сельсовета, а возможно и шире — в колхозах всего района.

1/V. Перечитала ровно через год: еще год понадобился, чтобы разобраться в деяниях Ополченного: за злоупотребления с обменом денег во время ден[ежн]ой реформы он снят с секретарей РКЛКП(б) и переведен директором санатория «Жемчужина» в Лужском р[айоне]. «Наказание» довольно мягкое.

[В конце дневника записи карандашом]:

6/V. Анна Андреевна Родионова «Детки об сцепках(?)», а матери об детках».

Ларивон

10/V. Побежишь от волка, нарвешься на медведя.

Далее приводим автобиографический рассказ и три сказки деда Ларивона Леонтьевича Леонтьева, 76 лет, о котором неоднократно упоминалось в дневнике В. А. Кравчинской.

Про свою жисть⁵

Родился я в Заклинье. Заклинье изкон веку Заклинье. Мы раньше крепоснии были у Вильбувы. Большой у них был дом, 36 комнат. Отец мой был у них крепосной. И я мальчишкой был — так помню еще барской дом. Теперь память одне липы остались. После Вильбувы много помещиков здесь переменялось. Как цыганы барышничали, друг другу именье перепродавали: Вельяшевы, Огарёвы, Целибеевы. Немка была еще помещица — Лонго, звали её Лонжиха. Много бар я перевидал. Окончил я приходскую школу (тут у нас погост Смётано. И сечас церковь существует отделана (только священника нет)). Участвовал я в японскую войну и в первую германскую. Был и в гражданскую взят, только врач освободил, как я был контуженый. В колхоз я вступил сразу, как открылися колхозы в 32 или 33 году. Сказки я все усвоил со слов. У меня была такая память! Со слов ловил ети все разговоры.

Про девушку-отгадчицу

Знаю я сказку очень затяжную, «Иван русский богатырь» — не мене суток надо рассказывать: много в ней сказок за сказку цепляется.

А сечася хочу рассказать сказку, как был у нас царь, что девушек приводили к нему как на поруганье. А он холостяга был. И етот царь говорил: «Если кто мне будет сказки рассказывать и загадки отгадывать, то я на той женюсь, тая будет моя жена». Дескать, угадай, что я буду делать. Он так надсмеялся над многими девушками. И ни одна не могла евонной думы отгадать. И всем он головы рубил. И вот дошла очередь до бедной крестьянской дочки. Но девушка была очень красавица. И вот она отцу-матери говорит:

— Я сегодняшней день ухожу от вас, а то мне пришлют телеграмму царь-батюшка, а я ничего ему не могу сказать, потому что я человек неопытной.

И вот она решила уйти в пустыню, куда-нибудь скрыться от народу, чтобы ее никак не разыскали. И вот она несколько суток ходила по лесам и в такую глубь забралася лесу — что не зная, в какой стороне родной дом. И продолжала иттить дальше. Ишла-ишла и заметила маленькую-маленькую избушку, в такой пещере построена, что незаметно даже, но она наткнулася прямо

⁵ РО ИРЛИ, кол. 118, п. 5, № 3. Сказки и сказы Л. Л. Леонтьева. Колхоз Заклинье Лужского района. Полевые записи В. А. Кравчинской 1947 г. Зап. 03.05.1947 г.

на нее. А в этой избушке жила престрашная волшебница. Вот эта девушка подходит к избы, а старуха выходит ей навстречу и спрашивает:

— Ты, девушка, куда идешь и зачем?

Девушка остановилась околь этой старухи и говорит:

— Я иду скрыться от царя от батюшки своёво.

Вот тогда эта старуха и говорит:

— Ты не бойся, иди обратно, с тобой царь ничего не может сделать. Я тебе дам клубок с ниткой и ты иди и не устрашайся, куды клубок покатится, туды иди вслед за ним. Что тебе понадобится, то спрашивай — он тебе будет отвечать. Не бойся, что он пойдет по озёрам-по морьям, ты иди вслед за ним, не устрашайся ничего. И он тебя приведет в свой родной дом. Как придешь домой — сразу получишь известие, что идти к царю, но ты не бойся, иди смело с этим же клубочком. Когда придешь к своёму царю, то он тебе будет⁶ давать разные загадки, а ты клубочка спроси, он тебе скажет, как надо отгадать. Как раз в это время ты придешь домой (все за клубочком, он у ей будет руководитель по всем делам — это все еще старухино настроение идёт). И каки царь будет давать задания и загадки — ты все бери, выполни в точности. В первую очередь он тебе даст очень тяжелое задание, но ты возмись, не отказывайся, что я к утрею это выполню.

...И вот она ночевала сегодняшнюю ночь у царя-батюшки. Он ей наутро дает задание:

— Иди домой и на завтрашний день явись ко мне, и чтобы ты и шла и не шла, ехала и не ехала, и чтобы была одевши и не одевши.

Она все это взялась выполнить в точности:

— Все буде<т> сделано, как ты говоришь, царь-батюшка!

Вот она возвратилась к отцу, у клубочка и спросила:

— Клубочек, как мне это дело сделать, что мне царь-батюшка сказал?

Тада⁷ клубочек ей ответил:

— Скажи отцу, штобы он собрал несколько человек и пошли бы оне в лес и поймали бы зайца. А ты в это время найди каки-нибудь старые сетки, которыми рыбу ловют (а дядя был ей-ный как раз рыболов).

Она выпросила у дяди сетку и сшила себе костюм из этой сетки. И вот с себя платье, рубашку — все сняла.

⁶ В рукописи «б» испр. из «п».

⁷ Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами первое «а» на «ог». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

А ей время подходит, што надо иттить к царю. Она тада етот⁸ сеточный костюм надела, взяла зайца. Сперва несла в охабке зайца (на руках, одним словом). Када⁹ стала приближатца ко дворцу (а царь в окно ее видит), она взяла зайца между ног и за уши и тащит. А у царя были довольно злые собаки (что если в случае она хоче<т> сделать что над ним, он выпустит собак, чтобы разорвали её на куски).

Када он придворным сказал:

— Выпускайте скорее собак: там идет какой-то тип ко мне.

Только с ворот собак выпустили на нее, собаки пустились в полный упор к ней. Эта девушка не растерялася: када вблизи уж стало видно, что собаки вот-вот на нее наскочат — она взяла, схватила зайца за уш да пихи к собакам. Собаки бросились не на неё, а за зайцем. Она в это время прошла к царю во дворец. Он осмотрел ее, что как она одевши, и говорит:

— Вот, говорит, красавица, ты делаешь дело, но только не своим рукам.

Она ему отвечает:

— А што ж, ты за меня ето делал?

Тогда он ей опять оставил у себя нучевать.¹⁰

— Так вот, я тебе на завтрешний день еще новую загадку дам (а клубочек все при ней).

И дает ей царь загадку такую:

— Вот я тебе сварю десеть штук яиц, и ты их свари и принеси мне десеть штук цыплят, чтоб к завтрему были уже вышедши. Она тада ему отвечает<т>:

— Я выполню, а исполни и ты мое заданиё: я тебе пришлю фунт спаренного ячменя, и ты его посеи и обмолоти, и на мельницу свези, и сделай крупы для моих цыплят, то<г>да я и тебе все сделаю.

С вечера она послала ему спаренный ячмень, а утром приходит и спрашивае<т>:

— Готовы ли крупы?

Када она пришла к ему, он ей говорит:

— Голубушка, знаешь што? Ты делаешь дело не своим рукам.

⁸ Здесь и далее в подобных словах «е», написанное карандашом, исправлено сверху чернилами на «э». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он, скорее всего, соответствует диалектным особенностям речи рассказчика.

⁹ Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами первое «а» на «ог». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

¹⁰ В этом слове исправлено сверху чернилами «у» на «о». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки.

Она ему на ответ:

— А что ж, ты за меня это делаешь?

Она осталась опять нучевать у него:

— Ну, говорит, я на завтрешний день такое дам заданиё! Исполнишь или нет? Если не исполнишь — то голову с тебя сниму! Вот видишь озеро здесь, а на той стороне церковь. И ты должна приобрести хрустально и сделать через озеро мос[т], чтобы я в церковь мог иттить по етому хрустальному мосту. И посадить разных фруктовых дерёв по обоим сторонам моста. И на етых деревьях чтобы сидели на каждом дереве разные птички. Када я пойду, чтобы оне песни пели. А када обратно из церкви пойду, чтобы фрукты были отцвёвшие, и яблоки были зрелые.

Вот она и говорит ему:

— Ето все будет выполнено в точности как вы прикажете, так я и сделаю.

Вот она приходит домой со своим клубочком и спрашивает <т>¹¹ клубочка:

— Что, как мне ето задание выполнить.

Клубочек говорит:

— Ето очень лехко, только не проспи зари, а на зари мы всё и сделаем.

Вот она просыпается в полуночь и берет молоток, и пошла туды ко дворцу делать етот мост. Она стоит и грохочет молотом по мосту. И уже мост готовый! И деревья стоят и цветут! И обратно идет — уже яблочки зрелые растут! От она перед самой зарей как начала грохотать етим молотом по мосту, только треск идет. Всех придворных разбудила своим грохотом. Его самый верный слуга приходит и говорит:

— Ваше императорское величество, мост-то, кажется, сделала она!

Царь тада ему отвечает <т>:

— Я еще пойду посмотрю. Как в церковь отправлюсь. Все ли в точности сделано, а то я с ей расправу хорошую сделаю!

И вот он собралса, обулся, оделса и пошел в церкву по етому хрустальному мосту. Када взошел только на мост, сразу птички запели на деревьях.

— Ето, говорит, все ладно! Как пойду я обратно из церкви, будут ли фрукты поспевшее!

Вот он возвращается обратно — все фрукты поспевшее, што можно кушать их. Приходит он и призывает её обратно во дворец:

— Вот, голубушка, ты все в точности делаешь, но только не своим рукам.

¹¹ Здесь и далее в подобных случаях «т» надписано сверху чернилами. Мы всюду даем данное исправление в угловых скобках.

— Да, говорит, царь-батюшка, я не только это дело сделала, я тысячу и одну ночь не спала и тебе трех сыновей принесла.

Тада царь-батюшка оглядел своих сыновей и принужден был взять ее замуж. должон был жениться на ней, потому что по всему государству извесно, что которая девушка выполнит его задачи, на [ней] женитца. Правда, ей все клубочек делал, да царь-то этого никогда не узнал.

Про Ивана-великого русского богатыря

Кажный по-своему с ума сходит. Так и сказки кажный по-своему рассказывает.

Она так начинается, эта сказка про Ивана-великого русского богатыря.

В некоторым царстве, в некоторым государстве, а именно в том, в котором мы живём, у царя был такой созданный закон, что если муж умрёт, то и жену вместе хоронить (она и жива, а все равно вмести клась в гроб и похоронить совмесно).

И вот заболел в одной деревне мужичок молодого возраста. Он недавно только женился и умер. Ну, силы его никто не знал, и он никому не оказывал. От, када он умер, то народ и говорят оне:

— Вот, голубушка, ты испёки себе булок и пирогов на време, а мы тебя с им похороним по царскому закону.

От, собралися люди, сделали гроб для двоих. Эта жона напекла себе булок, пирожков разных и говорит народу:

— Вы када меня в гроб положите, сделайте от него трубу, чтобы я некоторое время могла пожить и не задохнуться.

Кресьяне так и сделали: по её просьбы, поставили трубу на могилки, чтобы она могла несколько време пожить еще. Положили ее в гроб со своим мужем и понесли на кладбище. И вот вырыли могилу, опустили гроб, поставили трубу, а сами пошли домой.

Несколько дней жона лежала там во гробе. И вот ей что-то захотелось повернуться: так спина заболела лежать, и она локтем толкнула ему прямо в левую бочину своему мужу Ивану. Он вдруг и проснулся, умерший Иван:

— Фу, Господи, говорит, как я долго спал!

Она тада и говорит:

— Знаешь, Иван, ведь мы с тобой обоим похоронены!

Он даже не поверил её.

— Что ты говоришь, баба, смеёсса. Я лёг спать, а ты говоришь, что я уж похороненный?!

— А если ты, говорит, не веришь мне, то встань, как с кровати вставал раньше.

Вот он подумал, что он одеялом закрытый. Взял рукав, а ему даже ничуть не протянуть рука. Он тогда и говорит:

— Да, дорогая жена, мы теперь с тобой погибли!

Жена ему и говорит:

— Ваня, Ваня, попробуй, привстань, может, гробовую доску и подынешь кверху своей спиной.

Вот он тогда повернулся и начинает пробовать, как бы землю поднять кверху этой гробовой доской. Када он маленько встал на коленки и упёрся рукав и начал пробовать подымать землю спиной — вдруг он услышал, что земля подаётся.

— Ну, баба, говорит, может быть, Бог поможе<t>, я подыму всю землю кверху и выйдем на волю.

Вот когда он нажался и всю силу напруг, доской поднял всю землю, на сторону даже свернул! Када оне стали выходить вон из могилы, она и спрашивае<t> Ивана:

— Куды, Ваня, мы таперь пойдём, домой или куды?

Тада он ей говорит:

— Куды же мы подем?! Мы не умёршие люди! Нас все бояться будут, что мы в саванах одетыи. Лучше, баб, я так думаю, пойдём туды, куды глаза наши смотрят.

Оне пошли по дороге, ближе к большим лесам. Вдруг попадатца к ним старичок, одним словом, копяшка (ну который собирае<t> хлеб). Оне с женой идут несколько времени, не евши (булки уже у них были съедены) — тада он у старичка и спрашивае<t>:

— Дедушка, будь добрый, дай нам по кусочку хлеба!

Ну, старичок диствительно был спуганный таким людям, что в саванах идут: он весь хлеб им отдал.

Он тогда и спрашивае<t>:

— Далеко ли здесь деревня какá-нибудь естя? И как мне попась в деревню, что я заблудивши хожу по лесам несколько время?

Оне ему указали дорогу:

— Тут недалеко, перейдешь через лесок и дома будешь.

А Иван со своей женой пош[ли] в самый большой дремучий лес.

Вот када их захватила тёмная ночь в етом большом лесу, оне напали на маленькую тропиночку, намятую лошадями. Вот жена и говорит:

— Ваня, давай ночевать в лесу. Я замаялась, дальше не могу иттить!

И кстати, пошел дожжик. Оне дошли до такой елки до развесистой, где даже дожжик не мог их промочить. Вот оне легли спать. Жена и говорит:

— Ваня, Ваня, куды ж мы идем?!

— Как у меня сказано, так и идем, куды глаза глядят, отвечает Иван.

В скором времени Иван уснул, а жона не спит. Вдруг слышит разговор и топот лошадиный. Едут шайка разбойников, приближаются ихней ёлки. Она стала толкать Ивана под бок:

— Ваня, стань, хто-то едут.

Он быстро проснулся:

— Молчи, говорит, баба, ни звука не давай, чтобы оне не увидели нас. Ето разбойники едут: оне могут нас убить.

Вот оне проезжают помимо, Иван своей жене и говорит:

— Пойдем наутёк по етой тропинке, таки где-нибудь жилое место мы найдем.

Долго ли, мало ли оне бежали, подбегают на заре как раз ко дворцу. В лесу такой дворец сделан у етих разбойников, и прямо неприступимый. В воротах крепости поставлены два злющих льва, чтоб никого людей не пропускали, опричь только мазуриков. Вот када оне подошли к воротам, львы начали гырчать на них, чтобы не подошли оне близко во дворец. Тада Иван и говорит своей жоне:

— Знаешь что, иди не бойся их: оне женщин очень любят, эти львы, а мущина пойдёт — оне разорвут его. А када ты пройдешь помимо их, прицепи их на крючок близко к воротным столбам, чтобы я мог скрозь ворота пройтить.

Она так и сделала. Стала ласкать их, львы завиляли хвостам и оне очень даже познакомились. Она в ето время одново привязала и говорит:

— Ну, Иван, входи! Оне таперь не достанут тебя схватить.

И Иван прошел во дворец. Тада ета хозяйка спустила льва с крючка, чтобы не узнали, что кто-то естя во дворце.

Вот оне входят вовнутрь дворца. Видят накрытые столы разным винам и закускам — одним словом чего только душенька желаёт: пей и ешь. Было двенадцать блюд с кушаньем. Иван с жоной, не торопясь, стали закусывать. И оне ети двенадцать блюд все и свели, недолго думавше. Вот тогда Иван и говорит своей жоне:

— Нам надо сходить все сараи проверить, есь у них здёся склады или што.

И вот оне нашли первый сарай с оружием, а второй нашли сарай с разным продовольствием, одним словом, с разным продуктам.

— Ну дак, баба, ладно, таперя осмотрели всю постройку, давай-ка спать!

А жона и говорит:

— Ваня-Ваня, как же мы пойдем спать, а ты никакого оружия не берешь! Ведь оне перерубют нас на кусочки, што мы всё ихнее кушанье съели!

Тада Иван вернулся в етот сарай, выбрал себе такой острый меч и тяжелый, что хозяйка и попробовала подымать, так и не подняла етого меча, а он взял. И пошли оне во дворец обратно.

— Ну, куды, говорит, баба, пойдём?

А Иван говорит:

— Пойдем, баба, на чердак — туды лесница есь. А здесь оне нас зарубют.

Вот оне отправились на чердак спать. Иван таким богатырским сном уснул, так захрапел. Что даже стон идёт, как он храпит.

Вдруг ета шайка мазуриков подъезжает ко дворцу на самой на зари. И пошли во дворец, поставили лошадей в стойлы и пришли в свой зал. Атаман первый прошел и видит, что на столе нет ничего — все кто-то пожрал.

— Эй, ребята, у нас кто-то из гостей был здесь!

А его подчиненные говорят:

— Да, был кто-то. Все наши обеды съели. Мы должны готовить внов.

Вот один и говорит:

— Раз ты повар, иди в сарай, принеси свинины, телятины, всего, что надо. Нам ведь пожрать охота. Мы на работы же были!

— Да что ж, атаман, давай хоть по чарке выпьем вина от тошноты (А етот повар кушанье стал готовить для своей шайки).

— Слушей-ка, ты вон еще молодой, пойди пошарь по сараям, може<t>, и найдешь мерзавца, который сожрал всё у нас.

Етот самый разбойник обошел все сарай, даже в байню сходил поискал, ну никого не нашел. Атаман тогда и говорит:

— Сходи-ка наверх, на чердак: нет ли там какого забравшее (ето был молодой разбойник). Вот он и пошел по леснице на чердак. Вот жона проснулась:

— Иван-Иван, вставай скорее, кто-то лезет на чердак. Вот она его тревожит: ну никак не може разбудить.

Вдруг Иван очнулся.

— Что такое?!

— Да лезет! Видишь — голова уже видать с лесницы.

Иван, недолго думая, подходил к етому пространству, схватил его за волосы и етим мечом отрубил голову нараз. Туловище схватил, втащил к себе на чердак (не опустил с лесницы свалитца!).

Атаман посылае<t> второго разбойника.

— Что он с ними в карты играе<t>, что ли? Столько время забравшее.

А ето Иван слышит приказ атамана, што посылае<t> он на чердак еще человека.

Тада Иван стоит около самой дырки, ожидае<t>, когда со второй покажется. И он так стал с левого боку ударить разбойника, чтобы голова отлетела прямо на чердак, чтобы по головы, а тулово он не опустил. И вот атаман их всех двенадцать человек посылал кверху, и ниhto не возвратился.

— Что ж они там, в карты играют, что ли?!

А Иван им всем головы поотрубал!

Тада атаман осталса один во дворце и подумал:

— Надо утёкать. И мне эта учесь буде<т>. От этого страху он садится на лошадь и удрал, куда — неизвесно.

Вот приходит Иван со своёй хозяйкой во дворец, кушанье уже приготовлено. Сели со своёй бабой, выпивают и закусывают — и горя мало.

Прошло несколько времени. Иван захотел байню стопить.

— Слушей, баба, стопи-ка ты байню, а я схожу поохочусь. Ружьев здесь много, може я птицу какую убью на жаркое.

Стала евонная хозяйка байню топить. Приходит Иван из охоты, принес ничего хозяйке. Сходил в байню, помылся, приходца закусил, ложится спать. Баба Ивану (лежат оба) и говорит:

— Знаешь, Иван, ведь я от тебя отяжелела!

— Эх ты, дура-баба, ведь лет нам под сраку, неужто таперь нам детей заводить?

Несколько время прошло, баба родила девочку, а Иван опять:

— Эх, баба-баба, нехорошо ты сделала это. Лучше бы ты родила мне мальчика-сына.

— А ведь пондравится, так и сына принёсу тебе!

Проходит несколько времени — баба опять Ивану говорит:

— Знаешь, Иван, ведь я опять в положении.

— Фу ты, баба, да никак ты обалдела! Да это не вся беда, лишь бы только принёсла да мальчика!

Как раз пришло время жоне: родила, и верно — мальчик! Иван так от восторга сам себя не помнил.

— А где ж мы будем его крестить? Ведь нас люди бояться будут! А знаешь, баба, я его сам окрещу и сам имя дам. Я его назову Иван Великий русский богатырь (Вот тут главная история и начинается, а то все была присказка).

И вот пришлось этому мальчику и девочке вместе расти. Мальчик стал ходить с отцом за охотой. Вот в одно прекрасное време идут оне с отцом домой, и попадается дуб, такой дуб толстой и сучлевастой.

— Вот, говорит, папа, я возьму этот дуб за сук — так и выдерну с кореньём вон.

— Нет, Ваня, ты еще молод — сам себя спортишь! (Не разрешил ему вырвать этого дуба с земли).

Вот Иван уже подросток порядочный вырос. Каждый день оны ходят за охотой со своим отцом. И что раз Ивану приспичило — вот хочет в байню иттить да и всё. И не субботний ведь день...

— Как хошь, стопи сегоднё байню. Я мыться хочу! — не знай к чему: к худому аль к хорошему. Тянет меня в байню. А пока сходим за охотой.

Оне пошли со своим Ванюшкой на охоту, а хозяйка осталась с девочкой байню топить. И вдруг, только оне байню затопили,

являетца такой красавый молодой человек к его жоне в байню. Ну, разговорились, она спрашивает его:

— Кто ты такой и откуда явился?

Он тада ей и говорит:

— Знаешь, кто я? Я — бывший атаман, хозяин етого дворца, а моих подчиненных твой муж перерубил. Вот кто я!

Вот он ей, етот атаман, предложение делае<т>:

— Выйди за меня замуж!

— Да как же я выйду замуж! У меня муж естя!

— А мы мужика твоео уничтожим!

Вот жона Ивана и согласилас[ь] на все ети дела, что он ей сказал. Етот атаман пошел по сараям, нашел волосяной канат и еше трост цинковыи. Приходит и говорит Ивановой жоне:

— Вот я два каната нашел. Ты свежи¹² ему руки назад, када придёт с байны, а я в ето время подойду, голову ему срублю, и будем мы втроем жить с дочкой и с тобой, а я спрячуся в сарае, у меня маскировка естя хорошая, представлюсь старичком-Копяшкой и попрошусь ночевать.

Иван с сыном вернулись с охоты. Вот баба приходит из байни и говорит:

— Идите в байню!

Иван с сыном пошли в байню, вымылись, приходят домой. Вдруг баба к ему обращается:

— Иван, а Иван! Знаешь что? Ты сильной. Давай я тебе руки свяжу назад. Разорвешь аль нет?

— А дура-баба! С молóдых лет не шутила, а тут начинае<т> со мной баловать. Ну да ладно! Что с тобой будешь делать. Вяжи, раз тебе охота!

Она стала вязать, а он говорит:

— Да ты гораз мне затягаешь, рукам больно!

Когда она завязала, он только натянулса, а канат и лопнул. Тогда баба говорит:

— Иван, у меня есь цинковый канат.

— Ну да ладно, связывай, что ж ты будешь делать, када ты баловаться вздумала...

Завертела баба ему обе руки цинковым канатом, а сама пошла в байню. У Ивана как раз висела шашка на стене острая-острая. Вот дочка ему и говорит, своёмu отцу:

— Знаешь что, у нас теперь молóдый папа естя!

Он тогда видит, что дело — неустойка. Он своему сыну говорит тихонько:

¹² Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами «е» на «я». Оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

— Достань шашку, запикивай мне за спину, чтобы разрезать этот канат цинковый.

Ну, Иван закладывает шашку востриём к телу, а Ваня-ить глуп еще — не понимает, как повернуть его, но потом догадался — и перерезал цинковый канат. А девчонка еще до того убежала в баню к матери сказать, что отцу каната не развязать. А разбойник был замаскировавшее и ожидал, чтобы наскочить и отрубить голову Ивану. Тада хозяйка приходит с бани с дочкой. У него уж и самовар поставлен. Тут закуска, вино наставлено на столе. Вдруг входит старичок и просится ночевать. А етот Иван отлично знал, что дочка сказала — у нас молодой папа естя — и пустил его ночевать. Вдруг жона и дочка приходят с бани. У Ивана приготовлено всё: и закуска на столе. И приглашает всех:

— Садитесь-ка за стол, давайте выпьем. Наливает дочке стакан вина.

— Ну-ка, дочка, выпей за молодого папу.

Дочка отвечает<т>:

— Папа, ведь я никогда не пила, я не хочу и не буду пить!

А у Ивана приготовлен меч. Он схватил дочь за волосы и отрубил ей голову.

Он предлагает таперь жоне:

— Пей вино!

Жона тоже стала отказываться. Он тогда ей говорит:

— У тебя естя молодой муж, а я заставлю тебя пить!

Он сграбил ее за косу тоже и отрубил жоне голову.

Тада наливает<т> стакан вина етому «старичку» и говорит:

— Ну-ка, «дедушка», выпей! (А он отлично знал, что ето атаман шайки).

Схватил он его за волосы, снял с его маску, и он оказался молодой человек. Он и етому же голову отрубил. Трупы оне с сыном похоронили.

...Вот оне остались двое с сыном, с Иваном-великим русским богатырем! Вдвоем стали жить во дворце. Ходили оне со своим сыном все время на охоту. Сыну было уже к восемнадцать лет. И однажды пришли оне из охоты, и отец говорит:

— Ваня, Ваня, я себя чувствую очень плохо, точно я и заболел.

А тада сын ему и говорит:

— Папа, а если ты помрешь, куды же я пойду, ведь я людей не видал никогда!

— А вот, Ванюшка, как я умру, и ты меня похоронишь, иди туда, куды твои глаза смотрят, а меня похорони. Вдруг, это не в долгом будущем, отец стал болеть так, что уже он в бесчувствии стал и умер. Иван остался один, сын его.

То все была присказка, а теперя сказка пойдет.

Похоронил отца, взял отцовской меч и отцовское ружье на память и отправился в путешествие. Вот он идет лесом. И бе-

жит заяц навстречу ему. Он прицелился только стрелять — заяц вспрыгнул на дыбашки и кричит:

— Иван-великий русской богатырь, не бей ты меня, я тебе пригожуся.

— Ну тада, говорит, иди вслед за мной!

Вдруг попадается ему лиса встречу. Он прицелился, только хотел стрелять, а лиса закричала человеческим голосом:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

— Ну тада иди-ка за мной.

Продолжает Иван путь. Вдруг попадается стречу волк. Он прицелился, хотел стрелять. Волк тоже закричал человеческим голосом:

— Иван-великий русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

— Ну тада иди за мной!

Попадается ему стречу медведь.

— Вот где добыча-то хорошая, — думает Иван, — сейчас я его убью.

Мишка как заревёт:

— Иван-великий русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

— Ну, мишка, иди тада за мной!

Продолжае<т> он дальний путь. Попадается ему стречу кошка.

— Эх, говорит, хошь бы кошку убить.

И кошка закричала человеческим голосом:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся.

Иван приказал кошке за ним иттить.

Вдруг летит ворона.

— Эх, убью ворону!

Ворона тут закаркала:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

Дальше идет — летит галка.

— Эх, хоть галку убью!

Галка и закричала:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

Пока он и шел, и набирал себе охоту — уже стало темнеть. Ну что Ивану делать! В лесу спать опасно. Хотя и охота есь, но как он молодёй парень, то ему страшновато было. Ну Иван все-таки продолжал путь, все пешо дальше в лес. И вдруг Иван оглядел где-то в лесу огонёк, он и пошёл прямо по лесу. Приходит к етой избушке. Избушка вся огорожена чистоплётom. Он подошел бли-

же. В каменке, смотрит, огонь. Сидит бабушка в етой избушке. Он постучал в окно. Бабушка кричит:

— Если добрый человек, заходи в квартиру!

Иван сам собой был очень красивый парень. Входит он:

— Бабушка, говорит, я ведь не один, у меня естя охота.

— Ай, кормилец, да кака те охота?

— Звери разные и птицы. Ворона естя и галка.

— Ладно, кормилец, и охоте место найдетца.

Стал он ей спрашивать:

— Бабушка, а где ж твой дедушка?

— Ох, кормилец, он давно уже умёрши!

— И ты одна не боишься жить в лесу?

Тада етая старушка ему делает предложение:

— Как тебя звать?

— Иваном.

— Вот, Ванюшка, как бы я была рада, кабы ты был моим сыном.

— Дак ладно! Коли я тебе пондравилса, дак я буду твоим сыном, а ты моёй матерью. Дак вот, мамаша, моя просьба, если до тебя уж добралса. Нет ли мне, чем охоту накормить. У меня есь звери, им надо мясо, а зайцу — качан капусты.

— Дак возьми, сыночек, зарежь барана, мало — двух зарежь. У меня мяса много. Да и зайцу качан капусты найдется.

Иван пошел в сарай, зарезал барана, розрубил на куски и всю охоту накормил мясом, в том числе и птиц, а зайцу дал качан капусты.

— Дак вот, мамаша, ты здесь в лесу живешь... А как твой муж — охотник был?

— Да, да, охотник, он много птиц бил, продавал. Хватало у нас всего.

Пужинали и легли спать. Утром просыпаются — бабушка Ване и говорит:

— Ванюшка, Ванюшка, знаешь что: ведь тут у нас город-то рядом.

— Что же в городе тишина такая?

— Да, говорит, царю-батюшке Змей прислал телеграмму-молнию, чтобы он отдал дочь Змею на пожирание и отправил бы ее к мосту.

Когда ето все сказала бабка, Иван ей и говорит:

— Я покормлю охоту и пойду охотиться на дичь.

— Ой, Ванюшка, иди, здесь дичи массыя, тетеревов, куропаток — мой муж много носил!

Пошел Иван не за охотой, а идет со своим зверям к етому мосту. Подошел так к етому мосту, что нихто не заметил его со своей охотой. А на другой стороны моста была шахта угольная. Вот вдруг приводят царевну к мосту. Там была кровать сделана

ей — все, чтоб ожидала себе смерти. (Вдруг поднялся вот).¹³ Иван подходит к етой девице, к царевне, она плачет. Он и говорит:

— Чего вы плачете, милая?

— Да как же мне не плакать? Мене привезли на пожирание треглавному змею. Будьте добры вы уйдить, а то он и меня, и вас сожрёт<т>. Вы молодой, вы красивый, зачем вам пропадать?

А он говорит:

— Неправда! Я хочу с им побороться.

Вдруг зашумел ветер, по реки заколыхались волны от полету змеинова. Вдруг опускается змей на мост. Ударил хвостом по мосту. Мост так и заходил ходуном. Змей и говорит:

— Фу, черт возьми! Летел только выпить, а тут и закуска приготовлена.

А Иван-великой русской богатырь:

— Брось, дьявольская сила!!!¹⁴ Етой закуской ты подавишься.

Тогда Змей и говорит:

— Иван-великой русской богатырь! Ты молод со мной сходить на поединок.

— Нет, дьявольская сила, давай сойдемся!¹⁵

Змей осадил назад моста и разошлись. И вот ковда¹⁶ оне сошлись со Змеем, Иванушка как махнул мечом — так сразу три головы отрубил, а царевна лежала уже без сознания от испугу. Иван подходит к царевны и говорит:

— Барышня, не бойтесь, встаньте, больше ничего не будет.

Туловище змеиное схватил, бросил в реку, а эти три головы забирает в руку и царевну тоже берёт<т>:

— Пойдемте, барышня, я вас провожу.

А тут как раз на левой стороны камень лежал, такой большой, как моя квартира. А напротив стояла шахта угольная на другой стороне дороги. А угольщик видал, что кто-то сразился и кто-то выходит из воды. А Иван толкнул ногой этот камень и положил эти головы под камень, а другой ногой толкнул этот камень на прежнее место. Проводил Иван-великой русской богатырь царевну до камня, так что она видала, куда и головы змеиные положит. И тут он с ей распрощался и пошел опять на мос[т] за соей охотой, а царевна продолжала иттить домой по дороге. Вдруг откуда ни возьмишь угольщик выскакивает с колотушкой:

¹³ Фраза в скобках зачеркнута.

¹⁴ Эти слова сказитель выкрикивает громким голосом (примеч. В. А. Кравчинской).

¹⁵ Тем же громким голосом (примеч. В. А. Кравчинской).

¹⁶ Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами «в» на «г». Оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

— Стой, — говорит, — а то убью сейчас! Говори, что я тебя спас!

...Ну что ж! Той надо было соглашаться.

— Ладно, я скажу папы, что ты меня спас от трехглавого Змея.

Ну и наказал ей, чтоб ни Боже мой, чтобы она не проговорилась. И пошли оны во дворец. Встретила их карета и встретили, как спасителя, этого угольщика.

Теперь Иван великой русской богатырь забрал свою охоту и пошел домой к своей приемной матери. Мать его спрашивает:

— Сынок, ну как охота?

— Ах, мамаша, ни одной птицы не видал.

— Ну, наверно, такой несчастный час, что не пришлось убить ни одной птицы.

Тада он опять накормил свою охоту и легли спать. Лежат с матерью и разговаривают. Мать и говорит:

— Вáнюшка, ты знаешь что?

— Не знаю, мамаша, ничего!

— Да ведь у нас какой спаситель явился! Змей победил! Колотушкой отколотил змею три головы!

Он ей ничего на это не сказал (он сам себя не выказывал, что это он работает).

Вот наутро мать опять стала ему говорить.

— Опять несчастье у нас. Прислал шестиглавой змеей телеграмму царю-батюшке, чтобы вел ему вторую дочь на пожираниё.

— Ох, какая, говорит, неприятная картина...

Вот он утром вставшее накормил свою охоту и говорит:

— Мамаша, я опять пойду за охотой!

— Ну, что ж, сыночек, иди, делать тебе ведь нечего. Прогуляйся! А, может, и убьешь какую птицу!

И он пошел не за охотой, а специально к мосту, спасать вторую дочку царскую. И он разложил охоту по берегу реки около моста, а сам пошел к мосту, ко второй дочке царской. Подходит к ей, а она заревущим слезам плачет. Он спрашивает:

— Барышня, чего вы плачете?

— Да как же мне не плакать! Я привезёна шестиглавному змею на пожираниё.

Стала его умолять:

— Уйдите, вы молодой, такой красавец, ведь он вместо меня вас сожрёт.

— Нет, барышня, я не уйду, посмотрю, какой змей явится вам на пожираниё.

Вдруг зашумел ветер, заколыхалась вся вода по реки от змеинова полета. Опустился Змей на мост, ударил хвостом по мосту, мост весь ходуном заходил. Царевна от страху упала на кровать без памяти.

— Фу, — говорит змей, — я летел только выпить, а тут и закуска мне приготовлена.

А Иван-великой русской богатырь отвечает<t>:

— Брось, дьявольская сила, этой закуской ты подависься.

Тада он закричал Ивану-великому русскому богатырю:

— Иван-великой русской богатырь, ты молод сражаться со мной!

— Нет, дьявольская сила, давай сойдемся и подеремся!

Вот разошлись один с краю моста, а другой — с другой, как раз напротив этой царской дочки у них вышло столкновение. Как Иван-великой русской богатырь маханул своим мечом — сразу три головы срубил. Вторым разом и опять сошлись. Иван-великой русской богатырь так удачно дал ему, что последние три головы срубил мечом, схватил змеиное туловище и бросил в реку.

Стал царскую дочку в чувство приводить:

— Вставайте, барышня, не бойтесь, ничего больше не будет<t>!

Она очнулась, смотрит — молодой человек стоит перед нею. Стала его просить:

— Пойдемте, молодой человек, к моему папаше.

Но Иван-великой русской богатырь отказался.

— Я вас провожу, но только недалеко, до камня. Там распрощаемся, и вы пойдете домой.

Забрал эти шесть голов за языки и пошли с барышней до камня. И он толкнул камень ногой, камень откатился прочь с места. Положил эти шесть голов, зашел с другой стороны, ногой толкнул, камень на прежнее место сел, придавил змеинные головы. Оне распрощались. Когда оне распрощались, она дала Ивану золотой перстень. А угольщик в это время смотрел в щолку, кто это будто с воды ли вышел, неизвесный человек. Когда заметил, что идет эта барышня, угольщик со своей колотушкой выбегает<t> к ей и говорит:

— Ты говори, что я тебя спас. А если не скажешь — убью тебя этой колотушкой.

Она покленулася, что скажет<t> царю, мол, вот кто меня спас от шестиглавова змея. Он берет ей под ручку и идет дорогой. Вдруг подъезжает<t> карета. Оне садятца в карету и приезжают во дворец к царю.

А Иван-великой русской богатырь забрал свою охоту и пошел домой к матери. Вот мать и спрашивает:

— Ну, как охота?

— Ни одной я и нынче птички не убил.

— Ну, значит, выходит такое несчастье твоё.

Накормил охоту. Легли спать. Стали разговаривать. Мать ему и говорит:

— Вáнюшка, Вáнюшка, вот у нас какой спаситель появился: отбил шестиглавному змею головы колотушкой. Вот бы интересно таково человека поглядеть!

Наутро просыпаетца Иван, а старуха уж давно встала и все новости узнала. Она ему и говорит:

— Царю-то батюшке двенадцатиглавой змей прислал телеграмму, чтобы последнюю царскую дочку прислал ему на пожирание.

— Ох, какая печальная картина!

— Да уж такая-то красавица, что, верно, в мире нет такой!

Вот Иван-великой русской богатырь накормил свою охоту, посмотрел, все ли в порядке, и отправился как будто опять на охоту, а сам пошел спасать третью царскую дочку. Разложил охоту поблизости и говорит:

— Ну, охота! Севодня не спать и не дрёмать. Если я только крикну: «Охота!» — вы должны в тую де секунду быть в помощь меня!

Вся охота отвечает:

— Иван-великой русской богатырь, постараемся. Только через губу́ слово — и мы сейчас будем в помощь у тебя.

Он подходит к третьей царской дочери, которая привезёна была на пожирание двенадцатиглавному змею. Она сидит и очень горько плачет. Увидала Ивана-великого русского богатыря и говорит:

— Молодой человек, будьте добры, уйдите с моста, а то сейчас двенадцатиглавый змей прилетит: вместо меня тебя пожрет, а мне жаль твоёй молодости. Иван-великой русской богатырь и говорит:

— Я с им еще поборюся.

Вдруг зашумел ветер, поднялася вода прямо сильным волнам, летит двенадцатиглавый змей.

Царевна от страху упала на кровать и сделаласе без памяти. А Иван-великой русской богатырь стоит поблизости её кровати, поживаете прилета змея двенадцатиглавого. Когда змей прилетел на мос[т] опустилса, ударил хвостом по мосту, так мос[т] весь ходуном и заходил:

— Фу, говорит, летел только выпить, а тут и закуска приготовлена мне.

А Иван-великой русской богатырь и говорит:

— Врёшь, дьявольская сила, этой закуской ты подавишься!

Змей закричал:

— Иван-великой русской богатырь!!! Ты юноша передо мной. Уйди с моста!

А Иван-великой русской богатырь отвечает:

— Неправда, дьявольская сила, мы с тобой сойдёмся как следует, и кто еще ково поборе!

И вот, когда оне разошлись, один — на один конец моста́, другой — на другой, охота уже стояла начеку. Когда оне сошлись и сделали сильный удар, Иван-великой русский богатырь как махану́л своим мечом — сразу несколько голов отрубил, а змей в это время ему пронзил правую руку под мышкой. Тогда Иван-великой русской богатырь крикнул:

— Охота, выручай!

Медведь как наскочил, схватил змея и прижал, кошка давай глаза черяпать, волк — когтями драть, а Иван-великой русской богатырь отрубил ему мечом последние шесть голов. И он брос[ил] туловище змея в воду, в реку́, одним словом, и стал будить царскую дочку. Она очнулася — смотрит, у Ивана-великого русского богатыря с подмышки сильно кровь льё<т>.

— Что это с вами?

— Меня змей ужалил под правую мышку.

Она тада свернула носовой платок свой именной. Такая рана была, что она одним платком не могла устепенить кровь, так она три платка свернула и заткнула в ето пронзительное отверстие. Тада Иван-великой русской богатырь говорит ей:

— Ну, барышня, пойдёмте, я вас провожу до камня.

Забирае<т> все эти двенадцать языков, понёс и говорит барышне:

— Обождите минутку, мне надо головы здесь полóжить под камень.

Он тут же камень ногой перевернул, полóжил он эти двенадцать голов, с другой стороне зашел, ногой толкнул, камень сел на старое место, придавил головы. Он стал с барышней прошатца, она стала его звать:

— Поедем, говорит, со мной к моему папы. Карета нас встретит и мы поедем во дворец.

Но Иван-великой русской богатырь ответил ей:

— Я никак не могу поехать сейчас, потому что у меня охота здесь. Может быть, когда-нибудь мимоходом я и зайду к вам навестить вас.

Так Иван-великой русской богатырь пошел к своей охоты, а угольщик выскочил из шахты к этой царской дочке:

— Говори, что я тебя спас, а то я колотушкой сейчас тебя убью. И поклянись,¹⁷ что никому не скажешь ни слова.

Барышня с испугу сказала:

— Кленусь,¹⁸ что я скажу — вот кто меня спас.

Вдруг неподалёко прошли — встречает их карета. Сел ето угольщик с барышней и поехали во дворец.

¹⁷ В рукописи «е» исправлено сверху на «я» и зачеркнуто.

¹⁸ В рукописи «е» исправлено сверху на «я» и зачеркнуто.

А Иван-великой русской богатырь забрал свою охоту и пошел к своей матери.¹⁹ Когда пришел к матери, и говорит ей:

— Фу, мамаша, никак не могу напась ни на одну птицу!

Мать ему отвечает:

— Ай, Ванюшка, Ванюшка, ево у нас Господь послал какого защитника. Угольщик трех царских дочек спас: трехглавова змея убил, шестиглавова змея убил, двенадцатиглавова змея убил, всем отбил колотушкой головы!

— Ай, мамаша, я бы рад такова человека поглядеть, что за угольщик.

— Ай, сыночек, говорят он такой сильный, что сказать нельзя. Вот накормил Иван-великой русской богатырь свою охоту, дал зайцу кочан капусты, зверям барана разрубил, с матерью поужинал и легли спать. Утром бабка просыпаетца и говорит своему сыну, Ивану великому русскому богатырю:

— Ванюшка, знаешь, севодне везде в церквах богослужений идет: царь-батюшка младшую дочь-красавицу выдаёт за этого угольщика замуж. После завтрава будет свадьба и обручение — всё сразу.

Он тада у матери спрашивает:

— Мамаша, я хотел бы вас спросить, нет ли у вас денег?

Она и говорит:

— Ванюшка, а на что денег тебе?

— Да я, говорит, хороший музыкант, мне бы скрипку купить надо.

— Ванюшка, дак возьми денег, иди купи! И мне-то повеселее буде жить.

Иван спрашивает:

— Мамаша, а не знаете никакой улицы естя инструментальный магазин, чтоб можно скрипку купить?

Она ему рассказала, что вот на такой-то улицы. Приходит он уж со скрипкой домой к матери.

— Вот, мамаша, я хочу сходить на этово угольщика посмотреть, кто он из себя, какой Геркулес.

— Ох, Ванюшка, куды ты пойдешь, такая сила съехавшее народу на свадьбу! (Мать его не пускала).

— Мама, говорит, я как-нибудь окольным путём мимо публики пройду. Может быть, увижу, а не увижу — что будешь делать, когда народу много. Я накормлю охоту и пойду с охотой, так чтобы меня не задавили.

Вот он пошел в город, взходит с края улицы. Там полно народу, что нечего делать, что в переулке, что на улицы. Иван смотрит — пройтись тяжело и закричал:

¹⁹ В рукописи «е» исправлено сверху на «и».

— Ну-ка, охота — медведь, волк за тобой, лисица за волком, волк за лисицей и галка, и ворона, раздвиньте мне дорогу, дайте к самому дворцу подойти.

Как заиграл Иван-великой русской богатырь скрипку свою, как закричал:

— Мишка, вперед!!!

Медведь ковырком в публику да как гыркнет, народ в сторону шарахнулся, за медведем вся охоты, и освободили дорогу Ивану великому русскому богатырю. Вот он подходит ко дворцу со своей охотой, а там идёт обрученьё, и сейчас поедут к венцу. Как раз эта младшая дочка сидит с этим угольщиком на балхоне и заметила охоту. Она сразу спрыгнула со стула и бежать от угольщика к своему отцу:

— Папа, пригласи этого музыканта к нам сейчас же!

Ну, отец послушался дочки. Там на свадьбе были разные князья, витязья, графы разные приглашёны, и как раз музыкант подошел к этому времени. Охоту поставили в сарай, всех закрыли, а музыканта пригласили за стол. Тада младшая дочка и говорит царю:

— Папа, будьте добры, на одну минутку выйдите в соседнюю комнату со мною кое-что поговорить. Оне выходят:

— Папочка, говорит, это не музыкант, а это наш спаситель пришел к нам.

Царь так разочаровался:

— Чем это ты мне докажешь, что он наш спаситель.

— Папа, возьмите врача и разденьте его и посмотрите: у него под мышкой запихано в рану три моих именных платка носовых.

Тада царь-батюшка позвал врача, пригласил чтобы музыканта в отдельную комнату:

— Будьте любезны, разденьтесь, нам нужно вас осмотреть, кто вы такой.

Када он снял с себя все бельё, оказалось, действительно, что под правой мышкой прижжено тело, и запихнуты три именных носовых платка, все окровавленные. Тада царь и говорит этому музыканту:

— Вы моих дочек всех спасли, всех! Скажите, как с этим поступить с угольщиком, с негодяем, который нас обманул?

— Ваше Императорское Величество, разрешите мне с им поговорить. Он сам себя обсудит, какое наказание дать ему.

Ну, царь разрешил. Вот тогда принесли с него бельё, одели Ивана-великого русского богатыря. Приходит он в залу, где сидят за столом гости, и сидит царевна с этим угольщиком, как уже с назначенным женихом. Вот Иван-великой русской богатырь приходит, садится за стол, берёт свою скрипку и начинает играть и затем говорит:

— Господа! Разрешите мне несколько слов сказать!

Тут все присутствующие лица заговорили:

— Пожалуста-пжалуста!

— А что сделать такому человеку, который не своим рукам дело делал, а на себя сказал? Тут сечас говорят, что угольщик какой-то отколотил колотушкой головы трехголовому, шестиголовому и двенадцатиголовому змеям многоглавым. Какое дать наказаниё такому человеку, если он врёт?

Угольщик встает и говорит:

— Вывести хорошего стоялого жеребца, сделать снасть и такого человека посадить и жеребца пустить в степь, чтоб он ему размотал все кости.

Тогда Иван-великой русской богатырь говорит:

— Будьте добры запречь каких-нибудь лошадемок доехать до моста, посмотрим, где у него там под камнем спрятаны змеинные головы.

Царь приказал все имеющиеся коляски в городе запречь и подать ко дворцу, чтоб посмотреть, где находятся эти змеинные головы, а этому угольщику подали царскую карету. Приехали оне с младшей царевной туды. И все поехали полюбоваться, что такой богатырь мог ворачать на ту сторону и на другую одной ногой. А тут, пока свита уезжала, привели жеребца и все снасти, чтоб как обманщика посадить и пустить по чисту полю. Подъехали к камню вся свита его величества. Выходит и этот угольщик со своёй будто жонной-царевной из карете.

— Вот, — говорит угольщик, — под этим камнем у меня все головы положены. Да очень просто! Вот я сичас подойду, ногой толкану — и посмотрите.

Вот он одной ногой толк — камень даже и не дрыгнул. Во второй раз, третий раз — камень ни с места.

— Фу ты, говорит, что такое? Неужто я так ослаб!

Вдруг этот музыкант подходит и говорит:

— Слушей, угольщик! Не своим рукам ты это делал. А кто делал — тот и покаже<т>.

Тут Иван-великой русской богатырь подходит к етому камню, толкнул ногой — камень несколько раз перевернулся. Присутствующие лица смотрят — правильно! Змеинные головы все здесь, под камнем лежат. Он же зашел с другой стороны камня, как толкнет — он опять на прежнее место лег. И вот сечас же Иван-великой русской богатырь крикнул:

— Подать сюда жеребца и посадить етого угольщика, кто умел хвастовать и врать! А себе наказанье дал он сам.

И жеребец размотал его всего на мелкие части, этого угольщика. А свита вернулась обратно. Тада ему цар[ь]-батюшка предл[ож]ил на этой дочке на младшей жениться. Он согласилсе и говорит царю, что вам буде<т>, папаша, надо послать за моёй

мамашей на благословенье меня. Он рассказал, где, в каком лесу его мать живёт<т>. Дали карету выездного лакея и поехали за его матерью. Приезжает туды карета. Старушка спугалась:

— Батюшки мои! Царская карета пришла! Зачем бы это?!

Выездной лакей водит в квартиру и говорит:

— Бабушка, собирайтесь к нам на свадьбу во дворец.

— Ой, кормилец, что вы, что вы! Я никогда не была и близко окол дворца, а вдруг таперь мне во дворец на свадьбу.

— Да нам царь-батюшка приказал, чтоб я вас привёз!

Старухе делать нечего! Надо повиноваться царскому слову. Вот она оделась и поехала во дворец, а не знае<т>, зачем. Знае<т>, что женитца, а кто — неизвесно. Так, как ей встретили — так чуть ни на руках несли етую старуху за стол к своёму названому сыну. Старуха увидала своёво сыночка, что он сидит с царской дочкой, и она ужახнулася, каким путём он попал сюды. Она слыхала, что женитца будто²⁰ угольщик, а оказалось — ейный сынок женится! Тут же при ней жениха и невесту благословили и поехали в церковь. Повенчались, и государь передал ему все царсво во владение.²¹

Тада начал Иван-великой русской богатырь поправлять всей своёй странюю. Ну, почему-то правительсво не взлюбило его, верно, потому, что он был мужицкой царь. И были у них такие заговоры, что давай его изведем со свету. Разные манеры оне придумляли: или его обмануть и застрелить, или сжечь на кострах. Етот молóдый государь ничего об етом не знал. Его пригласили на охоту облаву делать и так, что кода поехали оне в одную месность, где много зверей, охотиться со своим, одним словом, подчиненным. У них у всех одна была мысль, что его как-нибудь нужно убить. У их такой был замысел.

— Подведем, мол, так, незаметным способом. Выстрел дадим, как будто по зверю аль по птицы. Оны так и сделали. Ковда его, значит, убили, ну куды его спрятать, чтоб никакова не было следу, чтобы не могли нигде разыскать. А у их уже было приискано место, куды спрятать его. Было двенадцать дубов, очень густых и толстых. И вот оне коё-как соорудили гроб ему, а кузнецу заказали цепи, чтобы повесить на эти цепи гроб, чтобы никто не мог его найти. И эти самыи его подчиненныи являются из охо-

²⁰ В рукописи «т» исправлено на «д».

²¹ Далее в рукописи в рамке: примечание исполнителя: «„Этую сказку я слышал в германьскую войну от Бориса Юдина, Марины Лесковской мужика, нашего соседа. И Борис помер, и Марина померла еще до немцев. И он до немцев помер. Он улипал несколько сказок к одной. И как складно выходило! Месяцам мог рассказывать одну сказку. И у меня одна за другу цепляется. Вот и сичас пойдё все одне. Слушайте!“». Сбоку помета В. А. Кравчинской: «Сноска. Не переписывать».

ты домой, а государя нету. Жона об етом узнала и поехала спрашивать князя, который с им был. Что где мой муж находится.

— Он пошел вглубь болота и, наверно, там в пучины завяз — мы его больше и не видали (Ответ был короткий от князя!)

Жона тогда своёму отцу, бывшему царю, говорит:

— Посоветуй, батюшка, как разыскать своёво мужа.

Тада её отец и посоветовал:

— Знаешь что, доченька, видь охота его ж́ива, осталась у нас в сарае, мы ее соблюдаем и кормим. Надо испытать у них, не может ли какой из них зверь оказать тебе помощь в розыске своёво мужа.

Царица так и сделала. Пришла к охоте и спрашивает:

— Мишка, не можешь ли помочь моёму горю? Ваш хозяин погиб и не знамо, где.

Мишка ей отвечает человеческим голосом:

— Вот надо, хозяйка, так сделать. Послать лисицу и кошку по деревням, чтобы оне разведку сделали. Кто-нибудь да видал его пропавше.

Так царица и сделала. Посылае кошку и лисицу по деревням разведывать, кто что говорит про молодова царя.²² Кошка и говорит лисицы:

— Тебе одной опасно ходить по деревням, ты пробирайся в деревню ночью, а я, когда бабы начнут обряжаться, проберусь в избы и буду подслушивать, что говорят про государя.

А лисица говорит:

— А я пойду, как стёмнется, в деревню. Окна видь таперь заложены костыгой для тепла, так я заберусь в етую костыгу, ухо наставлю к стеклу и буду слушать, кто что говорит.

Так и сделали. Вот кошка и услышала от одной женщины, что царская фамилия ехала куды-то на охоту, куды-то далеко поехали, вроде как в Красные Горы.²³ (А кошка все на ус мотает:

— Нам, мол, только бы найти путь, а уж мы там розыщем!)

Вот оне пробежали довольно много деревень. Нет никакова звука про царскую фамилию, что где же охотились.

Вдруг кошка идет белым днем по деревне, как она животная домашняя, и услышала от однова мущины, что охотились неподалёку от ихней деревни, охота была на медведя.

Она тада вернулася к лисицы:

— Охота-то здесь была недалёко от деревни. Наверно мужики знают, где наш хозяин находитца.

²² Исполнитель смеется и добавляет: «Как хорошие шпиёны по-теперешнему» (имея в виду недавнюю оккупацию немецко-фашистскими захватчиками Лужского района (примеч. В. А. Кравчинской).

²³ Колхоз Лужского района, расположенный далеко от Заклинья (примеч. В. А. Кравчинской).

Кошка подмазалась к одной старушке, взошла за ней в избу, а лисица забралась в етую костігу, под окно. Вдруг приходит хозяин етого дома и говорит:

— Знаешь, видь не очень-то красиво получилася охота у царя нашево батюшки.

— А почему, — баба спрашивает, — нехорошо случилось?

— Да ево нечаянно застрелили.

Хозяйка опять егоспрашивает:

— Да как ты узнал?

— Да я был приглашённый в тую ж облаву, мы и видали, как ево убили.

Баба и спрашивает:

— Куда ж ево дели, убитова? Домой свезли, али там похоронили?

— Ево, говорят, я, правда, не могу сказать, где ево похоронили, ну слышал, что кузнецам заказали цепи, чтобы гроб прикавывать где-то к двенадцати дубам, чтобы никто не знал, где он похоронён.

Опять мужик и говорит:

— Допустим, в Слопях²⁴ был кузнец Ванька. Он, наверно, знает, где этии дубы находяца.

А лисица всё на ус мотает себе. Ковда встала заря, лисица выскочила из костіги и побежала за деревню. У их с кошкой было соглашение, что где втретитца. Кошка встречаетца с лисцей и говорит:

— Знаешь, я ничего не слыхала!

— А я, — говорит лисица, — все до тонкости узнала. Я ночевала у ёгаря под окном и слыхала, как он рассказывал про нашего хозяина.

Вот она и зовёт кошку.

— Мне-то нельзя зайтить в кузницу, а ты зайди и узнай, куда оне гроб его повесили и в каком расстоянии этот лес.

И вот кошка пошла к кузнецу и приходит в это же време в кузницу мужичок заказывать подковы и рассказывает, что случилось.

— Вот какая облава была — нещасье. Хорошой был государь, из нашего кресьянского роду, да убили его господа. Видно, за то, что крепосное право хотел уничтожить. Я ето хорошо знаю. Я сам цепи ковал для гроба евоннова. Знаешь, недалеко в лесу естя сопка, там двенадцать дубов. Там гроб и качаетца на цепях, на самых верхушках.

Вот оне и помчались туды, кошка с лисцей. Лисицы-то наверх не залезть, а кошка заберетца и все узнает. Прибежали оне к сопки. Узнали оне, что там их хозяин похоронён на пятнад-

²⁴ Деревня Лужского района (примеч. В. А. Кравчинской).

цати дубах.²⁵ Кошка залезла наверх, разознала всё и увидела етот гроб в ветвях и побежала обратно в город к хозяйке и долóжила:

— Мы, хозяйка, нашли, только мёртвова, и похорóнен он на двенадцати дубах. Таперь мы отдохнем денек, а на завтра пошли-те с нам всю охоту и придетца взять галку и ворону с собой, что оне нам очень понадобятся.

Вот хозяйка накормила всю охоту и отправила в путь за лисцей. Она и пошла по старому следу к этым двенадцати дубам. Када оне пришли, указывае<t> она Мишке-медведю:

— Вот тама похоронённый наверху наш хозяин.

А Мишка отвечае<t>:

— Даκ мне на́верх не забратца, я тяжолый. Мне там однёму ничево не сделать. А ты, лисица, начинай снизу корни подкапы-вать, у нас кругом дело подойдет. А вы, ворона и галка, слетайте в деревню на планы, чтобы разыскали бутылочки под живú и под мёртвую вóду.

Ну, галка и ворона полетели. В скором време возвращаютца обратно:

— Нашли две бутылочки себе, одна под живú, друга под мертву.

Медведь тода им даё<t> распоряжений:

— Мы будем подкапывать пни, а вы лётите за тридеветь земель в десятое государсво, там естя колодец с живой и мертвой водой.

Вот они и полетели. Галка опустилася вниз, а ворона осталася наверху (галка — она любительница по таким местам летать, по трубам, везде найдё<t> себе место). Галка опустилася, набралáся живой воды, а со второй бутылочкой опустилася — набрала тоже мёртвой воды. И вот оне в полет отправилися. Галка с мертвой: в клюва́х держали эти бутылочки. И пришлось им лететь через озерко. Навстречу попадаетца большое количество ворóн. Она и каркнула — и бутылочка вылетела прямо из клюва в воду. Вот ворóна и закричала галки:

— Я опустила живú воду в озерко! Что нам таперь делать! Надо вернутца обратно!

А галка говорит спокойно:

— Нет! Полетим до медведя, где оне работают, пни выворачивают.

Отдали лисце етую бутылочку с мертвой водой, а сами стали разыскивать следующую бутылочку под живú воду отправи-

²⁵ Хозяйка, Евдокия Трофимовна Леонтьева, 65 лет, иронически замечает: «Ты к двенадцати гляди-ка уж три прибавил», на что исполнитель с досадой подает реплику: «Ну да, к двенадцати, а ты уж и прицепилась». (Замечание Е. Т. Леонтьевой свидетельствует о большой известности текста данной сказки) (примеч. В. А. Кравчинской).

лись в полёт за тридеветь земель в десятое государсво. Прилетели к тому же самому колодцу. Галка опустилася вниз, почернула живой воды и обратно тую же минуту в полете! А медведь и лисица, и волк, и заяц — все ворочают корни, чтобы свалить дубы на землю, открыть гроб и вынуть из гроба хозяина. И как раз к етому времю как гроб упал на землю, подлетели галка и ворона. Медведь разломал гроб, и вынули своёво хозяина. Положили тело на землю. Медведь начел sprыскивать мёртвой водой, а после sprыснул живой. Встали хозяин, скричал:

— Фу, Господи! Как я крепко спал!

А лисица отвечает<т>:

— Да, хозяин, ты навечно был положеный спать, да мы тебя разбудили. Таперя пойдем-ка домой, к твоей жоне. Она нас дождае<т>!

Приходят оне во дворец. Жона так возрадовалась, что муж явился. Тогда она и говорит своёму хозяину:

— Иван, что нам делать с охотой? Оне сделали нам услугу хорошую. Надо их распустить на волю, ничем оне будут сидеть у нас под замком.

И государь приказал служащим:

— Охоту ету накормите, напоите и вон выпустите из сарая, чтоб оне жили по своим мирам.

Пришёл хозяин на последнее свиданиё к своим зверям попрошатца и поблагодарить их за службу. Ну, медведь отвечает:

— Мы еще не все тебе услуги сделали. Еще тебе должна быть услуга хорошая. Мы две услуги сделали, а третья должна еще быть.

Ну государь так их и оставил. Вдруг опять узнают эти его сотрудники, что государь вернулся.

— Давайте, соблазним его опять на охоту. Мы зря его товда в гробу на дубах повесили. А таперя убьем и сожгём. Вот тогда следы все пропадут.

И вот как раз в этое время входит к молодому государю великой князь и ему говорит:

— Ваше императорское величество! Вот такое-то место нашли лесники — обнаружили много рысей, медведей и разной дичи. Поедемте с нами на охоту.

Ну, как он любитель был ездить за охотой, он согласилсе. (А у государя были уже три небольших сына). Он попрошшалсе с женой и детьми и говорит:

— Съезжу-ка я на охоту, узнаю их: если оне опять что-нибудь будут делать, я их накажу, как надо.

И вот он отправилсе с егарям и с кнезьям на охоту. Приехали в лес, развели костры.

— Давайте сядем, выпьем да закусим, а потом уж облаву будем расставлять кругом етова лесу.

Вот государь пошёл на прогулку, пока оне костры разводили. А в етое време один из его приближенных с винтовки его и убил. А у их костры были специально приготовленные, чтобы его сжечь, чтобы не было евонного праху на свете. Принесли и положили на костёр и сожгли государя, а сами вернулись домой. Вдруг государыня узнаёт<т>, что вернулись с охоты, а ейнова мужа нету опять. Она тогда пошла к своей охоты и спрашивает<т>:

— Мишка, где наш хозяин, ты, наверно, знаешь?

Медведь отвечает<т>:

— Нет, я не знаю, надо опять послать лисицу зайца и кошку в розыски. Оне, наверно, разыщут, что куды государь детый.

Кошка опять подлизнулась к одной женщины и вошла в квартиру. И полюбилась кошка хозяйке:

— Ах, какая кошечка хорошенькая!

А она ласкается. У этой хозяйки как раз несколько было приходца мужчин. Один стал рассказывать:

— Да у нас нехорошо! Эки эти паразиты! Застрелили нашево государя и сожгли на костре.

— А вы разве видали?

— Да как же! Мы в лес ходили за дровами и как раз наткнулись на эдакое дело

Тада кошка побежала к лисицы с зайцем и говорит:

— Ну, ребята, давай же искать. Тут недалеко естя поляна, а на ей костры. Давайте искать, пока уголья не развеявши.

И вот оне все втроем побежали. И недалеко от етой деревни костры. Тада лисица и говорит кошке:

— Надо скорей бежать к хозяйки и сообщить ей, что мы хозяина нашли.

Вот оне моментально запыхавше прибежали в город, прямок царицы и говоря<т>:

— Хозяйка, мы нашли! Наш хозяин убитой и сожженой на костре.

Государыня вся заплакавшее побежала к Мишке.

— Помоги ты моёму горю: наш хозяин убитой и сожженой на костре.

Медведь говорит человеческим голосом:

— Надо послать ворону и галку, куды нужно лететь за живой и за мёртвой водой, а вы припасите две маленьких бутылочки под живую и под мёртвую воду.

Вот царица припасла бутылочки. Вот ворона и галка взяли еты бутылочки и моментально полетели в путь-дорогу за живой и за мертвой водой. От прилетат оне к колодцу етому. Галка опустила одну бутылочку, достала мертвой воды. Опустила вторую — достала живой воды и положила обратно к тому месту, где костер. Медведь, волк, заяц и лисица сграбили етую зóлу всю

в кучу, хотя ей у немного было оставше. Вспрыснули мёртвой водой — оказался труп человеческой.

— Труп его нашего хозяина, — медведь говорит.

Вспрыснули живой водой — государь зашевелилсе.

— Фу, Господи! Как я, говорит, долго спал!

А медведь говорит:

— Навечно ты был похоронённый. Мы сделали тебе третью услугу — распусти нас таперя по домам. Таперя с тобою ничево больше не буде<т> никаких проишествий.

Хозяин их позвал с собой в город, напоил, накормил и распустил. Кто куды думал — тот туды и полетел, тот туды и побежал.

А у етово государя три сына уже подросли. Оне тоже более за охотой любили ходить. И вот оне в одное прикрасное време пошли на охоту. Всё у них как-то неудачно выходило. Нигде не могли никаку зверюшку убить. Ишли оне на охоту все трое и говоря:

— Давайте у папы проситца поехать утешествовать по белому свету. Ето лучше буде охоты, хошь свету посмотрим.

Вот оне пришли домой, сели обедать, отцу и говоря<т>:

— Папа, ты пусти-ка нас в путь, хошь посмотреть белый свет. А то что же. Ходим мы по омшарам да по боровелям ничего не видим, и нас ништо не видит. Отпусти нас — людей посмотреть и себя показать.

От, царь разрешил им поехать, дал всем троим по лошади и по седлу. Оне набрали денег, продовольствия на време и отправились в путешесвиё. Долго ли мало оне ехали по степям. И подъехали на крестовую дорогу. С етой дороги идут три дороги: одна вправо, друга влево и третья прямо. А на етых крестовых дорогах стоял столб с надписям. Оне прочли етые надписи. Вот хто прямо поеде<т>, у тово волк лошадь заес[т], а хто влево поеде<т>, тама под дубам естя лопата, рожок, и все ето волшебницкое, а вправо хто поеде — там естя дворец непреступимый и живет там волшебница, знае<т> все, что есть на свете. Вот оне так и решили. Старший брат сказал:

— Я поеду прямо, я не боюсь волка.

А средний говорит:

— Я поеду влево, разыщу это волшебный рожок и волшебную лопату.

А уж младшему пришлось необходимо ехать к етой волшебницы в правую сторону. И вот так оне и сделали. Разъехались все три брата по разным сторонам, все отправились в путешесвие.

Старший брат недалёко проехал от етова столба, наскочило на него стадо волков и разорвало жеребца. А средний поехал влево, доехал до етого дуба, где были спрятаны рожок и лопата, он там разыскал ети вещи. И вот он когда взял рожок в руки и заи-

грал, вдруг являетца такая неслыханная сила войска, что он даже ужаснулся.

— Ваше императорское высочество, что прикажете нам делать, — спрашивают оне.

Он, обрбевши, сначала ничего не мог им сказать (он никогда не видал такой силы). Подумал и сказал:

— Сейчас вы свободны, можете иттить. Я вызвал вас только для тревоги.

(Нашелся все-таки, что сказать!)

И счас же всё исчезло. Он взял егую лопатку и отправился он дальше путешесвовать. А младший брат все в гору прямо и прямо подымается к етому ко дворцу. Захотелось ему посмотреть, хто тама живе<т> и какая волшебница-государыня. И вот он ходил круг дворца. Во дворце нет ни окна, ни двери. Хто же ето там живё<т>? С тоит и удивляетца окол забору. Думает:

— Мне придетца, кажетца, перелезть через забор и посмотреть, естя ли там живой человек.

Он так и сделал. Перелез через забор и очутился во дворце. И вдруг выходи<т> ему навстречу царица:

— Ты какое, молодой человек, имел право попась ко мне во дворец? — закрычала на него сильным, суровым голосом. — Вот ты раз пришел сюды — должбн и женитца на мне, а то я закую тебя в цепи и посажу, как льва, в дверях.

Он тогда дал ей чесноё слово, что я женюся на вас. Тогда оне сели за стол, стали разговаривать о жизненном положении (а она была очень даже красавица). Ну вот, когда оне сидели за столом и разговаривали, вот она ему и говорит:

— Вот, будущий мой муж, твоим братьям очень плохо придитца переживать. Оне в дороге терпят такие нещасья, что уму непостижимо. У однёва волки разорвали лошадь, и он ходит пешком, а другой иде<т>, сам не знаё<т> куда, а у отца вашего на царсво напали враги, объявили войну. Ему ниоткуда никакой нет помощи, чтобы дать на подкрепление войска. Неприятель очень сильный, и войска довольно много, а у вашего отца очень мало осталось войска, так что, дорогой мой муж будущий, надо торопиттца, чтобы вывести отца из етого нещасного положения. Если осталось всего трое сутки, а то заберут и дворец, так что погибнет вся Россия. Надо ускори́ть помощь!

— Да как же, милая, ускори́ть?! Я не знаю, где наша охрана, и как мы попадем туды.

— Нам надо разыскивать второго твоёво брата, который имеет волшебный рожок и лопату. У его столько войск под его руководством, что нихто не може<т> совладать с им!

Он и спрашивае<т> свою будущую жону:

— А как мы его разыщем? У нас строк-то маленькой. И как мы попадём на родину к отцу?

Она и говорит:

— Нам попась — это минутное дело. Сечас здесь, а через час будем там.

Тода он удивился ейным словам:

— Как ето? Такую даль, и мы будем через час у отца?!

— А вот, мой дорогой муж! У меня видь тоже есть что-то! И войско у меня есь, у меня большой флот. Я сечас сделаю судно. Вот здесь. Сядем и поедем прямо со дворца. Она взяла лист бумаги, очертила, нарисовала пароход, и в ето время как раз пришел второй брат к им навстречу (у которого был рожок и лопата). И оне в ето время закусили. Оказалось море тут же на месте! И оне сели на судно и поехали на свой родной участок земли. Вдруг ее муж не успел оглянутца — вроде как Москва здесь город стоит, оне уже в два мига очутились на родном месте. Тогда сходя<т> с судна и идут в город, прям к своёму родному отцу, Ивану великому русскому богатырю. Тогда отец встретил их и говорит:

— Дорогие мои сынки вы уехали, а пока вас не было — на нас напал враг и розбили нашу всю державу. Вот, ожидаем с часу на час, когда наш последний город возьмут.

(А ета самая царевна позаботилась прежде о себе, чтобы ей повенчатца, а потом уже воевать.) Вот она своему деверю и говорит:

— Пойдемте за город на поле и сыграйте в трубочку (это в волшебный рожок). Вот он заиграл в свой серебряной рожок, тогда явилась такая массья войска со всех сторон, никто не може<т> оглядеть глазам, где им конец, очень много. Эта царевна и говорит:

— Слушей, ты дай мне право командовать войскам — и все-го этого врага уничтожу за каких-нибудь несколько часов. Все высшее начальство стояло перед этым вторым братом и требовало приказов — отступить или наступать, что там делать. Он, начальник, и заявил:

— Слушайте приказов моей невестки, что она буде<т> вам диктовать — вы должны ето все выполнять.

Ну, она тогда призвала военных начальников и говорит мужественным суровым голосом:

— Господа генералы, я приказываю вам за несколько часов всю ету вражескую армию разбить, чтобы не существовало ей на свете!!!

Заиграла музыка, все это войско пошло в обход, чтобы сделать окружениё и никого не выпустить из своей земли. И через несколько часов етот фронт был очищенный от неприятельских войск. После передаё<т> флот, что якобы неприятельской флот сосредоточил массу судов направляет на форты на наши. А у нас флоту мало. Тогда она моментально сосредоточила столько фло-

ту. Что никогда и никто столько не слышал и не видал такой силы судов, и приказала своёму флоту вступить в бой с неприятельской силой. Которы были утоплены сѹдны, а некоторое число были взяты в плен. И в этом числе кончились военные действия.

Стали оне жить по-старому, и все государство стало восстанавливатца по-прежнему, как и у нас таперя. Вот так етим и кончились все военные дейсвия.

И стали оне жить благополучно. Царевна осталась с мужем своим, и при них жил средний брат, а старший брат так и остался в волшебном государстве. (Нет, не так это получилось со старшим братом).²⁶

<А> Ивана-великого русского богатыря старший сын ушел по прямой дороги. Ушел за тридевять земель в десятое государство, он прослышал, что естя там у царя очень красивая дочка. И вот он всё ходил по трактирам, по гостям, чтобы узнать, как ей посмотреть. Вот, один слесарь ли, механик ли — пьянчужка, одним словом, ему и говорит:

— Еслиф ты меня угостишь, то я не только слово хорошее тебе бы сказал, которое для тебя буде<т> полезно, я бы вам такую смастерил штуку, которую никто не видывал, всего из двух досок. Но у меня, сами, конешно, видитё, — я пропивше — ничего нет даже опохмелитца нёчем.

— Ладно, я тебя опохмёлю и денег дам, — говорит царевич.

Вот, когда он денег дал этому мастеру, угостил его, он, недолго думая, поехал на биржу, купил доску половую. Из этой половой доски изобразил птицу особенную сделал, а как он механик был, дак он приложил все силы и сделал из доски такую птицу, что стали летать даже быстрее теперешних самолетов. И вот этот сын Ивана-великого русского богатыря сказал:

— Так вот, голубчик, ты мне покажи, как управлять етой птицей, видь я же не знаю!

Ну, конечно, механик обещал всё управление показать. В воскресеньё, как понятно, не извесно в выходные дни работал механик. Етот механик его пригласил:

— Вот пойдём за город, я тебе покажу всё управлениё.

Стал механик царевичу показывать.

— Пошли. Вот видишь, ета птица. Я сажусь на ей верхом, а ты садись ко мне на коленки. Я тебе всю тайну выкажу, как подыматца и как опускатца, и как полет сделать быстрее.

²⁶ Продолжение сказки об Иване великом русском богатыре (примеч. В. А. Кравчинской). *(Я думал-думал всю ночь и вспомнил, какая с ним история случилась. Уж меня и досада на него взяла. Думаю, ах ты, сукин сын, да что же ты там проделывал. Тут и вспомнил все, что с им было. Сейчас вам доскажу. Это вот)* — текст в скобках в рукописи обведен с пометой «не переписывать обведенного».

И вот, когда оне сели, механик прижал гайку, птица как фукнула — он не успел оглянутца — и городу уже нету — в один миг улетели! Вот он летит, и ему указывает механик, какой винтик как нажимать, как полёт направлять, как быстроту сократить. И вот оне в один миг круг пролетели, возвратились в город оба. Взаходят в гостиницу. Этот цесаревич его возблагодарил так, что он и не думал, что такие деньги получит за свою работу. А цесаревич в этом городе все искал себе должности, что куды бы на место поступить, но никак ему не найти было подходящее место. Вдруг он где-то услышал, что открываетца новый магазин, требуютца приказчики. Вот он пришел к хозяину:

— Я хотел бы у вас послужить. Я человек торговой, опытной, так что в торговле меня не затрёт.

И вот навезли в мага́зин разной мануфактуры и етот «приказчик» стал торговать. Он довольно был красивой, цесаревич етот, и вот когда он стал торговать, столько народу стало ходить в мага́зин, что ни в один другой мага́зин не идут, а все к ёму. И так хозяин был доволен етым приказчиком, что у него так идёт торговля, что товару не набратца, — очень много народу было у него. Ну, по воскресениям оне никогда не торговали (давал хозяин отдых приказчикам).

А етому не так уж интересна была так торговля, как узнать, где царская дочка находитца. Зная, что где-то на море, и всё. А государь ей специально отправил, чтоб никакие князья и витязья не приезжали ёй сватать. Он не хотел ёй отдать замуж ни за кого. И вот государь отправил дочку с таким условиём, чтобы никто к ёй не подъезжал и никто бы ёй не видал. Вот етот цесаревич узнал, что вот на таком-то море естя сплавной мос[т], у него все там удобства, и сад, и дворец, и дочка туда отправлена. И там няньки и мамки были с ёй только, а из му[ж]кого пола — никого. И вот царевич когда узнал, что на таком-то море она находитца, говорит:

— В следующее воскресенье я обязательно слетаю туды — посмотрю.

И вот, в воскресный день он берёт ету птицу, отправляетца за́ город, садитца верхом и айда! Отправляетца искать етот пловучий сад, где все удобства сделаны. И вот когда он прилетел туды, — не знаё<т>, как попасть к ней. Облетел несколько раз кругом, видит — окно открыто во дворце. Он слез с етой птицы и вошел в комнату к царевной. Смотрит и даже удивляетца, что такая красавица и такую имеет казнь от отца, что дома не живё<т> и отправлена на море. Долго ли мало он там находился у царевны в спальней, но подходит време — надо ему улетать. Она спала после обеда. Вот он возьми и поцелуй ей.

— Фу! — говорит, какая-то муха села на меня!

А уж он улетел. Она не заметила, кто. Он воротился в тот город и опять стал работать у хозяина приказчиком. И вот он толь-

ко и думает, как бы опять слетать посмотреть эту царевну. Во второе воскресенье прилетел туды к царевны во дворец. Долго там сидел и все любовался на красавицу, а она спала непробудным сном. И маленько ему жарковато стало в одежды. И вот он вынул свой именной платок носовой, утерся, положил на стол и улетел. Приходя<т> няньки-мамки убирать комнату и звать её на прогулку и смётря<т> — платок именной на столе. Какой-то, говоря<т>, из мужчин, наверно, приходил на свиданье к нашей царевны (Одна одной рассказывают). Одна старая нянька и говори<т>:

— Надо царю-батюшке доложить, што кто-то к ей прилетает<т> и улетает<т>, а она не види<т> — кто.

Вот в следующее воскресенье он опять думает<т>, как бы слетать туда и посмотреть эту царевну, этот сын Ивана-великого русского богатыря. И вот он полетел на третье воскресенье туды к царевны на пловучей острове. А у него были дорогие перчатки куплены, и кода прилетел туды во дворец, перчатки снял и положил на стол. А она опять спит крепким сном, не просыпается. Кода стал улетать, эти перчатки он забыл, оставил на столе. Приходя<т> няньки и мамки:

— Батюшки мои, перчатки мужские на столе!

Спрашивают, кто к тебе прилётает аль приходит. Она говорит:

— Я никогó не вижу!

— Надо нам обязательно собчить государю, чтобы каки-то меры принять, поймать етого человека, который сюды лётает.

Доложили царю. И царь поехал сам, чтобы узнать, кто ездит к евойной дочке. Ну когда приехал, спрашивает<т> дочку:

— Кто у тебя бывае<т>? Мне доложóно, что у тебя нашли именной платок носовой и мускиё перчатки. Кто? Утверчай!

Она говорит:

— Папа, я никогó не вижу.

И тогда государь возвратился в город и приказал срочно мастерам сделать такую краску, котора бы не смывалась и не сохла, и выкрасить этой краской стул. И сам и отвез этот стул туды, к дочке во дворец. А нянькам приказал строго-настрога следить йзо дня в день, чтобы поймать, кто туды летает<т>. Подходит воскресенье, а цесаревич, сын Ивана-великого русского богатыря, думает<т> об этом, как бы туды слетать и с нею поговорить. И вот кода он прилетел, влетел в окошко, садитца на стул, и вдруг царевна проснулася:

— Фу, как я долго спалá!

— Ваше императорское высочество я давно уж тут сижу и люблюя вам, какие вы красавицы и тому подобное, — говорит цесаревич.

И она тоже влюбилась в него с первого взгляду. Об чем оне говорили, ето уж им знать. Етому подходит время улетать, при-

казчику. Ну, он улетел, попроштался с ней. Етти няньки и мамки пришли убирать ее комнату, увидели, что со стула сошла вся краска (как он сидел, он задницей все обтёр). Старая нянька стала ёй говорить:

— Кто это у вас бывае<т>?

— Да, севоднешний день мы долго беседовали с ним. Он мне рассказал, что он прилетел сюда из России в наше царство и работае<т> где-то управляющим или приказчиком. Он тоже из царской фамилии, как и мы, тоже цесаревич.

Те, возьми, и доложи государю. И вот государь начинае<т> собирать к себе всех людей, чтоб явились к царю в своих костюмах с сёл, с деревень. Народ сошелся. Ну, государь осмотрел: ни у кого етой краски не замечает<т> на костюмах. Вот создал приказ, чтобы изо всех городов все служащие были на осмотре и в костюмах. А царевич не подумал, что у него задница вся замазанная у брюк, оделся и пошел во дворец. Вдруг которыи осматривали, оглядели его, что у него вся задница в краски, кричат:

— Ваше императорское величество, поймали одново!

Тогда приводя<т> его к государю:

— Ваше императорское величество, глядите, у него весь костюм перемазан в краске!

— А, ваше императорское величество, таким путем попал, что меня интересовало, что где-то на море естя ваша дочка-красавица, такая красавица, что другой такой в мире нету. Вот я и захотел посмотреть вашу дочку и познакомиться с ней.

Тогда государь и говори<т> своим придворным:

— Арестовать его и посадить! И ее, каналью, привезти с острова (Сечас им расправа будё<т> обoим.)

Вот привезли етую красавицу-царевну к царю. Он ёй тоже посадил, как арестантку, в темницу. И вот он вынес такой приказ, чтобы расстрелять их обоих или, самое лучшее, повесить обоих.

— Приготовьте столбы на площади.

А хозяин етого приказчика очень беспокоился, куда тот исчез, и все хлопочет найти его. Хозяин узнал, что он арестованный сидит и что повесют их на площади в следующее воскресенье обоих. И вот кода вывели их на площадь к столбам, етот цесаревич и говорит:

— Ваше императорское величество! Разрешите мне в последний раз с ней попрошатца! (А у них уже была договоренность, что в случае твой папа буде<т> надрыгатца над нам, так ты садись ко мне на колени и обними меня руками вместо поцелуя, а у меня уже буде<т> наготове етая птица, и мы улетим.)

Вот кода им государь разрешил на пять минут поговорить и попрошатца, а после на шею петлю, и сказал:

— Можете идти поговорить, а после я с вам иначе переговорю!

И вот, кода етая дочка подошла попрошшатца и ухватила его за шею, в ето време как он прижал гайку, как фукнула птица взвилася в воздух, она крикнула:

— До свиданья, папа!

А государь кричит вслед им:

— Хватайтё, хватайтё их!²⁷

А где там «хватайте», когда оне уже во-от куды улетели — к Ивану-великому русскому богатырю! Тут оне уж стали готовитца к свадьбы и послали приглашение и ейному отцу — царю и евонному хозяину магáзина — «приезжайте на свадьбу». Но не приехал! Царь не разрешил никому уезжать из его царсва — потому что был осерчёный на дочку.

И те устроили пир на весь мир, и я там был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Про купца Иголкина²⁸

Купец Иголкин был у нас очень богатый. Торговать ездил всегда за границу, возил товары из-за границы, привозил ценные вещи, в Ленинград, в Москву доставлял разное вещество. И вот у него был свой флот, так что он ни к кому не касался и куды ему надо за границу — он туды и едет. И он славился не только в России, но даже по всем державам, такой промышленный человек. И вот когда он, допустим, в Омерику или куды за границу отправлялся и оставлял жону и дочку дома, то у него был верный слуга, который всем хозяйством правил без него. И приходили коммерсанты неоднократно к етому лакею, и он давал по указанию своёго хозяина массу денег, кому сколько требовалось. Кода хозяин приезжал из-за границы, он ему объяснял: вот такому-то коммерсанту дал столько-то, такому-то столько-то, так что был он довольно верный слуга, который ничего не заначивал от хозяина. И вот в одноё время жена зовёт слугу:

— Слушей, скажи, кода мой муж приедет из-за границы, я очень сильно заболела, так что чувствую сама себя, что очень-очень я слабая.

Тада он говорит:

— Хозяин в недалгом будущем должен приехать, так что вот-вот ждитё.

Вот купец Иголкин через несколько дней приехал на своём флоте с товарами. Привёз товаров довольно много. Коммерсанты об етом узнали, что Иголкин приехал. Приезжают, спрашивают, какие привез товары. Он отвечает<т>:

²⁷ Исполнитель иронически смеется (примеч. В. А. Кравчинской).

²⁸ РО ИРЛИ, кол. 118, п. 5, № 7.

— Мануфактуру привез, перчатки, шарфы́ и прочее разное вещество. Оны все это разобрали и начали торговать.

А жена все болеет. Дале — боле, все хуже делаетца ей. Купец Иголкин приехал домой. Докладáет его слуга верный:

— Ваша жона очень больная, надо что-нибудь делать. Он тут и дохтуров, и профессорóв — всех на ноги по́днел, чтобы осмотрели, чем она больна и чем лечить. Вот один профессор ему и говорит:

— Вот, господин Иголкин, ваша жона долго не может жить. Скоро она умрёт.

— А в какое време?

— А вот определенное време я не могу сказать вам. Через несколько время я к вам приеду, осмотрю её, тогда могу сказать (смотря, как её здоровье буде<t>).

Профессор этот снова приехал, осмотрел её и говорит:

— Она более как дней шестнадцать-семнадцать не проживёт<t>. Должна скончатца.

И вот купцу Иголкину нужно было сильно ехать за границу. Но он не еде<t>, потому что жона должна умереть. И вот как раз подходит тоё время — она умерла. Тогда купец Иголкин похоронил свою жону. А у него была очень красавица дочка. Он и говорит:

— Вот, доченька, ты таперя одна будешь оставатца с моим верным слугом. Что будет нужно — он все для тебя и сделае<t>.

А сам купец Иголкин снова отправился за границу за товарами. Отсюда повёз товару за границу. Там этие все товары распродал, закупил, что ему надо, и приезжае<t> обратно в Ленинград. И вот когда он приехал — растоварил все свои товары, и вот ему что-то стало скучно.

— Дай, говорит, я пойду в тиятры.

И вот он пошел в тиятер, а там три колдуныи. И все оне хотели за него замуж выйти. И вот оне приходили к некоторым знакомым его купцам и просили:

— Вот будьте дбры, как бы нам с купцом Иголкиным познaкомитца. Он теперь холостяга, и мы бы с удовольствием вышли за него.

И вот ему сколько предлагали его знакомые купцы:

— Женись! У тебя такое хозяйсво хорошее. Любая, любая пойдё<t> за тебя замуж!

Но он все не соглашался. Все-таки его стали сбивать и сбивать этии купцы, что надо тебе женитца, товарищ Иголкин, у тебя хозяйсво довольно большое — некому следить за порядком. Женишься — всё у тебя буде<t> в окурате, приготовлено и обмыто.

И вот он решил: если мне пондравится которая — я женюсе.

И вот он, значит, пошел в тياتер. Одна там стала ухаживать за ним, другая, третья. Но оне все не очень-то ему ндравились. И вот вдруг откуда-то явилась такая красивая барышня, что он даже влюбился в нее. А етая барышня была сильная очень волшебница. Что она зеркало спросит — что мне сегодня сделать им, завтра сделать — зеркало ей все отвечало. Ну, это зеркало она даже не подумала спросить, кто естя у купца Иголкина в семье, дочка там, или сын. А себя она щитала, что такой красавицы в мире нет, как она красавица.

Когда оне поженились. Он не в долгом будущем опять уезжае<t> за границу с товаром. И вот тогда его молодая жона сидела и скучала без мужа. И забрела с зеркалом поговорить. Тогда спрашивае<t> она зеркало:

— Зеркало, кто естя свыше и краше меня на свете?

А зеркало ей отвечае<t>:

— Свыше и краше тебя на свете естя твоя падчерица.

Вот она слугу верного своёво и спрашивае<t>:

— Слушей, слуга, где она находитца, дочка моёво мужа?

— Она находитца здесь же в доме, только не приказано мне показывать ее никому.

И вот тогда етот самый слуга все выяснил ей, что дочка хозяйская уж барышня взрослая и довольно красивая. Стала молодая жона требовать:

— Покажи её мне.

Тогда он и говорит:

— Вот, хозяйка, показать её я не могу вам, потому что у моёво хозяина приказано, чтобы никого не допускать к ей.

Слуга ушел, а она возьми это зеркало и стала спрашивать:

— Как мне с етой падчерицей поступить? (Она хоче<t> ее извести со свету).

Зеркало отвечае<t>:

— Пошли своёво слугу с ей прогулятца.

И вот она тогда призывае<t> слугу своёво верного и говори<t>:

— Вот, говорит, голубчик, у меня естя просьба до тебя. Я тебе денег столько дам, сколько ты спросишь за свою услугу. Возьми, выведи дочку на прогулку.

Ну, конечно, он пошел, прошлялся с барышней. Ей прогулка пондравилась. Вернулись оне обратно. И опять спрашивает жона зеркало:

— А что ж дальше делать?

Зеркало отвечает:

— Слуга согласился с ей гулять, так пусть он ее на етот раз уведет в лес, убьет, вырежет сердце, а ты его зажарь и съешь, и будешь всех на свете красивей!

Она все эти условия слуге передала. Дескать, убей её, сердце вырежи и мне принеси. А я уж тебя за ету услугу озолочу, денег

дам, сколько пожелаешь. И вот тогда слуга все-таки смутился на эти деньги. Говорит он барышне:

— Ну, барышня, пойдёмте за город погуляем!

Та, конечно, ничего не знала, пошла с ним. И вот идут оны по траве: там цветы разные кругом, птички поют. И вдруг он ей говорит:

— Барышня! Знаешь что? Я хочу тебя убить. Вот меня новая твоя мать просит и даё<т> такую массу денег, чтобы что во что ни стало я тебя убил, сердце вырезал бы и ей отнес.

Ну, девушка не растерялась от этого страху!

— Вот, говорит, пойдём дальше. Попадётца собака большая, ты возьми, убей её.

И только она это проговорила. Бежит им стречу большая собака. Барышня свою речь продолжает<т>:

— Убей эту собаку, вырежи сердце, заверни в платок, снеси мачехе и скажи, что вот я убил и принес вам сердце от нее. А меня пусти, я пойду в лес, куды мои глаза смотрют.

Я не вернусь больше к вам.

Так этот самый верный слуга и сделал. Она пошла в лес, и приняли ее в лесу 12 карликов в свой хрустальный дворец, а он пошел домой. Приходи<т>, виду никакого не показывае<т>. С таким восторгом показывае<т> сердце, говорит:

— Вот, хозяйка, я убил её.

Она возрадовалась:

— Ну ладно, говорит, молодец! Свое дело исполнил, я заплачу тебе.

Он только спросил эту свою хозяйку:

— А как мне говорить нашему хозяину, куды дочка деласи.

— А ты скажи, что она попросилася гулять, я, дескать, выпустил ее, а она ушла и не вернулась. Одним словом, соври!

Вот он так и сделал. Приезжает купец Иголкин, сразу спрашивает об дочке. Слуга отвечае<т> без запинки:

— Да она ушла на прогулку и потерялась. Или украл кто, или убил — мне неизвесно.

Вот, купец Иголкин сейчас же отправился в свой ближайший участок полицейской и делае<т> заявление:

— Вот пропала у меня дочка. Будьте добры разыскать её.

Но как полиция ни старалась, не могли разыскать её. И вот купец с такой досады и тоски не знае<т>, что делать. Сидел-сидел дома и говорит своей хозяйке:

— Поедем хоть в тиятры. Проведем время повеселее, я очень соскучился.

Тогда эта моладая хозяйка, когда собралась ехать в тиятер, бере<т> своё зеркало и спрашивае<т>:

— Зеркало, скажи мне, кто есть свыше и красивее меня на свете?

Зеркало отвечает<т>:
— Свыше и красивее тебя естя твоя падчерица.
Она тогда и думает<т>:
— Как же так?! Видь она убита по моему приказу и сердце вынуто, и я его съела...
А зеркало отвечает<т>:
— Нет! Ты не ее сердце съела, а собачье. Это собака была убита у твоёго верного слуги.
Тогда она бросилась в тоску. (Виду хотя не показала.) Поехала с мужем в тиятры, а сама все думает<т>, как бы мне узнать, где она находитца. Она опять же зеркало спросила:
— Зеркало, а где моя падчерица находитца?
Зеркало отвечает<т>:
— Твоя падчерица находитца в государстве карликов. Она у двенадцати братьев старшей сестрой. Они ее очень сохраняют и соблюдают лучше как сестру родную.
Тогда она вторично спросила зеркало:
— Чем ее можно извести со свету?
Зеркало отвечает<т>:
— Ты начини разным ядом груши, яблоки, конфеты, пряники и пошли торговку к ей с етим фруктам.
Тогда она нашла такую торговку, которая согласилась:
— Долго ли, скоро — я к ней доберусь!
Тогда оны запустили разных гостинцев, разных фруктов, начинили ядом и послали туда, в государсво карликов, в хрустальный дворец к етой падчерицы. А карлики ей наказывали:
— Сестрица наша, ты смотри, ни от кого никаких гостинцев не бери. Что тебе только надо — мы принесём.
И вот она всегда так и слушалась своих братьев-карликов. В ето время приходит етая торговка с фруктам. А у етих двенадцати братьев был дворец построен чистого хрутсаля — так что поглядеть близко — и всё видно, что там находитца. И вот пришла этая торговка:
— Барышня, барышня, купи, что тебе надо. У меня всяких гостинцев много: вот груши, виноград, яблоки!
Она говорит:
— Нет, я ничего брать не буду.
Торговка ушла (раз она не берет, что ж ей там делать). Вдруг пришли на обеденный перерыв все двенадцать братьев. Она и говорит:
— У меня только что была торговка приходчи, предлагала всяких фрухтов и гостинцев.
— Слушей, сестрица, ничего не бери, ни из фрухтов, ни из одёжи. Что тебе надо — мы все сами принесём (потому что они очень любили её и опасались, как бы ей кто не повредил).
И вот этая торговка приходит к своей хозяйке, молодой жоне купца Иголкина, и говорит:

— Никак не соблазнить твою падчерицу. Не знаю, чем могу её угробить.

Тогда жона купца Иголкина берёт опять зеркало и спрашивает:

— Зеркало, а зеркало, скажи пожалуйста мне, чем ее можно извести со свету?

Зеркало отвечает:

— А вот ты купи такое красивое шелковое платье, чтобы красивее в мире не было. И вели его наспиртовать. Она как увидит это платье — так и соблазнитца, оденет его, сразу уснёт и будет спать, пока это платье не сотлеет на ёй.

Тогда молодая хозяйка и стала искать таких людей, чтобы они это поручение могли исполнить. А в этое время падчерица попросила своих братьев-карликов, что сделайте мне кроватку (она ведь была высоково росту, а карл[ики], как известно, маленькие и ихние кроватки были ёй малы). И вот оны пошли на работу на свой хрустальной завод и отлили там для своей сестрицы очень красивую кровать хрустальную и по размеру её, какой размер нужен принесли, поставили, она примерила — очень хорошая кроватка. На следующий день братья ушли как всегда на работу, а она осталась опять одна во дворце. Приходит эта самая же торговка, несколько платьев у ей в чемодане:

— Барышня, купите платье, говорит, видите, какие платья шелковыи, самые модныи.

Ну она не решается купить:

— Нет, я не могу, у меня при себе денег нет. Дождайте, когда братья придут с работы, спрошу у них денег и куплю.

— Дак чем дожидать. Вы примерьте хоть одное платье, которое вам лучше подойдет.

Барышня это самое красивое платье и одела на себя. И вдруг падае и усыпае. А этая торговка (некогда дожидать братьев!) давай наутёк и убежала от неё. И вот приходят братья на обеденный перерыв с завода, видют, что ихняя сестрица в прекрасном платье одета лежит не то уснувши, не то умёрши. Оны ей стали будить и никак не могли разбудить (раз она усыпленая). Тогда старший брат пошел в город, пригласил дохторов, чтобы узнать, умерши ли она или так уснувши. Врач пришел, осмотрел:

— Правды, говорит, она умёршая, а по виду нельзя сказать, что она умёршая, потому как цвет лица у неё нисколько не изменился. (А она спит с Богом!)

И вот тогда братья тут заплакали-зарыдали. Старший говорит:

— Ну, что ж, братья, пойдём на наш хрустальный завод. Отольём гроб хрустальный и поставим так, чтоб завсегда видеть её, близ стола (чтоб на глазах была у их). Так оне и сделали.

В это время в Ленинграде жил царь, как у нас был Николай. И был у него сын. И любил он на охоту ходить. И вот в одно прекрасное время пошел он в лес со своим егарям охотитца, и дошли оны до королевства карликов и заметили блеск постройки. Этот наследник стал звать своёво ёгаря:

— Пойдем-ка! Вот там блестит какая-то постройка. Что-то такое там естя. Интересно посмотреть!

Вот оны пошли. Вот проходя близ этого дворца. Видют — постройка хрустальная.

— Пойдем посмотрим, что, говорят, за дворец. (Заинтересовался наследник.)

И вот когда близко подошли, смотрят — стоит в зале хрустальная гробница, и в ней лежит такая красавица, что в мире нет такой красивой. Посмотрели оны с егарям и пошли обратно. Царевич шел задумавшись:

— Да, егарь, какая красавица умёрши и лежит, как живая.

Приходши домой с отцом разговорился наследник, но он отцу ничего такого не рассказывал, а сам все думает. И одна была у него дума, как бы укрась ету красавицу. Тогда он обдумал:

— Как я ёй украду? Ведь надо буде<т> подводу, и отец узнае<т>, что я привёз покойницу. Надо сделать окуратнее, чтобы отец не узнал. Спрошу, думает<т>, у отца лошадей: егарю лошадь и себе, и поедем как будто на охоту на лошадях, а оттуда захватим етот гроб с етой красавицей.

И вот оны подъехали к хрустальному дворцу, дождалися время такого позднего. Как пошли оны туды, во дворец, и вынесли эту гробницу с ётой барышней. И там были снасти у них поставлены, чтобы ёй лёгко было взять в сёдлы. Коё-как, собравшие с силам, подняли етот тяжелый гроб на сёдлы, сами держат. Сели на лошадей и поехали вдвоём. Ехали в такую позднюю ночь, что ни один человек их не встретил нигде. Приехали ко дворцу, сняли гроб с сёдел и внесли к нему в комнату, к етому наследнику. И он не стал с тех пор никого пущать в свою комнату — ни подметать, ни убирать — никого не пущал, а сам ходил чернее тучи. И на охоту не стал ездить. И вот государь думает<т>:

— Что ето мой сын? Или больной или что? Не стал никуды ходить, все дома сидит, попьет, поест и опять к себе в комнату.

И вот царь спрашивает<т> горничных:

— Слушайте, вы ходите к моёму Лёше, убираете?

— Нет, ваше императорское величество, комната всегда на замке. Мы не бываем у него.

Вот тогда государь приказывает<т> обязательно там убрать и пол помыть.

— Чтобы он пустил вас в комнату! Нет ли у него кого приведенного туды?

И вот пришли поломойки. Эта горничная стучит в дверь:

— Лёша, Лёша, пришли поломойки, откройте комнату, папаша велели пол вымыть у вас!

Но он не пустил. Тогда оне приходят к государю и докладывают:

— Ваше императорское величество, Лёша ни в какую не пускае<т> нас к себе в комнату пол мыть.

Государь подумал:

— Нет! Я сам добыюсь! Ужели у него кто-нибудь тама естя, что никого не пускае<т> в комнату!

И вот государь позвал его обедать. (А сам думает<т>: «Пойду, узнаю, что у его тама естя!») Когда сели за стол, и наследник сел, государь встал и пошел к ему в комнату. Не попась! Замкнуто... И вот, когда оне пообедали, Лёша пошел в комнату, и государь за ним. Он оглянулся, что отец идёт, и говорит:

— Папа, делать тебе у меня в комнаты нечего.

— Нет, нет, Лёша, открой!

Надо отцу покоритца, и вот когда государь вошел в комнату — стоит гробница и в ней лежит мертвец: такая красавица, что даже государь удивился такой красоты. И вот государь сел на стул, и Лёша рядом, и государь спросил:

— Откуда ты достал такую красавицу и в такой прекрасной гробницы? Такой гробницы нигде я не видал.

— Да, папа, когда я ездил на охоту, натолкнулся на карликов дворец, и вот у их, во дворце, нашел там красавицу умёршую.

— Вот, Лёша, говорит государь, хотя она красавица, но она — мертвец. Гробницу надо открыть, ее раздеть, вымыть и похоронить по нашему обычаю.

И приказал своим служанкам:

— Идите к Лёше в комнату и вымойте красавицу мертвую. А мы ей уж сделаем гроб, который буде<т> по своему вкусу.

И когда открыли гробницу, принялись этии служанки мыть ету красавицу. Лёша в ето время ушел. Когда вынули ее из гроба, стали платье раздевать, рубашку стали снимать — вдруг она проснулась.

— Фу, Господи, как я долго спала! Как то все случилось?

Бросились служанки бежать и комнату не закрыли, так и убежали. А эта красавица оглелулася на себя, видит — вся голая. Ну куды ей бежать? Куды? Она встала и в платяной шкап и спряталась. А эти, которые были назначены мыть её, прибежали к государю и говоря<т>:

— Ваше императорское величество, покойник-то оживился!

Вот тогда государь, недолго думая, говорит:

— Пойдемте туды!

Служанки говоря<т>:

— Она голая.

Приказал государь сечас же своим снести одеть её хоть бельем. А после, говорит, я откуплю, вам отдам. Ну, так оне и сде-

лали. Принесли для ей белье и платье. Государь приходи<t> в комнату:

— Где же она? Ей нету! Поищите!

Открыли шкаф. А она там совсем сконфузилась.

— Фу, Господи, закройте, закройте меня, ведь я голая!

Ну, ей сейчас же белье и платье подали. Она оделась и вышла. Государь ей спросил:

— Может, кушать хотите?

Она отвечает:

— От этого я не откажуся.

Позвали ей в столовую кушать вместе с государем. (Конечно, она была уже одетая.) Тогда за столом государь стал ее спрашивать:

— Вы, барышня, такие красивые, у моёво сына приведенные Алексия. (И Лёша здесь.) Скажите, откуда вы и кто ваши родители?

— Я, говорит, здешняя, петербургская, и уроженка петербургская. Мой папаша — купец Иголкин.

И тут она рассказала всю истинную правду, как мачеха её хотела загубить, как попала к карликам в лес. Тогда все сразу ахнули:

— Вот она чья дочка!

А Лёша и говорит:

— Вот, папа! Я на етой барышне женюся, чтобы во что ни стало!

Ну, государь разрешил ему. И вот тогда государь говорит:

— Лёша, а как же таперя мы будем приглашать на свадьбу твоёво тестя.

— Мы ничего не скажем будущему тестю, а пригласим на свадьбу с евонной жоной.

Это, недолго думая, быстренько назначили день, когда буде свадьба, и огласили всех князей и графов на свадьбу, и в том числе купец Иголкина со своей жоной. И вот Лёша и говорит:

— Папа, а какоё наказаниё сделать Иголкиной жоне, что она так надрыгалась над моей невестой?

— Ладно, говорит государь, мы сделаем ей в подарок хорошие туфли.

И вот тогда государь приказал отлить на фабрике такие туфли шикарные, красивыи и чтобы два туфля не менее весом были как двенадцать пудов. Так и сделали. Объявление, значит, вывесили. Все съезжаютца на свадьбу к наследнику, и купец Иголкин со своей жоной. А та не спросила волшебное зеркальце, а прямо отправилась с мужем на свадьбу во дворец. (Не знали оне, что падчерица во дворце находитца.) И вот, когда оне приехали, к свадьбы уже все приготовлено, и места для них назначены, и уже туфли около стула стоят. Тогда пригласили их за стол,

угостили их как следует. Когда отобедали, музыка стала играть танцы. Пригласили все танцевать, подошла очередь до купца Иголкина.

Тогда государь и говорит:

— Будьте добры, дамочка, вам подарок от моего сына. Оденьте и пойдете с мужем плясать.

Она только ноги сунула — хлоп! Защемило ноги и уж этих туфель не снять никогда! Когда она хотела встать — ей и ног не поднять кверху. Когда танцы отошли, пришлось купцу Иголкину ломовую лошадь взять, чтобы свою бабу отвезти домой. И тогда на отъезде этот новый зять сказал купцу Иголкину:

— Вы таперя мне являетесь по вашей дочке папой. Это ваша дочка, которая была изогнана со свету вашей супругой. И за это ей дана такая кара, что этих двенадцатипудовых туфель ей никогда буде<t> не снять.

Так и остались оне после свадьбы жить и поживать и добра наживать.

(Примечание исполнителя: «А вот моя внучка Лариса рассказывала вам про купца Иголкина — это кто как умее<t> врать. Она от меня только раз слышала и вот по-своему и соврала. А все-таки я слушал — тоже складно у ей выходит. Подростет ещё и не так расскажет! Ето у нас в породе — сказки сказывать»).²⁹

<Сказки мои со мной не умрут...>³⁰

Сказки мои со мной не умрут. Вот внучонок помнит некоторые, внучка тоже, другие ребята приходя<t> слушать. Внуку тринадцатый год. Внука зовут Николай Михайлович Антонов, в четвертом классе. Рассказывал я ему про Ивана-великого русского богатыря, никак не мог договорить до конца. Только до угольщика доходил, а дальше уже нет. Все из головы у меня вылетает (А вам рассказывал, так вспомнил.)

Я раньше много знал сказок. Я на фронте месяцам проводил време в етых сказках, вот с етим Борисом Юдиным. Севодне он расскажет, а я всю перейму точка в точку. Потом другим расскажу. Вот про птицу Гаук я тоже от Бориса слыхал. И про Кощея Бессмертного он рассказывал. Много длинных таких сказок говорил. [...]

²⁹ После скобок примечание В. К. Кравчинской: «Не переписывать».

³⁰ РО ИРЛИ, кол. 118, п. 5, № 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ КОЛЛЕКЦИИ³¹

1. Про свою жисть (былица) *автоб[иография]*.³²
2. Про девушку-отгадчицу (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
3. Про Ивана Великого русского богатыря (сказка)
4. Сказки мои со мной не умрут (к биографии деда Ларивона) *автоб[иографический]* сказ
5. Про крепостное право (быль) *автоб[иографический]* *ск[аз]*
6. Осек (былица)
7. Моя любимая работушка (былица) *автоб[иографический]* *ск[аз]*
8. Про водяного (сказ)
9. Про лешего (сказ)
10. Человек в омшари (былица)
11. Про двенадцать разбойников (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
12. Про бабину да про дедову дочь *ск[азка] в[олшебная]*
13. Боялись немцы партизан (сказ) В. От. В.
14. Ученый парень (сказ) *В. От. В.
15. Почему Заклинье уцелело (сказ) В. О. В.
16. Про Неллеса (сказ) В. От. В.
17. Аленький цветочек (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
18. Про царевну-лягушку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
19. Как нас расстреливали (В. О. В.)
20. Приметы (народный календарь)
21. Деревня трех господ (былица) *предание*
22. Неотмолённый грех (былица) *предание*
23. Как надо коров в Егорьев день выгонять
24. Ворожейка отворожила (былица)
25. Жонка спортила (былица)
26. Как у нас колдун ночевал (былица)
27. Нашет порчи (былица)
28. Об рыбы (былица)
29. У глухого озерка (былица)
30. Хозяин рыбу перегоняет (былица)
31. Про спорченную (былица)
32. Вот что в лесу бывает (былица)
33. Про Гордю-колдуна (былица)
34. Приметы
35. Про колдунов и про колдунишек (былица)
36. Маленько про себя (сказ)
37. На Самсона-сеногноя (приметы)
38. Про Юрика³³ (сказ) *легенда*
39. Про светопреставление (сказ) *легендарная сказка*
40. С малолетства я охотник (былица) *автоб[иографический]* *с[каз]*
41. Про царскую охоту (былица) *сказ*

³¹ Расположение в коллекции не соответствует оглавлению В. А. Кравчинской.

³² Здесь и далее курсивом отмечены надписи на полях чернилами.

³³ Имеется в виду Рюрик (примеч. В. А. Кравчинской).

42. Привидения бывают (былица)
43. Тропа утопленника (былица)
44. Как я русалку видел (былица)
45. На Луги-реки (былица)
46. Родительское проклятие (былица)
47. Про власовцев (былица)
48. Как барин деда Мосю на собаку променял (былица)
49. Наш Нелайской шут Балакарев (былица)
50. Мимо барского двора без шапки (былица)
51. Про баршшину (былица)
52. Чудеса причудились
53. Барский клад
54. Завели
55. Беспокойная собака (анекдот)
56. Про дурака Ванюшку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
57. Про золотую рыбку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
58. 14 частушек
59. 3 считалки
60. Партизанская песня «Дул холодный порывистый ветер»
61. Партизанская
62. Я пулеметчиком родился
63. Шли три героя
64. Колхозная — дед на пече
65. Про чудесные ягоды (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
66. Про братца и сестрицу (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
67. Другой раз не чуди (былица) *пред[ание]*
68. Как Деляга чертей возил (былица) *пред[ание]*
69. Про беспокойную жонку (былица)
70. Про хитрого мужика (былица)
71. Как я от карателей спасался (сказ о В. О. В.)
72. Про чудо треглавое и про Ваню-дурака (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
73. Из-за меда (былица)
74. Были и из партизан хваты (сказ) В. О. В.
75. Наши дочки ушли в партизаны
76. Про Сивку-Бурку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
77. Про купца Иголкина (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
78. Как нас при немцах учили (сказ о В. О. В.)
79. Из воды молоко (сказ)
80. Выжили (былица)
81. Гроб с золотом (былица) *п[редание]*
82. Как дядька шишки на сосне курил (былица)
83. Про пережинки (былица)
84. Как бабе Палаше носак молоко носил (былица)
85. На лазее <нечистое место> (былица)
86. Как муж с жонкой клад достал (былица)
87. Длинный язык всему вредит (былица)
88. Про купца Иголкина (вариант Л. Л. Леонтьева — сказки) *ск[азка] в[олшебная]*
89. Выжили *пред[ание]*

90. Про Золушку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
91. Сказка про Водяного (сказка)
92. Считалки
93. Частушки о немцах
94. Загадки
95. Как я ходила сына искать (В.О. В.)
96. Как баба Палаша окривела
97. Далеко в стране Иркутской
98. Частушки о немцах
99. О деревянной птице (сказка) ск. в. Вариант внука к эпизоду из сказки деда
100. Про волшебницу (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
101. Про Кощея бессмертного (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
102. На всю жизнь у лешего в руках (сказка)
103. Про збранёную девушку (сказка)
104. Барин Спицын сделавшее чертом, али наоборот, черт Спицыным (сказка) *пред[ание]*
105. Кукушкины слезы (былица)
106. Черное слово (былица)

**МЕЗЕНСКИЕ СКАЗКИ В ЗАПИСЯХ ЭКСПЕДИЦИЙ
ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ПУШКИНСКОГО ДОМА
1958—1961 гг.**

Публикация и комментарии Я. В. Зверевой

Мезенский край богат фольклорными традициями. Наряду с песнями, былинами, причитаниями, заговорами местные жители сохранили в своей памяти сказки, предания, легенды и другие образцы народнопоэтического творчества. Долгое время внимание ученых в основном было сосредоточено на эпическом жанре и на песенном фольклоре.¹ Местная сказочная традиция фактически не подвергалась специальному изучению.

Своевременность изучения мезенских сказок определяется актуальными задачами подготовки Свода русского фольклора, главная цель которого — «составить полную картину исторической жизни русского фольклора».² В 2001—2006 гг. вышли три тома былин Мезени,³ активно ведется работа над следующими былинными томами, в обозримом будущем начнется подготовительная работа над серией «сказки».

¹ См.: Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.

² *Микушев А. К.* Русский фольклор в иноязычной среде : (Проблема освоения иноязычной фольклорной традиции) // Русский фольклор : Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 33.

³ Свод русского фольклора : Былины в 25 томах: Былины Мезени / Корпус текстов, коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2003—2006. Т. 3—5. Далее — Былины Мезени, с указанием тома, номера текста или страницы.

Реализация этих планов и издание мезенских сказок будут возможны только после изучения региональной специфики жанра и решения вопроса о целесообразности публикации сказок по регионам бытования. Как отмечала И. А. Разумова, «проблема региональной специфики — это проблема вариативности. Жанры фольклора проявляют локальную вариативность по-разному и в неодинаковой степени. На наш взгляд, изменчивость сказки, исключая диалектные, неспецифические отличия, значительно меньше, чем былины песенного фольклора, несказочной прозы и других жанров».⁴ Сравнению различных локальных вариаций сказок должно предшествовать выявление и введение в научный оборот еще неопубликованных текстов.

О богатой фольклорной традиции Мезени стало известно в середине XIX в., когда вышла книга писателя-этнографа С. В. Максимова «Год на Севере».⁵ По свидетельству А. Д. Григорьева, занимавшегося преимущественно собиранием былин, сказки на Мезени были; довольно часто встречались певцы, которые были «готовы попробовать переложить в стихи и сказку (Анна Потрухова, Андрей Тяросов на р. Мезени)».⁶

Целенаправленное собирание сказок в регионе началось в XX в. В 1926—1928 гг. Секцией крестьянского искусства Государственного института истории искусств, объединившей в 20-е гг. специалистов разного профиля, были организованы комплексные экспедиции в районы Русского Севера (в Заонежье, на Печору, Мезень и Пинегу). Участниками экспедиции 1928 г. по обследованию фольклорной традиции Мезени были музыковеды З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус и филологи А. М. Астахова, в задачу которой входило собирание былин, Н. П. Колпакова, записывавшая лирику, а также И. В. Карнаухова, А. И. Никифоров, И. М. Левина, собиравшие сказки.⁷ В ходе экспедиции было обследовано 17 деревень (Вожгора, Пустынь, Родома, Белощелье, Лампожня и др.), в которых А. И. Никифоровым было записано 279 сказочных текстов, И. В. Карнауховой — 53, и 10 сказок — И. М. Левиной. Частично этот материал вошел в сбор-

⁴ Разумова И. А. Сказочная традиция в Заонежье : (К проблеме регионального изучения сказки) // Рябининские чтения-95. Петрозаводск, 1997. С. 98.

⁵ Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1859.

⁶ Григорьев А. Д. Предисловие // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. СПб., 2002—2003. Т. 1. С. 21.

⁷ Материалы экспедиции хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, р. V, кол. 5).

ники «Сказки и предания Северного края» И. В. Карнаухова⁸ и «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова»⁹.

Возобновление работы по изучению эпической традиции в бассейне Мезени произошло через 30 лет. В июле—августе 1958 г. состоялась фольклорно-археографическая экспедиция Института русской литературы АН СССР в районы нижнего и среднего течения Мезени, т. е. «по следам» А. Д. Григорьева, но с охватом населенных пунктов на р. Вашке.¹⁰ В состав экспедиции кроме фольклористов Н. П. Колпаковой, В. В. Митрофановой, З. И. Власовой, музыковедов Ф. В. Соколова и В. В. Коргузалова вошли также исследователь древнерусской литературы Н. Ф. Дробленкова и филолог-лингвист А. П. Евгеньева,¹¹ которая работала в паре с Н. П. Колпаковой, собиравшей былины и песенный фольклор, а также с В. В. Митрофановой. В архиве А. П. Евгеньевой¹² обнаружены две фрагментарные записи сказок, которых нет среди материалов экспедиции 1958 г. Собрание сказочного материала не было специальной задачей экспедиции и велось попутно. Н. П. Колпакова так писала в отчете: «Сказки известны широко и живут в семейном обиходе, в основном рассказываются детям; известных сказочников, которых слушали бы взрослые, нам нигде назвать не могли. В различных местах имеются рассказы типа преданий об истории отдельных деревень, угоров, попытки объяснить происхождение того или иного географического названия, но очень отрывочные и конспек-

⁸ Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнаухова; Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

⁹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

¹⁰ Подробнее о целях, маршруте экспедиции и объеме собранного материала см. в отчетах ее участников: *Колпакова Н.* На Мезени // Советская этнография. 1960. № 2. С. 171—173; *Митрофанова В. В.* Мезенская экспедиция 1958 года // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 422—423; *Дробленкова Н. Ф.* Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 528—538, а также среди материалов экспедиции, хранящихся в Фольклорном собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190).

¹¹ Анастасия Петровна Евгеньева (1899—1985) — диалектолог, лексикограф, исследователь языка фольклора. А. П. Евгеньева примкнула к экспедиции для сбора материалов по теме «Язык былин». Ее задача заключалась в сборании фольклора и параллельном ведении записей живой разговорной речи этого же лица. См. черновой вариант «Отчета старшего научного сотрудника <Ленинградского отделения Института языкознания> Евгеньевой А. П. об экспедиции в район Мезени летом 1958 года», который хранится в личном фонде ученого (РО ИРЛИ, р. V, ф. 283). Материалы находятся в научно-технической обработке, поэтому здесь и далее ссылки приводятся только на номер фонда.

¹² РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

тивные».¹³ В ходе экспедиции З. И. Власова записала четыре сказки от одного исполнителя, Емельянова Антона Артемьевича, 66 лет из деревни Смоленец Лешуконского района.

Летом 1961 г. сотрудники ИРЛИ АН СССР В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов, С. Н. Азбелев вновь собирали фольклор на Мезени, по следам экспедиции 1928 г. и, продолжив работы 1958 г., обследовали Лешуконский район выше села Лешуконского по течению реки. Экспедиция побывала в 17 деревнях (Родома, Вожгора, Лебское, Кыса, Усть-Низема, Чучепала и др.). В задачи экспедиции входил сбор материала к готовящемуся сборнику «Песни Мезени», изучение состояния песенной и былинной традиций в регионе,¹⁴ параллельно записывались сказки и прозаический фольклор. В. В. Митрофанова отмечала, что сказки в обследованных деревнях бытуют более живо, чем даже былины и духовные стихи. «Мы записали их три: про попа Семена и дьякона Калистрата, про дедушкин колпак, про Незнаюшку. Сказку про дедушкин колпак рассказал Василий Маркович Бобрецов 78 лет из деревни Усть-Низема. Он очень интересный человек, знает и еще сказки, но перечислять их отказался. Работать с ним долго у нас не было возможности. Сказки рассказывают детям, охотно слушают их и взрослые. Правда, сказочников очень мало. Большой популярностью пользуются рассказы про охотников. Их знают бесчисленное множество, здесь и рассказы фантастические и о подлинных событиях, которых на Мезени случается много, так как здесь занимаются охотой».¹⁵

Осенью того же года в Удорский район Коми АССР Коми филиал АН СССР направил Ф. В. Плесовского, в задачу которого входило собирание сказок народа коми. Туда же с целью зафиксировать бытование русской фольклорной традиции выехала Т. И. Орнатская, сотрудник Отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В ходе экспедиции ею были обследованы деревни Удорского района Коми АССР и граничащего с ним Лешуконского района Архангельской области. Т. И. Орнатской удалось записать произведения различных жанров: песни, романсы, свадебные и похоронные причитания, частушки и шесть сказок, рассказанных коми на русском языке.¹⁶

В последующие годы фольклористическое обследование традиционной культуры Мезени велось сотрудниками Института

¹³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 2, № 341, л. 24.

¹⁴ Подробнее о целях и результатах экспедиции см.: *Митрофанова В. В.* Отчет об экспедиции на р. Мезень в 1961 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 1).

¹⁵ Там же, с. 5—6.

¹⁶ Сказки были опубликованы. См.: Русские сказки в Удорском районе : (По материалам экспедиции 1961 г.) / Публ. Я. В. Зверевой // Ежегодник Рукописного отдела на 2007—2008 гг. СПб., 2010. С. 661—668.

этнографии АН СССР (1971),¹⁷ студентами Московского государственного университета (1975—1976),¹⁸ Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (1984). Результатом поездок сотрудников Института русской литературы — В. В. Коргузалова и Г. В. Матвеева в пос. Каменка (1976), А. Ю. Кастрова, Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой и С. П. Полозковой в деревни Быченского с/с (на р. Пёзе) в 1982 г. — стали многочисленные записи местных песен разных жанров, дополненные образцами мезенского эпоса.

В Удорском районе республики Коми, в зоне наиболее тесно взаимодействия русской и коми культур,¹⁹ собирательскую работу проводили участники совместной фольклорной экспедиции Московского и Сыктывкарского университетов под руководством Н. И. Савушкиной (1977).²⁰ В ходе обследования был собран богатый материал по всем жанрам фольклора, в том числе 193 сказки, записанные от коми исполнителей на русском языке. Дальнейшее обследование региона проводилось сотрудниками и студентами Центра фольклорных исследований при Сыктывкарском государственном университете. В 1988—1989 гг. под руководством А. Н. Власова состоялись две фольклорно-археографические экспедиции, в ходе которых также были собраны сказки.²¹

В данную публикацию помимо сказок включены быличка «Невеста из бани», бывальщина «Про охотников», поскольку эти тексты содержат элементы сказочного повествования.

Сказки и бывальщины, записанные З. И. Власовой, В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым, приводятся по перебеленным, а тексты, зафиксированные А. П. Евгеньевой, — по полевым записям.

¹⁷ См.: *Дмитриева С. И.* Особенности современного фольклора на Русском Севере // *Традиции и современность в фольклоре*. М., 1988. С. 36—52.

¹⁸ См.: *Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И.* Коротко об экспедициях // *Советская этнография*. 1976. № 4. С. 173—174; *Савушкина Н. И., Кулагина А. В.* Экспедиционная работа кафедры русского народного творчества // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1977. № 2. С. 72—78; *Ванюшина И., Еремина Н., Жукова И. и др.* Современное состояние жанров фольклора в Лешуконском районе // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1987. № 6. С. 50—56.

¹⁹ Большое влияние мезенского региона на фольклор удорских коми отмечали А. К. Микушев, Ф. В. Плесовский, В. М. Кудряшова и Н. С. Коровина.

²⁰ См.: *Померанцева Э. В.* Русская сказка в устном репертуаре коми // *Советская этнография*. 1979. № 6. С. 43.

²¹ Подробнее об экспедициях Центра фольклорных исследований при Сыктывкарском гос. университете см.: *Старообрядческий центр на Вашке : Устная и письменная традиция Удоры : Материалы и исследования / Отв. ред., сост. А. Н. Власов*. Сыктывкар, 2002. С. 105—129.

А. П. Евгеньева как собиратель ставила перед собой задачу параллельного ведения записей фольклорного и диалектного материала от одного и того же рассказчика. Записи сказок велись ею в фонетической транскрипции речи исполнителя: в текстах приводились знаки ударения, указания на смягчение согласных (п'етна́ц'ц'ет, ста́рос'т'и, пр'ид'ет), для обозначения палатального согласного [й] использовался знак [j] (јес', ја, јехат').

Ведение фонетической транскрипции требовало большого количества времени, поэтому собирательница не всегда успевала записывать сказку целиком. Тексты содержат множественные лакуны, некоторые предложения не имеют конца. Несмотря на это мы сочли необходимым опубликовать записи А. П. Евгеньевой, поскольку они представляют собой яркие образцы затухающей ныне сказочной традиции.

В текстах знаки препинания приведены в соответствие с современными правилами. Восстанавливаемые части слов заключены в угловые скобки. Знаки ударения и смягчения согласных не ставятся. Толкования диалектных и просторечных слов не даются.

В случаях, когда название сказки не указывается собирателем, оно заключается в угловые скобки.

В комментарии к сказкам номер сказочного типа дается по СУС, сюжеты соотносятся с другими севернорусскими вариантами того же сказочного типа (по изданиям, используемым современными исследователями). Ссылки на сюжеты приводятся в том виде, в каком они даны в СУС: в ссылке на каждый источник указывается том (часть, выпуск) издания и номер текста (через запятую); номер текста внутри раздела и страницы, если разделы сборника имеют свою нумерацию; или только страницы, если нумерация отсутствует. В случаях, когда вариант приблизительно или частично соответствует сюжетному типу, к которому он отнесен, номер текста берется в скобки.²² Названия источников даются в виде условных сокращений, которые раскрываются в «Списке сокращений» к данной публикации.

ЗАПИСИ 1958 г.

1. Сказка первая <<Невеста из бани>>

Бывало-живало в каком-то селе, была молодежь, собиралась на игрища. В конце деревни была байна, в нее ходить боялись, а один удалец выискался. Часов около 12 ночи заскочил в байну, схватил камень, а с ним попал платочек шелковый. А их было два

²² Подробнее о принципах СУС см.: СУС. С. 23.

брата, а третья сестра. А ребята ему поставили бутылку вина за храбрость. Только по рюмке выпили, кто-то говорит: «Эй, Федор, где взял, там и положи!» Он испугался и — домой. Пришел, сел поужинать, брат и сестра тоже. Подходит к окну, слышит: «Эй, Федор, где взял, там и положи!» На завтрашний день пошел к священнику. Тот отпел его заживо и в 12 часов ночи опять пошел в байну. Только ступил — хлоп! Двери на крючок. Слышит голос: «Если б ты, Федор, меня выручил, я бы тебе спасибо дала. Женись на мне. За это все скажу. У вас есть место Волосы. На Волосах будет дом огромный, большой. Тебя встретит дедушко. Ты сватайся. Он тебе золото, серебро будет давать, ты не бери. Зайди в боковушку, собери всякого барахла и проси его себе». «Хорошо!» — говорит. Двери открылись, он и пошел. Приходит домой и говорит: «Ну, папка, надо жениться. А невесту сам приведу». Вот едет куда было сказано, и дом там стоит как раз как было сказано. Дедушко их встречает (он с хресным поехал). А хресный его был человек с умышленностью.

— Мы-де за товаром да за особым, дочь у вас есть.

— Ну что ж, — говорит, — можно отдать, ей годов около двадцати.

— А какое возьмете именье? Пойдемте посмотреть богатство. Повел их, показывал и золота, и серебра, и одежды всякой.

— Что возьмете в приданное?

А жених говорит: «Мне, дедушко, ето не надо, куда мне золото, мне его хватает! А что же, дедушка, мы не зашли в боковушку?»

— Да там хлам разной!

— Пойдем!

И стал набить себе тряпье разное, мешки худые и ящик запросил, который в боковушке стоит (?).

— Мне, мол, хлеб ссыпать и то годится!

Потоптался старик, помялся.

— Жалковато тебе отдать этот ящик.

— Не отдашь, как хочешь. Я и другую невесту найду. Пойдем, хресной, домой!

Согласился старик: «Ну, ладно».

Вот пошла молва по селу, что свадьба, что Федор женится, а у кого берет — неизвестно. Сватался в байны. А мать и отец у него испугались: с едакой штуки невесту берут! Поехал на другой день за невестой, а народ смотрит, то на байны, то на крыши налезает, глядит! А он приданое склал, ящик поставил сам себя и едет, назад не глядит. А сзади из ящика образовался гроб. Народ от в уход по деревне. Гроб остановился на деревне у церкви и вертится. А попу — венчать. Ну раз такое дело — некогда расчухариваться. А после венца етот гроб домой и на коридор, а молодых-то скорее повели в другую комнату. Молодая и говорит:

«Раз ты меня сумел взять, сумей и удержать. Возьми дома крест и чистую рубаху и с маху на меня надевай». А хресной подслушал, скорей приготовил все. Парень живо взял, надел — боевой был. «Вот теперь, — говорит, — я твоя. Двадцать лет находилась в беде-то такой». Он берет ключи, открывает ящик, а там всякое ему удовольствие. А на завтрашний день собирает настоящую свадьбу.

2. Сказка вторая «Потороча — одна нога короче»

Женился у одного кресьянина сын, детей у его много, а кормить нечем. Придумал заняться воровством. Пошел Потороча к большой дороге, повесил шапку на сук. Едет барин.

— Что, Потороча, делаешь?

— Учусь воровать.

— А научился?

— Научился.

— Украдь у меня коня. Украдешь — награжу казной, не украдешь — голова с плеч. И уехал в свой город. Думал Потороча, думал, купил лошадку троеногу, мяса, пшена побольше и отправился. А где конь-от купеческой находился, надо подыматься на угор. А купец-от выставил охрану, собак много и петухов, чтобы закукарекали, как кто беспокоит.

Подъехал Потороча, а лошадь его на угор не идет. Он и кричит: «Помогите, ребята, лошадь затащить!» Пока оне маялись, он собакам — мяса, петухам — пшено, чтобы не пели, сел на коня и ускакал, никто не слышал.

На другой день пошел в город, напился (а он пьяница был), лежит на мостках. Прибежали от купца слуги: «Тебя зовет!» Пошел, тот его к себе: «Коня украл?» «Украл!» «Где деньги?» «Деньги пропил». «Конь — что! А ты вот свадебную постель укради из-под меня! Я завтра женюсь».

Потороча дождался, как молодые легли; тихонько, тихонько забрался ночью, кухарке связал косу за косу, зашел в спальню, да тихонечко воды горшок на кровать-ту и вылил. Тот разбудился, смотрит — мокро. Сейчас на жену. Пошли кухарку будить, чтобы сухое дала, а Потороча схватил постель, да и убежал. Пришлось его наградить. Ладно. «А вот, — говорит, — шкатулка у меня с драгоценностями, золото там. Ей, ежели украдешь — твоя». Ну что делать?! Научился воровать — надо дойти до самой пяты. Сходил на кладбище, выкопал покойника. Сделал трон большой, да ночью покойника-та и пехат к купцу в окошко. А тот не спит, караулит шкатулку-то. Увидел в окошко кто-то лезет. Раз, и голова слетела. Выбежал, слуг зовет: «Тащите хоронить!» А Потороча в тот же раз шкатулку и взял, да бежать. Купец пришел — шкатулки нет.

— Где деньги?

Кто взял, не знают. На другой день побежали в город, его нашли опеть на мостовых. «Где деньги?» «Часть пропил, часть домой послал, ребятишкам». «Ну, — говорит, — тебе еще одно задание. Если ты сумеешь мою жену украсть, я тебе целое именье дам».

Как тут быть?! Как украсть жену?! А вот раньше хоть куда — все на лошадаках ездили. Купил Потороча пару ботинок таких, что и в городе не купишь. Сел на дорогу, припрятался будто, а один штиблет положил у дороги, где купческа-та жена ката-лась. Слышит едут. Увидела она ботинок, кричит: «Стой, надо поднять! Вот один, а там, наверно, другой!» Кучер побежал за ботинком. Потороча сел на козла и айда в город. Заложил ее — потом-де выкуплю. А купец ждет неделю, другую. Потороча опять ходит, пьет по городу. Купец за ним посылает: «Жену украл?» «Украл!» «А можешь привезти обратно?» «Могу». И привел ее. Купец говорит: «Ну, молодец! Но ты меня с ума свел, а сведи еще архирея с ума, тогда именье твое». Что придумать?

Сходил в город, купил полотна хорошего, чистого. Приделал себе крыльё и пошел. Приходит ночью к архирею. «Я, — говорит, — сегодня тебя понесу на небеса, Господь мне приказал. Только сходи сперва в баню, зашейся в куль». А дело-то было под праздник.

Приходит Потороча в баню. Из куля спрашивают: «Кто пришел?» «Ангел Господень!» Потороча берет куль и тащит в церковь, на колокольню. Привязал за край колокола и записку написал звонарю: «В колокол раз ударь, а по кулю два за три. А если не ударишь — трою проклят». Звонарь так и сделал. А архирей думат — за грехи есть ему и говорит: «Грешен, господь, за грехи мои воздаешь!» Вот обедню служить надо, а архирея нет. Приходит звонарь, рассказыват. Побежали, зашли на колокольню куль посмотреть, отвязали, а там архирей в покойницкой одежде. Так Потороча с ума свел архирея. А купец-то был-от то сам государь, наградил его и именье дал. Так и теперь живет.

3. Сказка третья. «Девьё царство»

Было где-то девьё царство. А у одного купца было три сына, и в книгах он вычитал, что есть хитрости, мудрости. И вот, — говорит, — кто из сыновей их найдет, тому сыну отдам все богатство. Старшие сыновья пошли искать, а потом и Иванушко выпросился. Приходит он к перевозу, как вот на Мезени. Старика просит перевезти, а старик говорит: «Садись». А у самого топор. Иван-от махнул, да голову ему и отрубил. Переправился, а на берегу его братья зарублены лежат. Шел он, шел, приходит

к морю. Видит: пять лебедей кладут в мешки пшеницу. А потом стали сами купаться и обвернулись женщинами. Иван и полез в один мешок. Выкупались и полетели в девье царство и мешки понесли. А Иван-от в пшенице. Оне и его перетащили. Когда мешки-те сбросили, он к бабушке пробрался. А она услышала его дух — мужской-де пол. Ну, купила ему женско платьё и назвался он Анюткой. А красавец был! В церковь пошел, все на его смотрят, и царевна. Велела слуге его привести. Стали угощать его, а он рассказал, что вырос у бабушки, что зовут его Анюта. Вот оне и подружились с царевной, а потом и женились. У нее через несколько времени родилось два сына. Тогда она и узнала, что это мужчина и надо было его скорее отправить, чтобы не распространилось, что есть в государстве мужской пол. Позвала она пять лебедей, дала мешок, туда его завязала, а к тому дала ему такой подарок, что он голодной не будет — скатерку-хлебосолку. Только розверни — сейчас хрустальной домик и все готово. Лебеди полетели, а она взяла подзорну трубу, следит, чтобы его не увидели в мешке. Лебеди перенесли его и улетели, а он пошел, развернул скатерку, и тут у его оказалось все, что надо. Видит — не обманула она. Сидит, пьет, закусывает. Идет старый человек.

— Давай, — говорит, — поменяемся: есть у меня дубинка. Скажи только: «Качни, вальни» — всех побьет. Переменились. Иван думает: «А ну-ко, попробую, не обманул меня старик. Качни его!» Дубинка так старика и разрежала напополам. Иван взял себе все: скатерку-хлебосолку и дубинку. Опять сел, ест. Идет другой старичок. «Поменяемся, — говорит, — у меня есть плетка-живулька. Хоть тыщу человек оживит». «Хорошо». Сменялись. Опет дубинка и этого россекла, а Иван пошел вперед. Приходит к старому перевозу, где старику голову срубил, видит: много там мертвых. Плеткой-живулькой кого стегнет, тот и оживет. И братьев оживил. Приходит домой к отцу ночью, развернул скатерку, посиживает, закусывает. Отец проснулся, гледит: дом стоит, каких и не видывал. Кто смел тут дом поставить? Послать солдат! Солдаты пошли, а дубинка повалила их мертвыми. Отец новых послал. До того дошло, чуть все государство не прерубил. Тут отец сам пошел: «Кто есть такой там?» Выходит сын навстречу: «Здорово, папаша!» «Да, ты, — говорит, — что делаешь, мне все войско порубил!» «Да, как ведь ты меня послал по все хитрости-мудрости». Взял тут плетку, всех оживил. «Ну ладно, что тебе за это надо?» Пойте меня бесплатно вином. Собрал себе компанью босоногов: «Пейте, пока я здесь». Через год идет корабль, выноватого просят. А кого — неизвестно. Посылат отец старшего брата. А ето из девьего царства корабль, царевна на ем сама приехала, а ребята-то уж большие, спрашивают: «Мама, это наш папа?» «Нет, — говорит, — это ваш дядя». Завернули его.

И второго брата так же. «А Иван-от где?» «А он в городе пьет». «Давай, выстилайте ковры вплоть до казенки!» — велит она. «Мама, — ребята-те говорят, — какой-от пьяница идет!» «Нет, — говорит, — то ваш отец. Сейчас же его возьмите и отчаливайте!»
И не стало с тех пор больше девьего царства.

4. Сказка четвертая. «Мельник (Без рук девушка)»

Эту сказку-то я годов десяти слышал, на Пинеге. Память тогда была хорошая.

В малом селе был богатой мельник. Возле мельницы груши и яблони росли большие. Дочка у его была, годов пети, красавица. Вдруг все потерялось: деньги ушли, яблони не росли, обнищал. Пошел мельник в лес дрова рубить. Встречается старичок. «Что же, — грит, — ты сам себя маёшь рубкой. Хочешь я тебя награжу казной и яблоки опеть будут. Только отдай то, что сейчас стоит за мельницей, и когда ты приедешь — будеть стоять». Думал, думал мельник: «Да ничего там нет!» «Ладно, — говорит, — согласен». Приехал из лесу — жена встречает. «Что же, — говорит, — мужик, у нас момент все появилось?» «А то, — говорит, — дал стар человек». «За что?» «А я дал роспись отдать через десять лет то, что сейчас есть за мельницей». Жена догадалась: дочь отдал! Ну хорошо. Вот, девятнадцать лет дочке, живет она честно, без грехов. И вот надо ей идти к пруду, там ее старик-воденой и возьмет. Она очертилась мелом, святой водой обрызгалась, идет. Старичок и не может к ей подойти, саженой трицать, кричит: «Зови отца! Если, — грит, — другой раз мел не уберешь, самого утащу!» «Хорошо». Отец все у ей спрятал, мел и воду. А она омылась слезьми, и старик опеть не может близко подойти никак. Говорит тогда водяной отцу: «Отруби у ей по локоть руки, а то богатства не будет и самого утащу!»

Отец идет к дочери, а она протянула ему руки. И тот отрубил! А на завтра опять пошла к тому места. И старик опять не мог ей подойти. Но больше у отца жить не стала, пошла страдать по белу свету. Попала она к саду, кругом фрукты всякие, а не подойти — канава с водой большая кругом. А ей поесть уж охота. Тут канава стала льдом, она перешла, нарывает ртом яблоки. Сторож-кладовщик смотрит, думат: «Что такое!» Она ушла, а садовник назавтра рассказывает королю: «Не знаю, кто и был, дух или человек, только весь в белом». «Если ты, садовник, не врешь, я, — говорит, — возьму священника, который с духом заговорит». И со священником сам пошел. Видят: стоит у сада что-то в белом, и ртом к яблокам тянется. Священник и спрашивает: «Кто ты, дух или человек?» «Я — бедная девушка без рук». Король пожалел и позвал: «Пооди сюда, я тебя сделаю искус-

ственные». И взял ее вместо дочери к себе, а потом женился на ней, руки ей сделал по локоть серебряные. Тут война оказалась, и требовали короля на войну. А она в положеньи. Когда родился мальчик, написали папаше, где он находится, письмо. А посланник дорогой-то уснул, и дедушка водяной, который взять ее не мог, подsunул письмо другое, что родила уroda. И почерком тем же написано. Король читает письмо: «Ну, ладно, — говорит, — какой бы не был, пусть живет». И отправил ответ с тем же письмом. А посол опять на том же месте спать захотел.

Водяной и переменял письмо на другое, а в том письме сказано: выселить совсем ее и с дитятей из этого места. Слуги и выгнали. Привязали ей ребенка на спину, и пошла она страдать по белу свету. Зашла в тайгу, такую тайгу, непросветимую. Стоит изба, на ей надпись: «Кому угодно заходите. Можно». Выходит девчонка, как белой снег. «Оставайтесь здесь, я для вас и живу тут, могу вашего сына воспитать». И стали оне тут жить. А король пришел с войны, ищет везде жену, сам ездит. Заехал в тайгу, и вот вперед будто дорога есть, а обратно нет, не кажёт. Смотрит — изба. На ей надпись «Кому угодно заходите. Можно». Заходит. (А сына его звали Горемыка.) Выходит девушка как белой снег, собирает ему покушать. А он говорит: «Пока жену не найду, есть не буду». Закрылся платком, на лавку лёг. А платок-от пал. Жена и посылает Горемыку: «Закрой, сынок, отцу глаза». Тут он и прохватился. «Девушка, где здесь моя жена?» А она говорит: «Да, жена здесь, а я воспитываю вашего сына. Тогда он взял жену и уехали все домой, на родину. Стали жить-поживать, добра наживать.

5. Сказка <«Муж ищет похищенную жену»>

Ни в котором ц<арстве>, ни в котором государстве, именно в том, в котором мы живем. Начинаем рассказ, люди добрые, для вас. Не в кот<ором> селе, не в которой деревне. Горя было хватало, наверно, так как у меня. Жил был кресьянин, у его было три сына. Ростил он их до двадцвух возраста. Отец сыновьям и говорит: «Выростил я вас до 22-летнего возраста и тепере нать добывать где-то денешки». Один сын и говорит: «Так што, татка, я пойду наживать деньги. Купи мне пальто, хорошой платьё, троску камышову и дайте 50 рублей на дорогу денёг». Отец собрался с духом и фсе его <нрзб>. «Вы куда дато пойдете деньги нажи<вать>. А я пошел в Ленинград».

Сказка скоро говорится, дело медленно творнице. Пришел. Зашел в столовую <нрзб>. Нать ищи на фабрики, надо работу просмекать.

Ходит какой-то человек в собольней шубе на распашку. Потом третий раз <нрзб>. Он и спрашивает: «Молодой человек

приятной наружности». «Я, милостивой государь...». «А я ищущу казака — работника. Мое условие 100 р. плата, питанье готовое. Если <нрзб>. Как проживешь с условия». «Я, государь, <нрзб>. Како только тебе надо. А кака у тебя работа». «Дом у меня трехэтажный и <в> третьем этаже <нрзб>. Сидеть и дрова в топку бросать. Три котла два раза в год».

Поступил этот работник к этому купцу. Кочегар сидит. У меня наливаеще вода два раза в год. Берет рейку и отмерят тяги железные. И видит: сидят в котле три девушки, и вокруг вода кипит. И опять пер тяги, замкнул котлы. Ты бери ключи, отворяй замки, открывай тяги железные, снимай колпаки.

Вот живет да живет. Полкан все никуда не выходит. Дождит две недели. Раз звонок звонил. Одна девушка и говорит: «Молодой человек приятной наружности, выпустите, сделай милость». Одна девушка убедительно просит и говорит: я тебе дам шарик, ты его на землю опусти, и вы, говорит, когда...

Только когда зайдешь в магазин <нрзб>. С там весит пальто <нрзб>. Он взял и плеснул воды, они все и выскозили, обернулись голубицами. Она ему все-таки дала ему шарик. Плюс к тому говорит: ты...

Приходит хозяин, приводит второго работника наливана вода. Два раза в год наливаеще. Пришел к этому хозяину, хозяин польта протиф зеркала. Куда хотишь. Он говорит: што ум, барин <нрзб>.

Пехнул руку в корман, оказался кошелек не шибко корысной. Замша вся повытерлась, в кошельке оказался один грош. Повернул его и кошелек полон золота. Шарик покотился.

За болота и за ручьи, и куда. Стой, шарик, не катись, шварнул о дерево, шарик рассыпался и выскозили 36 молодцей. Что, хозяин, прикажешь?

Тут шарик будь передо мной, шарик покати...

Питенья и еденья, кушания сколько хош перед ним. Шарик опять покотился, он поскорее, шарик, поскорее.

Стоит избушка на курьих ношках. Стань ко мне...

Заходит в избушку. Сидит старая старушка. Старая корга не напоила, не накормила, стала вестей спрашивать. Она с печи соскозила, все..

Жил у купца, кипятил три котла, увидал 9 девушек.

Знаю, говорит, да ей она будет мне сродни, как бы племянница. Трудно тебе будёт за ней дойти. Я тебе дам троску. Шол, шол, троска показалась ему тяжела. Он ее о землю и хлопнул, выскозили 36 молодцей, семой кривой.

Избушка, повернись к лесу глазами, к нему дверями. Зашел, сидит старая старуха. Проходите, молодой человек, приятной наружности. И вот ноцевать. И стал рассказывать. Вот я одна девушка дала мне шарик. Вот по этому поводу я и иду. Я тебе по-

могу, милой человек. Я тебе дам рожок. Хорошо, благодарю вас. Шшо то приходитце на пути большие нелады будут. Вот время подходит опять к вецору, к избушке подходит к лесу глазами, ко мне воротами. Входит.

Соскоцила, напоила, накормила, стала вести спрашивать. Вот я знаю ей. Ты сичас пойдеш и пойдеш о синёе морё. Волны силь-но большие, море бушует, шумит.

Колода. Пусть <нрзб>.

Скаска скоро говорице, дело мешкотно твориче. Вот при-шел к синю морю.

Колоду повернули, вниз дном и сел он в эту колоду и пошел. Разбежалась колода и заскользила.

Опять повернули колоду кверху дном. Опеть шарик пока-тился. Он: «Поскорее, шарик, поскорее». Как в яму спускался, там ход очень хороший, как <в> Москве метро. Шарик покати-лся, и он пошел. Идет, идет, столько видит свет, он вышел и ви-дит — стоит дом весь в серебре, да в золот<е>, пришел. Вокруг дома ограда и стоят люди караульные, не пускают. «Нать разре-шеньё получить у государыни. Можом мы донести твои слова или гумашку». «А донесите так: вы дали шарик и за шариком велели идти, и этот человек пришел ко шарику сюда и хочот вас видеть». Она призналась и велела его запустить. «Вот вы, — го-ворит, — меня освободили от идола от чужого, вот он и гуляет». Баш сутки прожили. «Ничего мне не надо баш одно слово надо: не хотите ле идти за меня замуш?» Она ответет: «Да ето трудной вопрос. А вот тебе ковер самолет как ероплан». Закусили, сели на ковер и полетели... Пошла к етому дубу. На берёзе весьнет меч. «Ты каков силай?» Тот поскочил к мечу и не может. Возле тот же меч веснет. Отперла, зашла она в березу и стоит бутылка водки. Дала ему выпить. Он втору бутылку выпил, он меч с сука сдернул.

Третью бутылку выпил, схватил меч и бросил. Возьмем саб-лю вострую. Прилетели, он сидит, закусывает. Ты ссеки ему го-лову, пока он не схватал саблю со спички. Хотел схватить. Голова попала на пол и кричит: «Бей мене!» Разрубила его туловишшо и снесла в те корм, где она сидела. Домой они полетели.

6. Сказка <<Про Вехорево царство>>

Ездил царь, прогуливался по цисту полю, налетел Вехор, унес на гору высокую. И вот сыновья поехали есь искать маму. Иван вырос и просит: «Поеду искать маму. Есь ли у меня...».

У его Вехор выхватил его жону. «Дай мне-ка, папенька, бла-слвленьицо в цисто полё погулят, матушку поискать, свою не-весту прибирать». Фсе-таки. «Куды жо ты, дитятко». Вот уж не-

отклонно стал проситься. Поехали два брата Василей да Федор, «а пусти, папенька!» Вот ехал, ехал, ехал по цистому полю, по широкому раздолью, приехал к Вехоревой горы, а братья стоять, сперва-та, не знали друг дружку. «Дак и я маменьку поехал искать!» Назвались. Закинуть, а не заразить. Иван кинул на полгоры заразил, другой раз кинул, на всю гору заразил. Вот пойду, а вы эту цепь не стегайте, бывает и маменьку приведу. Вот он пошел, шел, шел и нашел медной дом, там девушка сидит. Вот етот Иван-царевич пошел, клубок катитсе, катитсе, и видит по праву руку сидит девушка, говорит: «Куды ты, доброй молодец?» Она дала ему братыню пива. Он заспал крепким сном богатырским. Она разбудила его и дала клубок. Он пошел. Он эту пиву выпил и заспал крепким сном богатырским. Она: «Дам тебе клубок, да дам ключок. Ты иди до Вехоровой реки». Он стал походить. «Докуль клубок катище, дотуль и ты поди».

Фу-фу, цую русской дух. Ты не бреди, он до оборин збредет, ты не иди, как по колен збредот.

Клубок фсе катище. Вот эта рука и сколыбаласе. «Ну, здесь перевозов нету, переходов нету. Я нечего не знаю. Ну-то, ты, збреди наперед. Иван-от до колена. А наши руски богатыри поодинов бьют и другой рас не прибавляют, а ему Вехорь унес дак».

Вот он рецку шол-шол, стоит платок, потом цуют: свиньи гырцат, собаки лают, а ему хлепча дала. А ёго мамаша стала стара-престара, зыпку кацают. «Ишшо тебя заставило сюда попадать?» «Слыхи пропали, что мама сюда попала». «Мне уж не привиделось ле, не поблазнилось ле, сын, Ванюша, ты?» Она средилась, дом в еицко свернула, в корман ёму поклала, они и пошли. Она их и будит. «Ну, Иван-царевич, срежайся, пойдём, я замуш возьму, я, может, мамашу приведу». Дом в еицко свернула, Ивану в корман. Эта девушка их напоила-накормила, спать повалила. «Што тебе ле одной жыть, пойдём, я приведу три невесты, хоть сразу жонитесь! Срежайся, пойдём с нами».

До медного дома дошли. «Не пора спать — пора ставать. Время далеко».

Вот Марья-царица и говорит: «Пойдем с нами. Теперь выхода нету!» Эта девушка думала-подумала. Дом в еицко свернула. Иван бежит впереди, не стенули цепь. Иван говорит: «Маменька спустилась из медного дыку». Тот говорит: «Моя». Другой говорит: «Моя!» Потом и третья невеста спустилась. На том вам спасибо.

Иван на поцепи-то спустился, одва не розбилось.

Остался.

Латат нагавей-птица яблоки клевать, ты ляг в борзонку. Нагавей-птица, снеси с Вехоровой горы и отдай из-под правого махалышка костылок. Выскоцит Ермошка, коротенька ношка, золотой колпацок, при ём двенацать молотцов. «И скажы, што

тебе надо!» Пришли домой, задумал Федор жонище. Жта нать зделать стеклянной мос, оценъ грязно. Пошел Иван-царевѣц.

Штобы сидели прицы райски, пели песни царьски. Ну вот, и пошли венцатьсе, только мос брякот. Федор задумал жонище, еста третья невеста ладит с нима жыт. Определяище к има, когда ухабы-ти загладили большы.

ЗАПИСИ 1961 ГОДА

7. «Сказка про Незнаюшка, как он у морского чуда жил»

Не в котором царстве, не в котором государстве, жил-был купец. Уехал за море торговать, а в это время хозяйка осталась беременна. А он не знал, что она беременна осталась. Вот обратно вертаются, и их вдруг остановился пароход: и глубоко, и не едут. Вот он приказ дает, что вот мол, смотрите, на мель ли зашли. «Ничего, — говорят, — нет!» А потом этот там хозяин воды да и говорит: «А вот ничего мне не нать, мне хозяина нать, никакие подарки не нать». Пришлось хозяина заколотить в крепкой ящик и спустить. Он гыт: «Мне и ты не нать, а только отсули, что в доме не знаешь!» «А что, — говорит, — я дома не знаю, много ле время прошло? Ну пускай тебе, — гыт, — что я дома не знаю». «Ну, ладно, можете ехать». Его вытянули из воды, на веревке был опущен в ящику, судно пошло боле, приехали. Он там много времени ходил, жена-то родила сына, а он про это и не знал. Вот его и задело: «Вот, — гыт, — я кого отсулил, служить». А сам не сказывает, а жене-то сказал, вот так и так. А сам печалится, отсулил, так придется отдавать. А парень растет — куда! Не по дням, а по часам, и в школе хорошо учился. А все чего-то папаша посмотрит на него и сам в слезы. Он стал допытываться, этот паренек: «Ты что, папа, как на меня, — грит, — сглянешь, так схмуришься? Очень, — грит, — настроение плохое у тебя. Чего, — грит, — неладно?» Одни раз с матерью разговор выслушал, и потому узнал. «Ну, — грит, — папаша, ты меня отсулил, так мне молоды года отслужить. Давай, — грит, — собирай, и я пойду к морю». Собрали его.

Пошел он, а тот его встретил с лесом ровно идет. Повстречался, стал маленьким и говорит: «Садись на меня». И увез его в свое государство. Стал он купцом. Стал торговать, ему столько доходу пошло, не сколько берут, сколько на этого молодого парня смотрят, и еще больше берут. Вот он жил, жил, потом он ему стал все это доверять, уж он тут как хозяином. А везде велел ходить, а в один склад не велел ходить. Ключи были все даны. «В это, — говорит, — не ходи, не приказываю!»

А у его тут, этого морского чуда, было (морским чудом называлось, морской купец был), был брат закован с конем, со всем, чего-то не поладили, дык. Вот он уехал куда-то далёко, он и задумался. «А что же, — говорит, — он мне и не велел туда-то ходить. Дай-ко!» Подошел, а там человек в цепях и конь в цепях. «Ну, — говорит, — я тебя, Иван, купецкой сын, — grit, — давно, — говорит, — ждал, и наконец дождался, — grit, — вот, освободи, — grit, — меня, возьми, — grit, — перекрести, — grit, — три раза, вот и всё. Собирайся, я тебе, — grit, — коня дам, а я, — grit, — тебя конь мой унесет. Возьми, — grit, — три ковриги хлеба, он тебя унесет. Там тебе, — grit, — встретится гора. На эту гору, — grit, — он тебя, свяжись, ты держись, так он на гору тебя затащит». Научил его. Вот он три буханки хлеба взял и поехал. А тот на воздух упал. «Так мне больше, меня, — grit, — больше не поймать, и ты, — grit, — уедешь». Вот он поехал, конь стал подпинаться, стал тощей, плохо кормил дак. Он буханку скормил, потом опять подъехал, стал слабовато подпинаться, он и втору скормил. И последнюю буханку, у него была, ту скормил. Сам пояс связал, как велел. А с первого ускоку слетел, выпал из су<нрзб>-то, он его на поводу затащил в гору-то.

А этот царь гнал за им, а на эту гору не мог, его упустил, стал. Вот этот Иван, купецкой сын (Иван, купецкой сын был), Иваном завали, а только он имя свое не сказал, чтобы он не мог его искать, не велел. «Ты, — grit, — свое имя не указывай, а то он тебя быстро найдет». Ну вот, он приехал в другое государство, не к отцу уж в то государство, а просто в друго. Тогда ведь небольшие, район так и государство. Поехал там по саду где-то, как его по царьску (то ле помещик ле кто там был, царь назвал) и выворачал, конь богатирской, дак тяжелой, все дорожки выломал, в их засыпаны, посажены были, дак. А там разгорячился хозяин-то и сторожовых-то, которы сторожат-то, почему не охранили, посадил в тюрьму. Ну вот, коня спустил, и пошел в город. А царь-то, незаконной, ходит-то, его поймали. Имя не сказывает, не знаю и все. Его в тюрьму тожо с теми вместе. Ну вот разговорились: «Вот так и так, за что сидите?» Много посадил. «Вот да что, — grit, — какой-то проезжал, — grit, — а мы не могли, — grit, — задержать, — дак нас и посадили». «Дак это я!» «О, — говорят, — бывать тебе там, на таком коне». А он взял, стену-то выломал, вышел, а там виселицы делают. Он пришел, спрашивает: «Это для кого?» — grit. «Вот для такого, — говорят». «А это для кого?» «А это для Незнаюшко, какого-то имя». Он говорит: «Это слабовато», взял да выломал все.

Вот дочка заступилась за людей-то. Грит: «Ты, папаша, много губил, много людей хочешь погубить ни за что. Все, — grit, — направлено. Выпусти людей», — grit. Это отца уговариват. Тот посмотрел. На самом деле ущерба нет, давай выпустил.

«А этого в тюрьму, в работу!» Кур пасти заставил, кормить, кого там, Незнаюшку-то работником. А дочь-то и стала к нему похаживать, видит, что это образование есть и какой ле не нищей, а имени не сказывают. Она и за его замуж задумала. У его был собран пир, бал, жонихи наехали. Две дочери за богатых вышли, а она за этого пошла, ну жонихи обиделись. «Ишь за какого бродягу пошла, а за нас не пошла». Грозят войной. Вот беда-то! Старик ворщит: «Из-за тебя все, дочи!» Зятя на войну собираются, оборонять. Жена-то говорит ему: «Ты бы тоже пошел бы, хошь там что ле». «Ну, управятся без меня. Дай корзину, я за грибам пойду». Вот пошел. Корзину на сук повесил и засвистел. Конь прибежал. Сел, отвагу сделал, бой сделал.

А черт узнал, что в таком-то государстве меч есть. Меч был ему подарен. Ну что же! Он на царских дочерей послал трех-голового змея. И змею было приказано, если какой пойдет, защищать, то живком поймать, не губить. На старшу одноглавого, а на среднюю двухглавого, а на младшу трехглавого змея, три головы. Ну объявил там, что вот так и так, а то все разорю. Вот и объявили, нужно на съедение змею. Царь запечалился. Стали отправлять. Все тут плачут да спровожают да. А он пошел: «Ты, — гыт, — чего ле помог?» «А без меня справятся, тебя поведут, так никто не пожалеет». И пошел, корзину взял, грибов принести. Коня засвистал, сел, поехал. А те за угором, где ле там, есть избушка, свезли к морю, а сами не смеют тут и показаться. Он коня поставил, копье бросил, зашел к ей. «Здравствуйте!» Она и не может узнать. «Почто, — грит, — ты, доброй молодец, сюда приехал, я, — грит, — ведь свезена на съедение змею». «Так я ведь тебя оборонить приехал». Ну вот, потом выходит змей. «Ну, долго, — гыт, — голодал, вот теперь сыт буду». Он побежал стречь. Он стал поперек дороги. «Не дам дороги!» «Дай дороги! Уйди, мне табя не нать!» «А кто нать?» «Иван, купецкой сын!» «А я, — грит, — сам и есть». Вышел на гору, и она на гору, его здесь ничего не могла сделать, так на гору. А он ей поставил копье, она напоролась. Она тогда вышла, царевна-то, и говорит: «Как тебя, доброй молодец, — грит, — зовут? Пойдит, — грит, — к нашему батюшку, вас чем-ле, — грит, — наградит!» «А я, — грит, — знаю хорошо вашего батюшку». Так и сказал. А поехал да возьмет у того, у старшого-то зятя, он взял да ухо и обрезал. Они его не знают. А те пришли домой туда, грит: «Со змеем подралися». Соврали тестю-то. А на другой день опять втору, средню опять вести. Опять так собирают. А он опять отправляется. Пошел опять, корзину повесил, опять поехал. А она опять дожидаются. Он приехал, опять поставил коня, сам зашел с ей беседует: «Как ты заехал, ведь я змею не съедение?» «Я оборонять тебя приехал». Ну вот. Змея вышла двухглавая. Он побежал опять стречу. «Стой, — говорит, — не дам дороги». «Дай, — го-

ворит, — дорогу, ты мне не равен, ты мне не нужен». «А кто тебе нужен?» «А мне Иван, купецкой сын, нужен». «А я самой и есть». Змея в гору, а он копые поставил. Она наскочила, он ушителился, она напоролась. Откинул в сторону. Головы отсек, языки вынул, в карман склал. Поехал и у среднего зятя волоса отхватил с кожей. Ну те поехали, хвастают. А третьей день никто провожать не пошел, матери плакать стала, отец разгорячился, царь: «Ведите и ей!» И ее велел вести. Вот их с матерью и свезли туда. Поглядеть послали кого ле придет, нет тот ле.

А он корзину на руку, да в лес, песни поет. Говорят: «Дурак, так дурак и есть, нашла такого бродягу, ишь-от, жону повели, а он песни поет». А он пошел, да опять так же, таким же образом отправился туда. Приехал, они не знают. И зашел к ним. «Куда ты, доброй молодец, приехал, мы змею на съедение привезены. Нас-то съест, да и тебя-то съест». «Как это так съест, я вас оборонить приехал». А жену-то заставил в головы поискать, а сам заспал. Змея вышла, а он спит. «Вот хорошо, голодна была, а теперь три человечьи жизни, а четверта лошадина». Вот уж близко идет, а она не может разбудить. А он ей сказал: «Если не заможешь разбудить, — гыт, — то ткни ножом». А она заплакала: ткнуть жалко. А слезы-то пали у ёго на лице-то, он и прохватился. Взял копые, загородил дорогу. «Дай, — грит, — дорогу, ты мне не равен». «А кто, — грит, — тебе равен?» «А мне, — грит, — Иван, купецкой сын, равен». «Я, — грит, — самый и есть». Вот она давай хвостать его. У его в одной руке копые, в другой сабля. Он опять на гору забежал, да на копые опрокинул ее. Ну у ее три головы, он не мог, змолился коню: «Помогай! — грит, — конь!» Конь стал помогать, стал бить ее. Убил.

Тещу и жену повез, в ограду заехал, поставил коня, за порог пал да и заспал богатырски сном. Конь никого не пускал.

Он когда проспался, вынял эти все языки, в платок склал и сказал: «Снеси, — гыт, — отцу-то. Как защищались твои зятевья». Она сказала: «Вот ты моего мужа ничем считал, а кто тебя защитил». Все рассказала. Он тех казнил, а с им стал жить.

8. <«Сказка про дедушкин колпак»>

Много лет прошло с тех пор, как на Руси стояло большое селенье. В том селеньи жил старик. У того старика было два сына. Первой сын Данил, второй Влас. Влас ни за какое дело не примет, а за какое примётся, все испортит. Либо спит, либо песни распекает, лежит на полотах. Однажды Данила пошел в лес, отцу помогать, а он остался дома на полотах. Поет песни! А тем, что в печку поставят, щи ле, что ле, встанет, все съест. Данил придет с работы, в печке ничего нету, все скушал. Ну ладно!

Однажды старик поехал в соседний город с мукой в базарные дни торговать. Он торговал очень прибыльно там. А там разбойники его подсмотрели, что он много денег получил. Когда же этот старик поедет куда, они его подслеживать стали. Следили. Потом он склался и отправился по дороге. Они как раз наперед убежали, там засаду сделали, сидят, ждут его. Он едет. Вышли они из стороны. «Стой!» Поймали лошадь. «Ну что, старик, где был?» «На ярманке». «Что продавал?» «А ничего такого, — говорит, — не было!» «Как не было, у тебя мука много, — говорят, — была, да хлеба ты продал. Деньги есть?» «Нет!» «Отдай!» — говорят. Вот они его избили, лошадь спустили, его бросили в сани. Лошадь пришла, Данило вышел на улицу, а лошадь стоит, потом заглянул в сани, а старик лежит, кричит. Он забежал в избу. «Влас, — говорит, — помоги занести отца в избу, чего-то заболел ле что ле, — грит, — кричит». Потом посмотрели, а он весь разбит. Побежали за лекаркой, ходил. Лекарка пришла, какого-то там лекарства дала, тогда может совсем не фельдшер был, а так женщина или кто ле там. «Ну что, — он грит, — вот что, дети, теперь мне последний конец, больше мне уже не направиться. Подходите обои ко мне, я вам все расскажу, что есть тут. Вот что, — грит, — Данило, ты очень хорошей работник был, помогал, оставляю тебе все: скотину, дом, поляны, — все это тебе, есть, — грит, — амбар, в амбаре там, — грит, — у матери есть сундук, в сундуке есть, — грит, — материн кафтан, а в кафтане тысяча рублей. Это возьми, — грит, — все твоё», — грит. Одарил. А тот Влас лежит на полатах. «А мне-то чего?» «А вот тебе, ты ничего не помогал мне, не работал, только, — грит, — на полатах валяешься. Тебе дедушкин колпак лежит, — грит, — на полицы. Тебя благословляю. Если ты будешь колпака слушать, то, может, ничего, не пропадешь». Ну и ладно. Так вот. Отец скончался, Данило захоронил его, хорошие поминки сделал. Там все и живет. Все рассмотрел, где чего благословлял, все прибрал, стал коров наблюдать, кормить. Однажды пошел он в лес. Пришел с работы этот Данило, а Влас лежит на полатах. «Ну что, — говорит, — делаешь, хошь бы дров ты мне наносил или что ли, а то ничего не помогаешь, — говорит, — теперь, — говорит, — отец ведь помирал, — говорит, — ведь все мне оставил: избу, поля, то, — говорит, — и скотину, и все, и дом. А тебе, — говорит, — ничего, только, — грит, — дедушкин колпак. Можешь, — грит, — сходить с полатей и уходить, куда хочешь». «Ну ладно». Он ничего не отговаривает. Потом вот этому Данилу стало досадно, он стащил его с полатей и двери открыл там, выкинул его, и двери на крючок заложил. И стоит этот Влас. Опомнился. «Что же мене, — говорит, — Данило так сделал. Да ведь, — говорит, — отец-от помирал, да ему все оставил, а мне-то он ничего не дал». Он постоял час и отправился. Говорит: «Все вот отец господин, — гово-

рит, — Данила. А мне, — говорит, — уж, наверно, не жить тут». Пошел вдоль села по дороге. Шел, шел, село кончилось и пошел по дороге дальше и сбился с дороги с этой и пошел стороной. А увидел там высоко дерево, а на дереве сидит соловей и громко песни поет, словно за душу хватает. Он сел под это дерево, слушал, слушал соловья и тут и заспал. Так же первую ночь и провел под деревом. Ну подумай. Утром встал, на другой день, пошел. Пошел, увидел там сдали город. «Что же, — говорит, — город какой там, — говорит. — А, — говорит, — в городе-то ведь нельзя без шапки-то ходить-то. Потом, так это мне отец-от дедушкин колпак дал, есть-нет он у меня». Вынял колпак, наложил, а колпак заговорил человеческим голосом. «Да, — говорит, — Влас, не хорошо отец все-то сделал. Данилу все отдал, а тебе ничего, ну ладно, — грит, — я буду тебе рассказывать, только не забывай. Ты вот что, — говорит, — пойдешь сейчас в город, а тут как раз будет избушка стоять. В эту избушку зайди, а тут сидит, — грит, — старая старуха, горюет о своих сыновьях. Ты тут и ночевать, — говорит. — А пока, — говорит, — положи колпак за пазуху».

Идет, избушка стоит, зашел в избушку ту, сидит старуха. А на середине стоит старая скамейка, а на скамейке лежит старая кошка. Он на другое дело старуху хлесть. Старуха пала. Прочухарилась, да побежала заявлять-то. Побежала старуха, милиция ей принял. «Вот, — грит, — недавно пришел какой-то прохожий ко мне в избушку зашел, — грит, — ничего, — грит, — сразу на меня, меня, — грит, — хлесть, — я пала, пролежалась, — говорит, — и бежу!» Тот говорит: «Пожалуй, что заберите его, — говорит, — куда ле». Вот ведут, а тот говорит: «Колпак ведь надеть надо». Колпак надел, колпак и засказывает: «Напрасно ты, — грит, — Влас, зачем старуху-то избил, — грит, — сейчас приведут в милицию ты, заберут. Ты слушай, скажи, что я пришел сюда, знаю, у вашего царя горе. Они скажут: „Како горе?“ — Он жонился на прекрасной невесте, брал хорошу. У них не было детей, говори, три года жил, на четвертой год родилась дочь. Они подростили эту дочь, она была очень хороша. И вот пошла она с няньками гулять и поганый Издолищо ее унес. Поймал, говори, и унес. Няньки плакали, плакали. Так ты скажи, что можешь горю помочи, эту дочь достать. Теперь, — грит, — оберни меня, сейчас придут». Ну вот он положил, опять лежит. Пришли. «Ну что, — грит, — молодец, откуда ты такой». «А я издалека». «А откуда?» «Да есть на Руси большое селенье, в том селеньи жил старик, у того старика было два сына. Один Данило, а второй — я. Отец, — грит, — стал помирать, так все там Данилу оставил, а мне так ничего не дал, один дедушкин колпак». «А зачем ты старуху набил?» «Да не знаю, мне чтобы полати достались, наверно, для этого, поспать». «Так и так можно поспать. Ну вот что: ты набил старуху, пойдем, — говорит, — сейчас в город,

посадим тебя в тюрьму». «А я, — говорит, — вот что, поведите меня в город, я вашему государству помочи могу». «А что такое?» — грит. «А вот что: царь ваш женился на прекрасной невесты, жили года три, у них не было детей, на четвертом году у них родилась дочь, они подростили, она пошла, — грит, — гулять с няньками, и поганое Издолище ее унес, я ее могу достать, доложите царю», — говорит. Ну ладно, его привели, посадили. Вот они там доложили: «Какой-то человек есть, помочи ладит, а все это правильно говорил». Он сидит. Чичас колпак наложил. «Ну, — говорит, — Влас, смотри не ошибись сейчас. Приведут тебя к царю, сейчас придут слуги, ты пади на коленцы, поклонись. Он тебя будет спрашивать, я помочи лажу твоему горю. Он спросит, да вот (росказал все) и увез у тебя поганое Издолище дочь, я могу достать. Только мне дай хорошего коня, да латы, — говорит, — с крыльями, и шлем с водой, нож булатной. Чтобы ехать так побороть там поганое Издолище. А я знаю, где он там находится», — колпак ему все разъяснил. «Ну сейчас колпак положи, вот придут, так ты тогда, — грит, — расскажи все». Сидит. Потом слуги царски пришли, открыли. «Ну вот что, молодец, снимай свое платье, — грит, — вот одевай наше платье, пойдем, — грит, — к царю, какое ты у царя горе можешь знать?» Ну вот его и привели к царю. Он чичас пришел, зашел, пал на коленцы, поклонился. «Ну что, молодец, скажешь? Окуда ты такой?» «Я, — говорит, — издалека. Есть там, — рассказал, — на Руси большое селенье, в том селении жил старик, у старика было два сына». Это все рассказал. «Ну дак ты, какое горе ты ладил мне сделать, что у меня горе есть?» «Да, есть у тебя горе большое, — говорит. — Вот ты, — говорит, — женился, у вас три года не было детей, на четвертом году, — говорит, — у вас родилась дочь». «Так!» «И вот вы вырастили ей, она была годов 15». «Так!» «Она пошла гулять с нянькам. Ей, — говорит, — прилетел поганое Издолище и схватил и унес». «Да, это правильно. Так как ты ей, — грит, — знать да достать-то?» «Дай мне коня хорошего, латы с крыльями, шлем с водой, — говорит, — я поеду, — говорит». «Ладно, завтра, — грит, — все будет готово». Вот так. Вот он поночевал, на другой день сейчас все получил, распростился с царем, царицею и поехал. Издолище искать. Едет там дорогой. Близко ле далеко, низко ле высоко, долго ле скоро ехал. Вдруг там слышит ревет мужчина. Так ревет дак. Ну что. Вот давай коня скорее поторапливать. Потом бежит мужчина ему навстречу, а три разбойника гонят его. Как раз они увидели его на лошади, всадника, и в сторону убежали. Вот он приехал к этому мужчине. Увидел его брат лежит. Ну. «Откуда ты такой молодец?» — спросил его. Не узнал его, он переделся во время царском-то. «А я, — говорит, — далёко, товариш», — говорит. «А из какой, — говорит, — ты деревни?» «Да есть, — говорит, — на Руси

большое селенье, в том селеньи жил старик, у старика было два сына, — говорит, — первой я, — говорит, — а второй Влас. Да Влас-то, чистая беда, ни за какое дело не примётся, что примется, то попортит». Ну ладно. Он слушат-то. «А куда, — говорит, — девался-то Влас?» «Да не знаю. Он ничем мне не помогал, — говорит, — ему отец ничего, — говорит, — не дал, ни коровы, ни дом, ни поляны, ничего, а дал только дедушкин колпак. Он, — grit, — лежит на полатах, либо поет, либо, — говорит, — чего-то рассказывает, да то, друго. Мне стало досадно, я взял колпак ему подал, да стащил с полатей. Не знаю, куда он и ушел больше». «А что ты ревешь-то?» «Да меня вот, я, как выгнал Власа, с тех пор у меня, — grit, — пошло все, — grit, — сперва изба сгорела, потом стали скот валиться, и все пошло завалилось, ничего, — grit, — иду дорогой, как раз напали на меня три разбойника, гонят», — говорит. Ну ладно. Он ему тыщу рублей вынял из кармана, дал. «На!» А сам не сказался, поехал дальше. Вот едет, низко ле высоко, близко ле далеко. Там чичас приезжает к озеру. Остановил лошадь, слез с лошади, спустил лошадь в чисто поле, сам сел к озеру-ту. Сел и вынял колпак. Колпак и стал говорить: «Вот что, — говорит, — Влас, сейчас ты к озеру-то приехал. В этом озере-то есть поганое Издолище, и, — говорит, — у его, — говорит, — выплывет семь лебедей. Это все царски дочки унесены, девок-то, дочерей. Он, — говорит, — выйдет на берег-то, а сорочки их под голову положит, они в лебедей обернуты, они будут плескаться и всяко играть. Он любится, смотрит, а потом, — говорит, — заспит. А ты, — говорит, — как-ле нибудь осторожно эти сорочки у его из-под головы возьми. Он заспит, так он захрапит, — говорит. — Он за тобою погонится, а ты, — говорит, — сейчас в латы. Взмахни крыльями, поднимешься в воздух. Он, — говорит, — ударится о землю и за тобой сзаци. Ты смотри изловчись, чтобы в лебедь не ударить, они мешать будут, они летать, — grit, — промежду вами будут, тобой да поганим Издолищем. Как изловчись, — говорит, — чтобы это убить поганое Издолище. Ну вот так. А сейчас, — говорит, — скройся, скоро он выйдет». Он сел, спрятался, сидит, глядит, вдруг слышит вдали конской топот раздаётся. Кто такой?! Ближе и ближе. Потом приехал всадник к озеру ту. Он спросил: «Кто такой, зачем ты приехал?» «А есть здесь лебеди, так лебедей лажу подстрелить да пух оттеребить, да одной девицы подарить». «Это лебеди, — говорит, — не твои, не тебе владеть има, уезжай, — говорит, — обратно, а то сейчас», — говорит. «Нет, — говорит, — не поеду». Вот он взял его это бездыханное тело бросил, его убил, а сам скорее опять сел, дожидат. Потом вдруг озеро сколыбалосе и вышел поганое Издолище, которой в озере-то владеет. И выплыло там шесть лебедей. Лебеди начали там плескаться. Он эти сорочки с собой под зголовье, лег на их и смотрит там, смотрел,

смотрел и вдруг заснул, захрапел. Влас дожидается. Сейчас подобрался тихонечко, подкрался, схватил сорочки из-под головы и на уход. Он погонился за им сзади, похватился. Он видит, что сейчас догонит, давай латами махать, с крыльями были латы, и стал подниматься в воздух. А этот стукнулся поганое Издолище в землю и превратился в птицу и за им сзади. Ну вот сейчас стал догонять он, это поганое Издолище. Выхватил ножище такой булатной, хотел его бросить. Он взял шлем с водой, бырызнул водой. Сейчас попала вода в этот его булат-от, и он разлетелся весь. Потом он замахнулся саблей и его срубил голову. Он сейчас пал на землю. Ну ладно. Вот он сел тоже, его вырубил всего в куски и бросил. Сейчас эти лебеди стали просить сорочки: «Отдай нам сорочки, молодец, нам ведь все время будет летать лебедем». «Нет, я вас не отдам вам сорочки, я привезу вас к отцам, и тогда вам отдам эти сорочки, тогда будете опять девицами, а теперь, — говорит, — полетайте за мной, я сейчас поеду». Ну вот сейчас коня поймал и сел на коня, поехал, лебеди сзади полетели. Ехал там, близко ли далеко, сейчас озеро стоит. «Надо лошадь покормить, да и лебедям де ле поесть», — говорит. Сейчас к озеру остановился. Вдруг слышит опять конской топот: «Кто такой, — говорит, — едет». Потом едет сын этот, поганого Издолица. «Ну, — говорит, — молодец ты, — говорит, — отца моего убил, так все-таки не мог укрыться от меня, тебе все-таки придется погибнуть здесь. Отдай, — говорит, — сорочки». «Нет, не отдам сорочки, — говорит, — не видать тебе сорочек как своих ушей!» Ну ладно, вот они тут схватились. Вот все, так сразу его погубил и опять на лошадь скорее и на уход, поехал. Ну а лебеди поднялись за ним сзади. Вот он ехал, близко ле далеко. Приехал в одно государство, там все доложил. Не доехал еще в государство-то, ворота все закрыты. Заявил там, чтобы доложили государю, что приехал молодец, привез сорочки девьи, вашей дочери. Сейчас там доложили царю. Царь приехал в кореты. «Вот что, — кричит, — ваше императорское величество, выбирайте свою сорочку и брось о землю и превратится твоя дочь в девицу, а сейчас они лебедями летают». Вот он выбрал. «Вот это, — говорит, — наша сорочка». Взял сорочку, бросил о землю, сейчас лебедь превратилась в девицу. Вот он сел. «Поедем давай, — говорит, — ко мне в государство». Там зовет. А лошадь он спустил в чисто поле. Поехал там погостил дня три что ли, вот стал отдавать за его замуж дочь. «Нет, — говорит, — я пока жониться не буду, надо всех развести лебедей. Тогда что ли будет?» «Сколько нать тебе золота?» «Ничего мне не надо!» Так распустился и поехал. Всех так вывозил в государства. Потом откуда поехал, к тому приехал к царю. Там доложил, царь сейчас встречат его, приехал во дворец, с царицей приехал, взял сорочку, бросил, та превратилась из лебеди в девицу. Поехал там опять к царю, гостил сколько време-

ни. Потом он стал за его замуж отдавать дочь. А дочери не нравится его имя Влас. Дала ему имя Арон, так они повенчались, стали жить и сейчас живут.

9. «Про охотников» (запись конспективная)

В 1909 году осенью, 3 октября на реке Суле станция Фоминска пошли два охотника Василей да Андрян на охоту на Верхнюю Пышегу. Оттуда выйти на Верхнюю Селезю и на тракт. На второй день ночевали они в избушке. Утром пошли, погода была хорошая, чистая. Собака облаяла белку, потом залаяла, как зверю, собака лает в землю, подошли, видят: медведь нос выставил. Отступили в ложбину. «Адрей, ты медведей лавливал?» — «А ты, Василей?» — «Я лавливал». — «Ты боишься?» — «Нет!» — «Давай, паря, Василей, медведя ловить, чистый клад. Давай зарядим тремя патронами». Василей посыпал в банку и подает, смотрит, Андрей складывает порох с земли, просыпал. «Ты чего, Андрей, испугался?» — «Ничего я не испугался, просыпал». Пошли, собака лает, место чистое, увидит их медведь, нужно пустое пространство пройти, эту сендуху перепрыгнуть. Василей перепрыгнул и пошел, а Андриан стоит. Василей подошел к берлогу, стрелять нужно где-то в дырку между сучьями ели. Наводит. Василий посмотрел, где Андрей, все там же. Стрелил Василий, заметил, что в берлогу попал. Андриан закинул чувячек на голову, оборони бы самого себя. Василий попробовал выбратья, но захлебнулся, не мог. Медведь смял Василия и кусает голову, плечи, но не больно, как играет, за<нрзб>, а не больно. Вот ружье-то лапой, да и отбросил, а сам сидит на Василии. Василей вынул нож из ножен и хочет нанести рану. Медведь его цоп за руку и нож выбросил. Топор у него еще есть, достал, вынул. Медведь и топор выбросил. «Давит, стал я чувствовать боль», — стал он мне сказывать. Долго ли, коротко ли, не стал чувствовать боли, прохватился, нет ни собаки, ни медведя, а Андриан все там. Я завопил: «Андриан», — хриплю так. На третьей раз завопил: «Андреан» — «А я тут, слава Богу, жив. Беда, ты весь чисто съеден, окороков-то нет, кость одна». — «Вот что ты сделал, теперь и ты не выйдешь отсюда, и я и ты погибнем». Солнце уж низко, а идти еще далеко. Василей ему говорит: «Тащи меня в берлогу, я тут помирать буду, а ты пойдешь домой, приедешь домой сегодня, а завтра с Клашей приедешь на моем Голубане за мной. Сядете один на коня, другой на сани, он, — григ, — вас привезет. Сейчас пойдешь к дороге, я расскажу».

Оттащил Андриан в берлогу, наготовил малость дров, чтобы тот отогревался. Стал Василей объяснять дорогу: «Теши тески

правее солнца метра на два. Тебе стретится болото, там по болоту пройдешь, а потом опять теши тески правее солнца, а из лесу пойдешь — прямо на солнце, а дальше зивно (много) левее солнца». Андриан ушел. Солнце стало закатываться, стало свежо, спустился в берлогу, сразу заспал, проснулся, видно звезды, Кичко (собака) тоже пришел. Слышит шорох, Кичко выскочил и угнал медведя. Заспал, проснулся, и собака вернулась. Утром приехали за ним. Василей излечился.

КОММЕНТАРИИ

1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 153.

Сказка первая. <<Невеста из бани>>. Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. От этого же исполнителя записаны еще три сказки. См. наст. публикацию. СУС 813 А = АА *813А «Проклятая дочь».

Сказочный текст представляет собой повествование, возникшее на пересечении мифологической и сказочной традиции, в его основе лежат традиционные мифологические представления о проклятых и духах бани, о святочных гаданиях. Однако полностью отнести данный текст к быличке нельзя, поскольку он содержит признаки, типичные для сказки: развернутое повествование, многоэпизодность, разработанность диалогов, большое число второстепенных персонажей. В большинстве вариантов этого сюжета главные герои: девушка, ее жених и ее родственники (нечистая сила). В публикуемом тексте есть еще и крестный жениха, «человек с умышленностью», который помогает герою справиться с заданиями и спасти девушку.

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Рыбников, III, с. 194—196 (=Карельск., 41); Ефименко, 9; Ончуков, (70); Цейтлин, 17 (=Карельск, 43); Этногр. обозр., 1916. № 3—4. С. 59; Соколовы, 28, (124); Карнаухова, (80), 137; Коргуев, 60; Балашов, 11, 16, 18, (141).

От других региональных вариантов его отличает эпизод, в котором главного героя отпевает заживо поп. Не во всех текстах присутствует мотив сватовства. Традиционная сюжетная схема осложнена отдельными мотивами из других сюжетов: девушка, встающая из гроба (СУС 307), и сюжетов о персонаже, помогающем герою справиться с заданиями.

2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 154.

Сказка вторая «Потороча — одна нога короче». Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. СУС 1525 А «Ловкий вор» + 1737 «Поп в мешке».

Сюжет «Ловкий вор» учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре, широко распространен и на Севере. Региональные варианты: Ончуков, 90, 191, 296; Соколовы, 25, 86 (=Избр.

мастера, 25); Карнаухова, 88, 167; Коргуев, 62; Господарев, (20), 56; Чистов, с. 32—35; Никифоров, 57; Ск. Поморья, 53; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 128, 138 (Заон.); 45, 61, 68 (Пин.); 211 (Мез.).

Сюжет «Поп в мешке» также известен в русском, украинском и белорусском фольклоре, встречается, как правило, в контаминации с другими сюжетами, региональные варианты: Ончуков, 59; Чистов, с. 32—35; Карнаухова, 167; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 61 (Пин.).

Сказка принадлежит к циклу сюжетов о ловком воре. Сюжет строится из нескольких отдельных эпизодов, каждый из которых может быть составляющим в других сюжетах о ловких ворах или является самостоятельным текстом. В севернорусской традиции сюжет представлен в разнообразных версиях. Чаще всего первый элемент сюжета — это эпизод о краже коня (Никифоров, 57; Карнаухова, 88; Ончуков, 90; Ск. Заонежья, 62; Ск. Пудожского края, 13 и др.), представленный в большинстве текстов, как правило, одинаково: ловкий вор спаивает сторожей и уводит коня. Далее следуют другие задания барина (купца, царя): украсть вола с сохи (Ск. Заонежья, 62; Коргуев, 62), постель из-под барина (Никифоров, 57; Карнаухова, 88, 167; Ончуков, 90, 191, 296; Ск. Пудожского края, 13 и др.), деньги из-под кровати хозяина (Коргуев, 62; Ончуков, 90; Ск. Заонежья, 62), в карельских вариантах сюжета есть эпизод с кражей у барыни кольца (Коргуев, 62; Ск. Заонежья, 62), самой барыни (царицы, купчихи) (Ончуков, 90; Ск. Заонежья, 62; Ск. Пудожского края, 13 и др.). Заключительный эпизод сказок на этот сюжет — либо неудавшаяся попытка казнить (утопить) вора, который заманивает на свое место другого (Коргуев, 62; Ск. Заонежья, 62; Ск. Пудожско-го края, 13 и др.), либо обман архиерея — сюжет «Поп в мешке» (СУС, 1737), после этого обычно ловкого вора награждают (Ончуков, 191; Карнаухова, 88, 167; Никифоров, 57 и др.).

В сказках, записанных на Пинеге А. И. Никифоровым (Никифоров, 57) и И. В. Карнауховой (Карнаухова, 88, 167), сюжет о ловком воре выступает в контаминации с сюжетом «Свечи на спинах раков» (СУС, 1740).

Название публикуемой сказки «Потороча — одна нога короче», вероятно, заимствовано из шуточной побасенки про Поторочу, в сборнике Н. Е. Ончукова есть докучная сказка про «Торочу» (Ончуков, 157). Это имя встречается и в сказках на другие сюжеты, например, в сборнике «Русские сказки Забайкалья», а также в сказке, записанной в Пермском крае. В смоленских и других южнорусских говорах одно из значений слова «потороча» — «озорник, выскочка, кто везде суется».²³ У сказок на этот сюжет известны и другие рифмованные названия «Про Нестера, у которого было ребят шестеро» (Коргуев, 62). Однако наиболее традиционно двусловное название типа «Кирка-вор» (Карнаухова, 88), «Вор Мотрошилка» (Ончуков, 191) от «мотрошить» — заниматься чем-либо ради добывания средств к жизни; перебиваться; воровать.²⁴

²³ Словарь русских народных говоров / Главн. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1996. Вып. 30.

²⁴ Там же. Л., 1982. Вып. 18.

Традиционный для большинства сказок на этот сюжет мотив обучения воровскому делу в публикуемом варианте только обозначен, но развития не имеет: «Пошел Потороча к большой дороге, повесил шапку на сук». В других текстах герой пытается украсть эту шапку, чтобы научиться воровать. Эпизод кражи коня представлен полно и оригинально. Герой не только купил «троеногу» лошадь, чтобы отвлечь сторожей, но и запасся мясом для собак и пшеном для петухов. Эпизод кражи барыни также необычен, он содержит отдельные мотивы из эпизодов о краже быка: герой кладет у дроги сначала один ботинок, а затем другой, пока их поднимают, ему удается увести быка, в данном тексте — барыню (Ончуков, 296; Карнаухова, 167).

3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 155.

Сказка третья. «Девье царство». Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. СУС 551 «Молодильные яблоки».

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Жив. ст., 1897, 1, с. 113—120, 120—123 (=Карельск., 6, 7 =Сказки XIX в., 83, 85); Ончуков, 3, 8, 265; Соколовы, 139 (=Избр. мастера, 8); Озаровская (36); Коргуев, 10; Господарев, 9; Чистов, с. 190—196; Балашов, 27, 43; Ск. Поморья, 35; Опись сказочного собрания А. И. Никифорова, 43, 108 (Мез.).

В ходе экспедиции 1961 г. от Василия Марковича Бобрецова из д. Усть-Низема Сульского с/с Лешуконского р-на В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым был записан очень краткий вариант сюжета. См. коммент. к сказке 9.

Сюжет известен в нескольких вариантах и различных контаминациях (Балашов, 27; Господарев, 9; Ск. Поморья, 35).

В публикуемом тексте братья едут не для того, чтобы найти живую воду, а за «хитростями-мудростями», так же как и в: Ончуков, 3; Соколовы, 139; живая вода и молодильные яблоки заменены на плетку-живульку, которой герой оживляет своих братьев, а потом и войско отца. В варианте Ончуков, 3 плеткой-живулькой герой оживляет мать, в Ск. Поморья, 35 — старуху-помощницу и излечивает свои ноги. В варианте Коргуева, 10 введен мотив полета на петухе за живой водой и молодильными яблоками; у Соколовых, 139 — эпизод с Ногай-птицей. Герой попадает в девье царство с помощью лебедей. Возможно, на сказку оказала влияние лубочная традиция: название «девье царство» встречается также в сказках о Еруслане Лазаревиче.

Как и в публикуемом варианте, мотив соперничества и предательства братьев развит не во всех вариантах сюжета (Ончуков, 3; Балашов, 27). Различны препятствия на пути к царству богатырши: в публикуемом варианте — старик на перевозе, у Балашова, 43 — старик-великан, у Коргуева, 10 и Соколовых, 139 — былинное испытание трех дорог. Устойчивым элементом всех севернорусских вариантов сюжета является женитьба героя на богатырь-девице.

4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 156.

Сказка четвертая. «Мельник (Без рук девушка)». Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец

Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. Исполнитель слышал эту сказку ребенком на Пинеге. СУС 706 «Безручка»

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Цейтлин, 12 (=Карельск., 17); Озаровская, 37 (=Кривополенова, 5), Чистов с. 39—52; Никифоров, 39; Балашов, 47, 134; Ск. Поморья, 63; Сими́на, 9; Опись сказочного собрания А. И. Никифорова, 83,180 (Заон.), 60 (Пин.).

Текст представляет собой нетрадиционную версию сюжета. Законом служит отдельный элемент сюжета 313 А, В, С «Чудесное бегство»: обещание мельника отдать то, «что стоит сейчас за мельницей» (отдать то, что дома не знает), но дальнейшего развития сюжет не имеет. В отличие от большинства сказок о Безручке здесь сам отец соглашается отрубить дочери руки. В публикуемом варианте также много христианских мотивов, особо подчеркивается безгрешность девушки, чтобы спастись от водяного героя, очертилась мелом и обрызгалась святой водой. Мотив очерчивания магического круга предметом (косой, ножом, мелом, углем) как средство защиты от нечистой силы достаточно редко встречается в сказках; здесь, возможно, имеет место влияние не только обрядов, но и литературных источников («Вия» Н. В. Гоголя).

Дальнейшее развитие сюжета вполне традиционно для севернорусской сказочной традиции.

5. РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

Сказка <«Муж ищет похищенную жену»>. Сказка записана от неустановленного исполнителя в д. Малые Нисогоры Мезенского р-на Архангельской обл. А. П. Евгеньевой. Сказки в записях А. П. Евгеньевой имеют фрагментарный характер, однако они включены в данную публикацию прежде всего потому, что фонозаписей и полевых записей этих же сказок в материалах экспедиций обнаружено не было.

Сказка без паспорта, записанная в д. Малые Нисогоры, — контаминация нескольких широко распространенных в регионе сказочных типов, наиболее полно из которых развит сюжет «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (СУС 400₁=AA400A=K 400A, B, C, D).

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Рыбников, III, с. 196—197 (=Карельск., 44); Карнаухова, (39), 138; Коргуев, 7, 8, 24; Господарев, 3; Никифоров, 86, 108; Чистов, с. 62—70, 133—145 (=Ск. Поморья, 34); Балашов, 24, (45), 6.

Сказка интересна тем, что в ней причудливо сочетаются традиционные сказочные формулы («Ни в котором царстве, ни в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, начинаем рассказ, люди добрые, для вас»; «Старая карга, не напоила, не накормила, стала вестей спрашивать»; «Избушка повернулась к лесу глазами, к нему дверями»; «Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится») и др.) с реалиями, вошедшими в язык в послевоенное время («Как в яму спустился, там ход очень хороший, как в Москве метро») и др.).

6. РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

Сказка <«Про Вехорево царство»>. Сказка записана от Аграфены Васильевны Клишовой (Клешовой, Клишевой), 77 лет,²⁵ из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. А. П. Евгеньевой. От этой же исполнительницы были записаны былины «Добрыня Никитич и Змей»,²⁶ «Добрыня и Алеша»,²⁷ историческая песня о Платове-козаке, баллада «Жена не узнает в солдате своего мужа», песни свадебные, лирические, круговые, солдатская песня, исполненная вместе с мужем Николаем Михайловичем Клешовым.²⁸

Запись также имеет фрагментарный характер.

СУС 301 А, В «Три подземных царства». Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Ефименко, (10), 11; Ончуков, 34, 86, 178, 206; Цейтлин, (10); Озаровская, (26); Карнаухова, 14, 41, 89, 124; Ник., 15 (=Никифоров, 36); Коргуев, (10), Господарев, 18; Чистов, с. 190—196; Никифоров, (77), 79, 103, 109, 131; Сев. Двина, 4.

7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 326.

«Сказка про Незнаюшка, как он у морского чуда жил». Записана от Дмитрия Максимовича Антонова, 56 лет, из д. Усть-Низема Сульского с/с Лешуконского р-на В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым 20 июля 1961 г.

В списке магнитофонных записей, сделанных во время экспедиции, сказка называется «Про Ивана-купецка сына». См.: «Список м/ф записей (сводный)» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 2).

Дмитрий Максимович — сын сказителя Максима Григорьевича Антонова, с которым в 1928 г. работала А. М. Астахова. «Он помнит содержание многих былин, которые пел его отец, но петь не может. Содержание былин передает по-своему, без традиционных формул, это просто пересказ своими словами. Знает он также сказки, песни. Но с наибольшим воодушевлением он рассказывает охотничьи были и небылицы», — писала о нем В. В. Митрофанова.²⁹ От этого же исполнителя в ходе экспедиции 1961 г. были записаны прозаические пересказы былинных сюжетов «Исцеление Ильи Муромца»,³⁰ «Три поездки Ильи Муромца»,³¹ «Илья Муромец и Калин царь»,³² «Илья Муромец и Сокольник»,³³ прозаический пересказ сюжета о Василии Буслаевиче.³⁴

²⁵ По сведениям, которые приводит В. В. Митрофанова, в 1958 г., исполнительнице было 80 лет. См.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 2, № 97.

²⁶ Былины Мезени. Т. 3. № 15—17.

²⁷ Там же. № 42—44.

²⁸ Подробнее об исполнительнице см.: Былины Мезени. Т. 5. С. 221.

²⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 8. Л. 1.

³⁰ Былины Мезени. Т. 5. № 263.

³¹ Там же. № 314.

³² Там же. № 309.

³³ Там же. № 296.

³⁴ Там же. Т. 4. № 191. Подробнее об исполнителе см.: Былины Мезени. Т. 5. С. 210.

Краткий пересказ сюжета этой сказки был записан от Василия Марковича Бобрецова, из той же деревни. См. коммент. к сказке про дедушкин колпак.

СУС 300₁=АА 300А «Победитель змея» + 313 А, В, С «Чудесное бегство» + 532 «Незнайка».

Сказка представляет собой контаминацию нескольких сказочных сюжетов. Все сюжеты учтены в СУС, встречаются в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: СУС 300₁=АА 300А «Победитель змея»: Колосов, 3, с. 75—83, 2, с. 190—196 (=Карельск., 8), 7, с. 205—207; Ончуков, 4, 8, (75); Карнаухова, 11, 47, 162; Ник., 1 (=Никифоров, 99), 2 (=Никифоров, 97), 3, 4, 5 (=Никифоров, 114), 6, 7, 8 (=Никифоров, 126), 9 (=Никифоров, 73), 10 (П); Онежск., с. 227—258 (=Господарев, 7); Коргуев, 14, 18; Чистов, с. 190—196; Никифоров, 106; Балашов, 27 (95); Ск. Поморья, 6; Сими́на, (16), 36, 44; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 38, 100, 169 (Заон.), 31, 93, 108, 113, 158 (Пин.), 66, 70, 87, 135, 136, 152, 169, 239, 267 (Мез.).

СУС 313А «Чудесное бегство»: Ончуков (5), (44), 56, 60, 227, 252; Соколовы, 66; Избр. мастера, 36; Ник., 2 (=Никифоров, 97), 3, (6); Карнаухова, 1, 102; Коргуев, 6, 18, (32); Никифоров, 41, 49, 97, 106; Сев. Двина, 6; Балашов, (21), 44, 48, 56, (95), 107, 135; Ск. Поморья, (12), 48; Сими́на, (4); «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 31, 93, 96, (Пин.), 13,43, (Мез.).

СУС 532 «Незнайка»: Соколовы, (46), 129, 144; Карнаухова, 47; Ник., 2 (=Никифоров, 97), 3, (8) (=Никифоров, 126), 10 (П); Онежск., с. 174—226 (=Господарев, 5); Коргуев, 32, 33, (34); Никифоров, 98, 106; Балашов, 41; Ск. Поморья, (19); Сими́на, 36, 44; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 100 (Заон.), 108 (Пин.), 66, 68, 87, 169 (Мез.).

В местной сказочной традиции сюжет «Чудесное бегство» реализуется в многообразии версий. Н. Ф. Онегина выделяет две версии сюжета: «Антагонист (морской царь, царь-самоедин, черт, Кашей и т. п.) овладевает своей жертвой путем обманного договора: у купца среди моря (озера) останавливаются корабли или застревает борода в колодеце (озере) при попытке напиться. Купец, чтобы освободиться, соглашается отдать то, „чего дома не знает“. Оказывается, во время его отсутствия родился сын. Попав в царство водяного, юноша выполняет все задания царя с помощью его дочери-волшебницы и женится на ней. Затем они вынуждены спасаться бегством от преследования нечистой силы. Это самая распространенная версия. <...> Во второй версии рождается в семье не сын, а дочь, и она обещана водяному, отсюда иное развитие сюжета. Героиня сказки стремится избежать брака с водяным. Она спасается от нечистой силы благодаря помощи козы (козла, барана), которая прячет ее в тюк соломы (сена) и увозит. Спасенная выходит замуж за царевича. Далее возникает мотив „подменной жены“. Колдунья пытается уничтожить чудесного помощника героини (козу, барана). Все выясняется. Данная версия сюжета довольно редкая. Среди русских она обнаружена пока только в Карелии, зато довольно широко распространена у карел» (Ск. Заонежья, с. 202).

Сюжет нередко встречается в контаминации с другими сюжетами: «Мышь и воробей» (Ончуков, 60; Карнаухова, 102; Соколовы, 66);

«Чудесные дети» (Ончуков, 5); «Братец и сестрица» (Ончуков, 227), а также с сюжетами «Незнайка» и «Победитель змея» (Карнаухова, 47; Никифоров, 97, 106).

Наиболее близкий к публикуемой сказке вариант был записан А. И. Никифоровым на Мезени от М. Ф. Гольчикова из д. Лебская (Никифоров, 106).

В варианте, записанном от Д. М. Антонова, можно проследить отдельные мотивы сюжета «Свинка золотая щетинка» (СУС 530=АА 530В): герой перед подвигами отправляется в лес за грибами с корзинкой, уступает братьям (зятьям) первенство за отрезанные пальцы и кожу со спины (Никифоров, 125, 111; Ончуков, 68; Карнаухова, 45; Соколовы, 93). Все перечисленные варианты представляют собой контаминацию с сюжетом о «Сивко-Бурко».

8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 327.

«Сказка про дедушкин колпак». Сказка записана от Василия Марковича Бобрецова, 78 лет, из д. Усть-Низема Сульского с/с Лешуконского р-на В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым 21 июня 1961 г.

«Василий Маркович высокий, бодрый старик, помнит, что раньше многие пели былины, сам пел, но сейчас все забыл. Знал про то, как Илью Муромца в погреб засадили. Его мать тоже пела былины. Он знает сказки, серьезными, достойными внимания считает длинные волшебные. „Повертушки, что ребятам сказывают, много знаю“. Выяснить, какие это сказки, не удалось, так как о „повертушках“ Василий Маркович отказался говорить. Он не стал называть и известные ему сказки волшебные. „Если хотите, пишите, я сказывать буду“. Так как мы могли записать только одну сказку, то выяснить, какие он знает еще сказки, не удалось. Коротко он рассказал только сказку про царя, у которого было три сына, они искали хитрости, мудрости. Нашел Иван-царевич. Девушка цветы рвала, да в мешок складывала, а одной тяжело. Положила мешок, да куда-то побежала. А он за ней, пришел в город. А в том городе не было мужчин. Он нарядился девкой, пришел к старушке. Девки стали засматриваться <...>».

По его словам, это сказка про дедушкин колпак, ее он помнит из книжки» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 327, с. 1). «Это интересный человек, в его сказке чувствуется традиция, не то, что у Антонова, который просто пересказывал содержание» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 5, № 1. С. 11).

Сказка литературного (лубочного) происхождения, в основе которой лежат фольклорные мотивы сказок о волшебном помощнике.

9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 325.

«Про охотников». Записано от Егора (Георгия) Ивановича Ляпунова (Лобова),³⁵ 63 лет, из д. Вожгора Вожгорского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. В. В. Митрофановой, <С. Н. Азбелевым> 13 июня 1961 г. Егор Иванович Ляпунов, по сведениям С. Н. Азбелева, — Лобов, сын Ивана Лобова,³⁶ от которого в 1928 г. были записаны сказки. От

³⁵ В дневнике С. Н. Азбелева: Георгий Иванович Лобов.

³⁶ См.: Дневник экспедиции Института русской литературы Академии наук СССР на среднюю Мезень в июне 1961 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190,

Егора Ивановича была записана еще одна сказка «Про попа Семена и дьякона Калистрата», которая была опубликована в Ежегоднике Рукописного отдела Института русской литературы на 2007—2008 годы.³⁷

Сказки, записанные от Егора Ивановича, сопровождает следующее примечание В. В. Митрофановой: «Егор Иванович довольно бодрый старик, занимается охотой и рыбной ловлей. Был в старой армии, воевал в 1914 г., в Гражданскую войну, в Великую Отечественную. Сказок во время службы в армии не запомнил, те, которые знает, запомнил от отца и из книг. Любит рассказывать и вообще поговорить, но жена и теща его за это ругают. Теща его знает загадки, от нее записаны 9 номеров. Егор Иванович любит поговорки, пока говорили с ним (очень недолго), он сказал две: „Голь мудрена и без ужина спит“, „Голенький ох, а по голеньком Бог“. Больше всего любит Егор Иванович охотничьи рассказы. По его словам, старины сказывали странники, слепые, хромые, этим питались, а сейчас не знает никто. Сам он старин не знает и не знал» (РО ИРЛИ р. V, кол. 190, п. 4, № 324).

«Егор Иванович много знает рассказов всяких, но это все больше охотничьи, да прибаулки, как здесь говорят, рассказывает он и из книг. О нем говорят как о сказочнике, весельчаке-рассказчике, который в лесных избушках любит рассказывать. Однако в его репертуаре нет эпических вещей, больше охотничьи рассказы. Много рассказывать он не стал, так как было много работы. Жена и теща ругают его за то, что он не работает, а сказки рассказывает».

Сказочный текст представляет собой повествование на границе рассказа и сказочной традиции — бывальщину. Рассказчик повествует о реальном факте, прибегая при этом к художественному вымыслу (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 5, № 1. С. 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 1—3.

Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. И. Балашов. Л., 1970.

п. 5, № 1. С. 11). По уточненным данным фамилия сказочника была Ляпунов, поскольку среди материалов, записанных в ходе экспедиции 1928 г. И. В. Карнауховой, И. М. Левиной и А. И. Никифоровым, сказок Ивана Лобова не обнаружено, однако от Ивана Михайловича Ляпунова, 58 лет, из Вожгор А. И. Никифоровым были записаны четыре сказки. См.: *Пропп В. Я.* Описание сказочного собрания А. И. Никифорова // Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961. С. 363.

³⁷ Русские сказки в Удорском районе : (По материалам экспедиции 1961 г.) / Публ. Я. В. Зверевой // Ежегодник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 667—669.

Волог. — Сказки и песни Вологодской области / Сост С. И. Минц, Н. И. Савушкина; Ред. Э. В. Померанцева и С. В. Викулов. Вологда, 1955.

Господарев — Сказки Филиппа Павловича Господарева / Зап. текста, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. Общ. ред., предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

Ефименко — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1874. Ч. 2. Отд. «Сказки». С. 225—237.

Жив. ст. — Живая старина / Период. изд. Отд-ния этнографии Рус. геогр. о-ва. СПб.; Пг., 1890—1916.

Избр. мастера — Русская сказка : Избранные мастера / Ред., коммент. М. К. Азадовского. Л., 1932. Т. 1—2.

Карельск. — Русские сказки в Карелии : (Старые записи) / Подгот. текстов, статья, коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнауховой; Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

КНС I — Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка; Общ. ред. В. Я. Евсева. М.; Л., 1936.

Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап., вступ. статья, коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1—2.

Коровина, 2002 — *Коровина Н. С.* Сказочная проза // Старообрядческий центр на Вашке : Устная и письменная традиция Удоры : Материалы и исследования / Отв. ред., сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002.

Никифоров, 1936 — *Никифоров А. И.* Победитель змея: (Из севернорусских сказок) // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 143—242.

Никифоров — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

Озаровская — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л., 1931.

Онежск. — Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937. Отд. «Сказки». С. 127—288.

Ончуков — Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, коммент., указ., словарь В. И. Ереминой. СПб., 2008.

Плесовский — *Плесовский Ф. В.* О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958.

Рождественская — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Сост., вступ. статья, коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909—1910. Т. 1—3.

Сев. Двина — Народное творчество Северной Двины / Сост., вступ. статья В. В. Митрофановой, Л. В. Федоровой. Архангельск, 1966.

Сенькина, 1988 — *Сенькина Т. И.* Русская сказка в Карелии. Петрозаводск, 1988.

Сими́на — Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975.

Ск. Заонежья — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

Ск. Пудожского края — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; Науч. ред. Э. В. Померанцева. Петрозаводск, 1982. (Памятники фольклора Карелии).

Ск. Поморья — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; Ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск, 1974.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Цейтлин — *Цейтлин Г.* Поморские народные сказки. Архангельск, 1911.

Чистов — Перстенок-двенадцать ставешков : Избранные русские сказки Карелии / Сост., вступ. статья, коммент. К. В. Чистова. Петрозаводск, 1958.

Этногр. обзор. — Этнографическое обозрение / Изд. Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1889—1918. Кн. 1—112.

М. Н. ВЛАСОВА

**ИЗ ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИЙ
ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ИРЛИ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
В НОВГОРОДСКУЮ ОБЛАСТЬ (1963—1987)**

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ В. В. МИТРОФАНОВОЙ (1965, 1967)

В период с 1963 по 1988 г. сотрудниками Сектора фольклора ИРЛИ РАН было проведено более 10 экспедиций в Демянский, Валдайский, Пестовский, Хвойнинский, Боровичский, Мошенской, Новгородский, Солецкий, Старорусский, Крестецкий, Поддорский, Холмский районы Новгородской области. Материалы этих экспедиций, содержащие записи всех фольклорных жанров (кроме былин), опубликованы в трех выпусках сборника «Традиционный фольклор Новгородской области». Свадебные, календарные и колыбельные песни, а также причитания и песни лирические, хороводно-игровые, плясовые, записывавшиеся с 1963 по 1967 г., вошли в первый выпуск этого издания.¹

Произведения прозаического фольклора, собранные сотрудниками ИРЛИ и студентами Новгородского государственного педагогического института (университета) (НГПИ) с 1963 по

¹ Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 1: Песни. Причитания: По записям 1963—1976 гг. / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. В предисловии к этому сборнику (с. 5—11), как и в комментарии к нему (с. 314—340), изложены подробные сведения о проведенных экспедициях, о целях собирательской работы, о составе и особенностях бытования песенного и обрядового фольклора Новгородской области.

1999 г., т. е. в течение более чем тридцати лет, помещены во втором выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области». Знакомство с публикуемыми текстами сказок, легенд, преданий, быличек позволяет судить об исторической жизни и современном состоянии фольклорной прозы.²

Основу сборника составила коллекция сказок (134 номера), подготовленная Верой Викторовной Митрофановой (к сожалению, эта работа не была ею завершена). В книгу вошли записи разных лет и разных районов, в том числе материалы самой Веры Викторовны (№ 4, 28, 32, 34, 49, 57, 59, 61, 65, 70, 79, 91, 103, 111 — сказки; № 138, 140 — легенды).

По наметкам В. В. Митрофановой, которая полагала, что подборки пословиц и поговорок, загадок, детского фольклора Новгородской области из экспедиционных архивов могут со временем войти в отдельную книгу, был подготовлен и третий выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области».³

Вера Викторовна Митрофанова (1922—1988) — выпускница филологического факультета ЛГУ (1950). В 1954—1957 гг. училась в заочной, а затем в очной аспирантуре ИРЛИ по специальности «Фольклористика». В 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию «Былина об Илье Муромце в рукописях XVII—XVIII вв.». С 1975 г. была научным сотрудником Сектора устного народного творчества. Участвовала в фольклорных экспедициях на Мезень, Северную Двину, в Костромскую, Новгородскую области. Основные труды: «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (М.; Л., 1960; в соавт. с А. М. Астаховой и М. О. Скрипилем); «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков (изд. подгот. совм. с М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповаловой; М.; Л., 1961); «Загадки» (Л., 1968); «Русские народные загадки» (Л., 1978).

Работу В. В. Митрофановой — собирателя, исследователя — отличают профессионализм и предельная добросовестность в сочетании с живым интересом к предмету изучения.

В соавторстве с В. И. Жекулиной, В. В. Коргузаловым, М. А. Лобановым Вера Викторовна готовила первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области». Начальные этапы работы над этим изданием (как и над собра-

² Об этом см.: Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 2: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963—1999 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001. С. 12—20, 22—27.

³ Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология : По записям 1963—2001 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006.

нием прозаического фольклора) нашли отражение в дневниках В. В. Митрофановой, которые она вела во время экспедиций в Демянский и Валдайский районы Новгородской области.

Экспедиционный дневник В.В. Митрофановой, датированный 9—19 июля 1965 г., хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (р. V, кол. 250, п. 1, № 62, л. 1—12). В этот период Вера Викторовна работала в Демянском районе параллельно с группой студентов Новгородского педагогического института.⁴

«Материалы», на которые ссылается в дневнике 1965 г. В. В. Митрофанова, — записи, сделанные ею в Демянском районе (кол. 250, п. 1, № 1—61; МФ 864). Значительная их часть была опубликована в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области», что указано ниже, в соответствующих примечаниях к «Дневнику».

В дневнике Демянской экспедиции (14 июля) Вера Викторовна сообщает интересные сведения о сказочнице из деревни Зимница, Степаниде Алексеевне Михайловой (правда, характеризуя ее в первую очередь как талантливую певицу). Присказка «У царя Додона», сказки «Царь Петр и мужик», «Про солдата и чертей», сообщенные С. А. Михайловой, вошли во второй выпуск «Традиционного фольклора Новгородской области» (№ 4, 65, 111).

В 1967 г. В. В. Митрофанова, совместно с В. И. Жекулиной — преподавателем НГПИ (впоследствии — научным сотрудником ИРЛИ РАН) и А. Г. Васильевым, студентом НГПИ, принимала участие в фольклорной экспедиции Вологодского государственного педагогического института, работавшей в Новотроицком сельсовете Валдайского района. Материалы В. В. Митрофановой хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (р. V, кол. 250, п. 1, № 110—175; звукозапись не производилась).⁵

В этой же коллекции находится экспедиционный дневник В. В. Митрофановой, датированный 5—13 июля 1967 г. (кол. 250, п. 1, № 111, л. 1—9), содержащий сведения об истории, быте, обычаях деревень с богатыми песенными традициями — это, в частности, Байново, Новая Деревня. В первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» опубликовано 13 записей Веры Викторовны из Валдайского района от 7, 8, 10, 11 июля 1967 г. (колыбельные, колядка, свадебные песни).

В дневнике В. В. Митрофановой (9 июля, д. Терехово) упомянут Михаил Яковлевич Иуткин, который «знает сказки, охотно рассказывает были и небылицы. Рассказывает талантливо,

⁴ Записи студентов (РО ИРЛИ, р. V, кол. 241, п. 1, № 1, 34—114; кол. 241, п. 3, № 1—125). Необходимо отметить, что в этих коллекциях немало дубликатов с записями В. В. Митрофановой.

⁵ Записи студентов (РО ИРЛИ, р. V, кол. 241, п. 4, № 102—106).

выразительно». Сказка-легенда М. Я. Иуткина «Крестьянин и смерть» включена во второй выпуск «Традиционного фольклора Новгородской области» (№138).

Как очевидно, основной интерес собирательницы был сосредоточен на песенном и в меньшей степени на прозаическом фольклоре, однако значимость ее исторических экскурсов, наблюдений над повседневной жизнью деревни, этнографических описаний несомненна.

**МИТРОФАНОВА В. В. ДНЕВНИК ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ДЕМЯНСКИЙ РАЙОН НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ИЮЛЬ 1965 г.**

9 июля 1965 года

Самолетом в 14 ч[асов] 55 м [инут]¹ вылетела в Демянск, районный центр Новгородской области. Приземлилась в 17 ч[асов] 30 м[инут]. Полет — что-то страшное и отвратительное. Напоминает поездку в грузовике по ухабистой дороге. Нас бросало и швыряло, нельзя было даже сидеть, не уцепившись за что-нибудь устойчивое. Перед Демянском обходили грозу и сделали порядочный крюк. Было страшно, но не было сил пугаться.

В Демянске — дождь и гроза, дальше ехать не на чем, осталась ночевать.

10 июля

Утром выехала в дер[евню] Полново на машине, потом до 3 часов дня ждала парохода. За это время сходила в несколько домов, но ничего интересного не получила.

Полново стоит на берегу озера Селигер. Раньше, до постройки жел[езной] дороги на Осташков, это было большое село, перевалочный пункт с воды на сухопут[ный] транспорт. Было много купцов.

В войну <село> полностью сожжено, так как тут долгое время был передний край, стояли немцы. Сейчас — не очень большая деревня, до прошлого года — районный центр.

В 15 часов пароходом отправилась дальше, в дер[евню] Новый Скребель, где уже три дня работают студенты Новгородского пед[агогического] института.

Новый Скребель назван в отличие от Старого. Раньше деревня находилась на острове, но в 1889 году вся сгорела, жители переселились на берег, и стал Новый Скребель. На месте Старого осталось несколько домов.

¹ В квадратных скобках раскрываются сокращения автора дневника, в угловых — восстановленные слова.

На острове пахотной земли не было, все жители жили рыбной ловлей. Теперь для себя немного сеют, земля есть, есть стадо коров.

В тот же день ходили к Татьяне Ефимовне Петровой в дер[евню] Запрометно. Она была партизанкой, и ее в деревне зовут Таня Партизанка. Живет с матерью и дочкой (12 лет). И она, и мать знают старинные свадебные и протяжные песни, много частушек, загадки. Матери ее за 90 лет, но она поет частушки и пляшет под них, попевает песни, общительная, живая старушка.

От Татьяны Ефимовны записали песни про Отеч[ественную] войну, сложенные ею же самою. Мелодию к одной из них она тут же подбирала.

11 июля

Утром, когда ходили на озеро мыться, встретили мать Тани Партизанки. Она шла в деревню к знакомым старушкам. Сказала, что у нее болит голова и нужно ее помочить водой. Зашла на мостки, умылась и некоторое время брызгала воду изо рта в озеро, что-то бормотала (но что — не знаю).

В 12 часов пошли к женщинам, которые обещали спеть свадебные песни. Свадебный обряд записали (см. материалы), в нем одна странная деталь: невесту от венца везут в дом ее родителей, там пир, а потом — к жениху. Это нужно проверить.

Записали свадебные песни. Здесь совсем нет традиционной лирики, одни жестокие романсы и городская песня. Как ни спрашивала, ничего не узнала.²

Эта деревня — рыбаки, они и на острове всегда были рыбаками, и здесь, земледелием не занимались. Это должно было отразиться на репертуаре, нужно проверить окрестные деревни.

Записали рассказ о том, как праздновали Масленицу. Любость Ивановна Любанова, которая раньше жила в Полнове, рассказала, что в Полнове был обычай — первыми в Масленицу катались на лошади женщины вокруг деревни, чтобы лен был долог, а потом отдавали лошадь и дровни девицам и мужчинам. В Скребеле этого обычая не было.

Не было и обычая колядовать, но коляду они знают, и мы записали.

12 июля

Пошли в дер[евню] Ковряки, за 8 км от Скребеля. Деревня земледельческая, было раньше 57 дворов, теперь — 7. В войну сгорело, да и люди разошлись.

² Песни, исполненные «хором женщин» в Новом Скребеле, включены в первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 332, 374, 402, 413). Здесь и далее перечисляются только материалы, записанные В. В. Митрофановой.

У них свадьба несколько иная, невесту везли от венца к жениху, а не в свой дом, родители его встречали ее хлебом, молодых ставили на овчину, осыпали хмелем и т. д. (есть запись).

Записали песни.

Очень интересный свадебный обряд записала студентка Ирина Карпова в дер[евне] Козино, она же принесла для музея повойник (кичку), в который наряжали невесту. Вообще же здесь повойники не носят и старушки.

Записывали песни, сказки, загадки от детишек.

И здесь, как в Скреб<е>ле, нет традиционных лирических песен, одни романсы. Но здесь бывали до 30-х гг. нашего века беседы: малые, средние и большие (на 3 возраста). На них пели романсы и частушки, приходили с работой.

Вечером писали от Л. И. Любановой в Новом Скреб<е>ле. Алеша Васильев³ записал от нее «Знаю, ворон, твой обычай», слова традиционные, но мотив искажен. Остальные песни ее — романсы.⁴

13 июля

Утром пошли в дер[евню] Лыковщина, за 3 км от Нового Скреб<е>ля. Там вчера были студенты, осталось записать от нескольких человек. Но все они на покосе, запись не состоялась.

Пошли дальше (к озеру) — 3 км от Лыковщины — в Далматиху. Там народ дома. Уточнили свадебный обряд. Невесту везут в дом ее родителей от венца богатые, чтобы гостей больше собрать.

На последней беседе невеста отдает парням свою куделю, и они ее сжигают (запись свадьбы см. в материалах).

О Скреб<е>ле они сказали, что там [живут] мещане из Осташкова. Это, видимо, так, население очень отделяет Скребель, ведь кругом землепашцы, а там — рыбаки. Но в культуре это не сказывается совсем: и в Скреб<е>ле, и в округе не поют традиционной лирики, одни романсы, обычаи и праздники одинаковые, свадебный обряд тоже однотипный. В чем здесь дело?

В Долматихе одна женщина спела песню, которую еще мать певала в кругах («Я посею ленку», см. записи), когда в гулянье девицы и парни брались за платки, составляли круг и пели эту песню.

Здесь ее никто не знает и о кругах не помнит. Но о беседах рассказывают все.

³ А. Г. Васильев — студент НГПИ, впоследствии — аспирант ИРЛИ РАН.

⁴ Песня в исполнении Л. И. Любановой, 71 г., «Знаю, ворон, твой обычай» опубликована в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (№ 17) с комментарием: «Исполнительница утверждала, что песня „долевая“, пелась на беседах».

Из Долматихи пошли (через Лыковщину) в Покров. Деревня на берегу озера, очень красиво, берег высокий, напротив — маленький островок. Здесь тоже люди на покосе. Записали рассказ о беседах.

Было принято своеобразное объяснение в любви: парень зажигал кудель понравившейся ему девицы, а все кричали: «Чьи кудри горят?».

В Покрове песен не записали. Здесь любопытные построй-ки: крыша дома вверху имеет какое-то возвышение, как будто на крышу поднята еще крыша маленького домика. Высота и вид дома — как у нас в пригородной зоне, большинство домов новые. Старые же имеют такую крышу, резные наличники, резной бал-кончик наверху.

Амбары стоят в стороне, но на том же приусадебном участ-ке, они имеют довольно обширный навес перед входом. Баньки обычные, у многих хозяев — белые.

Прежде деревня обслуживала себя сама изделиями ремес-ла. В Полнове делали глиняные горшки, в Ковряках — кадки. Впрочем, изготовление кадок было распространено во многих деревнях. В Ковряках еще брали вязать сети для рыбаков из Скреб<e>ля.

Во всех окрестных деревнях было хлебопашество, сеяли рожь, ячмень (пшеницу — нет), садили картофель, много было льнов. Лен обрабатывали дома, пряли, ткали. Во всех домах хо-зяйки сохраняют еще прялки, веретена, ткацкие ставы. Прялки красивы, довольно высоки: резная лопаточка, где привязывали куделю, держится на круглом точеном стержне. Стержень раньше покрывали золотой и серебряной краской, а в 20 веке — лаком, и такие прялки назывались «вишнёвочки».

Многие хозяйки, большие мастерицы, сами ткали скатерти льняные с замысловатым узором в два цвета.

Веретена точеные, изящные.

Теперь изделий старинного ремесла и рукоделья осталось очень мало.

Сети вязали на рогульках, похожих на прялки, но ниже, и за-канчивающихся своеобразными рожками, на которые крепилась сеть. Нить продевалась челноком-клещицей. Грузила для сетей обертывались берестой и вставлялись в ободок из прутика.

В старину плели корзины, корбейки, солонки и т. д. из ко-решков, но теперь этого нет.

14 июля

Через Лыково пошли в дер[евню] Зимница (Лыково — 2 км, Зимница — еще 6). Деревня большая, много довольно садов, есть каменные строения. В войну пропало несколько домов, а так

строения старые. Как и все деревни, кругом обнесено изгородью из жердей.

Записывали от одной женщины — Степаниды Алексеевны Михайловой. Она из Высокой Горы (деревня на другой стороне озера, напротив Покрова), поэтому свадебные песни, которые она нам сказала, — песни Высокой Горы.

Песен спела много, они отличаются от скребельских.⁵

Показывала скатерть своего производства, женщина талантливая. Муж погиб в последнюю войну, растила 4 детей.

В Высокой Горе пожилые женщины певали «долевые» (протяжные) песни. Но из ее поколения (1905 г. рождения) этих песен уже никто не пел. Она с трудом вспомнила несколько. Пели протяжные песни, когда лен мяли.

А в Замощье (деревня за 7 км) пели пожилые женщины в праздники. Молодежь гуляла вдоль села, а женщины сидели у дома и пели хором.

О кругах помнила только ее бабка (ни она, ни ее мать кругов не водили). Интересно, что здесь протяжная песня ушла из бытования с бабками тех женщин, которым сейчас 50—60 лет. Сейчас в памяти только жестокий романс, да и то мало.

На беседах в 20—30-х гг. пели частушки и песни, которые принесли с Гражданской войны парни, и современные для того времени.

Но свадебные песни помнят. Некоторые знают загадки, рассказывают детям сказки. Можно записать причитания. Бытуют здесь заговоры, но записать их не удастся, так как они еще действующие.

В библиотеке охотно берут сказки, читают, а потом рассказывают их односельчанам.

В этой деревне писали только от одной женщины, задержались, а путь не близкий. После 16 км перехода под палящим солнцем домой едва прибрели.

15 июля

Собирались в Замощье за 12 км, но почтальон оттуда (обещала подвезти) пришла пешком, — лошадь на покосе. Идти пешком было поздно. Пошли в более близкую деревню Зыковщина (7 км). Там накануне записывали студенты. Писали на магнитофон свадебные песни.⁶

⁵ Песни, исполненные С. А. Михайловой, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 372, 389—391, 434, 435, 438, 440, 443).

⁶ Три записи, сделанные 15 июля 1965 г. от А. А. Шипковой, 77 лет, вошли в первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 319, 373, 431).

Песни разных деревень не совпадают. На вопрос о «долевых» песнях обычно называют романсы. В Зыковщине сделали запись от мужчины. Здесь заводилами в песнях были мужчины, парни. Потому так много военных, солдатских, современных для своего времени песен, которые они приносили в деревню из армии, из города.

Свадебные песни — область женщин. Интересно, что свадебные песни бытуют и сейчас при случае. Когда мы были у Тани Партизанки в Запрометном и спросили, когда же последний раз пели эти песни, женщины наперебой стали вспоминать, и оказалось, что пели на последней свадьбе несколько месяцев назад.

Природа вокруг Зыковщины богатейшая. Высокие красивые берега поросли сосной, плоские маленькие островки на озере, даже комаров как-то мало.

16 июля

С утра не пошли вдаль, у всех болят ноги, жара страшная (говорят, + 35), студенты собираются в Осташков.

Собиралась идти в ближнюю деревню вечером, но с 4 часов грянул дождь сплошной стеной. Застал в пути, дождины такие крупные, что секут, как град. Домой прибрела будто вытащенная из реки, о сухой нитке говорить не приходится, с меня не каплет, а льет. Дождь довольно холодный.

Сплошная стена дождя стояла до 7 часов вечера. Сидела дома, приводила в порядок магнитофонные записи и другие материалы.

17 июля

Утром сухо, холодно, ветер. Вчерашний дождь — сущее бедствие, на грядках все прибито, поломано, с холмов неслись ручьи, потоки. Колодина нашего колодца, над родником, сдвинута с места и лежит в стороне. Но зато чисто везде.

Пока немного просохнут дороги, сижу дома, просматриваю записи студентов. Интересны записи по истории Скреб<e>ля и обычаям. А. Г. Васильев записал от В. М. Коровкина (43 лет) рассказ об обычаях, — что женщины не выходили из дому, когда рыбаки шли на лов, так как если рыбак встретит женщину, то будет неудача, он и на лов лучше не пойдет.

Было два вида рыбной ловли — весенняя путина и подледный лов. Первый улов ежегодно отдавали в монастырь в Полнове.

Ездили на ловлю в Мурман и Балтику.

Рыбаки два раза в зиму устраивали уху: рождественская и масленичная. Перед рождественской ухой устраивалась «каша», на которой присутствовали мужчины и парни.

Во время лова пьянок не полагалось, пьяного рыбака выгоняли из артели.

В д. Лыково от Марии Семеновны Давыдовой (65 лет) записано описание масленичного гулянья. С ледяной горы катались на дровнях без оглобелей: кто дальше проедет, у того лен будет длиннее. Вечером делали берестяной кошель, набивали его соломой, вешали на шест и зажигали. Падающие огарки называли «пенками» и кричали: «Пенки валяются!».

Интересное смешение языческого и христианского было записано в дер[евне] Козино, от Дарьи Матв[еевны] Колпаковой (72 года) (студ[ентами] Карповой И., Быстровой А., Ивановым А.). В этой деревне праздновали св. Фрола. Если задерет зверь скотину, то среди деревни ставили стол, на него — чашку с водой и веники. Высекали из дерева огонь и через этот дым прогоняли скотину, а священник кропил ее водой и служил молебен.

18 июля

После дождя сыро и холодно, дорога раскисла, далеко идти нельзя. Приводим в порядок материалы, пишем в нашей деревне. Ничего нового не попадает. Одна женщина сказала начало песни «По канавке растет травка». Утверждает, что это пели у них на беседах.

Вечером писала свадебные песни от Анны Алексеевны Черемниной (60 лет). Песни все те же, мало что знает до конца.⁷

Она тоже говорит, что свадебные песни и теперь понемногу поют. Несколько месяцев назад, когда женился сосед, они пели. Молодые приехали из Полнова, где записывались. Женщины натянули шнурок, украшенный лентами, чтобы остановить молодых, стали петь «Соколы вы, соколы». Им подарили кулек конфет.

19 июля

Собираемся уезжать, в 3 часа на пароходе в Осташков, а там — на поезде.

**МИТРОФАНОВА В. В. ДНЕВНИК ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ВАЛДАЙСКИЙ РАЙОН НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ИЮЛЬ 1967 г.**

5 июля 1967 года

Пароходом приехали в Новотроицкое. Деревня в 1 км от берега озера, не Валдайского, а Ужин. Оба озера соединены не длинным, очень старым каналом. Ближе к озеру стоит дер[евне]

⁷ Одна из записей А. А. Черемниной включена в первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 403).

ня] Ужин, потом — Новотроицкое. Они рядом. Очень близко от Новотроицкого Новая Деревня, тоже недалеко — Борисово, Терехово, Крестовá, Горушки, Байнево (Байново).

<...>

6 июля

Ужйн. Деревня небольшая, дома старые, многие перевезены из Болотницы — деревни, прекратившей свое существование, так как люди переехали. Население в основном пенсионеры и дачники.

Старой утвари почти не сохранилось. В домах есть прялки: их покупали в Валдае (золочёнки и точёнки). Белье колотили палицами (на длинной ручке лопаточка), зимой полоскали, держа крюком, а не руками.

Прежде сеяли лен, теперь лен только в колхозе, у населения нет. Поэтому прядут только шерсть, а ткут половики. Ремеслами здесь не занимались и раньше, все покупали в Валдае. Горшки делали в Боровичах. Для себя плели корзины, делали всякую деревянную мелочь.

Рыбачили для себя, ставили на озере вязерь из прутьев.

Праздновали здесь особо Троицу и Михайлов день (осенью). Варили пиво, пекли пироги, собирали гостей.

Население было большое. Особых обычаев не помнят. В Троицу украшали дома березками. В масленицу зятя ездили в гости к тещам. Катались на лошадях, на санях с горы, но костров не жгли, а теперь жгут, где молодежь есть.

Особых обычаев сенокосных, жнивных не помнят.

Хороводов не водили уже на памяти восьмидесятилетних старух, о хороводах вспоминали их матери. На их памяти в праздники ходили по деревне с песнями. Молодежь плясала под гармонь. Вечерами собирались беседы, куда ходили с прялками. Пели больше песни коротенькие, долгие пели и знали в Новой Деревне.

В святки ходили «вырядными», особенно любили рядиться девицы парнями, и наоборот. Девушки в святки гадали, ходили слушать на изгороду, за ворота.

Ямщиков здесь не было. В Новой Деревне только держали «подставу», несколько лошадей для почты или перевозок внутри района.

Хорошо помнят свадебный обряд и песни. В прошлом году была инсценировка свадьбы в клубе.

7 июля

Новая Деревня. Прежде была очень большая деревня, теперь — домов 25, не более.

Раньше была очень песенная деревня, было две беседы девичьи, две — молодых баб. В праздники ходили по улице с песнями.

В деревне две слободы.

Масленицу начинали праздновать с четверга, с вечера, потом катались на лошадях, на санях с гор. В воскресенье Масленицы жгли костер в деревне, ребята собирали солому, веники.

В святки ходили ряжеными, еще совсем недавно рядились.

Гадали — лили олово, ходили слушать на перекресток.

Под Новый год ребятишки ходили под окном и «кричали» коляду, еще и теперь кричат.

Свадьбы играли, как и в других деревнях, песни величальные пели девушки, а когда стало мало молодежи — стали петь их и бабы. Теперь свадебные величальные поют, когда устраивают праздники женившиеся в городе односельчане.

В Новой Деревне был хор, выступавший в Валдае и в Новгороде на смотре. Хор пел «Черный месяц», «Аленький цветочек, зачем рано завял», «Скрылось солнце за горою», «Вы не вейтесь, черные кудри», «Сени, мои сени», «За Дунаем».

Пожилой мужчина в Новой Деревне рассказал, что Масленицу праздновали неделю, вокруг костра пели:

«Гори, гори ясно, молоко и масло,
Чтобы не погасло!»

Отдельные костры на шесте — привязан лапоть или береста повита — горели у каждого дома.

На Масленице делали большой мяч из шерсти и гоняли его вдоль деревни — подростки и даже старики.

В Новой Деревне было много карел, еще сохранились старики, которые помнят карельский язык. Это переселенцы из Карелии в начале XVII в.

Удалось услышать интересные пословицы: «Где шуки нет, и карась хозяин», «Каждая килька в селедку лезет».

Дети знают считалки.

Во всей округе новодеревенские славились как знатоки «долгих» песен.⁸

8 июля

Байново. Жители говорят, что название произошло от слова «баять», так как жители деревни очень разговорчивы. Об этой

⁸ Свадебные песни и причитания, исполненные жительницами Новой Деревни В. П. Самсоновой, 60 лет, Ф. Ф. Николаевой, 53 лет, М. К. Улановой, 57 лет, Е. И. Николаевой, 78 лет, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 377, 381; Свадебные причитания: № 466).

деревне говорили, что народ там бойкий, и песни знают. Это оказалось правдой.

Деревня расположена на высоком холме над озером, с другой стороны — еще озеро. Постройки обычные, дома не очень высокие, но подвал все же большой, окна от земли — выше человеческого роста. На крыше характерный «чепчик» (добавочная крыша сверху). На старых постройках крыши четырехскатные, постройка приближается к квадрату.

Байново — большая деревня, дворов 50, но прежде было много народу (две беседы девичьи, да — бабы), а теперь в основном старики и люди среднего возраста. Есть дети, но молодежь после 17 лет и до 25 только приехавшая на отпуск.

<...>

Прежде деревня принадлежала не одному помещику, часть называлась панаевскими. Имение Панаевых стояло под горой у озера. Перед революцией здесь был уже зять, граф Шуленбург, и дочь Панаевых. Приезжала и старая помещица Софья Петровна.

Господа приезжали на лето, зимой жили в Петербурге. Говорят, что здесь бывал Некрасов. Часто они собирали девочек и заставляли петь песни, дарили конфеты, а запеваłam — платки.

В 1 км от деревни, в сторону Новотроицкого, была ткацкая мастерская Дягилева. Мастерская кустарная, ткали полотно. Имение Дягилева было недалеко (это был брат искусствоведа).

Жители занимались хлебопашеством, сеяли лен. <...>

Праздники и свадьбу празднуют, как везде. Песен здесь знают много и поют охотно. Мужчины знают солдатские песни, даже «Про Платова казака» удалось записать. Свадебные песни очень хороши и помнят их хорошо. Много знают частушек. В клубе, который здесь в ранге красного уголка, бывают концерты силами школьников, учителей и приезжающей в отпуск молодежи.⁹

9 июля

Терехово. Небольшая деревня на берегу озера Ужин. От Новотроицкого пешком 7 км лесом, можно доехать на катере.

Стоит на высоком холме. Кругом лес, холмы, озеро. Место красивое.

Нет ни школы, ни магазина, ни клуба. Среди деревни стоит столб под крышей, как на доме. На нем висит колокол. Это отделение совхоза им. Жданова (хозяйство такое же, как и в других деревнях).

⁹ Несколько записей из д. Байново, сделанных от К. С. Николаевой, 67 лет, и Н. В. Степановой, 67 лет, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Колыбельные песни и потешки: № 256; Песни календарных праздников и обрядов: № 283; Свадебные песни: № 365, 371, 405, 446).

Песни — романсы, много знают частушек.

Михаил Яковлевич Иуткин знает сказки, охотно рассказывает были и небылицы. Рассказывает талантливо, выразительно.

10 июля

Новая Деревня. Новотроицкое. Запись песен, беседа с библиотекарем и зав[едующей] клубом.

<...>

Фольклор в самодеятельности не присутствует. Два года назад была постановка, но ее не одобрили в Новгороде, так как это была помесь беседы и свадьбы. Женщины сидели с прялками, пели песни, тут же сватался жених, была невеста, причитала мать невесты. Это был опыт использования фольклора, но неудачный.

Между Новотроицким и Ужином находилось барское поместье (дом и сад с парком). Прежде оно принадлежало Квашниным-Самариным. Но в начале XIX в. отдано в приданое за одной из дочерей, вышедших за помещ[ика] Фроловского. У Фроловских было свое село Троицкое, а это они называли Новотроицкое и церковь поставили Троицкую. В округе много было имений известных людей, бывали художники и артисты.

<...>

11 июля

Борисово. Деревня на очень высоком холме, в 1 км от озера. Жители говорят, что это было монастырское село.

<...>

Недавно в деревне была свадьба. Всем очень понравилось, что молодая была в фате. Молодые ездили регистрироваться в Шую на машине. Потом приехали домой, их встречали гости.

За свадебным столом пожилые женщины исполнили несколько величальных песен. Но молодежь старых обычаев стесняется.¹⁰

12 июля

Студенты пошли в Горушки, за 5 км. Я осталась писать в Новой Деревне. Записала от Екатерины Ивановны Николаевой. Она живет одна, песен знает много, участвовала в хоре. Но петь как-то стесняется, боится, что соседи услышат и осудят. <...>

13 июля

Готовилась к отъезду.

¹⁰ Две записи, сделанные от жительницы д. Борисово А. И. Михайловой, 63 лет, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Колыбельные песни и потешки: № 266; Свадебные песни: № 415).

**СКАЗКИ МАРИИ АНДРЕЕВНЫ АНДРЕЕВОЙ
(ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСПЕДИЦИИ 1987 г.)**

Три сказки, записанные в 1987 г. в Холмском районе Новгородской области,¹¹ сообщены Марией Андреевной Андреевой, 1902 г. р., жительницей деревни Пономарёво. В их основе — сюжеты 43 Лубяная и ледяная хата; 715 Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы; 456А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»). В опубликованных новгородских материалах XIX—XX вв. сказки с сюжетами 43 и 715 отсутствуют.¹²

Повествования М. А. Андреевой, одной из наиболее одаренных исполнительниц Холмского района, расширяют, таким образом, наши представления о сюжетном составе сказок Новгородчины.

Несмотря на почтенный возраст (в момент записи на магнитофон ей было 85 лет), Мария Андреевна говорила почти не сбиваясь, отчетливо и выразительно, даже артистично, разнообразя интонации, растягивая-распевая некоторые слова и фразы («Море большо-о-ое!»; «она почала ду-у-утца, ду-у-утца, ду-у-утца»). Требование петуха, обращаемое к барину («Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жорны!»), которое звучит в ее сказке шесть раз, она пела.

В 1987 г. Мария Андреевна, полностью ослепшая, жила одна в большом деревенском доме (справляться с хозяйством ей помо-

¹¹ Сказки были записаны на магнитофон собирателями М. Е. Теркиной и М. Н. Власовой; хранятся в архиве М. Н. Власовой. К особенностям местного говора, отразившимся в речи М. А. Андреевой, можно отнести неустойчивое яканье (тябе — тебе, пятун — петушок), а также не единообразно мягкое произнесение глагольных окончаний (говорить — говорит, идти — идет).

¹² Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии : (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) / Сообщ. Д. Зеленин // Живая старина. 1905. Вып. 1—2. Разд. «Сказки». С. 49—51; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : В 3 т. / Вступ. статья, коммент. Л. Г. Барага, Н. В. Новикова. М., 1985—1986. Т. 1—3; *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества : В 2 вып. (Зап. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии. Т. 44). Пг., 1917. Вып. 1; *Серова М. М.* Новгородские сказки. М.; Л., 1924; Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 2: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. Разд. «Сказки». С. 27—134. Единственная сказка с сюжетом 455 А, записанная в Белебелковском (ныне — Поддорском) районе Новгородской области, опубликована в сборнике: Господин Леший, господин Барин и мы с мужиком : Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским. М.; Л., 1965. С. 172—180. Сюжеты атрибутированы по указателю: Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барага, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

гали соседи и племянница), однако сохраняла бодрость, ясность ума, хорошую память. Помимо сказок в репертуар М. А. Андреевой входили многочисленные былички, тексты которых расцвечены рассуждениями о крестьянском хозяйствовании, верованиях, обычаях; легенда о сотворении и о конце мира.¹³ Знала она и заговоры, однако записывать их мы не стали, памятуя о том, что сообщенный постороннему человеку заговор теряет, по распространенному поверью, силу, а «лекарская практика» была для М. А. Андреевой существенным подспорьем в ее нелегкой жизни.

1. Про зайчикову избобку

И лисичка... Зайчик договорился с лисичкой:

— Я срублю сябе избобку лубяную (*лубяную, ну как вот с лесу*).

А лисица говорит:

— А я — ледяную!

Ну от. Лисичка со льда, со снегу сабе избобку сделала, а зайчик наносил всяких прутьев, да там всяво сделал. Зайчикова избобка теплая.

Вот она приходит, значить, к зайчику (*ейна изба растаяла*):

— Заинька, пусти меня лапку только погреть... на порог.

Заинька открыл дверь, пустил.

— Заинька, дай мне головку просунуть!

Заинька пустил в избу.

— Заинька, дай мне на печечке поляжать!

Заинька пустил. Она на печечку полезла.

— Заинька, я попить хочу!

Зайчик:

— Погоди, я возьму вядерочко, схожу принясу водицы.

Зайчик пошел за водой, она с печи — раз: дверь заложила на крючок. Зайчика не пустила. Ну, зайчик сидит на дороге с вядерочком и плачить. Ну, идет мядведь.

— Заинька, заинька, чаво ты плачешь?

— Ну, как мне не плакать! Мы подруживши были с лисицей (*а ведь лисица век всё хитра́я!*). Ну от. Ейна избобка растаяла, она меня... попросилася ко мне погреться. А я... Захотела попить. А я вот иду ей за водицей — она дверь заложила, меня не пускает.

Мядведь:

— Пойдем, я выгоню!

¹³ Традиционный фольклор Новгородской области. С. 236—237, 243—244, 253, 256—257, 265—266, 268—269, 271, 275—276, 311—313, 330—331, 335—336, 340, 357; 196.

Ну, пошли с мядведем. Мядведь подходит к двери:
— Хто в зайчиковой изобке! Вон с избы!
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
Мядведь спугался и в лес убяжал. (*Даром дурак такой большой!*)
Ну, зайнька опять на дороги плачеть. Идеть волк.
— Заинька, зайнька, что ж ты плачешь?
Ну, он рассказал ему опять так же, что:
— От лисичка... С моёй изобки... Погреться попросилася — а выгнала вон!
— Пойдем, я выгоню!
— Ой, волченька, мядведь гнал — не выгнал.
— Ну а я-то выгоню! Он меня побоитца, волка!
Ну, пришли.
— Хто в зайчиковой изобке? Живо вон!
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
А и волк испугался и побяжал в лес. Ну, зайчик опять плачеть на дороги. Идеть пятах.
— Заинька, зайнька, что ж ты плачешь?
Ну, от так и так, рассказал:
— Вот, лисичка с моёй изобки выгнала вон!
— Пойдем, я выгоню.
— Ой, петушок! Мядведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, а где ж тебе, петушку, выгнать!
— Ну, пойдём, попробуем.
Ну, пришли.
— Хто в зайчиковой изобке? Живо вон!
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
— А я — пятун-тропотун, на высоких ногах, нясу ко́су за плечам, хочу лісу подкосить!
Ага.
Ліса с печи скок — на пол.
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
— А я — пятун-тропотун, на высоких ногах, да и шпоры сбюкку! И несю косу за плечам, я тебя и шпорам заколю, и косой ноги подкошу!
Лисица — раз за порог, и убяжала.
Ну, зайчик, что ж... Осталси один. Сидить в изобки. Лисица убяжала. Ну, петушок осталси. Петушок говорит:
— Ну, зайнька, я пойду тяперя домой, а ты оставайся.
— Петушок, живи со мной! От у меня жарёнки тута есь, я пойду в лес, кислички принясу, живи со мной, петушок!

— Ну ладно, давай.

Ну и стали жить. Зайчик пошел в лес, кислицы принясет.
(*Это ребятам сказка, вот гомонишь ребятёшкам.*)

А тута у их жарёнки были. Барин пришел да жорны и украл.
Зайчик приходить с лесу...

А барин-то пришел, на петуха и говорит:

— Петушок, вот горошку принес, погляди в окошко! Я таё насыплю горошку!

А петух-то ласый до гороху! Стал клявать — барин жорны и украл. Ну вот. Зайчик пришел, кислицы принес — жарёнок нету.

А петушок пота пошел к барину, сел на ворота.

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Барин... А у барина гости. Ой. Ведь это стыда голова, что ж это такой! Пятун за жорнам... У пятуна жорны барин украл!

— Нясите ево, в мешок заверните, — к волкам в лес!

Ну, петушка усадили работники, к волкам понясли в лес его.

Волки пришли — пустили. Волки:

— Ага, курятинка нам!

А он:

— Волки-волки, лезьте в жопу! Волки-волки, лезьте в жопу!

Волки ему налезли в жопу. Он прилятел опять:

— Ки-ри-ки-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Опять барин:

— Ой, лихонько мое! Куда ж это ево деть! Нясите его, — хороши кони стоять в конюшни, они ево стопчуть.

Ну, работники петушка пустили в конюшню.

— Волки-волки, лезьте с жопы! Волки-волки, лезьте с жопы!

Волки выскочили — всех коней повалили.

Петушок вскочил, опять кричить:

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

— Ой, ну куда ж это ево таперь надо деть? Нясите ево в колодец, он там затопитца.

Ево, петушка, в колодец снесли, вкинули.

Он:

— Жопа-жопа, пей воду! Жопа-жопа, пей воду!

Жопа весь колодец воды выпила (*сказка — сказка и есть*).

Ну от. Он опять прилятел:

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Опять — ну куда ево дявать? Ну, он на работников:

— Завярните ево в солому, зажгите, и он сгорить.

Ну, работники в солому ево завернули, зажгли.

— Жопа-жопа, лей воду! Жопа-жопа, лей воды!

Весь огонь залила жопа. Он опять прилятел:

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Ну, барин:

— Что ж это такой? Зарежьте ево, я съем.

Зарезали петушка. А он в пузе запел:
— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!
— Ну, работники, я пойду в туалет, он как голову́ покажетъ, вы ево, это, сразу рубите.

Ну, пошел в туалет. Сдел труссы. Работник как тюкнул — барину жопу отрубил. Барин свалилси в туалете, петушок встал и зайчика... И в бариновой избы и жить.

Вот табе и сказка. Ребятчи детские сказки.

2. Иван-стрелок и Елена Прекрасная

Жил царь, а по-раньшему — шах. У ево был Иван-стрелок. Хорошую дичь горазд он стрелял. Ну вот... И вот, он, значить, шах етот, в лесу срубил изобку — поставил, хорошую изобку. Вот он дичи как настреляить — так царь работников посылаить, и они ему, значить, привозють.

Ну, от он пошел, вот Иван-стрелок, в лес. Настрелял дичи. Сидить утка на дереве. Он только в яе, значить, наметил, а эта утка промолвила человекым голосом:

— Иван, не стреляй в меня, возьми меня, приняси домой, посодь на окно. Если я задрямлю, ты ударь меня по головы, чтобы я упала.

Ну Иван яе стрелок в мяшок посадил, принес домой, посадил на окно. Ну вот, эта утка задремала, голову́ повесила, он пришел — яе как ударил... по головы. Она об зямлю свалилася. И она получилася прекрасной Еленой. Такая красавица, что ни в сказке сказать, и ни пером описать!

— Ну вот я, — говорит, — буду таперь тебе верная жена.

Ну вот. Приязжают работники за дичей, стукочутца. А Иван опять ушел стрелять. А на яе говорит:

— Ну вот, как приедуть от царя, значить, — за дичью вот, ну, положен там, вот им отдай!

Они стукочутца в дверь. Она к двери приходить, открываить дверь. Они там взглянули на яе — не можуть слова сказать. Она говорить:

— Что вам нужно?

Они не можуть промолвить, слова сказать, — что она очень красавица. Ну, она сразу дверь опять закрыла и на крючок заложила.

Они приязжают к царю и говорят (*ну, как раньше шах ево свали*), к шаху:

— Нет, отец, съезди-ка завтра ты сам! Сам съезди!

Они не сказали ему, какую причину. Ну, царь назавтре, значить, садитца на лошадь вярхом и едитъ. Подъехал к домику, стукочитца в дверь. Она, значить, эта, двери открыла:

— Что вам нужно?

Он как на яе взглянул — не можить и слова сказать и назад себя и пошатнулся. Она стояла-стояла, стояла-стояла, дверь опять закрыла, на крючок заложила. Ну что ж, от ево нет ничаво. Они как на ее посмотрют — она очень красавица! Ну, прекрасная Елена.

Ну, царь приехал. Приехал и говорить (*собрал всех своих прислужников*):

— Как бы нам Ивана со свету свесть? А явоную, эту, жену, я яе замуж возьму. Ну как... От я вам, хто можить ево свесть со свету, — я половину государства вам подпишу, отдам.

Ну, и один, значить, взялся, пошел. Пошел, идеть мимо кабака (*раньше кабаки были винные*). Ну, он сел с им [с пьяницами], стал разговаривать:

— Как бы, — говорить, — вот это, вот так и так-то. Ну, царь хочить Ивана-стрелка жану к сябе завладеть!

— А-а, покупай нам двести грамм!

Он купил, значит, им.

— Вот пущай царь Ивана-стрелка отправить на тот свет: что евонный батька делаить, отец. Что евонный на том свете отец делаит?

Вот он пришел, этот прислужник, и говорит:

— Вот, государь, вот куда Ивана надо отправить! На тот свет! Что отец-от твой там делаить!

Ну, он Ивана призывает:

— Иван! Мой меч, а твоя голова с плеч! Сходи на тот свет и узнай, что мой отец делаит.

А Иван и говорит:

— Как я на тот свет могу?

— А, тогда твоя голова с плеч!

Ну, он пришел к своей Елены Прекрасной. И стал он горько плакать.

<Елена Прекрасная> говорит:

— Иванушка, почаму ты плачешь?

— Да вот, — говорить, — царь посилаит на тот свет, а как я могу на тот свет, — говорить, — сойтить?

Она говорит:

— Ну ланно, ложися спать, вутро мудряней вечера. Вот, — говорит, — сходи к царю вутром, пущай он дасть своего прислужника, работника с тобой. Один не ходи, и чтобы с работником.

Ну, она раз уже такая была — она была волшебница, заколдована на три года, значить, этой, уткой сделана. Ну вот. Вот он, значить, пришел к царю и говорить:

— Я, государь, я один не пойду на тот свет. Дай мне свово работника. А то ты мне потом не поверишь.

Ну, он ему подал самого хорошего работника, прислужника свово. Ну, они пришли. Она ему дала клубочик:

— Ну, вот куда клубочик покотится, туда, значить, эта, и иди-те на тот свет.

Вот он идет. Идет, значить, лес видеть. С лесу едит, значить, берет дрова, накладено большой воз дров. Запрещено в дровы евоный отец, старик, а чорт сидеть, погоняить. Сидит на возу. И ево погоняить палкой.

Да и говорить-то, Иван-то стрелок говорить:

— Ты знаешь что, остановися, давай мы с тобой поговорим.

— Ну, что?

— Выпряги нам, это, свово, значить, старика, возьми мово работника, вот этово, царева!

Ну, он работника запрёг, а Иван стал разговаривать с батькой, значить, с отцом царевым. И говорить:

— Ну, как?

— Ой, Иванушка, скажи моему сыну, пушай он не жанничать, как я жанничал, пушай он людей не обижаит, пусть он с людям хорошо делаит. Вот меня как чорт мучаит! Вот дровы возу, видишь, — говорит.

А он (*чорт*) этово, прислужника царева, палкой погоняит, синяки наделал на боках! Ну, он поговорил с царем, с этим, с баткой-то царевым, как он ему наказал, чтобы царь был хороший для людей бы. Чтоб он хороший, не жанничал. Ну...Разменялися: он старика, значить, подал опять чорту, а старик <сменил> евонова прислужника, царева. Ну, и пошли домой. Приходят оны к царю, вдвоих.

— Ну что, видал мово отца?

— Вида-ал, государь!

— Ну что ж он делат, наверно, в царсви нябе-есном!

— А вот, — говорит, — ему царсво нябесно, государь, какое! Едит чорт и вязеть, — говорит, — большой воз дров наклавши. И старик, — говорить, — упираетца!

Ну вот.

— Я не верю тебе! Я знаю, что мой отец должен в царсве нябесном быть!

— А вот, — говорит, — посмотри, я, — говорить, — поменялся вот, — твоево работника..., — говорит, — посмотри вот ево, сприси таперь у ево!

Работник скидаёт одёжу, а тело все в синяках.

— Ой, — говорить, — государь, — как меня чорт, — говорить, — бил палкой! Я, — говорить, — ташшил воз этот, твоево отца. Ну, <отец> рад, рад, покудова Иван с им поговорил, — говорить, — бросил <черт> бить пока.

Ну, таперь что ж он опять... Ну как бы опять соваршить? Этим не взял — на тот свет. Ну, как опять? Опять он эту, кабацкую терябню посылаить. Опять этово прислужника:

— Иди, как-нибудь ты — там кто-нибудь ящо придумаить. — На ево.

Ну, он опять пошел. Приходить к кабаку опять. Опять сидять же всё явонный пьяницы.

— Ну, что?

Ну, он опять стал говорить.

— Ну, покупай нам двести грамм.

Опять он купил.

— А тяперя... Вот пушшай — стоять столоб, на столбе сидить кот-баюн. И вот, значит, пусь он туда: ево вот, ката этово снимить, в чумадан — и тебе принясеть. К царю. А кот, — говорить, — он не дастся. Он ево, — говорить, — там сразу забьеть.

Ну, приходит етот с кабака. Говорит, значить, царю, что так и так:

— Пошли Ивана, где стоит столоб, и там кот-баюн.

Ну, опять он Ивана призывать:

— Иди вот, значить, приняси мне ката-баюна, добудь!

Иван опять пришел, опять плачит своей жаны, Елены Прекрасной.

— Ну ладно, ложися. Вутро мудряней вечара. Вот, значить, скажи, завтра вот скажи царю: пушшай он три тростки — тебе, значить, это в кузницы скують. Ну, там такую-то, такую-то, а онна чтобы не гнулась бы. И три колпака. Ну вот. И отправляйся. Когда он на последний колпак, кот, значить, это, скочит тебе, ты ево бей вот этой тросткой. И он тебе подчинитца, — она не сломайтца и не согнетца. И ты ево сразу в чумадан закрывай и вези к царю.

Ну, Иван пришел к царю. А ведь у царя ведомо — в кузницу живо! Три тростки сковали, три колпака сковали, ну, Ивану подали. Ну, Иван пошел. Ево Елена Прекрасная, жана, благословила.

Подходить он к столбу. Сидить кот на столбе, глаза большие, когти большие, сам страшный такой! Ну, он, значить, эта, сразу — раз на колпак! Колпак этот проломился, перьвый. Он ево стал тросткой бить — тростка согнулася. Он на второй колпак — раз, кот. Ну, и этот колпак проломился. Он стал второй тросткой бить — и ета согнулася. Он на последний колпак, значить, как скочил! И колпак не проломился. Он свалился с колпака, и он (*Иван*) давай ево этой тросткой бить! Третьей. Эта тростка не согнулася и не сломалася.

Ну, он, кот, помирился. Смирился. Он ево, значить, посадил в чумадан и к царю принес. Ну вот. Царь, значить:

— А-а! Какое тут?!

Открыл. Открыл — он как вцапился в царя! Ага. Царь попросил Ивана закрыть ево опять. Ну, ката закрыли.

А таперя что ж? Как же таперя... Как же таперя Ивана соваршить?

Опять он этого прислужника...

— Последний раз, последний три задачи тебе, Иван. Две задачи сполнил, вот теперь третье тебе задание. Больше тебе заданий не будить.

— Ну, какое же, государь?

— Иди туда, не знаю куда, принеси то, и не знаю что.

Опять Иван пошел к своей Елены Прекрасной. Опять ей рассказал.

Она:

— Ну, ладно. Вот назавтре на тебе клубочик, куда клубочик покотитце — туда и иди.

Клубочек котитце, катилси-катилси... Да, дала она ему свою ширинку. Ну, ширинка эта — как по-старинному платенце свое.

— Вот, значить, ты когда поначуишь где — не обтирайся чужой, значит, ширинкой, а обтирайся своей! (*Это платенце ей-ное.*)

Ну вот. Ну, он, значить, полóжил ево, там, в шалгун, идеть. Клубочик котитце, он идеть. Стоить избушка. В избушке — смотреть в окошко — баба. Он:

— Здрасти, бабуся!

— Здравствуй, молодой человек! Куда путь держишь?

— Да вот иду, — говорит, — да и запоздал!

— Ну, заходи. Я баиньку стоплю, помоисся. Путь далекая!

Ну, он зашел в эту избушку. В баиньки помылся, пришел, вытянул он это платенце, стал обтиратца. Она и говорить:

— Откуда ты это платенце взял?

А он говорить:

— Это платенце (*ширинка эта по-ихнему*), значить, это моя жана мне дала.

— Ах, это жана твоя! Это моя плямянница.

Ну, все хорошо. Ну, поначавал — он ево угостила. Ну, пошел дальши. Опять клубочик котитца — стоит вторая избушка. И тут опять старуха высматриваить.

— Куда, молодой человек, держишь путь?

— Да вот туда, не знаю куда. И найти то, не знаю что.

— Ну, заходи, поначуй! Баньку стоплю.

Ну, и ета также ево в баньке вымыла, он пришел и достает платенце это, стал выьтратца.

— А откуда ты это платенце взял? Откуда эту ширинку взял?

— Да вот моя жана, — говорить, — дала мне в дорогу.

— Ох, ведь это моя дочь! Ты, значить, эта... Вот, ты яе... Она на три года была заколдована, зачарована на утку. Ты яе спас!

Ну вот...

— Куда ж ты вот?

— Да вот послал меня царь. Хочет он яе за себя, значить, взять, от меня отбить.

Ну вот. Она, эта, бабушка, и говорить:

— Ох, надо иттить туда, не знаю куда, через море. Через море переязжать. Я тебе дам бутылку, в бутылки — лягушка. Ты пойдешь к морю, с этой бутылки выброси эту лягушку в море. Она тебя перевяжет.

Он говорит:

— Бабушка, ведь это лягушка, а я ж человек!

— Ладно! Что тебе говорить, ты сполняй!

Ну вот, он, значить, пошел, с бабушкой распростился, она его угостила как зятя. Подходить к морю, значить. Море большо-о-ое. Он эту с бутылки лягушку вввротил. Лягушка и говорить, значить:

— Садися на меня!

Он говорить:

— Ой! Бабушка-ляга, я ж тебя раздавлю!

— Я тебе говорю: садися!

Ну, он ногó переставил, она почала ду-у-утца, ду-у-утца, ду-у-утца. Такая вздуласи, что у ево с лягушки ноги стали зямли не доставать. Вот она вкинула соломинку (*бабушка дала*). И по этой соломинке она море перяплыла. Море перяплыла...

— Значить, вот тяперь иди! Вот там будет стоять избушка. Иди в эту в избушку. И ты там все узнаишь.

Ну, вот он, значить, подходить — правда, стоять избушка. Подходить в избушечку... Нет нико-во! Стол стоял. Стол накрытый стоять — на столе ничово нету. Он спрятался. За печку в угóл стал и стоять. Дожидаить: хто придет в эту избушку. Вылезайть откуль-то мужичок. Маленькай, а борода по колено. Ну, садитца за этот стол.

— Сват-Наум, я ись хочу!

Откуль на столе — все появилось! И закуска всякая, и вино, все появилось. Это мужичок поел, и, значить:

— Ну, убирай таперь! Я наелся!

Все на столе погасло, нет ничаво.

Вот он глядел-глядел, стоя за печкой.

— А ну-ка и я пойду попробую! (*За стол сесть, позвать Свата-Наума*.)

Ну, пришел, сел за стол.

— Сват-Наум, я ись хочу!

Откуда все на столе появилось. Он и говорить:

— Сват-Наум, я один кушать не буду. Садися со мной, я хочу вдвоих с тобой.

Он и говорить:

— Добрый ты человек! Сколько у меня обедало за этим столом, ниhto меня не пригласил. А вот ты, значить, добрый человек, меня приглашайшь. Я с тобой!

А он ево не видит.

Ну, значить:

— Сват-Наум, ты кушаешь?
— Ем-ем! Кушаю, кушай ты!
А сам не видишь ево. Ну ладно, надо иттить, отправлятца.
— Сват-Наум, мне надо отправлятца! Пойдем со мной!
— Добрый человек, никто меня не пригласил, пойду с тобой!
Только никуда меня, значить... Ты повсюду — меня будут покупать, где ты ни остановисси. Ты продавай, а я буду с тобой!
— Сват-Наум, ты никуда от меня не уйдешь?
— Никуда не уйду. Будут покупать меня — ты продавай, а я буду все с тобой.
Ну, и они поехали. Уже лягушки нету, а пароход. На пароходе, значить, эти... Тоже так — и стол там, и все на свети есть. Ну, он, значить, говорить:
— погоди, я вас угощу своим! Ну, Сват-Наум, собери нам стол!
Сват-Наум собрал.
Ети все, которы на пароходе это были, все угостилися, говорить:
— Продай нам ево! Давай помянем! У нас тоже всяка-всячина есть. У нас есть, значить, эта, когда война будить, от труба такая — ты только затруби! У нас есть топор — все тебе срубить, что надо. Продай нам вот этово Свата-Наума!
А Сват-то Наум велел же продать («а я, — *говорит*, — *буду с тобой всё!*»). Ну, ладно. Ну, там уплатили ены, поменялися. Они ему трубу дали — трубить когда вот, что все войско созветца. Топор дали, значить, когда вот топор сам, сам рубить и ставить все на свети. И потом дали ены ему стрелу. Ну, он поехал. Приехал вот он... Едить он это, до дому приехал. Сказали тут царю, что Иван вернулся до дому. Царь на ево войском, значить, разрушим... Нет. Царь пошел (*я-то вот сбился*), сжег евоную изобку. А уже Елена Прекрасная, она, значить, опять обратилася вуткой, она ушла. А когда Иван приехал к своей — видеть, изобки нету. Елена Прекрасная, значить, появилася. Тут же — топор:
— Топор, руби!
Топор срубил, значить, опять хороший дворец ему. Ну вот, царю это все донесли работника, что:
— Вот у Ивана такой, значить, дворец срублен, хоть ты сжег евоную изобку. А что лучше даже твово.
Ну, царь пошел на ево войском. Вот он как затрубил в трубу в эту, котору давали-то ему! Откуль собралося войск у Ивана! И царя погубили, войско евоное разгромили, Иван стал с Еленой Прекрасной в царстве жить и царем стал.
Ну вот. Сказка вся.

КОММЕНТАРИИ

1. Про зайчикову изобку. М. А. Андреева сочетает в своем повествовании два сюжета: 43 Лубяная и ледяная хата: лиса строит себе ледяную избу (хату), волк (медведь, заяц) — лубяную; лиса пытается завладеть лубяной избушкой но изгнана (в публикуемом тексте избу строит заяц, а лису прогоняет петух); 715 А Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы: барин (поп, царь) отнимает или крадет жерновцы-самомолку у старика и старухи; петух требует возвратить жерновцы. В опубликованных сказках северных, северо-западных и центральных регионов России такая контаминация встречается лишь один раз — на Тамбовщине (Смирнов, 1917:668—669), что (очень предположительно) можно объяснить относительной территориальной близостью Тамбовской области и Тверской, с которой граничит Холмский район. Более типична контаминация сюжетов 43 и 15 Лиса-повитуха (Перм., Арх., Волог., Саратов, Афанасьев, 1985:21—26; Перм., Зеленин, 1914:420—422; Арх., Никифоров, 1961:197—200; Мурман., Балашов, 1970:330—331, 352—354, 432; Сказки Поморья, 1974:109—110, и др.). Необходимо уточнить, однако, что М. А. Андреева соединяет сюжеты 43 и 715 отнюдь не механически, скорее — творчески, посредством мотивов, заимствованных из «ребячьей» же сказки об унесенном лисой петухе (61В Кот, петух и лиса): лиса выманивает петуха из избы, посулив ему горошку. Заменяв лису барином, который рассыпает перед петухом, «лласым до гороху», лакомые зернышки, сказочница начинает этим эпизодом вторую часть повествования — об украденных у петуха-лакомки жерновцах.

В первой части сказки (сюжет 43) подробно разработан эпизод изгнания лисицы, отсутствующий обычно в сказках с контаминацией сюжетов 43 и 15, где обманутый волк (медведь) в конце концов примиряется с незваной гостьей. В варианте М. А. Андреевой петух и лиса обмениваются обремененными в ритмизованные формулы угрозами. По мнению А. Н. Афанасьева, подобный диалог составляет основу побасенки, бытовавшей в Архангельской губернии: «Идет петух на пятах, Несет саблю на плечах, Хочет лису посечи По самые плечи. „Вон, вон, лиса! Вон, кума!“ — „Вот я тебя, петушища, по коленам-то поленом!“» (Афанасьев, 1985:438). Ср. соответствующие тексты в сказках: «Я в красных сапогах, Я в красном сарафане, Я кошу, кошу, кошу, твою голову скошу!»; «Ку-ка-ре-ку. Полезай, лиса, с печи, я не от местной породы, на ногах шпоры, на голове ношу корону, шпорами сколю, клювом заклюю!» (Арх., Никифоров, 1961:159, 200); «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи!» (Влад., Афанасьев, 1985:27); «Кукуреку! Выну косичку, нарежу лисичку!» (Тамб., Смирнов, 1917:668).

Вариант М. А. Андреевой («А я — пятун-тропотун, на высоких ногах, да и шпоры сбоку! И несу косу за плечам, я тебя и шпорам заколю, и косой ноги подкошу!») — один из наиболее развернутых, так же как и ответная, скандируемая сказочницей угроза лисы («Я лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полетишь!»), ни в одном тексте в сходной форме не зафиксированная.

Вторая часть сказки (сюжет 715) изложена в одной из наиболее распространенных версий, но продуманно и связно. В большинстве записей мотивы этого популярного сюжета варьируются. Ср.: петух вылетает из конюшни, коровника, свинарника, куда его бросили (Волог., Соколовы, 1915:134—135; Тамб., Смирнов, 1917:668—669), разбивая окна проглоченными камешками (Сказки Поморья, 1974:127); бьет лошадей и коров, которые должны его затоптать (Ряз., Худяков, 1964:102). Для другой группы текстов, как и для варианта М. А. Андреевой, характерны мотивы поедания скотины либо домашней птицы волками и медведями (Арх., РО ИРЛИ. р. V, кол. 5, п. 3, № 38, л. 4—6; Никифоров, 1961:354; Яросл., Смирнов, 1917:460—461); лисой, медведем, волком (Самарск., Садовников, 2003:172—173), залезшими петуху в брюхо.

Чудесное спасение петуха из колодца и печи — неизменный эпизод сказки о петухе и жерновцах, хотя приговорки, сопровождающие его, различны, от нейтральной («Носик, пей воду! Ротик, пей воду!» — Ворон., Афанасьев, 1986:31; «Пей, петух, воду!»; «Петушок, лей воду!» — Вятск., Зеленин, 1915:232; Волог., Иваницкий, 1890:182; «Душка, пей воду!» — Ряз., Худяков, 1964:102) до смягченной и вполне откровенной («Пей, гузно, воду, да выпей всю!» — Мурман., Балашов, 1970:313; «Пей, мой зад, воду!» — Нижегород., Смирнов, 1917:448 — 448; «Жопа, пей, жопа, выпей все!» — Арх., Озаровская, 1931:387; Никифоров, 1961:354). Последний вариант, совершенно, на наш взгляд, естественный для крестьянской (пусть и «ребячьей») сказки, звучит и у М. А. Андреевой. Характерно, что и жерновцы в ее интерпретации — не чудо-жернова, «жернова-самомолки» (ср.: Афанасьев, 1986:30; Иваницкий, 1890:82; Балашов, 1970:313; Смирнов, 1917:460; Худяков, 1964:102; Сказки Поморья, 1974:126, и др.), а предмет, насущно необходимый для хозяйства.

2. Иван-стрелок и Елена Прекрасная. Распространенная сказка, в основе которой — сюжет 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»), изложена М. А. Андреевой с сохранением основных эпизодов, характерных для одной из ее версий. Завязка повествования — обречение охотником (стрельцом, стрелком) чудесной жены-волшебницы: Иван-стрелок шадит во время охоты утку, которая «человеческим голосом» просит ударить ее особым образом, после чего обращается в красавицу, которая была на три года «зачарована в утку». Ср.: солдат Андрей стреляет в горлицу — она падает; дома он ударяет горлицу по левому боку — она превращается в красивую девушку (Олон., Карнаухова, 2006:131). В иных вариантах чудесное превращение птицы (горлицы, голубицы, соколицы, лебедя) — следствие неудачного либо удачного выстрела (Соколовы, 1915:102—105; Колосов, 1877:197—201; Коргуев, 1939:7—32; Сказки Поморья, 1974:270—278; Молдавский — Бахтин, 1965:172—180). «Умел ты подстрелить, так я жена твоя буду: не винца меня винчал, а пуля», — говорит солдату подстреленная им голубица (Волог., Колосов, 1877:339). Подобное начало отличает эту группу текстов от других версий, где охотник (солдат, купеческий сын) похищает одежду одной из трех (семи, двенадцати) купающихся девушек-лебедей (селезней), вынуждая ее к замужеству (Арх., Никифоров, 1961:266—269;

Вятск., Зеленин, 1915:3—10, 129—133; Тобол., Смирнов, 1917:797—801). В «сниженных» вариантах девицей-красавицей оборачивается выуженная из воды ворона (Олон., РО ИРЛИ, кол. 2, п. 3, № 39, л. 103—104; Карнаухова, 2006:43—47).

В общих чертах дальнейшая канва сюжета остается одной и той же: пытаюсь завладеть красавицей, царь (либо купец, который нанимал охотника) ставит перед ее мужем неразрешимые, казалось бы, задачи; успешно справившись с ними при содействии жены, герой занимает место царя либо примиряется с ним, обретая высокое положение и достаток.

«Сказка особенно популярна в странах Восточной Европы, хотя ареал ее значительно шире, а отдельные мотивы — очень древнего происхождения, — отмечает Е. А. Костюхин, комментируя сборник Д. Н. Садовникова. — Так, мотив преследования жены, принадлежащей слуге, известен уже по библейской истории о Вирсавии, а мотив девы-лебеди встречается во многих сюжетах повествовательной традиции как Запада, так и Востока» (Садовников, 2003:397).

Несмотря на видимое единообразие повествовательной структуры, задачи, разрешаемые героем, их очередность, способы выполнения достаточно разнообразны. Первое задание, которое получает герой в сказке М. А. Андреевой (сходить «на тот свет» и разузнать об участии покойного царя-отца), является чаще не первой, а более сложной по сравнению с предшествующими и не столь распространенной для данного сюжета задачей. Ср.: обустроив чудесный мост и сады (укротив «льва — всем зверям зверя»), герой отправляется к умершему царю, дабы разузнать, где он припрятал накопленные деньги (принести его «рукописание») (Афанасьев, 1986:130—134; Перм., Зеленин, 1914:276—278). В интерпретации М. А. Андреевой укрощение свирепого кота-баюна — второе из выполняемых Иваном-стрелком заданий, обрисованное, впрочем, подробно и картинно — как и участь несправедливого царя «на том свете». Сказочница сосредотачивается на описании мучений царя-грешника, волокущего из обычного как будто бы леса, где располагается «тот свет», воз дров и безжалостно, до синяков, погоняемого палкой. Покаянным словам корыстного и помыкавшего подданными царя она уделяет особое место (в сходном в общих чертах тексте, опубликованном А. Н. Афанасьевым, герой идет «на тот свет» через раступившееся море, дрова предназначены для адского пекла, а наказ «управлять по правде» звучит кратко — Афанасьев, 1986:132).

Последнюю и самую сложную задачу в сказке М. А. Андреевой («иди не знаю куда, принеси то и не знаю что») Иван-стрелок выполняет, заручившись помощью тетки и матери своей жены-волшебницы. Обретение родственных связей с чудесной семьей жены, вплотную приближающее героя к цели его путешествия, — один из наиболее устойчивых эпизодов сюжета 465А.

У М. А. Андреевой теща наделяет Ивана-стрелка необыкновенной лягушкой-помощницей: вырастая до громадных размеров, «бабушка-ляга» перевозит его через море, где и находится «не знаю что». Сходная последовательность событий (с участием тещи либо своячениц героя) характерна для сказок ряда регионов России, хотя роль лягушки

в них не вполне одинакова. Ср.: лягушка-водительница скачет впереди героя; поймав ее, он приходит в кузницу, где хранятся волшебные предметы (Олон., Ончуков, 2008:380—383). Дорогу к «не знаю что» может показать только большая лягушка, которую выкликает свояченица солдата (Волог., Колосов, 1877:341—342). Путеводительницей становится старая хромая лягушка (лягушка-квакушка): герой несет ее на руках; нырнув вместе с ним в болото, лягушка оказывается в замке, где обитает «не знаю что» (лежа в молоке, она указывает носом дорогу; выпив молока, становится большой и перевозит солдата Андрея через море, где он обретает чудесного помощника) (Симб., Садовников, 2003:70—74; Олон., Карнаухова, 2006:130—135). Сделавшись выше леса, лягушка («скокушка-баушка») переносит стрелка Андрея через огненную реку (Коргуев, 1939:23—24; Сказки Поморья, 1974:276). По совету свояченицы, солдат идет к морю, из которого выплывает «престрашная прегрозная лягуха»; из ее нутра («Ступай к ней в рот — будёшь сцяслив») солдат попадает в царство тества — морского царя и получает «не знаю что» (Олон., Колосов, 1877:199—201).

К повествованию М. А. Андреевой, помимо олонечкой версии, упомянутой выше (Карнаухова, 2006:130—135), близок отчасти текст, записанный в Белебелковском (ныне — Поддорском) районе Новгородской области (Заозерье, 1947). Теща Кузьмы-стрельца вручает ему банку с лягушкой; вытряхнутая у моря, она «делается как лодка» и перевозит Кузьму через море — к «не знаю что» (Молдавский — Бахтин, 1965:166—176).

Волшебные предметы, добываемые героем, различны, хотя их перечень варьируется в установленных традицией рамках. Сват-Разум, рожок, созывающий солдат, чудесный топорик и шкатулочка фигурируют в олонечкой сказке; в новгородской — матрасик-кормилец, чудесный топор и скликающий войско рог. В сказке М. А. Андреевой Иван-стрелок получает волшебного кормильца (Сват-Наума), топор, который «сам рубит и ставит все на свете», и дудку, призывающую войска.

Текст, сообщенный М. А. Андреевой, как очевидно, включает ряд устойчиво бытующих эпизодов, мотивов, образов, однако не идентичен ни одной из упомянутых в комментарии записей, что не позволяет отнести его к той либо иной локальной традиции.

Отметим также: многоэпизодная волшебная сказка, сохранившаяся в памяти крестьянки до 1987 г., — явление почти уникальное. Некоторая путаница и оговорки появляются у М. А. Андреевой только в самом конце, а первоначально подчеркнутое именование царя «шахом» (о чем рассказчица забывает к середине повествования), скорее, забавно и отнюдь не портит живое, выразительное изложение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. — Архангельская губерния
Влад. — Владимирская губерния
Волог. — Вологодская губерния
Ворон. — Воронежская губерния

Вятск. — Вятская губерния
Мурм. — Мурманская область
Нижегор. — Нижегородская губерния
Олон. — Олонецкая губерния
Перм. — Пермская губерния
Ряз. — Рязанская губерния
Самарск. — Самарская губерния
Сарат. — Саратовская губерния
Симб. — Симбирская губерния
Тамб. — Тамбовская губерния
Тобол. — Тобольская губерния
Яросл. — Ярославская губерния

ИОЛЕАиЭ — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев, 1985, 1986 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Предисл., коммент. Л. Г. Барага, Н. В. Новикова. М., 1985—1986. Т. 1—2.
- Балашов, 1970 — *Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
- Зеленин, 1914 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914 (Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии; Т. 41).
- Зеленин, 1915 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915 (Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии; Т. 42).
- Иваницкий, 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия ИОЛЕАиЭ. М., 1890. Т. 49. Труды Этногр. отдела. Т. 11. Вып. 1.
- Карнаухова, 2006 — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнауховой. 2-е изд. СПб., 2006.
- Колосов, 1877 — Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия // Сб. ОРЯС. СПб., 1877. Т. 17, № 3.
- Коргуев, 1939 — Сказки М. М. Коргуева // Сказки Карельского Беломорья : В 2 т. / Зап., вступ. статья, коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Т. 1.
- Молдавский — Бахтин, 1965 — Господин леший, господин барин и мы с мужиком : Записки о сказочниках Д. М. Молдавского и сказки, записанные Вл. Бахтиным и Д. М. Молдавским. М.; Л., 1965.
- Никифоров, 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

- Озаровская, 1931 — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л., 1931.
- Ончуков, 2008 — Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. статья, коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2008.
- Садовников, 2003 — Сказки и предания Самарского края. 2-е изд. / Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым; Изд. подгот. Е. А. Костюхин, Л. Г. Беликова. СПб., 2003.
- Серова, 1924 — *Серова М. М.* Новгородские сказки. М.; Л., 1924.
- Сими́на, 1975 — Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975.
- Сказки Поморья, 1974 — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- Смирнов, 1917 — *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок из архива Русского географического общества. Пг., 1917. Вып. 1, 2 (Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии; Т. 44).
- Соколовы, 1915 — Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
- Худяков, 1964 — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.

В. И. ЖЕКУЛИНА

АТАМАН

**(ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА
СОБИРАТЕЛЯ ЖЕКУЛИНОЙ ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ.
ЭКСПЕДИЦИЯ В СТАРОРУССКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ РАЙОНЫ
НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ С 19 ПО 27 ИЮНЯ 1979 г.)**

В 1979 г. издательством «Наука» был выпущен в свет сборник «Традиционный фольклор Новгородской области : По записям 1963—1976 гг. Вып. 1: Песни, причитания». Это первое научное издание, открывающее серию выпусков сборников Новгородского фольклора. В 2001 г. вышел второй выпуск сборника, а в 2006 г. — третий. Все три выпуска содержат уникальный фольклорный материал, записанный на территории Новгородской земли.

С конца XVII в. Новгород — крупный культурный центр интересов этнографов, археологов, фольклористов. Уже в начале XIX в. стали скапливаться фольклорные материалы в различных архивах, а с 1853 г. в «Новгородских губернских ведомостях» началась регулярная публикация песен, сказок, быличек, преданий, обрядового фольклора, записанных в разных уголках Новгородской губернии.

Собирательская деятельность не прекращалась и в трудные для страны годы, даже во время Великой Отечественной войны. Более того — трагическое время родило новый фольклорный жанр — устные рассказы. После войны собирательская работа приобрела планомерный характер, а собранный материал поступал в архивы, которые стали организовываться при филологических факультетах пединститутов и научно-исследовательских центрах. Записи новгородского фольклора передавались в руко-

писный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Самыми ранними новгородскими записями, поступившими в архив ИРЛИ, были материалы Ратькова 1861—1876 гг. Они стали основой коллекции 169 (папка 5, № 1—8). Постепенно архив пополнялся записями разных лет, и на данный момент в Рукописном отделе ИРЛИ (разряд V) хранится около пятидесяти коллекций, содержащих большое количество текстов разных жанров (единиц хранения).

Вторым крупным хранилищем новгородского фольклора стал Новгородский педагогический институт (ныне Государственный университет им. Ярослава Мудрого). Ежегодные экспедиции, особенно в 70—80-е гг., пополняли фольклорную коллекцию, и результатом собирательской деятельности стали сборники и научные статьи.

Экспедиция 1979 г. в Старорусский и Новгородский районы Новгородской области имела определенное задание, связанное с изданием первого выпуска новгородского фольклора: на последнем издательском этапе возникла необходимость уточнить ряд положений и ответить на конкретные вопросы издателей. Один из них был связан с публикацией редкого жанра — народной драмы «Атаман», единственной тогда записи за всю историю собирательской деятельности на Новгородской земле.

Впервые драма «Атаман» (другие названия — «Лодка» и «Шайка разбойников») была записана 15 декабря 1976 г. студенткой Новгородского педагогического института Н. В. Антоновой в деревне Сотско Старорусского района от Анастасии Степановны Черновой, малограмотной, 74 лет. Запись сделана от руки чернилами.

Вторично народная драма была записана на магнитофон 22 июня 1979 г. В. И. Жекулиной. Запись хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (р. V, кол. 241-10-8, п. 32—34). Сопоставление двух записей драмы с интервалом в 3 года показало удивительную картину: текст не только не забылся, но даже увеличился за счет включения песен, картин и реплик героев. Соотношение, примерно: 145 стихов на 210.

Сотско — деревня в 30 км от города Старой Руссы. Раскинулась она по живописному берегу речки Веряжки. Когда-то это была большая деревня с животноводческой фермой и клубом, в котором почти каждый день что-нибудь проводилось: молодежкая зав. клубом Люба пыталась собрать немногочисленную молодежь и организовать агитбригаду.

Деревня не песенная, свадебный обряд почти забыт, на посиделки собирались работать и редко отвлекались, чтобы попеть или поиграть. Анастасия Степановна родилась в Сотско. Она многое помнит и охотно рассказывает сказки — Про Кошея бес-

смертного, Про Бову-королевича. А народную драму «Атаман» знает почти наизусть. Она помнит, что зимой 1976 г. пела и рассказывала студентке сцены — (картины, как она сказала) из драмы. У нее хорошая память, и она охотно вспоминает события прошлых лет. Записывать на магнитофон ее рассказы легко.

Анастасия Степановна девочкой много раз смотрела представление и запомнила песни, реплики, сцены и монологи персонажей драмы. Дело в том, что репетиции спектакля проходили в доме Анастасии Степановны, артисты переодевались в чулане, там же повторяли свои монологи, и девочка впитывала все, что видела и слышала.

В представлении принимали участие 12 человек. Мужчины были и пожилые, и совсем молоденькие. Женскую роль играл милостивый молодой парень. В драме играл и отец Анастасии Степановны, играл разбойника и «делал, чего атаман заставит». Отец Анастасии Степановны был активным участником этих святочных игр.

«Артисты» пользовались большой популярностью в своей и соседних деревнях. Играли они обычно поздно вечером. Народу собиралось множество. Смотрели по нескольку раз. «Артисты» приходили в «костюмах» из бумаги, шапочки были тоже бумажные, а сабли и пистолеты — из картона.

«Атаман» — самая популярная народная пьеса, в сюжете которой соединено трагическое и комическое, реальность и фантастика, любовь и смерть. Драма — поздний жанр русского фольклора, репертуар которого складывался с середины XVII в. («Лодка», «Царь Максимилиан», «Барин», «Мнимый барин» и др.). К концу XIX в. накопилось большое количество вариантов этих пьес, популярных в среде солдат, прислуги, мелких ремесленников, а в конце XIX — начале XX в. известных и в деревнях, расположенных, как правило, вблизи городов. С течением времени в регионах складывался свой репертуар, в сюжете драмы закреплялись местные особенности быта, определялся состав «артистов».

Сами сюжеты имели устойчивую сложную структуру, а центром народной драмы был ее герой — царь, барин, атаман, с которыми связаны все происходящие события, обычно заканчивающиеся трагически: убийством, казнью, тюрьмой. Но трагическое в народной драме может стать комическим, смешным, занимательным, а поступки героев — нелепыми. Ужасное легко соединяется с «жалостливым».

В народной драме обязательно присутствует женский персонаж, но как антагонист главному герою. Так, в «Атамане» — это пленница, в которую влюбляется атаман, в «Барине» — панья, с которой барин танцует, в «Царе Максимилиане» — Богиня, отказывающаяся идти замуж за царя.

Н. И. Савушкина, исследуя сложную структуру народной драмы, замечает, что «любовная ситуация развивается в тех случаях, когда дополняет и углубляет ситуацию социальную».¹ В «Атамане» конфликт атаман—девушка-пленница не находит своего разрешения и как бы выпадает из сюжетной линии.

Драма «Атаман», записанная на Новгородчине, сохранила основную сюжетную канву, состав героев, пародийную манеру подачи текста, особенности поведения «артистов» на сцене. Известно, что все участники драмы располагались одновременно на сцене (в избе, на улице) полукругом (подковой). Слова своей роли произносили, выдвинувшись из строя на несколько шагов вперед, а закончив речь, становились на свое место. Все действие происходило очень быстро, без пауз: монологи сменялись диалогами, а диалоги заканчивались песнями, часто исполняемыми хором. И на этом искрометном фоне разворачивалась череда событий: атаман намерен плыть по Волге и требует построить легкую лодку; лодка тут же строится, о чем сообщается в монологе или песне; атаман перед плаванием хочет укрепить свою шайку, и к нему приводят пришельца; приказ есаулу — «саблю очистить, пищаль зарядить» — и мгновенное исполнение; обещание жестокой расправы с врагами:

Самому другу и то не спущу —
В ужасной пучине как раз утоплю;

нападение на барскую усадьбу и убийство хозяина поместья:

У старика деньги ведутся, —
Давай пулей старика!

Удачный поход завершается пирушкой и песней: «Друзья, бутылки наливайте», — и справедливым разделом добычи.

В драме всякое событие подкрепляется песней, близкой по содержанию к ситуации, которая требует озвучивания. Всего во время «разыгрывания» драмы исполнялось 7 песен (7 — в записи 1976 г. и столько же в записи 1979 г.). Это в основном разбойничьи песни: «Что по матушке по Волге», «Ничего в волнах не видно», «Взойди, взойди, красно солнышко», «Что по бору, бору темному»; плясовая песня «И толь на горке, на горочке»; застольная разбойников «Друзья, бутылки наливайте» и песня пленницы Наташи в тюрьме «Несчастлива я на свет родилась».

Все песни записаны в хоровом исполнении, кроме разбойничьей «Что по бору, бору темному», которая в записи 1976 г. дана

¹ Савушкина Н. И. Русская народная драма. М., 1988. С. 54.

в пересказе исполнительницы в стиле напевного рассказа: «Что за тишь, как здесь уютно».

Каждая из песен в зависимости от ситуации могла исполняться в полном варианте или как песенный отрывок, включенный в прозу. В «Атамане» песни как бы открывали и закрывали действия и, как частный вариант, какая-нибудь песня разбивалась на отрывки и исполнялись 3—4 раза в течение всего действия. Очень часто роль отрывка-вкрапления исполняла популярная песня «Вниз по матушке по Волге».

С течением времени драма выработала свои сюжетно-композиционные особенности, в частности роль зачинов и концовок. Как правило, они не были связаны с содержанием драмы, а являлись как бы «переключателями» реального времени в сценическое и обратно.

Зачином могла быть фраза из монолога, произносимая напевно («Что за тишь, как здесь уютно» — запись 1976 г.), или комический текст русских лубков, или зачины обрядового фольклора:

Принимай-ка нас, хозяин,
(...) Мы с добычей возвращались
Лучше питерских купцов,
(...) Мы закидывали сеть
Прямо дядюшке в клеть,
Мы поймали сорок шук,
Из которых шубы шьют,
(А. С. смеется)
А у дяди Петра
Мы поймали осетра,
(...) А у тети у Ирины
Утащили две перины,
А у тети у Настушки
Утащили две подушки.

(Запись 1979 г.)

Комическое перечисление «улова» без всякой логики превращается в угрозу: «Всех изрубим на куски!». Но слушатели реагируют на угрозу смехом (А. С. смеется своим же каламбурам и нелепостям ситуации).

Концовками обычно становились песни или ритмические монологи, исполняемые раешным стихом. Такие концовки не были строго сюжетно организованы, но могли быть сюжетно прикрепленными: так, концовкой драмы «Атаман» были песни «Вниз по Волге-реке», «Уж вы, сени, мои сени», «Среди лесов дремучих». А песня «Уж вы, сени» сопровождалась пляской.

Пляски в драме — довольно позднее явление. Напомним, что персонажи драмы статичны, они не действуют, а рассказывают в монологах и диалогах о своих действиях: о постройке лодки, о

плавании по Волге, о разгроме усадьбы, о пирушке, о пленнице. У них свое игровое пространство, и персонажи не должны нарушать его границы. У них своя ритмическая организованная речь и свой раешный язык — язык пародий и балагурства.

Так, и зачин, и концовка драмы «Атаман» в записи 1979 г. являются типичными образцами пародирования: в зачине это комическое перечисление «богатого» улова — сорок щук и две подушки, а в концовке — пародийное сватовство появившегося в финале драмы нового персонажа — еврея.

«Вбегает еврей и пляшет:

Натася, выйди за меня замусь,
Я живу богато:
У меня двор цертей,
Огород цервей,
Корова ялова
Телила дьявола».

Народная драма в поздний период своей жизни утрачивает основную жанровую особенность — статику: артист уже не стоит в течение всего представления в отведенном ему сценическом пространстве, а действует: пляшет, выбегает из строя, размахивает саблей, колет штыком. Так, новые персонажи — еврей, рыцарь и подрывщик, Наташины «братаны» — вбегают, налетают на атамана и ранят его. Артист, исполняющий роль атамана, «падает на колени, упирается штыком в землю, дрожит рука» — воссоздается вполне жизненная ситуация, воспроизведенная действием, а не словами. И ситуация эта, а также смерть атамана, понятны тем, кто играет, и тем, кто смотрит.

Формальное сопоставление двух полевых записей драмы «Атаман», сделанных с интервалом в три года, показало степень устойчивости текста: более поздняя запись оказалась значительно полнее — 210 вместо 145 строк.

Возможно, у исполнительницы сработал механизм ассоциативной памяти: какое-то слово, поступок вызвали образ забытого, и в памяти возникают картины прошлого, яркие и еле уловимые, но все-таки живые. Картины эти как своеобразный каркас не дают тексту разрушиться и способствуют воспроизведению более насыщенной, яркой истории.

Но возможна и другая интерпретация устойчивости и наполненности текста при более позднем его исполнении. Попробуем объяснить это с позиций психолингвистики. Исследователь/собираТЕЛЬ становится важным фактором в процессе собирательской деятельности, влияющим на ее результаты. В первом случае запись вела студентка. Материал записывался за исполнительницей вручную. В некоторых местах, когда собирательнице было

что-то непонятно или она не успевала вести запись, приходилось останавливать сказительницу, просить повторить отрывок драмы. В такой ситуации естественно часть информации пропадает.

Во втором случае полевая запись производилась научным сотрудником, женщиной среднего возраста, на магнитофон. Была создана благоприятная психологическая атмосфера: неподдельный интерес к истории жизни исполнительницы, чаепитие, небольшие подарки Анастасии Степановне. Запись не прерывалась. Эта комфортная обстановка (контекст) способствовала воссозданию дополнительных песен и картин драмы.

Умения собирателя вызвать доверие к себе, подстроиться к рассказчику, сопереживать его эмоциям, подчеркнуть уникальные способности человека к запоминанию народных песен, сказаний основываются на личностных особенностях исследователя и на его совершенствовании в развитии коммуникативных навыков, а именно, на умении не только слышать собеседника, но и слушать. Этой составляющей в работе будущего собирателя надо уделять больше внимания при подготовке студентов-филологов.

Таким образом, текст (полевая запись) неотделим от контекста (условий записи), где контекст понимается как точка отсчета, относительно которой совершается интерпретация событий, действий. В зависимости от контекста один и тот же текст может воспроизводиться по-разному. Активная позиция собирателя — серьезная подготовительная работа и непосредственно сам процесс записи — может привести к неожиданным фольклорным находкам.

А пока две полевые записи драмы «Атаман» дополнили фольклорную коллекцию ИРЛИ.²

АТАМАН

(Напевно)

Принимай-ка нас, хозяин, разудалых молодцов,
Мы с добычей возвращались лучше питерских купцов.
А мы рыбушку ловили по сухим берегам,
По сухим берегам, по амбарам, по клетям.
Мы закидывали сеть прямо к дядюшке в клеть.
Мы поймали сорок шук, из которых шубы шьют *(смеется)*,
А у дяди у Петра мы поймали осетра,
Сивогривую кобылу, вороного жеребца.
А у тети у Ирины утащили две перины,

² Традиционный фольклор Новгородской области : Сказки, легенды, предания, былички, заговоры / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001. С. 395—399.

А у тетки у Настушки утащили две подушки.
— Здравствуй, друг агаман!
— Здравствуй, друг есаул,
Подходи бодрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда!
На, саблю очисти, пищаль заряди,
Смотри, не мешкай, быстрее приходи!
— Я саблю очистил, пищаль зарядил,
Теперь что прикажешь, ты мой господин?
— Благодарю за службу, друг, иди, будь свободен.
Вот теперь и я пойду, подправлюсь, как господин,
Пойду прогуляюсь на Волге один.
Не едет ли кто там по Волге на лодке или на судне, —
Я постараюсь дать им место на дне.
Самому другу и то не спущу —
В ужасной пучине как раз утоплю.

(Есаулам и фарбантам³)

Мы не будем дураки,
Кто бы ни был каким франтом, всех изрубим на куски.
— Есаул! Погляди в зрительную трубку —
Не едет ли кто на лодке или на судне?

(Поют)

Что по матушке по Во-о-олге,
Да по широкой речке до-о-олгой
Поднималась непого-о-ода,
Непогодушка немала-а-ая,
Погодушка немала-а-ая,
Немалая, волнова-а-ая.
— Есаул! Посмотри-ка в зрительную трубку —
Не едет ли кто там на лодке или на судне,
Постараюсь дать им место на дне.

(Поют)

Ничего в волнах не ви-и-идно,
Только видно, только слы-ы-ы-шно,
Только видно, только слы-ы-ы-шно
Одна лодочка краснее-е-е-ет, да краснеет,
А на ней парусы беле-е-е-ют, да белеют,
А на гребцах шляпы чернее-е-ют, да чернеют.
Приворачивай, ребята, ко крутому бережочку,
Ко крутому бережочку, ко желтому ко песочку.
Ко желтому ко песочку, к агаманову домочку да домочку.

Весла в лодку, самы на берег. Выйдут на берег и запляшут:

И толь на горке, на горочке,
На высоком пригорочке,
Там стояли-то два дубчика,

³ Фарбант — фабрикант.

На тех дубчиках голубчики сидят,
Промеж себя разговаривают,
Нас, молодчиков, подхваляют:
Где найти бы нам такого молодца,
Что поднес бы нам по рюмочке винца.

Ф а р б а н т:

Только вышел за ворота,
Точно так теперь и я,
Говорить немного стану,
Вы поверьте мне, друзья, —
Попадался старичонок
И с боченками в руках.

(Бросает его на пол)

Вот тебе, атаман-господин, винцо-пивцо,
Пей-попивай, фарбантов шайки не забывай.

(Запевают)

Друзья, бутылки наливайте
И лейся через край вино.
Свою отчизну не забывайте
И осушайте в рюмках дно.
Мы заберемся в лес дремучий,
Землянки выроем мы там,
Свою добычу и прибычу
Всегда разделим пополам.
Взойди, взойди, красно солнышко, над горою,
над высоко-о-окою,
Над поляночкой да над широко-о-окою,
Обогрей нас, добрых молодцов,
Да нас, разбойничков, да беспорто-о-очников.

(Поет)

Что по бору, бору темному,
Ой люли, люли, да бору темному,
Бору темному, преужасному,
Ой люли, да преужасному.
Проходила-то там туча грозная,
Ой люли, люли, да туча грозная.
Впереди шел да атаманничек,
Атаманничек да тех разбойничков,
Ой люли, люли, да тех разбойничков.
Был он задумавша, запечаливша,
Ай люли, люли, да запечаливша.
Об одной да душе красной девушке,
Ай люли, люли, красной девушке.
Ему девушка, ему красная, и с ума нейдет,
Ай люли, люли, и с ума нейдет.
И с ума нейдет, да все мерещится,
Вот люли, люли, да все мерещится.

Н а т а ш а:

Как же мне быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой!

А т а м а н:

Ведите ее, негодную, посадите ее в тюрьму,
Морите ее голодом и жаждой!
(Вот она посидела, опять выводят её)
Он опять говорит: «Еще не одумалась?»

Н а т а ш а:

Как же быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой?
Несчастлива я на свет родилась,
Недолго жизнь моя цвела,
И я в темнице очутилась,
Чем виновата я была?

А т а м а н:

Предо мною не гордись,
На колени становись!
(Она встала)

Н а т а ш а:

Пусть же льются слезы током,
Пусть я в горести живу,
Пусть терплю такие муки
Я во сне и наяву.

А т а м а н:

Есаул, подходи быстрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда!
Сходи, приведи Наташу.
(Наташу привели)
Наташа, одумалась? Будешь ли моей женой?

Н а т а ш а:

Как же мне быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой!

А т а м а н:

Встань, встань, красавица,
Утетила ты меня своими словами.
Ты не хошь быть моею женою,

Так сделаю слугою.
Есаул, подходи быстрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда.
Здравствуй, друг есаул!
Сходи, приведи Зарезу.

З а р е з а:

Здравствуй, друг атаман!

А т а м а н:

Здравствуй, друг Зареза,
Никак ты пьешь все, как свинья.
Жениться будто ты желаешь,
Сказали мне вчера друзья.

З а р е з а:

Я жениться-то желаю,
Господин ты мой честной,
Взял бы я попову дочку замуж и с попом,
Только дали б мне приданого
Бочку полную с вином.

А т а м а н:

Ты все о водке мне толкуешь,
Пора и замолчать: водкой горло
Не запрудишь. Дурак, я дело укажу,
Тебе невесту отыщу: приутешь,
Приголубь, не делайся глуп.

З а р е з а:

(обращается к Наташе)

Скажи мне, пташка дорогая,
Скажи-ка, любишь ли меня?
Вся жизнь моя истлела,
В свете краше нет тебя.
Желаешь быть моей женою?

Н а т а ш а:

Да как мне быть твоей женой,
Когда ты пьяница лихой.

З а р е з а:

Я водки мало выпиваю,
Больше ложкою хлебаю,
Чтоб не напиться допьяна.

Вбегает еврей и пляшет:

Натася, выйди за меня замусь,
Я живу богато,
У меня двор цертей, огород цервей,
Корова ялова, телила дьявола.

Вбегает рыцарь и подрыварь — Наташины братаны и налетают на атамана:

Не ты ль, злодей, адский подлец,
От которого помер наш несчастный отец.
Не ты ль, злодей, губителем был,
Убил и брата двоюродного, убил сестру нашу родную,
Разбойник, дерзкий человек,
И ад разинет свою пропасть, проглотит тебя навек.
Они кричат: «Коли его!» — и ранят атамана.

Он падает на колени, упирается штыком в землю, дрожит рука.

А т а м а н разбойникам и есаулу:

Друзья, прощайте, я помираю!

Обращается к Зарезе:

А ты, друг мой, пойдешь домой,
Скажи моей семье родной,
Чтоб не ждали меня домой. (*Умирает*).

Поют песню:

Зайди, зайди, красное солнышко,
Над горою, над висо-высокою,
Над горою над висо-высокою,
Над поляночкой широ- да широкою,
Обогрей нас, добрых молодцев,
Нас, разбойничков, да добрых молодцев.

РАЗДЕЛ II. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В. И. ЕРЕМИНА

ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ УЧЕНЫХ

(РЕЧЬ А. А. ШАХМАТОВА О Ф. И. БУСЛАЕВЕ.
ИЗ ПЕРЕПИСКИ Ф. И. БУСЛАЕВА И А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО)

Имя Федора Ивановича Буслаева уже при его жизни стало «почетным историческим именем».¹ Ему принадлежит выдающаяся роль в постановке научного изучения народной поэзии, языкознания, археологии, литературы и древнерусского византийского искусства. Труды Ф. И. Буслаева в каждой из этих областей знаний составили определенный этап в развитии не только русской, но и мировой филологической науки. Всем изучаемым отраслям знаний Буслаев дал истинно научное направление, он явился «не только родоначальником, но и крупным деятелем этой науки, двигая ее вперед своим неутомимым трудолюбием, своими сочинениями, своим могучим талантом. Деятельность Буслаева является, таким образом, сама крупной частью истории молодой еще русской науки: изучая труды Буслаева, мы изучаем в то же время все те фазы развития, которые прошла наука истории русской литературы и искусства от ее истинного начала вплоть почти до наших дней».²

В вопросах преподавания родного языка, т. е. в том, с чего Ф. И. Буслаев начал свою педагогическую и научную деятельность, он во многом руководствовался положениями немецкого педагога Дистервега, но в итоге пошел значительно дальше сво-

¹ *Пытин А. И.* История русской этнографии. СПб., 1894. Т. 2. С. 75.

² *Сперанский М. Н.* Памяти Ф. И. Буслаева : Речь, прочитанная в заседании Императорского Общества любителей древней письменности 28 ноября 1897 г. // Памятники древней письменности. М., 1898. С. 2.

его предшественника. «Краткое руководство к первоначальному преподаванию русского языка» Ф. И. Буслаева³ отличалось от современных ему учебных пособий задачами, средствами, материалом и методом изучения отечественного языка.

Открыв подлинный смысл изучения народного и старого языка, «связав историю нашего языка с историей говорящего на нем народа, указав метод изучения языка и дав нам интересную грамматику, Буслаев к концу 50-х годов является самым крупным представителем науки о русском языке своего времени». ⁴ И до работ Буслаева встречались исторические объяснения языковых явлений, но Буслаев впервые применил их ко всем сторонам языковой системы. В качестве фактического материала он «привлек старославянский язык, древнерусский, современные диалекты, язык художественной литературы, другие родственные языки. Все это помогло ему внести значительный вклад в историческое изучение русского языка». ⁵

Основную заслугу Ф. И. Буслаева в истории не только русской, но и европейской науки А. Н. Пыпин видел в установлении им нового отношения «к народной старине», в проникновении «в задушевные тайны» народной поэзии. ⁶ Стремясь раскрыть основные закономерности народной поэзии, Ф. И. Буслаев обращался к ее истории. Именно в далекой истории, «в темной доисторической глубине», в том времени, когда создавался самый язык, видел он истоки поэтического творчества. Происхождение языка рассматривалось Ф. И. Буслаевым как первая, «самая решительная и блистательная попытка человеческого творчества». ⁷ Отсюда слово, в его понимании, оказывалось не условным знаком для выражения мысли, но художественным образом, вызванным «живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили». ⁸ Не случаен поэтому и особый интерес Буслаева к истории языка. За потухшим значением слова он стремился (вслед за В. Гумбольдтом) воскресить его былое образное начало. Преимущественно весь ранний этап творческой деятельности Ф. И. Буслаева связан с изучением истории языка. Он ис-

³ *Воскресенский В.* О «Кратком руководстве к первоначальному преподаванию русского языка» Ф. И. Буслаева // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные на заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. СПб., 1898. С. 32.

⁴ *Будде Е.* О заслугах Буслаева, как ученого-лингвиста и преподавателя // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1898. Т. 14, вып. 4. С. 418.

⁵ *Смирнов С. В.* Ф. И. Буслаев — ученый и педагог // Русская речь. 1984. Май-июнь. С. 67.

⁶ *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 87.

⁷ *Буслаев Ф. И.* Эпическая поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 1.

⁸ Там же.

пользовал «методику сравнительно-исторического анализа, давшую столь блестящие результаты в работах немецких ученых, на изучение русского языка и его истории».⁹ Большую статью посвящает Ф. И. Буслаев анализу словарного состава «Опыта областного великорусского словаря», изданного в 1852 г. Вторым отделением Императорской Академии наук. Выход в свет словаря местных слов рассматривался Буслаевым как дело национального значения, так как изучение областных наречий, которые составляют «древнейший период в отношении к литературному и образованному языку», ведет к познанию «основных начал нашей национальности, поскольку они содержатся в первоначальном организме языка».¹⁰

Областное слово в отличие от литературного в значительной степени сохраняет свою первоначальную образность, а потому оно неизбежно должно подчиняться тем же закономерностям, которые свойственны любому художественному произведению. «Как художественное произведение, слово подчиняется и законам логики; но как художественное же произведение, оно не исчерпывается ими вполне. Основное впечатление, проведенное по различным значениям слов, может быть оправдано и логически; но коренится оно на живом, непосредственном ощущении».¹¹

Рассматривая образующее начало «в формации языка», Ф. И. Буслаев предостерегал против упрощенного понимания изложенных им приемов, действующих в языке. Он специально подчеркивал, что анализ раскрытия форм языка дается им с одной только целью — показать, что бесконечное множество подробностей не заслоняет цельности того основного начала, которое называется жизнью. «В наибольшей полноте и в совокупности своих действий, — писал Буслаев, — оказывается эта, неуловимая для анализа, сила языка в округленном сочетании слов, то есть в предложении, где наглядные представления, живописующие все, что есть в природе и жизни, умели неразрывно сочетаться с мельчайшими логическими отношениями мысли, выражаемыми помощью суффиксов, флексий и тех однообразных и немногих форм, которые известны в грамматике под именем частей речи служебных».¹²

Творческие возможности языка оказались в представлении Буслаева неисчерпаемыми: «Логическое начало проводит в своих действиях закон необходимости; язык же пользуется полной свободой в применении корня слова к тому или другому впе-

⁹ Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 24.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... С. 157.

¹¹ Там же. С. 160.

¹² Там же. С. 177.

чатлению. На этой-то способности языка и основывается его не ограниченное никакими пределами творчество, проявляющееся всегда новыми и свежими формами».¹³

Рассмотрение разнообразия и богатства художественных форм областных наречий утвердило Ф. И. Буслаева в мысли, что язык образуется *в неразрывной связи с народной поэзией*, не случайно поэтому сравнительный метод, столь важный в истории языка при исследовании древнейших фактов, был непосредственно перенесен им и на изучение основ народной поэзии. «Взаимное соприкновение языка и народной поэзии свидетельствует нам об органическом, здоровом и свежем развитии этих обоих органов народного духа. Оба они исходили из общего источника, дышали одною жизнью, потому *каждое слово было поэтическим созданием*; потому и поэзия так легко умела облечься в самые свойственные ее природе формы, когда животрепещущее, вновь сложенное слово вылетало из уст певца в одушевленной импровизации, не как прикраса его бойкого слога, а как необходимое дополнение его мысли, как новая черта, которую художник довершает картину».¹⁴

Таким образом, сравнительный метод становится для Ф. И. Буслаева и основой науки *о слоге*. Слово с живой внутренней формой в одинаковой степени может быть названо как простым наименованием действия, предмета или его свойства, так и «формой эпического слога». Отсюда предмет исследования Ф. И. Буслаева в равной мере может быть определен и как открытие закономерностей в создании образного языка, и как изучение главнейших основ стилистики народной поэзии.

Любая из эпических форм отражала народное воззрение на мир человека, составляла единицу слога всего народа. Зарождение подобных эпических форм принадлежало эпохе доисторической и сопровождалось «образованием самого языка: так что каждой обычной эпической форме можно найти соответствие в грамматических и лексических свойствах языка. *Потому-то наука о слоге основывается на сравнительно-историческом изучении языка*».¹⁵

Рассмотренные выше основные положения в учении Ф. И. Буслаева об историческом соответствии языка и народной поэзии, как мы видим, весьма противоречивы. Наряду с открытиями, опередившими свое время, соседствует романтическое представление Буслаева об изначальности и единстве эпического периода.

Итак, по теории Ф. И. Буслаева, одна и та же сила способствовала как зарождению языка, так и мифов и народной поэзии.

¹³ Там же. С. 178.

¹⁴ Там же. С. 209.

¹⁵ *Буслаев Ф. И.* Об эпических выражениях украинской поэзии // Там же. С. 230. См. также с. 210.

Именно поэтому в «самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие *нравственные основы* своей национальности в языке и мифологии, которые стоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами... Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как самая жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни. Потому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его освященное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам».¹⁶ Именно к слову тянулись все «тончайшие нити родной старины», все то великое, на чем коренится нравственная жизнь народа. Слово оказалось главным и естественным толчком к созданию мифов и преданий.

Подводя итоги рассуждениям Буслаева, связанным с его представлениями о языке народной поэзии, можно сделать следующие выводы.

Язык — один из основных хранителей глубочайшей древности, сохранившейся даже после утраты веры. Историческим документом древнейшего «периода убеждений и верований между народами индоевропейского поколения во всей своей первобытной свежести»¹⁷ могут служить для нас индийские Веда.

Язык произошел и развивался одновременно с народной поэзией — отсюда и истоки народной поэзии следует искать в доисторическом прошлом. «Народная поэзия русская, восходя своими началами к эпохе доисторической, и доселе носит на себе явственные признаки своего мифологического происхождения, как и вообще изустная поэзия всякого народа».¹⁸

С утратой языческого верования миф, как бы он ни был интересен по своему поэтическому содержанию, уже перестает быть двигателем народного сознания. Ему на смену приходит богатырский эпос. Так, по мнению Ф. И. Буслаева, наступает переход народной поэзии в ее иное качество.

Ниже мы публикуем речь А. А. Шахматова о значении основополагающих работ Ф. И. Буслаева по истории языка, произнесенную им 21 января 1898 г. на заседании Отдела Коменского.

Речь впервые была опубликована в том же году.¹⁹ Издание это практически сразу стало библиографической редкостью, речь

¹⁶ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия. С. 1.

¹⁷ Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. С. 113.

¹⁸ Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Там же. Т. 2. С. 3.

¹⁹ Шахматов А. А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве...

Шахматова более не переиздавалась, хотя и век спустя она сохраняет свое важное значение для историографии, поскольку анализ А. А. Шахматова ранних трудов Ф. И. Буслаева не утратил своего современного звучания по сей день.

БУСЛАЕВ КАК ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Федор Иванович Буслаев как ученый принадлежит нескольким областям знаний: язык, литература, искусство нашли в нем блестящего исследователя; его работы имели в свое время решающее значение в развитии этих трех отделов русской науки.

Буслаев переходил в своих занятиях постепенно от одной из названных областей знания к другой: сначала язык, потом литература, наконец, искусство поочередно поглощали его силы; в сущности, в различные эпохи жизни Федора Ивановича в нем надо различать трех различных ученых. Остановлюсь на ученом первой эпохи, на исследователе русского языка, создателе исторической науки о русском языке, основателе русской филологии.

Научная деятельность Буслаева начинается в конце тридцатых годов; раньше началось педагогическое поприще будущего ученого, который еще в Пензе гимназистом содержал себя уроками. Первый научный труд Буслаева есть вместе с тем труд педагогический: это вышедшее в 1844 г. сочинение «О преподавании отечественного языка».²⁰

Оставляя в стороне важное педагогическое значение этой книги, остановлюсь на ней как на первой ученой работе автора Исторической грамматики.

В этом труде Буслаев воспользовался трудами своих учителей в славянском и русском мире (Востокова, Павского, Добровского и др.), связал их с данными юной, еще только зарождавшейся в Западной Европе науки — сравнительного языковедения, осветил и оживил их учением Гримма, «начала которого он (гово-

²⁰ О преподавании отечественного языка. М., 1844. Ч. I. V + 335 с.; Ч. 2, III + 375 с.; То же: 2-е изд., сокращ. М., 1867. IV + 472 с.; То же: перепеч. 2-го изд. Л., 1941. 248 с.

Рец.: 1) Современник. 1844. Т. 35. Сент.; 2) Москвитянин. 1844. Ч. V. № 10; 3) Библиотека для чтения. 1844. Т. 65. Ч. 2; 4) Русский инвалид. 1844. № 211; 5) Отечественные записки. 1846. Т. 46. Июнь; 6) ИОРЯС. 1854. Т. 3, вып. 3; 7) Отечественные записки. 1859. Т. 126. Сент.; 8) ИОРЯС. 1859—1860. Т. 8, вып. 2; 9) Сборник СПб. ун-та. 1860. Вып. 2; 10) Воспитание. 1863. Т. 13, кн. 4; 11) Циркуляр по СПб. учеб. округу. 1863. № 5; 12) Московские университетские известия. 1866—1867. № 5; 13) Смирнов А. О «Слове о полку Игореве» // Филологические записки. 1876. Вып. 2.

рю его словами) признавал самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни», соединил таким образом «способы» сравнительной и исторической лингвистики, применив их к исследованию родного языка — и в результате заложил основания для обширной, «необъятной» науки — русской грамматики и стилистики; скажу еще определеннее — основания исторического, следовательно, научного изучения русского языка.

Я назвал учителей Буслаева: они остановились у преддверия науки о русском языке, расчистили к ней путь, частью наметили, частью же сами приготовили материалы для постройки. Востоков вместе с Добровским и Копитаром должен быть назван основателем славяноведения. Своим рассуждением о славянском языке, где отмечены главные звуковые черты языка старославянского в отношении их к звукам других славянских языков, Востоков положил прочные основания для исторической грамматики отдельных славянских наречий. И русский язык уже с этого замечательного рассуждения, напечатанного в 1820 году, получил научное освещение, так как впервые здесь указаны были исконные отличия между ним и языком старославянским. Последующие труды Востокова привели его к знакомству с древними нашими памятниками; многостороннее изучение их и замечательная наблюдательность по отношению к живому русскому языку дали ему возможность уже в 1831 году издать обширную Русскую грамматику. Но исторической грамматики Востоков не оставил: он приготовил лишь материалы, которыми воспользовался Буслаев. Востоков со своими строго научными приемами, со своею обширною ученостью и глубокою начитанностью был более чем кто-либо иной способен стать у преддверия молодой, неопытной, едва зарождающейся науки. Отличным изданием Остромирова Евангелия, образцовым описанием грамматических особенностей старославянского языка, точным исследованием бесчисленного количества рукописей и составлением церковнославянского словаря Востоков готовил путь, по которому пойдут исследователи родной старины и родного языка. И на этом пути, вслед за главными трудами Востокова, мы встречаем ученика Гримма и немецких лингвистов, автора Материалов грамматики и стилистики, помещенных во второй части названной нами книги «О преподавании отечественного языка».

Со времени выхода этих Материалов прошло уже столетия. Но из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливого этого ядра Исторической грамматики Буслаева. Работы Востокова весьма поучительны: сам он удивляет своей пронизательностью, но от него веет холодом. Востоков, говорит И. И. Срезневский, увле-

кался мечтою в поэзии, но не в делах науки.²¹ Про Буслаева можно сказать, что он отдавался науке весь: сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия — все это одинаково является достоянием трудов Буслаева. Такой человек более, чем кто-либо другой, был способен заложить *основания* новой науки, начертав предварительно план всего здания, наметив таким образом путь, по которому должны идти работы будущих ученых поколений. Буслаев заложил новую науку на широком фундаменте: задуманное здание далеко еще не окончено, некоторые части его еще и не тронуты. Тем более удивляешься тому, что еще в 44-м году скромный учитель 3-й Московской гимназии сумел начертать такие широкие задачи, так всесторонне охватить содержание и цели науки о русском языке.

Материалы для русской грамматики и стилистики извлечены Буслаевым из древних памятников русского языка: две три летописи, несколько грамот, издания Калайдовича и Тимковского, издания и труды Востокова, выписки из старинных рукописей в примечаниях к Истории Государства Российского Карамзина — вот откуда собран тот скудный материал, который, благодаря Буслаеву, оживившему его сравнительно-историческими приемами, стал ядром будущих исследований по отечественному языку: Буслаев установил, с одной стороны, родственные связи русского языка с другими индоевропейскими языками, а с другой — историческую связь между древним языком наших памятников, языком современных писателей и живыми народными говорами. В этих материалах мы находим исторические данные о звуках русского языка, о словопроизводстве, о склонении и спряжении, о роде имен существительных, о степенях сравнения; тут же предлагаются синтаксические замечания об имени, глаголе, употреблении предлогов и союзов. В отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с лексическим составом русского языка: его внимание обращает на себя собственно наш литературный язык, но, говорит он, «в языке выражается вся жизнь народа; следовательно, разложить на стихии язык так же трудно, как и характер народа. Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим; отсюда необходимость исторического исследования».²² Поэтому, выводил Буслаев, для понимания языка современного необходимо изучать язык народный, как основную стихию литературного языка, и древний язык, отражающийся в современном в целом ряде архаизмов; кроме того, только знакомство с истори-

²¹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1849.

²² Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1867. С. 306.

ей культуры нашего народа объяснит происхождение элементов, заимствованных нашим языком из других, а также наших варваризмов. Впервые в русской науке так ясно и определенно указывалось на важность и необходимость исторического изучения языка. Между историей языка и историей словесности Буслаев постоянно проводит параллели. В одном месте он говорит, что «об языке должно сказать то же, что о народных исторических песнях: как к древнейшему преданию о Владимире в продолжение столетий присовокуплялись различные исторические факты <...> так и к чистой струе русского языка постоянно примешивался чуждый наплыв; как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей».²³ В другом месте Буслаев говорит, что «народный язык относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной науками и влиянием чужеземным».²⁴ Убеденный из знакомства с Гумбольдтом, что язык — это отражение человеческой мысли, внешнее проявление внутренней духовной жизни человека, Буслаев в своих Материалах старается показать это на истории русского языка. В отдельных главах этих Материалов перед нами действительно раскрывается широкая картина исторического развития русского народа: история языка, в изложении Буслаева, знакомит нас с воинским, религиозным, семейным бытом наших предков, с их мифологией, языческой поэзией и христианской символикой, с понятиями о нравственности и стремлениями к искусству, с народной мудростью, сказавшеюся в пословице, и с главными моментами нашей образованности, нашедшими выражение в красноречии и бытописании. Буслаев, доказав в первой части Материалов органическую связь между древним языком и языком современным, убеждает нас в том, что связь эта имеет значение не только сама по себе, но в особенности и потому, что ею доказывается и освещается органическая связь между современными и прошлыми — жизнью, верованиями, учреждениями. Язык отразил на себе историю народа и таким образом служит ценным материалом при исследовании судеб говорящей на нем народности. Особенно поэтому обращает на себя внимание Буслаева народный язык, так как, по его мнению, именно этот язык «проникнут органическою жизнью»:²⁵ термин народный язык он принимает «в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 329.

или менее образованных».²⁶ Особенно важно, что Буслаев верно понимал всю важность знакомства с областными наречиями. «Изучение народного языка и языка древних памятников, — говорит он, — само собою предполагает уже и изучение областных наречий».²⁷ «До нас дошли памятники литературные из разных мест России: мы пользуемся ими и в теперешнем слоге: значит, вносим в слог провинциализм. Мы изучаем язык народный: где он? В Киеве, Вологде, Новгороде, Москве: следовательно, вместе изучаем и провинциализмы».²⁸ Буслаев замечает, что сочувствие к народному языку «мало-помалу теряется, так что для многих этот, по преимуществу родной язык стал вовсе чуждым».²⁹ При всяком случае он старается доказать важность изучения народных областных говоров, а зародившийся под влиянием этого у читателя интерес спешит удовлетворить, приложив к своим Материалам несколько областных словариков. Я думаю, что шире охватить предмет исследования, яснее и определеннее наметить его задачи — невозможно и теперь, несмотря на значительные успехи науки.

Автор книги «О преподавании отечественного языка» не только ученый и не только педагог: в первой части он говорит о лучших методах преподавания родного языка, во второй о самом русском языке в его истории; в первом томе видим педагога, обвиняющего Востокова и Греча за то, что они «смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося»;³⁰ во втором томе удивляемся ученому, основывающему науку о русском языке на прочном историческом фундаменте. Но в обоих томах этой книги прежде всего мы находим человека. Живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к знанию — вот что создало историческую науку о нашем языке.

Книга Буслаева должна быть поставлена в самую тесную связь с современными ей течениями русской мысли: общество со знало необходимость сделать самопознание основой образования. В изучении своего прошлого и своего настоящего, в привлечении к умственной и общественной жизни стоящего вне его народа — русское общество надеялось найти новые силы, нужные для поддержания и развития новой национальной идеи. «В недавнее время возродившееся стремление к национальности, — говорит Буслаев, — возвысило ценность народного языка».³¹ И это возро-

²⁶ Там же. С. 328.

²⁷ Там же. С. 463.

²⁸ Там же. С. 463—464.

²⁹ Там же. С. 329.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Там же. С. 328.

дившееся стремление находит достойное и талантливое выражение в скромной книге Федора Ивановича.

В 1848 году появилась магистерская диссертация Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык».³² По собственному определению автора — это опыт истории языка по Остромирову Евангелию. На частном, ограниченном случае, на исследовании древнего текста славянского Евангелия, Буслаев применяет усвоенную и развитую им методу исторического изучения языка. Язык свидетельствует о настоящей и прошлой умственной жизни народа: текст Остромирова Евангелия знакомит нас не только с общественными и семейными отношениями, с юридическим бытом и мифологическими верованиями той эпохи жизни славянских народов, когда переведено на старославянский язык Евангелие, но переносит нас и в предшествующие эпохи: между прочим, Буслаеву удалось ясно доказать, что славянские языки еще задолго до Кирилла и Мефодия подверглись влиянию христианских идей. Но исследователь идет дальше: весьма удачно пользуясь сравнением славянского перевода Евангелия с готским, сделанным Ульфилою, Буслаев, при помощи сравнительно-исторических приемов, восстанавливает материальный и юридический быт, культуру и верования славян и готов в доисторические эпохи их жизни и незаметно переходит затем к еще более отдаленной эпохе — эпохе индоевропейского единства. Этот экскурс Буслаева в область сравнительного языковедения, конечно, не мог иметь того значения, которое приобрели все его труды по истории русского языка, но он в особенности важен, как первая у нас и у славян попытка извлечь из лингвистического материала те ценные данные, которые они содержат для характеристики отошедших в прошлое культурно-исторических эпох.

Несмотря на временное отвлечение в другую область, Буслаев продолжает свои занятия по русскому языку. Он собирает материалы для только что основанной им науки, понимая, что для прочности здания нельзя ограничиваться общими положениями, случайными материалами, что это здание надо основать на точном изучении элементов языка. «Чем более вникаешь, — говорит Буслаев, — в малейшие подробности творения, тем разительнее и глубже созерцаешь неистощимость и многообразность творчества: буква есть самая дробная стихия человеческого слова. Философия языка только тогда будет неизбежна, когда глубоко укоренится на изучении буквы. Кто с надлежащей точки зрения смотрит на букву, тот понимает язык во всей со-

³² Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык // Буслаев Ф. И. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848.

знательности его, изобразительности и жизненной полноте».³³ И следуя этому, Федор Иванович обращается к изучению буквы и слова: он собирает обширные материалы для исторической грамматики.

В 1855 году, в юбилейном издании Московского университета, Буслаев помещает палеографическое, грамматическое и лексическое описание нескольких рукописей Синодальной библиотеки, начиная со Сборника 1073 года и кончая Евангелием 1537 года. Из этих рукописей извлечено очень много данных, характеристичных для звуков и форм русского языка в различные периоды его жизни; в особенности любопытны наблюдения Буслаева над синтаксическими явлениями, обнаружившимися в этих памятниках; запись русского писца в Сборнике 1073 года дает ему основание привести ряд доказательств того, что синтаксис этой записи чисто русский. Вместе с тем Буслаев следит и за стилистическими особенностями в языке этих переводных памятников славянской литературы: он указывает на различные редакции в языке перевода Евангелия, а при разборе языка некоторых библейских книг доказывает влияние на них латинской Вульгаты. Обширные словарные извлечения, сделанные из большинства изученных рукописей, свидетельствуют о том, с каким вниманием работал над ними Буслаев.

В 1858 году Буслаев выпустил в свет Опыт исторической грамматики русского языка.³⁴ При этом уже из современных критических отзывов выяснилось, что основатель исторической науки о русском языке, с одной стороны, введя изучение русского языка в круг сравнительного индоевропейского языковедения, с другой — недостаточно определив его ближайшее отношение к языкам славянским, лишил свой труд тех главных исторических основ, на которые он должен был опираться. Изучение славянских языков, ближайшее сопоставление с ними русского языка привели в конце сороковых годов другого знаменитого представителя русской науки Изм. Ив. Срезневского к определению целого ряда исторических эпох в совместной жизни славянских наречий и в обособленной жизни русского языка. Срезневский сразу

³³ Буслаев Ф. И. Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Московской синодальной библиотеки профессором Ф. Буслаевым. С приложением 22 снимков, литографированных И. Шелковниковым // Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских: Изготовлены к столетнему юбилею Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клина, Меншикова и Буслаева. М., 1855. С. 1—58. [Рец.: «ИОРЯС», 1855. Т. 4, вып. 5].

³⁴ Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей. Ч. 1: Этимология. XI + 224 с.; Ч. 2: Синтаксис. X + 428 с. М., 1858.

понял свою задачу специалиста: его Мысли об истории русского языка³⁵ — это страница из сравнительной грамматики славянских языков. Буслаев писал раньше Срезневского, естественно, что он понял свою задачу шире: в своих Материалах по русской грамматике он дал страницу из сравнительного языковедения. И в последующих своих трудах Буслаев не сузил задачи, не сосредоточился на более узком поле славянского языкознания и таким образом в 1858 году уже отстал сравнительно со Срезневским, писавшим в 1849 году. Опыт Исторической грамматики, в 1863 году вышедший под заглавием Исторической грамматики русского языка,³⁶ отражает в значительной степени взгляд Буслаева на то, что грамматика — это прежде всего учебная книга. Сообразуясь с педагогическими требованиями, Буслаеву пришлось сократить всю ту часть, где он мог бы рассматривать русский язык с точки зрения индоевропейской лингвистики: многие такие замечания, в виде обрывочных мыслей, отнесены в конец книги. Вследствие этого, оторвав русский язык от почвы общего языкознания, не перенеся его на почву ближайшего сравнения с другими славянскими языками, Буслаев во многих отделах грамматики оставил целый ряд явлений без исторического освещения. И вместо того, чтобы дать историю русского языка, он оставил нам школьную грамматику, дополненную историческим материалом. Но тем не менее многие части этой Грамматики остаются до сих пор не замененными. Говорю в особенности об историческом Синтаксисе, в котором обилие материала, замечательное понимание духа языка, ясность изложения — в значительной степени искупают все его недостатки.

Особенно ярко обнаружится значение Исторической грамматики Буслаева, если мы взглянем на изданную им в 1861 году Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков. По мысли автора, хрестоматия эта должна была служить между прочим руководством при изучении этих языков; для этого она поставлена в связь с *Опытом исторической грамматики*. Хрестоматия содержит в себе тексты, взятые большей частью прямо из рукописей и напечатанные с удержанием

³⁵ *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. М., 1849.

³⁶ *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1863. Ч. 1. 259 с.; Ч. 2. 374 с.; То же: 3-е изд. М., 1868—1869; То же: 4-е изд. М., 1875; То же: 5-е изд. М., 1881; То же. М., 1959.

Рец.: 1) *Отечественные записки*. 1859. Т. 125. № 8; Т. 126. № 9; 2) *Современник*. 1859. Т. 76, № 8; 3) *Библиотека для чтения*. 1859. Т. 157. Окт.; Т. 158. Дек.; 4) *Русское слово*. 1859. № 5; 5) *Русская беседа*. 1859. Т. 5, кн. 17; Т. 6, кн. 18; 6) *Северная пчела*. 1859. № 206, 207; 7) *Русский мир*. 1859. № 18; 8) *Московский вестник*. 1860. № 9, 12; 9) *День*. 1864. № 3; 10) *День*. 1865, № 25; 11) *Голос*. 1866. № 41; 1868, № 171; 12) *Филологические записки*. 1872. Вып. 4.

всех особенностей древнего правописания; тексты эти относятся к XI—XVII вв. Таким образом, по хрестоматии можно наглядно изучать все те изменения, которым подвергалась в течение веков наша письменность. В приложениях приведены в высшей степени важные по своему научному значению памятники народной литературы XVIII в., а также образцы современной устной народной словесности. В примечаниях к каждому изданному тексту находим указание на все важнейшее в историческом изучении языка и литературы. «Таким образом, — говорит Буслаев, — совокупность всех примечаний, расположенных в хронологическом порядке памятников, составляет как бы историю языка и письменности, в практическом изложении».³⁷ В этих примечаниях Буслаев не был стеснен школьными рубриками и на живых примерах, действительных фактах, извлеченных из первоисточников, показал, что дает древний текст или современная разговорная речь для научной грамматики языка. Буслаев научил вместе с тем будущих исследователей, как следует оживить мертвую букву, как заставить старинную хартию или полуистлевший пергамент давать свидетельские показания о живом произношении минувших веков, о звуковом и грамматическом строе древнего языка. На изданных и разобранных текстах Буслаев показал, что изучение русского языка должно быть основано на исследовании древних и современных образцов языка, что грамматика не предписывает законов словоупотребления, а что она прежде всего регистрирует факты языка и затем дает им сравнительно-историческое освещение. Таким образом, Буслаев дал нам два издания русской исторической грамматики: в одном из них видим школьное, теоретическое изложение особенностей русской речи, в другом практическое и научное переложение того же предмета.

После составления исторической грамматики Федор Иванович почти уже не возвращался к занятиям языком: ряд молодых исследователей продолжали его работы и воспользовались теми методами и данными, которые составили научное наследие основателя исторического изучения русского языка.

Предложенный очерк деятельности Буслаева на почве исследования отечественного языка дает лишь общие указания на научные заслуги знаменитого ученого. Надо надеяться, что значение Буслаева, как основателя исторической науки о русском языке, будет выступать все ярче и определеннее, после того как научное здание, начатое Федором Ивановичем, привлечет к себе большее количество работников: воспоминание о светлой лич-

³⁷ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков // Учебное руководство для военно-учебных заведений. М., 1861. С. II.

ности Буслая не только оживит их работу, но и согреть их тою любовью к знанию и к истине, которая никогда не оставляла нашего великого учителя.

А. Шахматов.

А. А. Шахматов вслед за своим учителем стремился показать единую и цельную картину исторического развития русского языка. Он провел свое исследование через исторические периоды от эпохи общеславянской к эпохе общерусской и от нее к эпохе «диалектической». Величественное здание истории русского языка не было окончательно достроено А. А. Шахматовым, лишь историческая фонетика получила свое печатное завершение и ознаменовала собой новую эпоху в построении звуков русского языка. Его учение «об историческом движении форм слов охватило только древнейшие эпохи и не дошло до систематики глагольных образований; курс синтаксиса сохранился в рукописном виде и дает необычайно стройную и полную классификацию синтаксических схем литературного языка без далеких исторических экскурсов.³⁸ Не все задуманное выполнено, но и то, что сделано А. А. Шахматовым, громадно. «На заложенном давно фундаменте им возведены самые капитальные части здания истории русского языка. Основные контуры вырисовывались. Отчетливо выяснен план постройки. Идущие за ним исследователи не могут пройти мимо этого здания; они будут достраивать его, а если б захотели строить свое, то им нужно было бы прежде разрушить Шахматовское. Это сделать едва ли возможно: и фундамент, и материал слишком надежны». Он научил будущих исследователей тому, что «строить историю русского языка можно только на фундаменте общего языкознания; что в числе источников нашего знакомства с прошлым русского языка самое видное место принадлежит изучению современных нам говоров, второе место занимает изучение памятников, на третьем стоит сравнительное изучение славянских наречий; он научил нас тому, что не следует слепо доверять букве памятников, и тому, как искать за ней живой звук, как различать графические и фонетические явления и, наконец, тому, что не следует смешивать явления живого языка с явлениями искусственными языка книжного, явлениями,

³⁸ *Виноградов В. В.* Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922. С. 26.

Точно так же не осуществил и А. Н. Веселовский свой гигантский проект рассмотрения развития мировой литературы как «эволюции поэтического содержания и его форм». Он тоже не успел выявить закономерности процесса литературного развития на всех его этапах, доведя свое исследование до эпохи Средневековья и наметив дальнейшие этапы развития литературных жанров в своих университетских курсах.

начавшими возникать с первого момента, как русский читатель взял в руки старославянскую (болгарскую) книгу».³⁹ Историю русского языка А. А. Шахматов изучал в связи с общей историей народности и рассматривал ее как основной и важнейший отдел истории культуры.

Много писали о том, что Ф. И. Буслаев еще при жизни уступил дорогу своим ученикам. Наука развивалась, менялись литературные направления, что-то неизбежно устаревало, но не устарел и до сих пор пафос научных исканий Ф. И. Буслаева, не устарело и богатство фактического материала, содержащееся в его трудах, «не устарела и широта обобщающей мысли, доступная ученому, по свойству своей природы ограничившему себя рамками современной ему академической науки. Поучительным для всякого словесника остается высокохудожественная форма, в которую облакал Буслаев свои исследования о произведениях словесного и изобразительного искусства».⁴⁰

Ф. И. Буслаев в течение нескольких десятилетий был высшим авторитетом в области филологической науки. Он заложил новую науку на широком фундаменте, а его ученики строили это здание как единое, хотя шли они в науке разными путями. Среди учеников Ф. И. Буслаева были такие выдающиеся ученые, как А. Н. Веселовский, А. И. Соболевский, В. О. Ключевский, Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов и многие другие. Каждый из них в своей области пошел дальше своего учителя, и научная школа Буслаева ознаменовала небывалый расцвет и снискала мировое признание русской филологической науки конца XIX—начала XX в.

Одним из самых ярких представителей научной школы Ф. И. Буслаева был Александр Николаевич Веселовский. Неосценимые заслуги А. Н. Веселовского в истории науки, масштаб его личности, огромная эрудиция, грандиозность поставленных задач вызывали у его современников и последователей представление об уникальности его дара, что, впрочем, совершенно справедливо, и о полной независимости его суждений, об отрыве от предшествующих завоеваний науки.

Были ли учителя у А. Н. Веселовского в прямом понимании этого слова? Продолжал ли Веселовский идеи своих предшественников, и в частности Ф. И. Буслаева? Рецензии Буслаева на ранние работы Веселовского, полемика Веселовского с мифологической школой, творческий диалог Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского

³⁹ Ушаков Д. Н. А. А. Шахматов — историк русского языка // ИОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 266—267.

⁴⁰ Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958. С. 29.

хорошо и полно рассмотрены А. Л. Топорковым в книге «Теория мифа в русской филологической науке XIX в. (М., 1997. С. 412—455 — обширная библиография).

Публикуемые ниже письма А. Н. Веселовского к Ф. И. Буслаеву (РГБ, ф. 42, кол. 11, ед. хр. 45, л. 1, 2) и Буслаева к Веселовскому (ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 183, л. 14, 14 об., 15) должны показать взаимные научные и человеческие отношения двух великих ученых.

Датируется по содержанию
1873 годом. Петербург.

Многоуважаемый Федор Иванович.

Я давно собирался поблагодарить Вас за лестный (и полезный) для меня отзыв о моей книге. Чем менее я его ожидал, тем приятнее он на меня подействовал. С одной стороны, я не сомневался, что Вы именно отнесетесь отрицательно к некоторым взглядам, выраженным в моей книге,⁴¹ с другой — русская кри-

⁴¹ Речь идет о работе А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Моральфе и Мерлине» (СПб., 1872). Ф. И. Буслаев высоко оценил труд Веселовского: «Разбираемая мною книга, — писал он, — отличается такою убедительною силою и возбуждающею свежестью, что не только основательно убеждает в том, что она на своих страницах дает, но — как это бывает со всяким капитальным явлением в литературе — она, так сказать, наэлектризовывает читателя, воодушевляет его и вызывает к новым соображениям и наблюдениям на том широком поле, которое в ней так плодотворно разработано» (Рец. академика Ф. И. Буслаева на сочинения А. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне...» (СПб., 1872). С. 57). Заключает отзыв Ф. И. Буслаев следующими словами: книга А. Веселовского «принадлежит к капитальным приобретениям нашей ученой литературы. Это, бесспорно, — самый лучший опыт из всех, какие только на русском языке были, — в приложении Бенфеевской теории литературного заимствования к разработке русских источников, рукописных и устных, в их связи с поэтическими преданиями Западной Европы» (Там же. С. 66).

Дав труду А. Н. Веселовского столь высокую оценку, Ф. И. Буслаев тем не менее сделал ряд очень серьезных замечаний и убедительно показал причины, по которым для многих странствующих апокрифов их связь с еретическим учением богомилов едва ли может быть доказана. Буслаев напомнил, что в истории двоеверия следует различать два периода — *древнейший* и *позднейший*, что существовали и более ранние пути распространения апокрифов, чем болгарская ересь X в. Рецензент выразил сомнение, не приписал ли Веселовский богомильству то, что принадлежало вообще представлениям средневекового мира.

Однако не подлежит сомнению тот факт, что для анализируемых в книге Веселовского апокрифов Древней Руси и южнославянской литературы автором действительно были установлены движущиеся силы — болгарская ересь и особенно манихеи, которые распространили их в славянском мире, а затем через посредство Византии перенесли в Западную Европу.

тика так часто заменяет ташкентскими отношениями к личности — объективно спокойные отношения к вопросам науки, что последнее стало нам в диковинку. Да и ни одна русская критика: на днях Де Губернатис,⁴² книгу которого я разобрал в «Вестнике Европы»,⁴³ прислал в редакцию ругательную статью с требованиями, чтобы она непременно напечатана была в русском журнале в подлинном, то есть французском варианте. Статья возвращена ее автору по принадлежности; я ее не видал, но знаю, что в ней мне делались упреки такого рода: будто я воспользовался для своей критики домашними⁴⁴ взглядами автора на мифологию, подслушанными в его семье, в разговорах запросто! Я с Де Губернатисом действительно давно знаком, но не подозревал в нем подобной двойственности, то есть что у него одна мифология дома, другая в печати.

Мою статью о нем я Вам не посылаю, потому что она едва ли покажется Вам интересной. В декабрьской книжке «Русского ревью» будет мой отчет о Причитаниях Барсова;⁴⁵ если захотите,

После критики Ф. И. Буслаева, показавшего, что богомильская теория не может претендовать на всеобщность и что она имеет определенные пределы распространения, А. Н. Веселовский, в целом оставаясь в рамках своей теории, ограничил значение болгарской и греческой ереси для движения *всех* апокрифических и полуапокрифических произведений с Востока на Запад.

⁴² А. де Губернатис (1840—1913) — с 1863 г. профессор санскрита во Флоренции, с 1892 г. — в Риме. Драматург и журналист, издатель журналов «La letteratura Civile» (1859), «Rivista Contemporanea» (1867—1868), «Rivista Europea» (1869) и др. Последователь мифологической школы, эпигон трудов Макса Мюллера, одного из создателей так называемой индоевропейской мифологии. При полной теоретической беспомощности толкования мифов, А. де Губернатис ввел в научный оборот восточнославянские материалы, им же частично собранные, — и в этом А. Н. Веселовский видит главную заслугу его основного труда «Животная мифология».

⁴³ В настоящем письме речь идет о статье А. Н. Веселовского «Сравнительная мифология и ее метод», опубликованной в «Вестнике Европы» (1873. № 10. С. 637—680). Статья написана по поводу книги А. де Губернатиса «Zoological Mythology by Angelo de Gubernatis». London, 1872. 2 vol. В статье «Сравнительная мифология» А. Н. Веселовский помимо разгромной критики толкования мифов, предложенного А. де Губернатисом, ставит вопрос о методе, о многосоставности сказок, об исторической взаимосвязи обряда, обрядовой песни и мифа, т. е. вопросы, не затронутые вовсе А. де Губернатисом.

⁴⁴ Подчеркнуто А. Н. Веселовским.

⁴⁵ Статья А. Н. Веселовского «Русские похоронные причитания» была опубликована на страницах петербургского журнала «Русское ревью», задуманного как информационный журнал для зарубежных читателей, не владевших русским языком (*Veselovskij A. Die russische Todtenklagen // Russische Revue. 1873. Bd. 12. S. 487—524 (Веселовский А. Н. Русские похо-*

я пришлю Вам отгиск. Вы видите, я пустилсЯ в петербургско-немецкую литературу⁴⁶ — потому что писать надо, а печатать негде.

Не навязываясь на постоянную корреспонденцию, я попросил бы Вас ответить на это письмо, собственно по следующему пункту: в одной из ваших статей, помещенных в «Русском вестнике», рассказана в примечании болгарская легенда о Самовиле.⁴⁷ Она меня сильно заинтересовала и я бы не прочь узнать о ней что-нибудь более: если не всю целиком (что может быть неисполнимо), то по крайней мере в более подробном изложении. Обращаясь к Вам с подобной просьбой, я, разумеется,

ронные причитания // *Russische Revue*. 1873. Вып. XII. С. 487—524)). Ранее рецензия на ту же тему была опубликована: *Веселовский А. Н.* Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1 // *Беседа*. 1872. Май. Кн. 5. С. 97—102.

⁴⁶ Журнал «Русское Ревю» печатался то в Петербурге, то в Лейпциге. В Петербурге он какое-то время публиковался под названием «Северное обозрение» («*Nordische Revue*»). В журнале при участии А. Н. Веселовского был открыт раздел «Новые исследования из области русской фольклористики» («*Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volksprosie*»), где Веселовский помимо названной поместил еще три статьи на русско-европейские темы: «Славянские сказания о крестном пути и виноградной лозе», «Немецкие исследования о русских былинах» (о монографии В. Вольнера) и «Итальянские мистерии в записках русского путешественника XV века».

⁴⁷ В «Русском вестнике» в статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (*Русский вестник*. 1872. № 10. С. 645—727) Ф. И. Буслаев приводит ряд международных сближений: «Как греческие гиганты громоздят горы, чтобы штурмовать небо, и ветры строят для греческих богов города и чертоги, так и для скандинавского Олимпа нанялся было строить город некоторый великан и в плату за труд требовал себе солнце, месяц и Фрею, но это условие, грозившее богам гибелью, расстроило все предприятие. Если все эти сближения имеют одну общую основу, то, без сомнения, сюда же еще с большими правами можно отнести тот облачный город, который ни на небе, ни на земле строит сербская Вила, тем более что, по болгарским вариантам, болгарская Самовила сооружает этот город или крепость из необычайных живых материалов, из удалых молодцов, из красных девиц и малых детей» (с. 686).

По-видимому, Буслаев указал источники заинтересовавшей Веселовского легенды о Самовиле. См., например: *Болгарские песни, собранные братьями Миладиновыми*. Загреб, 1861. Самовильское сооружение в песне на с. 3, ее вариант на с. 9.

А. Н. Веселовский до конца жизни не оставлял тему своей диссертации о Соломоне и Китоврасе. Всякий раз, возвращаясь к ней, он приводил все новые и новые литературные данные. В этой связи ему была интересна и болгарская легенда о Самовиле. В 1876 г. он опубликовал статью: «Сивилла-Самовила»: (Опыт по истории развития христианской легенды) // *ЖМНП*. 1876. № 2.

более рассчитываю на ваше благодушие, чем на Ваше время. Во всяком случае, если Вам случится надобность в чем-нибудь подобном, я всегда готов <по>услужить.

Мой поклон Вашей супруге.

Ваш А. Веселовский.

РГБ, ф. 42, кол. 11, ед. хр. 45, л. 1—2.

В письме указан адрес А. Н. Веселовского: Васильевский остров, по 9-й линии, в доме Карманова. А. Н. Веселовскому.

Москва. 29 октября 1888 года.

Простите меня, дорогой Александр Николаевич, возлюбленный и первый из всех моих учеников, что я до сих пор не ответил на Ваше сердечное и душевное приветствие в письме от 25 августа. Я храню его с самыми драгоценными документами моего юбилея.⁴⁸

Надеюсь, Вы милостиво оправдаете эту запоздалую благодарность, когда узнаете, что я сначала обязан был составить до сорока ответов, не терпящих отлагательств, на поздравления от разных ученых и учебных корпораций, начиная от Академии наук и от университетов и до коллективных приветствий нашей меньшей братии — преподавателей гимназий и других средних учебных заведений.

Все это очень утомило меня и постоянно нарушало спокойный досуг, чтобы отвести душу в дружеском письме, какое теперь пишу к Вам, мой милый и дорогой Александр Николаевич.

Только теперь, освободив и очистив свою голову от официальных фраз на разные лады и с разными вариациями, я могу в письме к Вам вполне предаться невыразимому чувству радости от счастья, что такой ученик, как вы, удостоиваете меня великого почета, оценивая мои заслуги в истории так, как выразились о них Вы в своем письме.

С такою же радостью глядел я на Вашу подпись в приветственной телеграмме от 2-го Отделения Академии наук. И в адресе от Петербургского университета мне чуялось прикосновение ласковой, дружеской руки близкого мне человека. Ваше милое письмо уверило меня, что чувство моей признательности к Вам вполне оправдалось.

Однако радость эта не была бы для меня ощущением полного счастья, если бы я ограничил Ваши похвалы, относимые ко мне, только своею личностью и если бы не возвел их в общий принцип нормального отношения между понятиями об учите-

⁴⁸ Речь идет о праздновании 70-летнего юбилея Ф. И. Буслаева. Поздравительное письмо А. Н. Веселовского не обнаружено.

ле и ученике, понимаемыми, разумеется, не в школьном смысле, а в высшем значении преемства идей и их успехов в историческом ходе науки.

Только такой учитель имеет полное право называться счастливым, который между своими учениками имеет такого ученика, как Вы. Столько же счастлив и такой ученик, который, как Вы, сознает свое высокое достоинство, умеет с признательностью относиться к тому, что мог в свое время сделать для него его учитель.

Разумеется, такой общий принцип можно было вывести из явлений не заурядного характера, а, так сказать, дорогой Александр Николаевич, так далеко опередивший меня в науке,⁴⁹ дали мне

⁴⁹ Ф. И. Буслаев и А. Н. Веселовский иногда занимались смежными темами. Примером тому может служить теория Буслаева о слоевом составе русского эпоса, воспринятая Веселовским и доведенная им до совершенства.

По теории Ф. И. Буслаева, мифологический процесс духовной жизни народа, в котором скрыты начала народной поэзии, был общим для всех индоевропейских народов. Однако эти мифологические истоки поэзии получили свое собственное развитие в каждом народе, «вследствие большей или меньшей зрелости духовных сил народа, а также вследствие разных обстоятельств, местных и исторических, которые благоприятствовали свободному развитию дохристианских народных верований или задерживали его» (*Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе*. Т. 2. С. 5).

Народная поэзия любого христианского народа должна была пройти, по теории Буслаева, через три основных периода: мифологический, смешанный и собственно христианский. Учение Ф. И. Буслаева о периодизации народной эпической поэзии оказалось своеобразной проверкой взглядов Гриммов, которая была осуществлена им на огромном фактическом материале. Ф. И. Буслаев на целой серии конкретных примеров (в основном взятых из эпоса), на материалах, часто впервые введенных им в научный оборот, показал, что каждый последующий период (т. е. смешанный или христианский) никогда не бывает изолирован от предыдущего; развиваясь, он продолжает сохранять как сами мифологические представления, так и формы этих представлений, заимствуя их из прошлого. Отсюда вполне объяснимыми становятся и те разнообразные наслоения, которые присутствуют в произведениях народной поэзии. Кроме того, наличие следов разновременных и разнохарактерных наслоений объяснялось Буслаевым и тем, что общее индоевропейское начало получило в каждом народе свое самостоятельное развитие (при большей или меньшей сохранности единой основы).

Распутать замысловатый клубок исторических наслоений, заключенных в произведениях народной поэзии, можно только с помощью сравнительно-исторического метода анализа. Ф. И. Буслаев впервые в русской науке применил этот метод к исследованию фольклора. «Сравнительно-историческое изучение языков индоевропейских убеждает нас с математической точностью, что все народы, на этих языках говорящие, то есть

своим приветствием повод высказаться о себе самом со всею откровенностью.

Вот почему я вполне убедился в искренности похвал, как бы они чрезмерны ни были, и принимаю их с радостною благодарностью.

Ваше недоумение о настоящем сроке моего юбилея объясняется тем, что я не хотел и боялся всякой публичности, и потому всеми силами старался отклониться от какой бы то ни было проекции так называемых юбилейных комитетов, которые, между нами сказать, в последнее время так громко себя скомпрометировали.

племена арийские — индусы и персы, племена фракийские — греки и римляне, племена кельтские, немецкие, литовские и славянские, первоначально имели общие основы народности в языке и мифологии в связи с важнейшими условиями народного быта. Ни один из языков этих народов не был праотцом для других, ни одна из мифологий этих народов не была источником для прочих. Все эти народы содержат многое от первобытной старины в языке и мифологии, вместе с тем представляют и позднейшее подновление того и другого. Это позднейшее подновление в каждом народе совершалось по мере обособления его, то есть по мере развития самостоятельной, отдельной национальности каждого» (Буслаев Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. I. С. 355). Теоретические построения Ф. И. Буслаева нашли свое конкретное воплощение при историческом анализе героического эпоса. Именно здесь, стремясь «выделить разнородные элементы из этой хаотической смеси», Буслаев начинает с рассмотрения наиболее простых, первоначальных основ народного эпоса в богатырских песнях: «Сборники Киреевского и Рыбникова предлагают богатый материал во множестве вариантов одной и той же былины. Надо распутать противоречия вариантов и один вариант дополнить другими, отличая первоначальное от позднейшей примеси» (Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887. С. 215).

Ф. И. Буслаев, таким образом, пришел к мысли о словесном составе русского эпоса. Говоря об истоках тех или иных конкретных былинных образов, он противопоставлял свои взгляды догадкам О. Миллера о мифологическом происхождении тех же образов. Буслаев вовсе не отрицает, что в основе былинного эпоса лежит мифология природы, он только стремится довести до читателя мысль об *осложненной* ее природе. Осложнения первоначальной основы эпических образов объясняются, во-первых, тем, «что она приурочилась к известным географическим урочищам, и, во-вторых, тем, что народная годовщина очень рано была переведена на язык и понятия церковного календаря. Это уже не просто мифология, а *двоевение*» (Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. С. 279).

Мысли, высказанные Буслаевым о словесном составе русского эпоса, об осложнениях, которым подверглась начальная основа эпоса (мифология природы), были поддержаны и развиты А. Н. Веселовским.

Веселовский утверждал, что процесс *осложнения* как мифов, так и произведений народной поэзии неизбежен вследствие их совместного

Впрочем, оказалось, что так вышло гораздо лучше, чем бывает обыкновенно. Мой юбилей от 18 августа тянется и по сию пору.

И вот как Вы приедете к нам в Москву, мы с Вами устроим еще новый эпизод того юбилея, главным и лучшим украшением этого праздника будут редкие, очень изящные и поистине драгоценные лицевые рукописи, которые будут для Вас настоящею находкою.

В ожидании этого события душою радуюсь при мысли дружески пожать Вашу руку и родственно Вас обнять.

Горячо любящий Вас

Федор Буслаев.

Москва.

29 октября 1888 г.

развития. В ходе исторического развития миф или сказка осложняются эпизодами, заимствованными из самых различных кругов представлений, — отсюда и доходят до нас в своем *сводном* виде, составные части которых бывают спаяны случайно, по внешнему поводу. Таким образом, по мнению А. Н. Веселовского, должен быть изменен и метод конкретного исследования, который требует не сопоставления и поисков общего праисточника, а как раз наоборот — выделения того, что было в результате развития привлечено в них случайно. Творческое развитие мыслей Буслаева было возведено А. Н. Веселовским в стройную систему и вылилось в его теорию о «пластической силе» языка и мифа, об «основных» и «второстепенных» типах или формах (*Веселовский А. Н. Сравнительная мифология и ее метод // Веселовский А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 108, 115—118*). Открытие А. Н. Веселовским особой «пластической силы», которая способна творить самостоятельно, независимо от древнего мифологического процесса, очень важно, так как приводит к созданию *нового метода* исследования фольклорных и средневековых явлений. А. Н. Веселовский считал необходимым объяснять жизненное явление «прежде всего из его времени и из той самой среды, в которой оно проявляется, и лишь тогда раздвигать границы сравнения, когда ближайшие условия не дают исследователю удовлетворительного ответа» (*Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Там же. С. 16*).

А. Л. ТОПОРКОВ

**А. Н. АФАНАСЬЕВ В ПОЛЕМИКЕ
С Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ?**

(ЭПИЗОД ИЗ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКИ 1850-х гг.).

В мартовском номере журнала «Отечественные записки» за 1855 г. появилась статья «Несколько слов о мнениях „Современника“ касательно новейших трудов по русской истории» (далее — «О мнениях „Современника“»). Как и многие другие материалы в журналах середины XIX в., текст был опубликован без подписи автора.

Статья до сих пор не привлекала внимания фольклористов.² Свою роль, вероятно, сыграло то, что ее название не вполне точно соответствует ее содержанию: «несколько слов» занимают на самом деле более 20 страниц журнального текста, да и речь в статье идет не только о мнениях «Современника». Автор рассуждает о проблемах научного знания и исторической памяти, принципах издания фольклора и документальных материалов.

Для истории фольклористики особый интерес представляет обсуждение достоинств и недостатков публикации пословиц в собраниях И. М. Снегирева и Ф. И. Буслаева и народных песен в собрании И. П. Сахарова. Автор статьи касается вопросов текстологии и отбора текстов, формирования собраний, отношения к ранее опубликованным сборникам фольклорных материалов

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Биобиблиографический словарь русских фольклористов».

² В библиографии работ по русскому фольклору за 1800—1855 гг. эта статья не указывается (Иванова, 1996).

и перепечаткам из них и т. д. По существу в статье предпринята одна из первых попыток выработать критический подход к фольклорным компендиумам второй четверти XIX в. и сформулировать научные принципы публикации паремиологического фонда русского языка.

Документальных свидетельств о том, кто написал статью «О мнениях „Современника“», нам обнаружить не удалось, хотя не исключено, что они еще будут найдены (например, в документах редакции «Отечественных записок», в неопубликованной переписке или дневниках того времени). Тем не менее на основании ее содержания и ряда косвенных данных статья может быть гипотетически атрибутирована знаменитому фольклористу и мифологу А. Н. Афанасьеву (1826—1871).³

Статья «О мнениях „Современника“» явилась откликом на две рецензии Н. Г. Чернышевского, опубликованные анонимно в «Современнике»: на 2-ю половину 2-й книги «Архива историко-юридический сведений, относящихся до России»⁴ (1854. № 9)⁵ и на книгу П. Медовикова «Историческое значение царствования Алексея Михайловича» (1854. № 10). Автор «Отечественных записок» остроумно и аргументированно критикует полемические приемы Н. Г. Чернышевского и его утилитарный подход к гуманитарной науке.

Чтобы яснее представить себе ситуацию, в которой могла возникнуть полемика между Афанасьевым и Чернышевским, полезно напомнить историю сотрудничества того и другого с «Современником» и «Отечественными записками».

³ Предположение о том, что автором статьи «О мнениях „Современника“» мог быть Афанасьев, ранее уже высказывалось нами в комментариях к переизданиям трудов А. Н. Афаньева и Ф. И. Буслаева (Афанасьев, 1996. С. 603—604; Буслаев, 2006. С. 657).

⁴ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (далее обозначается «Архив»). Отметим, что 2-я книга «Архива» состояла из двух томов, названных «половинами», причем 2-я половина увидела свет в 1854 г., а 1-я — в 1855 г. Соответственно и рецензии на 2-ю половину появились раньше, чем на 1-ю.

⁵ В Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского эта рецензия ошибочно помещена как текст, опубликованный в 4-м номере «Современника» за 1854 г. В примечаниях к перепечатке данной рецензии в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского сообщается: «Рецензия вызвала полемический отклик в журнале „Отечественные записки“ (1855. № 3) — „Несколько слов о мнениях „Современника“ касательно новейших трудов по русской истории“; анонимный автор статьи выступал в защиту Ф. Буслаева, будто бы опороченного Чернышевским, и в защиту метода исторической филологии» (Чернышевский, 1949. С. 847).

А. Н. Афанасьев в «Современнике» и «Отечественных записках» (1847—1860). В 1844—1848 гг. Афанасьев учился на юридическом факультете Московского университета, где слушал лекции К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Т. Г. Грановского, С. П. Шевырева и др. С 1849 г. он служил в Главном архиве Министерства иностранных дел, с 1855 г. занимая должность правителя дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров. По своему образованию Афанасьев был юристом и историком, однако он рано проявил интерес к фольклору, этнографии и мифологии, а позднее стал крупным специалистом по истории русской литературы XVIII в.

В начале 1850-х гг. Афанасьев был чрезвычайно активен на литературном и научном поприщах. С 1847 по 1853 г. он печатался в «Современнике», причем наиболее активно в 1850—1852 гг. Еще в студенческие годы Афанасьев опубликовал в «Современнике» свою первую большую работу «Государственное хозяйство при Петре Великом» (1847. № 6—7). В 1850, 1851 и 1852 гг. Афанасьев готовил для «Современника» обзоры исторической литературы за минувший год. В течение этих трех лет почти в каждом номере «Современника» появлялись его рецензии на новинки исторической литературы. Всего за семь лет в «Современнике» выявлено около 50 публикаций Афанасьева, хотя их могло быть и больше, поскольку рецензии публиковались в основном анонимно.⁶ В 1-м номере «Современника» за 1853 г. была помещена рецензия Афанасьева на «Памятники, изданные временною комиссиею... при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе»; на этом его сотрудничество в «Современнике» оборвалось и больше уже не возобновлялось.

Несколько позднее, чем в «Современнике», он начинает печататься в «Отечественных записках». Первая статья ученого «Об археологическом значении Домостроя» появилась в 7-м номере журнала за 1850 г., а последняя «Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой» — в 3-м номере за 1860 г. Кроме этого, в журнале А. А. Краевского увидели свет статьи «Историческое развитие вопросов о призрении в России» (1850. № 10), «Религиозно-языческое значение избы славянина» (1851. № 6), «Зооморфические божества у славян» (1852. № 1—3), обзоры исторической литературы за 1850 и 1851 гг., яркая полемическая переписка с К. Д. Кавелиным (1851. № 6, 8) и многочисленные рецензии. В 1855 г. в «Отечественных записках» опубликована работа Афанасьева «Русские журналы 1769—1774 годов» (1855. № 3, 4, 6). Всего в «Отечественных записках» выявлено 36 пу-

⁶ Библиография работ А. Н. Афанасьева опубликована: Афанасьев, 1996. С. 513—538. Она составлена на основе списка его трудов, найденного в архиве ученого, а также ряда других источников.

бликаций Афанасьева, хотя, как и в случае с «Современником», их могло быть и больше.

В 1850—1853 гг. Афанасьев параллельно публиковался в «Современнике» и в «Отечественных записках», причем иногда писал для обоих журналов рецензии на одни и те же книги и обзоры сходной тематики. Например, обзоры русской исторической литературы за 1850 г. Афанасьев написал и для «Современника» (1851. № 1), и для «Отечественных записок» (1851. № 1). Аналогичным образом обзор исторической литературы за 1851 г. ученый также подготовил для обоих журналов (1852. № 1). В своих рецензиях и обзорах Афанасьев довольно часто писал о тех изданиях, в которых сам выступал как автор и рецензировал свои собственные статьи. Хотя он избегал оценочных суждений, такая ситуация все же имела несколько двусмысленный характер.

На страницах литературных журналов и научной периодики он выступал по меньшей мере в двух ипостасях, которые сложным образом соотносились друг с другом.

Во-первых, А. Н. Афанасьев как ученик С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина был последователем так называемой историко-юридической школы и отстаивал ее правоту в полемике с М. П. Погодиным и возглавляемым им «Москвитянином». Во-вторых, Афанасьев был ярким представителем мифологической школы и следовал научным методам филологии и сравнительной мифологии, однако впадал в преувеличения, усматривая пережитки древних мифов в фольклоре и поверьях XIX в.

Неудивительно, что деятельность Афанасьева вызывала весьма неоднозначные оценки. Его критиковали с разных сторон, в том числе и люди, которые вполне благожелательно к нему относились. Характерна в этом смысле полемика с К. Д. Кавелиным, университетским преподавателем и другом Афанасьева. В 1850 г. увидела свет первая книга «Архива», в которой были опубликованы три работы ученого: «Дополнения и прибавления к собранию „Русских народных пословиц и притчей“, изданному И. Снегиревым», статья «Дедушка домовой» и «Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в „Северном архиве“». Рецензию на «Архив» в «Современнике» написал сам Афанасьев (1850. № 4), а в «Отечественных записках» — К. Д. Кавелин (1850. № 5). Афанасьев отреферировал тексты других авторов, а дойдя до своих работ, написал: «Сюда же должно отнести собственные наши труды...; но в своем деле никто не судья» (Современник. 1850. № 4. Отд. III. С. 50). К. Д. Кавелин подверг исследования Афанасьева строгому разбору. Позднее он поместил в «Отечественных записках» (1851. № 6) подробный критический разбор работы

Афанасьева «Ведун и ведьма» (1851); Афанасьев столь же обстоятельно ответил ему на страницах того же журнала (1851. № 8).⁷

В других ситуациях Афанасьев также проявлял себя как яркий полемист, темпераментно отстаивая свою точку зрения. Например, он критически рассмотрел исторические взгляды М. П. Погодина (Афанасьев, 1851. С. 30—33, 48—52), иронически оценил книги Д. О. Шеппинга «Мифы славянского язычества» (Современник, 1850. № 2)⁸ и «Поездку в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева (Современник, 1850. № 6). В ситуации, когда ученые публиковались главным образом в литературных журналах, которые конкурировали друг с другом, эти журналы становились удобной площадкой для полемических выступлений. Надо также учитывать, что Афанасьев, проживая в Москве и печатаясь в петербургских журналах, получал возможность публично отвечать своим московским недоброжелателям и влиять на общественное мнение. Афанасьев видел пользу публичных дискуссий; например, в обзоре исторической литературы за 1850 г. он писал: «Прежде всего обращают на себя внимание недавние споры по поводу различных ученых убеждений. В спорах полнее раскрываются убеждения» (Афанасьев, 1851. С. 30).

Отметим, что полемика начала 1850-х гг. еще не имела такого ожесточенного характера, какой она приобрела на рубеже 1850—1860-х гг., в канун крестьянской реформы и во время ее проведения. Достаточно, например, сравнить отзывы Чернышевского 1854 г. о работах Буслаева и его же оценки в статье «Полемические красоты» (1861), чтобы увидеть кардинальное изменение тона дискуссии.

С 1853 г. журналистская активность Афанасьева пошла на убыль. Он перестает писать обзоры новой исторической литературы, почти не пишет статей на мифологические темы и рецензий. Явно меняются его приоритеты. В письме от 14 августа 1851 г. он предлагает А. А. Краевскому издавать в «Отечественных записках» русские сказки, однако позднее отказывается от мысли о печатании сказок в журнале и начинает готовить их книжное издание (Бараг, Новиков, 1984. С. 408). С 1855 г. начинают выходить отдельными выпусками «Народные русские сказки», подготовленные Афанасьевым. В том же году на страницах «Отечественных записок» увидел свет его труд о русских сатирических журналах XVIII в.

⁷ Статья А. Н. Афанасьева «Ведун и ведьма», критические отзывы на нее С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, а также ответ Афанасьева на статью Кавелина воспроизведены в изд.: Афанасьев, 1996. С. 45—114.

⁸ См.: Там же. С. 9—15.

Н. Г. Чернышевский в «Современнике» и «Отечественных записках» (1853—1855). В 1846—1850 гг. Чернышевский учился на историко-филологическом отделении философского факультета Петербургского университета, где слушал лекции И. И. Срезневского и составил под его руководством словарь к Ипатьевской летописи. После окончания университета он преподавал в саратовской гимназии. 13 мая 1853 г. Чернышевский снова приезжает в Петербург. По-видимому, уже во второй половине мая он знакомится с А. А. Краевским и ведет с ним переговоры о работе для «Отечественных записок» (Дитяткин, 1947; Демченко, 1984. С. 19—24). Чернышевский был сотрудником «Отечественных записок» примерно полтора года. Его первые публикации появились в 7-м номере «Отечественных записок» за 1853 г., а последние — в 4-м номере журнала за 1855 г. В сентябрьском номере журнала 1853 г. А. А. Краевский поместил имя Чернышевского среди постоянных сотрудников «Библиографической хроники» (Демченко, 1984. С. 23).

В конце осени 1853 г. Чернышевский познакомился также с И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым.⁹ Первые публикации Чернышевского в «Современнике» относятся к началу 1854 г., хотя есть сведения о том, что он публиковал что-то в этом журнале уже в конце 1853 г. (Там же. С. 31). Немногим более года он параллельно является сотрудником «Отечественных записок» и «Современника» и только в апреле 1855 г. делает свой окончательный выбор в пользу «Современника» (Там же. С. 50).

В обоих журналах Чернышевский сотрудничал анонимно и участвовал в журнальной полемике, что создавало довольно двусмысленную ситуацию, которая не могла долго продолжаться. Историю своего знакомства с И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым, а также перехода из «Отечественных записок» в «Современник» Чернышевский описал в своих воспоминаниях. Он привел, в частности, по памяти слова Н. А. Некрасова, сказанные ему, по-видимому, в начале 1855 г.:¹⁰ «Ваше положение сотрудника в двух враждебных один другому журналах неловко и подает повод к невыгодным для вас предположениям. Вы живете вне литературного круга и не знаете, что говорят о вас. Говорят, что вы пишете в „Современнике“ против „Отечественных записок“, в „Отечественных записках“ против „Современника“. Говорят, вы передаете мне редакционные тайны „Отечественных записок“, а Краевскому редакционные тайны „Современника“» (Чернышевский, 1939/1. С. 720).

⁹ По мнению А. А. Демченко, это, скорее всего, произошло в конце октября (Демченко, 1984. С. 31).

¹⁰ Данный разговор Чернышевского с Некрасовым состоялся, вероятно, в конце января—начале февраля 1855 г. (Там же. С. 50).

В 1854 г. в критическом отделе «Современника» появились рецензии Чернышевского на книги М. Авдеева (№ 2), Е. Тур (№ 5) и пьесу А. Н. Островского «Бедность не порок» (№ 5). «Отечественные записки» сразу отметили изменение общего тона «Современника» и непоследовательность его позиции, ибо взгляды нового сотрудника «Современника» серьезно отличались от взглядов таких его постоянных авторов, как А. В. Дружинин и И. И. Панаев.¹¹

«Отечественные записки» откликнулись на литературный дебют Чернышевского в «Современнике» статьей «Критические отзывы „Современника“ о произведениях г. Островского, г-жи Евгении Тур и г. Авдеева» (ОЗ. 1854. № 6). Автором статьи был известный в то время литературный критик С. С. Дудышкин, который в 1852—1855 гг. был в «Отечественных записках» главным обозревателем современной периодики и художественной литературы (Егоров, 1962. С. 205).¹² Он отмечал резкую смену взглядов «Современника» и противоречие его новых оценок с теми, которые высказывались на страницах журнала в прежние годы.

Чернышевский парировал в «Современнике» известной статьей «Об искренности в критике» (1854. № 7), в которой отстаивал права критика на резкие и принципиальные оценки художественных произведений. С. С. Дудышкин продолжил полемику с Чернышевским в своих статьях «Что такое „искренность в критике“» (ОЗ. 1854. № 8) и «Горькая участь русского фельетона и два мнения „Современника“ о Жюле Жанене, напечатанные в одной и той же книжке. Приложение некоторых правил „Искренности в критике“ к „Современнику“ и к „Бедной девушке“, роману г. Ипполита Панаева» (ОЗ. 1854. № 9).¹³

Определенную анекдотичность этой полемике придает тот факт, что в то самое время, когда С. С. Дудышкин направлял свои филиппики против нового автора «Современника», имя которого ему, скорее всего, не было известно, Н. Г. Чернышевский вел совместно с ним отдел «Журналистика» в «Отечественных записках». В тех же номерах журнала, в которых С. С. Дудышкин полемизировал с «Современником», Чернышевский выступал

¹¹ О литературной полемике между «Современником» и «Отечественными записками» в 1854—1855 гг. см.: Берлингер, 1930. С. 8—19; Евгеньев-Максимов, 1936. С. 32—34; Алдонина, 1977. С. 59—63; Демченко, 1984. С. 19—34, и др.

¹² См. о С. С. Дудышкине: Егоров, 1962; Егоров, 1991:222—250; Войналович, Кармазинская, 1992. Библиография С. С. Дудышкина составлена Б. Ф. Егоровым (Егоров, 1962); см. также дополнения в статье: Алдонина, 1977. С. 59—63. Статья «О мнениях „Современника“» среди текстов, принадлежащих С. С. Дудышкину, не числится.

¹³ Статьи атрибутированы С. С. Дудышкину в его библиографии: Егоров, 1962. С. 225, № 39, 40; 226, № 49.

с рецензиями, которые помещались непосредственно за текстами Дудышкина (Егоров, 1962. С. 208—211).

Работая в «Современнике», Чернышевский отчасти заполнил ту нишу, которая образовалась в журнале с уходом Афанасьева. В частности, он рецензировал продолжающиеся издания, предшествовавшие тома которых там же ранее рецензировал Афанасьев. Например, Афанасьев поместил в «Современнике» рецензию на 1-ю книгу «Архива» (1850. № 4), а Чернышевский позднее — на 2-й и 1-й полутома 2-й книги (1854. № 9; 1855. № 9). Афанасьев отрецензировал для «Современника» первые 14 книг «Временника Имп. Московского общества истории и древностей российских» (1850. № 7; 1851. № 2, 4, 5, 10; 1852. № 4, 10, 12), а Чернышевский написал отзыв на 16—19-ю книги (1854. № 12).

Если Афанасьев в начале 1850-х гг. писал главным образом на темы русской истории, этнографии, мифологии и фольклора, то круг интересов Чернышевского был гораздо шире: Чернышевский квалифицированно рецензировал художественную литературу, издания по языкознанию, эстетике, экономике и т. д. Обращался Чернышевский и к темам, которые были предметом профессионального интереса Афанасьева. В частности, свои взгляды на фольклор и этнографию Чернышевский сформулировал в «Современнике» в рецензиях на сборник Н. Берга «Песни разных народов» (1854. № 11), «Временник Имп. Московского общества истории и древностей российских» (кн. 16—19) (1854. № 12), «Магазин земледения и путешествия» Н. Фролова (1855. № 1).

Таким образом, если в 1850—1852 гг. Афанасьев на страницах «Современника» и как бы от лица ее редакции одобрительно отзывался о трудах Буслаева и своих собственных, излагал свою мифологическую концепцию и полемизировал с «Москвитянином», то с его уходом из журнала и появлением там Чернышевского ситуация резко изменилась. Чернышевский критически оценивал «гриммовское направление», отводил «исторической филологии» «скромную роль вспомогательной науки для истории первых ступеней развития» индоевропейских народов (Чернышевский, 1949. С. 377) и вполне трезво оценивал недостатки работ Буслаева и Афанасьева.

Н. Г. Чернышевский в полемике с «Отечественными записками». В 1854—1855 гг. некоторые научные издания параллельно рецензировались Афанасьевым в «Отечественных записках» и Чернышевским в «Современнике». При этом Афанасьев мог подписывать свои тексты, а Чернышевский выступал анонимно. Если в рецензируемых изданиях встречались статьи Афанасьева, то он отзывался о них в нейтральном тоне и цитировал, а Чернышевский характеризовал довольно иронически.

Для нашей темы наибольший интерес представляют рецензии Афанасьева и Чернышевского на 2-ю половину 2-й книги «Архива», поскольку рецензия Чернышевского, с одной стороны, по-видимому, написана в полемике с рецензией Афанасьева, а с другой — активно цитируется в статье «О мнениях „Современника“».

Начать следует с того, что Афанасьев опубликовал в 2-й половине 2-й книги «Архива» три текста: статью «Мифическая связь понятий света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи» и отдельно дополнения к этой статье, а также «Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в „Отечественных записках“ (изданный П. Свиньиным)». Поэтому он, как и во многих других случаях, писал об издании, в котором сам принимал деятельное участие.

В своей рецензии на «Архив» Афанасьев высоко оценивает и само издание в целом, и отдельные включенные в него тексты. Он отмечает, в частности, что в книге «замечаем тот же прекрасный выбор статей, касающихся наиболее любопытных вопросов науки, ту же ученую добросовестность и те же внешние достоинства издания» (Афанасьев, 1854. С. 31). Касаясь общей направленности издания, он отмечает: «Настоящая книжка „Архива“, согласно с назначением вошедших в нее отделов, главным образом посвящена исследованиям и материалам по предмету этнографии и тесно связанной с нею устной народной словесности» (Там же).

Из материалов «Архива» Афанасьев наиболее подробно остановился на работе Буслаева «Русские пословицы и поговорки : (Дополнения к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи»)», которой он посвятил почти половину своей рецензии (6 страниц из 13). Работа Буслаева включала фундаментальное исследование русских пословиц, а также обширное собрание текстов, извлеченных из письменных источников или записанных изустно. Ф. И. Буслаев обратился, в частности, к тем же рукописным и печатным собраниям, которыми пользовался И. М. Снегирев, и обнаружил, во-первых, что последний включил в свое издание далеко не все пословицы из этих источников, а во-вторых, что он допустил в ряде случаев правку текста или его неумышленное искажение. Особое внимание Афанасьева привлек тот факт, что Буслаев сверил опубликованные тексты пословиц с их рукописными источниками и внес в текст определенные исправления, которые прояснили их смысл.

По поводу своей статьи «Мифическая связь понятий света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи» Афанасьев написал: «Чтобы познакомить читателей с основной мыслью моей статьи, позволяю себе привести следующую выписку...» (Там же. С. 40) — и далее поместил обширную цитату размером более двух страниц. Таким образом, его рецензия имела сугубо по-

зитивную направленность, включала обширную цитацию работ Буслаева и самого Афанасьева, а какие-либо критические замечания в ней вообще отсутствовали.

Рецензия Чернышевского на ту же книгу «Архива» появилась в сентябрьском номере «Современника» за 1854 г. По-видимому, автор уже познакомился к тому времени с рецензией Афанасьева, потому что его оценка «Архива» строится на внутренней полемике с оценками Афанасьева. Надо отметить, что и само издание в целом, и статьи Буслаева и Афанасьева в частности Чернышевский характеризовал вполне благожелательно, хотя и делал при этом существенные замечания. В начале Чернышевский отмечает, что большинство статей «Архива» посвящено доисторической древности: «Большая часть наших молодых ученых, занимающихся русскою историей, посвятили себя разработке времен принятия и до принятия христианства» (Чернышевский, 1949/2. С. 370).¹⁴ При этом «наши молодые ученые» опираются на труды Я. Гримма о германских древностях (Там же. С. 370—371). Между тем открытия Гримма не имеют «почти никакой связи с настоящим», в то время как «наука должна быть служительницей человека. Чем более может она иметь влияния на жизнь, тем она важнее» (Там же. С. 373).

Большую часть своей рецензии на «Архив» Чернышевский посвятил общей оценке «исторической филологии» или «гриммовского направления». Он называет эту науку «исторической филологией», потому что в основании всех ее соображений лежат филологические данные» (Там же. С. 374). По словам Чернышевского, эта наука «успела уже по отрывочным известиям у древних писателей, по отрывкам древних песен и сказок, сохранившимся в нынешних песнях и сказках народа, по соображению первобытного значения корней и переносного значения слов, составить довольно полную и отчасти даже одушевленную картину древнейшего быта немцев, славян и т. д. в ту эпоху, когда они были еще кочевыми пастухами и звероловами, картину их общественных отношений, семейного быта, поверий и понятий; потом она довольно хорошо рассказывает об изменениях, происшедших в народном устройстве и быте вследствие обращения народа к земледельческому, оседлому образу жизни; так историческая филология приводит нас к тому времени, от которого уже остались письменные исторические памятники. Здесь история почти совершенно отказывается от ее помощи, получая возможность пользоваться более точными и богатыми материалами, нежели филологические соображения. <...> Переставая быть нуж-

¹⁴ Статьи Н. Г. Чернышевского здесь и далее цитируются по их перепечаткам в его Полном собрании сочинений.

ною для истории, филология теряет всю свою важность» (Там же. С. 374—375).

Заслуга Гримма, по мнению Чернышевского, состоит в том, что он «разрушил, вовсе не преднамеренно, разные самообольщения, в которые вдавались прежние немецкие историки, изображавшие старых немцев в... идиллическом виде», и доказал, что «о старых немцах надобно повторять то же, что говорится о всех дикарях и полудиках» (Там же. С. 375). Кроме того, Гримм показал, что языческие верования славян и литовцев в существенных чертах совершенно сходились с немецкими» (Там же. С. 376). Заслуги Гримма велики, однако «важность гриммовых исследований слишком преувеличивается, особенно нашими учеными, представляющими первое и еще молодое поколение, знакомое с Гриммом» (Там же). «Как видят читатели, мы не увлекаемся беспредельным восторгом, который внушает многим историческая филология вообще и приложение ее к изучению наших древностей в особенности. Мы не выставляем, как это часто делается, филологию важнейшею из всех наук, не ожидаем от нее преобразования всей системы наук, ограничиваем ее назначение скромной ролью вспомогательной науки для истории первых ступеней развития европейской половины народов индоевропейского корня. <...> Но в этих границах мы признаем всю важность трудов наших ученых; мы проникнуты глубоким уважением к проницательности многих из них и к прекрасной преданности предмету своих занятий, которою одушевлены все они» (Там же. С. 376—377).

От общих размышлений о гриммовском направлении Чернышевский перешел к статье Буслаева «Русские пословицы и поговорки : (Дополнения к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи»)». В целом он оценил труд Ф. И. Буслаева о пословицах как «прекрасный и полезный», однако счел не вполне оправданным критическое отношение ученого к сборнику И. М. Снегирева: «...можно было бы не одобрить только того, что г. Буслаев вступает в мелочную полемику против своего предшественника, подробно исчисляя все неточности, какие мог отыскать в его тексте» (Там же. С. 377). «Не знаем, должно ли наше последующее замечание относиться и к г. Буслаеву, но оно относится к довольно многим из молодых исследователей нашей старины. Гордые своим знакомством с трудами Я. Гримма, гордые аппаратом „высших филологических соображений“, тем, что они стоят наравне с современным положением филологии, они слишком много придают цены тем ученым тонкостям, которыми превосходят предшествовавших им собирателей, не получивших специально-филологического образования, но трудившихся с такою любовью, с таким неутомимым усердием, какое редко можно найти и в специальных ученых; многие ныне

из-за мелочных недостатков забывают о достоинствах изданий г.г. Сахарова и Снегирева, которые оказали гораздо более услуг изучению русской народности, нежели люди, так свысока трактующие о них» (Там же. С. 378—379).

Чернышевский также находит неуместными сопоставления русских пословиц с санскритскими: «...мы не знаем, принесла ли какую-нибудь пользу эта отдаленная родословная, приисканная ученым автором; нам кажется, что она только набросила фальшивый свет на наши пословицы, придав им какой-то мифологический характер, который совершенно им чужд» (Там же. С. 379).

Переходя к статье Афанасьева, Чернышевский снова обращается к общей оценке «исторической филологии»: «Науке, молодой, какова у нас историческая филология, трудно удерживаться от увлечений; но она должна опасаться их еще более, нежели науки, установившие свою репутацию: на нее многие смотрят недоверчиво, уже и потому, что не успели еще привыкнуть к ней; как же много может она повредить себе, если, с одной стороны, будет высказывать неумеренные притязания на превосходство над всеми другими науками, а с другой — не будет остерегаться положений слишком смелых и шатких.

С какою недоверчивостью, например, очень многие смотрят на исследования г. Афанасьева; а между тем среди многих утрированных истолкований в мифологическом смысле и таких поверий, которые не заключают в себе ничего мифологического, у него часто встречаются объяснения, с которыми нельзя не согласиться. Таких сближений много и в статье г. Афанасьева, о которой мы говорим здесь — „Мифологическая связь понятий: света, зрения“ и проч. Но желание открывать во всем следы древней филологии вредит успеху его исследований» (Там же. С. 380).

Далее Чернышевский замечает по поводу статьи А. Н. Попова «Пиры и братчины»: «Не пускаясь в темную глубь веков, где находки бывают драгоценны, может быть, не столько по своей внутренней важности для истинной цели истории — служить истолковательницею настоящего, сколько по своей редкости, г. Попов ограничивается более близкими к нам веками...» (Там же. С. 380). «Быть может, найдутся ценители, для которых объяснения г. Попова покажутся неблестящими в сравнении с смелыми соображениями г. Булаева и других филологов; но разыскания о периоде Московского царства и непосредственно предшествующих ему временам приводят к результатам гораздо более достоверным, плодovitым и даже, по нашему мнению, более важным для нашей истории, нежели разыскания о временах доисторических» (Там же). По мнению Чернышевского, изучение древностей не только шатко и недостоверно, но и неактуально: «...в чем живая органическая связь между дохристианским бытом и нынешними нравами и учреждениями? Она ограничивается, как

мы сказали, лишены теперь серьезного значения суевериями и церемониями) (Там же).

В следующем номере «Современника» появилась рецензия Чернышевского на книгу П. Медовикова «Историческое значение царствования Алексея Михайловича» (1854. № 10). Самой книге П. Медовикова в ней уделено менее половины текста, причем она оценивается крайне двусмысленно. Констатируя, что сочинение «не отличается ни полнотою, ни особенными достоинствами изложения» и «не уясняет ни одного вопроса», Чернышевский видит в этом не недостаток книги, а ее достоинство. Банальность содержания, оказывается, свидетельствует об отсутствии у автора «ученого самолюбия и опрометчивых претензий на то, чтобы... придумать какое-нибудь новое воззрение на предмет» (Там же. С. 405).

Большую часть рецензии Чернышевский посвятил обличению тех заносчивых ученых, которые несправедливы к своим предшественникам и стремятся опорочить их, хотя сами еще мало сделали для науки. К этим ученым Чернышевский отнес, в частности, С. М. Соловьева как автора критического исследования источников «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Чернышевский напомнил читателям «Современника» о своей недавней рецензии на «Архив» и упреках Буслаеву: «Недавно мы указали один подобный случай, говоря о мелочных критических замечаниях на драгоценный труд г. Снегирева» (Там же. С. 405). Мимоходом Чернышевский упомянул о некоем ученом, который «открывает, что светлый значит первоначально „быстрый“, и при всяком удобном случае основывает свои труды на тождестве понятий быстроты и света» (Там же. С. 407), имея в виду статью Афанасьева в «Архиве».

Естественно, что именно у Афанасьева должно было появиться желание ответить на выпады «Современника». В статье «О мнениях „Современника“» отчетливо выявляются два слоя: это, во-первых, полемика с авторами «Современника», обвинения их в поверхностности, дилетантизме и непоследовательности и, во-вторых, обсуждение серьезных проблем сущности и предназначения научного знания, а также более конкретных вопросов издания фольклорных материалов и исторических документов. Первый слой нашел выражение главным образом в своеобразной композиционной рамке статьи: ее начало (первые четыре абзаца) и конец (последний абзац) имеют публицистический характер. Основная же часть статьи посвящена сугубо научным проблемам и выдержана в серьезном тоне.

Новая позиция журнала, требующего от науки насущной связи с настоящим, в начале статьи «О мнениях „Современника“» названа «совершенно неожиданной» и даже сближается с позицией «Москвитянина». Автор статьи оценивает рецензию на

«Архив» как фельетонную болтовню, мастером и апологетом которой на страницах «Современника» выступал Иногородний Подписчик (А. В. Дружинин). Критический пассаж, завершающий статью, построен таким образом, как будто он направлен против всех «фельетонистов и дилетантов», однако для читателя не должно оставаться сомнений в том, что имеются в виду не невежды вообще, а вполне конкретно — авторы рецензий на «Архив» и книгу П. Медовикова в «Современнике», т. е., как мы знаем, Чернышевский.

Ситуация, однако, не является такой однозначной. Чернышевский, конечно, не болтал в фельетонном духе о Я. Гримме, исторической филологии и молодых ученых, а выражал вполне обоснованную точку зрения, которая была не так далека, например, от точки зрения К. Д. Кавелина. Судя по статье «О мнениях „Современника“», критика «Современника» не на шутку задела за живое автора статьи в «Отечественных записках». Об этом говорит, в частности, обширное цитирование двух рецензий, опубликованных в «Современнике», и их подробное развенчание и опровержение.

Несмотря на иронический тон автора, все же можно понять, что он нашел в рецензенте «Современника» достойного оппонента и посчитал нужным считаться с его мнением. В результате статья приобрела привлекательную полифоничность и дает читателю возможность оценить не только позицию ее автора, но и взгляды тех, с кем этот автор полемизирует. Не случайно в тексте «О мнениях „Современника“» органически используются некоторые выражения, заимствованные из рецензий Чернышевского: «историческая филология», «наши молодые ученые», «анатомический разбор». Многие полемические высказывания в статье «О мнениях „Современника“» непосредственно соотносены со словами Чернышевского и не могут быть адекватно истолкованы без учета его рецензий.

Выбор тем, которых касается автор статьи, определяется главным образом двумя рецензиями «Современника», с которыми он полемизирует. Собrania пословиц И. М. Снегирева и Ф. И. Буслаева, собрания фольклорных материалов И. П. Сахарова, историографический труд С. М. Соловьева об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — ко всем этим текстам автор статьи обращается вслед за Чернышевским и в каждом случае дает им собственные оценки, полемизируя с мнениями своего оппонента.

Автор статьи «О мнениях „Современника“» не стал обсуждать достоинства и недостатки гриммовского направления, исторической филологии и изучения древностей. Можно только предполагать, что он не посчитал нужным доказывать вещи, которые представлялись ему самоочевидными и к тому же годились ско-

рее для какого-нибудь учебника, чем для литературного журнала. В своей полемической статье он обратился к темам, которые, по-видимому, входили в круг его профессиональных занятий и представляли актуальный интерес.

Чернышевский не остался в долгу перед автором статьи «О мнениях „Современника“» и дал на нее развернутый ответ в апрельском номере «Современника» за 1855 г. Этот ответ включен в рецензию на книгу И. Андреевского «О правах иностранцев в России до вступления Иоанна II Васильевича на престол великого княжества Московского»: «...читатели „Современника“, вероятно, уже забыли о статейках, помещенных в нашем журнале несколько месяцев назад по поводу „Исторического обозрения царствования Алексея Михайловича“ г. Медовикова и „Архива историко-юридических сведений“ г. Калачова. Мы предполагаем, что читатели забыли об этих небольших статейках, потому что они заключали в себе только немногие замечания, не представлявшие ничего особенного. Но „Отечественным запискам“ вздумалось обратить на них внимание, чрезвычайно лестное для нас, и поместить в книжке за прошедший месяц „Несколько слов (занимающих более двадцати страниц) о мнениях „Современника“ касательно новейших трудов по русской истории“. Всякому очень приятно бывает удостоиться чести подробного разбора, удостоверить, что собратья по литературе замечают его мнения и считают их заслуживающими большого внимания. Потому благодарим лично за себя нашего противника, который употребил столько трудов, чтобы привлечь внимание читателей к нашим мнениям. Но он несколько ошибается в смысле статей, которыми так занят...» (Там же. С. 675).

Чернышевский считает бессмысленным критиковать «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и сборник Снегирева, потому что они не отвечают критериям научности: «Каждый ученый, вступая в длинную полемику, должен выбрать себе противников, достойных серьезной научной критики. <...> Если бы г. Буслаев строго выставлял на вид малейшие ошибки, встречаемые в сборниках песен или пословиц, пользующихся славою истинно ученых изданий, он делал бы нечто нужное для науки. Но распространяться о каждой ошибочной букве в издании, которое, по общему признанию, не имеет ученого достоинства, — это труд совершенно излишний» (Там же. С. 677). Таким образом, Чернышевский не расходится по существу с автором «Отечественных записок» в оценке сборника Снегирева и общего состояния исторической науки середины XIX в., однако выводит из этого совершенно иные следствия. По его мнению, молодые ученые должны изучать историю и публиковать фольклорные материалы лучше, чем их предшественники, а не тратить время в бесполезной полемике с недостойными этого оппонентами.

Чернышевский высказывает и еще один упрек, который Афанасьев, несомненно, должен был принять на свой счет: «Число людей, которые занимаются у нас серьезною разработкой науки, так еще невелико, что почти все они принадлежат к одному кружку, все члены которого тесно связаны между собою понятиями и самою жизнью; потому и при оценке трудов каждого из этих ученых почти постоянно слышатся только голоса людей, совершенно разделяющих понятия автора о всем, даже о значении каждого нового труда его. <...> мы думаем, что истинно замечательные ученые труды нуждаются в беспристрастной оценке, а не в безотчетных панегириках, и слышать вечно одни и те же похвалы, лишенные научного значения, утомительно для таких людей, которые истинно дорожат своею ученою известностью» (Там же. С. 674).

В майском номере «Отечественных записок» за 1855 г. С. С. Дудышкин ответил Чернышевскому в заметке «Мнения „Современника“ о русских историках вообще, о русской истории как науке и об историках русской литературы».¹⁵ Дудышкин уличал автора «Современника» в противоречиях и непоследовательности. Каких-то научных задач он в отличие от автора статьи «О мнениях „Современника“» перед собой не ставил.

О предполагаемом авторе статьи. В том же номере «Отечественных записок», в котором помещена статья «О мнениях „Современника“», имеются два текста, принадлежащих Афанасьеву: первая часть его сочинения «Русские журналы 1769—1774 годов» и рецензия на «Юридический сборник» Д. Мейера. Первая из этих публикаций подписана именем Афанасьева, а вторая напечатана анонимно. Таким образом, Афанасьев безусловно имел возможность поместить свою статью в данном номере «Отечественных записок», причем мог подписать ее своим именем, но мог этого и не делать.

Статья «О мнениях „Современника“» естественным образом вписывается в полемику, которая велась между «Отечественными записками» и «Современником» в 1854—1855 гг. В то же время эта статья занимает обособленное место в серии полемических статей «Отечественных записок» и принципиально отличается от тех язвительных и иронических текстов, которые писал Дудышкин. Как литературный критик, Дудышкин касался главным образом художественных произведений и их противоречивой оценки «Современником», в то время как автор статьи «О мнениях „Современника“» сосредоточен на изданиях по фольклору и исторических исследованиях и вообще не касается

¹⁵ Авторство С. С. Дудышкина установил Б. Ф. Егоров (Егоров, 1962. С. 226, № 49).

беллетристики. Немаловажно и то, что статьи Дудышкина печатались в отделе IV «Библиографическая хроника», который он вел, а статья «О мнениях „Современника“» помещена в разделе III «Критика».

Как уже отмечалось, рецензия на «Архив» появилась в «Современнике» несколько позднее, чем рецензия в «Отечественных записках» на то же издание, и явно написана в полемике с текстом Афанасьева. В своей рецензии Чернышевский критически отозвался о Я. Гримме, который был величайшим авторитетом для Афанасьева, и о последователях Я. Гримма, к которым тот себя причислял. Чернышевский также пренебрежительно отозвался о «наших молодых ученых» и их претензиях создать новую науку и несколько неожиданно встал на защиту публикаторов прежнего времени. Рецензия Афанасьева вышла за его подписью, и Чернышевский, несомненно, хорошо представлял себе, с кем он полемизирует. В этом смысле, конечно, не случайно, что и в рецензии на «Архив», и в рецензии на книгу П. Медовикова имеются критические отзывы о работах А. Н. Афанасьева, которые должны были лично его задеть. Можно предположить, что Чернышевский осознанно дразнил и провоцировал Афанасьева. В этом отношении совершенно естественно представить, что Афанасьев ответил на вызов статьей «О мнениях „Современника“».

Конечно, возникает вопрос, знал ли Афанасьев или другой автор статьи о том, с кем именно он вступает в полемику. Надо сказать, что Чернышевский не афишировал в «Отечественных записках», что он является сотрудником «Современника» и тем более из номера в номер ведет на страницах этого журнала полемику с «Отечественными записками». Во всяком случае, Дудышкин, который систематически обрушивался на страницах «Отечественных записок» на автора рецензий «Современника», вряд ли знал, что это тот самый человек, с которым они совместно ведут отдел «Журналистика» (Егоров, 1962. С. 205). Тем более трудно предположить, что об авторстве Чернышевского мог знать Афанасьев, который присылал свои тексты из Москвы. Характерно, что автор статьи «О мнениях „Современника“» пишет о рецензентах «Современника» во множественном числе.

О том, что автором статьи «О мнениях „Современника“» является Афанасьев, свидетельствуют также многочисленные параллели к текстам, безусловно написанным им.

Предыстория статьи «О мнениях „Современника“» восходит к 1848 г., когда увидела свет книга «Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым» (Снегирев, 1848).¹⁶ Через два года в 1-й книге «Архива» А. Н. Афанасьев поместил

¹⁶ См. современное переиздание: Снегирев, 1999.

«Дополнения и прибавления» к этому собранию, включающие статью и подборку пословиц (около 500 текстов), которые были записаны им самим (Афанасьев, 1850).¹⁷ В предисловии к своей публикации Афанасьев высоко оценил собрание Снегирева, однако дал понять, что оно не свободно от недочетов: «Он <Снегирев> сделал попытку составить возможно полное „Собрание русских народных пословиц“ и выполнил свою задачу, если не без недостатков, более или менее присущих всякому труду, то (надо заметить) не без значительных достоинств. Книга его составляет лучший сборник пословиц, сравнительно с прежними их изданиями, которые и менее полны и более извращали простонародную форму материалов <...> обновлениями и добавками» (Афанасьев, 1986. С. 27).¹⁸ Таким образом, издание Снегирева и русские пословицы в целом привлекали внимание Афанасьева в течение ряда лет, предшествовавших появлению статьи «О мнениях „Современника“».

В обзоре исторической литературы за 1850 г. Афанасьев иронически отзывается об Иногороднем Подписчике (А. В. Дружинине) и культивируемом им принципе «легкости»: «Неприятно это увлечение *легкостью*. Иногородный Подписчик „Современника“ с важностью толкует о значении парадоксов; этому дилетанту еще простительно увлекаться *легкими* фразами г. Сенковского, осуждающего прекрасный труд г. Шульгина, простительно не понимать значения русских песен и „Слова о полку Игореве“, потому что он еще дилетант, прикрывающий недостаток сведений шуточками и любовью к легкости. Но неужели „Москвитянин“ захочет соперничать с Иногородным Подписчиком?» (Афанасьев, 1851. С. 65).¹⁹

Этот фрагмент имеет параллель в статье «О мнениях „Современника“», хотя прямое указание на А. В. Дружинина в ней отсутствует: «Разбор „Архива“ г. Калачова написан по тому же методу, весьма обыкновенному в некоторых журналах, по которому можно разбирать любую книгу, хотя бы рецензент и не имел ни малейшего понятия не только о ее содержании, но и о предмете, о котором она трактует. Эти журналы, за недочетом специальных знаний, необходимых при разборе специальных книг, чтобы поправить дело и не остаться в долгу у публики, стали

¹⁷ Далее статья Афанасьева цитируется по ее переизданию: Афанасьев, 1986. С. 27—33.

¹⁸ Эти же требования полноты и текстологической точности выдвигает и автор статьи «О мнениях „Современника“» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 24—30) с тем только отличием, что в статье 1850 г. они сформулированы в общем виде, а в статье 1855 г. — подробно развернуты, обоснованы и проиллюстрированы примерами.

¹⁹ Здесь и далее в цитатах сохраняется курсив источника.

доказывать, что специальные разборы книг бесполезны, скучны; что „литературному журналу“ нужна только *легкость*, легкость в самом обширном приложении. *С легкостью* мы беззастенчиво можем болтать не только об архиве историко-юридических сведений, но даже о значении трудов Гримма, о бесполезности так называемой исторической филологии, о недобросовестности молодых русских ученых и т. д.» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 22); «Другое дело авторитеты, возникшие случайно, среди фельетонистов и дилетантов, за совершенным отсутствием специалистов, которые могли бы вовремя оценить их по достоинству: такие авторитеты не любят критики и разборов; всякое дельное замечание принимается ими как личное оскорбление...» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 41).

В обзоре исторической литературы за 1850 г. Афанасьев также критически оценивает исторические труды М. П. Погодина и говорит о его самодовольстве и нескромности: «Сам г. Погодин увлекается своими учеными деяниями и является несколько пристрастным, так сказать, глашатаем собственной своей славы» (Афанасьев, 1851. С. 31). В статье «О мнениях „Современника“» также говорится о неких ученых с дутым авторитетом, причем в этом портрете легко узнать М. П. Погодина, хотя его имя и не названо (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 39—40, 41—42).

В том же обзоре Афанасьев пишет об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и пользе изучения историографии в свойственной ему афористической манере: «Занимающемуся историею полезно обращаться к тем трудам, которые давно уже сданы в архив: в прошлом находит он много поучительного» (Афанасьев, 1851. С. 44). Сходным образом автор статьи «О мнениях „Современника“» говорит о важности критического переосмысления труда Н. М. Карамзина и о работе С. М. Соловьева, решающей эту задачу. В такой же афористической манере Афанасьев констатирует: «Кто хорошо знаком с разработкой русской истории и истории русской литературы, тому весьма будет ясно отношение настоящих ученых трудов к предшествовавшим» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 39); «Кто же будет думать о предшественниках Карамзина, что они не сделали ничего важного, что труды их не имеют никакого значения? В настоящее время общее стремление узнать, что делали предшественники, не могло не остановиться и на трудах Карамзина...» (Там же. С. 41).

О значении историографии для постижения истории Афанасьев писал также в предисловии к указателям, составленным для «Архива»: «Объяснить, как смотрели люди прошедшего времени на значение Истории и ее разработку, так же важно, как раскрыть убеждения прошедшей эпохи и ее логические приемы» (Афанасьев, 1855. С. XXXVIII). Аналогичным образом в статье «О мнениях „Современника“» говорится о критическом обзоре

карамзинской «Истории», написанной С. М. Соловьевым: «...этот обзор познакомит будущее поколение с историческим взглядом, историческим пониманием не только Карамзина и его предшественников, но и с пониманием нашего времени» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 41).

В обзоре исторической литературы за 1851 г., опубликованном в «Современнике», Афанасьев выдвигает требование полноты привлекаемых для исследования материалов и пишет о различиях между собиранием материалов и их ученой обработкой. Так же рассуждает и автор статьи «О мнениях „Современника“».

Афанасьев А. Н. Обзор русской исторической литературы в 1851 г. (1852)

«Только при тщательном знакомстве с печатными сборниками поверий, обрядов, загадок, песен и проч. возможна та полнота, которая составляет непременное условие всякого исторического исследования. Не говоря о том, что собрать материал и обработать его — два вопроса, совершенно различные, скажем, что собирать материал и нелегко. <...> Знать двадцать, тридцать поверий, столько же песен и поговорок — хотя из уст самого народа, еще не великая заслуга!» (Афанасьев, 1852. С. 47).

«Несколько слов о мнениях „Современника“ касательно новейших трудов по русской истории» (1855)

Само собою разумеется, что каждый издатель потому и назвал свое издание полным, что старался собрать все, что только мог собрать в данное время. Следовательно, сборник пословиц — не какое-либо ученое изыскание, ученый труд, а просто-напросто материал, который тем драгоценнее, чем вернее и добросовестнее издан. Издать сборник пословиц — то же, что издать простой алфавитный книгопродавческий каталог. Как велик труд собрать несколько рукописных сборников, несколько печатных сборников, списать оттуда пословицы, сделать их алфавитный свод, попросить знакомых о доставлении пословиц, записывать пословицы самому при каждом удобном случае — как велик, достоин и драгоценен этот механический труд?» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 22).

Обширный фрагмент статьи «О мнениях „Современника“», посвященный работе Ф. И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 29), перекликается с рецензией Афанасьева на 2-й полутом 2-й книги «Архива». В частности, в статье «О мнениях „Современника“», как и в рецензии Афанасьева, приводятся примеры того, как Буслаев восста-

навливает на основе рукописей текст пословиц, опубликованных с искажениями Снегиревым, возвращая им ясность и осмысленность, причем и Афанасьев, и автор статьи «О мнениях „Современника“» приводят одни и те же цитаты из статьи Ф. И. Буслаева (Афанасьев, 1854. С. 36; ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 29). Об исправлениях Буслаева в статье говорится несколько более развернуто, чем в рецензии, и при этом приводится больше примеров, однако оценка работы, проделанной Ф. И. Буслаевым, в обоих случаях совпадает.

В статье Афанасьева «Происхождение мифа» (1860), написанной по поводу выхода в свет книги Д. М. Щепкина «Об источниках и формах русского баснословия» (1859), автор задавал риторические вопросы: «...всегда ли так бесхитростно относится собиратель к памятникам народного слова, как того требует наука? Разве нам неизвестно, например, что г-н Сахаров, которому Щепкин так усердно рассыпает не совсем умеренные похвалы..., исправил в своем издании текст народных песен? Разве проф. Буслаев не осязательно показал нам те искажения, какие допущены в издании пословиц г-на Снегирева?» (Афанасьев, 1996. С. 288). Этот фрагмент полностью соответствует содержанию статьи «О мнениях „Современника“», в которой речь идет и об издании пословиц И. М. Снегирева, и его критике Ф. И. Буслаевым, и об издании песен И. П. Сахарова.

Особенно близка к статье «О мнениях „Современника“» статья Афанасьева «Сказание о том, как издаются у нас исторические памятники» (1861). Большая ее часть занята перечислением тех ошибок, которые допускаются в изданиях документальных и эпистолярных материалов эпохи Алексея Михайловича и Петра I, а также казусов, допускаящихся учеными в результате неправильного чтения и понимания исторических источников. По своему характеру этот перечень напоминает ту «анекдотическую историю ученых изысканий и издательских промахов», которая дается в статье «О мнениях „Современника“» на с. 31—32, хотя конкретные примеры в этих статьях приводятся разные.

В «Сказании о том, как издаются у нас исторические памятники» Афанасьев писал, в частности, о том, «что мы недалеко ушли от издателей прошлого века, и... голиковские промахи очень обыкновенны и в наше время» (Афанасьев, 1861. Стб. 479). Таким же образом автор статьи «О мнениях „Современника“» критически отзывался об издателях прошлых лет: «Прежние издатели материалов имели, а иные до сих пор имеют свой особенный взгляд на дело издания или, вернее, не имеют никакого взгляда и руководствуются разными случайными соображениями, изобличающими вообще малое знакомство со смыслом и значением памятников» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 30).

И автор «Сказания», и автор статьи «О мнениях „Современника“» настаивают на том, что они не занимаются мелочными придирками к незначительным опечаткам, а выдвигают принципиальные требования к публикации исторических документов, без соблюдения которых невозможно развитие науки.

Афанасьев А. Н. «Сказание о том, как издаются у нас исторические памятники» (1861)

«Скажут, пожалуй, что все это мелочи, на которые не стоило обращать внимания; мы же, напротив, убеждены, что все эти мелочи очень важны. Небрежное издание исторических памятников порождает множество неразрешимых загадок, на каждом шагу затрудняет исследователя разными бессмыслицами и невольно наталкивает его на праздные вопросы и нелепые предположения» (Афанасьев, 1861. Стб. 486).

«Несколько слов о мнениях „Современника“ касательно новейших трудов по русской истории» (1855)

«...рецензент „Современника“ поступил еще опрометчивее, упрекнув г. Буслаева в мелочных будто бы придирках к сборнику г. Снегирева...» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 28).

«Восстанавливая истину в десятке мелких фактов, наука движется, приобретает новые силы, идет вперед, как бы ни был незначителен шаг ее в этом случае; но, преклоняясь перед грудой ложных, неверных данных, она останавливается, зарастает пустоцветом» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 30).

В стилистическом отношении статья «О мнениях „Современника“» также имеет параллели в других текстах Афанасьева. Например, в обзоре исторической литературы за 1850 г. иронически употреблен эпитет «оригинальный»: «В рецензии „Москвитянина“ на сочинение г. Павлова было помещено несколько чрезвычайно оригинальных мыслей...» (Афанасьев, 1851. С. 53). Сходным образом автор статьи «О мнениях „Современника“» пишет: «Что́ такое настоящее, что́ такое жизнь и что́ такое наука, как прилагаемое к настоящему и жизни, „Современник“ не высказывает ясно; но суждения его о некоторых науках и о некоторых ученых трудах смелы и оригинальны...» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 21). «Что-то будет думать г. Медовиков о такой оригинальной оценке своего труда?» (Там же. С. 36).

Характерны для раннего Афанасьева такие черты стиля статьи «О мнениях „Современника“», как афористичность, доказательность (стремление проиллюстрировать свои тезисы большим количеством примеров), ироничность, юмор и даже некоторая анекдотичность приводимых примеров, полемическая интонация, приемы оживления текста (риторические вопросы и восклицания), любовь к отступлениям общего характера.

Вместо заключения. Авторство большинства статей и рецензий Афанасьева, опубликованных без подписи, устанавливается на основании списка его трудов, составленного им самим и опубликованного после его кончины в «Русском архиве» (1871. № 11. Стб. 1952—1954). Статья «О мнениях „Современника“» в этом списке не указана, однако это не может служить доказательством того, что она не принадлежит Афанасьеву, так как данный список не является исчерпывающим; например, в нем не указаны его статья «Болезни по славянским преданиям» (1868) и ряд рецензий. Если статья, как мы предполагаем, была написана Афанасьевым, то ее отсутствие в этом списке нуждается в каком-то объяснении. Можно предположить, что Афанасьев не захотел включать ее в список, поскольку ко времени его составления (по-видимому, это 1870 или 1871 г.) полемика с «Современником» могла восприниматься совершенно по-другому, чем в 1855 г. Как известно, 7 июля 1862 г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а журнал «Современник» был закрыт в 1866 г. В связи с этим старинная журнальная полемика могла приобрести нежелательную политическую окраску.

Хотя вероятность того, что статья написана Афанасьевым, очень велика, мы не станем настаивать на его авторстве, до тех пор пока не будут найдены документальные подтверждения этого. Если впоследствии все-таки выяснится, что статья написана кем-то другим, мы все равно считаем целесообразным привлечь внимание к этому забытому тексту и вернуть его в научный оборот, так как он представляет собой яркий образец журнальной полемики 1850-х гг., одну из первых попыток вынести на публичное обсуждение проблемы публикации фольклора и исторических источников, а также сохраняет определенную актуальность в связи с характерными для наших дней массовыми переизданиями фольклорных компендиумов XIX в. и их некритическим восприятием.

В пользу авторства А. Н. Афанасьева говорит общий контекст его журналистской деятельности середины 1850-х гг., а также сходство некоторых положений этой статьи с другими текстами, достоверно принадлежащими Афанасьеву: обзоры исторической литературы за 1850 и 1851 гг. (1851 и 1852), рецензия на 2-й полутом 2-й книги «Архива» (1854), статьи «Происхождение мифа» (1860) и «Сказание о том, как издаются у нас исторические памятники» (1861). Круг интересов автора статьи и его точка зрения на проблемы публикации фольклора и исторических источников полностью совпадают с позицией Афанасьева. Если статья действительно принадлежит ему, то ее значение еще и в том, что она позволяет судить о его взглядах на текстологию фольклора в период, когда он работал над составлением и редактированием своего знаменитого сборника «Народные русские сказки».

Автор статьи сочетает интересы к отечественной истории и к русскому фольклору, высоко оценивает филологические подходы и научные труды Я. Гримма. В то же время он критически настроен по отношению к донаучным компендиумам материалов по русскому фольклору и народной жизни и выдвигает требования полноты, точности и буквальности воспроизведения текстов, отдает приоритет устной традиции фиксации фольклора перед рукописной. В подходе к российской истории и славянскому фольклору он разделяет точки зрения «молодых ученых», прежде всего Ф. И. Буслаева и С. М. Соловьева, и, вероятно, сам относит себя к когорте этих «молодых ученых». Этот портрет вполне соответствует портрету молодого Афанасьева. Кругозор автора статьи и его место в литературной и научной полемике середины 1850-х гг. полностью соответствуют позиции Афанасьева.

Автор статьи «О мнениях „Современника“» полемизирует, с одной стороны, с «Современником», а с другой — с «Москвитянином». Хотя его оппоненты не названы в статье по именам, читатель «Отечественных записок» мог догадаться, что речь идет об Иногороднем Подписчике (А. В. Дружинин) и новом анонимном сотруднике «Современника». Правда, о том, что этот сотрудник впоследствии обретет громкое имя и сыграет сколь выдающуюся, столь и неоднозначную роль в русской литературе и общественном движении, ни сам Афанасьев, ни кто бы то ни было другой в начале 1855 г., конечно, не мог догадываться.

Отметим, что в 1855 г. Чернышевскому было всего 27 лет, а Афанасьеву 29. Афанасьев к этому времени уже был известным молодым ученым и журналистом, а Чернышевский только делал первые шаги в журналистике. Тем не менее в своей полемике с «Отечественными записками» он проявил высокую эрудицию и высказал соображения, с которыми можно спорить, но невозможно не считаться. Полемика между мифологической школой и другими научными направлениями и в наше время сохраняет свою актуальность. Статья «О мнениях „Современника“» занимает в ней место наряду с полемикой между А. Н. Афанасьевым и К. Д. Кавелиным, а также между Ф. И. Буслаевым и А. Н. Пыпиным.

Статья «О мнениях „Современника“» отражает тот процесс самоосознания фольклористики, который привел к переходу от любительских изданий И. П. Сахарова и А. В. Терещенко к таким собраниям, как «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева и «Пословицы русского народа» В. И. Даля, составляющим золотой фонд отечественной фольклористики.

Для историка науки статья «О мнениях „Современника“» интересна и тем, что в ней имеются оценочные суждения о та-

ких крупных ученых и писателях, как Ф. И. Буслаев, В. И. Даль, И. М. Снегирев, С. М. Соловьев, Н. Г. Чернышевский. Она позволяет прояснить принципиальные взгляды на фольклор и фольклористику представителей мифологической школы и круга «Отечественных записок».

Как ни горько признать, в начале XXI в. вполне своевременно звучат слова о том, что благодаря публикаторам-дилетантам наука «приняла в себя столько ошибок, ложных положений, что и в настоящее время, чем бы идти вперед, разрабатывать новые источники, она по необходимости должна задерживать свой ход очищением старых ошибок, наделанных трудолюбивыми, но не приготовленными и поспешными издателями» (ОЗ. 1855. № 3. Отд. III. С. 30—31).

Перечислим еще раз аргументы, позволяющие предполагать, что автором статьи «О мнениях „Современника“» был Афанасьев.

1) Афанасьев печатался в «Отечественных записках» в то время, когда была опубликована эта статья. В том же мартовском номере журнала имеются два других текста, безусловно принадлежащие ему. Таким образом, у него была возможность написать и опубликовать эту статью.

2) Одним из стимулов для написания статьи явилась рецензия Чернышевского на 2-ю половину 2-й книги «Архива», в которой имелись полемические выпады по адресу Афанасьева и содержалась критика научной школы, к которой он примыкал. Таким образом, рецензия Чернышевского должна была лично задеть Афанасьева и, вполне вероятно, побудила его достойно ответить анонимному критику.

3) Содержание статьи соответствует кругу интересов Афанасьева, выражает взгляды, полностью созвучные его взглядам, и имеет многочисленные параллели в рецензиях, обзорах и статьях, им написанных. Если представить себе, что статью написал кто-то другой, то этот человек являлся бы подлинным двойником Афанасьева.

Совокупность этих наблюдений приводит к мысли, что Афанасьев имел возможность и мотив написать статью «О мнениях „Современника“», а параллели с другими его текстами свидетельствуют, что он последовал этому мотиву и воспользовался возможностью публично защитить себя и своих коллег от неведомого зоила. Подтвердить или опровергнуть гипотезу об авторстве Афанасьева могли бы новые архивные или библиотечные разыскания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алдонина, 1977 — *Алдонина Н. Б.* Известные рецензии С. С. Дудышкина в «Отечественных записках» 50-х годов // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. Пермь, 1977. С. 54—64.

Афанасьев, 1850 — *Афанасьев А. Н.* Дополнения и прибавления к собранию «Русских народных пословиц и притчей», изданному И. Снегиревым // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. М., 1850. Кн. 1. Отд. IV. С. 49—68.

Афанасьев, 1851 — [*Афанасьев А. Н.*] Русская литература в 1850 году. Статья первая: (Литература по русской истории) // Отечественные записки. 1851. Т. 74. № 1. Отд. V. С. 30—66.

Афанасьев, 1852 — [*Афанасьев А. Н.*] Русская историческая литература в 1851 году // Современник. 1852. Т. 31. № 2. Отд. III. С. 15—26.

Афанасьев, 1854 — [*Афанасьев А. Н.* Рец.:] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. М., 1854. Кн. 2, 2-я пол. // Отечественные записки. 1854. Т. 95. № 7. Отд. III. С. 31—44.

Афанасьев, 1855 — *Афанасьев А. Н.* [Предисловие к «Указателям материалов и статей, напечатанных в разных журналах по русской истории, географии, статистике и русскому праву»] // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. М., 1854. Кн. 2, 1-я пол. С. XXXVIII—XL (1-й паг.). Статья А. Н. Афанасьева включена в состав «Предисловия» Н. В. Калачова (Там же. С. I—XLII (1-й паг.)).

Афанасьев, 1861 — [*Афанасьев А. Н.*] Сказание о том, как издаются у нас исторические памятники // Библиографические записки. 1861. Т. 3. № 16. Стб. 479—487. Оpubл. под псевдонимом: *И. М.-к.*

Афанасьев, 1986 — *Афанасьев А. Н.* Народ-художник : Миф. Фольклор. Литература. М., 1986.

Афанасьев, 1996 — *Афанасьев А.* Происхождение мифа : Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / Сост., подгот. текста, статья, коммент. А. Л. Топоркова. М., 1996.

Базанов, 1958 — *Базанов В.* Проблема эстетического отношения фольклора к действительности у Н. Г. Чернышевского // Русская литература. 1958. № 1. С. 117—131.

Бараг, Новиков, 1984 — *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1984. Т. 1. С. 377—426.

Берлинер, 1930 — *Берлинер Г. Н. Г.* Чернышевский и его литературные враги. М.; Л., 1930.

Буслаев, 1854 — *Буслаев Ф. И.* Русские пословицы и поговорки : (Дополнения к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». М., 1848) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2, 2-я пол. Отд. IV. С. 1—176.

Буслаев, 1861 — *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861.

Буслаев, 2006 — *Буслаев Ф.* Догадки и мечтания о первобытном человечестве / Сост., подгот. текста, статья, коммент. А. Л. Топоркова. М., 2006.

Виноградов, 1940 — *Виноградов Г.* Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского // Советская этнография. 1940. № 3. С. 33—55.

Войналович, Кармазинская, 1992 — *Войналович Е. В., Кармазинская М. А.* Дудышкин С. С. // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 193—195.

Гусев, 1954 — *Гусев В. Е.* Чернышевский о народной поэзии // Изв. АН СССР. 1954. Т. 13. Вып. 4. С. 359—369.

Гусев, 1956 — *Гусев В. Е.* Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х гг. XIX в. : (По материалам «Современника» и «Отечественных записок») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 235—261.

Демченко, 1984 — *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский : Научная биография. Саратов, 1984. Ч. 2.

Дитяткин, 1947 — *Дитяткин В. Т.* Первые выступления Н. Г. Чернышевского в печати // Докл. и сообщ. Филол. факультета МГУ. 1947. М., 1947. Вып. 3. С. 56—58.

Евгеньев-Максимов, 1936 — *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936.

Егоров, 1962 — *Егоров Б. Ф. С. С.* Дудышкин — критик // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1962. Тарту, 1962. Вып. 119. С. 195—231.

Егоров, 1991 — *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991.

Иванова, 1996 — Русский фольклор : Библиогр. указатель: 1800—1855 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб., 1996.

Колесницкая, 1951 — *Колесницкая И. М.* Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860-х годов // Докл. и сообщ. Филол. ин-та ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 70—88.

Колесницкая, 1963 — *Колесницкая И. М. И. И.* Срезневский как фольклорист (1840—1850-е годы) // Русский фольклор. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 296—328.

Левин, 1956 — *Левин М. Г.* Этнографическая и антропологическая тематика в работах Н. Г. Чернышевского // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 262—274.

ОЗ — Отечественные записки.

Снегирев, 1858 — Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848.

Снегирев, 1999 — *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / Изд. подгот. Е. А. Костюхин. М., 1999.

Чернышевский, 1949 — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1939—1949. Т. 1—2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько слов о мнениях «Современника» касательно новейших трудов по русской истории¹

С некоторого времени «Современник» начал довольно часто рассуждать о полезности и бесполезности известных отделов науки, известных ученых трудов, примеривая те и другие к какой-то *связи* с настоящим, к какой-то применимости к настоящему, приложимости к *жизни*... Что такое настоящее, что такое жизнь и что такое наука, как прилагаемое к настоящему и жизни, «Современник» не высказывает ясно; но суждения его о некоторых науках и о некоторых ученых трудах смелы и оригинальны... Это бы еще ничего: в пользу и приложимости наук до сих пор еще не все согласны, и не один «Современник» смотрит на этот предмет только с насущной точки зрения, с точки зрения самых первых, ближайших потребностей... Важно то, что в ученых суждениях этого журнала являются иногда приговоры, недостойные науки, недостойные журнала, как важнейшего посредника между наукою и публикою, как одного из самых живых органов науки и просвещения. Таково по крайней мере истинное значение журнала...

По поводу «Архива историко-юридических сведений» г. Калачова и «Исторического обозрения царствования Алексея Михайловича» г. Медовикова, рецензент «Современника» прошлого года (№ IX и X) высказывал совершенно неожиданное *воззрение* на современную нашу ученую деятельность. Если хотите — воззрение это не ново: оно давно уже и с большею энергиею высказывалось «Москвитянином», но оно ново и совершенно неожиданно в «Современнике», который некогда, в цветущее свое время, сам ратовал (и как ратовал!) по этому поводу с «Москвитянином»... Как все изменчиво на белом свете!.. Кто мог предвидеть, что «Современник» дойдет до того, что делается последователем «Москвитянина»? Воззрение, о котором мы говорим, в «Москвитянине» было у места, оно там было дома, поэтому никто ему и не удивлялся. Все очень хорошо понимали, в чем дело... Но, высказанное в «Современнике», оно удивило многих... Неужели и здесь те же побуждения и те же причины?..

Разбор «Архива» г. Калачова написан по тому же методу, весьма обыкновенному в некоторых журналах, по которому

¹ Впервые: Отечественные записки. 1855. Т. 99. № 3. Отд. III «Критика». С. 21—42. При перепечатке статьи пунктуация и орфография приближены к современным нормам. Курсив во всех случаях воспроизведен в соответствии с оригинальным текстом статьи. Авторские ссылки приводятся со звездочкой в том виде, в котором они давались в оригинале.

можно разбирать любую книгу, хотя бы рецензент и не имел ни малейшего понятия не только о ее содержании, но и о предмете, о котором она трактует. Эти журналы, за недочетом специальных знаний, необходимых при разборе специальных книг, чтобы поправить дело и не остаться в долгу у публики, стали доказывать, что специальные разборы книг бесполезны, скучны; что «литературному журналу» нужна только *легкость*, легкость в самом обширном приложении. С *легкостью* мы беззастенчиво можем болтать не только об архиве историко-юридических сведений, но даже о значении трудов Гримма, о бесполезности так называемой исторической филологии, о недобросовестности молодых русских ученых и т. д.

Задача не в том, чтобы выяснить читателям существенное значение разбираемой книги — это *тяжело*, серьезно, мрачно; для этого необходимо знать предмет и по крайней мере прочесть книгу; а кто же из порядочных фельетонистов станет читать такие, например, тяжелые, серьезные статьи, как статья г. Буслаева в «Архиве»? Да притом это и бесполезно. Статья филологическая — а филология в лице Гримма и всех его учеников и последователей доказывает только то, что уж давно было всем известно... Таким образом, поболтаем лучше о бесполезности филологических знаний — это будет легко и занимательно и не обременит порядочной головы ни одною здоровою мыслью, ни одним *тяжелым*, серьезным знанием, от которых иногда придется, пожалуй, потерять себе лоб и расстроить гладкую прическу своих мыслей и понятий...

Известное дело, труды наших молодых исследователей о древнейшем нашем быте основываются преимущественно на изысканиях Гримма. А что такое Гримм? Какое значение имеют его труды? Боже мой, да вы ничего не понимаете!.. Во-первых, *для филологических исследователей, во главе которых стоит Гримм, старина важна потому, что она старина... Что такое в сущности узнали мы от Гримма? То, что немцы жили в глубокой древности почти совершенно так же, как и все кочующие народы, имели все отличительные черты их характера, все их семейные и общественные обычаи...*² Да что ж это за новость? Стоило ли доказывать, что *дикари — дикари?*³ Гримм подтвердил только фактами *общие соображения*, задолго до него всем известное — вот его существенная заслуга. Притом и «открытия,

² Курсивом выделены цитаты из рецензии Н. Г. Чернышевского на 2-ю половину 2-й книги «Архива историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемого Н. В. Калачовым» (М., 1854) (Современник. 1854. № 4). См. переиздание рецензии Н. Г. Чернышевского: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 375.

³ Там же. С. 376.

сделанные Гриммом, не имеют почти никакой связи с настоящим... Они только объясняют некоторые обычаи, потерявшие серьезное значение в народной жизни, нисшедшие на степень простой забавы или простой привычки, например, зажигание огней и скакание через них, игры детей и молодых людей, свадебные обряды, имеющие просто значение церемоний, и т. д. Все это перестало иметь смысл и важность в действительной жизни и кажется драгоценным для науки только как остаток древности. А наука должна быть служительницей человека. Чем более может она иметь влияния на жизнь, тем она важнее. Неприложимая к жизни наука достойна занимать собой только схоластику». ⁴ Вот хоть в отношении к нашей истории: *в чем живая органическая связь между дохристианским бытом и нынешними нравами и учреждениями? Она ограничивается лишенными теперь серьезного значения суевериями и церемониями...* ⁵ *Ясно теперь, какое научное значение должны иметь труды русских ученых, занимающихся исторической филологией* (Соврем. 1854. № IX). ⁶

Поговоря таким образом о Гримме и о «матерях важных», мы, для того чтобы представить отчет о самой книге, можем выписать ее оглавление: этого совершенно достаточно для читателей.

Разбирая по этому поводу «Архив» г. Калачова, «Современник» высказывает следующее.

«Важнейший по объему труд в этой книге — „Русские пословицы и поговорки“ г. Буслаева. Имея под руками довольно большое количество сборников пословиц, почтенный ученый вздумал воспользоваться ими для дополнения книги г. Снегирева „Русские народные пословицы и притчи“ и напечатал теперь в „Архиве“ собрание пословиц, занимающее около девяноста страниц сжатой печати в два столбца. Труд прекрасный и полезный; можно было бы не одобрить только того, что г. Буслаев вступает в мелочную полемику против своего предшественника, подробно исчисляя все неточности, какие мог отыскать в его тексте. Что собрание столь обширное, как сборник г. Снегирева, по необходимости должно заключать в себе *несколько* ошибок, само собой разумеется; и неужели мы должны с некоторым самодовольством выставлять на вид, что нам удалось исправить *пять* или *шесть* из них, прибавляя: „вот как я исправляю текст: посмотрите, как мой текст хорош, и как дурен текст моего предшественника! Мой предшественник не умел пользоваться материалами“ и т. д. — все это читатель найдет на

⁴ Там же. С. 373—374.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Там же. С. 376.

64 и следующих страницах статьи г. Буслаева.⁷ Не знаем, должно ли наше последующее замечание относиться и к г. Буслаеву, но оно относится к довольно многим из молодых исследователей нашей старины. Гордые своим знакомством с Гриммом, гордые аппаратом „высших филологических соображений“, тем, что они стоят наравне с современным положением филологии, они слишком много придают цены тем ученым тонкостям, которыми превосходят предшествовавших им собирателей, не получивших специально филологического образования, но трудившихся с такой любовью, с таким неутомимым усердием, какое редко можно найти и в специальных ученых; многие ныне из-за мелочных недостатков забывают о достоинствах изданий г.г. Сахарова и Снегирева, которые оказали гораздо более услуг изучению русской народности, нежели люди, так свысока трактующие о них. Мы рады успехам, которые делает наука, и не сомневаемся, что эти успехи очень велики; но с тем вместе мы думаем, что ученый, действительно далеко ушедший вперед, не должен слишком выставлять вперед мелочных улучшений, которые удалось ему сделать в предшествующих трудах: знающий дело читатель (а для такой публики, если не ошибаемся, издается «Архив») не нуждается в полемических указаниях, чтобы заметить улучшения. Будем снисходительны к мелочным, извинительным в людях, не претендующих на знание Вед и Ульфины, ошибкам; только тогда мы можем требовать, чтобы наши, может быть, более крупные ошибки были нам извинены» (с. 10—11).⁸

Вы называете труд г. Буслаева прекрасным и полезным и тут же обвиняете его в мелочной полемике против г. Снегирева, приписываете автору некоторое самодовольство, с которым он будто бы выставляет на вид мелочные улучшения в тексте пословиц г. Снегирева, прибавляя: «вот как я исправляю текст», и т. д. Одним словом, говорите, что молодые исследователи из-за мелочных недостатков забывают о достоинстве изданий г.г. Сахарова и Снегирева... Тут что-нибудь не так: если вы совсем не читали статьи г. Буслаева и вовсе не знакомы ни с изданиями г.г. Сахарова и Снегирева, ни с трудами молодых исследователей и в особенности с трудами г. Буслаева; или намеренно унижаете новый труд перед старым. В первом случае не годится делать решительный приговор там, где ничего не знаешь; во втором — более нежели не годится, извратив намеренно простое и ясное дело, вводить в заблуждение неопытных читателей.

⁷ Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки : (Дополнения к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». М., 1848) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2. 2-я пол. Отд. IV. С. 64—69.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 377—378.

Дело вот в чем. В числе памятников русского народного быта существуют, между прочим, и пословицы. Любители очень давно обратили на них внимание и стали записывать, собирать. Несколько таких сборников *рукописных* составлены еще в XVII столетии. Великий Петр также заботился о собирании русских пословиц и предполагал их издать. Но *первый* печатный сборник пословиц, сколько известно, появился в 1770 году, под заглавием: *Собрание 4291 древних российских пословиц* (М. в 12).⁹ С тех пор сборники пословиц весьма различного объема и достоинства появлялись в разных изданиях и перепечатывались. Так, Д. Княжевич в 1822 г. перепечатал в своем *полном* издании¹⁰ пословиц упомянутое «Собрание», а г. Снегирев в 1848 г. в своем *полном* издании взял за *основание* текст Княжевича. Само собою разумеется, что каждый издатель потому и назвал свое издание *полным*, что старался собрать все, что только мог собрать в данное время. Следовательно, сборник пословиц — не какое-либо ученое изыскание, ученый труд, а просто-напросто *материал*, который тем драгоценнее, чем вернее и добросовестнее издан. Издать сборник пословиц — то же, что издать простой алфавитный книгопродавческий каталог. Как велик труд собрать несколько рукописных сборников, несколько печатных сборников, списать оттуда пословицы, сделать их алфавитный свод, попросить знакомых о доставлении пословиц, записывать пословицы самому при каждом удобном случае — как велик, *достойн* и *драгоценен* этот механический труд? И нужно ли на это посвящать *три десятилетия*, как свидетельствует г. Снегирев? (Предисл. стр. IV).¹¹ Другое дело, если издатель собирал пословицы не из *готовых* сборников, а прямо из уст народа, как то делал, например, г. Даль; тогда, не говоря уже о других достоинствах, один только труд *собирания* становится несравненно выше простого *стисывания* да *выписывания*. Мы знаем, например, что г. Даль, если не собственно для этой цели, то всегда имея в виду эту цель, побывал не в одном краю обширного нашего отечества, проехал вдоль и поперек русскую землю, внимательно изучая русскую народность, внимательно прислушиваясь к народной речи во всех ее проявлениях. Это совсем иное дело! Можно быть уверену, что собрание пословиц г. Даля — единственное по своим достоинствам.

⁹ Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.

¹⁰ [Княжевич Д. М.] Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку с присовокуплением таблицы содержания оных, для удобнейшего их приискания. СПб., 1822.

¹¹ Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848. С. IV. См. также современное издание: *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / Изд. подгот. Е. А. Костюхин. М., 1999. С. 16.

В чем же заключается *достоинство* и *драгоценность* издания г. Снегирева? В том, что он собрал и издал все, что встретилось ему *печатного* и *записанного* в разное время и разными лицами, так точно, как издал свой сборник Княжевич, как издавали другие. Но в таком случае достоинство сборника г. Снегирева ограничивается только полнотою его. Что ж за особенная заслуга сделать то, что необходимо было сделать, чего нельзя было не сделать? Г. Снегирев никак не мог издать *не полнее* своих предшественников, ибо он издавал пословицы, которые накаплиются с каждым днем, которые, по его же свидетельству, *живучи, плодущи и неисчерпаемы*.¹² Доказательством служит его же сборник, который на другой день по выходе в свет оказался уже неполным. Да притом и число лиц, участвовавших в собрании пословиц г. Снегирева, как видно из предисловия к его книге, ни в каком случае не могло допустить прежней неполноты. Впрочем, кроме полноты, в издании подобных материалов важно то, *как* они изданы, потому что поспешное, на скорую руку изготовленное издание, с ошибками, описками, неправильным чтением старинного текста и т. п., всегда уменьшает цену самих памятников. Г. Снегирев сам выставляет достоинства своего сборника в этом отношении. Он говорит:

«Хотя бы в моем издании не восполнены были *все недостатки* и *не исправлены все ошибки предшественников* (заметьте), хотя бы и сам я не избежал погрешностей; но, *без всякого притязания*, могу сказать, что *тексты у меня исправнее и отчетливее прежних изданий*, полнее несколькими тысячами, потому что в СПб. издании Р. П. 1828 (т. е. 1822 г. в издании Княжевича) на первую букву 28 пословиц и поговорок, у меня одних пословиц 128» (Предисл. VIII).¹³

Внимайте, г. рецензент «Современника»! Припомните слова, сказанные вами г. Буслаеву: «*Неужели мы должны с некоторым самодовольством выставлять на вид*» и проч., да сверх того узнайте, что так называемое вами самодовольство г. Буслаева основывается на прямых, фактических выводах, а самодовольство г. Снегирева погрешает в свою пользу. Автор свидетельствует, что у него на первую букву *одних* пословиц 128, для того, разумеется, чтобы выставить свою полноту против 28, чтобы усилить выражение: «текст мой полнее несколькими тысячами». Между тем налицо оказывается не 128, а 106, и не *одних* только пословиц, но и поговорок вместе, и даже разных апофегм и библейских изречений. Вообще в издании г. Снегирева счет пословиц весьма неверен; собиратель пересчитывает иногда даже и *строчки*, отчего и выходят неправильные итоги; например, кроме при-

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 18.

веденного недосмотра, на букву Б, у издателя 519 пословиц, а в действительности их только 480. Так сочтены и некоторые другие буквы. Сборник г. Снегирева полнее сборника Д. Княжевича 4000 пословиц или около того: прибавление значительное, но оно легко могло быть увеличено еще двумя-тремя тысячами из тех же самых источников, из которых дополнял собиратель. Сборник Княжевича, издание весьма добросовестное и умное, включает в себе 5365 пословиц.

В другом месте г. Снегирев говорит:

«Чем более я вникал в *этот*,¹⁴ столь разносторонний и столь многосложный предмет, обнимающий внешнюю и внутреннюю жизнь народа, тем более убеждался в необходимости *возможно полного собрания и отчетливого издания* текста русских пословиц и притчей; потому что напечатанные г.г. Кургановым, Новиковым, Богдановичем и Д. К. (Княжевичем) *неполны, неверны, смешаны с поговорками и стихами, нередко переиначены так, что изглажен*¹⁵ *первобытный их пошиб*».¹⁶

Каково г. Снегирев отзывается о своих предшественниках! Что вы скажете, г.г. рецензенты «Современника»? Что выражает такое определение деятельности предшественников? «Непризнательность, неуважение к предшественникам или преувеличение важности собственных открытий?» Все это и по такому же поводу вы приписали молодым нашим ученым... (Соврем. № X).¹⁷ Но, что бы ни выражал этот приговор г. Снегирева о трудах его предшественников, он все-таки высказан голословно, бездоказательно, как обыкновенно высказывают свои приговоры г.г. Снегирев и Сахаров. Этим их приговоры и отличаются от приговоров ученых, которые каждый свой вывод всегда подтверждают фактами, очевидными доказательствами. Так, например, и сам «Современник» в 1849 г. доказал с большою основательностью, хотя и с односторонним взглядом на значение пословиц, что сборник г. Снегирева, *как и предыдущие собрания народных русских пословиц, неполон, неверен, смешан с поговорками и стихами, нередко искаженными так, что не доберешься до смысла. Одним словом неказист и не блестящ, хотя и не излишен*. На все это «Современник» 1849 года представил осязательные доказательства (см. т. XV. Отд. III. С. 36).¹⁸

¹⁴ В слове «этот» сохранено характерное для И. М. Снегирева написание через *e*, а не через *э*.

¹⁵ Испр. в соответствии с текстом И. М. Снегирева, в тексте «Отечественных записок» — «изложен».

¹⁶ *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. С. 15.

¹⁷ См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 405—408.

¹⁸ Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым. М., 1848. [Рец.] // Современник. 1849. Т. 15. № 5. Отд. III. С. 36. Рецензия

Из предыдущего можно отчасти видеть отношение книги г. Снегирева к трудам, ей предшествовавшим. Теперь нужно знать, какое отношение к сборнику г. Снегирева имеет новый труд г. Буслаева. Это отношение рассказывает сам автор, молодой ученый, высказавший несравненно большее уважение к труду г. Снегирева, нежели неловкий защитник его, не представивший ни одного доказательства не только в пользу своего отзыва о трудах г. Буслаева, но даже и в пользу своего знакомства с книгою г. Снегирева. Отношение своего труда к книге г. Снегирева г. Буслаев объяснил на первой же странице своего исследования:

«Предлагаемое читателю сочинение обязано своим происхождением внимательному изучению книги г. Снегирева „Русские народные пословицы и притчи“. Чтобы дать себе ясный отчет о собранных в этом издании материалах, *мы должны были обратиться к источникам*, откуда были они взяты, а также к современному употреблению пословиц в устах народа. Таким образом, составилось у нас значительное собрание поговорок и пословиц, из которых иные же предлагали весьма любопытные варианты и поправки напечатанному г. Снегиревым. *Так как правильность и точность текста при издании пословиц самое существенное дело; то мы надеялись и читателям, и издателю „Русских народных пословиц и притчей“ оказать некоторую услугу исправлением того, что, по крайнему разумению, нашли неточным и неправильным в этом издании.* Такая — как всякий видит — утомительная критика не могла обнять всего собрания г. Снегирева, потому что мы не могли иметь под рукой всех источников, которыми пользовался этот почтенный ученый, более двадцати лет известный в нашей литературе собиранием и объяснением пословиц. По крайней мере, *предлагаем читателям столько исправлений и дополнений к книге г. Снегирева, сколько могли мы сделать, руководимые надеждою, что и малое оценится по достоинству* в настоящее время, когда со всех концов России сносятся богатства родного слова в Русское Географическое общество, когда Второе Отделение Академии наук издает превосходный „Словарь областных речений“ и когда такой глубокий знаток народной речи, как Даль, предпринимает в обширных размерах труд над русскими пословицами. Собрание народных изречений есть дело столь трудное, что его не выполнить никогда одному человеку: чем больше рук работает над ним, тем успешнее будет оно продвигаться вперед.

опубликована анонимно; ее автор пока не установлен. Интересно, что перед этой рецензией в том же номере «Современника» помещена рецензия А. Н. Афанасьева на «Историю русской церкви» Филарета (Там же. С. 1—26).

Потому мы вполне уверены, что в наших исправлениях издания г. Снегирева рассудительный читатель увидит только желание общей пользы и внимательное изучение, какого заслуживает эта книга. Мы уверены также, что из немногo нами собранного вновь не все окажется годным, и кое-что в свою очередь подвергнется исправлениям».¹⁹

Мы вполне уверены, что этой страницы да и всей статьи г. Буслаева рецензент «Современника» не читал; в противном случае, он не сказал бы, что *«имея под руками довольно большое количество сборников пословиц, г. Буслаев воспользовался ими для дополнения книги г. Снегирева»*.²⁰ Мы видели, что г. Буслаев, изучая книгу г. Снегирева, проверял ее с ее же источниками и с устным употреблением пословиц в народе: дополнение вышло как результат такого изучения. Не поняв, в чем дело, рецензент «Современника» извратил значение труда г. Буслаева и отношение его к труду г. Снегирева. Важным следствием такого неправильного объяснения сущности дела было то, что рецензент «Современника» поступил еще опрометчивее, упрекнув г. Буслаева в мелочных будто бы придириках к сборнику г. Снегирева и подняв затем бездоказательное обвинение не только на г. Буслаева, но и на всех молодых ученых в каком-то неуважении к предшествовавшим им трудам. Не нужно иметь большой учености, чтобы понять, что вся сущность труда г. Буслаева, о чем он и сам свидетельствует, заключается именно в этих *мелочных* замечаниях и исправлениях, которые есть конечный результат внимательного, добросовестного изучения книги г. Снегирева, не унижающий ее, а придающий ей новое достоинство, какого она не имела — достоинство верно, тщательно изданных материалов, так что после исследований и дополнений г. Буслаева сборник г. Снегирева становится несравненно важнее для науки, нежели как он был прежде, ибо только критически очищенный, верно изданный материал может служить прочной основой для ее разысканий и исследований.

Чтобы дать себе ясный отчет о материалах, напечатанных в сборнике г. Снегирева, г. Буслаев обратился к тем же источникам, которыми пользовался и г. Снегирев. При внимательном изучении этих источников и рядом с ними книги г. Снегирева тотчас же открылось, что г. Снегирев, хотя и пользовался, например, Архивским рукописным сборником пословиц XVII столетия,²¹ *но далеко не исчерпал всего собрания*, так что г. Буслаев в своем дополнении напечатал *более семисот* пословиц из этого сборника,

¹⁹ Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки. С. 1—2.

²⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 377.

²¹ Имеется в виду сборник «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», опубликованный П. Симони в 1899 г.

не вошедших в издание г. Снегирева, кроме исправлений; причем на одну первую букву оказалось таких 55 пословиц. Та же участь пала и на другие сборники, как рукописные, так и печатные, и невнимание г. Снегирева к полноте собрания простерлось до того, что дало г. Буслаеву возможность внести в свое дополнение несколько пословиц, не только из письмовника Курганова (не говоря уже о сборнике Княжевича), но даже — что еще страннее — из сочинения того же г. Снегирева, изданного только гораздо раньше, именно из книги «Русские в своих пословицах».²² Г. Снегирев в издании *полного* текста пословиц не всем воспользовался из этого собрания, которое имело совершенно другую цель и было по необходимости неполно. Кроме того, многие пословицы выписаны г. Снегиревым из этих сборников с такими *изменениями*, как скромно заметил г. Буслаев, то есть с такими ошибками, которые не только изменяют, но даже и совсем заменяют смысл. Таких пословиц оказалось не пять-шесть, как говорит рецензент «Современника», и ошибки в них оказались нельзя сказать чтоб мелкие; все это можно осязательно видеть на 64-й и следующих страницах исследования г. Буслаева. Вот примеры: у г. Снегирева «жена пряди рубашки, а муж вези гуж»; в Архивском сборнике — «вей гуж»; у г. Снегирева «за скудость ума, *искать* будет сума»; в Архив. «*таскать* будет сума»; у г. Снегир. «завидливый, что пес обидливый»; в Архив. «завидливый что пес, обидливый что бес»; у г. Снегир. «мошна не квашня, как в нее прибывает, так ее *принимают*»; в Архив. «так ея *прикисает*»; у г. Снегир. «не дорога *людья*, дорога обида»; в Архив. «не дорога лодыга»; у г. Снегир. «пошла *боля* на хлебы да соль своротила»; в Архив. «пошло было на хлебы»; у г. Снегир. «рад скомрах о своих *домрах*», в Архив. «*домрах*», что понятно, ибо *домрами* назывался старинный музыкальный инструмент; у г. Снегир. «редко *спать* легко веять»; в Архив. «редко *сеять*»; у г. Снегир. «ястребца *бают* не по головке гладят»; в Архив. «ястреба *вабят*» и пр.²³ Печатное собрание Княжевича, взятое г. Снегиревым за основу, хотя он нигде об этом и не упоминал, подверглось в руках нового собирателя некоторым переделкам. Г. Снегирев выпускал слова, урезал целые половины пословиц — глубокие по смыслу и изящные по выражению; например, у Снегирева пословица говорит: *малая искра города пожигает*; у Княжевича та же пословица продолжает: *а сама прежде всех погибает*. У г. Снегирева *чужие хлебы приедчивы*; у Княжевича продолжает: *люди хоть кормят да сметчивы, даром дадут ломоть да заставят не-*

²² Снегирев И. М. Русские в своих пословицах : Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831—1834. Кн. 1—4.

²³ Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки. С. 64—66.

делю молоть.²⁴ Тем непонятнее такие выпуски, что в издании г. Снегирева иногда целые страницы перепечатаны из сборника Княжевича. Иные пословицы г. Снегирев, по-видимому намеренно, переделывал. Так, например, поговорку, заимствованную из сборника г. Погодина: «кушанье познается по вкусу, а мастерство по искусству», он неудачно подновил заменением слова *мастерство* словом *искательство*.²⁵

Если б и действительно все такие извращения первоначального текста произошли только от опечаток, опечаток, то и в этом случае сборник г. Снегирева теряет всю цену хорошо изданного материала. Из многих исправлений г. Буслаева видно даже, что некоторые ошибки могли произойти только от незнакомства со старинной грамотою. Во всяком случае, как уже мы отчасти и видели, труд г. Снегирева обличает чрезвычайную поспешность, совершенное отсутствие ученого внимания и точности издательской; между тем правильность и точность текста при издании такого материала, как поговорки, составляют самое существенное дело. Очень естественно, что наука в лице г. Буслаева никак не могла допустить подобных недостатков в изданном материале, ибо непреложный закон науки, ее вечное стремление заключается в том, чтобы всюду отыскивать, восстанавливать истину, вскрывать ее из-под груды ошибок. В своих неутомимых поисках истины она с бóльшим вниманием останавливается на десятке исправленных мельчайших ошибок, нежели на сотне полновесных книг, где количество извращенных, изуродованных фактов поселяет недоверие и к тем, которые остались неприкосновенными в первоначальной их чистоте. Восстанавливая истину в десятке мелких фактов, наука движется, приобретает новые силы, идет вперед, как бы ни был незначителен шаг ее в этом случае; но, преклоняясь пред грудой ложных, неверных данных, она останавливается, зарастает пустоцветом.

Прежние издатели материалов имели, а иные и до сих пор имеют свой особенный взгляд на дело издания или, вернее, не имеют никакого взгляда и руководствуются разными случайными соображениями, изобличающими вообще малое знакомство со смыслом и значением памятников. Благодаря их трудолюбию наука приобрела многое в изданных ими материалах; но, благодаря также их малому знакомству с делом, она приняла в себя столько ошибок, ложных положений, что и в настоящее время, чем бы идти вперед, разрабатывать новые источники, она по необходимости должна задерживать свой ход очищением старых ошибок, наделанных трудолюбивыми, но неприготовленными и поспешными издателями. Примеров в доказательство можно

²⁴ Там же. С. 73.

²⁵ Там же. С. 67.

привести великое множество. Ограничимся малым. Припомним сначала, как издавались в прошлом столетии наши летописи, в которых из выражений *утячьими ловцы* делали географические названия *утече* и *Миловцы*; *заячьими ловцы* — поле *заечь* и *Миловцы*, из *арганного игреца* — *Арганнагоя греца*, то есть грека по прозвищу Арганнагоя, и проч. Тогдашний издатель Львов пошел еще далее. В предисловии к изданной им «Летописи»* он добродушно рассказывает, что дело его при издании заключалось, между прочим, в том, чтобы *вычернить некоторые нелепости*, и вот в древнем тексте летописи под 1149 годом мы читаем, что обе *армии* (полки князей Юрия и Изяслава) начали биться., что Ростислав (1160 г.), *арестовав* новгородцев, велел сослать по городам, что в. к. Иоанн III в Новгороде велел *арестовать* Ивана Афанасова и проч., что Шуйскому государь (Иоанн III) приказал себе *репортовать*, что Иоанн велел *посадить под караул* Аристотеля, и пр. Кроме того, в том же тексте можно встретить *фундамент* при описании закладки Успенского Собора, *анортмент* вместо подклета и т. д., не говоря уж о совершенном и полном искажении всего текста.

Конечно, это издание летописи перещеголяло все другие, и свою крайностью вполне себя обличило: каждому легко было оценить его по достоинству. Но ошибки других текстов, менее потерпевших, оставались долго ошибками и для позднейших исследователей, так что в иных случаях нужно было ожидать *счастливого открытия*, чтобы восстановить истину. Не так давно *открытие*, сделанное князем Оболенским, дало совершенно иной смысл весьма любопытному летописному известию, которое дотоле повторялось без дальних справок всеми, кто только касался этого предмета, начиная с Карамзина. В одном из старых изданий летописи записан под 1490 годом выезд в Москву художников по вызову Иоанна: и приведоша мастеров стенных... пушечного... серебряных... и между прочим каплана белых чернцов августинова закона Ивана Спасителя, Арганнагой греца (Карамзин: грека Арганнагоя) без означения их занятий, так что исследователи не знали, куда их причислить, к какому разряду художников. Князь Оболенский доказал, что здесь следует читать вместо *арганнагоя греца* — *арганного игреца*. Таким образом из двух лиц делается одно — арганный игрец, и наука в этом исправлении приобретает новый любопытный факт для истории внутреннего быта России. Г. Снегирев, описывая памятники московской древности, нашел, что, при совершении в XVII столетии *действия страшного суда*, у Успенского Собора в Москве, пред патриаршим местом, поставляем был деревянный *козел*, обитый

* «Летописец русской от пришествия Рюрика» и пр. СПб., 1792. Пять частей.

красным сукном, — вероятно, говорит автор, в *поучительное напоминание части шуших*.^{*26} Сведение любопытное; но что ж вышло? Г. Забелин, писавший о том же предмете в «Москвитяине» 1850 г. (№ 5-й), скромно заметил, что в «Древней Вивлиофике», откуда г. Снегирев заимствовал сведение о козле, козлом назван собственно рундук, подмостки, или, как говорят и теперь, — *козлы*.²⁷ Понять нельзя, для чего должно было обивать именно красным сукном козла, который служил таким напоминанием!

Но если б мы стали продолжать эту анекдотическую историю ученых изысканий и издательских промахов, то ей не было бы конца. Да и эти факты мы привели к тому только, чтоб спросить рецензентов «Современника», что должно делать с ошибками предшественников, не исправляя их и, следовательно, не вступая в мелочную полемику, что, по понятиям «Современника», как видели мы, одно и то же.

Издателя летописи Львова напоминает издатель древних русских словарей, г. Сахаров. И тот и другой в основе одинаково смотрели на издаваемые ими памятники, хотя, разумеется, последний отдаляется от первого с лишком на пятьдесят лет и, стало быть, пользуется несравненно большим развитием науки. Но посмотрите, как г. Сахаров взглянул на древние русские словари. Вместо того, чтобы объяснить их истинное значение, он критикует их, говорит почти то же, что говорил Львов, издавая древнюю летопись, что *за слог отвечать не может!*

«Великорусские словари (говорит г. Сахаров) составляют весьма замечательное явление в нашей литературе. Кроме лексикографии, они вмещают в себя другие разнородные сведения. Из состава их мы видим, что наши предки *желали изучать знания и художества*, что они любопытствовали знать о белом свете не по одним рассказам паломников. Все географические их сведения состоят из описания городов, гор, рек и земель... Этнографическая часть, исполненная баснословных сказаний, заимствована из сочинения Козьмы Индикоплова, из хождения Александра царя Македонского и хронографов. Вина в этом (в чем?) не наших предков, но самих писателей, с которыми они знакомились. Невероятность таких сказаний изумительна и превосходит всякое ожидание... Из естественной истории

* «Памятники Московской Древности». М., 1842—1843. С. 53.

²⁶ Имеются в виду слова Христа: «Егда же приидетъ Сынъ человеческій въ славу свою и вси святїи ангели съ нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы своея, и соберутся предъ нимъ вси языцы: и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ: и поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю» (Мф. 25:31—33).

²⁷ Забелин И. Е. Заметки о старинной масленце // Москвитянин. 1850. № 5. Отд. V. С. 35—36.

наши предки любопытствовали знать о зверях, птицах и камнях. Сказания об этих предметах наполнены баснословными преданиями... Замечательна здесь мифологическая часть; но и это все (что?) представлено в смешном (!) и уродливом (!!)-виде» и т. д.*

Все это объяснение нисколько не объясняет истинного значения словарей, а, напротив, дает самое превратное понятие о их составе, приписывая им то, чего по цели и сущности своей они никогда не имели в виду. Из слов г. Сахарова можно заключить, что азбуковники суть наши древние энциклопедии, удовлетворявшие *желание* наших предков *изучать знания и художества*, что, кроме того, иные предметы, например, мифологические, представлены в них в смешном и уродливом виде!

Древние наши словари и азбуковники, как они сами свидетельствуют в своих предисловиях, составлены с той единственной целью, чтоб объяснить чужеземные слова, вошедшие в церковные книги. Объяснение этих слов, особенно исторических, этнографических, мифологических и т. п., заимствовано большей частью из тех же источников, откуда взяты и сами слова. Вместе с словом в азбуковники вносилось и целое сказание о предмете, который обозначало слово. Состав азбуковника в этом отношении подвергался чистейшей случайности; все зависело от источника; сколько подробностей встречал там редактор, настолько расширял он и объяснение слова.

При этом азбуковники весьма тщательно и точно обозначают на полях свои источники. Весьма понятно, как важны, драгоценны для науки эти обозначения источников.

«Для того, чтобы составить себе надлежащее понятие о старинных азбуковниках и словарях (говорит г. Буслаев в первом томе «Архива исторических сведений»), необходимо объяснять их в связи с теми произведениями, откуда брались в них цитаты, потому что всякий исторический факт тогда только может быть основательно понят, когда нам известны все обстоятельства, при которых он возник; а обстоятельства, окружающие словарь, — его литературные и ученые источники».²⁸

Но что ж сделал с этими указаниями литературных и ученых источников г. Сахаров? Он их *выкинул* все без исключения! И на каком же основании? На том, что *все* эти ссылки *явно показывают, что составитель Словаря имел под рукою рукописные книги, и чтобы верить его по рукописям XVI века, какие он имел тог-*

* «Сказания Русского Народа», т. II, предисл. XVI.

²⁸ Буслаев Ф. И. Дополнения и прибавления ко второму тому «Сказаний русского народа, собранных И. Сахаровым» // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1850. Кн. 1. Отд. IV. С. 24.

да, в наше время есть дело невозможное... Почему? — Г. Сахаров объясняет это в коротеньком предисловии к словарю Берында:

«В объяснении некоторых слов (говорит он) Берында ссылался на рукописи и современные ему печатные книги. Перепечатывать такие ссылки я почитал ненужным. Старопечатные книги ныне не всем доступны: самые библиоманы не могут доселе хвалиться полными собраниями; о рукописях и говорить нечего. После сего, *не имея старопечатных книг и рукописей, кому принесут пользу перепечатанные ссылки?»*²⁹

Вот ученое воззрение прежних издателей! Вот их понятия о значении памятников, их уважение к старине, о которой они так много говорят в своих предисловиях и которую так часто искажают! Можно сделать вопрос г. Сахарову: для чего он перепечатывал и сами словари, и азбуковники, потому что, *не имея старопечатных книг и рукописей, из которых и для которых они составлены, кому принесут пользу эти перепечатанные старинные слова?*

Как бы то ни было, древние наши словари в издании г. Сахарова явились без указаний источников, без определений, к какому языку предки наши относили то или другое, наконец с весьма значительными сокращениями в толковании слов и даже произвольными переменами. Притом, хотя г. Сахаров и говорит, что, например, текст азбуковника он издал по шести спискам, но этого на самом деле решительно нигде не видно, не указано ни одного варианта, чего при шести списках не быть не могло. Видно только, что выбранный г. Сахаровым для издания список не принадлежит к особенно полным и особенно важным, в отношении к другим. Издавая старопечатный словарь Памвы Берында, г. Сахаров печатал текст его только по первому изданию, между тем как есть второе, представляющее некоторые, весьма значительные варианты. Все это может служить ясным указанием того, какое именно достоинство имеют издания г. Сахарова. Мы говорили об одних словарях для примера; но то же самое должно сказать и о всех других материалах, напечатанных г. Сахаровым. Послушайте, что говорит, например «Москвитянин» (1854. № 15) о песнях, изданных г. Сахаровым:

«Г. Сахаров начал с того, что в своем предисловии уничтожил все прежние сборники песен (заметьте это, г. рецензент «Современника!»), обвинивши их, отчасти и справедливо, в искажениях, поправках, одним словом, в изменениях чисто народного и в малом уважении к чисто народному; но спрашивается: как же сам г. Сахаров относится к этому чисто народному? Всякого, кто знаком с русскими песнями, не по печатным

²⁹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. П. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 5. [С. 6].

только источникам, всякого, кто хотя сколько-нибудь их слышал в народе, чье ухо хоть сколько-нибудь привыкло к их музыкально-гармоническому складу и в чье сердце хотя сколько-нибудь проникло их содержание, сборник г. Сахарова удивляет³⁰ едва ли не более, чем „Новейший, полный и всеобщий песенник, содержащий в себе собрание отборных и всех доселе известных употребительных и новейших всякого рода песен — разделенных на нежные, любовные, простонародные, пастушеские, военные, патриотические, хороводные, святочные, подблюдные, свадебные, малороссийские, театральные, *издевательские, выговорные, критические*, веселые и печальные, плясовые, цыганские и проч., изданный в Спб. 1818 г.“. Г. Сахаров, как собиратель новый и притом *с притязаниями, сообщив своему собранию значение научное*, конечно, не дал своему сборнику этого пышного названия, выписанного нами с буквальностью точностию, не ввел таких категорий разделения, как песни *издевательские, выговорные, критические*, не напечатал чувствительных романсов вроде „Стонет сизый голубчик“ ó бок с народными песнями, но зато: 1) ввел свои не так смешные, но зато более исполненные претензий категории; 2) не напечатал много множества настоящих народных и всякому русскому человеку знакомых из детства песен; 3) искажал во имя условного размера многие песни, не лучше кн. Цертелева, только на новый манер. В самом деле, что такое значат у г. Сахарова категории песен: семейные, разгульные, сатирические? какое различие разгульных от плясовых?.. Почему в сборнике народных русских песен не встречаются множества песен, которые услышишь, как только подойдешь где-нибудь в отдаленных городских переулках к поющей толпе, и которые не встречаются в сборнике г. Сахарова? Или одни редкости только собирал г. Сахаров? — Но у него беспрепятственно попадают песни вовсе нередкие, сто раз печатанные, даже в тех несчастных сборниках, которые он уничтожает без малейшего милосердия. Г. Сахаров сетует на искажения, которые песни потерпели в Чулковском, Новиковском, Цертелевском, Кашинском и других сборниках, но у него 1) очень часто в записанных песнях народных попадают стихи *деланные* и вставочные, и 2) размер песен большей частью не понят и весьма часто искажен, подведен под условное ярмо».³¹

Все это «Москвитянин» подтвердил самыми очевидными, убедительными доказательствами.

После этого да позволено будет спросить г. рецензента «Современника»: возможно ли непогрешительно пользоваться изда-

³⁰ В тексте А. А. Григорьева вместо «удивляет» написано «возмущает».

³¹ Григорьев А. А. Русские народные песни : Критический опыт // Москвитянин. 1854. № 15. Критика и библиогр. С. 95—96.

ниями г. Сахарова? Должны или нет позднейшие исследователи раскрыть и указать в подобных изданиях все намеренные и ненамеренные перемены, неточности, мелкие ошибки, мелкие недостатки и проч. и проч.; должны ли, одним словом, критически оценить эти и подобные им сборники, раскрыть их *истинное достоинство*?

Как вы думаете, что говорят по этому поводу рецензенты «Современника»? В X номере этого журнала прошлого года они разбирают книгу г. Медовикова «Историческое значение царствования Алексея Михайловича». Само собою разумеется, что книга г. Медовикова — дело постороннее; главное — размышления по поводу этой книги, а размышляют рецензенты «Современника» следующим образом:

«Сочинение г. Медовикова не отличается ни *полнотою*, ни особенными достоинствами изложения; оно не уясняет ни одного вопроса. Что давно было известно всякому, хотя несколько занимавшемуся русскою историею, только то и повторил автор в своей книге; *нового не сказал он ничего*; факты изложены в таком объеме, что некоторые отделы главы о царствовании Алексея Михайловича в „Руководстве“ г. Устрялова полнее соответствующих отделов книги г. Медовикова; другие события рассказаны полнее в таких общеизвестных сочинениях, как „История Российской Церкви“. *Поэтому* казалось бы, что не может быть оснований считать сочинение г. Медовикова заслуживающим большой похвалы. *Правда* (!), написано оно добросовестно; *автор пересмотрел все важнейшие издания*, в которых мог найти что-нибудь нужное для себя; ему хорошо известны не только отдельные сочинения, но и статьи периодических изданий, касающиеся его предмета... (Следовательно, сочинение, вопреки прежнему определению, должно отличаться полнотою, ибо г. Медовиков пересмотрел все важнейшие издания и даже журнальные статьи, чтобы извлечь из них нужное для себя?) Но не это одно достоинство (добросовестность труда, при которой, повторим еще, не может быть неполноты) мы находим в труде Медовикова; *есть в нем качества более редкие* — отсутствие ученого самолюбия и опрометчивых претензий на то, чтобы „выставить предмет в новом свете; открыть в нем новые стороны, поднять новые вопросы, показать неосновательность, односторонность прежних объяснений“, одним словом — придумать какое-нибудь „новое воззрение на предмет“».³²

Сочинение не заслуживает похвалы, потому что автор *нового* не сказал ничего, а что сказал, то *неполно*. Но сочинение имеет достоинство труда добросовестного (следовательно, полного),

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 405.

следовательно заслуживает похвалу, и тем более заслуживает похвалу, что заключает в себе более редкие качества — отсутствие нового воззрения на предмет, или, прежними словами, потому заслуживает похвалу, что автор *нового не сказал ничего*...

Что-то будет думать г. Медовиков о такой оригинальной оценке своего труда? Впрочем, «умысел другой тут был»: дело было не в книге г. Медовикова, а в тех *редких качествах*, по поводу которых необходимо было распространяться.

«Эти качества действительно довольно редки (воскликает рецензент «Современника»). Сколько есть ученых, несправедливых к своим предшественникам! Недавно мы указали один подобный случай, говоря о мелочных критических замечаниях на *драгоценный труд* г. Снегирева.³³ А таких примеров сотни. Один из достойнейших наших ученых считает нужным аналитически разбирать „Историю Государства Российского“, отыскивая, не взял ли Карамзин у Щербатова или Хилкова мысль о том, что „просвещение смягчает нравы“, не заимствовал ли он у Татищева или Болтина понятия о том, что Святослав был отважный воитель, а Олег привел в трепет Византийцев. *Зачем он тратит время на подобные суждения?* (!?) Что „История Государства Российского“ имеет свои недостатки, было уже доказываемо двадцать лет назад Арцыбашевым и Полевым; *а теперь напрасно и говорить об этом*; что Карамзин пользовался трудами своих предшественников, также вещь известная всякому и столь же естественная, как и то, что ученые, занимающиеся ныне русской историей, пользуются трудами Карамзина и, например, Эверса, который уже давно говорил о развитии государственного быта из племенного (тонкий намек!). Наконец, что Карамзин занял у Щербатова мысль о благотворительном влиянии просвещения на нравы, столь же очевидно, как и то, что новейшие математики заняли у Магницкого правила сложения и вычитания. Неужели нужно анализировать историю Карамзина для того, чтобы наши читатели лучше могли постичь превосходство наших собственных трудов? Уже одно опасение, что читатели наши могут прийти к такой мысли (никогда и никому в голову не придет такая мысль, кроме рецензентов «Современника»), надеемся, несправедливой — относительно наших чувств, должно было бы удержать нас от бесполезного труда, ставящего нас в самое неловкое положение» (!!).³⁴

Затем приводится *другой пример* — именно монографии по части русской литературы, в которых «Современник» слышит уверенность авторов, что до них ничего, ровно ничего не было

³³ Эпитет «драгоценный» употреблен Н. Г. Чернышевским иронически.

³⁴ Там же. С. 405—406.

сделано, что они делают что-то небывалое... одним словом, слышит какое-то неуважение к трудам предшествовавшим...

«Отчего проистекает эта *придирчивость*, это стремление показать, что заслуги наших предшественников были не так велики, как воображают неспециалисты? Мы никак не думаем, чтоб это происходило от каких-нибудь сознательных побуждений, и решительно отвергаем всякие толки о *неблагодарности, непризнательности, неуважении*, будучи твердо убеждены, что подобные чувства очень редко совмещаются с характером ученого человека, по самой натуре своей чистым; гораздо основательнее объяснить дело мелочным преувеличением важности собственных открытий, и эту мелочность приписывать преимущественно чистосердечному, но слишком восторженному увлечению; а причину увлечения мелочами надобно, разумеется, считать то, что увлекающиеся мало успели еще сделать истинно важного. Свое каждому дорого; и кому принадлежит еще одно только не слишком важное, тот почти всегда поставляет в этом неважном чрезвычайную важность».³⁵

Итак, в деятельности наших новейших ученых «Современник» прежде всего видит только *придирчивость*, стремление показать, что заслуги предшественников были не так велики, мелочное преувеличение важности собственных открытий, анатомический разбор предшествовавших трудов для того, чтоб читатели лучше могли постичь превосходство трудов, принадлежащих новейшим ученым, между тем как эти молодые ученые мало успели еще сделать истинно важного и в своем неважном поставляют чрезвычайную важность, стараясь поколебать доверие к предшествовавшим трудам, чтоб контрастом возвысить достоинство собственных трудов?.. Ко всему этому присовокуплен тонкий намек на неблагодарность, непризнательность, неуважение... Так «Современник» понимает нашу настоящую ученую деятельность!

Читатели могли заметить, что факты, приведенные рецензентом «Современника» в подтверждение его *размышлений*, говорят только, что вся несправедливость со стороны новейших ученых к трудам предшественников заключается единственно в том, что эти ученые посягнули на разбор, на критическую оценку всего, что до них было сделано. Стремление привести все в ясность, разобрать, подвести, по возможности, верные итоги ко всей предшествовавшей ученой деятельности вызвано самим развитием у нас науки, и молодые ученые в этом случае служат ей только орудием. Люди, вникающие в дело, следящие за ходом науки, видят в этом стремлении огромный шаг вперед, шаг, который служит верным ручательством за богатую будущность. Люди неопытные

³⁵ Там же. С. 407.

в деле науки видят в нем только пустую, бесполезную придиричивость, которую ложно и не совсем прилично объясняют какими-то личными целями, намерением унижить предшествовавший труд с тем, чтоб возвысить свой собственный... Они не в силах понять, что *анатомический разбор, анатомическое изучение, исследовательность*, характеризующие настоящую ученую деятельность, выражают только естественный ход и рост науки; анатомическое изучение, исследовательность — такая же неотъемлемая сущность науки, как неотъемлема способность мыслить у человека. Наука же — результат человеческой мысли, результат умственной жизни человека. Человек мыслит, рассуждает, следовательно, разбирает, что хорошо, что худо, что истина, что ложь... Само собою разумеется, что анатомический разбор, анатомическое изучение, как и всякое дело, имеет свои недостатки, например, излишнее увлечение в достоинстве и значении открываемых истин. Но сущность науки — истина. Открывая истину, где бы ни было, человек всегда, может быть, с излишком увлекается ею. Раскрытая правда радует его, как ребенка, и в этом заключается его высшее наслаждение, всегда присущее его духу. В такой же силе все ложное оскорбляет его, и снисхождение ко лжи для него тяжело, невыносимо... Близорукие видят в этом ученое самолюбие, опрометчивые претензии, придиричивость и т. п., между тем как в этом выражается только существенное и животворное свойство умственной деятельности человека во всех сферах. Поэтому в анатомическом разборе, в придиричивости нельзя обвинять исключительно известное поколение ученых: придиричивость и разбор являются везде, где только дело идет об истине.

Так, например, великая заслуга Шлёцера чем характеризуется, как не тем, что он внес в разработку русской истории всестороннюю, до мелочей подробную *придиричивость*, которая дала надлежащий ход, самое здоровое направление нашим историческим трудам и воспитала нескольких полезных деятелей, идущих по тому же пути до сих пор? Но когда анатомический разбор или, что одно и то же, критический разбор становится главным, существенным направлением ученой деятельности, это значит, что наука входит в свои силы, что возникает *научная* обработка предмета, которой прежде или совсем не было или которая являлась только одиноко, уединенно, составляла исключительную принадлежность только немногих трудов. Теперь, благодаря критическому (шлёцеровскому) направлению, этой неутомимой придиричивости, едва ли кто из ученых в состоянии издать материалы и древние памятники так, как издавались они прежде...

Кто хорошо знаком с разработкой русской истории и истории русской литературы, тому весьма будет ясно отношение настоящих ученых трудов к предшествовавшим. Он увидит, с какой постепенностью и как медленно водворялись те научные усло-

вия в обработке предмета, которые в настоящее время требуются уже от каждого ученого труда... Как легко было прежде составить себе известное имя, авторитет! Требований со стороны публики не было никаких; да и что можно было требовать, когда публике нужно было еще только первоначальное, элементарное, собственно фактическое знание?.. Вот почему публика с благодарностью принимала все ей предлагаемое, не разбирая, как и в каком виде оно было предложено. Ей еще нужны были только факты, *опыты*, простые данные...

Издав две-три книги, некоторые сочинители тотчас же приобретали наименование «известных ученых». Публика была права, принимая с таким вниманием труды этих деятелей, ибо запас ее сведений был так незначителен, что она не могла *научным образом* оценить их. При общем, ощутительном недостатке фактических знаний в то время каждая легонькая журнальная статья представляла научный интерес и доставляла автору более или менее громкое имя... Но постоянные лестные отзывы, так легко приобретаемые, вредно действовали на авторов: авторы, обольщенные этими отзывами, слишком поспешно убеждались в своей *учености*, в высоком достоинстве своих трудов и большею частью останавливались на первых шагах в полной уверенности, что дальше идти невозможно. Первые, еще нескладные опыты они принимали за окончательный труд; в первых, еще слабых попытках научной обработки видели уже полный, удовлетворительный ученый метод. Самодовольство их росло с каждым днем. Они все более и более углублялись в сознание своих относительных, временных только, достоинств, и не замечали, что наука, отчасти даже на основании их же собственных трудов, идет вперед, удаляется от них.

Такое отношение публики к авторам, а авторов к своим трудам породило весьма любопытное явление в нашей ученой деятельности — именно отсутствие всякой живой, непосредственной связи, всякого живого, непосредственного преемства между учеными. *Известные* ученые, скоро и легко составившие себе авторитет, оставшись среди поля в то время, когда все несло мимо них к заветной цели, перестали под конец узнавать «своих» в новых толпах, стремящихся по их следам туда же, куда была направлена и их деятельность; они стали видеть какую-то враждебность, встретили их неприязненно, не как последователей, а как противников. Неподвижность, происшедшая от самодовольного сознания своих заслуг, оторвала их от общего хода дела. Усвоив себе раз и навсегда известное историческое понимание, известный образ суждения, известный взгляд на предметы, эти ученые не могли уже оценить ни новых исследований, ни новых вопросов, возникавших в науке. Очень естественно, что каждый новый труд, чем он был самостоятельнее, тем более затруднял

остановившихся на ученом пути, тем более удалял их от общего течения ученых работ... Нам не нужно приводить здесь доказательства этому: кто с вниманием следит за успехами русской науки, тому очень хорошо известен ход ее и подробности развития.

Наука уважает авторитет как массу оказанных ей заслуг; но она никогда не признавала его за саму истину, никогда не допускала, чтобы во имя заслуг уважались и оставались неисправленными ошибки авторитета, свойственные всем, кто только что-нибудь делает. В лице своих истинных друзей, истинных служителей, или, как говорят обыкновенно, специалистов, она очень хорошо знает и понимает *истинные* достоинства всякого авторитета и убеждена, что, исправляя ошибки, уклонения от истины, она никогда не может уронить никакой действительно заслуженный авторитет. Такими исправлениями она возвышает только цену всякого дельного труда, очищая его от всего, что препятствует ему занять достойное место в ряду ее положительных приобретений. В этом отношении для науки каждый авторитет есть также предмет изучения. Она стремится определить, что именно приобрела трудами известного авторитета. С этой целью, без сомнения, предпринято и сочинение господина Соловьева: «Критический обзор Истории Государства Российского», печатаемый в «Отечественных Записках».* Всем известно, что авторитет Карамзина заслонил собою всю предшествовавшую деятельность. Это было такое светило, в лучах которого скрылись все заслуги, все достоинства прежних деятелей. Жар увлечения и общий восторг поддерживались и тем еще, что Карамзин стоял непомерно высоко над всем, что было тогда ученого и талантливого. Кто тогда в силах был критически и достойным образом оценить его труд? Восторг был полный и справедливый. Так делают поколения, но не так делает наука: она никого не забывает, кто хоть малую лепту внес в ее сокровищницу. Кто же будет думать о предшественниках Карамзина, что они не сделали ничего важного, что труды их не имеют никакого значения? В настоящее время общее стремление узнать, что делали предшественники, не могло не остановиться и на трудах Карамзина — и в обзор г. Соловьева заслуги Карамзина предстают нам во всей их истине, со всею их обстановкою, со всеми их корнями, о которых до сих пор вообще мало думали. Кроме того, этот обзор познакомит будущее поколение с историческим взглядом, историческим пониманием не только Карамзина и его предшественников, но и с пониманием нашего времени. Говорить, что этот труд *беспо-*

* В 4-м и 5-м № «Отечественных Записок» будут помещены четвертая и пятая статьи этого «обзора», заключающие в себе обзор III, IV, V, VI и VII томов «Истории Государства Российского».

лезный, ставящий самого автора в какое-то неловкое положение, предпринятый для того, чтоб читатели лучше могли постичь превосходство его собственных трудов, — говорить это можно только при фельетонном воззрении на науку...

Другое дело авторитеты, возникшие случайно, среди фельетонистов и дилетантов, за совершенным отсутствием специалистов, которые могли бы вовремя оценить их по достоинству: такие авторитеты не любят критики и разборов; всякое дельное замечание принимается ими как личное оскорбление... Фельетонисты, незнакомые непосредственно с источниками и вообще с самим делом, стоят поэтому всегда ниже таких авторитетов, хвалят их сплошь, хвалят с чужого голоса, по привычке с издетства думать и говорить одно и то же, наконец, потому, что нельзя же хулить того, чего не знаешь и не понимаешь. На таких-то условиях и утверждаются сказанные авторитеты. Когда же настает время добросовестного, специального изучения их, время разбора и определения, в чем именно состоит заслуга каждого, когда действительно являются *мелочные критические замечания*, тогда авторитеты, и еще более фельетонисты возвышают голос и, не имея возможности добросовестно доказывать, что дважды два пять, прибегают к другим доказательствам, толкуют о неблагодарности, неуважении, придирчивости и проч. и проч. Весьма понятно, почему иные авторитеты прибегают к подобным доказательствам; но иные фельетонисты толкуют так совершенно бескорыстно, по привычке думать и говорить одно и то же, с чужого голоса, при совершенном незнании предмета, о котором идет речь...

О. И. ЧАРИНА

**ЗАПИСИ ФОЛЬКЛОРА,
ПРОИЗВЕДЕННЫЕ Д. И. МЕЛИКОВЫМ
В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ КРАЕ В 1893 г.**

В настоящей публикации мы предлагаем корпус фольклорных произведений, которые в конце XIX в. записал Д. И. Меликов. Судьба Дмитрия Ивановича Меликова сложна, насыщена различными событиями и, в итоге, трагична. В недавней публикации сотрудник Национального архива Республики Саха (Якутия) Э. М. Яковлев о действительном статском советнике Д. И. Меликове пишет следующее: «Дмитрий Иванович родился 12 сентября 1851 г. (по ст. ст.) в г. Пензе в семье обер-офицера. В 1878 г. закончил юридический факультет Казанского университета. В сентябре того же года зачислен на службу в Главное управление Восточной Сибири переводчиком с китайского языка. В июле 1879 г. его назначают приморским областным стряпчим. В декабре 1881 г. он становится прокурором Якутской области, и с этого времени его судьба до самой смерти будет связана с Ленским краем. Работает в основном в судебных органах: следователем, почетным мировым судьей г. Якутска, с 1891 по 1897 г. — советником областного управления. В 1909—1919 гг. Д. И. Меликов является членом окружного суда, работает присяжным поверенным. Дмитрий Иванович за добросовестную службу был награжден орденом Святой Анны 2-й ст., Святого Станислава 3-й ст., серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди и нагрудным знаком в память 50-летия Судебных уставов».¹

¹ Яковлев Э. М. Действительный статский советник Д. И. Меликов // Якутский архив : Историко-документальный научно-популярный иллюстрированный журнал. 2009. № 3/4. С. 62—63.

В «Историко-графическом атласе города Якутска в 1917 г.», составленном П. В. Поповым, читаем: «В квартале пятьдесят девятом двор и строения чиновника Якутского областного управления Дмитрия Ивановича Меликова, получившего широкую известность среди местного населения и политссыльных по защите на суде по делу участников „Монастыревской трагедии“ в 1889 году в г. Якутске и уволенного за это со службы. Он пользовался большой признательностью среди бедноты за свою благотворительную деятельность: всякий нуждающийся шел к нему за помощью и получал ее деньгами или продуктами или же одеждой. Он был известен также как большой библиограф, любитель и собиратель редких краеведческих книг и рукописей. По сведениям, у него была часть книг и рукописей Н. Г. Чернышевского, и неизвестна их судьба, куда они девались. Он в течение многих лет вел дневники: ежедневно записывал все редкие события, которые происходили в г. Якутске и во всей Якутской области; также неизвестна их судьба, очевидно, погибли при ликвидации имущества после его смерти, в том числе и его громадная краеведческая библиотека».²

В рамках сибирской историко-этнографической экспедиции 1894—1896 гг. «Д. И. Меликов принял на себя работу по криминальной психологии якутов на основании данных, находящихся в делах местных и административных учреждений».³ Помимо того что Д. И. Меликов являлся председателем Якутского окружного суда, служил прокурором Якутской области, он был также председателем местного кружка любителей русской поэзии.

В период установления в Якутии советской власти Д. И. Меликов поочередно то работал в госучреждениях, то сидел в тюрьмах. В 1920 г. «его как пособника царизма и ярого реакционера» увольняют со службы в судебных органах. В 1921—1923 гг. он работает в губархиве — сначала сотрудником, затем заместителем завгубархивом Е. Д. Стрелова. В 1924 г. Меликов состоит на службе в различных советских учреждениях. С осени 1928 г. в Якутске начинается большая чистка госучреждений от социально-чуждых элементов, и он попадает под эту чистку. После этого времени сведения о Д. И. Меликове в архивных материалах почти не встречаются. Известно только, что в 1932 г. он числился рабочим Сангарских⁴ угольных копей и по специальному пропуску

² Попов П. В. Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г. / Сост. И. И. Юрганова и др. Якутск, 2009. С. 104.

³ Якутия : Историко-культурный атлас: Природа. История. Этнография. Современность. М., 2007. С. 353.

⁴ Сангары — поселок, центр Сангарского района, находится на реке Лене чуть выше устья Вилюя.

временами приезжал в Якутск. Дата смерти и место захоронения не установлены.⁵

Материалы Д. И. Меликова, относящиеся к его путешествию 1893 г., были переданы в Архив Сибирского отделения РАН неизвестным лицом в 1972 г. В настоящее время это ф. 4, оп. 18, ед. хр. 1—4 (*Меликов Д. И.* Путевые записки «В Гижигу через Колымск». 1893). В сопроводительном письме (август 1972 г.) директор Института языка, литературы и истории СО РАН Е. И. Коркина пишет: «Институт ЯЛИ ходатайствует <...> о необходимости внесения путевых заметок жителя г. Якутска Д. И. Меликова об экспедиции, проведенной в 1893 году по маршруту г. Якутск—Колымский округ—Гижига⁶—Якутск объемом 329 рукописных листов большого формата. Путевые заметки содержат много интересных сведений по климату, природе Колымского округа, быту, обычаям северных народностей и могут быть использованы в качестве вспомогательного материала при научных изысканиях сотрудников Института (историков, этнографов)». Далее Е. И. Коркина пишет, что «записки Меликова оценены комиссией в сто рублей. Лицо, продавшее эти путевые записки, просит стоимость их перечислить на счет Советского фонда мира в Якутской конторе Госбанка».⁷

Рукописи Д. И. Меликова составляют несколько книг, из которых научный интерес для фольклористов представляют две книги «Путевых записок» 1893 г. объемом в 229 страниц. При этом следует указать, что Д. И. Меликов писал на двух страницах тетрадей большого формата, нумерация стоит лишь на правой странице, таким образом, два листа относятся к одной странице.

Сам Д. И. Меликов видел цель путешествия в исследовании «Верхоянского и Колымского полиц<ейского> Управления, изучение быта, качества и поведения служащих, <нрзб> к улучшению их положения, выяснения всесторонне условий водворения государственных и других ссыльных.

2 цель — самая интересная и желательная — открытие нового пути из одного какого-либо прибрежного пункта Охотского моря к реке Колыме.

3 цель — изучение податей системы (инородцев) северных округов, способ взимания податей. Количество и определение инородцов, подлежащих сбору (так! — *О. Ч.*) и проживающих в округах».⁸

⁵ *Яковлев Э. М.* Действительный статский советник Д. И. Меликов.

⁶ Гижига — село в Северо-Эвенском районе Магаданской области России на берегу Охотского моря, к которому должен был продвигнуться Д. И. Меликов.

⁷ Архив СО РАН, ф. 4, оп. 18, ед. хр. 1, л. — вкладыш.

⁸ Там же, л. 1.

Очень обстоятельны и крайне интересны путевые записи этнографического характера. Так, продвигаясь по Нижнеколымскому краю, он писал: «Следующая остановка от Крестов была в тридцати верстах от Нижнеколымска на заимке казака Богданова. Дом русский, ведется по-русски. Сам хозяин собой старый, с густой бородой, вышел к нам навстречу, на свою заимку. Подан был чай и закуска, обычная в Колымском крае: строганина, мерзлые, жирные ломтики чиров, олений сырой жирный мозг (из ножных костей оленя) и вареная, тоже мерзлая, пенка. Последняя была очень нежная и вкусная, была приготовлена из оленьего молока. Изба опрятная, чистая, с чистыми вымытыми дресвой полами, на столе скатерть, тарелки, ножи и вилки. Хлеб черный, по-хорошему выпеченный и вкусный. Хозяин заимки к числу богатых не относился. Порядок и чистота — таков обычай. Прекрасно».⁹

Далее следуют его замечания по этнографии и языку нижнеколымчан: «Все говорят по-русски, ни слова по-якутски. Все одеты в русские одежды, кроме верхней шубы — кухлянок мужиков. Говор какой-то особенный, ласковый, голоса мелодичные и сердечные, все шепелявят и сюсюкают, не выговаривая букву л. Говорят, напр.: „ссыдка ея“ (сладко ела), „шья мией“ (шла милей). Нижнеколымчан ввиду этого называют „сладкоголосые“».¹⁰

В сборе фольклора русского населения Нижней Индигирки Д. И. Меликову, как можно понять, помогал среднеколымчанин Семен Герасимович Власов, который собрал для него несколько песен (ряд произведений для него исполнил Соковиков). В записях представлены былины про Добрыню Никитича и Змея («Оставалось у Никиты все житье-бытье», № 12) и про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтъевич», № 8), исторические песни про Михаила Скопина («Скопину-то родна матушка выговаривала», № 2), про сына Степана Разина («Заявился в камен город детинушка», № 9), про Захара Чернышева и прусского короля («Ах, талан, ты мой таланчик», № 11), балладная песня про Ваньку-ключника («Про ключника», № 10), лирические песни «Прощай, радость, жизнь, веселье» (№ 5), «Солнце красное катится за леса» (№ 7), «На заре было, братцы, на зореньке» (№ 3), «Течет речка, течет быстра» (№ 4), «Сказали про молодца» (№ 6), а также три андыльщины (№ 1, 13, 14).

⁹ Там же, л. 203.

¹⁰ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Песни, собранные Д. И. Меликовым

Мои мечты попасть на Устье Колымы остались мечтами. Свободных подвод ехать туда не находилось. Прямо в поездке не отказывали, но старались представить дорогу, преисполненную всяких трудностей. Ехать приходилось 280 верст без дороги, <нрзб> по пути пить — <нрзб>, предстояли вьюги осенние (было начало ноября), значит, зимние вьюги, а не осенние, не было достаточно запасов собачьего корма, не было близко чуоч, чтобы проехать на оленях; океан, по их словам, не представляет ничего интересного, кроме ледяной пустыни; <нрзб> на берегах р. Колымы были настолько обмерзлыми от испарений и туманов, что подвигаться по ним не было никакой возможности. Что же делать? Подумал-подумал и отказался от поездки. Правда, и домой хотелось — крошка девочка тянула. За несостоявшейся поездкой мне оставалось сейчас же возвращаться в Среднеколымск, но не тут-то было. Желанию нашему <нрзб> обрадовались как празднику, и пришлось визитировать каждый день с утра до вечера, не желая кого-либо обидеть. При разговоре с обывателями, какие у них бывают развлечения в долгие темные зимы, они объяснили, что никаких развлечений нет, только ходят друг к другу в гости, собираются и поют. Действительно, в Среднеколымске и Нижнеколымске нет чиновника, который бы не имел хорошего голоса и не пел. В Нижнеколымске поют еще больше. Среди жителей много певцов импровизирует. Певцы-импровизаторы, куда бы ни поехали, идут и поют, связывают различные истории и мысли, без всякой связи, стараются, чтобы только подходило под какой-нибудь размер и под <нрзб>. Также почему нижнеколымцев окрестили особой кличкой «Андыльщина». Про импровизатора говорят: «Это он собирает» <нрзб> или петь «Андыльщину». В этой <нрзб> часто нет никакого смысла. Но все они несомненно сентиментальны, так, например:

№ 1

Дуся, дуся, дусичек,
Дуся айный душой (аленький).¹

Почему импровизация названа Андыльщиной, доискаться не мог (л. 204).

¹ Аленький (помета Д. И. Меликова).

Нельзя не отметить, что нижеколымцы именно русский язык сохранили в самих танцах и былинах, которыми они (по словам других) не разговаривают, а поют предания старины, жития <нрзб> и Европейской России, хотя факты являются уже перепутанными, житий и рассказов былин я не слышал. Слышал только несколько песен, которые и записал (л. 204).

№ 2

Скопину-то родна матушка говаривала.
Виноградье красно-зеленое!
«Ты не иди-ко Скопинушка во матушку Москву,
Виноградье красно-зеленое!²
Не крести ты сына Скуратова,
Не кумись ты со дочерью Малютовой».
Не послушался Скопинушка родну матушку,
Вот поехал-то Скопинушка во матушку-Москву.
Сокрестил он сына Скуратова,
Покушал со дочерью Малютовой.
«Я чего, Скопин, сижу, к кумы ей гости нейду?»
Надевал он на ноженьки зелен кафтан,
Выходил он на крылечушко дубовое,
Сам садился на добра коня.
«Я чего, кума, сижу, кума не подчиваю?»
Подходила она к шкапу дубовому,
Вынимала она чару глубокую,
Мерой чара была ей полтора ведра,
Наливала чару зелена вина.
По краям чары ключи кипят,
Посеред чары змеи шипят.
Принимал он, Скопинушка, единой рукой,
Выпивал он, Скопинушка, единым духом.
Его резвые ноженьки подкосилися,
Его буйная головка закатилась.
Принимала его матушка родимые руки:
«Я чего тебе, Скопинушка, говаривала,
Не послушался Скопинушка родну матушку».
Виноградье красно-зеленое.

(л. 204—205)

² Этот припев повторяется после каждой строчки (*помета Д. И. Меликова*).

№ 3

На заре было, братцы, на зореньке,
На всходимом красном солнышки,
Высокошенько солнышко восходило,
Широкошенько речька разливалась,
А бережками речка споравнялася.
Что по этой-то речьки плывет лодочка.
Хороша была лодка прикрашена.
Нос-корма лодки были позолочены.
Алым бархатом были обколочены.
Все веселочки были приукрашены.
На носу-то сидит есаул с копьем,
На корме-то сидит атаман с ружьем.
Посреди лодки лежит золота казна,
На козне-то сидит красна девица,
Есаулу была родна сестрица,
Атаману была сплюбовница.³

(л. 205)

№ 4

Течёт речка, течёт быстра,
С бережка сносит.
Молодой казак, молодой казак
Полковничка просит:
«Пусти меня, полковничек,
От полка до дому.
Может, скучнилась,
Может, струстнулась
Милая за мною». —
«Рад бы тебя пустить,
Да не скоро будешь.
Ты напейся воды холодной,
Милую забудешь». —
«Пил я воду, пил студену,
Да не напивался.
Любит казак девчоночку.
Он по ней спивался».
Помер казак, помер младой,
Помер от ей надежды.
Оставался конь вороной,
Золотая сбруя.
«Сбрую мою золотую
Вы отдайте брату,

³ Певчий дальше не знает (*помета Д. И. Меликова*).

Коня моего варанова
Ведите за мною».
Тело несут, коня ведут.
Конь головку клонит,
Молодая сибирячка
Белы руки ломит.

(л. 205)

№ 5

Запишу некоторые песни, которые, может быть, слабо напоминают давно прошедших покорителей Сибири, казаков, которые распространяются больше насчет любви, но я их запишу, потому что мне раньше не приходилось слышать...

Прощай, радость, жизнь, веселье,
Прощай радость, жизнь моя.
Слышу, идешь от меня.
Как должно с тобой расстаться,
Тебя мне больше не видать.
Буду помнить твои взоры,
Твой веселый разговор.
Темная ноченька не спится,
Сама я знаю, почему.
Самая девица сказала:
«Не гонись, мальчишечка, за мной.
Если будешь за мной гнаться,
Потеряешь свой покой.
Вспомни день прекрасный, майский,
Мы купаться с тобой шли.
На белый песок с Димой,
Мылись чистою водой.
Вы подуйте ветры буйны
С восточной стороны.
Ты пролейся сильный дождик,
Расступись, сыра земля,
Грובה доска, раскройся.
Встань ты, маменька моя.
Ты промолви речь со мною,
Со мной, круглой сиротой,
Со оставшейся одной».

(л. 205)

№ 6

Начало слышал ранее в России Европейской:

Сказали про молодца,
Что он не жив, не здоров.
Пришел, пришел молодец
Во втором часу ночи.
«Что ж ты, мой миленький,
Призамешкался в дому?» —
«С угрюмой жenuшкой
Перебраночка была». —
«Не бей, не бей, молодец,
Угрюму жену.
С угрюмой жenuшкой
Будешь век ты коротать.
Со мной, красной девицей,
Одну ночку ночевать».

(л. 206)

№ 7

Солнце красное катится за леса,
Светел месяц, останься в небесах.
Все оденьтеся ночьюю темнотой,
Дайте времечко скрыться от людей
И наплакаться над участью своей.
Где мой ангел, где сердцу дорогой,
Не навек ли, друг, разошлись с тобой?
Дай, отрада, мне скорее умереть.
Напиши письмо — навек забыть меня.
Днем не видят ничего мои глаза.

(л. 206)

№ 8

В Среднеколымске я познакомился с одним ссыльным, Семеном Герасимовичем Власовым. Это был редкостный [человек], центнер черноземной силы, необъятный размах, рост, буйной могучей силы. Он был душой младенец, чистый, ласковый, преданный и добрый. Любил детей он до самозабвения, боготворил своего отца, пользовал его взаимностью, был преданным, огромным товарищем и, безусловно, до простоты добрым человеком. Будучи в Нижнеколымске, Семен Герасимович слышал от одного старика былинку, записал начисто и дал мне. Я запишу написанное Власовым в настоящую запись (л. 206).

Тит Харафонтьевич

Подступила под град сила великая,
Сорок царей, сорок царевичей,
Еще сорок королей, сорок королевичей,
И что под каждым царем, под каждым царевичем,
Да и под каждым королем, каждым королевичем
Войско по три тьмы и по три тысячи,
А что под самим-то Титом Харафонтьевичем
Силы той и счету нет.
Как и хвалится Тит, похваляется,
Как над славным царством поглумляется:
«А я вашего князя солнышко Владимира на разстрел пушу,
А его молодую княгиню за себя возьму,
Как и всех дев и баб я под блуд склоню,
А я Божии церкви под конюшню обращу,
А и царское именье головней сожгу.
Выходи же, кто удал, в поединочек со мной!»
Тут и пали, перепали переносчички,
Как и те переносчички и докладнички,
Донесли они князю-солнышку Владимиру,
Что Тит просит себе поединщичка:
«А не дашь ты ему, князь, поединщичка,
Он грозит твое царство все разором разорить,
А твою, князь, дружину всю дотла перебить,
Да и всех от мала до велика еще по миру пустить!»
Как у нашего солнышка Владимира
Было столованье почестен стол.
Было пиrowанье почестен пир.
Собрались там богатыри могучие,
Как и вставал наш солнышко, Владимир-князь,
На свои на ноженьки на резвые,
Как он на те на сапожки, на зелен сафьян,
И на те на каблучки на верейчатые,
Как на те на гвоздочки на серебряные,
И просил он свои помощницы удалые:
«Ах вы, думные министры, богатыри,
Уж не дайте вы врагу над нами надругаться,
Заступитесь за веру православную,
За мать, пресвятую Богородицу!»⁴
Тут и старший тут хоронится за среднего,
А средний хоронится за младшего,
А от младшего, братцы, совсем совету нет.
И сидит тут между ними Данила Игнатьевич,
Сидит на скамье дубовенькой.
Поднимался он тут на свои на ноженьки,
И подгибался под ним тот кирпичный пол,

⁴ Напоминает бунт атамана Некрасова (*помета Д. И. Меликова*).

И говорил Данилушка Игнатъевич таковы слова
 князю Владимиру:
 «Эх, кабы я, Данила, в монахи не постригся допреж,
 Как мне Даниле в келье не молиться,
 Заступился бы я за веру христианскую,
 За мать Пресвятую Богородицу.
 Есть у меня сыночек Мишенька.
 Отправил бы я его с Божьей помощью.
 А от роду Мишеньке лишь 15 лет.
 Не может еще Миша на коне сидеть,
 Не может еще Миша саблей владеть,
 Не под силу еще Мише биться с недругами».
 Таковы слова Данила молвил, сам и вон пошел.
 Но послал царь послов до Мишеньки Даниловича,
 Подходили послы к Мише к окошечку
 И будили его ото сна богатырского громким голосом:
 «Ты иди, Миша Данилович, тебя царь зовет,
 Мы не знаем, на что зовет, про то не ведаем».
 Вставал тут Миша с кровати тесовой,
 Надевал он сапожки зелен сафьян,
 Надевал он шубочку черных соболей,
 Он шапочку надевал земли греческой,
 Отправился он ко князю солнышку Владимиру,
 Отворял он туту в гримни двери на пятау,
 Закрывает он дубовое крепко-накрепко.
 Он крест кладет по-ученому,
 И поклон да и по-писаному,
 А и князю, а княгине на особицу.
 Тут встречает Мишу князь с честью, с радостью,
 Принимал он Мишеньку Данильевича за велика гостя,
 Проводит он Мишу вечерять за стол,
 Угощает Мишеньку Даниловича зеленым вином.
 Ему трижды подносили по полной чаре вина,
 А и в той чаре вина была а треть ведра,
 А и в третьем рогу подавали ему меду на закусочку.
 Тут-то вставал Владимир-князь из-за дубова стола
 И как Мишеньке говорил он таковы слова:
 «Ах ты гой еси, Мишенька Данилович,
 Ты не знаешь, Мишенька, невзгодушку немалую,
 Подступили под наш град сила басурманская,
 Как от той силы нет никому ни ходу, ни проходу,
 Поезжай же ты, Мишенька, во чисто поле,
 Во чисто поле, в широкое раздолье,
 Как и в ту силу, силу неправую,⁵
 Ты расчисти тут, Мишенька, дороженьку широкия.

⁵ Иноверческую (помета Д. И. Меликова).

Пропусти ты наши запасы княжеские,
Заступи же ты, Миша, за веру православную,
За мать Пресвятую Богородицу!»
Тут Миша вставал из-за дубова стола,
И сам он говорил таковы слова:
«Ну и пусть не берут, князь, по-твоему,
Я согласен пристать за веру православную,
Заступлюсь я за мать Пресвятую Богородицу,
И пойду я в бой с тем недругом».
Выходил тут Миша из хором княжецких,
Разыскал он родителя своего Данилу Игнатьевича,
Разыскал он его, ему кланяется,
Как просит он у него благословение.
«Ах ты, птенчик мой, милый, родненький,
Ведь еще же ты, Мишенька, маленький,
Кудысь тебе с басурманами биться-воевать?
Ну да раз ты слово дал, так его уже не менять.
Иди же ты, мой родной, во конюшенку,
Забирай себе лошадку помирнее всех,
Которая тянет лишь двадцать пудов».
Как поехал тут Мишенька во чисто поле,
Как и биться-рубиться с басурманами.
Как и бился он тут день до вечеру,
И рубился он тут всю ноченьку,
И опять воевал он с утра до вечеру,
С добра коня не слезаючи,
Не пиваючи, не едаючи.
Приходили тут Мишеньке удары несносные,
Наносили удары смертоносные.
Как и припадал Мишенька к шее лошади,
Да и свешивал он с нее буйную головушку.
Как и лошадь тут сама поворачивалась,
Уносила его лошадь из стана вражеского,
Подносила его лошадь к крыльцу княжескому.
Тут прибежал сюда сам Данила Игнатьевич,
А его Мишенька уже Богу душу отдал.
Как и с горя Данила к князю бросается,
И кричит он князю зычным голосом:
«Было у меня, князь, едино детище,
Был от старого дуба единый отросточек.
Да тот-то князь отрубил-загубил!
Ах, к чему тебе было, князь, молодого запаивать,
Ах, к чему тебе его заговаривать?
Как померкло мое солнце красное,
Закатилась моя звезда прекрасная!»
Еще так и эдак Данила Игнатьевич зывал,
Под собою мраморный пол, как глину, топтал,
Да и вдруг Данила поворот отсель давал.
Как и солнышко Владимир во догон ему кричал:

«Ах, и что ж мне, Данила, твои печали утолить?
Как устрою я Мишеньке похороны царевы,
На помин души Мишеньки я велю во всех церквах звонить,
На помин души Мишеньки велю во всех церквах служить».
Тут выбежал Данилушка Игнатьевич из княжеских хором,
Тут поспешил Данила во свою конюшенку,
Выбирал он сабельку позвонче всех,
Выбирал Данилушка лошадку побыстрее всех,
И селся тут Данила на добра коня,
Выезжал он на нем в силу, в неверчину.
Просьпалась в Даниле удаля богатырская,
Куда саблей он бил, там и улица,
Повернется — а переулочками.
Всю он прибил, притоптал силу вражескую.
Как имал же тут Данила и Тита за космы,
Притягивал он его за хвост к коню,
Поворачивал коня он круто-накруто,
Он пускал коня по лесам и долам,
Он порастилал он коня по великим по горам,
Он разлетывал по всей земле кости Титовы.
Как потом же приезжал он к своей кельюшке,
Запирался он тут на моленьице,
На моленьице большое-долгим долгое,
Он и людям уже больше не показывался,
Богу он тут так представился.

(л. 206—208)

№ 9

С. Г. (т. е. Сергей Герасимович Власов. — *О. Ч.*) был в Нижне-колымске у какого-то Петровича. Там на кровати лежал старик, ничего не говорил и только кряхтел. За ужином С. Г. стал угощать хозяев водкой. Петрович мигнул ему, чтобы он подал и старику. «Старику поднесите», — сказал Петрович. Старик, почуяв водку, завозился за занавеской кровати, как бы желая напомнить о себе, закашлялся. Старику было поднесено около полчашки и, о чудо, старик ожил, сполз с постели и приплелся к столу. После второй порции со старика хворь как рукой сняло. Зная цель посещения С. Г., старик сам вызвался пропеть старинную песенку. «Правда, уже не певуч я теперь, — сказал старик, — и в молодых летах и я был не на последнем счету, и меня заслушивались другие, а теперь прошамкаю Вам песню, чтобы Вы только записать ее могли». И выпив опять, к удивлению С. Г., старик твердым, а еще довольно приятным голосом запел:

Заявился в камен город детинушка,
Незнакомый гость.

Он черну шляпу носил с позуменами,
Рыжа бархата кафтанчик на одном плече,
Шелкову опоясочку во правой руке.
Астраханскому губернатору он не кланяется,
С астраханскими купцами он не знается.
Довелось раз детинушке завернуть в царев кабак:
«Ну-ка здравствуй, целовальник-князь доверенный,
Наливай-ка мне чару на пятьсот рублей,
Наливай-ка мне вторую на всю тысячу!»
Но при нем был товарищ Газминушка.
«А ты не гуляй, Газмин, на мой широк карман».
Тут астраханский губернатор с проговором:
«А подите приведите ко мне горьку пьяницу,
Незнакового детинушку».
И пошли и привели да горьку пьяницу,
Буйна молодца детинушку.
Да как стал-то губернатор тут выспрашивать,
Из его речей секретарь молодца выпытывает:
«Ты скажи-ка мне, детина, как тебя величать,
Ты Дон, или Данила, или донской казак?»
На печи лежав, Гализма речь проговорил:
«И не Дон он, не Данила, ни донской казак,
На всей матушке России воловой солдат».
Проводили тут детинушку вперед за стол,
Проводили, стали потчевать.
Он им кланяется, поговаривает:
«На приходе-то вы гостя не потчивали,
На отход-то уж нечего!»
Пошатнулся, развернулся добрый молодец.
Тут их каменки крепки палат посыпались
Ну, кирпиччаты полы их погибались.

(л. 209—210)⁶

№ 10

Отдохнувши, подкрепившись водкой, старик сказал: «Ну те-перь я вам про млада ключника спою», и запел:

Как живет младой ключничек у князя
Да со ключницей.

⁶ Интересно, что в других известных и опубликованных текстах этой песни на Колыме пели не «Гализма», а «голытьба» (Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. № 215). Ю. И. Смирнов по поводу варианта № 215 пишет: «...записал В. Г. Тан-Богораз около 1895 г. от Ф. Даурова в Среднеколымске. Стихи, помещенные собирателем в квадратные скобки, принадлежат М. Соковикову, от которого собиратель не сделал полнокровную запись» (Там же. С. 443).

Они тут живут сообща
Ровно 30 лет.
Да как размлада ключница на ключника
В доказ пошла.
«Ой ты, гой еси, батюшка,
Волхонский князь,
Ты не знаешь над собой
Злу невзгодушку,
Злу невзгодушку не знаешь
Да не малую.
Твой вот ключник живет со княгинею!..»
Воспалился тут князь
Гневом великим:
«Ах вы, слуги мои, слуги верные,
Вы подите приводите млада ключника,
Млада ключника на допрос ко мне».
Младой ключничек у ключницы выспрашивает,
Младой ключничек у ключницы выведывает:
«Ну на что меня князь зовет-кликает?»
А и ключница ему ответ дает:
«А зачем зовет, я не ведаю».
Тут выговаривал ко ключнику Волхонский князь:
«Отвечай ты мне, ключник, ты ответ держи:
Сколькой год ты живешь со княгинею?»
И ответ такой держал молодец:
«Я у вас-то живу ровно тридцать лет,
Со княгиней живу ровно три года,
На четвертый-то годочек-от провыдался».
Тут спроговорил, братцы, Волхонский князь:
«Эй! Палачи вы, палачи немилостивые,
Вы под рученьки хватите млада ключника.
Уж тебя я, ключника, да пожалую
Да своей великой княжей милостью:
Я срублю тебе палату семиугольную,
Перекладинку положу я сосновенькую,
Я повешу тебе петельку шелковенькую».
И как брали палачи его, ключника,
И водили его дорогами окольными.
И идет, братцы, молодец, не трохнется,
Ретиво его сердечушко не вздрогнется.
Русы кудри его не ворохнутся,
И тут ключничек такову речь держит:
«Ах, палачи вы, палачи,
Не ведите, палачи немилостивые,
Дорогами окольными,
А ведите меня прохожими,
Мимо тех больших окон княгинюшки
Распрощаться с княгинею вы дайте мне!»
А запел он под окнами свою песенку:

«Эх, в любви было много времени уважено,
У лебедушки белы груди были ласкованы,
Ея сахарны уста были целованы,
А теперь-то любви нашей уж конец пришел.
Повели-то меня, ключника, да во петельку».
Что на зорьке, на заре, зоре утренней
Молодой ключник во петельке качается,
Молода княгиня в новых сенях да кончается,
На три ножичка булатных да бросается,
А и ключница по ключнику убивается.

(л. 210—211)

№ 11

В тот же вечер Семен Герасимович записал следующую песню:

Ах, талан, ты мой таланчик,
Ах, ты участь моя горькая!
На роду ты мне написана,
На яву мне доставалася.
Доставался мне Кестрим-город.
Во Кестримере — славном городе
На большой проезжей улице
Тут стояла нова светелка,
Хрущатым песком расчистая.
Засажен был тут российский граф
Чернышев Захар Григорьевич.
Он по светлице злой похаживает,
Пенкову трубку-то он покуривает,
Сам в окошечко на улицу посматривает.
Случилось прусскому королю тут ехати
Мимо этого окошечка решетчатого.
Тут с приговоркою к нему да российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич:
«Ах, гой еси, прусский король,
Прикажи меня жить-кормить,
Прикажи на волю выпустить.
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи меня скорей казнить». —
«Прикажу тебя кормить-поить,
Прикажу на волю выпустить,
Послужи за то мне верой-правдою,
Верой-правдой неизменною,
Как служил ты царю белому».
Тут воскликнул российский граф:
«Ах, ты воля моя, волюшка!

Прилучился бы мне добрый конь,
Солучилась бы мне сабля острая,
Послужил бы я тебе, прусский король,
Над тобой, над шеей над немецкою,
Над твоей башкой басурманскою».

(л. 211)

№ 12

Былина про богатыря Добрыню Никитича в Нижнеколымске рассказывается в следующем виде:

Оставалось у Никиты все житье-бытье,
Ну, житье-бытье осталось и имение.
Имение осталось, мало детище
По имени Добрынюшко Никитьевич.
Как стал Добрынюшко на возрасте,
Тут не белая береза к земле кланяется,
Не шелковая трава в поле устилается,
Кланяется родной сын перед матерью:
«Дай мне, матушка, благословение,
Ну, пойду я стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых уток.
Хоть дашь, пойду, и не дашь — пойду».
Дает ему матушка благословение:
«Ну, пойдешь, сын, стрелять гусей-лебедей,
Захватят тебя жары крестовские,
Еще те же солнцепеки меженные.
Ну, захочется тебе помыться, покупаться,
Только плавай ты, Добрынюшка, на первую струю,
Только плавай ты, Добрынюшка, на вторую струю,
Не плавай, Добрынюшка, на третью струю:
Третья струя быстрым-быстра,
Понесет тебя по камушка Ятырю⁷
Ко тому Змеинышу ли ко Горынышу».
Плавал Добрыня на первую струю,
Плавал Добрыня на вторую струю, круту бережку.
Не доплыл Добрынюшка, на третью струю,
Поворачивал Добрыня к круту бережку.
Тут переговорили слуги его, слуги верные:
«Ах, не честь тебе, удадь молодецкая,
Да и не выслуга твоя богатырская,
Ты не доплыл, Добрыня, на третью струю».
Тут кидался Добрыня во быстру реку,
Выплывал-то Добрыня на третью струю,

⁷ Вероятно, «Алатырь» (помета Д. И. Меликова).

Понесло его ко камушку ко Ятырю,
Ко тому ко Змеиныщу-Горыныщу.
(л. 211)

№ 13

Известный в Нижнеколымске сочинитель «андыльщин» Михаил Федорович Соковиков сообщил песню местного производства:

Ай ты, чукотский народ!⁸
Не клади нам палец в рот.
Они стрелами стреляли,
Мы им в ружья отвечали.
Островные «алеуты»
На природе очень круты.
Они хотят обличить
Нас живых не отпустить.

(л. 204)

Песня, по объяснению Соковикова, составлена еще Павлуцким, который приходил в Нижнеколымск пятисотенным отрядом, его помощник Кривогорницын, а чукчей было тогда в одну тысячу, повествует Соковиков, видимо-невидимо. «Павлуцкому с ними никак не совладать было, вот он и послал со своим помощником Кривогорницыным то войско. Тот ушел и замедлил. Ждали, ждали, все его нет. Павлуцкий видит: все едино, уже ему один конец; чукчи уже больше напирать на них стали. Нам уже кады лучше, смерть поскорее принять; а между тем майор весь в кольчугах, с ног до головы закован; чукчи не <нрзб> никак повредить не могут. Тогда он сам взял и выставил им на вид открытое горло; дескать, этим местом меня зальет и возьмет. Те стрелили стрелой, ну и убили его, а затем весь отряд его истребили; а затем уже спастись никак было. Вы сами видите, какой <дикий — нрзб> край — тундра да болото. Меж тем русские их здесь над ними хозяйничали. Песня она <нрзб> долгая, да я уже конца не упомяну», — заключил Соковиков.

Конечно, надо сомневаться в действительности сообщения Соковикова. Если бы была сообщена вся песня, то, может быть, она пела бы <нрзб> смерти Павлуцкого, но в заметках С. Г. отмечено, что он расспрашивал у многих, не знают ли они кто-нибудь еще этой песни, но никого знающего не оказалось.

⁸ Чукчи собираются на островную ярмарку (*номета Д. И. Меликова*).

По сообщению Соковикова С. Г., записана и вторая песня, чисто местного произведения, составляющая местный юмор и сатиру на Карпа, обывателя Нижнеколымска по фамилии Габушев (Габышев):

Весной стало лёд ломать,
Карпа невод собирать...
Заметал тоню в курен,
Добыл омуля в метын.
Страшно скудная весна
.....
Карпа омуля печен
.....
Он печет, чтоб закусить,
Заленился неводить,
Невод киснет в карбасу,
Он лежит на лабазу.⁹
Лабаз от полу вершок
Карпа просит корешок,¹⁰
Карпа трубку закурил,
Неводку совсем забыл...

⁹ На амбаре (помета Д. И. Меликова).

¹⁰ Морс<кой?> сбо<нрзб> (помета Д. И. Меликова).

Е. А. САМОДЕЛОВА

**ФОЛЬКЛОРИСТ А. Н. НЕЧАЕВ —
НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ А. Н. ТОЛСТОГО**

(ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Александр Николаевич Нечаев (1902—1986) — известный собиратель-фольклорист и писатель-сказочник. Он был родом с Русского Севера, происходил из семьи сказочников, что повлияло в итоге на выбор им профессии, проблематику научных изысканий и на тематику литературного творчества.

Русским народным сказкам А. Н. Нечаев посвятил всю свою жизнь: с детства впитывал севернорусскую традицию сказывания сказок, далее сосредоточился на собирании сказочных произведений на Русском Севере и в Карелии, занимался их исследованием и текстологией, подготовкой к изданию.

Следующим этапом в сказковедческой деятельности Нечаева оказалась подготовительная работа со сказочными текстами для создания Свода русских народных сказок и научное консультирование классика отечественной литературы А. Н. Толстого, в результате чего вышли в свет два тома сказок для детей в обработке «советского графа». Эти книги — *Толстой А. Н. Русские сказки* (т. 1. М., 1940) и *Русские народные сказки в обработке А. Толстого* (М.; Л., 1944) — многократно переиздавались в полном виде и тиражировались по частям (выборочными сборниками сказок и отдельными сказками); продолжают публиковаться они и сейчас. Так что затруднительно назвать суммарный тираж таких изданий, но можно с уверенностью сказать, что уже три поколения русских людей выросло на чтении этих книг.

Дальнейшим трудовым этапом жизни А. Н. Нечаева стало участие в работе по адаптации взрослых сказок для детей. В свя-

зи с этой большой работой, проделанной А. Н. Толстым, появились обобщающие статьи А. Н. Нечаева: «А. Н. Толстой и русские народные сказки» (совм. с Н. Рыбаковой. М., 1948); «Сказки бабушки Куприянихи в обработке для детей М. Сергеевко» (Воронеж, 1948); «Русские народные сказки в советских изданиях для детей» (М., 1950); «О народных сказках в детской литературе» (М., 1955).¹

Заключительным этапом работы А. Н. Нечаева в области сказковедения стало творческое воссоздание волшебных сказок со сложными, многоступенчатыми сюжетами. Вышел в свет сборник: Чудесные ягоды: Русские народные сказки / В обработке А. Нечаева (М.; Л., 1951).²

После кончины А. Н. Толстого бразды правления «сказочными делами» перешли к М. А. Шолохову, и под его редакцией была издана книга русских сказок в пересказах А. Н. Нечаева «Иван меньшей, разумом большой» (М., 1951; 2—4-е изд. М., 1959, 1967, 1972).³

Совместно с женой Н. В. Рыбаковой опубликованы избранные «Русские народные сказки» (М., 1952; 2—5-е изд. М., 1956, 1957, 1958, 1959).⁴ Параллельно изданы «Русские народные сказки» (М., 1956, 1957; 2—3-е изд. М., 1958, 1967).⁵

Уже без помощи супруги напечатаны «Русские народные сказки» (М., 1953; То же. М., 1955, 1964, 1971; Киев, 1982).⁶ В серии «Русские народные сказки» опубликованы «Сказки» (М.,

¹ Нечаев А. Н., Рыбакова Н. В. А. Н. Толстой и русские народные сказки // Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. 12. С. 329—344; Нечаев А. Н. 1) Сказки бабушки Куприянихи в обработке для детей М. Сергеевко // Литературный Воронеж. 1948. № 2. С. 172—180; 2) Русские народные сказки в советских изданиях для детей // О детской литературе. М., 1950. С. 360—416; 3) О народных сказках в детской литературе // Об издании сказок для детей. М., 1955. С. 7—45.

² Чудесные ягоды: Русские народные сказки / В обработке А. Нечаева. М.; Л., 1951. (Школьн. б-ка для нерусских школ). 160 с.

³ Иван меньшей, разумом большой / Пересказ А. Нечаева; Ред. М. Шолохов. М., 1951. 224 с.; 2-е изд. с подзаголовком: Русские народные сказки / Рассказал А. Нечаев; Ред. М. Шолохов. М., 1959. 262 с.; 3-е изд. с подзаголовком: Русские сказки / Пересказал А. Нечаев. М., 1967. 268 с.; 4-е изд. М., 1972. 355 с.; сокращ. изд. М., 1959. 254 с.

⁴ Русские народные сказки / Отбор, ред. текстов, вступ. статья, примеч. А. Н. Нечаева, Н. В. Рыбаковой. М., 1952. 535 с.; 2-е изд. без вступ. статьи. М., 1956. 544 с.; 3-е изд. с предисл. М., 1957. 400 с.; 4-е и 5-е изд. М., 1958, 1959.

⁵ Русские народные сказки / Сост. А. Нечаев, Н. Рыбакова. М., 1956. 351 с.; То же. Минск, 1957; 2-е изд. М., 1958; 3-е изд. М., 1967. 399 с.

⁶ Русские народные сказки / Пересказ А. Нечаева. М., 1953. (Б-ка для юношества). 191 с.; То же. М., 1955; То же / Пересказал А. Нечаев. М., 1964. (Школьн. б-ка для нерусских школ). 192 с.; 2-е изд. М., 1971; То же. Киев, 1982. 239 с.

1972).⁷ Издан сборник «Скатерть-самобранка, кошелек-самотряс и двое из сумы: Русские сказки» (М., 1970).⁸ В 1974 г. выпущен сборник «Хитрая наука: Русские сказки», а в 1979 г. он вышел в переводе на узбекский язык.⁹ Увидели свет «Русские сказки» (М., 1982; 2-е изд. М., 1985).¹⁰

А. Н. Нечаев популяризировал русский сказочный жанр для других народов Советского Союза. Так, в Казахстане был опубликован сборник «Матюша Пепельной : Русские народные сказки в обработке А. Нечаева» (Алма-Ата, 1958).¹¹ В Узбекистане и на Украине вышли сборники сказок в пересказах А. Н. Нечаева.

Так Нечаев из фольклориста — собирателя и исследователя — превратился в писателя, занимательного рассказчика. Эта метаморфоза оказалась возможной, потому что Нечаев изначально являлся носителем фольклорной традиции.

Творческий союз А. Н. Толстого и А. Н. Нечаева успешно сформировался в силу удачного совпадения ряда обстоятельств. Сотрудничество сложилось по принципу взаимодополнительности и в какой-то мере общности интересов этих двух творческих личностей, происходивших из разных социальных слоев и родившихся в разных краях обширной Российской империи. С одной стороны, уроженец Русского Севера, простой крестьянин, выросший «внутри» низовой сказочной традиции, с детства привыкший к тяжелому ручному труду, но также приобщившийся и к школьному знанию. С другой стороны, родовитый граф, проведенный детство в многонациональной Самарской губернии, разделявший детские забавы с крестьянскими сыновьями. А. Н. Толстой указывал в письмах 1896 г. и в поздних автобиографиях, что на хуторе Сосновка Николаевского у. Самарской губ. ходил зимою «к знакомым крестьянам слушать сказки, побасенки, песни», а летом имел привычку «шибаться яблоками» с детьми волостного писаря В. Р. Девятова из с. Колокольниковка.¹²

А. Н. Толстой был на 20 лет старше А. Н. Нечаева и на правах старшего по возрасту и более опытного в литературном деле являлся ведущим в творческом тандеме двух талантливых людей.

⁷ Сказки / Рассказал А. Н. Нечаев. М., 1972. 67 с. (Сер.: «Русские народные сказки»).

⁸ Скатерть-самобранка, кошелек-самотряс и двое из сумы : Русские сказки / Пересказал для детей А. Нечаев. М., 1970. 109 с.

⁹ Хитрая наука: Русские сказки / Рассказал А. Нечаев. М., 1974. 191 с.; То же / Пер. на узб. яз. Х. Эштухарова. Ташкент, 1979. 128 с.

¹⁰ Русские сказки / Пересказал А. Н. Нечаев. М., 1982. 231 с.; 2-е изд. М., 1985. 302 с.

¹¹ Матюша Пепельной : Русские народные сказки в обработке А. Нечаева. Алма-Ата, 1958. (Школьн. б-ка для казахск. школ). 70 с.

¹² Толстой А. Н. 1) Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 1. С. 39—41; 2) Переписка : В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 51.

В то же время А. Н. Нечаев, получивший ученую степень кандидата филологических наук по специальности «фольклористика» в 1940 г., имел полное моральное право давать советы и научные рекомендации признанному писателю. Эти советы касались адаптации устного народного творчества и его своеобразного «перевода» в книжную словесность, обладающую собственными художественными законами и стилевыми параметрами.

Наверное, было бы опрометчиво считать А. Н. Нечаева учеником А. Н. Толстого в области литературно-художественной обработки народных сказок. А. Н. Нечаев осмелился предложить свою кандидатуру А. Н. Толстому в помощь для создания Свода русских народных сказок (как «полного», так и «малого»), уже обладая существенными собственными наработками в сказковедении и, шире, в фольклористике. Ко времени знакомства с А. Н. Толстым он издал серьезные собрания сказок по собственным экспедиционным записям, подготовил сборники былин и плачей Ирины Федосовой.¹³

У А. Н. Нечаева (пока еще в потенциальной форме) имелся собственный вкус в выборе сказочных сюжетов (предельно сложных и многоходовых, с большим составом персонажей, с обязательным троекратным усилением действий и т. п.), сложилась особая стилевая манера творческой переработки народных текстов сказок. (А. Н. Толстой предпочитал простые и легкодоступные для детского восприятия одноходовые сказки, кроме опубликованных им в 1944 г. шести волшебных сказок).

О плодотворном умении работать самостоятельно и о литературской состоятельности А. Н. Нечаева свидетельствует то обстоятельство, что после кончины А. Н. Толстого он успешно продолжил заниматься любимым делом — в одиночку или с супругой. Нечаев создал и опубликовал огромными тиражами представительные сборники волшебных сказок в своей обработке.

Признаком научного успеха А. Н. Нечаева является также два последовательно полученных им приглашения поработать в ведущих академических учреждениях страны — в Институте этнографии в Ленинграде и в Институте мировой литературы (ИМЛИ) в Москве (оба в составе Академии наук СССР). Правда, в них писатель-сказочник надолго не задержался, предпочтя творческий труд «вольного художника».

Важно отметить, что жизненные пути А. Н. Толстого и А. Н. Нечаева привели их в разные годы и в различные перио-

¹³ Избранные былины : Тексты, записанные в Карелии / Ред., вступ. статья А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1937; 2-е изд. Петрозаводск, 1938; *Малинкин А.* [рец.] // Книжные новости. 1938. № 21. С. 28; *Ирина Федосова.* Причитания : (Избранное) / Сост. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1937.

ды жизни в ИМЛИ, где каждый из них получил собственный научный статус согласно своему вкладу в соединение науки с литературой, однако оба руководствовались общим интересом к народным сказкам. Можно предположить, что А. Н. Толстой считал свою работу над систематизацией и редактированием русских народных сказок не только долгом депутата-писателя, но и действительного члена Академии наук СССР, которым он стал 28 января 1939 г. (вместе с М. А. Шолоховым). 13 сентября 1938 г. Институт литературы (ныне Институт русской литературы (Пушкинский Дом)) и 3 ноября 1938 г. Институт мировой литературы выдвинули Толстого в академики; его кандидатура была поддержана рядом академических институтов, высших учебных заведений и Пушкинским обществом.¹⁴ Сохранился черновик письма фольклориста, академика Ю. М. Соколова, адресованного А. Н. Толстому, в котором он поздравляет писателя с избранием в академики и в связи с этим ожидает «расцвета в ближайшее время фольклористической работы внутри Академии наук и во всем Советском Союзе» (28.01.1939).¹⁵

Рассмотрим биографию А. Н. Нечаева, исходя из собственноручно заполненных «личных листков», «личных карточек», написанных им в разные годы автобиографий и других документов; привлекая служебные характеристики, сохранившиеся в архивах ИМЛИ и бывшего Союза советских писателей (ССП), Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск). Для четкого выстраивания жизненного пути А. Н. Нечаева также важны его дарственные надписи на книгах (Мемориальный музей-квартира А. Н. Толстого в Москве) и существующие публикации о нем с биографическими сведениями. Литературный архив Нечаева хранится в его личном фонде в Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова в г. Архангельске (предоставлен его дочерью Т. А. Нечаевой). Переписка Нечаева с А. Н. Толстым находится в Отделе рукописей ИМЛИ РАН (г. Москва).

Еще раз подчеркнем, что биография А. Н. Нечаева — достойный образец осознанно избранного пути сказочника и сказковеда — прямого пути, с которого он не сошел ни разу.

Александр Николаевич Нечаев родился 7/20 (по ст./н. ст.) апреля 1902 г. в д. Екимово Вершининской вол. Пудожского у. Олонецкой губ. (затем Приозерского р-на, ныне Плесецкого р-на Архангельской обл.), в зажиточной семье крестьянина-хлебопаш-

¹⁴ См.: *Крюкова А. М.* А. Н. Толстой — академик АН СССР // А. Н. Толстой : Материалы и исследования. М., 1985. С. 232—233; *Крестинский Ю. А.* А. Н. Толстой : Жизнь и творчество : (Краткий очерк). М., 1960. С. 266.

¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 483, оп. 1, ед. хр. 826, л. 1 — автограф.

ца; отец «занимался по зимам в Петербурге разносной торговлей» (автобиографии в ИМЛИ и ССП). В Автобиографии 31 октября 1944 г. Нечаев уточняет вид и время деятельности отца: «Занимался розничной грибной торговлей (разносчик) до 1916 г. в зимние месяцы в Петербурге» (ССП). Свое «социальное происхождение» он определяет как «крестьянин» («Личная карточка члена/кандидата Союза советских писателей СССР» в отделе кадров бывшего ССП).

Борис Привалов, современник А. Н. Нечаева, писал о влиянии «малой родины» на будущие научные интересы фольклориста: «Он родился в 1902 году в деревне, расположенной на стыке трех губерний — Архангельской, Олонецкой и Вологодской, в тех местах, которые и по сей день считаются главной сокровищницей северорусского фольклора, заповедником народных старинных обычаев и обрядов. Песни, былины, сказания — их слышал Александр Николаевич с того дня, как помнит себя».¹⁶

Н. В. Дранникова, современный фольклорист из Архангельска, относит А. Н. Нечаева к почетному крестьянскому роду и указывает: «Родовитыми на Севере считались семьи первопоселенцев. К ним в крестьянской среде относились особо уважительно. Семья была с прочными родовыми традициями. Очень высоким авторитетом пользовался дед — Григорий Степанович Нечаев».¹⁷

А. Н. Нечаев в своих воспоминаниях приводит наставления деда: «Водку пей, а на другой день не опохмеляйся. Нехорошее дело карты — я век прожил, никогда не игрывал, а буде и сядешь играть да проиграешь — не отыгрывайся. В бардак не ходи, — всегда человеком будешь...».¹⁸

А. Н. Нечаев обосновывает справедливость подобных наставлений: «Как ни странно, подобная сентенция, может быть, и не совсем уместная с педагогической точки зрения, когда слушателю всего восемь лет, еще и тогда вполне дошла до меня и запомнилась на долгие годы. Объясняется все тем, что в крестьянской среде, нравственно чистой, а потому целомудренной, взрослые не таились в разговоре с детьми, называя вещи своими именами именно в силу собственной высокой нравственности и в силу тех бытовых обстоятельств, когда вся жизнь и все отношения в семье протекали не в сокровищах, а на глазах других членов семьи, в том числе и детей».¹⁹

¹⁶ Привалов Б. Советский сказочник : Штрихи к портрету А. Н. Нечаева // Детская литература. М., 1974. Авг. № 8. С. 16.

¹⁷ Дранникова Н. В. Со сказкой по жизни // Правда Севера. Архангельск, 1999. 12 авг. С. 8.

¹⁸ Цит. по: Там же.

¹⁹ Там же.

Оглядываясь на почти уже пройденный жизненный путь, А. Н. Нечаев отмечает: «С нежностью вспоминаются детские мои годы, когда в грубоватой на первый взгляд среде, такой естественной в своей кристально-чистой непосредственности и высокой нравственности, закладывались основы человека — члена общества».²⁰

В 1913 г. А. Н. Нечаев закончил церковно-приходскую школу «с наградой первого ученика» и в 1915 г. местное Министерское двухклассное училище, один год проучился в низшем техническом училище в Петрозаводске (оно закрылось). В 1920 г. окончил школу II ступени в г. Пудоже Олонецкой губ. (автобиографии 31 октября 1944 г. и 15 мая 1951 г., ССП).

А. Н. Нечаев сменил множество профессий и мест проживания. С начала своей трудовой деятельности в 1920 г. он работал делопроизводителем и статистиком (секретарем уземотдела и губземадела) в г. Пудоже Олонецкой губ. — по переписи населения 1920 г., продотрядником (культработником в военпродотряде № 1733 или в Центральном Военпродбюро) в Оренбургской губ. (сентябрь 1920—май или сентябрь 1921 г.).

В августе—сентябре 1921 г. окончил краткосрочные (месячные) педагогические курсы в г. Пудоже, стал сельским учителем и заведующим школой I ступени в д. Минин Конец Пудожского у. (Каргопольского у. — по данным ССП, 1951 и 1952 гг.; август или ноябрь 1921—декабрь 1922 г. или ноябрь 1923 г. — по данным ССП, 1978 г.).

В Автобиографии 31 октября 1944 г. А. Н. Нечаев особо отмечает свой приезд в Петроград в начале 1923 г. (ССП, л. 17). Устроился рабочим-табельщиком целлюлозного завода треста «Севзаплес» (январь или декабрь 1923—ноябрь 1925 г.). В 1925—1926 гг. в Ленинграде А. Н. Нечаев даже служил красноармейцем-краткосрочником в 31-м стрелковом полку. Комсомольцем и партийным не был.

После службы в Красной Армии А. Н. Нечаев устроился варщиком целлюлозы в д. Дубровке Петроградской губ. (ныне Ленинградской обл., август или сентябрь 1926 — сентябрь или октябрь 1927 г.), рабочим на стройке завода «Пионер» в Ленинграде (1927).

Как видим, к занятию любимым делом А. Н. Нечаев шел издалека, перепробовав множество рабочих специальностей и обучившись в разных гуманитарных заведениях.

Спустя много лет А. Н. Нечаев считал себя литератором-литературоведом, имеющим солидный стаж работы по специальности: 22 года в 1952 г. (на момент заполнения анкеты в ИМЛИ). В «Личной карточке члена/кандидата Союза советских писателей

²⁰ Там же.

СССР», заполненной 8 сентября 1947 г., Нечаев отмечает социальное положение — «служащий» (в скобках) и уточняет — «литератор»; в графе «литературный жанр» определяет: «литературоведение — фольклор, детская литература». В «Личной карточке» за 1952 г. в той же графе называет «литературоведение, критика, фольклористика» (ССП). Заметим, что в середине XX в. фольклористика считалась особым ответвлением от литературоведения.

Началом литературной работы (в одноименной графе) А. Н. Нечаев неизменно указывает: «1930 год». В Автобиографии 15 мая 1951 г. А. Н. Нечаев отметил: «Печататься стал с 1930 года» (ССП). В «Справке о произведениях Нечаева А. Н.» (ССП) первым пунктом названа статья «Массовая культура» в сборнике «Молодежь на сезонных работах» (1930).²¹

Образование Нечаев имел незаконченное высшее, обучался специальности литературоведа-фольклориста на Высших государственных курсах при Государственном институте истории искусств (ГИИИ) в Ленинграде с 1927 г., с 1929 г. перевелся в Ленинградский институт литературы и истории (ЛИЛИ), но ушел с последнего курса. В «Личной карточке» (ССП) в графе «образование» Нечаев указал «высшее»; в «Личном листке по учету кадров АН СССР» (ИМЛИ) в такой же графе написал «незаконченное высшее». Вероятно, Нечаев считал свое образование подходящим для литературной деятельности и недостаточным для научной работы.

Интересно, что на выбор Высших государственных курсов искусствоведения при ГИИИ повлияла встреча с А. В. Луначарским в июне 1927 г. в гостинице «Европейская», когда в конце беседы нарком просвещения порекомендовал А. Н. Нечаеву серьезно учиться.²² Кроме того, А. Н. Нечаев объяснял: «Выбрал я это учебное заведение потому, что занятия там были вечерние» (Автобиография 31 октября 1944 г., ССП, л. 17).

А. Н. Нечаев указывает, что вузовские занятия пробудили в нем увлечение фольклором: «Уже с первых курсов ВУЗ'а определилась как-то сама собой моя специальность, интерес к народоведению, и в частности к народной культуре и к народно-поэтическому творчеству русского народа, понудил меня специализироваться в этой области» (Автобиография 31 октября 1944 г., ССП, л. 17 об.).

²¹ *Нечаев А. Н.* Массовая культура // Молодежь на сезонных работах. М., 1930.

²² См.: *Макаров Н. А.* «Жил-был сказочник...»: (А. Н. Нечаев) // Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 7 : Краеведение и краеведы : Материалы науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рожд. К. П. Гемп. СПб., 2000. С. 203.

На первом курсе на талантливом студента обратил внимание академик В. М. Жирмунский.²³

На Высших государственных курсах А. Н. Нечаев познакомился с будущей женой Н. В. Рыбаковой, дочерью настоятеля храма Спаса-на-Водах В. Рыбакова. В дальнейшем Нина Владимировна Рыбакова тоже стала фольклористом-литератором.²⁴

Одновременно с получением высшего филологического образования Нечаев сделался культработником и учителем русского языка и литературы в Ленинградском областном отделении Союза строителей (октябрь 1927 или 1928—август 1930 г.), потом преподавателем-ассистентом и затем доцентом кафедры литературы Высшей школы профдвижения ВЦСПС в Ленинграде (сентябрь 1930—май 1934 г.). 2 января 1931 г. отдел кадров Ленинградского Союза строителей дал А. Н. Нечаеву рекомендацию для работы в фольклорном кабинете Государственного института истории искусств.²⁵

А. Н. Нечаев становится профессиональным фольклористом-собирателем. Он пишет: «Сразу же по окончании ВУЗ'а я принимал самое активное участие в работе ленинградских фольклористов. В течение многих лет собирал народные сказки, песни и др. виды фольклора на Русском Севере и в окрестностях Ленинграда и в самом Ленинграде» (Автобиография 31 октября 1944 г., ССП, л. 17 об.).

Имя А. Н. Нечаева упомянуто в отчете о работе Фольклорной секции Института по изучению народов СССР (ИПИИ, г. Ленинград) за период с 15 апреля по 15 июня 1931 г.²⁶ Хотя в штате института Нечаев не состоял, он разрабатывал актуальную тему «Песенный репертуар текстильной фабрики „Работница“». ²⁷ Записи 1930—1931 гг. сохранились в коллекции № 20 (СПФ АРАН).²⁸

Летом 1932 г. началась экспедиционная работа Беломорского отряда, проводимая ИПИИ совместно с Карельским научно-исследовательским институтом (КНИИ), и в начале июня Нечаев первым из участников экспедиции выехал в г. Петрозаводск, чтобы уточнить цели исследования на месте. 13 июня 1932 г. он

²³ См.: Дранникова Н. В. Со сказкой по жизни. С. 8.

²⁴ См.: Дранникова Н. В. 1) Там же; 2) Нечаев Александр Николаевич // Русские фольклористы : Библиографический словарь : Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова, А. Л. Топорков. М., 2010. С. 192.

²⁵ См.: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 477, со ссылкой: СПФ АРАН, ф. 150, оп. 5, № 11, л. 45.

²⁶ См.: Там же. С. 464.

²⁷ Там же. С. 541.

²⁸ Там же. С. 574.

писал в Фольклорную секцию: «Сегодня было заседание. Все наши установки они переделали. Им нужен не производственный колхоз<ный> фольклор, а весь фольклор Беломорского края».²⁹ Это была первая экспедиция Нечаева, проходившая в компании известных фольклористов А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой и С. С. Писарева (последние двое были еще и писателями).³⁰ Фольклорные записи Беломорского отряда 1932 г. составляют коллекцию № 28, а записи 1933 г. в Лоуском р-не Карелии и Кандалакшском р-не Мурманской обл. — коллекцию № 25; они были перепечатаны в нескольких экземплярах и хранились в ИПИИ и КНИИ (СПФ АРАН).³¹ В поморском селе Сумпосад в 1933 и 1937 гг. А. Н. Нечаев с Е. Родиной обнаружили сказочника Ф. Н. Свиньина и записали от него 64 сказки.³²

А. Н. Нечаев — талантливый собиратель фольклора — во время одной из трех экспедиций КНИИ в 1932—1937 гг. отыскал в с. Кереть Лоуского р-на Карелии (б. Кемский у. Архангельской губ.) удивительного сказочника М. М. Коргуева (1883 г. р.). Природный дар рассказчика был замечен, А. Н. Нечаев выпустил несколько книг его сказок (об этом чуть позже), и в 1938 г. М. М. Коргуев (одновременно со сказителем Ф. А. Коначковым) стал членом Союза советских писателей.³³ 1 февраля 1939 г. М. М. Коргуеву (опять же вместе с Ф. А. Коначковым) вручили орден «Знак Почета»; таким же орденом месяцем раньше наградили А. Н. Толстого при избрании в действительные члены Академии наук СССР за литературные достижения.

А. Н. Нечаев стал старшим научным сотрудником Карельского научно-исследовательского института (ныне Институт истории, языка и литературы Карельского научного центра РАН) в г. Петрозаводске: принят с 15.V.1934 г., а соответствующий приказ составлен 11.VI.1934 г., очевидно, после испытательного срока, практиковавшегося в СССР применительно к научным и инженерным кадрам. Написанная для этого института автобиография Нечаева датируется 26.IV.1934 г.

А. Н. Нечаева назначили руководителем этнографо-лингвистического отдела, фактически занимавшегося сбором фольклора. В те годы он опубликовал три статьи о сборе современ-

²⁹ Цит. по: Там же. С. 547, со ссылкой: СПФ АРАН, ф. 150, оп. 5, № 11, л. 11 об.

³⁰ См.: Дранникова Н. В. Нечаев Александр Николаевич. С. 192.

³¹ См.: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. С. 574, 597.

³² См.: Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 27—28.

³³ См.: Лозанова А. Н. Работа по фольклору в Карельской АССР // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 256.

ного фольклора в Карелии: «За советскую Карелию : (Рассказы партизан, записанные со слов участников Гражданской войны фольклорной группой Карельского научно-исследовательского института)» и «Фольклор и его значение» (обе 1934 г.); «Работа фольклористов в Карелии» (1936).³⁴

В 1937 г. учреждение было переименовано в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), а должность руководителя этнографо-лингвистического отдела упразднили. А. Н. Нечаева в апреле 1937 г. перевели на должность научного сотрудника по фольклору, в которой он проработал до увольнения по собственному желанию 11 мая 1938 г. (по данным Автобиографии 1952 г., ИМЛИ). Однако «карельский период» научной работы А. Н. Нечаева был полон драматизма, как и судьба института в годы начавшихся репрессий.

На какое-то время Нечаев уехал из Петрозаводска — наиболее вероятно, в фольклорную экспедицию, учитывая летний «полевой сезон». В письме 19.VIII.1937 г. в Дирекцию КНИИК он сообщает, что его приезд в Петрозаводск откладывается до конца августа. В феврале—октябре 1937 г. были арестованы, а чуть позднее и расстреляны сотрудники института С. А. Макарьев (до 1935 г. заместитель директора), Н. Н. Виноградов и И. М. Дуров.³⁵

Неизвестно, приехал ли А. Н. Нечаев в конце лета в Петрозаводск: ведь возврат к любимой работе ему также грозил лишением свободы, а то и самой жизни. Об этом свидетельствует письмо и. о. директора института В. И. Машезерского, направленное секретарю парторганизации ВКП(б) Академии наук следующего содержания: «Карельский научно-исследовательский институт настоящим сообщает, что у Нечаева А. Н. были связи с ныне арестованным врагом народа Хюппенен<ом>. В силу этого институт отказывает в настоящее время дать положительную политическую характеристику А. Н. Нечаева. Институт также считает, что необходимо воздержаться от представления работы Нечаева „Беломорские сказки“ на конкурс молодых ученых». Письмо зарегистрировано в личном деле А. Н. Нечаева в октябре 1937 г., а в трудовом листке есть запись от 27.X.1937 г. об освобождении ученого от работы в фольклорной группе института и в самом институте.

³⁴ *Нечаев А. Н.* 1) За советскую Карелию : (Рассказы партизан, записанные со слов участников Гражданской войны фольклорной группой Карельского научно-исследовательского института) // Начало : Альманах карельских писателей. Петрозаводск, 1934. Кн. 2. С. 30—34; 2) Фольклор и его значение // Красная Карелия. 1934. 30 окт. № 251; 3) Работа фольклористов в Карелии // Советский фольклор. 1936. № 2/3. С. 454—455.

³⁵ См.: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. С. 509—510.

По данным «Книги памяти Республики Карелии», Павел Адамович Хюппенен, 1906 г. р., уроженец д. Тихковицы (Тикковицы) Красногвардейского р-на Ленинградской обл., финн, член ВКП(б), заведующий отделом школ Карельского обкома ВКП(б), проживал в г. Петрозаводске. 29 июля 1937 г. был арестован. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 4 января 1938 г. обвинен по статье 58-10-11 Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 14 января 1938 г. в окрестностях Петрозаводска и там же захоронен. Посмертно реабилитирован 15 декабря 1956 г. Верховным Советом СССР.³⁶

Несмотря на серьезные упреки в дружбе с «врагом народа», в марте 1938 г. А. Н. Нечаев был восстановлен в должности старшего научного сотрудника фольклорной группы института для продолжения работы по изданию «Сказок Карельского Беломорья». В личном деле есть смета, составленная А. Н. Нечаевым, на подготовку 2-го тома указанного сборника, а также на подготовку книги с условным названием «Песни Коргуевых». Но 11.V.1938 г. А. Н. Нечаев уволился по собственному желанию, переехал в Ленинград и приступил к новой работе.

В Научном архиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (это современное название КНИИК) хранится личное дело А. Н. Нечаева (период: 11.VI.1934—27.X.1937), трудовой список (т. е. «трудовая книжка») с последней записью от 11.V.1938 г., а также несколько статей фольклориста и подготовленная им книга сказок М. М. Коргуева.³⁷

Длительный период вступления весной 1934 г. в должность руководителя этнографо-лингвистического отдела и дальнейшие драматические перипетии в научной работе в Петрозаводске отражены разногласиями датировок в более поздних автобиографиях (май или июнь 1934—май 1937 г. или июнь 1938 г. — ИМЛИ и ССП).

Помимо сборников сказок, от того сугубо фольклорного ленинградско-петрозаводского жизненного периода Нечаева осталась документальная память в виде сборника А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой «Старая и новая Карелия в частушке» (Петрозаводск, 1937), в который вошли записи, сделанные им и еще рядом фольклористов в 1926—1936 гг. Кроме того, 4 сентября 1936 г. А. Н. Нечаев передал в Институт этнографии АН СССР

³⁶ См.: Возвращенные имена: Алфавитный список // http://vizh.nlr.ru/search/lists/all/245_10.html; Списки жертв // <http://www.lists.memo.ru/d35/f180.htm>.

³⁷ Благодарим за сообщенные сведения А. С. Лызлову (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск).

машинописные копии фольклорных записей, составивших коллекцию № 57.³⁸

Нам особенно важен тот период жизни А. Н. Нечаева, когда он познакомился с А. Н. Толстым и сотрудничал с ним. С этой точки зрения наиболее привлекательны автобиографии Нечаева от 24 июля 1943 г. и 31 октября 1944 г., написанные во время сотрудничества фольклориста с писателем (ССП).

С мая 1938 г. А. Н. Нечаев в официальных документах утверждает себя «литератором», кроме того, числится лектором Ленинградского городского лектория (июль 1938—июнь 1941 г.), преподает в Институте усовершенствования учителей (сентябрь 1938—сентябрь 1939 г.). 2 января 1939 г. он принят в члены Союза советских писателей; с 1940 г. по июнь 1941 г. работает научным сотрудником Института этнографии Академии наук СССР в Ленинграде. С ноября 1943 г. по 1944 г. или по август или октябрь 1945 г. является докторантом московского отделения Института этнографии АН СССР (докторантуру не закончил). На момент заполнения «Личной карточки члена/кандидата Союза советских писателей СССР» 8 сентября 1947 г. Нечаев указывает: «Живу литературным трудом». В Автобиографии 15 мая 1951 г. А. Н. Нечаев пишет: «С 1938 года жил главным образом литературным трудом» (ССП).

Данные о службе в армии, о рабочей, преподавательской и научной деятельности приводятся по «личным карточкам» и «личным листкам», заполненным А. Н. Нечаевым по памяти в разные годы (1934, 1943, 1944, 1947, 1951, 1952 и 1978), поэтому имеют незначительные разночтения в указании трудовой деятельности по месяцам.

В 1937 г., в ознаменование 20-летия Октябрьской революции, объявили Всесоюзный конкурс-соревнование молодых научных работников. В 1938 г. А. Н. Нечаев был награжден Конкурсным комитетом ЦК ВЛКСМ и Президиумом Академии наук за научный сборник «Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым» (1938).³⁹ Сборник был создан в результате фольклорных экспедиций 1932—1936 гг. и получил премию 1-й категории на Ленинградском конкурсе и премию 2-й категории на Всесоюзном конкурсе.⁴⁰ В ведущем профессиональном журнале «Советский фольклор» (1941. № 7) отмеча-

³⁸ См.: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. С. 574.

³⁹ Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / Зап. текстов, подгот. к печати, вступ. статья, примеч. А. Н. Нечаева. М., 1938.

⁴⁰ См.: Автобиография 15 мая 1951 г. и «Личная карточка» 10 мая 1978 г. (ССП); Характеристика А. Н. Нечаева из ССП от 20 февраля 1953 г. (ИМЛИ); *Привалов Б.* Советский сказочник: Штрихи к портрету А. Н. Нечаева. С. 18.

лось: «В 1937 г. Фольклорная комиссия приняла участие в конкурсе молодых работников, выдвинув на конкурс три работы: 1) М. И. Шахновича — „Русские пословицы как исторический источник“; 2) А. Н. Нечаева — „Сказки Беломорского края“ и 3) К. А. Четкарева — „Марийские сказки Ронгинского района“. Две последние работы получили 1-ю и 2-ю премии».⁴¹ Созданию книги предшествовал доклад Нечаева «Сказки беломорского сказителя М. М. Коргуева», прочитанный в 1937 г. на заседании Фольклорной комиссии в Институте этнографии АН СССР, о чем также сообщалось в журнале «Советский фольклор» (1941. № 7).⁴² А еще раньше, в 1936 г., А. Н. Нечаев организовывал выступления М. М. Коргуева в Петрозаводске и Ленинграде.

Материалы премированного сборника послужили основой для серьезного труда А. Н. Нечаева «Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева : В 2 кн.» (1939),⁴³ который был расширен с 11 до 115 сказок.

В Автобиографии 15 мая 1951 г. А. Н. Нечаев так писал о премии: «Одна из моих работ: „Сказки Карельского Беломорья“ (2 книги) на конкурсе молодых ученых удостоена Премии первой категории по Ленинграду и Ленинградской области, а на Всесоюзном конкурсе — премии второй категории (1938 г.)» (ССП).

На первый сборник сказок последовало 5 рецензий: Э. В. Гофман (Померанцевой), В. И. Чичерова, В. Г. Базанова, Н. П. Андреева и спрятавшегося под криптонимом «И. К.» критика (И. Кутасова? — зам. отв. редактора журнала «На рубеже»).⁴⁴ На второй фундаментальный сборник поступило три отклика критики: это были И. Кутасов, В. Г. Базанов и тот же таинственный «И. К.».⁴⁵

⁴¹ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 270.

⁴² См.: Там же. С. 269.

⁴³ Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева : В 2 кн. / Зап., вступ. статья, коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

⁴⁴ См. рец.: Гофман Э. В. «Беломорские сказки» / Литературное обозрение. 1938. № 6. С. 40—43; Чичеров В. И. «Беломорские сказки» // Детская литература. 1938. № 15/16. С. 49; И. К. Сказки Карельского Беломорья. Т. 1, кн. 1. Л., 1933—1941 // Ленинград. 1940. № 4 (3-я с. обложки); Базанов В. Г. Мастерство сказки // Литературный современник. 1940. № 10/11. С. 208—210; Андреев Н. П. Новые издания сказок на русском языке // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 224.

⁴⁵ См. рец.: Кутасов И. «Сказки Карельского Беломорья» // На рубеже. Петрозаводск, 1940. № 1. С. 41; И. К. «Сказки Карельского Беломорья» // Ленинград. 1940. № 4. С. 25 (3-я с. обложки); Базанов В. Г. Мастерство сказки // Литературный современник. 1940. № 10/11. С. 208—210.

Планировалось подготовить и издать 6 томов (12 книг) академического собрания «Сказок Карельского Беломорья», однако уже опубликованный 1-й том в 2 книгах так и остался единственным. Тем не менее вся проделанная грандиозная работа по разысканию, изучению и публикации сказок привела еще к одному полезному результату — защите кандидатской диссертации.

В Интернете представлена иная, слабо документированная версия получения А. Н. Нечаевым двух научных премий за книгу «Танцы и песни танцевальные в Кенозерье» (Петрозаводск, 1938. 2-е изд.), созданную в результате фольклорных экспедиций 1932—1936 гг. Автор книги был сам родом из Кенозерья.⁴⁶ Книга не найдена и не просмотрена *de visu*. В Петрозаводске во время войны 1941—1945 гг. была утрачена научная библиотека, насчитывавшая 75 тыс. книг.⁴⁷ Поразительно, что первая версия премирования А. Н. Нечаева (за книгу сказок М. М. Коргуева) также приведена в этих Интернет-статьях.

Несмотря на незаконченное высшее образование А. Н. Нечаева, 26 февраля 1940 г. ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук решением Совета при Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, протокол № 2, диплом № 00429 от 10 августа 1940 г. («Личный листок по учету кадров АН СССР», 1952 г., ИМЛИ; «Личная карточка», 1952 г., ССП). А. Н. Нечаев защитил диссертацию по одноименной книге «Сказки Карельского Беломорья», оппонентами выступали профессора, доктора филологических наук Н. П. Андреев и В. А. Десницкий (Выписка из протокола 2 заседания Ученого совета ЛГПИ им. А. М. Герцена от 26 февраля 1940 г., ССП, л. 20). О защите диссертации Нечаевым сообщалось в журнале «Советский фольклор» (1941. № 7).⁴⁸

В письме «В Детиздат» 8 марта 1938 г. А. Н. Толстой сообщал о работе А. Н. Нечаева: «...от сказочника-рыбака, ныне здравствующего, М. М. Коргуева записано полторы тысячи страниц

⁴⁶ См.: Нечаев Александр Николаевич (1902—1986) — по статьям Е. Пономарева в газете «Кенозерье» и Н. Макарова, доц. Поморского гос. ун-та, в газете «Правда Севера», <http://kenozetje.h12.ru/nechaev.htm>; Макаров Н. А. Писатель-фольклорист А. Н. Нечаев : (Литературно-краеведческий очерк : К 100-летию со дня рождения). Архангельск, 2004; http://folk.pomorsu.ru/publicat/_complsobir/namakarov.html; книга упоминается на сайте litagent.ru; в библиогр. указателе: Русский фольклор. 1917—1944 / Сост. М. Я. Мельц (Л., 1966) и фондах РГБ отсутствует.

⁴⁷ Благодарим за эти сведения А. С. Лызову (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск).

⁴⁸ Ширяева П. Г. Фольклорная работа в СССР за последние три года // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 264.

замечательных сказок».⁴⁹ Так Толстой охарактеризовал монументальный труд Нечаева по материалам его полевых экспедиций — «Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым» (1938). Вслед книге А. Н. Нечаев опубликовал научные статьи «Сказочник Коргуев» (1938) и «Сказки М. М. Коргуева» (1939).⁵⁰

Все книги сказок А. Н. Нечаев преподнес А. Н. Толстому с дарственными надписями: на первой — «Глубокоуважаемому Алексею Николаевичу Толстому. Скромный знак искреннего уважения и почитания. 26-II-38 г. А. Нечаев. г. Пушкин» («Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым», 1938); на второй — «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Николаевичу Толстому с искренним приветом. 17-V.1939 г. А. Нечаев» и на третьей — «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Николаевичу Толстому от неизменно преданного Нечаева. Москва. 22/V-1940 г.» (Сказки Карельского Беломорья : В 2 кн., 1939) (Мемориальный музей-квартира А. Н. Толстого в Москве).

А. Н. Нечаева с народным сказочником сближала «малая родина»: собиратель также был родом из Поморья. Кроме того, импульсом для собирания и последующей публикации стали русские народные сказки, рассказанные в детстве матерью Евдокией Федоровной и сказочником Поликарпом из соседнего села Вершинино. «Думаю, — вспоминал А. Н. Нечаев, — что в какой-то степени сказки матери и Поликарпа повлияли в юности на выбор моих занятий».⁵¹

И все-таки именно успех фольклорных экспедиций (особенно в родное Поморье) с обнаружением там богатой сказочной традиции и талантливого сказочника М. М. Коргуева обусловил особый интерес Нечаева к проблемам научно-популярной эдиции сказок и к переложению их на литературный лад.

Помимо классических сказок разных жанровых разновидностей А. Н. Нечаев фиксировал и советские сказки. Так, в 1937 г. фольклорист записал и потом неоднократно публиковал сказку М. М. Коргуева «Про Чапая».⁵²

А. Н. Нечаев познакомился с А. Н. Толстым у В. Я. Шишкова (оба жили в Детском Селе (Царском Селе)), с последним фольклорист сблизился на почве любви к русскому фольк-

⁴⁹ А. Н. Толстой о литературе и искусстве : Сборник. М., 1984. С. 466. См. также: *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1946—1953. Т. 10. С. 465—466; ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/2-б, с заглавием «В Детиздат ЦК ВЛКСМ».

⁵⁰ *Нечаев А. Н.* Сказочник Коргуев // Народное творчество. М., 1938. № 12. С. 33—35; Сказки М. М. Коргуева // Советский фольклор. 1939. № 6.

⁵¹ Цит. по: *Макаров Н. А.* «Жил-был сказочник...». С. 203.

⁵² См.: *Коргуев М. М.* Про Чапая / Зап. А. Н. Нечаевым // Ленинградская правда. 1937. 30 сент. № 226; То же // Советские сказки / Сост., ред. В. Г. Базанов. Б/м, 1943. С. 22—29.

лору.⁵³ «Вячеслав Яковлевич <Шишков>, — писал А. Н. Нечаев, — близко к сердцу принял размышления о пропаганде русских народных сказок. — Необходимо, — сказал он, — поговорить об этом с А. Н. Толстым».⁵⁴ Вся троица — А. Н. Толстой, В. Я. Шишков и А. Н. Нечаев — была предложена для включения в Редакционный комитет для издания Полного и избранного сводов русских народных сказок в марте 1938 г.⁵⁵

А. Н. Нечаев вспоминал о начале своего знакомства с известным писателем и о разговоре с ним по поводу русских народных сказок: «А. Н. Толстой покорила меня не столько эрудицией в этой области, сколько здравым смыслом и художественным чувством. <...> В тот день А. Н. Толстой воодушевленно и взволнованно говорил о народной поэзии, о ее значении в литературе и национальной культуре. „Нам необходимо... продолжить разговор, — говорил А. Н. Толстой. — Этому следует уделить самое большое внимание!“».⁵⁶

В результате А. Н. Нечаев становится научным консультантом А. Н. Толстого, осуществляя серьезную помощь в его работе 1937—1944 гг. над художественной обработкой русских народных сказок. Один из старейших фольклористов-сказковедов Москвы сообщил нам о существовании негласного мнения (в духе фольклорных «слухов и толков») о том, что покровительство А. Н. Толстого благотворно повлияло на судьбу А. Н. Нечаева, вплоть до вытаскивания его из-под жерновов идеологической мельницы и спасения от возможных репрессий.

Сохранилась большая неопубликованная переписка А. Н. Нечаева с А. Н. Толстым и подготовленные фольклорные материалы, послужившие писателю отправной точкой для составления двух опубликованных сборников сказок для детей и множества маленьких книжечек.

А. Н. Нечаев и его жена-фольклорист Н. В. Рыбакова в статье-послесловии «А. Н. Толстой и русская народная сказка» к Полному собранию сочинений писателя указали зимний период 1937/38 г. как начальный этап работы над сказками: «Вся зима 1937/1938 г. ушла на предварительную подготовку. Во-первых, тщательно продумывался план всего свода и содержание каждой

⁵³ См.: *Макаров Н. А.* Писатель-фольклорист А. Н. Нечаев : (Литературно-краеведческий очерк : К 100-летию со дня рождения) // Комплексное собиране, систематика, экспериментальная текстология : Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6—8 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 161.

⁵⁴ Цит. по: *Макаров Н. А.* «Жил-был сказочник...». С. 205.

⁵⁵ См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/5-а, б, в, л. 3: «Предварительные соображения об издании Свода избранных сказок и Полного свода русской народной сказки».

⁵⁶ Цит. по: *Макаров Н. А.* Писатель-фольклорист А. Н. Нечаев. С. 161.

книги. Другая задача заключалась в том, как организовать материал и найти средства оформить этот материал, чтобы сохранить в книге наибольшую подлинность сказок во всей полноте типически народного и общерусского звучания». ⁵⁷

Такая датировка подкреплена сохранившимися краткими сведениями о двух договорах А. Н. Толстого с Госиздательством детской литературы за 1937 г. — № 3637—3638, касающихся уже сданных в издательство сказок «Колобок» и «Мужик и медведь». ⁵⁸ Несмотря на подписанные договоры с указанием степени готовности каждой сказки — «сдана», оба произведения были опубликованы лишь спустя два года, в 1939 г., произведение «Мужик и медведь» — дополнительно еще в журнале «Мурзилка» (1939. № 5).

Еще одним свидетельством того, что именно в 1937 г. у Толстого возник замысел творческой работы с русскими народными сказками и он тут же приступил к его осуществлению, является его записная книжка 1932—1944 гг. (с условным номером — 4). В ней весной 1937 г. Толстой сделал ряд выписок особо заинтересовавших его слов, определений, отдельных предложений и целых фрагментов, обозначив их «Из сказок», а в одном месте пометив «Суворов». Всего имеется 25 выписок: в публикации они пронумерованы со 131 по 155 номера. ⁵⁹

Ряд выписанных сказочных выражений нашел применение в русских народных сказках в обработке Толстого. Так, сказочный персонаж «бабушка-задворенка» (выписка № 131) появился в разных сюжетах в «Сказке о молодильных яблоках и живой воде», в «Иване — коровьем сыне» и в «Царевне лягушке» Толстого (датируются нами 1940 г. — *Е. С.*). Выписка № 140 — «припал на мягкую траву и уснул» — обнаружилась в сказке «Иван — коровой сын» (1940). Выписка № 141 — «устал до смерточки» — проявилась в сказке «Иван-царевич и серый волк» (1940). Выписка № 147 — «Дорожный человек костоват и черен» — вошла в сказку «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» (1939). Остальные выписки оказались неиспользованными заготовками.

Дополнительными и косвенными указаниями на 1937 г. как начало творческой деятельности А. Н. Толстого по обработке русских народных сказок (при помощи А. Н. Нечаева) служит целый ряд обстоятельств. Во-первых, избрание Толстого 12 декабря 1937 г. депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР и его

⁵⁷ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. : В 15 т. М., 1948. Т. 12. С. 334—335.

⁵⁸ РГАЛИ, ф. 630 (Фонд Госиздательства детской литературы), оп. 1, ед. хр. 2554, л. 14: Списки договоров, заключенных за 1937 г. по изданию книг.

⁵⁹ Толстой А. Записные книжки / Предисл., публ. Ю. А. Крестинского, Л. И. Толстой; Примеч. Ю. А. Крестинского, П. И. Якира // Лит. наследство. М., 1965. Т. 74. С. 342—343.

понимание депутатской миссии, в том числе заключающейся в подготовке свода русского фольклора. Во-вторых, библиография первоисточников русских сказок, подготовленная А. Н. Нечаевым и Н. В. Рыбаковой и использованная Толстым в его работе, завершается публикациями 1937 г. (исключение — сборник сказок его научного консультанта А. Н. Нечаева в 1939 г.).

Сохранился уникальный документ, ошибочно смещающий время на год-другой позже и преуменьшающий долю участия консультантов в работе Толстого над сказками, а также называющий число томов сказочных сборников. Это рукописная автобиография А. Н. Нечаева, подписанная им и датированная «24 июля 1943», с фразой: «С 1939 г. по 1941 г. я совместно с Н. В. Рыбаковой принимал участие в работе по подготовке четырехтомника „Русские сказки“ под редакцией А. Н. Толстого — предварительный отбор вариантов для А. Н. Толстого» (Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева, л. 21).

6 февраля 1938 г. стало поворотным моментом в научно-консультационной и литературно-редакторской деятельности А. Н. Нечаева: вместе с проф. Г. А. Гуковским он отправил Толстому письмо по поводу создания 20-томного свода сказок (см. ниже). Заметим, что А. Н. Нечаев, будучи одногодком Г. А. Гуковского (1902—1950), учился у него, слушал лекции в Ленинградском институте литературы и истории в 1929—1930 гг.

Г. А. Гуковский являлся автором монографии «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» (1938), учебника для вузов «Русская литература XVIII века» (1939); соавтором труда «Любовь к Родине в русской классической литературе» (вместе с В. Е. Евгеньевым-Максимовым 1943);⁶⁰ он исследовал русский романтизм и классицизм, а также фольклорные мотивы в творчестве М. Д. Чулкова и А. С. Пушкина.

2 марта 1938 г. А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова в письме к Толстому предложили ему возглавить задуманное издание адаптированных для широкого круга читателей русских народных сказок. К тому времени Н. В. Рыбакова уже имела опыт литературной обработки сказок (см. сб.: «Северные народные сказки / Обработ. для детей Н. Рыбакова. Петрозаводск, 1937; 2-е изд. Петрозаводск, 1938).

Известно также о более раннем аналогичном, но менее объемном замысле фольклориста: «В 1936 году А. Н. Нечаев с женой Н. В. Рыбаковой обратился в Ленинградское отделение Детгиза с предложением издать книгу русских народных сказок в об-

⁶⁰ *Гуковский Г. А.* 1) Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. 315 с.; 2) Русская литература XVIII века : (Учебник для вузов). М., 1939. 527 с.; 3) Любовь к Родине в русской классической литературе. Саратов, 1943 (в соавт. с В. Е. Евгеньевым-Максимовым).

работке, но получил отказ».⁶¹ Естественно, этим научно-издательским идеям должна была предшествовать серьезная предварительная проработка вопроса. В любом случае более ранняя датировка нуждается в уточнении и конкретизации.

С 1938 г. А. Н. Нечаев стал научным сотрудником Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) и одновременно являлся референтом у А. Н. Толстого.⁶²

Первоначально высказывалась идея издания Полного свода русских народных сказок (предполагаемым объемом около 20 томов). Как уже говорилось, 6 февраля 1938 г. проф. Г. А. Гуковский и А. Н. Нечаев направили А. Н. Толстому пространное письмо с обоснованием необходимости такого капитального издания:

«Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Мы считаем возможным обратиться к Вам по вопросу, имеющему, как нам кажется, значение для советской литературы и культуры в целом; речь идет о пропаганде русской сказки.

Сказки как один из самых распространенных, многообразных и наиболее жизнеспособных видов народнопоэтического творчества являются монументальнейшим памятником творческой деятельности человечества.

Русские народные сказки и по объему материала, и по его качеству занимают одно из первых мест в международной сокровищнице произведений словесного искусства. В ярких художественных образах русской народной сказки запечатлелся облик нашего великого народа, его подлинный дух и все многообразие окружающей социальной действительности. Собираение русской народной сказки, начавшееся еще полтора столетия тому назад, позволило накопить неисчерпаемые фонды текстового материала. Русская наука и литература вправе гордиться такими собраниями, как сборник А. Н. Афанасьева и ряд последующих собраний.

Накопленный дореволюционными собирателями за 150 лет материал утратился благодаря колоссальным коллекциям, собранным в послеоктябрьский период.

Однако дальнейшая работа над этим исключительным культурным наследием — работа в плане больших принципиальных теоретических обобщений — встречает немалые затруднения.

Во-первых, весьма значительная часть текстов находится в различных рукописных хранилищах, разбросанных по всему Советскому Союзу, и на руках отдельных собирателей.

Во-вторых, огромное большинство дореволюционных изданий почти так же недоступно современному исследователю, как и рукописные коллекции. Даже крупнейшие сборники сказок,

⁶¹ Макаров Н. А. Писатель-фольклорист А. Н. Нечаев. С. 161.

⁶² См.: Там же.

изданные незначительными тиражами, представляют сейчас библиографическую редкость и имеются только в крупнейших библиотеках Союза. А большинство материала, опубликованного в различных периодических изданиях и в провинциальных временниках, представляет еще менее доступную часть текстового фонда.

В-третьих, весь опубликованный и разбросанный (частью уже затерявшийся) материал представляет собой чрезвычайно пеструю картину приемов первоначальной редакторской обработки текстов.

Все это привело нас к мысли выдвинуть предложение о создании единого монументального свода русской народной сказки, приводящего в систему материалы, накопленные нашими собирателями в дореволюционный и особенно в послеоктябрьский периоды.

Издание это, по нашему мнению, составит около 20 томов. Задача, которую мы выдвигаем, трудна. Такое издание невозможно осуществить нигде, кроме Советского Союза, где Партия, Правительство и вся Советская общественность с исключительной читательской заботой поддерживает всякое подлинно культурное начинание.

Для того, чтобы создать такой капитальный кодекс русской сказки, необходимо привлечь к работе ряд специалистов, лучших советских художников и т. д.; необходимо мобилизовать в первую очередь писательскую общественность, необходимо, чтобы всю работу возглавил человек высоко авторитетный.

Поэтому мы и решаемся обратиться к Вам, Алексей Николаевич; именно вы можете стать во главе предположенного нами начинания, равного которому не знала и не знает наука и литература Запада, именно Вас мы просим дать жизнь задуманному нами большому культурному делу». ⁶³

А. Н. Нечаев и Г. А. Гуковский познакомили А. Н. Толстого со сказочником М. М. Коргуевым в Ленинграде, куда (как и в Петрозаводск) А. Н. Нечаев неоднократно приглашал талантливого исполнителя. ⁶⁴

В марте 1938 г. было подготовлено письмо Н. Тихонова, Б. Лавренева, М. Слонимского под эгидой Секретариата Ленинградского отделения Союза советских писателей и заведующего Ленинградским отделением издательства «Советский писатель» Николая Брыкина, адресованное В. М. Молотову; в нем шла речь

⁶³ ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/1, л. 1—2. Автограф Г. А. Гуковского фиолетовыми чернилами с подписью А. Н. Нечаева на двойных листах большого машинописного формата.

⁶⁴ См.: *Крестинский Ю. А.* Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика // *Вопросы литературы.* М., 1974. № 1. С. 314.

о параллельной подготовке и издании монументального свода и популярного собрания русских народных сказок. Неизвестно, было ли отправлено это письмо адресату (во 2-м отпуске машинописи имеются подписи авторов, но не проставлена точная дата), однако оно созвучно идее ленинградских фольклористов и А. Н. Толстого и, вероятно, отражает именно их мысли. Вот фрагмент сохранившейся финальной части:

«Мы считаем, что необходимо создать единый монументальный свод всех русских народных сказок, который явится единственным в мире печатным изданием, не имеющим себе равного. Мы думаем, что это издание, подготовленное советскими учеными и писателями, высоко научное и в то же время доступное широкому советскому читателю, явится ценнейшим вкладом в культуру советской страны и всего человечества.

Помимо этого полного свода русской сказки, мы считаем, что необходимо создать еще и свод избранных, самых ценных и ярких сказок, который должен получить самое широкое распространение в читательских массах, должен стать настольной книгой советского читателя.

Задуманное нами издание двух собраний русской народной сказки может быть осуществлено только в нашей стране, при поддержке Партии и Правительства и глубоком внимании советской общественности».⁶⁵

Разница между методологическими подходами фольклористов и писателей заключалась в том, что первые не намеревались обрабатывать народные сказки, а вторые хотели издавать их в литературно отредактированном виде (не в изначальном, настоящем, «аутентичном» виде, как можно было бы подумать исходя из критерия строгой научности). Это видно из приложенной к этому официальному письму «Предварительной сметы расходов по изданию „Русских народных сказок“». В ее разделе «Предварительная смета по изданиям (популярному и научному)», под первыми пунктами соответственно значатся «отбор и редактирование текстов» и «отбор, подготовка и редактирование текстов».⁶⁶

Из многосоставного документа также следует новизна общих принципов двух изданий, заключающаяся в соединении републикаций уже известных текстов и «публикации новых текстов», выявленных при запланированной «работе с исполнителями».⁶⁷

Обращает на себя внимание постанова на первом месте «популярного издания», подготовка которого могла бы послужить

⁶⁵ ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/4, л. 1—2. 2-й отпуск машинописи с 4 подписями.

⁶⁶ Там же, инв. № 2199/5-а, б, в, л. 2. 2-й отпуск машинописи.

⁶⁷ Там же, л. 1—2.

«пробным камнем» для научного свода — при равенстве их тиражей (100 тыс. экз.). Намечены количество, состав и листаж обоих изданий: «популярное» — «4 тома (по 20 авт. листов текста, 2 листа вступительной статьи и 4 листа — словари и библиографические указатели); «научное» — «18 томов по 30 лист<ов> текстов и 5 листов комментариев на каждый том».⁶⁸

В разделе «Предварительные соображения об издании Свода избранных сказок и Полного свода русской народной сказки» под пунктом 1 значится «А. Н. Толстой — Председатель Редакционного комитета» (очевидно, это первое официальное упоминание писателя в главенствующей роли), а под пунктами 2—12 поименованы фольклористы и писатели: М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий, А. Н. Нечаев, А. А. Прокофьев, М. М. Пришвин, В. В. Струве, Ю. М. Соколов, А. А. Фадеев и В. Я. Шишков.⁶⁹ Здесь же будущее «популярное издание в 4-х томах» получило название «Русские народные сказки», а также заглавия томов:

- «1. Волшебнo-герoические сказки.
2. Сказки о животных.
3. Народные новеллы и сатирические сказки.
4. Советские сказки».⁷⁰

Помимо двух многотомных сказочных сводов, которые были бы подготовлены сотрудничеством фольклористов и писателей, последние мечтали об ориентированном на детскую читательскую аудиторию сборнике сказок. 20 мая 1938 г. из Ленинграда А. Н. Нечаев послал письмо А. Н. Толстому:

«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич,

Присылаю Вам вместе с планом издания коротенькую записку-сообщение. Я знаю, что надо делать, чтобы дети получили хороший сборник русских сказок, но написать об этом официально, да еще к тому же в такое высокое учреждение, мне очень трудно. Я тут посоветовался, но меня запугали на смерть и запутали до последней степени требованиями оригинальных принципов издания. А я твердо убежден, что принцип тут должен быть один: дать в руки детям сказки в наилучшей передаче и в культурном обрамлении. Ваша общая и литературная редакция обеспечит и то и другое. Вот это все я скажу на Секретариате ЦК т. Косареву.

С искренним приветом, преданный Вам

А. Нечаев <подпись> (А. Нечаев).

„19“ мая 1938 г.

⁶⁸ Там же, л. 2.

⁶⁹ Там же, л. 3.

⁷⁰ Там же.

PS. 1. Записка-сообщение и приложенный к ней рабочий план сборника просмотрены и одобрены консультантом издания проф. Н. П. Андреевым. <...>

20-V-38 г. А. Нечаев. <...>».⁷¹

Кроме многотомного Свода русского фольклора в 1938 г. (до июля) члены Фольклорной комиссии Института этнографии М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус, А. Н. Нечаев задумали трехтомное издание «Русский фольклор».⁷²

В какой-то мере А. Н. Нечаев стал главным научным консультантом А. Н. Толстого с подачи Г. А. Гуковского. Первоначально рассматривалась кандидатура самого Г. А. Гуковского для выполнения этой важной задачи. В архиве А. Н. Толстого сохранилось письмо Г. А. Гуковского от 28 августа 1938 г. с просьбой вывести его из состава редколлегии «Свода русской сказки»: «Сегодня меня известили товарищи по предполагаемой работе по изданию свода русской сказки, что, по их мнению, было бы желательным назначение меня Вашим помощником по этому изданию, научным организатором его. Я считаю такое мнение товарищей весьма лестным для меня, но в то же время я считаю своим долгом подчеркнуть, что, по-моему, мое назначение было бы нецелесообразно с точки зрения интересов дела».⁷³ Г. А. Гуковский справедливо указывал, что он не является «специалистом по фольклору» и что его «исследовательские труды относятся к другой области (история русской литературы XVII—XIX веков)».⁷⁴ Взамен себя профессор предлагал профессионального сказковеда: «Я хорошо понимаю законность желания членов редакционной коллегии и издательства видеть на данной работе ленинградского ученого, поскольку значительная часть работы по изданию будет проводиться в Ленинграде, — но я полагаю, что если в секретариате издания будут участвовать такие люди, как напр<имер> А. Н. Нечаев (по научной части) и Г. Э. Сорокин (по издательской части), то этим пожелание ленинградцев будет удовлетворено».⁷⁵

Это письмо важно не только содержащейся в нем рекомендацией А. Н. Нечаева; оно косвенно удостоверяет приоритет авторской мысли фольклориста в составлении плана Свода русской народной сказки, изложенного в письме от 6 февраля 1938 г. за подписями Г. А. Гуковского и А. Н. Нечаева.

⁷¹ Там же, инв. № 2199/3. Машинопись с подписью, датой и припиской фиолетовыми чернилами.

⁷² См.: *Астахова А. М.* Фольклорная комиссия при Институте этнографии АН СССР в 1937—1938 гг. С. 267—271.

⁷³ Государственный литературный музей (ГЛМ), ф. 186, оп. 3, ед. хр. 200, л. 1.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, л. 1—1 об.

Журнал «Советский фольклор» (1941 № 7) сообщал о грандиозном замысле: «В конце 1938 г. инициативная группа под председательством депутата Верховного Совета писателя А. Н. Толстого — в составе руководящих работников Фольклорной комиссии Института этнографии (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус), члена Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Н. Нечаева, московских фольклористов Ю. М. Соколова, Э. В. Гофман, С. И. Минц, М. А. Рыбниковой и В. И. Чичерова, члена Московского отделения Союза писателей К. И. Чуковского — выдвинула проект издания тридцатитомного корпуса русского фольклора и проект организации летом 1939 г. Всесоюзной фольклорной выставки. По этому вопросу в первых числах декабря 1938 г. в Москве состоялось специальное совещание, выработавшее установки и планы издания и выставки».⁷⁶ Заметим, что это информационное сообщение написано в январе 1939 г., когда А. Н. Нечаев был принят в писательский союз.

Вернемся к истории непосредственной работы над сказками. 6 сентября 1938 г. А. Н. Нечаев послал А. Н. Толстому письмо, в котором сообщал: «Работа над проектом издания полного свода Р<усской> Н<ародной> сказки подвигается при активном участии нескольких человек и будет закончена к 15 сентября и представлена на Ваше заключение».⁷⁷

22 сентября 1938 г. он направил А. Н. Толстому письмо из Ленинграда. Из этого письма явствует, что работа над сказками для полного свода активно проводилась именно в Ленинграде и А. Н. Толстой тесно сотрудничал с ведущими ленинградскими фольклористами, а А. Н. Нечаев играл роль научного консультанта и референта писателя. Он писал: «Проект полного свода сказок готов. Здесь он подвергался предварительному обсуждению (принимали участие в этом обсуждении: А. А. Прокофьев, Н. А. Брыкин, М. К. Азадовский, Г. А. Гукковский). Когда можно будет привезти его Вам на окончательную редакцию?»⁷⁸

Из ряда писем А. Н. Толстого, А. Н. Нечаева и Н. В. Рыбаковой в марте 1938 г. известен также первоначальный замысел издания 5 томов сказок. Эта идея тоже принадлежала фольклористам и была поддержана писателем. 2 марта 1938 г. А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова отправили письмо А. Н. Толстому:

⁷⁶ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии... С. 270.

⁷⁷ ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/10, 1 л. 1-й отпуск машинописи с подписью автора и датой зелеными чернилами.

⁷⁸ Там же, инв. № 2199/13, л. 2. Автограф.

«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич,

Мы присылаем на Ваше заключение письмо — предложение в Детиздат ЦК ВЛКСМ и одновременно просим Вас принять на себя общую и литературную редакцию издания пятикнижия русских народных сказок для детей. Зная, как трудоемка работа по выбору наиболее полных и художественно законченных вариантов из всего обширного <?> опубликованного и рукописного текстового фонда (часто один и тот же сюжет представлен в сотне и более записей), мы предлагали всю работу по предварительному отбору текстов взять на себя, представляя Вам лишь те варианты, которые наилучшим образом будут отвечать задачам издания и Вашим требованиям».⁷⁹

А. Н. Толстой моментально откликнулся на это перспективное предложение. Высоко ценя дружбу с фольклористом, А. Н. Толстой попросил А. Н. Нечаева и его жену Н. В. Рыбакову стать научными консультантами задуманного писателем издания. К тому времени Н. В. Рыбакова уже имела опыт литературной обработки сказок.⁸⁰

Тут же последовало письмо А. Н. Толстого «В Детиздат ЦК ВЛКСМ» от 8 марта 1938 г., подтверждающее план обработки русских народных сказок в 5 томах. Письмо было составлено вчерне А. Н. Нечаевым и Н. В. Рыбаковой и исправлено писателем (сохранилась авторская правка и 4 машинописные копии письма, напечатанные на 2 разных машинках).⁸¹ Приведем большой фрагмент этого письма в окончательной редакции А. Н. Толстого:

«Русский фольклор неизмеримо богаче, чем фольклор немецкий, французский и других народов. Русский фольклор — живая стихия. В наши дни создаются народом замечательные сказки и даже былины уже на советской тематике. Но до сих пор у нас нет проработанного, классического текста былин, сказок и песен от древнейших времен до наших дней. Необходимость такого текста — ясна без слов — знакомство детей с родным фольклором и, кроме того, обогащение детей всеми сокровищами народного языка.

Выходящие до сих пор случайные сборники русских народных сказок страдают обычно тем, что они очень неполны; сказ-

⁷⁹ ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/2-б, л. 13 — 1-й отпуск машинописи с подписью А. Н. Нечаева и датой фиолетовыми чернилами. Опубл.: А. Н. Толстой о литературе и искусстве. М., 1984. С. 465—466, под названием «В Детиздат», 8 марта 1938 г., без нумерации пунктов.

⁸⁰ См.: Северные народные сказки / Обработала для детей Н. Рыбакова. Петрозаводск, 1937; 2-е изд. Петрозаводск, 1938.

⁸¹ См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/2-а, 9 л. Опубл.: *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1946—1953. Т. 10. С. 465—466; А. Н. Толстой о литературе и искусстве.

ки часто в них подобраны случайно, колоссальный фонд замечательных текстов остается лежать под спудом. В подавляющем большинстве сборники русских народных сказок для детей содержат только сказки о животных. Почти совершенно игнорируются волшебные, волшеббно-героические, сатирические сказки и сказки-новеллы.

За последние 80 лет русская сказка значительно обогатилась новым современным материалом, который до сих пор почти не известен детям. Так, например, от сказочника-рыбака, ныне здравствующего, М. М. Коргуева, — записано полторы тысячи замечательнейших сказок.

Русские народные сказки являются крупнейшим памятником мировой художественной литературы. В течение почти целого века были многократные попытки создать сборники русских сказок для детей, но эти многочисленные издания (главным образом дореволюционные) оказались неудачными и не привились. Они не стали тем канонизированным кругом детского чтения, которое мы имеем на примере сказок Перро, сказок братьев Гримм и т. д.

Наши дети вправе рассчитывать на монументальный корпус прекрасных сказок своей родины.

Материал должен быть выбран из всего богатейшего текстового фонда, как опубликованного, так и рукописного, с таким расчетом, чтобы сборник включал все основные сюжеты без вариантов в их наилучшей разработке.

Естественно, что сказки, имеющиеся в научных записях, требуют литературной обработки, которая должна идти в двух направлениях: композиционном и стилистическом.

Все издание составит пять книг по 10 авторских листов в каждой книге:

- книга первая — включит сказки о животных;
- вторая и третья — волшебные и волшеббно-героические сказки;
- четвертая — новеллистические и сатирические сказки;
- пятая — современные сказки с советской тематикой.

Я предлагаю Детиздату ЦК ВЛКСМ — издание под моей редакцией пяти сборников сказок. Работать над текстом будет бригада из трех человек: А. Нечаев, Н. Рыбакова и третий фольклорист, нами намеченный (но окончательно мы еще на нем не остановились). <...>

5. Первый том должен быть подобран к Октябрю сего года с тем, чтобы выйти зимой 38-39 года».⁸²

⁸² ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2219/2-а, л. 7—8 — 1-й экз. машинописи. На л. 4 зеленым карандашом проставлена дата в правом верхнем углу: «8/III-38». Оpubл.: А. Н. Толстой о литературе и искусстве. С. 465—466.

Текст письма А. Н. Толстого отличался от наброска А. Н. Нечаева и Н. В. Рыбаковой четырьмя моментами. Во-первых, А. Н. Толстой вписал первые два с половиной абзаца, отсутствовавшие в первоисточнике. Там было написано следующее:

«В нашей детской литературе имеются многочисленные сборники сказок. Изданы и издаются немецкие, французские, монгольские и многие-многие другие сказки. Но вот русские сказки, к сожалению, очень слабо привлекают внимание издательства детской книги.

Вышедшие до сих пор сборники русских народных сказок и в провинциальных и в центральных издательствах (среди них часто встречаются и хорошие красочные издания) страдают обычно тем, что они очень неполны <...>».

Во-вторых, А. Н. Толстой включил фрагмент про сказочника М. М. Коргуева, разысканного А. Н. Нечаевым и известного писателю от него. В-третьих, А. Н. Толстой предложил состав фольклористов-исполнителей и себя в качестве редактора, но вычеркнул пункт: «Гонорар за литературную обработку и общую редакцию». В-четвертых, наметил сроки выхода издания из печати.⁸³

Детиздат ЦК ВЛКСМ принял изложенное в письме А. Н. Толстого от 8 марта 1938 г. предложение по изданию пятитомника сказок. Из письма А. Н. Нечаева писателю от 14.VII.1938 г. известна дата реального начала работы над обработкой русских народных сказок для Детиздата — апрель 1938 г.⁸⁴

14 июля 1938 г. А. Н. Толстой находился на отдыхе в Кисловодске, а А. Н. Нечаев из Ленинграда отправил письмо секретарю писателя О. Б. Никифоровой в Москву по поводу подготовки русских народных сказок для Детиздата. В нем, в частности, сообщалось:

«<...> ...работа над сводом русских народных сказок для детей (5 книг) начата в апреле месяце. Первые две книги будут закончены в самом начале августа. По условию с Детиздатом мы должны сдать материал, составляющий первую книгу Изборника, 1-го августа. Опоздаем дней на десять, но зато будут сданы тексты для двух книг.

Понятно, что в процессе работы накопилось много вопросов, требующих консультации у Алексея Николаевича.

Между 10-м и 20-м августа мы (Н. В. Рыбакова и я) поедem с рукописью в Москву. Естественно, было бы чрезвычайно важно в это же время встретиться с Алексеем Николаевичем».⁸⁵

⁸³ См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2219/2-а, л. 1—3. Машинопись с правкой А. Н. Толстого.

⁸⁴ Там же, инв. № 2199/6, л. 1. Автограф.

⁸⁵ Там же, л. 1—1 об. Автограф.

Из заключительной фразы письма А. Н. Нечаева, предпосланной приветом и указанию адреса, следует, что решались одновременно вопросы о подготовке академического сказочного свода и «изборника» в 4 томах: «Кроме того, накопилось много вопросов в связи с проектом А. Н. об издании полного свода русских народных сказок и четырехтомного Изборника».⁸⁶

Важно подчеркнуть, что в одном и том же письме назывались два сокращенных издания сказок — в 5 и 4 томах. Можно предполагать, что пятитомник предназначался для детей и готовился для печати в Детгизе, а четырехтомник только замышлялся в качестве «малого свода» дополнительно к «полному своду» русских народных сказок. Также нельзя исключить замысел подготовки четырехтомника для другого издательства (в частности, Государственного издательства художественной литературы).

Сказочным «изборником» сокращенно именовал А. Н. Нечаев «популярное издание» под редакцией А. Н. Толстого, причем число томов собрания в процессе работы над ним варьировалось от четырехтомного «Свода избранных сказок» до пятитомника для детей, включавшего «первую книгу Изборника».⁸⁷

Прослеживается история замысла этих многотомников по датам: четыре тома фигурируют у А. Н. Толстого в марте 1938 г. и в Автобиографии А. Н. Нечаева 24 июля 1943 г.⁸⁸ Пять томов обозначены как намеченные для Детгиза в письмах А. Н. Нечаева и А. Н. Толстого 2 марта 1938 г., а без упоминания издательства — 8 марта и 14 июля 1938 г., в Автобиографии Толстого 1943 г.⁸⁹

Сведения о четырехтомнике, датированные 24 июля 1943 г. и 1946 г., имеются также в «Личном листке по учету кадров» А. Н. Нечаева. История о планируемом четырехтомнике выходит за пределы жизни А. Н. Толстого и продолжается в обработке сказок под редакцией М. А. Шолохова.

10 августа 1938 г. А. Н. Нечаев отправил из Ленинграда следующее (в содержательном плане — повторное) письмо О. Б. Никифоровой с планированием работы с «изборником» для Детиздата, надеясь на встречу с Толстым в Москве «между 20 и 24 августа».⁹⁰

20 августа 1938 г. из Ленинграда А. Н. Нечаев написал очередное послание О. Б. Никифоровой на почтовой карточке с изложением работы над пятитомником — вот его фрагмент:

⁸⁶ Там же, л. 1 об.

⁸⁷ Там же, л. 1.

⁸⁸ См.: Там же, инв. № 2199/5; Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева, л. 21.

⁸⁹ См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/2, 2199/6.

⁹⁰ Там же, инв. № 2199/7. Автограф фиолетовыми чернилами на двойном листе в 1/2.

«Речь в данном случае идет об издании русских народных сказок для детей. Две книги уже подготовлены и первую из них по условию мы должны сдать I—VIII главному редактору издания — Алексею Николаевичу. Тут же необходимо разрешить ряд принципиальных вопросов, связанных именно с этим изданием. Очень я Вас прошу переговорить с Алексеем Никол<аевичем> и устроить нам (мне и Н. В. Рыбаковой) встречу по этому вопросу. Детиздат ждет рукопись, а без предварит<ельных> переговоров с Алексеем Николаевичем мы не можем ее передать туда».⁹¹

Сохранилось недатированное и безадресное письмо, но из его содержания следует, что оно являлось ответом О. Б. Никифоровой на августовские письма А. Н. Нечаева. Секретарь писателя сообщила, «что еще нет окончательного решения по фольклору. Как только состоится такое решение — Алексей Николаевич сразу же Вас известит».⁹²

Из приведенных выше писем явствует, что первую книгу Н. В. Рыбакова и А. Н. Нечаев вчерне подготовили для А. Н. Толстого в августе 1938 г. Поскольку эта книга ограничивалась сказками о животных, сюжетов которых было недостаточно по сравнению с другими сказочными разновидностями, то, вероятно, писатель принял решение объединить первую и вторую книги в одну, затем опубликованную под названием «Русские сказки» в 1940 г.

6 сентября 1938 г. А. Н. Нечаев послал А. Н. Толстому письмо со сведениями о вариантах сказок «Журавль и цапля» и «Лиса и волк». Там же он сообщал о параллельной работе над проектом полного свода русских народных сказок, который к 15 сентября 1938 г. было запланировано представить А. Н. Толстому.⁹³

11 сентября 1938 г. Н. В. Рыбакова написала А. Н. Толстому пространное (на 6 страницах) письмо, дающее подробные разъяснения характера подготовительной работы консультантов-фольклористов над сказками и подписанное А. Н. Нечаевым с указанием ленинградского адреса. Фольклористы оправдывались в ответ на замечания А. Н. Толстого:

«<...> Содержание письма и в особенности комментарии В. А. Мануйлова к этому письму требуют исчерпывающих объяснений с нашей стороны.

Во-первых, у нас создалось впечатление, может быть ошибочное, что Вы рассматриваете всю нашу работу над первой книгой

⁹¹ Там же, инв. № 2199/8, л. 1. Автограф.

⁹² Там же, инв. № 2199/9. 1 л. — Письмо к [Нечаеву А. Н.]. Б/д. [1938, август] Автограф синими чернилами.

⁹³ См.: Там же, инв. № 2199/10. 1 л. 1-й отпуск машинописи с подписью автора и датой зелеными чернилами.

как простое списывание и редактирование наспех Афанасьева. Если это так, то мы с полной ответственностью можем заявить, что Ваше впечатление ошибочно. Нами просмотрены все материалы, опубликованные в следующих сборниках <внутренний перечень из 22 наименований с 1860 по 1937 г.>.

Кроме того, нами привлекаются и рукописные материалы, имеющиеся в Ленинграде, и в том числе материалы, накопленные нами за 6 лет собирательской работы. Большинство сказок изучено нами в значительном количестве вариантов, иногда доходящем до 40 и более текстов.

Таким образом, с этой стороны совесть наша совершенно спокойна.

Без сомнения, было бы очень хорошо привлечь и просмотреть и дополнительные рукописные материалы, о чем я уже с Вами говорил, и на днях мы оба собирались выехать работать в Москву в Литературный музей.

К сожалению, материал для первой книги не изобилует. Количество вариантов сказок о животных значительно меньше, чем сказок других видов. И сказки о животных в сборнике Афанасьева представлены наиболее полно и количественно, и качественно. Многие тексты, вошедшие в первую книгу, взяты из Афанасьева не потому, что не просматривались другие сборники, а потому что или сюжет не был представлен в другом сборнике или он был качественно ниже Афанасьевского и меньше отвечал нормам народной сказки. Во всех случаях, когда было наоборот, тексты привлекались и из других источников (Ончуков, Карнаухова, Садовников и т. д.).

Конечно, такой отбор во многом субъективен, но, повторяем, мы все время стремились дать такой текст, такую интерпретацию сюжета, которые бы были типичными для народной сказки. Ошибки быть, безусловно, могли, но злой воли и нерадения не было. Нам просто об этом страшно подумать, так как мы несколько лет лелеяли и вынашивали идею этого издания, тщетно бились с издательской косностью и только благодаря Вашему вмешательству смогли приступить к ее осуществлению.

Что касается Вашего замечания о редактировании текстов, то тут приходится прямо сказать:

в первой книге многие тексты (только в первой книге, во второй они остались неприкосновенными) подвергнуты некоторой предварительной правке, отнюдь не претендующей на литературную редакцию текста; и даже больше того, в некоторых текстах допускалась интерполяция, но как первое, так и второе вызывалось, по нашему мнению, необходимостью избавить Вас от лишней и, как нам казалось, неблагоприятной работы. При этом мы подчеркиваем, что в целом ряде случаев то, что на первый взгляд может показаться произвольным редактированием текста,

на самом деле является контаминацией текстов, всегда документированных, объясняющейся неполноценностью или другими недостатками основного текста. К сожалению, вышло, что мы оказали Вам медвежью услугу.

Вас здесь не было, когда мы работали, первая книга не велика по объему и потому мы решили сделать эксперимент, сделать так, как нам казалось лучше. Я, передавая Вам тексты первой книги, показывал Вам вторую книгу и при этом говорил, что тексты первой книги подвергались некоторой предварительной правке. Но я, очевидно, все это изложил недостаточно ясно и поэтому произошло страшно неприятное недоразумение.

Вслед за этим письмом мы высылаем Вам подробную документацию всех переданных материалов, в числе которых есть ряд текстов неприкосновенных. Если Вы найдете необходимым все остальные привлеченные нами тексты просмотреть лично в их полной неприкосновенности, мы можем их Вам предоставить буквально в течение нескольких дней.

Материал второго тома, над которым мы сейчас работаем, сохранен в полной неприкосновенности (выброшены только эротические эпизоды и слова, не употребляющиеся в печати, как мы с Вами в свое время об этом и договаривались).

Простите за такое длинное и несколько взволнованное письмо. Оно пишется под свежим впечатлением беседы с В. А. Мануйловым, которая явилась для нас и неожиданной, и чрезвычайно горькой. Не Ваше письмо, конечно, но то, что нам пришлось услышать в передаче В. А. Мануйлова, несколько дезориентировало и даже обидело нас, хотя мы понимаем, что устная передача третьим лицом может исказить и содержание, и тон передаваемого.

Два варианта сказки „Курочка Ряба“ завтра получим от машинистки и немедленно Вам перешлем. Сказка же „Война грибов“, кроме Афанасьева, опубликована только Шейном.

Проект большого издания подходит к завершению, и мы с Н. А. Брыкиным и Г. А. Гуковским предполагали его везти Вам на окончательную Вашу редакцию уже 14, 15 сент<ября>».⁹⁴

Не удовлетворившись письмом от 11 сентября 1938 г., уже через день, 13 сентября 1938 г. огорченный А. Н. Нечаев из Ленинграда отправил еще одно письмо писателю, в котором подробно описал характер их с Н. В. Рыбаковой помощи А. Н. Толстому в ходе первоначальной подготовки фольклорных текстов. В частности, А. Н. Нечаев писал: «Точно так же ни в одной из присланных Вам сказок ни один мотив не был придуман нами. Как мы Вам уже писали, нами допущалась контаминация мотивов и, в связи

⁹⁴ Там же, инв. № 2199/11, л. 1—3 об. Автограф Н. В. Рыбаковой с подписью А. Н. Нечаева, их адресом и телефоном.

с этим, некоторая предварительная правка, ничуть не претендующая на литературную редакцию сказки».⁹⁵

В этом же письме от 13.IX.1938 г. А. Н. Нечаев послал А. Н. Толстому варианты сказки «Петух и жорновцы» с сопроводительным посланием, которое завершалось первоочередными планами по изданию сказок:

«Выполняя Ваши указания, мы <с Н. В. Рыбаковой> в самое ближайшее время пришлем Вам все тексты для первой книги в их первоначальном нетронутым виде. Так как материал изучен и пробиблиографирован, то время потребуется только главным образом на перепечатку.

Все это может быть выполнено в течение шести дней. Одновременно с первой книгой будет доставлен готовый материал для 2-й книги».⁹⁶

Важно отметить, что даже после выраженного писателем недовольства фольклористы по-прежнему осмеливались посылать ему сказочные тексты, составленные ими из соединения разных вариантов. Это следует из письма А. Н. Нечаева от 22 сентября 1938 г. к Толстому о подготовленных им вариантах «Лисы Повитухи» и «Дележ урожая»: «Один из них, начинающийся словами: „Жили-были кум с кумой — волк с лисой...“, является соединением афанасьевских текстов № 2а; 2b; 2d; 2с (2-е изд.)» и «Сказка „Мужик и медведь“ («Тебе вершки, мне корешки...») просмотрена в 11 записях; присланный Вам вариант составлен из двух опубликованных и одного рукописного текста».⁹⁷ Нечаев обещает завершить подборку исходных произведений в ближайшее время: «Вся работа будет закончена к 25-му сентября. Одновременно с первой книгой Вам будут переданы тексты 20 сюжетов волшебных и волшебнo-героических сказок».⁹⁸

Если в личной переписке с Толстым фольклорист осмеливался предлагать знаменитому писателю свое решение сказковедческих проблем, то после кончины «советского графа» А. Н. Нечаев скромно умалчивал о роли научных консультантов в отборе подготовительного материала и писал: «Для полного и всестороннего изучения материала в наибольшем количестве вариантов А. Н. Толстой привлекал тексты, опубликованные в научных изданиях, обследовал рукописные фонды, а в некоторых случаях добивался и новых записей».⁹⁹

⁹⁵ Там же, инв. № 2199/12, л. 1—1 об.

⁹⁶ Там же, л. 1 об.

⁹⁷ Там же, инв. № 2199/13, л. 1. Автограф.

⁹⁸ Там же, л. 2. Автограф.

⁹⁹ *Нечаев А. Н. Русские народные сказки в пересказах А. Н. Толстого // Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 8. С. 541.*

А. Н. Толстому не удалось полностью реализовать замысел по обработке народных сказок. До тяжелой болезни и смерти Толстого 23 февраля 1945 г. вышли из печати лишь два сборника, хотя А. Н. Нечаев в своем списке печатных работ в сентябре 1940 г. указал, что три первые книги уже сданы в издательство (см.: Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева, л. 24 об.).

Четырехтомный проект получил дальнейшее развитие после смерти А. Н. Толстого, о чем опять-таки свидетельствует А. Н. Нечаев в 1946 г.: «Свод русских народных сказок (4 книги), участвую в подготовке издания. Сейчас подготавливается (1-й том). Весь свод, начатый подготовкой А. Н. Толстым, теперь будет издаваться под редакцией М. А. Шолохова» (Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева, л. 13).

В следующем году количество сказочных томов предполагалось уже увеличить до пяти для «свода избранных русских сказок под редакцией М. А. Шолохова», что являлось возвратом к раннему замыслу А. Н. Толстого; об этом говорится во 2-й части рукописной заметки А. Н. Нечаева «Над чем я работаю», помеченной «Москва, 8 сентября 1947»: «В 1947 г. заканчиваю совместно с Н. Рыбаковой работу (начатую в 1946 г.) по договору с Детгизом — обследование всех печатных и рукописных источников записей русских сказок и отбор лучших в смысле идейно-художественной выразительности вариантов. Это подготовительная работа к созданию свода избранных сказок в пяти книгах» (Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева, л. 2 (8)).

Исследователь Н. А. Макаров датирует начало работы более ранним временем: «Одновременно с конца 1945 года вместе с П. П. Бажовым, А. П. Платоновым и М. М. Пришвиным под руководством М. А. Шолохова Нечаев вновь работал над созданием свода русских народных сказок».¹⁰⁰

В Автобиографии 15 мая 1951 г. А. Н. Нечаев указывал на продолжение этой работы: «В настоящее время пишу статьи по вопросам советской народной поэзии и детской литературы и одновременно работаю, принимаю участие над созданием Свода избранных русских сказок для детей под общей редакцией М. А. Шолохова, рецензирую, подготавливаю сборники народной поэзии» (Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева. Без номера листа).

Вернемся к литературной деятельности Нечаева в период его сотрудничества с А. Н. Толстым.

¹⁰⁰ См.: Макаров Н. А. Писатель-фольклорист А. Н. Нечаев. С. 162.

По рекомендациям А. Н. Толстого и В. Я. Шишкова в 1939 г. А. Н. Нечаева приняли в Союз советских писателей.¹⁰¹

В «Личной карточке члена/кандидата Союза советских писателей СССР» время вступления в ССП Нечаев указывает «2/I-1939 года» и «билет № 1292», подчеркивая, что прежде «не состоял» ни в каких других литературных организациях.

А. Н. Нечаев своими советами и подбором сказочных материалов способствует успешному сотрудничеству А. Н. Толстого с детским издательством. В записной книжке-ежедневнике «Табель-календарь на 1939 год» в дерматиновом переплете, с тиснением «Календарь. 1939» на листе «Январь 1939. 7—12» в графе «суббота» Толстой синими чернилами записал и частично вычеркнул: «Сказки [Афанасьева] <...> [Детиздат]». ¹⁰² Можно предполагать, что писатель зачеркнул помету для памяти потому, что выполнил намеченное дело: в частности, посетил Детиздат.

Сохранилась верстка книги «Русские сказки» Алексея Толстого (1940), в которой сведения о сдаче рукописи в печать исправлены: «Сдано в производство [23/I 1939 г.] [5/I 1940 г.]». ¹⁰³ Как следует из данного оригинал-макета (верстки), первоначально Толстой сдал сказки в Детиздат почти на год раньше, чем потом было указано в выходных данных книги. Вероятно, писателю потребовался этот год (1939) на доработку сказок.

Дата 23 января 1939 г. очень важна для датировки большинства сказок, вошедших в книгу «Русские сказки» (1940). Эта дата, несмотря на то что она была зачеркнута, вполне реалистична и правомочна. Она соответствует гранкам и записям Толстого в ежедневнике 1939 г. и переписке с А. Н. Нечаевым и Ленинградским отделением «Художественной литературы» (письмо Толстого 27-I-1939 г. с обещанием прислать сказки в июне-июле 1939 г.), а также переписке с Детиздатом (в частности, письмо главного редактора Г. Куклиса от 29 ноября 1940 г. о невыполнении договора о сдаче материала для второго и третьего томов 15 февраля и 10 мая 1939 г.). ¹⁰⁴

В ежедневнике «Календарь. 1939» в графе «Январь 1939. Вторник, 31» Толстой записал простым карандашом: «Сказки». ¹⁰⁵ Через неделю в графе «Февраль 1939. Среда, 8» также простым карандашом писатель указал фамилию своего научного консультанта: «Нечаев». ¹⁰⁶

¹⁰¹ См.: Там же. С. 161.

¹⁰² ГЛМ, ф. 186, оп. 3, ед. хр. 56, л. 6.

¹⁰³ РГАЛИ, Архивохранилище печатных изданий, инв. № 50320.

¹⁰⁴ См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, ед. хр. б/№, л. 20; инв. № 1312, л. 1—1 об.

¹⁰⁵ ГЛМ, ф. 186, оп. 3, ед. хр. 56, л. 10.

¹⁰⁶ Там же, л. 12.

Однако началась война СССР с Финляндией, и в августе 1939 г. А. Н. Нечаев был призван в армию. В записной книжке (отрывном блокноте на картонной подложке) А. Н. Толстой записал синими чернилами 27 августа 1939 г.: «Детиздат. Сказки. Нечаев, вопрос по IV—V тома<м>. Где II? (5 сказок?)».¹⁰⁷

В ежедневнике «Календарь. 1939» в графе «Для памяти» под 17 октября 1939 г. Толстой сделал помету простым карандашом: «Денисьева — Сказки», а под 22 октября 1939 г. (воскресенье) записал синими чернилами: «Мол. Гвардия. Корректуру сказок».¹⁰⁸ В ежедневнике 23 октября 1939 г. Толстой сделал надпись синими чернилами «Чагодаев. Детиздат. Рисунки Грав.» и обвел ее простым карандашом.¹⁰⁹

В архиве А. Н. Толстого (ИМЛИ) сохранилось по крайней мере одно письмо А. Н. Нечаева с фронта — и касалось оно любимого дела — сотрудничества в подготовке и издании сказок. 24 октября 1939 г. он отправил А. Н. Толстому написанное простым карандашом письмо, с обращением «Дорогой Алексей Николаевич!». В письме фольклорист возвращался к сказочной теме в связи с вероятной скорой демобилизацией:

«<...> Шлю Вам пламенный привет и сообщаю, что я уже 1½ месяца служу в Красной Армии. Несколько дней тому назад мне сообщили в штабе нашего батальона, что меня, как члена ССП, по указанию Лен. горвоенкомата отправят обратно в Ленинград и, вероятно, демобилизуют.

В связи с этим я решил обратиться к Вам с просьбой разрешить мне сразу же после Октябрьских праздников побывать у Вас по ряду вопросов, связанных с изданием сказок в Детиздате и с изданием свода фольклора.

Если Вы дадите мне разрешение встретиться с Вами, то ответ Ваш буду ждать уже в Ленинграде, т<ак> к<ак> предполагаю быть там уже в 1-х числах ноября.

С искренним приветом всегда Ваш и преданный Вам А. Нечаев».¹¹⁰

Очевидно, секретарем А. Н. Толстого сделана запись в записной книжке писателя — в «Черновой книге (Под карандаш)» — с упоминанием фольклориста, с подчеркиванием его фамилии: «А. Н. редактирует сказки, кот<орые> выходят в Детиздате. Связать с Нечаевым Александр<ом> Ник<олаевичем>. Лнг <Ленинград>. Вас<ильевский> о<стров>, 13 линия, д. 56, кв. 2.

¹⁰⁷ Там же, ед. хр. 45, л. 12 — год в дате установлен нами по совокупности дат и по логике событий. — Е. С.

¹⁰⁸ Там же, ед. хр. 56, л. 52 об., 53.

¹⁰⁹ Там же, л. 53.

¹¹⁰ ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, инв. № 2199/14, л. 1—1 об.

Поставляет матер<иалы> д<ля> сказок».¹¹¹ Записная книжка не датирована, но среди имеющихся в ней дат интересен отрезок времени между 27/IV-1936 и 25/VI-40 гг.¹¹² С учетом особо напряженной работы Толстого над сказками наиболее вероятно датировать запись осенью—зимой 1939 г., т. е. временем до окончательной сдачи «в производство 5/I-1940 г.» первого тома «Русских сказок» (1940).

В ежедневнике под 26 ноября 1939 г. (тоже воскресенье) А. Н. Толстой записал простым карандашом: «Гранки сказок».¹¹³ Сохранились гранки к двум сказкам — «По щучьему веленью» и «Чудесная дудочка».¹¹⁴ В ежедневнике под 1 декабря 1939 г. Толстой сделал запись синими чернилами и отчеркнул сверху и снизу: «Сказки для Детиздата».¹¹⁵ Под 11 декабря 1939 г. писатель пометил синими чернилами «сказка», а под 15 и 27 декабря повторятся надпись «Детиздат».¹¹⁶

Все эти многочисленные записи свидетельствуют о том, что работа над изданием «Русских сказок» в октябре—декабре 1939 г. шла полным ходом: была готова корректура, печатались гранки, гравировались рисунки.

А. Н. Толстой высоко ценил своего научного консультанта и планировал его привлечь и к более ответственной и сложной работе по изданию Свода русского фольклора.

20 мая 1940 г. состоялось Фольклорное совещание при Отделении литературы и языка Академии наук СССР. Из протокола известно, что на нем присутствовал акад. А. Н. Толстой, а проф. М. К. Азадовский зачитал «Доклад о принципах построения фольклорного свода».¹¹⁷ В результате постановили:

«1. Считать необходимым приступить к изданию Свода русского фольклора на основе принципов, разработанных в докладе проф. М. К. Азадовского.

2. Определить состав свода в 39 томов. <...>

6. Общее руководство изданием поручить акад. А. Н. Толстому, создав под его председательством Главную редакцию фольклорного свода».¹¹⁸

24 марта 1941 г. состоялось заседание Главной редакции «Свода фольклора народов СССР», на котором председательство-

¹¹¹ ГЛИМ, ф. 186, оп. 3, ед. хр. 49, л. 7 об.

¹¹² Там же, л. 13 об.

¹¹³ Там же, л. 60.

¹¹⁴ ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, ед. хр. 559, инв. № 463/а. Гранки 53—54; инв. № 453/в, 1 л. Гранка 61.

¹¹⁵ ГЛИМ, ф. 186, оп. 3, ед. хр. 56, л. 61 об.

¹¹⁶ Там же, л. 62, 63, 65.

¹¹⁷ РГБ, ф. 542, к. 56, ед. хр. 1, л. 56.

¹¹⁸ Там же.

вал акад. А. Н. Толстой. Из протокола следует, что постановили «утвердить план „Свода русского фольклора“ в объеме 40 томов» (первоначальное число 50 зачеркнуто). Планировался жанрово-хронологический принцип: «Распределение материала по томам производить по жанровым циклам, давая внутри циклов более узкие тематические разделы. Материал помещать в исторической последовательности, начиная от заговоров и пословиц, затем сказочный и былинный циклы, песенный, частушки, советский фольклор и фольклор в произведениях русских писателей».¹¹⁹

Для осуществления такого грандиозного замысла и «для разработки принципиальных вопросов» предлагалось составить пять комиссий. Председателем комиссии по сказкам утвердили акад. А. Н. Толстого, а в числе «работников, которых целесообразно использовать в дальнейшей работе», был указан «по Ленинграду» А. Н. Нечаев.¹²⁰

Но тут начинается Великая Отечественная война. 28 июля 1941 г. А. Н. Нечаева призывают в действующую армию (в Армию народного ополчения и в Кировскую дивизию), где он по октябрь 1943 г. служит офицером-литератором (писателем армейской газеты) на Карельском и Ленинградском фронтах (документы ИМЛИ; ССП). В Автобиографии 31 октября 1944 г. Нечаев называет еще более ранний срок призыва в армию — 5 июля 1941 г. (ССП, л. 18).

Итак, в наиболее суровые годы Великой Отечественной войны Толстой остался (пусть временно) без своего главного научного консультанта: «В 1941—1942 годах А. Н. Нечаев — в рядах ополчения Кировской дивизии на Карельском фронте, после контузии — работа в армейской газете „Часовой Севера“. В 1943 году по состоянию здоровья был комиссован из рядов Красной Армии».¹²¹ А. Н. Нечаев дослужился до звания техника-лейтенанта 1-го ранга административного состава войск (автобиография), или старшего техника-лейтенанта («Учетная карточка» ССП). «Общий стаж службы в Советской Армии» — «три года» («Личный листок», ИМЛИ).

Вернувшись с фронта, с конца 1943 г. по август 1948 г. А. Н. Нечаев снова занимается литературными делами и даже один год учится в докторантуре московского отделения Института этнографии АН СССР, работает «над книгой о народной культуре Русского Севера» (Автобиография 31 октября 1944 г., ССП, л. 18). В справке «Над чем я работаю» 8 сентября 1947 г. А. Н. Нечаев уточняет: «Во второй половине 1948 года предполагаю вернуться к прерванной работе над книгой „Севернорусская народная сказ-

¹¹⁹ Там же, л. 68.

¹²⁰ Там же, л. 69.

¹²¹ Макаров Н. А. «Жил-был сказочник...». С. 206.

ка во второй половине XIX и в первой половине XX века“» (книга не вышла) (ССП, л. 10). В 1946 г. избран в действительные члены Географического общества АН СССР (Автобиография 16 декабря 1952 г., ИМЛИ).

В архиве А. Н. Толстого сохранилось огромное количество подготовительных материалов к обработке сказок — в основном волшебных и перешедших в этот жанр из былин и лубочных изданий. Есть там и отдельная папка с перепечатанными на машинке документными сказками, присказками, потешками и небылицами.¹²²

Эти предварительные материалы собирались как единое целое, составлялись в ограниченный хронологический период. Об этом свидетельствует их однотипное оформление. На последнем листе машинописных копий фольклорных сказок внизу фиолетовыми чернилами А. Н. Нечаев или Н. В. Рыбакова указывали источник текста — опубликованный, хранящийся в фольклорном архиве или личной коллекции фольклориста.

Как правило, в подавляющем большинстве случаев перечень вариантов сказочного сюжета выполнен Н. В. Рыбаковой фиолетовыми чернилами на линованных листах, отрезанных от общей тетради. В каждом перечне содержатся подчеркивания словосочетаний «дать вариант» и подобных, предлагающих сюжетное и стилистическое решение. Подчеркивания в большинстве случаев сделаны синим карандашом, в некоторых случаях — теми же фиолетовыми чернилами, что и весь текст. Это позволяет предполагать принадлежность подчеркиваний Н. В. Рыбаковой, которая совместно с А. Н. Нечаевым рекомендовала А. Н. Толстому выбрать лучшие тексты для работы.

Сами Н. В. Рыбакова и А. Н. Нечаев, соблюдая пиетет перед выдающейся личностью писателя-орденоносца, академика АН СССР и депутата Верховного Совета СССР, умаляли свою роль в подготовке сказок А. Н. Толстого. Относительно перечня А. Н. Нечаев сообщал: «И вот А. Н. Толстой заводит специальную картотеку, где отмечались достоинства и недостатки каждого пересказа сказки. Затем из многих записей одного и того же произведения отбирались два, три (иной раз и больше) варианта, и эти варианты полностью переписывались».¹²³

В отношении работы над любым текстовым материалом (перечнем, рукописью, машинописью) можно думать, что писатель и его научные консультанты специально пользовались разными цветами чернил и карандашей, чтобы сделать наглядными разграничения полномочий.

¹²² См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, ед. хр. 563—613, инв. № 467—519.

¹²³ *Нечаев А. Н.* Русские народные сказки в пересказах А. Н. Толстого. С. 541.

Справедливо указал большую роль научных консультантов в подготовке текстов фольклорных сказок для их последующей обработки Толстым секретарь писателя Ю. А. Крестинский: «Толстой привлек к работе фольклористов А. Нечаева и Н. Рыбакову, которые стали заниматься разысканиями среди опубликованных и архивных материалов различных вариантов сказок».¹²⁴

Как уже было сказано, всю зиму 1937/38 г. А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова выполняли подготовительную работу к задуманному А. Н. Толстым изданию сказок. Были привлечены тексты, опубликованные в научных сборниках и периодической печати, например в дореволюционных журналах «Живая старина» и «Отечественные записки», обследованы рукописи фольклорной секции Пушкинского Дома, предоставлены собственные записи А. Н. Нечаева. В общей сложности фольклористы просмотрели и отобрали для творческой «реставрации» А. Н. Толстым сказки из двадцати семи (а с учетом необработанных писателем сказок — более тридцати) фольклорных собраний. Это оказалось на 6 и более источников больше, чем значится в «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева (Л., 1929): там их 21 книжная и журнальная публикация, архивные коллекции не учтены и только подразумеваются. Естественно, с момента выхода «Указателя...» прошло 8 лет и появились новые данные — современные публикации сказок и поступления сказочных текстов в архивы.

В 1938 г. начинается активная публикаторская деятельность А. Н. Толстого по изданию русских народных сказок в его художественной обработке. Начало было положено в сентябре 1938 г., когда в детском журнале «Мурзилка» (№ 9) появилась сказка «Мальчик-с-пальчик» с подзаголовком «Русская народная сказка». Текстологическая сверка данного текста с последующей по времени одноименной сказкой из сборника А. Н. Толстого «Русские сказки» (М., 1940) с большой вероятностью показала принадлежность этого произведения писателю (ср. его авторизованную машинопись в ОР ИМЛИ¹²⁵), взявшего за основу текст А. Н. Афанасьева и удалившего оттуда эпизод с ворами, упоминания Бога и «телесного низа». Потом были дальнейшие прижизненные публикации обработанных писателем русских народных сказок в журналах «Мурзилка» и «Молодая гвардия» (1939), в отдельных маленьких книжечках и в больших сказочных томах вплоть до 1944 г.

В последний год жизни А. Н. Толстого, помимо помощи писателю, А. Н. Нечаев также занят другими издательскими планами по фольклору. В Автобиографии 31 октября 1944 г. он указывает:

¹²⁴ Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой : Жизнь и творчество. С. 264.

¹²⁵ См.: ОР ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, инв. № 441/6.

«Одновременно принимаю участие в подготовке книги „Песни и сказки славян“ — веду русский отдел и общую редакцию тома. Книга уже подготовлена и сдана в Гослитиздат. Вместе с профессором П. Г. Богатыревым готовим книгу „Сказки славянских народов“ для Детгиза. Закончим работу к середине февраля 1945 г. Для этого же издательства я пишу книгу, которая условно называется „Охота за словом“ — рассказы о жизни фольклора и о мастерах народного словесного искусства. Книгу эту думаю подготовить к началу 1946 года» (ССП, л. 18 об.).

После кончины А. Н. Толстого А. Н. Нечаев продолжает составлять популярный сказочный свод, отдавая приоритет волшебным сказкам.

Также А. Н. Нечаев работает над освещением темы «А. Н. Толстой и русские народные сказки», и в воспоминаниях об этой сложной работе себе он отводит минимальную роль. Мы попытались показать, что успех сказок А. Н. Толстого, продолжающийся сквозь десятилетия до наших дней, обусловлен в том числе и тщательным научным консультированием А. Н. Нечаева и его жены Н. В. Рыбаковой.

С августа 1948 по август 1952 г. А. Н. Нечаев становится преподавателем кафедры литературы Новозыбковского государственного педагогического института, где бывает наездами. Читает курсы устного народного творчества, древнерусской литературы, русской литературы XVIII в. и советской детской литературы. В характеристике от 19 марта 1953 г., подписанной директором Новозыбковского госпединститута Т. Куклиным, говорится, что «за время работы в институте тов. Нечаев А. Н. показал себя квалифицированным преподавателем, читающим курсы устного народного творчества, древнерусской и детской литературы на должном научном и методическом уровне. Тов. Нечаев А. Н. принимал участие в работе студенческого научного общества, а также в общественной работе института» (ИМЛИ).

А. Н. Нечаев всегда активно занимался фольклорно-собирательской и организационно-творческой работой на благо русского общества. В графе «общественная деятельность» он отметил: «Ответственный секретарь фольклорной секции ССП СССР» («Личная карточка» 1947 г., ССП). В справке «Над чем я работаю» от 8 сентября 1947 г. в пункте VI А. Н. Нечаев написал: «Поддерживаю связь со многими местными работниками-литераторами и веду организационную работу в качестве ответственного секретаря Фольклорной секции и члена Карело-Финской комиссии ССП СССР» (ССП). В графе «общественная работа и выборные должности» Нечаев указывает в 1978 г. свое добровольное сотрудничество с издательствами: «Член редсовета „Советская Россия“, „Малыш“» (ССП).

Вероятно, сотрудничество с проф. П. Г. Богатыревым в проекте по изданию славянского фольклора побудило Нечаева к штудированию иностранных языков: «Иностранные языки — мое слабое место. Поэтому я сейчас изучаю французский и чешский языки» (Автобиография 31 октября 1944 г., ССП, л. 18 об.). Спустя три года Нечаев вполне уверенно квалифицирует свое «знание иностранных языков и языков народов СССР» в соответствующей графе документа писательской организации: «читаю по-французски, по-немецки, по-чешски, по-сербски, по-украински, перевожу с белорусского» («Личная карточка» 1947 г., ССП). Однако еще через пять лет Нечаев менее оптимистично отмечает, что он владеет французским языком (слабо) и переводит с украинского и белорусского языков («Личный листок» 1952 г., ИМЛИ). В «Личной карточке» 1978 г. Нечаев обобщает свое владение иностранными языками: «слабо, восточно- и западнославянскими» (ССП).

Продолжая увлекаться русской народной сказкой, А. Н. Нечаев после смерти А. Н. Толстого опубликует статью-рецензию «Сказки бабушки Куприянихи в обработке для детей М. Сергеенко» в журнале «Литературный Воронеж» (1948. № 2. С. 172—180). В ней он отметит работу «обработчика» сказок как важный вид литературной деятельности: «Создание книг подлинных народных сказок ни в коем случае нельзя рассматривать как некий вид составительско-технической работы. Это такая же область творческого труда, как и работа над другими жанрами литературы; такая область искусства, где на первом плане стоит обобщенный показ, подлинность живого явления в его развитии, а не фотографическая точность».¹²⁶

Далее А. Н. Нечаев посвятит много страниц А. Н. Толстому в статье «Русские народные сказки в советских изданиях для детей» в сборнике «О детской литературе» (1950).

А. Н. Нечаев был женат на «литераторе» Нине Владимировне Рыбаковой и имел дочь Татьяну, студентку («Личный листок» 1952 г., ИМЛИ) и затем старшего консультанта Центрального совета по охране памятников культуры (ССП); затем женат на Милице Даниловне Яницкой и, прежде не выезжая за рубеж, побывал в гостях у ее отца в США в 1975 и 1977 гг. («Личная карточка» 1978 г., ССП).

С 18 марта 1953 г. А. Н. Нечаев работает научным сотрудником в ИМЛИ, трудится над монографией «Русская народная сказка» (не издана). 6 июля 1956 г. Президиумом АН СССР А. Н. Нечаеву присвоено звание старшего научного сотрудника по специальности «русская литература и народное творчество»,

¹²⁶ Нечаев А. Н. Сказки бабушки Куприянихи в обработке для детей М. Сергеенко. С. 174.

и 20 марта 1957 г. он утвержден в этой должности по конкурсу в ИМЛИ (проработал до 12 декабря 1957 г.). В характеристике, подписанной в марте 1956 г. заместителем директора института В. Р. Щербиной, об А. Н. Нечаеве сказано, что он «известен как составитель многих сборников русских народных сказок и автор ряда научных исследований».

К 70-летию А. Н. Нечаева появились юбилейные статьи В. Михайлова, Б. Привалова и других в его адрес, в которых он именовался «советским сказочником».¹²⁷

Как человек, много повидавший на своем веку и знакомый со многими выдающимися личностями, «в последние годы жизни А. Н. Нечаев писал воспоминания о встречах с Н. А. Клюевым, А. В. Луначарским, А. А. Фадеевым, М. А. Шолоховым, А. Н. Толстым».¹²⁸

24 декабря 1986 г. А. Н. Нечаев скончался и был похоронен на Даниловском кладбище Донского монастыря в Москве.

Память А. Н. Нечаева увековечена на Русском Севере: «При участии жены Милицы Даниловны и дочери писателя Татьяны Александровны благодарными земляками на родине сказочника в деревне Вершинино на здании Кенозерской библиотеки 1 июня 1990 года установлена мемориальная доска Александру Николаевичу Нечаеву».¹²⁹

В 2003 г. Т. А. Нечаева передала в дар Поморскому государственному университету им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск) творческий архив А. Н. Нечаева, который с тех пор бережно хранится в Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова.

¹²⁷ См.: А. Н. Нечаеву — 70 лет // Лит. газета. 1972. 9 мая. № 9. С. 4; Михайлов В. Советский сказочник: (К 70-летию А. Н. Нечаева) // Огонек. 1973. № 5. С. 4; Привалов Б. Советский сказочник: Штрихи к портрету А. Н. Нечаева. С. 15—18.

¹²⁸ Макаров Н. А. «Жил-был сказочник...». С. 209.

¹²⁹ Там же. С. 210.

Е. Н. ГРУЗДЕВА

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ЭЛИАШ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Надежда Михайловна Элиаш родилась в Санкт-Петербурге 13 апреля 1888 г. (ст. ст.). В многодетной семье Элиаш было пятеро дочерей — погодки Надежда и Валентина и младшие Наталья, Вера и Александра. Глава семьи, Михаил Федорович, вышедший из мещанской среды, служил в Государственном контроле, с годами получил чин действительного статского советника и личное дворянство. Он всю жизнь оставался верен воспринятым в юности идеалам 1860-х гг., любил перечитывать сочинения Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Некрасова.¹ Его жена Александра Николаевна вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием дочерей.

Надежда была отдана в частную женскую гимназию В. Н. Хитрово, и очень скоро девочка почувствовала вкус к преподавательской работе (рис. 1). Ее первыми «учениками» были куклы (когда дома играли «в школу»), а в гимназии — легкомысленная соседка по парте и некоторые отстающие одноклассницы, которым на переменах Надя Элиаш объясняла задания. Любимым предметом у девочки всегда была литература. Дома этот интерес приветствовался родителями, а иногда устраивались литературные вечера, и отец с подъемом читал перед дочерьми свои любимые стихи Некрасова. Надежда на всю жизнь полюбила выразительное чтение.

¹ Архив Белгородского государственного университета (далее — Архив БелГУ). Личное дело преподавателя Н. М. Элиаш, л. 126, 152 (Личный листок по учету кадров (17.09.1953) и автобиография (12.05.1958)).

Рис. 1. Надежда Элиаш — гимназистка.
Фотография из семейного архива племянницы Н. М. Элиаш И. А. Черкас.

Окончив в 1905 г. гимназию с золотой медалью, Н. Элиаш поступила на словесно-историческое отделение Женского педагогического института. Институт в 1905—1906 гг. переживал очень сложный период: молодежь живо реагировала на текущие политические события. Более активные студентки летом и осенью 1905 г. посещали митинги в Технологическом институте и других учебных заведениях, приносили в свой институт свежие новости и агитировали сокурсниц принять участие в общей забастовке. Педагогички разделились на «правых» и «левых».

На внутриинститутской сходке «левые» слушательницы выработали ряд пожеланий, которые представили Конференции

института, в их числе: расширение прав автономии слушательниц в созыве собраний, более четкое определение отношений с Конференцией и администрацией института; устройство в институте общественной читальни; осуществление мероприятий, направленных на повышение политического образования девушек, — приобретение специальной литературы, введение в учебные планы курсов социальных наук и государственного права.² Другую позицию занимала группа, принципиально отвергавшая митинги как «несовершенную форму выражения сочувствия освободительному движению». Сторонницы того, чтобы «не только на словах, но и на деле» определить свою позицию, эти слушательницы вынесли на обсуждение Конференции вопрос об устройстве при Женском педагогическом институте воскресной школы для детей рабочих и работающих женщин.³

Администрация находилась в растерянности и не видела способа противостоять общественному движению. Вмешательство почетного попечителя великого князя Константина Константиновича тоже не помогло урегулировать ситуацию. Было решено временно закрыть институт.⁴ Занятия возобновились только в январе 1906 г.

В результате настойчивых обращений слушательниц весной 1906 г. было получено согласие администрации на организацию при институте общественной читальни и воскресной школы. Девушки энергично взялись за дело, и уже в том же году читальня начала работать. Вскоре была организована и воскресная школа для неграмотных и малограмотных. В ней учениками были подростки и молодежь, но приходили и женщины постарше. Надежда Элиаш активно включилась в работу воскресной школы и вскоре стала ее заведующей.⁵

Учебные занятия в институте шли успешно. Лекции профессоров С. Ф. Платонова,⁶ Ф. А. Витберга,⁷ И. А. Шляпкина,⁸

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.), ф. 918, оп. 1, д. 5547, л. 53—53 об. (Протокол заседания Конференции Женского педагогического института от 21.10.1905 г.).

³ Там же, л. 80 об.—81 (Протокол заседания Конференции Женского педагогического института от 05.11.1905 г.).

⁴ Там же, л. 69 об.

⁵ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 152 об. (Автобиография от 12.05.1958 г.).

⁶ Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — известный историк, профессор университета и ряда других столичных учебных заведений, директор Женского педагогического института.

⁷ Витберг Федор Александрович (1846—1919) — специалист в области истории русского языка и словесности.

⁸ Шляпкин Илья Александрович (1858—1918) — специалист в области русской литературы и археологии, член-корреспондент Императорской Академии наук.

С. А. Адрианова,⁹ Н. М. Каринского¹⁰ были настолько интересны, что все чаще Надежда задумывалась о науке. Пробой сил стали курсовые работы. Так, на III курсе девушка подала И. А. Шляпкину сочинение об учебнике начала XVIII в. «Юности честное зеркало». Знаменитый филолог дал о работе положительный отзыв и отметил использование автором большого числа источников и литературных трудов. Под влиянием этого отзыва Н. Элиаш решила продолжить исследовательскую работу и заняться углубленным изучением литературы.¹¹ Ей, как и другим слушательницам, Илья Александрович Шляпкин с готовностью помогал, привозя книги из своей богатейшей библиотеки, давая рекомендации при подготовке к пробным урокам в гимназии. Надежду Элиаш привлекали темы из древней русской истории и литературы: она читала книги Фаминцына «Скоморохи на Руси»,¹² Терещенко «Быт русского народа»,¹³ статьи Виноградова о малороссийском вертепе,¹⁴ Ермолова «Народная сельскохозяйственная мудрость...»¹⁵, былины Кирши Данилова (рис. 2).

В начале 1910-х гг. материальное положение семьи Элиаш пошатнулось, и уже в студенческие годы Надежде приходилось давать частные уроки и думать о подыскании хорошего места после окончания института. Ее участие в революционных сходках и работа в вечерней школе привели к тому, что девушка находилась «на заметке» у руководства Ведомства учреждений императрицы Марии. Несмотря на очень хорошие отзывы преподавателей (в ее дипломе об окончании института в 1909 г. стояли лишь отличные оценки¹⁶), способной девушке не разрешили преподавать в столице, и ей было предложено место учительницы в гимназии

⁹ Адрианов Сергей Александрович (1871—1942) — специалист по истории русской литературы, публицист.

¹⁰ Каринский Николай Михайлович (1873—1935) — специалист в области истории русского языка и диалектологии.

¹¹ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 152 об. (Автобиография).

¹² Фаминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

¹³ Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1—7.

¹⁴ Виноградов Николай Николаевич — известный в начале XX в. этнограф, исследователь народного театра (вертепа). Автор нескольких книг и статей, посвященных великорусской, белорусской и украинской мистериям.

¹⁵ Ермолов Алексей Сергеевич (1847—1917) — министр земледелия и государственных имуществ (1894—1905), опубликовал сборник «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» (СПб., 1901—1905. Т. 1—4), в котором собрал народные пословицы, поговорки и приметы о погоде, урожае и о разных явлениях природы, расположив их по временам года, по месяцам и дням.

¹⁶ ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 1—2 (Личное дело Н. М. Элиаш).

Рис. 2. Из выпускного альбома Женского педагогического института. 1909 г. Фотография из фондов музея РГПУ им. А. И. Герцена.

города Верного (Алма-Аты). Отказаться Надежда не могла, так как семья нуждалась в ее зарботке.

В Верном на плечи Н. М. Элиаш легла большая нагрузка в женской и мужской гимназиях, где она преподавала русский язык и литературу, педагогику, а в старших классах и методику русского языка. Но она не унывала и даже находила множество причин для того, чтобы написать И. А. Шляпкину: «Общее впечатление от Верного — прекрасное. Городок расположен у подножия гор. Масса зелени, низенькие одноэтажные домики, широкие улицы — все это придает нашему городку своеобразную прелесть. Мои сослуживцы встретили меня приветливо и в высшей степени симпатично. Что касается до начальства, то и тут мне посчастливилось. В лице директора я нашла отзывчивого и просвещенного человека, который живо интересуется педагогическим делом».¹⁷ Уровень знаний учеников был невысок, и молодая учительница поставила себе задачу заинтересовать учащихся, добиться повышения грамотности, открыть перед ними богатый мир русской литературы (рис. 3).

А все свободное от педагогической работы время Надежда Михайловна посвящала изучению латинского и древнегреческого языков, так как решила начать подготовку к государственному

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 6—6 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. А. Шляпкину от 03.01.1910 г.).

Рис. 3. Преподаватели и ученицы женской гимназии г. Верный.
Во втором ряду 2-я слева — Н. М. Элиаш.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

экзамену. Она всерьез задумывалась о научных занятиях и предполагала «работать по Белинскому и его эпохе».¹⁸

Из далекого Верного Н. М. Элиаш писала директору Женского педагогического института С. Ф. Платонову: «Порой кажется, что у меня не хватит сил добиться того, о чем беспрестанно мечтаю. В такие минуты я вспоминаю об институте, и мне становится легче. Трудно выразить словами, как благодарна я институту за то, что он дал мне: сознательное отношение к педагогическим занятиям, стремление к знанию, желание посвятить себя серьезной научной работе — всем этим обязана я институту. Кроме того, в Вас и в других руководителях я нашла то симпатичное, сердечное участие к моим первым попыткам научных занятий, которое и теперь придает мне силы и энергию».¹⁹

Чтобы вернуться в Петербург, нужно было найти какую-нибудь работу. С трудом удалось получить уроки русского языка в двух четырехклассных училищах. С апреля 1912 г. к ним добавились занятия по педагогике в частной женской гимназии Э. П. Шаффе.²⁰ Имея надежный заработок, Н. М. Элиаш начала готовиться к экзаменам за курс российского университета.

В декабре 1911 г. был принят закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений...». Те женщины, которые успешно выдерживали испытания, отныне могли приобретать ученые степени магистра и доктора, дававшиеся университетами с присвоением прав на ученую и учебную деятельность и на службу в любых учебных заведениях.²¹ При Женском педагогическом институте была организована испытательная комиссия для выпускниц этого учебного заведения. Туда-то и обратилась Надежда Элиаш в марте 1914 г. с прошением о допуске ее к испытаниям по славяно-русскому отделению.²² Все испытания — семь устных экзаменов и два письменных — девушка прошла за одну сессию, получив высшие баллы.²³ В качестве дипломного сочинения (необходимого условия для получения диплома I степени) Н. Элиаш представила статью «К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушки-

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 8.

¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), ф. 585 (С. Ф. Платонов), д. 4715, л. 2 об.—3 (Письмо Н. М. Элиаш к С. Ф. Платонову от 29.03.1911 г.).

²⁰ ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 6 (Удостоверение о работе в гимназии от 11.03.1914 г.).

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1914. Т. 31. Отд. I. № 36226. С. 1299—1300.

²² ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 5 (Прошение Н. М. Элиаш в испытательную комиссию при Женском пединституте от 27.03.1914 г.).

²³ Там же, л. 8—8об. (Экзаменационный лист).

на»,²⁴ опубликованную в сборнике Академии наук «Пушкин и его современники». 20 мая 1914 г. историко-филологическая испытательная комиссия при Женском педагогическом институте постановила выдать Н. М. Элиаш диплом I степени.²⁵

Твердо решив заниматься наукой, Надежда Михайловна сразу по приезде в Петербург выбрала для себя тему занятий, предложенную Отделением русского языка и словесности Академии наук для участия в конкурсе на премию имени М. И. Михельсона. Эта премия присуждалась Академией наук с 1898 г. за труды в области науки о русском языке. Присланные работы рассматривались раз в три года, и как раз в 1911 г. был объявлен новый конкурс. Н. М. Элиаш остановила свой выбор на 7-й задаче: «Собрать иноземные слова и термины, относящиеся к художествам и ремеслам и заключающиеся в письменных памятниках Московской Руси XV—XVII столетий, и сообщить реальное значение термина с объяснением его происхождения». На протяжении трех лет она не только работала в гимназии, готовилась к испытаниям за курс университета, но и находила время для научных занятий. 27 февраля 1915 г. Надежда Элиаш обратилась в Академию наук, заявив о своем желании участвовать в конкурсе на соискание премии имени М. И. Михельсона с работой «Материалы по терминологии художеств и ремесел в Московской Руси по памятникам XVI и XVII столетий».²⁶

В 1915 г. премию (половинную, по 500 р. каждая) получили две работы: Н. А. Смирнова «Словарь столового обихода Московской Руси XVI и XVII вв.» и материалы для словаря Н. М. Элиаш.²⁷ Сохранились отзывы рецензентов — П. К. Симони и А. И. Соболевского о труде «г-жи Элиаш».²⁸ А. И. Соболевский указал, что немногочисленные источники работы — это «описи имущества бояр Ив. Никит. Романова и бояр кн. В. В. Голицына (дело о Шак-

²⁴ Элиаш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники : Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. 1—39. В своей первой публикации Н. М. Элиаш высказала «искреннюю благодарность за указания, советы и любезное содействие» А. И. Соболевскому, П. Н. Шефферу, Б. Л. Модзалевскому, Н. К. Кульману, С. А. Адрианову и М. Л. Гофману (Там же. С. 1).

²⁵ ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 3—4 (Личное дело Н. М. Элиаш).

²⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН), ф. 9, оп. 3, д. 62, л. 91 (Дело о Шестом присуждении премии имени М. И. Михельсона в 1915 году).

²⁷ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1915 г. / Сост. В. Н. Перетц. Пг., 1915. С. 27.

²⁸ СПФ АРАН, ф. 9, оп. 3, д. 62, л. 92—106 об. (Отзыв П. К. Симони); ОР РНБ, ф. 558 (Пальмов), оп. 1, д. 155 (Отзывы А. И. Соболевского о рукописных трудах, удостоенных Михельсоновских премий).

ловитом), две описи Патриаршей ризницы 1631 и 1720 гг., переписная книга Ипатьева монастыря 1595 г., опись церковных вещей в московском дворце, иконописный подлинник к<онца> XVI в. и, наконец, „Столбцы бывшего архива Оружейной палаты“, изданные А. И. Успенским.²⁹ Критик подчеркнул знакомство автора работы с трудами Савваитова, Симони, Иностранцева, Забелина, Костомарова и др., но был строг, отметив бесхитростность обработки материала и явное отсутствие собственных критических замечаний к обрабатываемому материалу и мнениям предшественников. Вместе с тем подобранный Н. М. Элиаш материал, по оценке А. И. Соболевского, характеризовал конкретный предмет в пределах использованных источников максимально полно, «как со стороны внешнего вида — цвета, узоров и т. п., так и со стороны происхождения, способа изготовления и употребления. Поэтому те приблизительно 200 выписок, которые приведены при слове бархат (подчеркнуто А. И. Соболевским. — *Е. Г.*), все дают какую-нибудь новую подробность для характеристики бархата в XVI—XVII вв. в Московской Руси».³⁰ В заключение своего отзыва мэтр отметил: «Ценность материала не подлежит сомнению. Если бы он был несколько пополнен... он мог бы быть напечатан в „Сборнике“ отделения»³¹ (имеется в виду Отделение русского языка и словесности АН. — *Е. Г.*).

В отзыве П. К. Симони дан более подробный разбор работы молодого филолога. Рецензент отметил сравнительно узкий круг использованных источников, их ограниченность временными рамками — самый конец XVI и XVII в. — и тот факт, что конкурсантка усложнила свою задачу, выбирая и поясняя не только заимствованные и иноземные термины, но выписывая «решительно все, что могло бы пригодиться и вообще для будущего словаря древнерусского языка в пределах избранных... памятников»³² (подчеркнуто П. К. Симони. — *Е. Г.*). Отметив немногочисленные недочеты в оформлении выписок и дав несколько рекомендаций, рецензент в целом полученный результат признал вполне удовлетворительным. «Пересматривая карточки работы г-жи Элиаш и сравнивая выписки значений слов, нельзя не отметить 1) большого труда и трудолюбия, вложенных в настоящий труд; 2) конкурсного времени — неполных 3-х лет едва должно было хватить на одни голые выписки, а они по возможности и подобраны, и сгруппированы».³³ В заключение читаем:

²⁹ Имеется в виду книга: *Успенский А. И.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты: В 3 т. М., 1912—1914.

³⁰ ОР РНБ, ф. 558 (Пальмов), оп. 1, д. 155, л. 7.

³¹ Там же.

³² СПФ АРАН, ф. 9, оп. 3, д. 62, л. 92 об.

³³ Там же, л. 106.

«Выдающаяся точность выписок, почти безукоризненная полнота исчерпывания источников по разным, хотя и разного достоинства, изданиям, а главное поразительные и ценные для науки приобретения номенклатуры древнего русского письменного языка по памятникам среднего периода, номенклатуры достаточно объясняемой самыми выписками из памятников, сделанными умело и толково, налагают на рецензента труда г-жи Элиаш приятную обязанность подчеркнуть значение ее хотя и недоконченного и несовершенного труда и высказать желание видеть его напечатанным».³⁴ Возможно, лишь бурные политические события помешали появлению в печати этой работы.

Весной 1917 г. Надежда Михайловна предложила для публикации в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» свой отзыв о книге финского ученого Салонена, посвященной изучению пейзажа в произведениях Тургенева. Ее поддерживал Н. К. Пиксанов, подчеркивая, что книга Салонена мало известна русским читателям, а «между тем ее предмет значителен и заслуживает обсуждения в печати. В будущем 1918-м году исполняется столетие со дня рождения И. С. Тургенева, а отзыв о книге Салонена, быть может, был бы нелишним в юбилейной литературе».³⁵ Однако статья Н. М. Элиаш не была принята к печати.

Девушку не смутила эта неудача. Она твердо решила посвятить себя исследовательской работе и снова села за учебу — начала готовиться к магистерским экзаменам, которые надо было сдавать уже в университете.

О своих успехах и сомнениях Надежда Элиаш писала И. А. Шляпкину: «9-го декабря (1917 г. — *Е. Г.*) я начала магистерские экзамены. Первый экзамен был у Ф. А. Брауна,³⁶ все сошло вполне благополучно, и я, конечно, счастлива, что начала то трудное дело, о котором непрестанно мечтала. Магистерские экзамены вообще важный шаг в жизни, но мне, право, они стоят столько жизненной борьбы, сомнений и усилий, что порой даже не верится, что этот торжественный и серьезный момент уже настал».³⁷ Через три месяца она проходила следующее испытание. «Экзаменаторами были А. П. Кадлубовский³⁸ и А. К. Бороздин».³⁹

³⁴ Там же, л. 106 об.

³⁵ Там же, оп. 1, д. 1057, л. 17 (Обращение в ОРЯС Н. К. Пиксанова от 23 марта 1917 г.).

³⁶ Браун Федор Александрович (1862—1942) — специалист в области истории и филологии, профессор Петербургского университета.

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 15—15 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. А. Шляпкину от 15.12.1917 г.).

³⁸ Кадлубовский Арсений Петрович (1867—1920) — специалист в области русской литературы XIX в., профессор Харьковского университета.

³⁹ Бороздин Александр Корнильевич (1863—1918) — специалист в области русской филологии.

На экзамене присутствовали А. А. Шахматов и Ф. А. Браун. А. П. Кадлубовский отнесся ко мне в достаточной мере строго и сурово, стараясь сбить меня на веках рукописей, особенностях языка, греческих житиях — одним словом, таких вопросах, которые выходили за пределы моей программы. <...> А. К. Бороздин... экзаменовал меня по новой литературе; он заинтересовался теми вопросами, над которыми я работала (западными влияниями в творчестве Лермонтова и комедиях Фонвизина); эта часть программы сошла глаже, а, в общем, все благополучно окончилось, чему я, по правде сказать, очень рада: последние дни перед экзаменами были крайне мучительными и беспокойными. <...> Если бы не редкое по сердечности и вниманию отношение Ф. А. Брауна и А. А. Шахматова, я бы, наверное, отложила, а быть может, и совсем оставила экзамены».⁴⁰ Счастливая после успешно пройденных испытаний Надежда Михайловна благодарила И. А. Шляпкина за то, что он первым еще в институте заинтересовался ее ученическими опытами и указал то дело, которое теперь стало «центром ее жизни», за то, что он переживал за свою ученицу, помогал советами, радовался ее успехам.⁴¹ Через месяц ее любимого учителя не стало.

После того как в 1917—1918 гг. Надежда Элиаш сдала все экзамены на степень магистра русской литературы, советом филологического факультета Петроградского университета она была избрана приват-доцентом.⁴² Однако напряженная педагогическая и научная деятельность, интенсивная подготовка к экзаменам в условиях продовольственного кризиса военного времени и трудности послереволюционного периода подорвали здоровье молодой женщины, и ей пришлось на время переехать из столицы в провинцию. Почти полтора года Н. М. Элиаш работала уездным инструктором внешкольного образования в Старой Руссе.⁴³ По выходным она по поручению Русского географического общества собирала в окрестностях Старой Руссы произведения устного народного творчества. Эта работа настолько увлекла Надежду Михайловну, что свои дальнейшие научные занятия она решила посвятить именно фольклору.

Вернувшись в Петроград, Н. М. Элиаш продолжала вести занятия в школах. Когда 1 сентября 1921 г. при Петроградском

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 17 об.—18 (Письмо Н. М. Элиаш к И. А. Шляпкину от 3/18.03.1918 г.).

⁴¹ Там же.

⁴² СПФ АРАН, ф. 302, оп. 2, д. 300, л. 33 (анкета от 08.07.1925 г.); Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 153 (автобиография).

⁴³ В Старой Руссе после революции работал отец Надежды Михайловны, занимавший должность секретаря отдела социального обеспечения (Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 126).

Рис. 4. Н. М. Элиаш.
Начало 1920-х гг.
Фотография из семейного
архива И. А. Черкас.

университете был образован Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), Надежда Михайловна вошла в состав его сотрудников. 1 сентября 1923 г. она была переведена на должность научного сотрудника I разряда⁴⁴ и активно вела исследовательскую работу по этнографии и фольклору, регулярно ездила в Старорусский уезд для изучения быта и устного народного творчества местного населения.⁴⁵ Разнообразие фольклорного материала, записываемого в деревнях (песни, обряды, заговоры, сказки, загадки), и интерес Н. М. Элиаш ко всем формам устного народного творчества способствовали тому,

что она активно участвовала в работе не только фольклорной секции ИЛЯЗВ, но и некоторых других научных организаций, таких как Сказочная комиссия при Русском географическом обществе (Ленинград), фольклорная подсекция Государственной академии художественных наук (Москва), посещала заседания в Государственной академии истории материальной культуры (Ленинград), т. е. тех учреждений, где велись этнографические и фольклорные исследования (рис. 4). В декабре 1924 г. по приглашению Центрального бюро краеведения и Русского географического общества Н. М. Элиаш участвовала во Всесоюзной конференции по краеведению в Москве.

Сказочная комиссия при Этнографическом отделении Русского географического общества начала свою работу еще в 1896 г.; в 1917 г. ее деятельность была прервана, но одиночные исследователи не прекращали трудиться, и в 1924 г. удалось вновь наладить общую работу комиссии под председательством С. Ф. Ольденбурга. В состав Сказочной комиссии вошли увлеченные собиратели, филологи и этнографы А. И. Никифоров, Н. Е. Ончуков, Н. П. Гринкова, Д. А. Золотарев, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, Н. П. Андреев, В. И. Чернышев и др., в том

⁴⁴ СПФ АРАН, ф. 302, оп. 2, д. 300, л. 1 (Личное дело о службе Н. М. Элиаш в НИИ ИЛЯЗВ).

⁴⁵ Там же, л. 3, 9, 12, 21, 24, 27 (То же).

числе и Надежда Михайловна Элиаш. Комиссия вела большую работу по библиографии сказочных текстов всех народностей России, по теоретической разработке сказочного материала, продолжала собирательскую деятельность. Н. М. Элиаш подготовила большую обзорную статью о результатах изучения фольклора Сибири,⁴⁶ в которой обратила внимание на широту исследований сибирских этнографов, особенно отметила статьи и очерки иркутского ученого Г. С. Виноградова по детскому фольклору, их тонкий психологизм, а также труды М. К. Азадовского, который умел «вскрыть основные, глубинные процессы художественного творчества».⁴⁷ На одном из заседаний комиссии Надежда Михайловна отчиталась и о собственной собирательской работе за последние несколько лет.⁴⁸ Собирательско-исследовательская деятельность Н. М. Элиаш не ограничивалась записью и анализом только сказочных текстов, в числе «трофеев» фольклориста большое место занимали также побывальщины, бытовые рассказы, автобиографии сказочников. Говоря о своей деятельности собирателя, Надежда Михайловна отмечала, что «как фольклорист, работающий по психологии народного творчества», она старалась «проследить те психические и бытовые моменты, которые лежат в основе творчества данного лица (рассказчика. — Е. Г.), его отношение, подход к сказке, к слушателям, ознакомиться с мировоззрением сказочника».⁴⁹ Такой подход к личности рассказчика был одним из программных вопросов деятельности Сказочной комиссии.

В плане работ Сказочной комиссии стояла проблема изучения процесса творчества при рассказывании. По словам С. Ф. Ольденбурга, передатчик сказки в большинстве случаев являлся несомненным автором, и, сравнивая тексты записей сказок от разных рассказчиков, можно изучить и рассказчика, и ту обстановку, и ту специальную среду, в которой он творил.⁵⁰ Этот вопрос еще серьезно не изучался и требовал особой методологической разработки, а с учетом «вымирания» искусства рассказывания в деревне необходимо было в кратчайшие сроки максимально полно собрать информацию по всем известным рассказчикам сказок. Для правильного проведения этой работы по поручению Сказочной

⁴⁶ Элиаш Н. Изучение сибирского фольклора за последние годы (1921—1925) // Северная Азия : Общественно-научный журнал. 1925. Кн. 5/6. С. 95—100.

⁴⁷ Там же. С. 97—98.

⁴⁸ Элиаш Н. М. Собираание сказок в Старорусском уезде Новгородской губернии (1919—1926) // Сказочная комиссия в 1926 г. : Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927. С. 32—37.

⁴⁹ Там же. С. 34.

⁵⁰ Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. : Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1926. С. 3.

комиссии Н. М. Элиаш разработала учетные карточки для регистрации сказителей и собирателей, записывавших сказки, составила особую инструкцию к их заполнению. Чтобы довести эти методические материалы до всех краеведческих организаций и отдаленных библиотек и музеев, хранивших записи прежних лет, Сказочная комиссия опубликовала карточки и инструкцию их заполнения в своем сборнике⁵¹ и в журнале «Краеведение»,⁵² предложив присылать сведения о пока неизвестных сказочных материалах в Русское географическое общество.

В 1925 г. в ИЛЯЗВе была создана секция «Живая старина», одним из членов-учредителей которой стала Н. М. Элиаш. «Живая старина» объединила большую часть ленинградских фольклористов того времени, работавших при секции как штатными, так и нештатными сотрудниками. В их число входили Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, В. Я. Пропп, М. И. Успенский, на заседания секции приходили В. В. Струве, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан, Э. К. Пекарский, В. И. Чернышев, П. К. Симони и др. Свою задачу члены секции видели в том, чтобы способствовать переходу от чисто словесного изучения богатств русского фольклора к их комплексному изучению в связи с народным бытом, техникой и т. п.⁵³

Первый год «Живая старина» больше работала в области изучения народной сказки (многие члены секции были сотрудниками и Сказочной комиссии), но круг ее интересов быстро расширялся: в него вошли народные песни, театр, обрядность, верования, быт, техника и т. п. В плане работы секции стояли темы методологии собирания и изучения устного творчества, детского фольклора, библиографии фольклора и этнографии.⁵⁴ На заседаниях секции звучали доклады, посвященные конкретным вопросам этнографии и фольклора. Выступление Н. М. Элиаш называлось «Семейный быт современной новгородской деревни: Опыт методологического собирания этнографических материалов». В этнографическом отделении Русского географического общества она прочитала доклад «Нечистая сила в представлениях крестьян Старорусского уезда Новгородской губернии».

Помимо собирательско-исследовательской работы Надежда Михайловна много занималась библиографией фольклорных

⁵¹ Элиаш Н. М. Об учете сказочников и собирателей (инструкция) // Там же. С. 12—15.

⁵² Инструкция по учету сказочников и собирателей // Краеведение. 1925. № 3/4. С. 297—298.

⁵³ Яковлев Н. В. Ленинградский институт языка и литературы // Научный работник. 1927. № 4. С. 21.

⁵⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства СПб. (далее — ЦГАЛИ СПб.), ф. 288, оп. 1, д. 27, л. 15 (План работы секции «Живая старина» на 1926/1927 г.).

материалов и литературы. Составляя библиографию новейшей немецкой литературы по фольклору (с 1914 г.), Н. М. Элиаш пришла к мнению, что научное общение с немецкими этнографами и фольклористами было бы очень интересно и полезно для советских ученых. В 1925 г. она обратилась в Коллегию ИЛЯЗВа с просьбой о научной командировке в Германию. Предложенный план поездки включал посещение этнографических музеев, фольклорных и краеведческих обществ в Бреславле, Берлине, Дрездене, Лейпциге, Мюнхене, Тюбингене, Карлсруэ, знакомство с современной научной литературой.⁵⁵

В 1926 г. Надежда Михайловна четыре месяца провела в Германии, где ознакомилась с постановкой научно-исследовательской работы, организацией фольклорных архивов и этнографических музеев. В одном из берлинских журналов («*Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*») — «Журнал общества фольклористов») была напечатана ее статья о достижениях советской фольклористики в 1917—1925 гг.,⁵⁶ а вернувшись в СССР, Н. М. Элиаш в нескольких публикациях рассказала о работе немецких коллег.⁵⁷ По ее наблюдениям, этнография и фольклористика в Германии находились в периоде исканий, переходя от отвлеченных научных теорий к работе с конкретным живым материалом. Этим Н. М. Элиаш объясняла богатство тем и разнообразие направлений исследований этнографов и фольклористов: собирательская и исследовательская работа, лингвистические вопросы, изучение культурно-исторических традиций, народного быта и творчества, духовной культуры, народной веры (поверья, обычаи, обряды), описание отдельных провинций и областей Германии и проч. Многие из опыта немецких коллег показалось очень интересным и полезным для российской науки.

Надежда Михайловна старалась привлечь новых специалистов к собирательской и научной работе. Легкая на подъем и очень коммуникабельная, она часто и плодотворно ездила в фольклорные экспедиции, записывая сказки, колыбельные песни, заговоры, частушки, легенды в разных районах Новгородской и других областей. В рабочих записях Надежды Михайловны большое место занимали побывальщины, бытовые рассказы, автобиографии тех, с кем она знакомилась в фольклорных экспедициях.

⁵⁵ СПФ АРАН, ф. 302, оп. 2, д. 300, л. 6—7об. (Личное дело о службе Н. М. Элиаш в НИИ ИЛЯЗВ).

⁵⁶ *Eliasch N. Die russische volkskundliche Arbeit in den letzten Jahren // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1926. Jahrgang 1925/26. 4. Hf. S. 273—275.*

⁵⁷ *Элиаш Н. М. 1) Современная фольклористика Германии // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2/3. С. 165—172; 2) Немецкие этнографические музеи // Этнография. М., 1927. Кн. 3. № 1. С. 151—159.*

Много времени она отдавала и переписке с краеведами и фольклористами из отдаленных районов. После публикации инструкции по собиранию сказочного фольклора из провинции приходили собранные материалы. Например, краевед из Красноярска М. В. Красноженова прислала сказки Чичаевой (записи 1932 г.).⁵⁸

Продолжая преподавать в ленинградских школах, Н. М. Элиаш старалась придать научно-исследовательский характер и своей педагогической работе: в школьной краеведческой комиссии выступала с докладами о краеведческом методе в преподавании родного языка и литературы; руководила фольклорными работами учащихся старших классов; читала лекции на учительских курсах в Старой Руссе.⁵⁹ К ней обращались за научным руководством и за консультациями аспиранты и молодые сотрудники литературных институтов.

При пересмотре штатов Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока в 1928 г. Н. М. Элиаш оказалась сокращена. Временно отойдя от научной работы, она больше времени посвящала педагогической деятельности, устроилась преподавателем русского языка и литературы на рабфак Финансово-экономического института. Работа со студентами не мешала ее занятиям фольклористикой. Более того, уверенная в том, что вернется в систему академических учреждений, Надежда Михайловна составляла планы научных исследований, продумывала новые направления работы: изучать фольклор современной колхозной деревни, сравнить деревенский и городской детский фольклор. Ее попытка восстановиться в ИЛЯЗВе в 1930 г. не увенчалась успехом.⁶⁰ Но в 1932 г. Н. М. Элиаш получила должность заведующей ученым архивом Географического общества. С этим учреждением ее связывали годы научной работы, многих сотрудников она знала, с некоторыми дружила.

При Русском географическом обществе в декабре 1927 г. была образована Комиссия по детскому быту и фольклору (Детская комиссия), которая скоро стала вторым (после Иркутска, где был впервые поставлен вопрос об изучении детского мира) крупным центром по исследованию детской темы в этнографии и фольклоре. Председатель О. И. Капица⁶¹ и секретарь Н. М. Элиаш вместе с членами Комиссии (студенты Педагогического института им. А. И. Герцена, ученики О. И. Капицы) развернули актив-

⁵⁸ *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 582.

⁵⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, д. 27, л. 22—22 об.

⁶⁰ Там же, л. 43—43 об.

⁶¹ Капица Ольга Иеронимовна (1866—1937) — специалист в области детской литературы и фольклора.

ную работу по собиранию материала и его изучению в различных направлениях. В план работы входили установление связей с краеведческими и учительскими организациями, изучение материалов и исследований по детскому фольклору и быту, этнографии детства, устройство экспедиций по собиранию детских народных песен, колыбельных, сказок. Не имея возможности для организации собственных экспедиций, Детская комиссия старалась сотрудничать с другими научными учреждениями, попутно собирая свой материал. Когда в 1933 г. Институт антропологии и этнографии формировал экспедицию в район деревни Шокшозеро (Ленинградская область) для продолжения работ, начатых в 1928—1929 гг., в группу фольклористов вошла и Надежда Михайловна Элиаш, которая за месяц собрала значительное количество материала по сказке, песенному творчеству, свадебному обряду, детскому фольклору, заговорам.⁶² После этой поездки она прочла в Детской комиссии сообщение «Колыбельная песня, детский быт и язык деревни Шокшозеро».⁶³

В 1930 г. вышел первый печатный сборник Детской комиссии «Детский быт и фольклор».⁶⁴ Как секретарь Н. М. Элиаш подготовила отчет о деятельности Комиссии в 1928 г. Начинание студентов-педагогов поддержали известные ленинградские ученые и педагоги. В состав членов организации уже в первые месяцы ее работы вошли Л. Г. Оршанский,⁶⁵ П. К. Симони, Ю. И. Фаусек⁶⁶ и др. На ежемесячных заседаниях читались доклады, заслушивались сообщения о записанных фольклорных материалах. Было внесено предложение при составлении библиографии работ по детскому быту и фольклору учитывать и материалы, касающиеся национальных меньшинств на территории СССР, а также народов Запада и Востока.⁶⁷ Надежда Михайловна активно участвовала в работе Детской комиссии, во время фольклорных экспедиций за 1928 г. ею было записано около трехсот образцов детского устного народного творчества.⁶⁸ В сборнике Комиссии она опубликовала и статью о детской сказке,⁶⁹ в которой представила

⁶² Элиаш Н. М. Поездка в Шокшозеро (1933 г.) // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 219—220.

⁶³ Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. С. 473.

⁶⁴ Детский быт и фольклор / Под ред. О. И. Капицы. Л., 1930. Сб. 1.

⁶⁵ Оршанский Лев Григорьевич (1866—?) — специалист в области педагогической антропологии.

⁶⁶ Фаусек Юлия Ивановна (1863—1942 ?) — специалист в области дошкольной педагогики.

⁶⁷ Элиаш Н. М. Отчет о деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку в 1928 г. // Детский быт и фольклор. Л., 1930. Сб. 1. С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 10, 61—63.

⁶⁹ Элиаш Н. М. К вопросу о детской сказке : (По материалам, собранным в Старорусском уезде) // Детский быт и фольклор. Л., 1930. Сб. 1. С. 35—41.

свои выводы, появившиеся как результат собирательской работы. Приведя ряд примеров сказок, записанных у детей дошкольного возраста, автор делает вывод: «Есть несомненное сходство, единообразие в приемах детей-сказочников; они теснейшим образом связаны с особенностями детской психики. Анализируя детские сказки, мы проследили также за отношением детей к сказочной обрядности, определили влияние старых сказочных образов на творчество современных ребят».⁷⁰ Коллекцию фольклорных записей, как уже говорилось, пополняли и образцы народного творчества, присланные из разных уголков страны собирателями-энтузиастами на имя Н. М. Элиаш в ленинградские научные организации.⁷¹

Убийство С. М. Кирова в декабре 1934 г. вызвало новую волну борьбы с «врагами народа». Политическая кампания затронула и деятелей культуры, в том числе некоторых фольклористов.⁷² В феврале 1935 г. в кампанию оказалась вовлечена и Надежда Михайловна Элиаш. Архив Географического общества, где она тогда работала, был закрыт, она лишилась работы, а вскоре получила предписание покинуть Ленинград, в котором прожила более сорока лет, где оставила родных, друзей, учеников. В ее жизни начался долгий период странствий.

Н. М. Элиаш переехала в Саратов, устроилась работать сначала в библиотеку, а потом стала преподавать русский и иностранный (немецкий и французский) языки в Медицинском и Зооветеринарном институтах. Надежда Михайловна не оставляла попыток добиться своей реабилитации, неоднократно писала в Прокуратуру, обращалась к оставшимся в Ленинграде знакомым с просьбами поддержать ее ходатайства, дать отзыв о ее работе. Однако активной помощи не дождалась. В письмах к Игнатию Юлиановичу Крачковскому она сетовала: «Я все-таки до сих пор не знаю точно, что мне ставится в вину. Что касается религиозности моего стиля и направления, странно говорить об этом... Я послала в Прокуратуру заявление с указанием, что с 1928 г. я никакого участия в церковной деятельности не принимала, совсем отошла от общения с этой средой. Обо всем этом у начальства есть материалы. Поэтому курьезно предъявлять

⁷⁰ Там же. С. 41.

⁷¹ Подробнее о разных формах собирательской работы и контактах столичных фольклористов с провинциальными фольклорными обществами и собирателями-одиночками см.: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века.

⁷² Так, например, в четырехдневный срок было предписано покинуть Ленинград Н. Е. Ончукову. См.: *Иванова Т. Г.* Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова // *Russian studies* : Ежеквартальный журнал русской филологии и культуры. СПб., 1996 (1998). Т. 2. № 4. С. 245.

мне в 1936 г. этот счет... Я — педагог, научный работник, недурной организатор в этих областях. И только. Никогда никакого интереса к политической работе я не имела, никаких уклонов у меня в этом смысле не было и не может быть. Я сознательно примкнула к обновленческой церковной группе, зная, что они чужды всякого политиканства... Отношение наших старших академических работников, старых родовитых интеллигентов ко мне после моей высылки окончательно подорвало во мне веру в старое поколение, в людей с традициями... Мой недочет, с точки зрения марксизма, никому не мешает, потому что это не выходит за пределы личной жизни...».⁷³ Размышляя над произошедшим, Надежда Михайловна сделала собственные выводы: «Во мне произошли какие-то сдвиги... Я поняла основную ошибку моей жизни — увлечение общественно-организаторской деятельностью, осознала, что это дело молодого поколения, а не мое... вся сосредоточилась на личной научно-исследовательской работе, вспомнила, что я научный работник с порядочной квалификацией и большими накопленными в результате усиленной экспедиционной деятельности материалами. Поняла, что это и работа по новой специальности — основное дело жизни».⁷⁴

Надежда Михайловна все свободное время отдавала разбору накопленного фольклорного материала, систематизации своего фонда, готовила к печати особенно интересные материалы, вернулась к теме своей юности (К. Н. Батюшков), всерьез задумалась над защитой диссертации. Сначала исследовательница отказалась от фольклора, так как в провинции, где она теперь жила, почти не было необходимой литературы. Надежда Михайловна взвешивала разные темы (творчество раннего Горького, анализ пейзажа в русской литературе и др.), но все же вернулась к любимому фольклору: «В смысле темы кандидатской работы я окончательно остановилась на одной небольшой теме по детскому фольклору, знакомой мне: „Колыбельные песни“. Для ее разработки мне необходимо использовать обширный рукописный материал (печатного совсем мало), главным образом архив О. И. Капица».⁷⁵ Н. М. Элиаш получала книги по межбиблиотечному абонементу, переписывалась с этнографами, фольклористами, историками, археологами — со всеми, кто мог поделиться необходимыми для ее работы материалами или дать полезный совет: «Некоторые указания я получила от

⁷³ СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1048, л. 68 об., 89 об.—90 об. (Письма Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 15.05.1936 и 08.12.1936).

⁷⁴ Там же, л. 38 об.—39 (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 18.10.1935).

⁷⁵ Там же, л. 134 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 06.05.1939).

Бломквист.⁷⁶ Кое-что использовала: таджикский материал дает мне интересные просветы на происхождение колыбельных песен; у Троицкой есть описание обряда положения в колыбель, заклипания, произносимые при этом. Все такие моменты для меня значительны. Недавно закончила просмотр и копирование немецких колыбельных... Написала заведующей библиотекой Института востоковедения, прошу этого товарища помочь мне библиографическими указателями по фольклору восточных народов... Может помочь Рамаскевич⁷⁷ — очень нужны мне кавказские материалы, тюркские, одним словом, все нужно... Основной вопрос — вопрос об общих традиционных мотивах выясняется для меня отчетливо, надо только наращивать материал, чтобы все выводы были документированы».⁷⁸

К началу 1940-х гг. Надежда Михайловна имела значительную библиографическую и педагогическую нагрузку в Саратове и в порядке выездного лекторства вела занятия в Вольском учительском институте. Ее вполне устраивала жизнь в провинции: «Я просто не могу себе представить моей постоянной жизни в Ленинграде. Скажу совсем откровенно: мне даже ничуть не хочется этого. Я не столичный человек по складу. Здесь мне уютнее, симпатичнее, чем на родине... Решение мое... основное — ни в коем случае не возвращаться в Ленинград».⁷⁹ Практически закончена была диссертация. Оставалось разрешить вопрос, где будет проходить защита. Начавшаяся война еще больше осложнила ситуацию. В 1942 г. Надежде Михайловне пришлось переехать из голодного Саратова в Вольск, взять кроме преподавательской нагрузки еще заведование библиотекой Учительского института и уроки в местной школе. В 1943 г. она снова переехала, теперь уже в Сызрань, где работала в Учительском институте на кафедре русской литературы.⁸⁰

Не имея возможности видеть своих близких, оставшихся в Ленинграде, Надежда Михайловна с тревогой ждала писем, переживала за всех, кто оказался в тяжелейших условиях в блокадном городе. Она поддерживала переписку с друзьями, бывшими коллегами. Академик И. Ю. Крачковский рассказывал «много-

⁷⁶ Бломквист Евгения Эдуардовна (1890—1956) — этнограф, сотрудник Этнографического музея и Института этнографии и антропологии в Ленинграде.

⁷⁷ Рамаскевич А. А. — этнограф, специалист по народам Южной и Юго-Западной Азии.

⁷⁸ СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1048, л. 145—146 (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 10.11.1939).

⁷⁹ Там же, л. 89—89 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 08.12.1936).

⁸⁰ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 126 об. (Личный листок по учету кадров).

уважаемой Надежде Михайловне» о жизни в Ленинграде, о делах в Академии наук, в Географическом обществе, о некоторых общих знакомых: «Живется здесь все еще трудновато: квартира очень отсырела за два года и никак не хочет просыхать: внизу подвал, наполненный водой. С наступлением холодов и у нас температура понижается. Телефон все еще не действует и в кухне нет воды. Но все это — проза, а поэзия в том, что есть некоторая возможность работать, которая искупает все прочее».⁸¹

Долгожданые письма приносили и горькие известия. В блокаду погибли мать и три сестры Надежды Михайловны, она очень тяжело перенесла эту утрату. Позже признавалась: «Спаслась я от отчаяния благодаря своей яркой, страстной любви к науке, к любимому родному русскому народному творчеству».⁸²

Ей нравилось жить в небольших провинциальных городах. Надежда Михайловна всегда была готова к экстренному переезду, все ее вещи умещались в чемоданчике. Самыми тяжелыми были сумки с бумагами. Меня съемную комнату на общежитие, она не сетовала, не унывала (говорила о себе: «Я ведь из тех людей, энергия которых растет прямо пропорционально трудности внешних бытовых условий»⁸³) и продолжала заниматься — шлифовать диссертацию.

Тема диссертации, взятая Н. М. Элиаш (Русские народные колыбельные песни), была, по ее собственной оценке, «белым пятном на нашей фольклорной карте», и Надежда Михайловна надеялась, что это исследование поспособствует привлечению внимания к детскому фольклору, что ее «заслугой будет постановка вопроса и научный опыт построения исследования темы».⁸⁴ Работа была закончена еще весной 1940 г., и ее одобрили многие фольклористы — В. Я. Пропп, М. К. Азадовский и др. В 1943 г. Надежда Михайловна снова подняла вопрос о защите диссертации, выясняла возможность защиты в различных вузах и научных учреждениях. Она писала своей давней знакомой, «однокласснице» по Женскому педагогическому институту, а к 1940-м гг. известной ленинградской фольклористке сотруднику Пушкинского Дома Анне Михайловне Астаховой, находившейся в Казани вместе с эвакуированным Институтом русской литературы: «Никаких моментов, мешающих мне защищать диссертацию в Казани, нет, а мне хотелось бы, по правде сказать, чтобы Вы, как, пожалуй,

⁸¹ Из письма И. Ю. Крачковского от 09.11.1944 г. (из архива И. А. Черкас).

⁸² Из частного письма Н. М. Элиаш от 29.03.1949 г. (из архива И. А. Черкас).

⁸³ РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, д. 392, л. 7 (Письмо Н. М. Элиаш к А. М. Астаховой от 24.02.1940 г.).

⁸⁴ Там же, л. 6 об.

единственный фольклорист центрального учреждения, интересующийся детским фольклором, провели эту защиту. Важно также, чтобы она была проведена в Институте АН, как в центральном учреждении. Эту защиту мы используем для того, чтобы снова поднять в научной среде вопрос о детском фольклоре. Защита в ЛГУ, в Саратове не даст этого результата».⁸⁵

Итогом своей работы сама Н. М. Элиаш была довольна: «Диссертация получилась обширная, обстоятельная и оригинальная. Занятая работа. Это — опыт применения к фольклору теории Н. Я. Марра. Стадиальные изменения, палеонтологический анализ, вскрывающий первичные формации, единство фольклорного процесса. Просто интересная история получилась. Нагребла я материала целый ворох, но не сгрудила его, а систематически разложила по сюжетным схемам и историческим стадиям. Параллелизм сюжетных схем полный: основное утверждение о связи колыбельной песни с колыбельными заклинательными формулами вполне документировано, доказано... Для меня самой интересно, ценно, что я, наконец, дошла до той стадии, до того момента, когда мне ясны ответы на вопросы: для чего и почему. На это потрачены силы и энергия, годы на интенсивные научные искания, которые посторонним людям казались метаниями».⁸⁶

Наконец, в 1944 г., вопрос с защитой диссертации был решен — местом защиты определен Казанский университет, оппонентами назначены профессор Казанского университета Александр Николаевич Вознесенский и ленинградский филолог Иван Иванович Толстой.⁸⁷ К зиме 1944/45 г. в Сызрани был отпечатан автореферат,⁸⁸ а защита диссертации объявлена в самом начале 1945 г. Защита прошла успешно, оппоненты признали работу интересной и ценной; 16 февраля 1945 г. члены Ученого совета Казанского университета единогласно проголосовали за присуждение Н. М. Элиаш ученой степени кандидата филологических наук.⁸⁹

В Казани Н. М. Элиаш произвела очень хорошее впечатление, и ее пригласили работать сразу в два местных вуза — Университет

⁸⁵ Там же, л. 14—14 об. (Письмо Н. М. Элиаш к А. М. Астаховой от 02.06.1943 г.).

⁸⁶ СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1048, л. 154 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 10.03.1941 г.).

⁸⁷ Толстой Иван Иванович (1880—1954) — специалист в области древней истории и классической филологии, академик.

⁸⁸ *Элиаш Н. М.* Русские народные колыбельные песни : Опыт классификации фольклорного жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сызрань, 1944. Диссертация опубликована не была и хранится в Российской государственной библиотеке в Москве.

⁸⁹ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 134 (Копия диплома кандидата наук).

и Педагогический институт. Новый доцент скоро стала известна среди студентов как строгий экзаменатор, так что перед экзаменами по фольклору им приходилось посидеть над учебниками и поволноваться. Сама Надежда Михайловна тоже переживала, но после окончания экзаменов. Она в письмах рассказывала своим племянницам о текущей сессии: «Экзамен окончился для шестерых совсем благополучно — на отлично они сдали; одна с треском провалилась, вторую, пытавшуюся подглядывать по шпаргалке, я со свойственным мне с юных лет педагогическим азартом отправила домой, не пожелав беседовать с ней. Студенты знают, что я немилостива в таких случаях, но все-таки любители попытать счастья пошпаргалить находятся, хотя я часто повторяю, что лучше этого во избежание серьезных неприятностей не делать».⁹⁰

Во время войны осиротели племянницы Надежды Михайловны. Узнав, что младшая, Ирина, в 1942 г. попала в детский дом, с которым была вывезена из Ленинграда, Надежда Михайловна разыскала девочку в отдаленном сибирском районе и взяла на себя заботу о ней. Уже после окончания войны Ирина училась в Ленинграде, и, чтобы быть ближе к племяннице, Н. М. Элиаш в 1948 г. решила распрощаться с волжскими краями. Она перешла по конкурсу в ближний к Ленинграду Новгородский учительский институт на кафедру русской литературы⁹¹ и приняла предложение включиться в качестве сверхштатного сотрудника Института русской литературы АН СССР в работу по подготовке трехтомного труда «Русское народное поэтическое творчество». Как специалист по детскому фольклору она должна была подготовить очерк о колыбельной песне. Эту работу Надежда Михайловна сделала в соавторстве с В. А. Кравчинской, приведя в небольшой по объему публикации примеры разных тем, сюжетов и образов, характерных для русских народных колыбельных. Авторы отмечали, что в колыбельных песнях художественное отражение получили глубокая задушевность, юмор и тонкая наблюдательность народа, знание жизни природы и особенно мира животных.⁹² Для сборника Н. М. Элиаш был написан и еще один очерк, к рассмотрению которого мы вернемся позже.

Где бы ни оказывалась Н. М. Элиаш, она знакомилась с местными обычаями, делала фольклорные записи, у нее появлялись новые друзья. Но воспоминания о родном городе не оставляли.

⁹⁰ Из частного письма Н. М. Элиаш от 01.04.1947 г. (из архива И. А. Черкас).

⁹¹ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 154 об. (Автобиография).

⁹² *Кравчинская В. А., Элиаш Н. М.* Колыбельные песни // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. М.; Л., 1955. С. 498—504.

Она видела Ленинград во сне: «Знакомые с детства улицы, хмурая ленинградская погода. Вечером я в нашей квартире, в родной семье. Комната ярко освещена предзакатными лучами солнца. Я думаю: как ярко светит солнце на севере. Я не сочиняю, все это я действительно видела во сне».⁹³ Приезжая в родной город, Надежда Михайловна много бродила по его улицам, ходила в Публичную библиотеку, в филармонию, в Мариинку, обязательно посещала несколько домов — Елизаветы Владимировны Пушкаревой-Козловой,⁹⁴ Игнатия Юлиановича Крачковского, Ивана Ивановича Толстого.

Н. М. Элиаш продолжала следить не только за развитием российской фольклористики, но и за зарубежными публикациями. После появления в английском журнале «Folklore» доклада лорда Раглана (известного этнографа, президента «Общества фольклора» и автора ряда работ по мифу и обряду) об истоках народной культуры она в соавторстве с В. И. Чичеровым опубликовала критическую статью, обличающую возрождение известной еще со времен Ницше реакционной теории творческого бесплодия народных масс. По мнению критиков, некоторые английские фольклористы допускали принципиальную ошибку, утверждая, что народ лишь перепевает бродячие сюжеты, питаясь тем, что «спускается» из образованных кругов общества.⁹⁵

Не оставляя фольклорную работу, Н. М. Элиаш увлеклась исследованием по новой теме — свадьба и сопровождающие ее обряды и песни. Она собирала материал, живя в Саратове, в Казани, в Новгороде, продолжила работу и в Калуге, куда переехала в 1950 г. При Педагогическом институте Надежда Михайловна создала кружок народного творчества, в котором работали молодые студенты, помогавшие обрабатывать ценные фольклорные материалы (рис. 5).

Последний переезд Н. М. Элиаш совершила в 1953 г. в Старый Оскол. В этом городе она наконец получила собственное жилье, а ее работа в Учительском институте заслужила признание руководства. После реорганизации Учительского института новый Педагогический институт был переведен в 1957 г. в областной центр — в Белгород.

Н. М. Элиаш уже шел седьмой десяток, но она оставалась энергичной и работоспособной, как в молодые годы (рис. 6).

⁹³ Из частного письма Н. М. Элиаш от 01.04.1947 г. (из архива И. А. Черкас).

⁹⁴ Пушкарева-Козлова Елизавета Владимировна (1892—1975) — специалист в области зоологии, орнитологии. Жена и помощник известного путешественника по Средней и Восточной Азии Петра Кузьмича Козлова.

⁹⁵ Чичеров В., Элиаш Н. Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики // Советская этнография. 1949. № 3. С. 216—217.

Рис. 5. Сочи. 1951 г.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

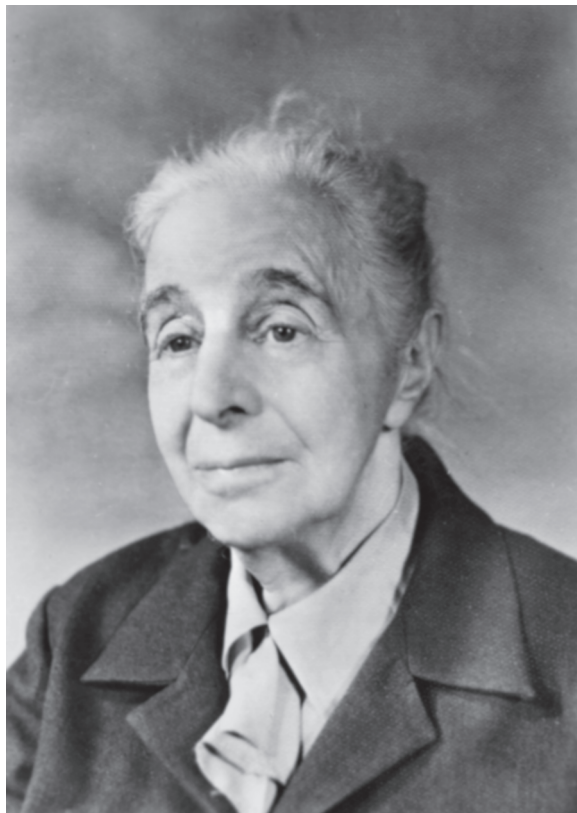

Рис. 6. Н. М. Элиаш. 1960-е гг.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

Студенты 1950—начала 1960-х гг. сохранили о ней теплые воспоминания: «Помню „неистовую“ Надежду Михайловну Элиаш, читавшую курс устного народного творчества. Нам было немножко смешно слушать ее восторги по поводу частушек. „Частушка, — говорила она, — это законченное произведение“ и находила в ней зачин, развитие действия, кульминацию и развязку. И ведь это действительно так. Несмотря на возраст, она ездила со студентами в фольклорные экспедиции, и я храню книгу „Народные песни Белгородской области“ с автографом Н. М. Элиаш».⁹⁶

⁹⁶ Из воспоминаний А. Белоусенко, выпускницы Белгородского гос. педагогического института 1963 г. См.: <http://www.bsu.edu.ru/Events/2006/2006-05-12Belousenko/>

Рис. 7. Н. М. Элиаш со студентами
Белгородского педагогического института.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

Сама же Надежда Михайловна считала, что частушка как особый жанр народного творчества до сих пор недооценивается фольклористами, сетовала на то, что не ведется «широкое обстоятельное изучение этого актуального жанра», «никто из исследователей не дал анализа художественной формы советской частушки, не изучил поэтического языка, своеобразия лексики и синтаксиса».⁹⁷ Она всегда старалась поддержать и активизировать работу собирателей народного творчества, любителей-краеведов, постепенно накапливавших богатый фольклорный материал (рис. 7).

В Педагогическом институте при кафедре литературы с 1954 г. работал кружок по изучению устного народного творчества. Кафедрой были организованы собрание и изучение произведений фольклора Белгородской области. Активное участие в этой работе принимали студенты-заочники, записывавшие на местах ценные материалы. К собирательской работе примкнули сотрудники областного Дома народного творчества, хоровые коллективы народной самодеятельности. Делались магнитофонные записи, записывались и сравнивались тексты песен (некоторые из них восходили к XVIII в., причем оказывались в очень хорошей

⁹⁷ Белгородские частушки / Сост. П. Ф. Лебедев; Предисл. Н. М. Элиаш. Белгород, 1960. С. 4—5.

сохранности).⁹⁸ Собираателями было записано более 800 вариантов напевов. Собранные материалы были опубликованы в трех сборниках.⁹⁹ Записанные в 1950—1960-е гг. песни были распределены по разделам: семейно-бытовые, свадебные, лирические любовные песни, песни борьбы и побед (революционные, времен гражданской и Великой Отечественной войн), хороводные, уличные песни, частушки (в Доме народного творчества только фонд частушек насчитывал около 2000 текстов). Надежда Михайловна Элиаш принимала активное участие в собирательской и особенно исследовательской и публикаторской работе, видела важнейшую задачу в том, чтобы выявить и сохранить лучшие, наиболее ценные песенные материалы, дать обзор их тематики. Результатом этой деятельности стала и последняя публикация Н. М. Элиаш — исторический обзор народнопоэтического наследия Курско-Белгородского края в сборнике «Белгородщина литературная».¹⁰⁰

Особой исследовательской темой 1950—1960-х гг. для Надежды Михайловны стала работа по изучению свадебного обряда и поэтики свадебных жанров. Возможно, к этой теме ее подтолкнуло участие в пушкинодомском сборнике «Русское народное поэтическое творчество», для которого Н. М. Элиаш подготовила очерк о свадебной поэзии (рис. 8).¹⁰¹ Интерес к свадебной обрядовой песне, возникший еще в XVIII в., на протяжении XIX в. только возрастал. Надежда Михайловна Элиаш рассматривала русскую народную свадьбу как «сложный комплекс обрядовых действий и обрамляющих эти обряды произведений устного народного творчества: песен, причетей, приговоров, диалогов между участниками обряда».¹⁰² Изучая этапы обряда, поэтические образы, характерные для жениха и невесты, их друзей и подружек, сватов и родственников, используемые фольклорные жанры, автор делает вывод о видоизменении обряда на протяжении столетий и отмирании некоторых моментов во второй половине XIX в. Однако, несмотря на это, свадебный обряд сохранял националь-

⁹⁸ Народные песни Белгородской области / Сост. Н. М. Элиаш. Воронеж, 1970. С. 3.

⁹⁹ Песни Белгородской области / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Н. М. Элиаш. Белгород, 1958; Народные песни Белгородской области / Сост. Н. М. Элиаш, Л. Г. Улановская. Белгород, 1960; Народные песни Белгородской области / Сост. Н. М. Элиаш. Воронеж, 1970.

¹⁰⁰ Элиаш Н. М. Песенный край // Белгородщина литературная. Воронеж, 1979. Кн. 1. С. 11—20.

¹⁰¹ Элиаш Н. М. Свадебная поэзия // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. М.; Л., 1955. С. 489—498.

¹⁰² Там же. С. 491.

Рис. 8. Конференция фольклористов в Пушкинском Доме. В верхнем ряду третья справа Н. М. Элиаш. Фотография из семейного альбома А. М. Астаховой.

ные традиции. Увлечшись новой для себя темой, Н. М. Элиаш занялась исследованием свадебной поэзии и подготовила ряд публикаций,¹⁰³ снискавших высокую оценку филологов и этнографов, назвавших его очень нужным опытом исследования свадебной песни и шагом вперед в изучении свадебной лирики.¹⁰⁴

Выйдя на пенсию, Надежда Михайловна продолжала работать со студентами и аспирантами, в городе и области ее знали как лектора, активного общественника, собирателя и популяризатора народного поэтического творчества Белгородщины.¹⁰⁵ Она была одним из делегатов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, проходившего в Москве в августе 1964 г. Своими впечатлениями после этого форума Н. М. Элиаш поделилась с белгородцами на страницах местной газеты, где дала обзор докладов, прозвучавших на фольклорной секции.¹⁰⁶

В 1968 г. к 80-летию юбилею Н. М. Элиаш в Белгородском педагогическом институте была подготовлена большая программа чествования старейшего преподавателя вуза: передача на радио в серии «Клуб интересных встреч», где главной героиней стала сама фольклористка, юбилейная статья в институтской газете, праздничный концерт. Надежда Михайловна получила многочисленные адреса, телеграммы, поздравления — от коллег, друзей, учеников и даже (что особенно ее растрогало) от бывших учениц вернинской гимназии, которых она учила 59 лет назад.¹⁰⁷ Сама героиня юбилея была полна планов — готовила группу фольклористов к очередной экспедиции, собиралась на конференции в Москву, Суздаль, Орел.

¹⁰³ См.: *Элиаш Н. М.* 1) Свадебные, величальные и корильные песни // Учен. зап. Старо-Оскольского госпединститута. 1957. Вып. 1. С. 21—38; 2) Историко-этнографические истоки тематики и образов русских свадебных песен // Учен. зап. Белгородского госпединститута. Белгород, 1959. Т. 2. С. 267—302; 3) Истоки обряда и песен русской народной свадьбы // Учен. зап. Орловского госпедуниверситета. Т. 30: Вопросы истории литературы и фольклора. Орел, 1966. С. 281—315; 4) Русские свадебные песни: Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, 1966.

¹⁰⁴ *Чередниченко М.* [Рец. на кн.: Элиаш Н. М. Русские свадебные песни: Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, 1966] // Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. Т. 12. С. 293.

¹⁰⁵ *Оводенко В.* Если сердце молодо // Просвещенец (газета Белгородск. гос. пед. ин-та им. М. С. Ольминского). 1968. 31 мая. № 20 (38).

¹⁰⁶ *Элиаш Н.* Большой совет ученых мира: Заметка участника VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук // Белгородская правда. 1964. 26 авг. № 200.

¹⁰⁷ РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, д. 392, л. 24—24 об. (Письмо Н. М. Элиаш к А. М. Астаховой от 16. 07.1968 г.).

Она дала самую точную и емкую характеристику самой себе: «Неугомонная, энергичная, боевая, старая педагогичка, полная страстной любви к молодежи, к любимым поэтам, к нашим дивным чудесным песням».¹⁰⁸

Надежда Михайловна Элиаш прожила насыщенную творческую жизнь. Она умерла 1 декабря 1974 г.

¹⁰⁸ Там же, л. 27 об.

Е. И. ЯКУБОВСКАЯ

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ НАТАЛЬИ ЛЬВОВНЫ КОТИКОВОЙ

Выдающаяся русская собирательница народных песен, педагог, общественный деятель Наталья Львовна Котикова (рис. 1) почти четверть века — треть отмеренной ей судьбой жизни — посвятила собиранию, публикации и популяризации в среде творческой интеллигенции народной музыкальной культуры родины своих предков — Псковской земли.

Тщательно и с любовью собранная ею коллекция песенного и инструментального фольклора в исполнении выдающихся певцов и инструменталистов представляет характерные классические образцы фольклора Псковской области. Среди них особое место принадлежит уникальным записям лирических и плясовых припевок (частушек), которые благодаря трудам Котиковой стали настоящим открытием для фольклористики и музыкальной культуры в целом. Но деятельность собирательницы не ограничилась созданием псковского фольклорного собрания и публикацией значительной его части в виде сборников нотных расшифровок. Благодаря ее постоянной просветительской работе с музыкантами, привлечению их к экспедиционной деятельности, интонации псковских песен и наигрышей вошли в мелодический язык композиторов 1960—1970-х гг., наиболее мощно проявившись в творчестве Валерия Гаврилина и Сергея Слонимского.

Собирательская деятельность Н. Л. Котиковой началась под эгидой Фонограммархива Пушкинского Дома. Многолетняя дружба и творческое сотрудничество связывали ее с Ф. А. Рубцовым, Ф. В. Соколовым, Б. М. Добровольским, В. В. Коргузовым, бывшими в разные годы сотрудниками и руководителями архива (рис. 2).

Рис. 1. Н. Л. Котикова. Конец 1970-х гг.
Архив Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской
государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

Биография Н. Л. Котиковой складывается из двух периодов: довоенного и послевоенного. Второй период жизни Натальи Львовны, связанный с ее фольклористической и преподавательской деятельностью, общественной работой в Ленинградском отделении Союза композиторов (она была председателем ЛО Музфонда СССР), проходил «у всех на виду», и о нем сохранилось немало воспоминаний людей, знавших и помнивших ее. События первой части ее биографии (детство и юность, обучение в Ленинградской консерватории, работа в Свердловском театре оперы и балета, жизнь в Ленинграде в годы блокады) долгие годы оставались практически неизвестными. Этому периоду в настоящей статье уделяется особое внимание. Исследуется также начальный этап собирательской деятельности Котиковой, связанный с полевой работой Фонограммархива и дальнейшей публикацией этих материалов.

Многие эпизоды биографии Котиковой до сего момента остаются до конца не известными, мы в особенности мало знаем о ее работе в Свердловске, жизни в Ленинграде во время блокады. Многие еще предстоит узнать, уточнить — это задача будущего. Здесь же предлагаются лишь общие контуры ее жизненного пути. В последнее время рассекречены многие архивы, матери-

Н. КОТИКОВА

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Под общей редакцией С. В. АКСЮКА

*Мои любимые друзья
Фонотехники архива в знак
благодарности и большой симпатии к ним - друзьям*

Н. Котикова

1966 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МУЗЫКА МОСКВА 1966

Рис. 2. Фольклорные сборники Н. Л. Котиковой с дарственными надписями автора сотрудникам Фонотеки ИРЛИ.

№
к-362

Мои друзья в прологе марта,
в благодарность за посвящение
полночь в нашем/общем труде.

Русские
Частушки
Страдания
Трицевки

Октябрь 1961 г.

Государственное
Музыкальное Издательство
Ленинград-1961

Рис. 2 (продолжение).

алы которых доступны для пользователей Интернета, появились печатные источники, где удалось найти данные о предках Котиковой, о судьбе ее семьи. Среди них особое место занимают публикации Н. Г. Жиркевич-Подлесских,¹ М. Г. Кондратьева² и В. Е. Звягинцева,³ благодаря которым стало возможным установить или уточнить многие факты жизни Натальи Львовны и ее родителей, в том числе дату и место ее рождения.

Работа над биографией Н. Л. Котиковой начиналась с нескольких «официально известных» фактов ее жизни. Надежда найти что-то большее была очень слабой, поскольку у Натальи Львовны не осталось прямых наследников; к тому же после ее кончины прошло уже тридцать лет... Я приношу сердечную благодарность всем, кто помог мне найти важные документальные источники, с которых и начался весьма плодотворный поиск, они же поделились тем, что знали о ней, документами, фотографиями. Низкий поклон М. П. Лебедевой, многие годы возглавлявшей ЛО Музфонда СССР, О. Г. Прутт — директору Народного музея «А музы не молчали...», О. П. Лариной, композиторам Г. Г. Белову, Т. А. Ворониной, музыковедам Е. А. Валевской, Н. П. Рязановой, Т. Г. Знаменской, а также А. А. Селезневой и Е. Д. Максимовой, близко знавшим Наталью Львовну. Особая благодарность — сотруднице Фольклорно-этнографического центра Консерватории Е. С. Редьковой, которая помогла найти документы о периоде обучения Котиковой в Консерватории, встретиться с участниками экспедиций 1950-х гг. В работе используются также фотографии и материалы из архива Н. Л. Котиковой, хранящегося в Фонограммархиве ИРЛИ РАН.

Предки Натальи Львовны Котиковой. Прежде изложение основных событий биографии Н. Л. Котиковой, необходимо сказать несколько слов об истории семьи, из которой она происходила. Это, с одной стороны, объясняет то, как сложилась ее собственная жизнь, а с другой — помогает понять истоки и корни музыкальной, общественной ее деятельности и отношения

¹ *Жиркевич-Подлесских Н. Г.* «По Пскову-то сам Пушкин мне земляк...»: Письма Екатерины Кирилловны Остен-Сакен Александру Владимировичу Жиркевичу: Из поэтического наследия Екатерины Кирилловны Остен-Сакен: Из дневника Александра Владимировича Жиркевича / Авт., сост. Н. Г. Жиркевич-Подлесских. Сельцо Михайловское, 2000 (далее — Жиркевич).

² *Кондратьев М.* Ложь и правда о Л. Э. Остен-Сакене — капитане и виолончелисте // Журнал чувашской культуры «Новый ЛИК». Чебоксары, 2000. С. 113—119 (далее — Кондратьев). См. также: [Кондратьев М.] Барон Остен-Сакен : Ложь и правда // Артист Филармонии. 1997. № 8 (Раздел: Pro musica). СПб., 1997.

³ *Звягинцев В. Е.* Трибунал для флагманов. М., 2007. С. 137—143 (далее — Звягинцев).

к фольклору, что и определило многие особенности собранной ею коллекции.

Наталья Львовна Котикова, урожденная баронесса фон-дер Остен-Сакен, соединила в себе генеалогические линии нескольких старинных дворянских родов, различных по своему происхождению, культурным традициям, историческому пути: Остен-Сакенов, Алединских и Зыбиных, Бирилёвых. Объединяет эти различные дворянские «миры» верная и преданная служба России как государству и родной земле, и государю как символу и представителю этого государства.⁴

На фамильном гербе «русских немцев» Остен-Сакенов, ведущих свой род с XIII в., красуется девиз: HONOR, HONESTAS, PATRIA (честь, честность, Родина). Служение России многие представители той ветви рода, к которой принадлежали предки Натальи Львовны по мужской линии со стороны отца, осуществляли на ниве юридической деятельности. Их родовые поместья располагались в основном по берегам Псковского и Чудского озер.

Дед Натальи Львовны Котиковой со стороны отца — барон Эрнест Рудольфович Остен-Сакен (1841—1911),⁵ выпускник Военно-юридической академии, прошел весь путь военной службы от корнета до генерала. С 1883 г. он служил главным военным прокурором Виленского, затем Петербургского военно-окружного суда (1908—1911). Закончил службу в чине генерала от инфантерии, будучи Главным военным прокурором Российской империи и начальником Главного военно-судного управления.⁶

Судя по отзывам современников, его характер полностью соответствовал семейному девизу, начертанному на гербе Остен-Сакенов. Сослуживец Эрнеста Рудольфовича виленского периода А. В. Жиркевич с сочувствием приводит в своем дневнике его характеристику, данную одной из уважаемых дам виленского об-

⁴ При составлении генеалогического очерка использовались следующие источники: *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Российской империи. СПб., 1890; *Военная энциклопедия* / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911—1915; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009; *Русский биографический словарь*: В 25 т. / Под наблюдением А. А. Половцова. 1896—1918.

⁵ Остен-Сакен Иоанн Альфонс Эрнест Рудольфович. Образование: 2-й кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище, Военно-юридическая академия (1-й разряд). Основные сведения о службе Эрнеста Рудольфовича Остен-Сакена на основании данных Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА) (ф. 409, оп. 2, д. 317591) приводит Н. Г. Жиркевич-Подлесских (Жиркевич. С. 22).

⁶ Фотопортрет Э. Р. Остен-Сакена из фондов государственного музея Л. Н. Толстого опубликован в книге Н. Г. Жиркевич-Подлесских (см.: Жиркевич. С. 185).

щества: «Это камень, на который твердо ступаешь ногой, идя по трясине, будучи уверен, что он не изменит и что на него можно смело опираться!».⁷

Бабушка Натальи Львовны Котиковой со стороны отца — Екатерина Кирилловна Остен-Сакен (урожденная Зыбина) происходила из семьи, многие представители которой владели землями в Псковской губернии, так что связь Натальи Львовны с Псковской землей прослеживается по крайней мере с начала XVIII в. Кроме того, многие из ее предков с этой стороны были даровитыми и известными в своем кругу музыкантами. Любовь к музыке в семье передавалась из поколения в поколение.

Имя прабабушки Натальи Львовны со стороны отца — Софьи Александровны Зыбиной (?—1897),⁸ урожденной Алединской, было хорошо известно в великосветских и придворных кругах в середине XIX в. Ее предполагаемый портрет, опубликованный в книге Н. Г. Жиркевич-Подлесских,⁹ находится в фондах Рукописного отдела ИРЛИ (альбом С. А. Алединской).¹⁰ Она была блестящей пианисткой, обладала красивым голосом и ярким артистическим дарованием. Одно время она была ученицей М. И. Глинки. Композитор ценил ее голос и исполнительское мастерство. В ее альбоме сохранился автограф Глинки — романс *Pour un moment* (Один лишь миг) на слова С. Голицына. На автографе подпись: «М. Глинка. Le 5 de Juin 1842» (рукой Глинки) и приписка С. А. Алединской: «écrit par Glinka par reconnaissance à l'exécution de Ты не плачь сиротинушка (Писано Глинкой в благо-

⁷ Жиркевич. С. 224.

⁸ Отец Софьи Александровны (прапрадед Натальи Львовны) Александр Павлович Алединский (1775—1841) — генерал-лейтенант, воспитатель великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), происходил из дворян Псковской губернии. Он был сыном коллежского советника, служившего по ведомству иностранных дел и коммерц-коллегии Павла Михайловича Алединского. Образование получил в 1-м кадетском корпусе. В 1799 г. А. П. Алединский участвовал в знаменитом переходе Суворова через Альпы, в боях на горе Фогельберг, при взятии штурмом Урзерна и Чертова моста. С 1804 г. Алединский служил при дворе в звании «кавалера к воспитанию» великих князей Николая и Михаила Павловичей. Состоя при великих князьях, сопровождал их в путешествиях за границу и по России с 1814 по 1823 г. В 1828 г. был произведен в генерал-лейтенанты и с этого времени по 1841 г. исправлял должность гофмейстера при дворе великого князя Михаила Павловича. 26 сентября 1836 г. ему был пожалован особый диплом на дворянское достоинство. Его сын Павел (брат Софьи Александровны) также был генерал-лейтенантом и во время Восточной войны командовал всей казачьей артиллерией действующей в Крыму армии. Другой сын, Николай, находился на гражданской службе и дослужился до чина тайного советника.

⁹ Жиркевич. С. 186.

¹⁰ РО ИРЛИ РАН, р. I, оп. 42, № 10.

дарность за исполнение Ты не плачь сиротинушка)». К автографу приклеена записка, написанная С. А. Зыбиной за год до своей кончины: «Автограф незабвенного М. И. Глинки. Романс, написанный им для моего альбома, по исполнении мною Молитвы из Жизни за Царя, с оркестром под управлением самого, нашего великого Глинки. София Зыбина, рожд. Алединская. [С. Петербург, 1896 г.]».¹¹

Софья Александровна сочиняла романсы, которые отличаются яркой и интересной мелодикой, развитой фортепианной партией.¹² Современник — также музыкант-любитель, приятель М. И. Глинки К. А. Булгаков — называл ее «Глинкой в юбке».¹³ Ее романсы восхищали не только великосветских слушателей, но и музыкантов-профессионалов. По свидетельству дочери С. Зыбиной, Екатерины Кирилловны Остен-Сакен, «Антон Рубинштейн всегда изумлялся ее природному чутью в формах творчества».¹⁴ А. Апухтин, восхищенный исполнением дуэтом матери и дочери Зыбиных романса Софьи Александровны на его стихи, экспромтом написал стихотворение «Два голоса», им посвященное.¹⁵

Софья Алединская вышла замуж за помещика Псковской губернии Кирилла Афанасьевича Зыбина.¹⁶ Семья Зыбиных была

¹¹ См. комментарий к этому романсу в изд.: *Глинка М. И.* Полное собрание романсов и песен для одного голоса с фортепиано. Л., 1955. С. 333. В книге Н. Г. Жиркевич-Подлесских приводится дата и место, обозначенное в записке, но пропущенное в указанном комментарии: «С. Петербург, 1896». Вместе с тем в ее изложение текста записки вкрались ошибки: вместо «написанный им» у Н. Г. Жиркевич-Подлесских — «написанный мне», вместо «София» — «Софья». Кроме того, исследовательница ошибочно указывает, что этот романс Глинки не опубликован. Впервые он был опубликован в издании Ф. Т. Стелловского еще при жизни М. И. Глинки (ценз. разр. 30.I.1855).

¹² Романсы С. Зыбиной, изданные Бесселем, хранятся в собрании Отдела нотных изданий и звукозаписей Российской государственной библиотеки (далее — РГБ).

¹³ К. А. Булгакову посвящен романс М. И. Глинки «Люблю тебя, милая роза». История создания этого романса связана с юной Софьей Алединской, в которую был влюблен К. А. Булгаков. После одного из музыкальных вечеров, где они много вдвоем музицировали, девушка в знак расположения подарила молодому человеку розу, которая была приколоты на ее груди. Приколов розу к своему мундиру (что было строжайше запрещено), Булгаков встретил М. И. Глинку, которому очень понравилась эта история, и он в тот же вечер, в гостях у Булгакова, написал романс «Люблю тебя, милая роза» на стихи П. Квашнина-Самарина. См.: *Глинка в воспоминаниях современников* / Под ред. А. А. Орловой. М., 1955. С. 234—235. На авторской рукописи романса — надпись: «Другу К. Булгакову за различные бутафорские вещи и тому подобные выражения изъявляемых чувств. 1842 года 14 октября» (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, л. 1).

¹⁴ Жиркевич. С. 177.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Зыбин Кирилл Афанасьевич (1817—?), из дворян Петербургской губернии, генерал-майор, ст. помощник командира 1-й Кавалерийской

известна своей музыкальностью, музыкантами слыли и братья Кирилл и Ипполит Зыбины: Кирилл сочинял музыку, Ипполит играл на виолончели.¹⁷

Дочь Софьи Алединской-Зыбиной Екатерина Кирилловна (1846—1923) — бабушка Натальи Львовны¹⁸ — унаследовала от матери яркую музыкальную и артистическую одаренность. Кроме того, она была незаурядной поэтессой, печаталась в столичных журналах, издала несколько стихотворных сборников. Екатерина Кирилловна в юности была дружна с Ф. И. Тютчевым, который записал на тетради ее стихов свое стихотворение «Тут целый мир, живой, разнообразный...».¹⁹ А. Апухтин отзывался о ней как о «незаурядной поэтессе». Среди ее знакомых — Я. П. Полонский, А. Г. Рубинштейн, вел. кн. Константин Константинович (К. Р.).²⁰

Выйдя замуж за Э. Р. Остен-Сакена, Екатерина Кирилловна уехала с ним к месту его службы в Вильно (Вильнюс). Там она сумела стать «душой общества»: именно ее инициативе принадлежат постановки благотворительных спектаклей, издание поэтического альманаха и, конечно, музыкальные вечера. Главные силы своей души она посвятила воспитанию, образованию и развитию дарований своих сыновей.

У Екатерины Кирилловны и Эрнеста Рудольфовича было двое сыновей. Оба были очень музыкальны. Старший сын Максимилиан Эрнестович (1876—1900) учился в университете на естественнонаучном факультете (углубленно изучал химию) и одновременно в Консерватории. По контрапункту он занимался у Н. А. Римского-Корсакова. Сохранилось письмо Игоря Стравинского М. Э. Остен-Сакену от 22 апреля 1899 г., в кото-

дивизии (сведения по послужному списку на 1867 г., который находится в РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 3370). См.: Жиркевич. С. 22. Кирилл Афанасьевич в 1854 г. в звании полковника был сослуживцем Л. Н. Толстого по Дунайской армии. См.: Жиркевич. С. 233.

¹⁷ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 22 т. Т. 22: Алфавитный указатель имен. М., 1982. С. 506.

¹⁸ Два портрета Екатерины Кирилловны опубликованы Н. Г. Жиркевич-Подлесских. См.: Жиркевич. Форзац (портрет с шифром); с. 239 (портрет в маскарадном костюме).

¹⁹ Письма Ф. И. Тютчева к Е. К. Зыбиной (Е. К. Остен-Сакен) (фр.) находятся в РО ИРЛИ в архиве Тютчева. Ранее находились в альбоме баронессы Остен-Сакен (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 42, № 20). Сохранилась ее приписка к последнему письму Тютчева: «Последнее письмо Тютчева, писанное мне в параличе». См.: Жиркевич. С. 232. Из пяти писем Тютчева к Е. К. Зыбиной (Е. К. Остен-Сакен) в настоящее время опубликовано лишь одно, от 28 апреля 1869 г. См.: *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1978. С. 387.

²⁰ Жиркевич. С. 23.

ром Стравинский делится со своим однокашником по классу Римского-Корсакова планами на будущий учебный год.²¹ Нелегко было семье смириться с выбором старшего сына. Но Екатерина Кирилловна понимала, что его артистическая карьера «не может иметь светской, любительской окраски». «Я не хочу, чтобы его дарование, серьезное, крупное, самостоятельное, застряло „среди пучин большого света“ <...> Не говоря уже о том, что исполнение 1-й симфонии Макса в новом величественном здании Консерватории выше всяких придворных успехов в Зимнем Дворце», — делилась она с А. В. Жиркевичем.

Младший сын Лев стал прекрасным виолончелистом.²² В гимназические годы Лев Эрнестович учился у известного виолончелиста Ивана Ивановича Зейферта.²³ В период обучения в Морском корпусе он продолжает занятия музыкой. Екатерина Кирилловна с гордостью за музыкальные успехи сына пишет другу семье: «Лева <...> превосходный артист на виолончели и занимается с любовью музыкой; его профессор Розенталь носит с ним как с кладом».²⁴ Впоследствии, уже в 1915 г. Лев Эрнестович поступает вольнослушателем на старший курс Санкт-Петербургской консерватории в класс профессора Луи Аббиате, но начавшаяся Первая мировая война помешала ему закончить обучение.

В 1897 г. Максимилиан Остен-Сакен брал уроки скрипичной игры у профессора Консерватории И. Р. Налбандяна.²⁵ Е. К. Остен-Сакен рассказывает А. В. Жиркевичу о семейном увлечении камерной музыкой: «Теперь оба брата тесно сдружились на почве строгого искусства — и у нас часто собирается квартет, часто играют сочинения Макса. Я им аккомпанирую; мне оказывают честь; считают мой аккомпанемент идеальным. Но куда, куда мне до них!! Боже мой, какая это тайна! Своя же плоть, своя кровь перерастает вас, до такой степени, что невозможно достигнуть вы-

²¹ Письмо цитируется в комментарии к письму И. Ф. Стравинского Н. Н. Римскому-Корсакову (*Стравинский И. Ф. Письма // И. Ф. Стравинский: Статьи и материалы*. М., 1973. С. 499, коммент. к письму 10).

²² Два портрета юного Льва Остен-Сакена — в детском возрасте и гимназического периода опубликованы Н. Г. Жиркевич-Подлесских. См.: Жиркевич. С. 185.

²³ Зейферт Иван Иванович (1833—после 1914), русский виолончелист, преподавал в Петербургской консерватории.

²⁴ Жиркевич. С. 109.

²⁵ Налбандян Иоаннес Романович (Ованес Аракелович) (1871—1942) — скрипач, педагог, засл. арт. РСФСР (1926). В 1894 г. окончил Петербургскую консерваторию по классу скрипки Л. С. Ауэра, в 1895 г. стажировался у Й. Иоахима в Высшей школе музыки (Берлин). С успехом концертировал в России и за границей. В 1895—1942 гг. преподавал в Петербургской (Ленинградской) консерватории, руководил классом квартета (с 1908 г. — профессор).

соты духовной, высоты творчества, до которой она поднялась!.. Во всяком случае, есть для чего жить на свете».²⁶

С переездом в 1892 г. в Петербург, где проходила дальнейшая служба мужа, по мере взросления сыновей Екатерина Кирилловна все более удалялась от света, сосредоточившись на семейной жизни. Ее настрой по отношению к современной жизни изменился. Она жила прошлым, тем более что на рубеже XIX—XX столетий она потеряла двух близких людей, и именно тех, кто составлял музыкальную линию семьи. В 1897 г. умерла ее мать, через три года от скоротечной чахотки умирает старший сын Максимилиан. Она пишет Жиркевичу: «И музыка уже мне кажется залетной гостьей на земле; ее отечество там, за гранью видимого мира, там, где лучшие ее апостолы — моя мать и Макс давно водворены Промыслом Божиим...».²⁷ Баронесса становится все более одинокой: в 1902 г. она теряет брата, а в 1911 г. — мужа.

Среди семейных потерь чуткая натура Екатерины Кирилловны предугадывает и грядущую трагедию России. «Не только Россия, весь мир переживает ужас борьбы и страданий, — пишет она А. В. Жиркевичу 16 февраля 1916 г. — Неужели и Вы не видите, не признаете, что это „начало конца“ нашего изжившегося мира? Неужели никто <...> не признает в мировой войне „начало“ этого конца...».²⁸

Родовое имение Иваньково. Его роль в жизни семьи. В жизни семьи Зыбиных — Остен-Сакенов большую роль играло родовое имение Иваньково Михайловской волости Великолукского уезда Псковской губернии, расположенное в нескольких верстах от Локни.²⁹ Кроме села владение включало также 397 десятин земли. В селе стоял просторный двухэтажный дом с ионическим портиком, весь увитый диким виноградом, был там и сад, и хвойный парк, и прекрасный пруд. Три фотографии имения, находившиеся в письмах Е. К. Остен-Сакен к А. В. Жиркевичу: дом, пруд и интерьер гостиной, опубликованы Н. Г. Жиркевич-Подлесских.³⁰

После смерти отца Екатерины Кирилловны, Кирилла Афанасьевича Зыбина, имением управлял ее брат Александр Кириллович.³¹ Когда в 1902 г. он умер, управление перешло к мужу Е. К. Остен-Сакен Эрнесту Рудольфовичу. Он старался навести

²⁶ Жиркевич. С. 110.

²⁷ Там же. С. 131.

²⁸ Там же. С. 169.

²⁹ Ныне Локнянский район Псковской области.

³⁰ Там же. С. 183, 184.

³¹ Брат Екатерины Кирилловны Остен-Сакен Александр Кириллович Зыбин (1848—1902), камер-юнкер, чиновник Собственной Его Императорского Величества канцелярии, член Петербургского мужского тюремного благотворительного комитета. См.: Жиркевич. С. 46.

в имении, несколько расстроеном в предыдущий период, порядок, а также потрудился для процветания всего Великолукского уезда. «Великолучане всегда мечтали превратить Ловать в судоходную реку и четыре раза — в 1897, 1905, 1906 и 1910 годах — обращались в Министерство путей сообщения с просьбой расчистить ее русло. „Проталкивать“ этот сложный вопрос через чиновничьи заторы в министерствах Земское собрание уполномочило барона Эрнеста Рудольфовича Остен-Сакена». ³² После его смерти в 1911 г. вдова передала управление имением Льву Эрнестовичу, который с радостью принялся за развитие хозяйства: купил сельскохозяйственные машины, рогатый скот, надеясь заняться производством молочных продуктов. «Сын наезжает часто, — пишет Екатерина Кирилловна, — прекрасный человек и страстный сельский хозяин». ³³

Однако для самой баронессы и ее матери, а затем и детей, и внуков Иваново прежде всего было не источником материальных благ, а, главное, источником вдохновения, познания силы и красоты родной земли, родовым гнездом, колыбелью нескольких поколений семьи и своеобразным «приютом муз». Здесь родились вдохновенные строки стихов и музыки представителей трех поколений семьи: Софьи Алединской-Зыбиной, Екатерины Зыбиной-Остен-Сакен и Максимилиана Остен-Сакена. Иногда они объединялись в дружный творческий коллектив. «Пишу ряд картин во французских стихах; мать пишет музыку на них. Макс инструментует на оркестр. И нынче летом все будем работать над этим в Иваново», — сообщает баронесса своему постоянному корреспонденту. ³⁴ «Я предполагаю играть и петь на сцене в последний раз, будущю зимою <...> ввиду исключительности случая, участия трех поколений в общем деле». ³⁵

Старинный дом — свидетель жизни семьи и каждого из ее членов: «Полная дичь гористой лесной местности, окружающей культурный сад и хвойный парк, где в кустах бузины соловьи заливаются, дом, полный воспоминаний, где трехлетним ребенком, большой девочкой, страстно погруженной в уроки музыки, в изучение смысла и красоты жизни, не шаблонным путем курсов и институтов, — девушкой, искушенной чарами большого света, Двора и артистических успехов, невестой, женой, и наконец, матерью — я все в этом доме переживаю воспоминанием, и смысл жизни совершенно ясно представляется мне толь-

³² Лопырев А. Вниз по Ловати // Великолукская правда. 1998. [№ ?]. Републикация: Городской портал ВЛуки.ru. 24 февраля 2002 г. <http://влуки.рф/news/2002/02/24/02796.html>.

³³ Жиркевич. С. 167.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Там же. С. 84.

ко здесь».³⁶ «Только здесь, в моем Иванькове, бывшее сливается с настоящим для меня... Душа расширяет свой полет».³⁷ Полет души дает человеку возможность приблизиться к пониманию сокровенного смысла человеческого существования: «Только в деревне, в глухом русском селе, за полтораста верст от рельсов, можно разгадать все тайны жизни!».³⁸

Екатерина Кирилловна была аристократически-утонченной натурой, воспитанной в «идеальной» атмосфере института благородных девиц, а в зрелом возрасте — погруженной в светскую жизнь. Неотъемлемой частью светской жизни было музыкальное творчество и исполнительство, отличавшееся блеском, который мы теперь назвали бы профессионализмом, а тогда это свойство определяли как «артистизм». Вместе с тем баронесса, как любая русская барышня, выросшая в родовой усадьбе — «дворянском гнезде», любила, знала и отлично понимала столь же «артистические» проявления музыкальной народной культуры.

Связующим звеном между этими двумя «артистическими» мирами для нее было творчество Пушкина. Именно через него и — шире — через всю русскую классическую литературу и музыку Екатерина Кирилловна, которая в одном из стихотворений с гордостью подчеркивает: «по Пскову-то сам Пушкин мне земляк...», воспринимает стихию народного творчества. «Проезжая мимо Михайловского, Тригорского, глядя на эти озера, темные, неподвижные, обрамленные золотисто-красною листвою увядающих лесов, вперемежку с неподкупно-бодрою хвоей, я не раз умилялась душою», — пишет она. «К моему настроению, уже без того поэтическому, присоединился неожиданно ямщик наш, у которого оказался дивный тенор и большое чутье музыкальное... Он пел несмолкаемо и прекрасно, мне вспомнились „Певцы“ Тургенева; потом и я для него запела кое-какие чисто русские мотивы Глинки, Чайковского... Ямщик изумлен был, и мы оба всецело наслаждались, уверяю вас. Это было под вечер, в открытом тарантасе, тройкой, при ослепительном закате солнца в Тригорское озеро, на противоположном берегу которого золотом горели кресты Святогорского монастыря <...>. Дух Пушкина, жизнью близкой, страстной, несомненной, покоился кругом».³⁹ Думается, что умение ценить блеск исполнительского мастерства, глубокое ощущение духовного единства классической профессиональной и народной музыкальной культуры, стремление найти таких народных исполнителей, от пения и игры которых «накипают слезы», Наталья Львовна получила в наследство от

³⁶ Там же. С. 41—42.

³⁷ Там же. С. 153.

³⁸ Там же. С. 87—88.

³⁹ Там же. С. 74—75.

своих даровитых предков, среди которых особо выделяется фигура Екатерины Кирилловны Зыбиной-Остен-Сакен.

Отец Натальи Львовны Котиковой Лев Эрнестович Остен-Сакен: моряк и музыкант. В формировании личности Натальи Львовны Котиковой огромную роль сыграл ее отец Лев Эрнестович Остен-Сакен (1879—1938). Наследник славной фамилии, молодой барон Остен-Сакен должен был послужить России в качестве офицера. Это было для него делом чести еще и потому, что старший брат Максимилиан избрал научную, а затем — артистическую карьеру. После окончания гимназии Лев Эрнестович поступает в Петербургский Морской кадетский корпус. Учился он блестяще и, окончив обучение в 1898 г.,⁴⁰ начал свою службу на флоте. В 1899—1902 гг. он совершил продолжительное заграничное плавание на броненосце «Александр II». В 1906—1910 гг. он был флаг-офицером при флаг-капитане Его Императорского Величества. Был капитаном царской яхты «Полярная Звезда», значился членом «царской охоты». Одно время он исполнял должность военного прокурора, заведовал Музыкальной школой Балтийского флота. Дослужился до звания капитана 1-го ранга.

Служба шла успешно, его любили и в придворном кругу — в том числе за прекрасную игру на виолончели. По всей видимости, музыкальные вечера с участием Л. Э. Остен-Сакена в кругу семьи императора Николая II были заметным явлением, так как такой эпизод описывается в романе В. Пикуля «Нечистая сила».⁴¹ Молодому офицеру-музыканту благоволила императрица Мария Федоровна.⁴² Из писем Екатерины Кирилловны Остен-Сакен видно, что Лев Эрнестович мог бы сделать блестящую придворную карьеру: «Лева еще в прошлом году сопровождал

⁴⁰ Известны две фотографии выпуска Санкт-Петербургского Морского корпуса 1898 г. из архива Г. К. Старка, который учился вместе с Остен-Сакеном. Там же — роспись фотографий. Л. Э. Остен-Сакен — под № 6. См.: *Старк Г. К. Моя жизнь.* СПб., 2003.

⁴¹ *Пикуль В. С. Нечистая сила.* М., 1993. Кн. 1. С. 103. Комментируя этот эпизод, Вячеслав Звягинцев ошибочно указывает, что Л. Э. Остен-Сакен был не только виолончелистом, но и композитором, упоминая, что «в программе Императорской Царскосельской Николаевской гимназии ему встретилась запись об исполнении хором сочинения воспитанника гимназии барона Остен-Сакена „Птичка“. Произошло это в 1894 году» (Звягинцев. С. 139). Однако здесь речь идет не о Льве Остен-Сакене, а о его старшем брате Максимилиане. Исполнение хором Царскосельской гимназии хорового сочинения М. Остен-Сакена упоминает Е. К. Остен-Сакен в письме к А. В. Жиркевичу. См.: Жиркевич. С. 98.

⁴² «Лева мой переведен в Гв[ардейский] Экипаж по личному желанию Императрицы Марии Федоровны. Он серьезный и прекрасный виолончелист, который теперь играет больше в свете, вообще очень обществен». См.: Жиркевич. С. 126.

Государя с Семей в Финляндские Шхеры, охотился с Царем и играл на виолончели часто, при аккомпанементе Государыни, которая, по словам Левы, очень музыкальна и превосходно читает ноты...». ⁴³ Однако служба тяготила его: «Служба его изводит и мало удовлетворяет. Он, по природе, стремится в деревню; охота и сельское хозяйство интересуют его больше всего <...>. В нем нет ни капли честолюбия, и карьера для него безразлична». ⁴⁴

Семья матери Натальи Львовны Котиковой — Бирилёвы. В 1903 г. Лев Эрнестович Остен-Сакен женился на Варваре Алексеевне Бирилёвой (1882—1958). ⁴⁵ Варвара Алексеевна происходила из семьи потомственных моряков. Старший брат ее отца Николай Алексеевич (1829—1882), герой Севастопольской обороны, контр-адмирал, был женат на дочери Ф. И. Тютчева Марии. ⁴⁶ Во время осады Севастополя он руководил командами «охотников». Казаки его боготворили и смело следовали за ним на все самые отчаянные вылазки. В 1859—1863 гг. Николай Бирилёв, командуя корветом «Посадник», совершил кругосветное плавание, посетив берега Китая и Японии. Остров Бирилёва (Тэгудо) в Японском море назван в его честь.

Дед Натальи Львовны Котиковой со стороны матери — контр-адмирал Алексей Алексеевич Бирилёв — военный губернатор Кронштадта, позже — член Государственного Совета. Во флот поступил юнкером в 1859 г., службу провел в Балтийском флоте, дважды совершил кругосветное плавание (в 1859—1865 гг. и в 1869—1872 гг.). Командовал многими судами во внутренних и в заграничных плаваниях. Русско-японская война застала А. А. Бирилёва в должности старшего флагмана Балтийского флота. С отъездом адмирала Макарова на театр военных действий Бирилёв был назначен на его место главным командиром Кронштадтского порта, военным губернатором г. Кронштадта, главным командиром Балтийского флота и начальником морской обороны Балтийского моря. По учреждении в России должности морского министра — первый морской министр (1905—1907). ⁴⁷

⁴³ Там же. С. 152. Значительно позже чебоксарский приятель Льва Эрнестовича певец И. В. Васильев видел фотоснимок эпизода «царской охоты», где Лев Эрнестович был запечатлен рядом с императором. См.: Кондратьев. С. 115.

⁴⁴ Жиркевич. С. 158.

⁴⁵ В документах часто встречается другой год рождения — 1883. Вероятно, ошибка произошла при переводе даты рождения со старого стиля на новый.

⁴⁶ В Биографическом словаре Брокгауза—Ефрона имеется фото Н. А. Бирилёва с женой и тещей Э. Ф. Тютчевой.

⁴⁷ Фотография контр-адмирала А. А. Бирилёва имеется в Центральном архиве кино-фотодокументов. Его архив хранится в Архиве ВМФ (дело 293; 1846—1916).

Современники отзывались об Алексее Алексеевиче Бирилёве как о человеке честном и прямом.⁴⁸ В. И. Гурко вспоминал о нем: «...типичный русак, но живого, горячего темперамента, смотрел на все вопросы с чрезвычайной простотой и прямолинейностью. Патриот до глубины души и, конечно, определенно правый».⁴⁹

Варвара Алексеевна получила высшее филологическое образование, была сестрой милосердия. Горячая готовность помогать людям была яркой чертой ее личности, запомнившейся тем, с кем свела ее нелегкая судьба.

Осенью 1910 г. Лев Эрнестович решил окончательно посвятить себя музыке, перевелся в береговой состав Морского ведомства и был назначен заведующим Музыкальной школой Балтийского флота, созданной еще Римским-Корсаковым.⁵⁰ Она располагалась в помещении «Крюковских морских казарм» (Большая Морская, 69). В этом же здании жила и семья Льва Эрнестовича.⁵¹ К этому времени в ней было трое детей: старший сын Максимилиан (1903), дочь Наталья (1905) и младший сын Алексей (1909).

Детские годы Н. Л. Котиковой. Согласно официальным паспортным данным, Наталья Львовна Котикова (урожденная Остен-Сакен) родилась 30 июня 1906 г. в селе Иваново Псковской губернии. Благодаря публикации писем ее бабушки Е. К. Остен-Сакен стало возможным уточнить дату и место ее рождения. Екатерина Кирилловна писала 5 июня 1905 г. А. В. Жиркевичу о семье своего младшего сына Льва: «Его жена, дочь Бирилева, находится в Кронштадте в Казенном помещении ее отца <...>. Жена Левы должна в конце июня разрешиться там вторым ребенком и тотчас приехать с новорожденным в Иваново».⁵² Таким образом, по датировке и содержанию писем Е. К. Остен-Сакен к А. В. Жиркевичу дата и место рождения дочери Натальи устанавливается 30 июня 1905 г., Кронштадт. А вот крестили ребенка наверняка в Богородицко-Ахтырской церкви села Иваново. В настоящее время от всех строений усадьбы Иваново сохра-

⁴⁸ См.: *Vitte С. Ю.* Воспоминания. М., 1960; *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000; *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1977.

⁴⁹ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 478.

⁵⁰ Н. А. Римский-Корсаков начал свою работу по организации музыкального образования в Музыкантских хорах морского ведомства в 1873 г.

⁵¹ См.: *Весь Петербург за 1912—1917. До 1914 г.* Л. Э. Остен-Сакен значится в справочнике как ст. лейтенант, после — капитан 2-го ранга 2-го Балтийского флотского экипажа, Заведующий Музыкальной школой Балтийского флота. С 1907 по 1911 г. семья проживает по адресу Екатеринбургский пр., 22.

⁵² Жиркевич. С. 132.

нились лишь руины церкви и домик священника, который некогда стоял рядом с домом владельцев усадьбы.⁵³

Жизнь детей Остен-Сакенов в летнее время проходила в Иванькове. Хотя они, разумеется, постоянно находились под присмотром няни и немки-бонны, им все-таки наверняка удавалось познакомиться поближе не только с природой, но со своими ровесниками — жителями села. Варвара Алексеевна много времени посвящала физическому развитию детей, спорту, в то время начинавшему входить в моду среди образованной части общества. Дети много двигались и вели себя, на взгляд человека, воспитанного в середине XIX столетия, весьма вольно. Строгости предыдущей эпохи, обеспечивающие детям внешнюю благовоспитанность, давно ушли в прошлое.

Екатерина Кирилловна, сознательно отгородившаяся от современной жизни, совершенно не принимала принципов воспитания и идеалов «новейшего времени». В глубине души она была огорчена тем, что вследствие разногласий с невесткой в вопросах воспитания она практически в нем не участвовала — она, посвятившая столько времени, труда и творческого горения воспитанию своих детей! С глубокой обидой баронесса пишет Жиркевичу: «Вы напрасно думаете, что я из себя представляю классический облик бабушки; воспитание моих внуков мне глубоко чуждо и непонятно; не принимаю в нем ни малейшего участия, кроме франц<узского> яз<ыка> и начал музыки с внучкой Наташей, которая хоть слух имеет. Сознаю, что чем хуже теперь воспитывают детей, тем лучше для них. Вся жизнь расшатана, все обрушилось».⁵⁴

Действительно, жизнь была расшатана, но в 1915 г., когда Екатерина Кирилловна писала эти строки, она не могла себе представить, как точно исполнятся ее пророческие слова: «все обрушилось». Голод и холод в Петрограде, расправы матросов с офицерами, «беспредел» новых хозяев жизни искорежили детство ее внуков, каждый из которых прошел в новой жизни своим крестным путем.

Послереволюционные годы. Иваньково. Первый арест родителей. После революции Лев Эрнестович уволился со службы и приехал с семьей в усадьбу родителей. Устроился на работу «инспектором рабоче-крестьянской инспекции» Северо-Западных железных дорог. Родителям с детьми пришлось самим выращивать себе пропитание. Отец семейства помимо работы контролером «занимался хлебопашеством».

В начале января 1921 г. родителей Натальи Львовны и старшего брата Максимилиана арестовали за оказание сопротивления

⁵³ Современные фотографии церкви см.: Жиркевич. С. 187—189.

⁵⁴ Там же. С. 167.

при конфискации имения. Льва Эрнестовича обвинили «в злостной контрреволюционной деятельности, выразившейся в тонкой агитации среди крестьян о несущественности идей Советской власти», а также и в том, что он «является самым активным сторонником монархизма», Варвару Алексеевну — «в контрреволюционном заговоре с целью свергнуть Советскую власть» (!).

«В архивном деле [В. А. Остен-Сакен] записаны анкетные данные, — пишет историк российского флота Вячеслав Звягинцев, одним из первых раскрывший неизвестные страницы биографии Л. Э. Остен-Сакена и судьбу его семьи, — которые одновременно звучат как обвинение: „уроженка г. Кронштадта, дворянка-баронесса, дочь морского министра Бирилева, русская, образование высшее (словесный факультет), сестра милосердия, политические убеждения — „в партии толстовцев“». ⁵⁵ Против юного Максимилиана, учащегося подготовительного курса Политехнического института, выдвинули неопределенное обвинение «в контрреволюции», но «ввиду отсутствия конкретных обвинительных данных» его пришлось «от наказания освободить». ⁵⁶ Однако для родителей все обернулось гораздо серьезнее. Мера наказания, которую им определили, — расстрел, позже замененный на два года заключения в лагерь.

Только в 2001 г. в соответствии с требованиями Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» Остен-Сакены были реабилитированы. ⁵⁷ В заключении о реабилитации сказано: «Из материалов уголовного дела усматривается, что все обвиняемые никаких практических действий против советской власти и в отношении граждан не совершали. Супруги Остен-Сакен в разговорах выражали свое недовольство изъятием у них собственности и лишением привилегий, что

⁵⁵ Звягинцев. С. 141.

⁵⁶ Полный текст этого характерного для того времени документа см.: наст. статья. Приложение 4.

⁵⁷ «Остен-Сакен Варвара Алексеевна. Родилась в 1883 г., уроженка г. Кронштадта; образование высшее; сестра милосердия. Арестована 8 января 1921 г. Приговорена: Псковской ГубЧК 9 июня 1921 г., обв.: б/ст. Приговор: на 1.5 года л/с. Реабилитирована 12 марта 2001 г.; Остен-Сакен Лев Эрнестович. Родился в 1879 г., уроженец имения Иваньково Великолукского р-на; инспектор Северо-Западной ж.д. Арестован 21 января 1921 г. Приговорен: Псковской ГубЧК 9 июня 1921 г., обв.: б/ст. Приговор: на 2 года л/с. Реабилитирован 12 марта 2001 г.; Остен-Сакен Максимилиан Львович. Родился в 1903 г., уроженец г. Петербурга; учащийся. Проживал: жил в имении Иваньково Великолукского р-на. Арестован 12 января 1921 г. Приговорен: Псковской ГубЧК 9 июня 1921 г. Приговор: зачен срок предварительного заключения. Реабилитирован 12 марта 2001 г.». Источник: Книга памяти Псковской обл. : Жертвы политического террора в СССР. <http://lists.memo.ru/d25/f263.htm>.

в какой-то мере можно расценить как формальные признаки антисоветской агитации, которая в настоящее время Законом РФ признается не содержащим общественной опасности деянием, а репрессированные за нее лица подлежат реабилитации».

Во время ареста родителей и старшего брата, а затем многомесячного пребывания родителей в концлагере, шестнадцатилетняя Наталья с младшим братом Алешей, которому в то время не было и двенадцати, остались одни. На их плечи легла забота о больной бабушке, которую разделяла с ними пожилая нянюшка. Тем не менее юность брала свое. Местные жители запомнили юную Наталью — дочь Льва и Варвары Остен-Сакен: «Она была очень красивая, с длинными золотыми косами, заткнутыми за пояс, всегда на лошади».⁵⁸ Прекрасная физическая подготовка, полученная Натальей Львовной в юности, помогла ей долгие годы оставаться физически крепкой и выносливой, переносить бытовые трудности и лишения, которые готовила ей впереди судьба. Этим трудностей и лишений хватило бы не на одну жизнь: четыре блокадных года, потом житье вдвоем с немощной матерью на скудную зарплату преподавателя районной детской музыкальной школы, непомерные физические нагрузки и многокилометровые переходы в фольклорных экспедициях (особенно в 1940—1950-е гг., когда запись велась на восковые валики).

Как кажется, именно в это время, в последние годы своего пребывания в Иваньково (1920—1923), Наталья Львовна ближе познакомилась с жанром частушек. Дети Остен-Сакенов жили абсолютно самостоятельной, взрослой жизнью, и их общение с местной молодежью никто не ограничивал. Среди полевых материалов Н. Л. Котиковой, относящихся к 1952 г., есть интересная запись частушек, датированная 2 августа 1954 г. Частушки записаны карандашом, вверху страницы подчеркнута надпись: Локнянский район. Ниже чернилами крупно написано: «НАШИ ВОСПОМИНАНИЯ». Некоторые строки обведены по карандашу чернилами (в нашей публикации они подчеркнуты). Далее следует «венок» лирических припевок о любви и расставании:

(2.) Несла воду с огорода —
Попросил миленок пить.
Захлестнуло ретивое —
Не могла с ним говорить.

(3.) Милка, милка, милочка,
Приятненька улыбочка.
Глазкам весело глядишь,
С тобой не хошь, да посидишь.

⁵⁸ Там же. С. 185.

(4.) Не стой, душечка, напротив,
Не сказали б что про нас...
Ты потай любовь до время,
Не выказывай сейчас!

(5.) С того краю идет цвет,
Идет мое желание.
Не на радость ты идёшь —
Идёшь на расставание.

(7.) Под курчавые волосы
Подвевает ветерок.
Посидим с тобой, забавочка,
Последний вечерок.

(9.) Мы с забавочкой стояли,
С крыши капало на нас.
Мы стояли, будто знали,
Что стоим в последний раз.

В 1923 г. родителей Натальи Львовны выпустили из лагеря. К этому времени ее бабушка Екатерина Кирилловна Остен-Сакен умерла. Она была похоронена в семейной усыпальнице, рядом с могилами матери и отца.⁵⁹ Семья, официально выселенная из имения,⁶⁰ перебирается в Ленинград. Судьба усадьбы Ивановково оказалась печальной. Местные жители вспоминают, что владельцы усадьбы при отъезде оставили все имущество, в том числе большую библиотеку: «бери, что хочешь». Книги, по крайней мере до начала 1930-х гг., лежали грудой в сарае, из дырявой крыши на них текло.⁶¹ Позже в усадьбе была школа, которую, как говорили старожилы, сжег учитель «по пьянке».⁶² Становится понятно, почему Наталья Львовна, записывая в 1950—1960-е гг. фольклор в Великолуцком, Бежаницком, Локнянском районах, не решила побывать на родном пепелище...

Ленинград. Консерватория. Работа в Свердловске. Перехав в Ленинград, семья поселилась в крохотной квартирке на

⁵⁹ Н. Г. Жиркевич-Подлесских удалось записать воспоминания жителей села о похоронах «старой баронессы» (см.: Жиркевич. С. 185). В настоящее время семейная усыпальница и все могилы осквернены и уничтожены; правда, в последнее время было найдено надгробие С. А. Зыбиной. Там же. С. 193.

⁶⁰ В городском архиве г. Великие Луки сохранились протоколы, постановления о выселении помещиков из окрестных имений. В течение 1924 г. несколько документов посвящено выселению семьи Остен-Сакенов из имения Ивановково. Последний из них датирован 3 декабря 1924 г. См.: Жиркевич. С. 183—184.

⁶¹ Там же. С. 189.

⁶² Там же. С. 190.

первом этаже старинного дома на Театральной площади, рядом с Консерваторией.⁶³ Лев Эрнестович по конкурсу поступает в оркестр Ленинградской филармонии,⁶⁴ преподает в Музыкальном техникуме им. Римского-Корсакова (позже Музыкальное училище им. Римского-Корсакова при Ленинградской государственной консерватории),⁶⁵ хоровом училище Государственной академической капеллы (здесь он несколько лет заведовал учебной частью).⁶⁶ Он занимал видное место в музыкальной педагогике Ленинграда. С 1930 г. он — солист-виолончелист ленинградского «Театра малых форм».⁶⁷

В это время семья несет первые потери. В 1925 г. старший брат Натальи Львовны Максимилиан был расстрелян ленинградскими органами НКВД. Несмотря на то что «дамоклов меч» постоянного ожидания ареста и высылки висел и над другими членами семьи, в первую очередь над Львом Эрнестовичем, семья продолжала жить сплоченно и дружно. Наталья Львовна решает вслед за отцом посвятить себя музыкальной педагогике и поступает на инструкторско-педагогический факультет Ленинградской консерватории (инструкторское отделение).⁶⁸ В 1931 г. она успешно оканчивает его. Согласно Распоряжению № 83 по учебной части Ленинградской государственной консерватории от 2 июля 1931 г., п. 1, «нижеследующих студентов, как выполнивших полностью учебный план», следовало «считать окончившими Л.Г.К. (ВУЗ)». Далее в документе следует список, в котором под четвертым номером значится «Остен-Сакен Н. (инструкторское отд.)».⁶⁹ В отдельной конторской книге, также хранящейся в архиве, имеются списки окончивших консерваторию, где указана «Остен-Сакен Наталья Львовна, 1906 г. рожд., инструктор, окончила 2/ VII-31 г.»⁷⁰

⁶³ Театральная пл., д. 4, кв. 1.

⁶⁴ Ныне Заслуженный коллектив России Академический симфонический оркестр Санкт-Петербургской филармонии.

⁶⁵ Ныне Санкт-Петербургский музыкальный колледж им. Н. А. Римского-Корсакова.

⁶⁶ Ныне Хоровое училище им. М. И. Глинки при Государственной академической капелле Санкт-Петербурга.

⁶⁷ «Кривое зеркало» — театр малых форм в Петербурге—Петрограде—Ленинграде в 1908—1918 гг. Ставил пародии, монодрамы, сатирические миниатюры. Возобновлен в 1924 г., закрыт в 1931 г.

⁶⁸ Инструкторское отделение готовило кадры для музыкально-просветительской работы.

⁶⁹ Архив Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории. Полка 6, дело № 68: «Ленгосконсерватория. Распоряжения по учебной части консерватории за 1931 год».

⁷⁰ Архив Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории. Полка 5, дело № 30-а: «280А Списки окончивших Ленингр. консерваторию в учебных годах: 1929—30, 1930—31, 1931—32—1935—36 гг. 136 л.».

В архиве Санкт-Петербургской государственной консерватории имеются также особые списки студентов, оканчивающих курс весной 1931 г., по факультетам, датированные январем того же года, где кроме обычных граф о партийности, социальном положении, рабочем стаже имеется характеристика «общественных организаций». Наталия Остен-Сакен, беспартийная, служащая, получает следующую характеристику: «Есть небольшой опыт в полит.-просвет. работе. Работала в колхозе, в базе 5-го Дня отдыха. Положительные отзывы о работе. Выявлена на общественной работе как активная и хорошая общественница (профуполномоченная)». Вместе с тем «общественные организации» рекомендуют выпускнице Остен-Сакен «серьезнее и глубже заняться проработкой муз. идеологическ. вопросах (так!), т<ак> к<ак> работала в этом направлении над собой недостаточно». ⁷¹

Между тем над семьей снова начинают сгущаться тучи. В 1933 г. был арестован Л. Э. Остен-Сакен, но через 45 дней освобожден без суда. У нас нет сведений, когда и как Наталья Львовна поменяла фамилию, но думается, что это произошло именно в этот период. Единственное, что позволяет судить об этом событии, — ее собственноручная запись в карточке члена ЛО Музфонда СССР от 13 декабря 1953 г. В графе «Фамилия, имя и отчество супруга» Котикова пишет: «Вдова».

В 1933 г. Н. Л. Котикова уезжает в Свердловск, где работает в театре оперы и балета. Критики тех лет называли его «лабораторией советской оперы». Здесь с успехом шла опера Ивана Дзержинского «Тихий Дон», поставленная в 1936 г. Наталья Львовна много лет спустя с гордостью рассказывала о своем участии в постановке этой оперы. Об этом периоде жизни она сохранила самые теплые и радостные воспоминания. Молодые члены коллектива преуспевающего оперного театра жили кипучей, творческой жизнью, в которой, между прочим, немалую роль играло увлечение спортом (волейболом), что было вполне в духе того времени.

Второй арест родителей и младшего брата. Расстрел отца и брата, заключение матери. В 1930-е гг. в крупных городах нашей страны создаются симфонические оркестры, которые разворачивают активную деятельность по пропаганде классической музыки и музыки композиторов — представителей национальных республик. 17 мая 1932 г. состоялся первый концерт Чувашского государственного симфонического оркестра, единственного тогда в Поволжье музыкального коллектива такого уровня. Его костяк составили высококвалифицированные музы-

⁷¹ Архив Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории. Полка 6, дело № 72: «Отдел кадров. Списки студентов по факультетам. Январь 1931 г.».

канты, административно выселенные в 30-е гг. из Ленинграда. Многие музыканты, живя в постоянном ожидании ареста и высылки, старались подготовить себе возможность работать на новом месте. В те годы практиковалось участие «столичных» музыкантов в работе «периферийных» симфонических оркестров в период между концертными сезонами. Так, в 1933 г. Лев Эрнестович три летних месяца проработал в Чувашском симфоническом оркестре. Окончательно в Чебоксары он приехал в 1935 г., разумеется, не по своей воле.

После убийства Кирова начинается новая охота на тех, кого НКВД определило как «бывших людей». В 1935 г. проводится операция «Бывшие люди», целью которой была высылка из города всех, кто попадал под эту категорию. В начале 1935 г. в ходе репрессий против «классовых врагов» ОГПУ включило родителей и младшего брата Натальи Львовны Алексея в список семей, высылаемых в Тургай,⁷² в казахстанские степи.⁷³ Кстати, в этом документе должность Льва Эрнестовича указывается как «Заведующий музыкальной частью Государственной Академической капеллы». Что это — ошибка неграмотного канцеляриста или Лев Эрнестович действительно работал в этой должности, предстоит еще выяснить.

С помощью писателя Алексея Толстого, Красина (Наркомпрос) и других «ходатаев» Льву Эрнестовичу удалось добиться высылки не в Тургай, где его с семьей ждала верная гибель при невозможности найти средства к существованию, а в Чебоксары, где его уже хорошо знали. В Чебоксарах Л. Э. Остен-Сакен работал в Государственном симфоническом оркестре, на радио, преподавал в Музыкальном техникуме. Первое время, пока болезнь левой руки не особенно беспокоила музыканта, он не только играл в оркестре, но выступал и как солист — исполнял, например, «Вариации на тему рококо» П. И. Чайковского, «Испанскую серенаду», «Песнь трубадура» А. К. Глазунова и другие произведения с оркестром.⁷⁴

Лев Эрнестович был видным педагогом, он создал собственную систему постановки рук, которая сложилась еще в Ленинграде. В середине 1930-х гг. профессор Ленинградской консерватории Б. А. Струве в одной из своих работ⁷⁵ описывает аппарат, помогающий при постановке правильного ведения смычка, при-

⁷² Тургай — село (бывший город), центр Джангильдинского района Кустанайской области Казахстана.

⁷³ Выписки из Списка арестованных и их семей по операции «Бывшие люди» 28 февраля 1935 г. (часть I) см.: наст. статья. Приложение 5.

⁷⁴ Кондратьев. С. 116.

⁷⁵ *Струве Б.* Пути начального развития юных скрипачей и виолончелистов. Л., 1937.

думанный Л. Э. Остен-Сакеном. К чести Б. А. Струве, в первом издании книги в 1937 г. ему удалось сохранить на с. 77 фамилию опального автора изобретения. Чебоксарские ученики Льва Эрнестовича вспоминают о рукописи «Школа игры на виолончели», которую создавал их педагог. Кроме музыкальных примеров там были и фотографии с изображением правильного положения рук виолончелиста при игре в разных позициях, причем сняты были руки самого Льва Эрнестовича.⁷⁶

В воспоминаниях чебоксарских учеников, друзей и коллег Л. Э. Остен-Сакена, тщательно собранных видным историком чувашской музыкальной культуры М. Г. Кондратьевым, отразились яркие черты его личности, которые привлекали к нему сердца людей: он был остро слов (вероятно, не без едкости), но это же и раздражало иных — угрюмых и неспособных, готовых на весь мир писать доносы. «Ближе всех знавшие Л. Э. ученики описывали его весьма доброжелательным человеком и одновременно строгим учителем, заложившим основы их будущего профессионализма».⁷⁷ Человечность, любовь к своим ученикам, родительская забота о них — как узнается в этих чертах характер его дочери, вкладывавшей всю душу в своих учеников и друзей, но бывшей к ним очень строгой и требовательной. Известно, между прочим, что Наталья Львовна дважды приезжала из Свердловска в Чебоксары навестить семью.

Все складывалось как будто неплохо. Варвара Алексеевна работала швеей в артели «Вышивка». Сын Алексей увлекался шахматами, даже однажды стал чемпионом Чувашской республики... Но внезапно в конце 1937 г. Льва Эрнестовича Остен-Сакена вместе со многими другими музыкантами арестовали по обвинению в шпионской деятельности. Затем арестовывают и этапируют в Чебоксары младшего брата Натальи Львовны Алексея, который, получив разрешение, вернулся было в Ленинград. В марте 1938 г. была арестована и Варвара Алексеевна.

«Профессор М. Г. Кондратьев вспоминал: „Конец 30-х годов стал трагедией для профессионального искусства Чувашии. <...> Вдруг было объявлено, что музыкальные учреждения заполнены „чуждыми элементами“ и „врагами народа“. <...> В 1937—41 годах органами НКВД были „изъяты“ и навсегда исчезли едва ли не самые квалифицированные и творчески работавшие преподаватели [Музыкального училища]: среди них любимые учениками С. И. Габер, И. В. Люблин, виолончелист Л. Э. Остен-Сакен».⁷⁸

Обвинения против музыкантов и их семей были заведомо нелепы, никаких документов или свидетельств, их подтверждаю-

⁷⁶ Кондратьев. С. 116.

⁷⁷ Там же. С. 117.

⁷⁸ Звягинцев. С. 142—143.

щих, в деле нет. Обо всем этом позволяют говорить документы из рассекреченных ныне архивов. В частности, это «Дело № 55 по обвинению гр-н Остен-Сакена Льва Эрнестовича, Люблина Иосифа Вениаминовича и Остен-Сакена Алексея Львовича», личное дело Л. Э. Остен-Сакена, хранящееся в бывшем партархиве Чувашии (выписки из него, в частности автобиография Льва Эрнестовича 1937 г., приводятся Кондратьевым).⁷⁹ Позже (в 1940 г.) следователей, пытками выбивавших у арестованных признание, самих приговорили к расстрелу.⁸⁰ А тогда, 22 сентября 1938 г., несмотря на то что Лев Эрнестович так и не признал живые обвинения, решением спецтройки НКВД его, вместе с сыном, приговорили к расстрелу. Варвара Алексеевна получила три года лагерей.

Варвара Алексеевна, вынужденно взявшая девичью фамилию Бирилёва (рис. 3), выйдя из заключения, по всей видимости перед самой войной, вернулась в Ленинград. В 1957 г. она все-таки дождалась официальной справки Президиума Верховного суда Чувашской республики о реабилитации своей и своей семьи.⁸¹ В следующем году ее не стало.

Возвращение в Ленинград. Преподавательская работа. Вскоре после расстрела отца и брата и ссылки матери Н. Л. Котикова возвращается в Ленинград, где начиная с 1938 г. преподает в детской музыкальной школе. Она отдала педагогической работе более 30 лет жизни и пользовалась заслуженным авторитетом среди коллег.⁸² Любовь к преподаванию и талант педагога Наталья Львовна унаследовала от своего отца. Она преподавала сольфеджио — предмет, который, развивая слух, формирует личность музыканта. Для нее принципиально важным было то,

⁷⁹ Кондратьев. С. 113, 117.

⁸⁰ Один из них показывал в служебном расследовании: «Заклученный Остен-Сакен допрашивался 30 суток, стоял посменно на ногах, и у него распухли ноги... Я работал с ним без выходных дней». См.: Кондратьев. С. 117.

⁸¹ «Бирилева-Остен-Сакен Варвара Николаевна (ошибка, нужно: Алексеевна). Родилась 21.12.1882, Ленинградская обл., г. Кронштадт; русская; швея артели „Вышивка“. Проживала: ЧАССР, г. Чебоксары, ул. Герцена, д. 7. Арестована 13 марта 1938 г. под стражей в тюрьме № 1 НКВД ЧАССР. Приговорена: Особым совещанием при НКВД СССР 29 декабря 1939 г., обв.: „Вела шпионскую деятельность“. Приговор: „Бирилеву-Остен-Сакен заключить в ИТЛ сроком на 3 года, считая срок с 13.03.1938 г.“ Реабилитирована 29 ноября 1957 г. Президиумом Верхсуда ЧАССР „Постановление особого совещания при НКВД СССР в отношении Остен-Сакен-Бирилевой отменить и дело производством прекратить за отсутствием в ее действиях состава преступления“». Источник: Гос. Архив Чувашской Республики. — Жертвы политического террора в СССР. <http://lists.memo.ru/d4/f308.htm>.

⁸² Н. Л. Котикова преподавала в детских музыкальных школах Московского и Фрунзенского р-нов г. Ленинграда до 1970 г.

Рис. 3. В. А. Бирилёва-Остен-Сакен (сидит) после возвращения в Ленинград. Стоят слева направо: Н. Л. Котикова, неизветная. Фотография из архива Н. Л. Котиковой.

чтобы ребенок с самых первых шагов в музыке воспитывался на материале народной песни.

Так же как и ее отец Лев Эрнестович Остен-Сакен, Наталья Львовна создавала оригинальные учебные пособия на основе своего авторского курса.⁸³ Материалом для этих пособий послужили песни различных народов, песенное творчество современных ей композиторов-мелодистов: Соловьева-Седова, Петрова и др. При построении курса Н. Л. Котикова воспользовалась опытом Евгении Линевой, еще на рубеже XIX—XX столетий создававшей упражнения для развития слуха на основе народных песен.

Блокада. О днях ленинградской блокады рассказывает экспозиция народного музея «А музы не молчали...».⁸⁴ С 31 августа

⁸³ Учебное пособие по сольфеджио для детских музыкальных школ. Л., 1968; То же. Л.; М., 1971; То же. Л., 1974.

⁸⁴ Содержание документов Н. Л. Котиковой, представленных в экспозиции музея, приводится в наст. статье: Приложение 3.

1941 г. Наталья Львовна Котикова зачислена в состав артиллерийского батальона Народного ополчения Дзержинского района г. Ленинграда. Бойцы батальона проходили начальную военную подготовку. Наталья Львовна вспоминала, что научилась неплохо водить грузовик — здесь, конечно, сыграло свою роль ее увлечение спортом, крепкая физическая закалка, полученная в молодые годы. По крайней мере покидая подразделение при реорганизации ополченческих батальонов, Котикова получила положительную характеристику.⁸⁵

В 1941—1942 гг. Наталья Львовна преподает и заведует учебной частью в Музыкальном училище при Ленинградской консерватории, которое работало в блокадном городе (рис. 4). Как и все ленинградцы, она участвует в оборонных работах,⁸⁶ а после снятия блокады обрабатывает земельный участок, чтобы вырастить овощи — подспорье к скудному послевоенному пайку, получаемому по карточкам.

13 марта 1943 г. Наталья Львовна Котикова становится членом Союза композиторов (рис. 5).

Послевоенный период. Эпиграфом к этому главному периоду жизни и деятельности Н. Л. Котиковой могут послужить стихи, обращенные к ее бабушке, поэтессе Е. К. Зыбиной-Остен-Сакен. Задолго до трагических событий начала XX в. Екатерина Кирилловна глубоко переживала распад традиционной России, но сумела в своем месте и в свое время быть твердой нравственной опорой для своей семьи, детей и просто для тех, кто хотел и мог тянуться к свету.

В наш век и лжи, и мысли шаткой,
Господь Вас видимо хранил.
Так, иногда, исполнен сил,
Растет цветок — живой загадкой,
Над прахом брошенных могил.

*А. В. Жиркевич —
баронессе Е. К. Остен-Сакен.*⁸⁷

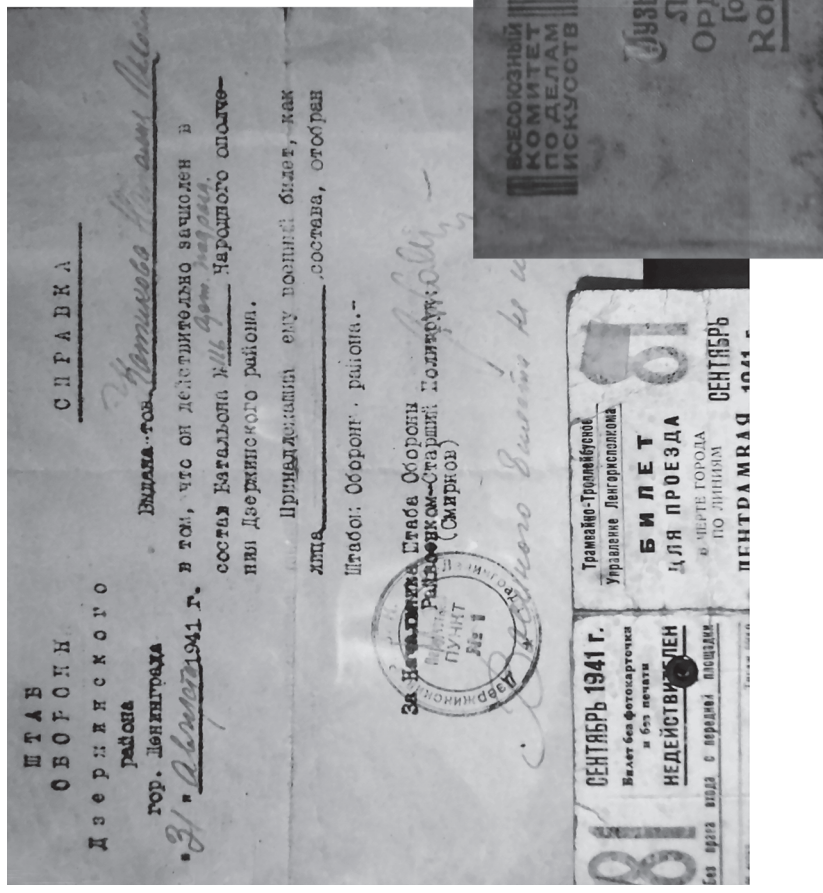
В послевоенные годы жизнь Н. Л. Котиковой приобретает новый смысл, а деятельность — новое направление. Помимо работы в музыкальной школе, Союзе композиторов, многочисленных жюри хоровых конкурсов, а позже — руководства музыкаль-

⁸⁵ См.: наст. статья. Приложение 3, № 2.

⁸⁶ См.: наст. статья. Приложение 3, № 6.

⁸⁷ Баронесса пишет А. В. Жиркевичу 22 июля 1908 г. из Ивановки: «На днях мне попались Ваши рифмы...», далее следуют цитируемые строки и стихотворный ответ Екатерины Кирилловны: «Я плакала над этими строками, Беспомощно, мучительно и сладко... Вся жизнь — не что иное, как загадка, Омытая горячими слезами!». См.: Жиркевич. С. 153—154.

Рис. 4. Часть экспозиции народного музея «А музы не молчали...». Справка о нахождении Н. Л. Котиковой в рядах ополченного батальона; трамвайный билет блокадной поры, пропуск в Музыкальное училище им. Римского-Корсакова.

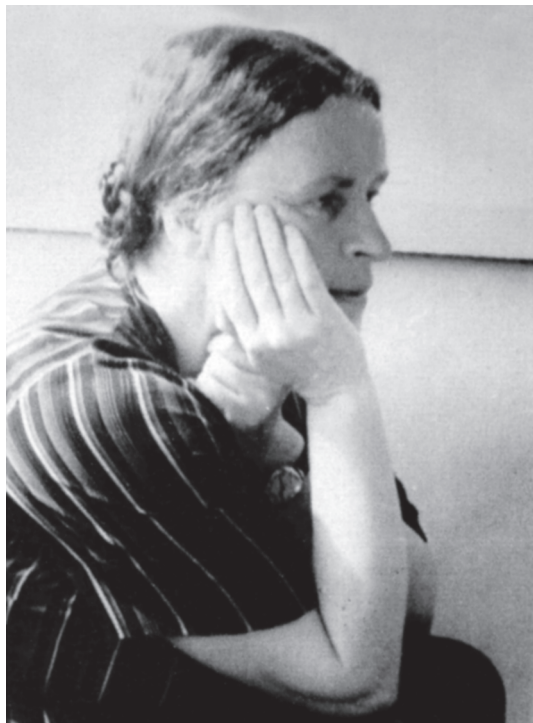

Рис. 5. Н. Л. Котикова. 1940-е гг.
Фотография — часть экспозиции народного музея «А музы не молчали...».

ным отделением Ленгосэстрады (впоследствии — Ленконцерт),⁸⁸ Наталья Львовна включается в собирательскую деятельность Фонограммархива Пушкинского Дома.

Первая экспедиция Котиковой в Псковскую область состоялась в 1946 г. Она проходила по плану ИРЛИ совместно с сотрудницей института А. Г. Кудышкиной, для которой это была также первая экспедиционная поездка. Яркие и интересные записи в районе Псковского озера еще в начале 1941 г. сделал Ф. А. Рубцов в ходе экспедиции Пушкинского Дома в Ленинградскую область⁸⁹ — северо-западная часть современной Псков-

⁸⁸ Н. Л. Котикова руководила музыкальным отделением Ленгосэстрады с 1947 по 1949 г. За этот период ей удалось привлечь к активной концертной работе немало интересных исполнителей. В частности, она «открыла» известный впоследствии вокальный квартет сестер Федоровых (см.: Русские народные песни из репертуара вокального квартета сестер Федоровых / Сост. Н. Котикова. М., 1954—1955. Вып. 1—2).

⁸⁹ В экспедиции принимала участие также П. Г. Ширяева.

ской области тогда входила в ее состав. В 1940-е гг. записи производились с помощью фонографа на восковые цилиндры. В 1941 г. была сделана 51 запись от хора д. Анашкино Середкинского (ныне Псковского) района и трех молодых женщин на острове Залита (бывш. Талабск) Псковского района. Более всего записано свадебных песен, а также плясовые, хороводные, лирические песни и частушки (припевки).⁹⁰

После войны Рубцов стал заведующим Фонограммархивом и планировал продолжить записи в районах, столь богатых традиционным фольклором; особенно перспективным в этом отношении был Печорский район, активно обследовавшийся фольклористами в 1930-е гг., когда находился под юрисдикцией Эстонской республики.⁹¹ В 1946 г. эта местность уже входила в состав образованной в 1944 г. Псковской области.⁹² Экспедиция 1946 г. работала в деревнях Декшино и Митковицы, Старом Изборске, известных по публикациям 1930-х гг., и в самих Печорах. Среди 80 записей — лирические, свадебные, плясовые песни, плачи, припевки (частушки), стих «за здравие военного человека», ис-

⁹⁰ Фонограммы хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ, кол. 183, № 5581—5590.

⁹¹ *Фридрих И.* Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Рига, 1936; *Шнис М.* Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в Городище Петсерского уезда (б. Псковской губ.) в Эстонии. [Рига], 1936; *Mahler E.* Altrussische Volkslieder aus dem Peçoryland. Basel, 1951.

⁹² Псковская область образована 23 августа 1944 г. после выделения из состава Ленинградской области одновременно с образованием Великолукской области, выделенной из состава Калининской (ныне Тверской) области. В современных границах Псковская область сформировалась 2 октября 1957 г. после объединения Псковской и Великолукской областей.

Псковская область образца 1944—1957 гг. включала следующие районы:

Псковский, Серёдкинский и Карамышевский (на территории современного Псковского района); Гдовский и Полновский (Яммский) (на территории современного Гдовского района); Печорский (на части территории современного Печорского района); Палкинский и Качановский (на территории современного Палкинского района и части территории современного Печорского района); Островский и Сошихинский (Воронцовский) (на территории современного Островского района); Пыталовский (на территории современного Пыталовского района); Пушкиногорский (на территории современного Пушкиногорского района); Новоржевский (на территории современного Новоржевского района); Чихачёвский (Ашевский) (на части современного Бежаницкого района); Дедовичский и Пожеревицкий (на территории современного Дедовичского района); Дновский (на территории современного Дновского района); Порховский, Славковский и Павский (на территории современного Порховского района и части современного Стругокрасненского); Стругокрасненский и Новосельский (на территории современного Стругокрасненского района); Плюсский и Лядский (на территории современного Плюсского района).

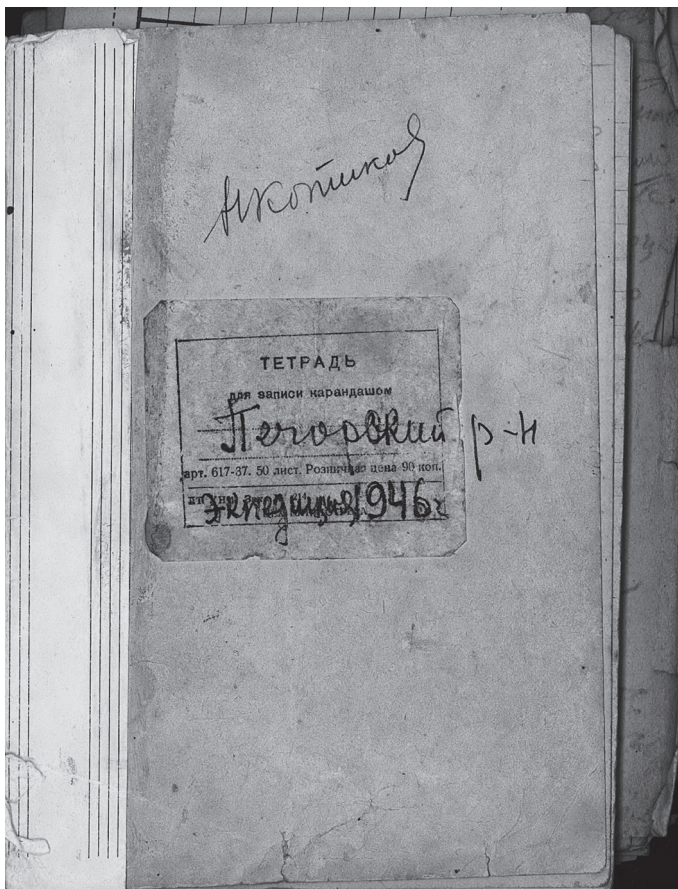

Рис. 6. Обложка полевой тетради Н. Л. Котиковой. 1946 г.
Архив Н. Л. Котиковой.

полнявшийся слепыми бродячими певцами (по-местному «ревунами») под окнами в годы Первой мировой войны (рис. 6).⁹³

Н. Л. Котикова вела полевой дневник и записывала тексты — соответствующие тетради имеются в ее рукописном архиве (реестры и вспомогательные записи к фонограммам). Поистине выдающимся событием для нее явилась встреча с талантливой народной певицей Татьяной Ивановной Каношиной

⁹³ Фонограммы хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ, кол. 226, № 5631—5648; 5761. Полевые тетради — там же, в архиве Н. Л. Котиковой. Беловая рукопись (чернилами) текстов хранится в РО ИРЛИ, р. V, к. 145, п. 1, № 80—129.

А в грядке ковыль
 муриной верет
 Как и котом чибов
 До земли склонила
 Всею одно нам вост
 Намны где брат
 А долию ири ковыль
 В деревню по стаму
 мешковат
 Дворов Аистов
 Панюшкина Варюшова 1/2 46
 75 лет На какованиш ковыль
 + 1) Молодотрава
 2) Край Пошмишке каиничи от
 3) Край Ковыль
 4) Край рожки на шире (кыль)
 5) Край по чине шире шире
 + 6) Край в шире рожки в шире
 7) Не склади на вост рожки про
 8) Край шире шире
 9) Край шире шире
 10) Край шире шире
 11) Край шире шире
 12) Край шире шире
 13) Край шире шире
 14) Край шире шире
 15) Край шире шире
 16) Край шире шире
 17) Край шире шире
 18) Край шире шире
 19) Край шире шире
 20) Край шире шире
 21) Край шире шире
 22) Край шире шире
 23) Край шире шире
 24) Край шире шире
 25) Край шире шире

9) Край шире шире
 + 10) Край шире шире
 + 11) Край шире шире
 + 12) Край шире шире
 13) Край шире шире
 14) Край шире шире
 15) Край шире шире
 16) Край шире шире
 17) Край шире шире
 + 18) Край шире шире
 19) Край шире шире
 20) Край шире шире
 21) Край шире шире
 22) Край шире шире
 23) Край шире шире
 24) Край шире шире
 25) Край шире шире

Рис. 7. Разворот полевой тетради Н. Л. Котиковой. 1946 г.
 Фонограммархив ИРЛИ. Архив Н. Л. Котиковой.

Рис. 8. Т. И. Каношина. 1937 г.
Архив Н. Л. Котиковой.

из Печорского района (рис. 8). Участие в этой экспедиции стало началом большой работы по собиранию и популяризации фольклора Псковской области, определившей ее творческие интересы и дальнейшую судьбу на многие годы.

Летом 1947 г. в те же районы отправляется новая экспедиция. На этот раз вместе с Котиковой в ней принимает участие опытная собирательница С. Д. Магид, которая к этому моменту уже более 20 лет записывала фольклор народов России. Котикова, как и в 1946 г., ведет полевые тетради, дневник и записывает тексты песен. Ныне, вследствие того что среди материалов, сданных в 1950 г. в Рукописный отдел ИРЛИ,⁹⁴ имеются лишь перебеленные тексты к валичным записям 1946 и 1947 гг., полевые тетради Котиковой приобретают особое источниковедческое значение.

⁹⁴ Акт от 13 сентября 1950 г. Принято В. Кравчинской, сдано С. Д. Магид. 3 папки: материалы 1946 г. — 49 л., материалы 1947 г. — 90 л., материалы великолукской экспедиции 1949 г. — 97 л.

Собиратели вновь посещают Т. И. Каношину и записывают от нее как новые песни, так и варианты тех, что были зафиксированы в 1946 г. Затем они побывали в Пушкиногорском и Полновском районах. В селе Бугрово Пушкиногорского района местная молодежь исполняла частушки. Колхозные хоры деревень Сиянщина и Мишина Гора Полновского района⁹⁵ — свадебные опевальные песни и голошения, лирические, хороводные, плясовые и современные песни (партизанская, о Сталине и др.), припевки «под язык». Всего было сделано 82 записи.⁹⁶

В 1949 г. Котикова вместе с С. Д. Магид (рис. 9) последний раз участвует в псковской экспедиции Пушкинского Дома.⁹⁷ На этот раз они работают в Великолукской области, имевшей в те годы самостоятельный статус, недалеко от тех мест (Локни и Пушкинских гор), где в родовом имении Иваньково прошли детские и юношеские годы Н. Л. Котиковой.⁹⁸ Собиратели отмечают новый по сравнению с севером Псковщины репертуар: появляются жнивные песни. Их по-прежнему интересуют частушки как живой «современный» жанр, обладающий высокими художественными достоинствами. Котикова записывает сотни текстов припевок (так называют частушки народные исполнители). Отныне частушка является одной из ведущих тем ее собирательской и публикаторской деятельности. Можно смело сказать, что благодаря этой работе многие музыканты — композиторы и фольклористы открыли для себя особый художественный мир русской частушки.⁹⁹

После экспедиции 1949 г. пути собирателей разошлись. С. Д. Магид более не выезжала в Псковскую область. Н. Л. Котикова в дальнейшем строит свою экспедиционную работу в Псковской области по собственному плану. Организационно-материальное обеспечение ее поездок переходит в ведение ЛО Музфонда СССР (членом Музфонда Н. Л. Котикова стала

⁹⁵ Ныне входит в состав Гдовского района.

⁹⁶ Фонограммы хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ, кол. 226, № 5666—5697. Полевые тетради — там же, в архиве Н. Л. Котиковой. Беловая рукопись текстов (чернилами, несколько полевых записей частушек карандашом) хранится в РО ИРЛИ, р. V, кол. 145, п. 1, № 130—200.

⁹⁷ По-видимому, Н. Л. Котикова на время экспедиции была временно оформлена сотрудником Фонограммархива. Об этом свидетельствует замечание в описи текстов, записанных в данной экспедиции: «Запись текстов мл. н/с Н. Л. Котиковой» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 145, п. 1).

⁹⁸ Фонограммы хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ, кол. 226, № 5698—5723. Полевые тетради — там же, в архиве Н. Л. Котиковой. Беловая рукопись текстов (чернилами) хранится в РО ИРЛИ, р. V, кол. 145, п. 1, № 1—79.

⁹⁹ Русские частушки / [Сост. Н. Котикова]. [Л.], 1956; Русские народные частушки, страдания, припевки / [Сост. Н. Л. Котикова; Под общ. ред. М. Матвеева]. Л., 1961.

Рис. 9. С. Д. Магид в хранилище Фонограммархива. 1940-е гг.
РО ИРЛИ, р. V, кол. 106.

в 1950 г.). В 1952—1959 гг. она возвращается к записям в Печорском и других северных, а также центральных районах Псковской области (рис. 10),¹⁰⁰ работает в сопредельных районах Калининской и Новгородской областей.

В архиве Котиковой сохранилась «справка» от 24 июня 1952 г., присланная в ответ на ее запрос о том, какие районы области наиболее перспективны для записи фольклора: «Зам. Председателя Ленинградского отделения Союза советских композиторов СССР. На в/№ 164 от 16/VI-52 г. Псковский Областной Дом народного творчества сообщает Вам, что наиболее интересными для записей музыкального фольклора Псковской области явятся районы: Гдовский, Полновский, Печерский и Пушкиногорский. Директор ДНТ Рокотов». С этих районов и начинает свою работу Котикова, дополняя и расширяя географию и репертуар, зафиксированные в экспедициях Пушкинского Дома (рис. 11).

Со своей первой народной исполнительницей Татьяной Ивановой Каношиной собирательница работает вплоть до кончи-

¹⁰⁰ Так, например, в 1953 г. она вновь записывает хор деревни Сиянщина Полновского района.

Рис. 10. Никольская надвратная церковь, крепостная стена Псково-Печорского Успенского мужского монастыря. 1953 г. Фотография А. И. Гомартели. Архив Н. Л. Котиковой.

Рис. 11. Н. Л. Котикова ведет запись в деревне Кулье Печорского района.
Поэт Е. Е. Неволихина.
Фотография Н. Ф. Полеводина. Архив Н. Л. Котиковой.

ны певицы в 1958 г. Через год после этого удастся осуществить проект, задуманный еще при жизни Татьяны Ивановны: записать весь цикл традиционных свадебных песен. Их исполнили дочь Каношиной Мария со своей крестной П. В. Щербаковой. В 1960-е гг. экспедиционная работа проходит в основном на юге Псковской области; Впрочем, специальные маршруты посвящены также Гдовскому и Порховскому районам, а также сопредельным районам Эстонии (побережье Чудского озера).

В общей сложности экспедиционная деятельность Котиковой продолжалась почти двадцать пять лет. Она обследовала большинство районов Псковской области (в ее современных границах), стремясь записать на магнитную ленту наиболее яркие образцы песенного и инструментального фольклора от наиболее талантливых народных исполнителей.¹⁰¹ Наталья Львовна строила свою собирательскую работу на основе поиска выдающихся народных исполнителей — художников, крупных личностей, «духовной элиты» народной традиции. Репертуар этих певцов

¹⁰¹ Лишь однажды маршрут экспедиции Н. Л. Котиковой пролегал в местах, далеких от Северо-Запада России: в 1964 г. она отправилась в Алтайский край. Участником этой экспедиции был также Г. Г. Белов. География экспедиционной деятельности Котиковой представлена в наст. статье: Приложение 1.

и инструменталистов включает, как правило, особо значимые для русской народной культуры произведения — те, что заслуженно признаны фольклористами народно-песенной классикой.¹⁰² Своими записями собирательница прежде всего делилась с музыкантами, в первую очередь композиторами, пробуждая их живой интерес к народной музыкальной культуре. Публиковать записи в форме научного сборника она не торопилась.

Напротив, в Пушкинском Доме, как академическом учреждении, стремились как можно скорее подготовить научную публикацию собранного материала. С. Д. Магид составила два сборника песен: «Песни Псковщины» (1948) по материалам экспедиций 1941, 1946 и 1947 гг. и небольшой сборник 1949 г., в который вошли 12 великолукских записей традиционного фольклора и 19 песен Великой Отечественной войны, записанных в псковских и великолукских экспедициях. Оба сборника остались в рукописи. Их автор в 1950 г. была отчислена из штата ИРЛИ «за невыполнение годового плана» — следствие очередной идеологической «чистки» сотрудников Академии наук. В 1954 г. она уходит из жизни, так и не увидев подготовленные ею публикации в печати.

Сборник «Песни Псковщины» включал в себя 120 образцов напевов с поэтическими текстами и комментарии «академического» плана: к большинству песен были подобраны варианты (некоторые песни публиковались впервые), проводился сравнительный анализ напевов и текстов с ранее опубликованными. Во вступительной статье давалась общая характеристика песенной традиции обследованных районов. С. Д. Магид отмечала наличие в Псковской области богатой и развитой народной песенной традиции, с различными типами подголосочной полифонии, а также отдельных мастеров — хранителей «классического» сольного песенного искусства. В сборник вошло большинство записей 1941 (Ф. А. Рубцов), 1946 (А. Г. Кудышкина и Н. Л. Котикова) и 1947 гг. (С. Д. Магид и Н. Л. Котикова). Нотации песен были сделаны сотрудниками Фонограммархива А. Г. Кудышкиной и С. Д. Магид, а также композитором В. Маклаковым. Большая часть расшифровок поэтических текстов (полевых записей, сверенных с фонограммами) выполнена Н. Л. Котиковой (сдача перебеленных материалов экспедиции в архив входила в обязанность участника экспедиции).¹⁰³

¹⁰² Портреты народных исполнителей и коллективов Псковской области опубликованы в сборнике Н. Л. Котиковой «Народные песни Псковской области» (вклейка: иллюстрации, портреты исполнителей). Учитывая задачи настоящей статьи, мы ограничиваемся иллюстрациями лишь экспедиционных моментов.

¹⁰³ В архиве Котиковой находится список текстов (синими чернилами, на обрывке желтой плотной бумаги А-4), по-видимому сданных ею в Фонограммархив после экспедиции 1947 г.: «Каношина — 14 тек[стов],

Судьба сборника как авторской работы оказалась несчастливой. Когда в 1950 г. С. Д. Магид была вынуждена покинуть ИРЛИ, она забрала из Фонограммархива его беловую рукопись. Можно предположить, что позже она продолжала работать над сборником, планируя включить в него и новые материалы, которые уже в 1950-е гг. записала Н. Л. Котикова. Во всяком случае в сборнике Котиковой «Народные песни Псковской области» (1966) опубликована нотация С. Д. Магид песни «Ой, не пой соловей» в записи 1952 г. Котиковой от Каношиной.¹⁰⁴

В предисловии «От составителя» Котикова упоминает о том, что работа С. Д. Магид над сборником не была завершена вследствие смерти автора, и при этом указывает, что рукопись сборника «хранится в Фонограммархиве ИРЛИ АН СССР».¹⁰⁵ Однако в Фонограммархиве в папке с материалами Магид находится переплетенная рукопись другого сборника — великолукского (1949).¹⁰⁶ Сборник «Песни Псковщины» 1948 г. представлен лишь пустыми папками — обложками трех томов.¹⁰⁷

Для уточнения истории рукописи великолукского сборника, как, очевидно, и той, которая отсутствует в данной папке, важно то, что сбоку справа от оглавления первые 12 номеров (традиционный фольклор Великолукского района) отмечены фигурной скоб-

Сиянщина — 16 т[екстов], дер. Мишина Гора 20 т[екстов]». Далее следует перечисление песен. Почти все они вошли в рукопись С. Д. Магид и впоследствии — в сборник Н. Л. Котиковой.

¹⁰⁴ Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1966. № 10.

¹⁰⁵ Там же. С. 4.

¹⁰⁶ На форзаце синими чернилами: Магид С. Д. Далее сшитые тетради нотной бумаги, на которых тушью написаны нотировки, а текстовая часть напечатана на пишущей машинке (под копирку 3-й экз.). В нотах правка карандашом. Сборник включает 3 части: 12 песен Великолукского района, Песни Великой Отечественной войны (фронтовые и партизанские) и Сведения об исполнителях. Копия великолукской рукописи, переплетенная аналогичным образом (причем машинописные копии текстов представляют собой 2-й экземпляр), хранится в Отделе рукописей РНБ: Фонд 1000. Пост. 1978.9. № 2.

¹⁰⁷ Папка 1-го тома: На корешке коричневым карандашом: С. Д. Магид. «Песни Псковщины». Том I. На лицевой стороне папки красным карандашом: 1948 г. С. Д. Магид. Сборник «Песни Псковщины». Том I: 1. Вступительная статья, 2. Тексты. Стр. 256.

Папка 2-го тома: На корешке коричневым карандашом: С. Д. Магид. «Песни Псковщины». Том II. На лицевой стороне папки красным карандашом: 1948 г. С. Д. Магид. Сборник «Песни Псковщины». Том II: Комментарий. Стр. 206.

Листок (для материалов 3-го тома). Надпись красным карандашом: Том III. Ноты. 120 песенных №. Стр. 163. Коричневым карандашом в квадратных скобках: [Находится в Фонограммархиве].

кой карандашом; слева карандашом, почерком Н. Л. Котиковой надпись: «В. Лукская экспедиция 1949 г. Черновики уничтожены. III.1957». Следовательно, в марте 1957 г. Н. Л. Котикова просматривала эти материалы и констатировала отсутствие (уничтожение) черновики. Уничтожение черновики при наличии белой рукописи было обычной практикой того времени.

Долгое время местонахождение рукописи первого псковского сборника С. Д. Магид «Песни Псковщины» (1948) было неизвестно. Только в 1978 г. наследники передали ее вместе с другими рукописями исследовательницы в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Российская Национальная библиотека — РНБ), где она хранится и поныне.¹⁰⁸

Котикова начинает публиковать записи псковского фольклора лишь в конце 1950-х гг. Один из первых сборников, где среди «советских массовых песен» в обработке с аккомпанементом баяна появляются и традиционные песни Псковщины, вышел в 1958 г. Он был издан силами Псковского областного Дома народного творчества и предназначен для сельской самодеятельности.¹⁰⁹ Вслед за сборником «Гдовская старина» (1962), отразившим репертуар прославленного коллектива села Подолешье Гдовского района,¹¹⁰ Котикова готовит большую публикацию, в которую она включила лучшие записи фольклора северных и центральных районов Псковщины — прежде всего записи 1950—1960-х гг., сделанные ею в ходе экспедиций Музфонда. Сборник вышел в 1966 г.¹¹¹ Отбирая материал для издания, Наталья Львовна обратилась также к записям 1946 и 1947 гг., сделанным ею в экспедициях Пушкинского Дома. Записи Пушкинского Дома составляют в публикации Котиковой около 30 % от общего числа представленных в нем песен и наигрышей.

При подготовке нотаций напевов перед составительницей встала непростая проблема. Расшифровывать записи с восковых валиков заново в те годы было нежелательно, поскольку процесс расшифровки требует многократного прослушивания записи, а каждое новое воспроизведение фонограммы на восковом но-

¹⁰⁸ РНБ, ф. 1000, пост. 1978.9, № 1 (корпус напевов), № 3 (комментарии), № 4 (тексты). Каждая единица хранения переплетена.

¹⁰⁹ Псковские песни / [Сост. Н. Котикова; Ред. С. А. Полянский; Муз. ред. Ф. А. Рубцов]. Псков, 1958. Традиционные песни в исполнении колхозных хоров Гдовского, Печорского, Пыталовского, Славковского районов, сольные песни в корректной обработке Л. Шимкова, М. Матвеева, В. Маклакова: с. 30—56.

¹¹⁰ Гдовская старина : Русские народные песни и наигрыши Гдовского района / [Сост. Н. Котикова]. Л., 1962.

¹¹¹ Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1966.

сителе ухудшало ее качество. Магнитных копий фонографических записей, которые помогли бы решить эту проблему, еще не было. Поэтому составительнице пришлось воспользоваться расшифровками двадцатилетней давности, включенными в незавершенный сборник С. Д. Магид. При этом Наталья Львовна провела контрольное прослушивание всех записей — об этом говорят и дополнения, вписанные ее рукой в реестровый журнал, и характер редакторской правки нотаций песен.

Поскольку авторы конкретных нотаций не были указаны в белой рукописи сборника Магид, а черновики, по которым было бы можно установить авторство расшифровок, сделанных в 1940-е гг. сотрудниками Фонограммархива, не сохранились, Котиковой пришлось сделать в примечаниях к своему сборнику следующую оговорку: «Материалы экспедиции ИРЛИ АН СССР в подавляющем большинстве случаев были нотированы С. Магид, В. Маклаковым и А. Кудышкиной. В настоящее время во многих случаях не представляется возможным установить, кому из них принадлежит та или иная конкретная нотировка. Поэтому в некоторых примечаниях к записям, произведенным экспедициями ИРЛИ, не указана фамилия производившего нотирование. Эти песни отмечены знаком *».¹¹²

Чтобы яснее представить себе, какая часть псковской фонографической коллекции, записанной экспедициями Пушкинского Дома, представлена в сборнике Котиковой, сравним опубликованные ею материалы с теми, что были подготовлены в 1948 г. С. Д. Магид.¹¹³ Рукопись сборника Магид «Песни Псковщины» отражает результаты псковских экспедиций ИРЛИ достаточно полно. Из 82 записей 1947 г. для публикации отобрано более 70, из фонограмм 1941 и 1946 гг. используется более половины, дополняя основной массив записей 1947 г. (например, варианты лирических песен в исполнении Каношиной). Котикова же, напротив, в своей итоговой публикации использует только те образцы записей 1940-х гг., которые не удалось повторить в последующие годы, либо те, что с ее точки зрения представляют собой наибольшую художественную ценность. Поэтому их, по сравнению с рукописью С. Д. Магид, значительно меньше — чуть более половины псковского фонографического собрания, причем не все из них совпадают со сборником С. Д. Магид.

Сборник, составленный С. Д. Магид, — академическая публикация, причем она хранит в себе типические черты времени

¹¹² Там же. С. 355.

¹¹³ Состав рукописного сборника С. Д. Магид, с указанием источников (восковые цилиндры в собрании Фонограммархива) и использования тех же источников в сборнике Н. Л. Котиковой приводится в наст. статье: Приложение 2.

(вначале — песни о Сталине и войне, частушки как «современный» жанр с текстами на злободневную тему). Особое внимание уделяется балладе (№ 12, 15, 16), в корпусе публикации присутствуют также редкие «находки»: «нищенский» стих (№ 110), необычный текст «байки» (№ 20), песни, записанные или упомянутые в свое время А. С. Пушкиным (например: «В отца, в матери было девять сынов», «За морем синичка не пышно жила»). Характерной особенностью подачи поэтических текстов является передача диалектного звучания слова: расшумелись комари; продай, баба, лимяши; часал милый кудерцы; не вздыхай-ка тижало; еслив. Составительница стремится дать максимальное количество музыкально-поэтических строф песни, чтобы дать более полное представление о многоголосии, показать варьирование в процессе исполнения.

Основной корпус составляют лирические, хороводные, плясовые и свадебные песни, имеется также колядка. В разделе лирических песен привлекает внимание подбор вариантов одной песни из разных деревень и также вариантов, записанных в 1946 и 1947 гг. от одной певицы — Т. И. Каношиной. Вместе с тем такой важный для местной традиции жанр, как плач, представлен только одним образцом из нескольких записанных, свадебные же голошения отсутствуют вовсе, свадебные песни даются вне хода самой свадебной игры.

Нотации песен явно несут на себе отпечаток руки разных авторов, что ярче всего проявляется в разнородном подходе к тактировке сходных по слогоритмике и метрике образцов.

№ 38а

Не о - дна - я в по - ле до - ро... да до - ро - жка, да

Что и та - я сня - жком за - па... эх, за - па - ла.

№ 38б

Не о - дна - я в по - ле до - ро... эх, до - ро - жка, да

Что и та - я сня - жком за - па... да за - па - ла.

Схемы слогоритмического периода вариантов песни «Не одна в поле дорожка» в записи 1946 и 1947 гг. от Т. И. Каношиной.

Очевидно, что сборник С. Д. Магид является оформленным в виде публикации «отчетом» о первоначальном этапе осмысления традиции, недаром составительница предполагала продолжить свою работу над рукописью.

Напротив, сборник Котиковой 1966 г. создается как итог ее многолетней собирательской работы в центральных и северных районах Псковской области. Он также построен по жанровому принципу. Составитель выделяет материалы, записанные в Печорском районе, в отдельный раздел. Именно в этом районе, где разрушение народной традиции волею судеб отодвинулось почти на 20 лет по сравнению с соседними районами бывшей Псковской губернии, песенная культура сохранилась в наибольшей полноте. По количеству песенных образцов печорский раздел составляет ровно половину всего песенного собрания. Вторую половину составляют записи в основном из северных и центральных районов области. В этом разделе немало вариантов печорских песен. Они расширяют и дополняют представление о традиции ансамблевого и хорового исполнительства. 48 инструментальных наигрышей из различных районов представлены в едином разделе; здесь отобраны наиболее яркие в музыкальном отношении образцы.

Материалы Пушкинского Дома привлекаются составителем по мере необходимости. Можно выделить 4 основных группы записей 1940-х гг. Прежде всего это уникальные довоенные записи Ф. А. Рубцова в Псковском и Середкинском районах. Песни из этого раздела практически совпадают со сборником С. Д. Магид. Лучшие песни из репертуара хоров деревень Мишина Гора и отчасти Сиянщина Полновского района в записи 1947 г. также вошли в сборник Н. Л. Котиковой (в Сиянщине Котикова записывала те же песни в 1953 г. и поместила в свой сборник в основном эти записи).

Четвертую группу составляют записи от Т. И. Каношиной. Выбирая из нескольких вариантов ее исполнения той или иной песни, записанных как в экспедициях ИРЛИ, так и в экспедициях Музфонда, наиболее яркий в музыкальном отношении, Наталья Львовна не раз отдавала предпочтение более ранней записи 1946—1947 гг.

Нотации 1940-х гг. подверглись редактированию, обеспечившему единство подхода к нотированию фонограмм и подаче ручной слуховой записи поэтического текста. Иным, по сравнению с рукописью 1948 г., является определение темпа и характера исполнения, которое дополняет данные метронома. У Магид это обозначение характера музыкального движения: «Протяжно», «Умеренно», «Не очень медленно». У Котиковой всегда присутствует образное определение, помогающее «услышать» живую интонацию исполнителя: «Свободно», «Мерно», «Просто»,

«Четко», «Напевно». Тактировка в сборнике Котиковой демонстрирует единый подход: она направлена на раскрытие слогоритмического строения напева. Эти особенности редактирования подтверждают предположение о том, что нотировки 1940-х гг. были проверены Н. Л. Котиковой путем контрольного прослушивания фонограммы.

Публикация псковского фольклора, подготовленная музыкальным издательством, предназначалась не узкому кругу специалистов-фольклористов, а прежде всего музыкантам: композиторам, музыковедам, исполнителям, поэтому все, что могло бы затруднить восприятие напева и текста этой аудиторией, было снято. Так, по сравнению с рукописью Магид, сокращено количество песенных строф, если они не подвергаются значительному варьированию. Диалектное звучание поэтических текстов (фонетика) приведено к условным нормам литературного языка, что, правда, не помешало сохранить диалект там, где он играет особую роль в восприятии образа и характера исполнения: в колыбельной, плачах. Котикова не воспользовалась возможностью показать различные варианты исполнения одной песни, записанные в разные годы от такой выдающейся исполнительницы, как Т. И. Каношина, отобрав лишь по одному — наиболее удачному, законченному в музыкальном отношении. Помимо того что собирательница следовала своему главному принципу — представлять народную культуру широкой аудитории в виде наиболее совершенных ее образцов, поместить несколько равнозначных по художественному уровню вариантов ей не позволял объем издания, которое и без того разрослось в достаточно пухлый том.¹¹⁴

Таким образом, материалы из собрания Фонограммархива ИРЛИ, записанные Н. Л. Котиковой совместно с С. Д. Магид и А. Г. Кудышкиной, а также псковские записи Ф. А. Рубцова вошли в ее сборник «Народные песни Псковской области», который подвел итог многолетней собирательской работы в северных и центральных районах Псковской области. Благодаря этому, труд предварительной подготовки к печати, предпринятый С. Д. Магид, сделался достоянием читателей. Сборник «Народные песни Псковской области» на долгие годы стал наиболее полной публикацией традиционного фольклора Псковщины и дал толчок для новых полевых исследований 1980—2000-х гг.

Итог собирательской работы Н. Л. Котиковой: уникальное собрание народных песен и наигрышей Псковской области в исполнении выдающихся певцов и музыкантов, владевших традицией народного исполнительства периода ее полноценного бытования

¹¹⁴ Объем сборника составляет более 40 уч.-изд. листов.

Рис. 12. Экспедиция 1965 г. Н. Л. Котикова по пути на запись.
Фотография А. И. Гомартели. Архив Н. Л. Котиковой.

в народной среде (рис. 12).¹¹⁵ Песенная культура особенно богато представлена в области сольного и ансамблевого исполнительства. Не менее интересными и редкими записями представлена инструментальная музыка: Котиковой удалось сделать одну из первых записей псковской гусельной игры, наигрышей на пастушеском рожке (жалейке), скрипке, балалайке, гармонике. Несколько особняком стоят записи из Алтайского края.¹¹⁶

Одной из особых заслуг Н. Л. Котиковой перед отечественным музыкальным искусством было открытие народного искусства для целого поколения молодых музыкантов, которые принимали участие в ее экспедициях. Это композиторы В. А. Гаврилин, С. М. Слонимский, Г. Г. Белов, Т. А. Воронина, И. М. Ельчева,

¹¹⁵ Небольшая часть записей, которые удалось отреставрировать, подготовленная к публикации сотрудниками Фонограммархива Пушкинского Дома, вошла в грампластинки: Народные песни и наигрыши Псковской области : По материалам фольклорных экспедиций Н. Л. Котиковой (М20 47741 001). 1987; Алексей Ильин: (Псковская тальянка) / Записи Н. Котиковой (Д-00030321-2).

¹¹⁶ В Приложении 1 к наст. статье предлагается таблица, в которой представлены по годам выезды собирательницы в районы Псковской обл., вместе с объединенной с ней ныне Великолукской, а также соседних с ней Ленинградской, Калининской и Новгородской областей.

музыковеды Н. П. Рязанова, Т. Г. Знаменская, А. М. Мехнецов и другие. Неизменным участником большинства экспедиций был звукорежиссер А. И. Гомартели. Он же и автор большинства экспедиционных фотографий. Перед творческой молодежью открывались неизведанные музыкальные впечатления, человеческие судьбы и характеры. Яркие впечатления молодых музыкантов от пения и игры народных исполнителей глубоко западали в душу, нередко заставляли их по-новому взглянуть на музыкальное искусство (рис. 13). Благодаря участию в экспедициях «для ленинградских композиторов народная музыка не мертвая история, а живая жизнь», — писала Котикова в своих заметках о «новой фольклорной волне» в композиторском творчестве.¹¹⁷

Уже сама став собирателем фольклора, участница экспедиции 1953 г., композитор, а тогда — студентка Ленинградской консерватории И. М. Ельчева писала Наталье Львовне: «Открытие народного творчества в самом его сокровенном смысле, радость от соприкосновения с первоисточником произошло в один из летних вечеров, в тихие сумерки, когда я впервые услышала Татьяну Ивановну Каношину». Песни, спетые Каношиной, отразились в музыкальном тематизме значимых произведений второй половины XX столетия (например, в оратории В. Гаврилина «Перезвоны»). Экспедиционные впечатления обогатили интонационный язык Сергея Слонимского, наиболее ярко проявившись в его опере «Виринея» (рис. 14, 15).

Наталья Львовна стремилась познакомить со своими записями как можно больше творческих людей, понимая, что те из них, кто не имел возможности принять участие в экспедициях, должны были услышать произведения, которые могли бы дать толчок к созданию современной русской национальной музыки и литературы. Давая оценку этой деятельности собирательницы, Федор Абрамов писал: «Из народной глубинки, из нижних этажей жизни черпала она словесные и песенные богатства и щедро и бескорыстно одаряла ими своих друзей, своих коллег. <...> она была по существу соавтором многих произведений, созданных ленинградскими композиторами. Это я мог бы сказать и по отношению к себе как писатель, ибо и я пользовался дарами Натальи Львовны».¹¹⁸ Котикова поддерживала любые формы и жанры, в которых воплощалась народная песня в композиторском творчестве, в том числе и традиционную для русской музыкальной

¹¹⁷ Черновики заметок находятся среди полевых материалов экспедиции 1967 г. Вероятно, они предназначались для статьи в псковской прессе или выступления на радио.

¹¹⁸ *Абрамов Ф.* Чем живем-кормимся : Очерки, статьи, воспоминания, литературные портреты, заметки, размышления, беседы, интервью, выступления. Л., 1986. С. 294.

Рис. 13. Участники экспедиции 1953 г. Печорский район Псковской области. Слева направо: неизвестный, студенты Ленинградской консерватории: [М. Кац], Т. Воронина, З. Джанузакова; Н. Л. Котикова; студентка Ленинградской консерватории И. Ельчева, директор уч. хоза Головинина.

Рис. 14. Экспедиция 1970 г. Порховский район Псковской области. Композитор С. Слонимский слушает игру рожечника Д. И. Иванова. Фотография А. И. Гомартели. Архив Н. Л. Котиковой.

классики обработку мелодий песен для хора или солиста в сопровождении фортепиано.¹¹⁹ Она составила и подготовила к изданию несколько сборников обработок ленинградских композиторов.¹²⁰

Записи Н. Л. Котиковой, сделанные в Псковской и Ленинградской областях, вошли в публикации других авторов как уникальные материалы,¹²¹ они охотно использовались коллегами-

¹¹⁹ Так, например, ее записи обрабатывал М. А. Матвеев. (См.: Танцевальная музыка Псковщины / Сост., обработ. М. А. Матвеев. Псков, 1970, и др.).

¹²⁰ Русские народные песни / Сост. Н. Котикова. Вып. [1]. [В обработке для хора]. Л., 1957; Вып. 2. [Для высокого голоса с ф-п.]. Л., 1964; *Котикова Н. Л.* Хоры без сопровождения. Л., 1972.

¹²¹ *Рубцов Ф. А.* Народные песни Ленинградской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1958; *Соколов Ф. В.* Гусли звончатые : Сборник народных гусельных наигрышей / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1959.

Рис. 15. Экспедиция 1970 г. Порховский район Псковской области.
Н. Л. Котикова благодарит рожечника Д. И. Иванова за игру.
Фотография А. И. Гомартели. Архив Н. Л. Котиковой.

фольклористами в научных трудах в качестве музыкальных примеров.¹²²

Из опыта, который молодые музыковеды перенимали у Натальи Львовны в экспедициях, выросли их собственные собирательские методики, складывалась новая школа ленинградских (впоследствии петербургских) фольклористов. Так, самостоятель-

¹²² *Земцовский И. И.* О варианности протяжных песен // Сов. музыка. 1960. № 7. С. 101—107 (в тексте песня: «Ах вы горы-то мои, горы, ой горы Воробьевские»); *Рубцов Ф. А.* Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964 (в тексте песни «Скажу сама, ой, сама», «Э-ой, денек-скака», «Эх, по зарям да зарям»); *Пьянкова С. В.* Напевы-формулы русской свадьбы // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. С. 205—226 (среди примеров — записи Н. Л. Котиковой в Гдовском р-не Псковской обл.).

Рис. 16. Участники экспедиций 1960-х гг.:
Слева направо: Н. Л. Котикова, Г. Белов, Т. Знаменская.
Фотография А. И. Гомартели. Архив Н. Л. Котиковой.

ную собирательскую и публикаторскую деятельность начала Т. А. Знаменская, подготовившая к изданию собрание фольклора Себежского района (рис. 16).¹²³

В экспедиционном дневнике Котиковой 1963 г. есть заметка: «Из Л[енингра]да поехали на плотях по Ловати Мехнецов Анатолий Михайлович — [музыкальная] шк[ола] 7-летка Ок-т[ябрьского] р[айо]на — они запис[ывали] народные песни!». Об этой необычной экспедиции любителей старины из Ленинграда рассказала Наталье Львовне сотрудница местной газеты Е. П. Жукова. Приехав в Ленинград, собирательница позвонила в школу и пригласила А. М. Мехнецова участвовать в своей экспедиции. Так Н. Л. Котикова познакомилась со своим будущим учеником и продолжателем дела собирания фольклора. Интуиция подсказывала ей, что он сможет полностью посвятить себя собирательской работе, и она не ошиблась. Впоследствии Мехнецов стал одним

¹²³ *Знаменская Т. Г.* Себежские песни [напетые Надеждой Филипповной Кортенко] / Сост., запись, нотация Т. Знаменской; Общ. ред., предисл., примеч. Ф. Рубцова. Л.; М., 1970.

Рис. 17. Участники экспедиций 1960-х гг.
Слева направо: Т. Знаменская, А. Мехнецов, Н. Рязанова, Н.Л. Котикова.
Фотография Г. Г. Белова. Архив Н. Л. Котиковой.

из крупнейших фольклористов, преподавал в Консерватории, руководил собирательской, исследовательской, публикаторской деятельностью консерваторских фольклористов, создал свою научную школу, организовал специализированную кафедру, ведущую профессиональную подготовку этномузыковедов. Для его учеников имя Натальи Львовны Котиковой стало поистине легендой, поскольку А. М. Мехнецов часто вспоминал ее меткие высказывания о народной песне и исполнителях, рассказывал о ее методе и приемах работы с народными певцами и музыкантами, припоминал трудности в полевой работе, выход из которых неизменно находила неутомимая Наталья Львовна (рис. 17).

Начиная с 1981 г. фольклорные экспедиции Ленинградской (ныне Петербургской) государственной консерватории в Псковскую область под руководством А. М. Мехнецова стали проводиться ежегодно. Еще в 1978 г. началось систематическое обследование сопредельных районов Ленинградской, а затем и Новгородской, Тверской, Смоленской областей. Основу для составления плана подробного полевого исследования псковского фольклора заложили записи Котиковой. В 1989 г. были опубликованы первые результаты этой работы.¹²⁴ Сборник посвящен светлой памяти Натальи Львовны. С 1991 г. экспедиции проводил Фольклорно-этнографический центр Министерства культуры РФ, выросший на базе консерваторского собрания.¹²⁵ С 1978 по 1999 г. состоялось 27 экспедиций в 21 район Псковской области, результатом которых стало создание фольклорного архива, включающего более 40 тысяч единиц хранения. Впоследствии по результатам этих исследований был составлен двухтомный Обзор экспедиционных материалов по Псковской области.¹²⁶

В 1950-е гг. Наталья Львовна принимала активное участие в работе Фольклорной секции Ленинградского отделения Союза композиторов СССР. Несколько лет она была секретарем секции. Работа секции в конце 1950—1960-е гг. была очень интенсивной. Обсуждались важнейшие для судьбы народной песни вопросы — необходимо было отделить подлинное народное творчество от художественной самодеятельности, которая активно насаждалась господствующей идеологией в предыдущие десятилетия. С одной стороны, исполнение традиционного фольклора

¹²⁴ Песни Псковской земли : Календарно-обрядовые песни : (По материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. Мехнецов. Вып. 1. Л., 1989. Вып. 1.

¹²⁵ Ныне Центр находится под юрисдикцией Петербургской консерватории.

¹²⁶ Народная традиционная культура Псковской области : Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра : В 2 т. Псков, 2002.

на сцене (на различных фестивалях и смотрах) сохранило часть произведений в устной традиции, с другой — это исполнение выхолащивало из них полноту содержания, неразрывного с их естественным бытованием. Зная это, Котикова, несмотря на свою огромную занятость, неизменно участвовала в жюри различных смотров и конкурсов самодеятельных хоровых коллективов, чтобы иметь возможность высказать свое авторитетное мнение по этому вопросу. Начиная с 1960-х гг. при участии Н. Л. Котиковой развернулась активная деятельность Фольклорной секции по организации этнографических концертов на концертной площадке ленинградского Дома композиторов.

Стараясь вести просветительскую работу в направлении поддержки традиционного фольклора на местах, Наталья Львовна постоянно включала в свои экспедиционные группы представителей местных отделов культуры, Домов народного творчества, писала о своей собирательской работе в местной прессе. Эти труды не пропали даром. Участвуя в течение нескольких лет в работе экспедиций, многие работники культуры на местах становились союзниками ленинградских собирателей в деле пропаганды подлинного фольклора.

Еще одним важным направлением работы Н. Л. Котиковой, актуальным в те годы, явилась просветительская работа среди широкого читателя, не имеющего возможности непосредственно познакомиться с выдающимися произведениями фольклора в их живом звучании. В 1959 г. появляется книга «Песня — душа народа», написанная совместно с Борисом Михайловичем Добровольским, бывшим тогда заведующим Фонограммархивом.¹²⁷ В 1950-е гг. Котикова писала о своих экспедициях также в журнале «Советская музыка», читателями которого в те годы были не только профессиональные музыканты, но и широкий круг любителей музыки.¹²⁸

Будучи человеком в высшей степени ответственным по отношению ко всякому делу, за которое бралась, Наталья Львовна писала трудно, долго обдумывала каждую свою работу и много раз редактировала уже написанное. Некоторые ее труды из-за этого так и не вышли в свет. Так, осталась незавершенной рукопись тома частушек, который Н. Л. Котикова готовила к изданию в серии «Собрание русских народных песен» (редактор Л. Н. Лебединский, издание основано Д. Д. Шостаковичем).

К сожалению, времени на работу над своими рукописями постоянно не хватало. Помимо того что большую часть его занимала преподавательская деятельность в музыкальной школе,

¹²⁷ Добровольский Б. М., Котикова Н. Л. Песня — душа народа. Л., 1959.

¹²⁸ Котикова Н. Л. Песни Псковщины // Сов. музыка. Л., 1959. № 9. С. 62—67. С нотами.

у Натальи Львовны была еще одна сфера приложения ее кипучей энергии, направленной на деятельную помощь всем, кто в ней нуждался. Много лет Котикова была членом правления, а затем председателем Ленинградского отделения Музфонда. Выполняя свои общественные обязанности, она была постоянно занята улучшением условий жизни ленинградских композиторов и музыковедов. Она старалась помочь буквально всем, кто обращался за помощью, — и чаще всего ей это удавалось. Поскольку эта должность была выборная, то по тому, что Н. Л. Котикову избирали председателем Музфонда не менее 15 раз подряд, можно судить об уважении, которым она пользовалась в среде коллег-музыкантов, имея репутацию безусловно справедливого и честного человека. Сама же она отзывалась о людях достойных и порядочных кратко и ярко: «Вот это — ЧЕЛОВЕК». В жизни Натальи Львовны большое место занимало общение и дружба со многими крупными музыкантами, личность которых она определяла этим емким понятием; среди них — Евгений Мравинский, Дмитрий Шостакович, Андрей Петров. Наталья Львовна — автор книг и статей о ленинградских музыкантах, композиторах, музыковедах В. Томилине, Ю. Зарицком, Ф. Рубцове, с которыми ее связывали дружеские отношения (рис. 18).¹²⁹

Дружеские отношения с музыкантами складывались у Н. Л. Котиковой на основе ее страстной любви к музыке, живого интереса ко всему, что происходило в музыкальном мире, — будь то премьера нового сочинения современного композитора или симфонический концерт, либо квартетный вечер с классическим репертуаром. Она любила театр, всегда старалась прочесть литературные новинки, побывать на новых спектаклях. И всегда ее суждения были настолько глубоки и интересны, что общение с ней надолго оставалось в памяти любого собеседника. Близкий друг последних лет ее жизни, А. А. Селезнева¹³⁰ (рис. 19) сформулировала ее поразительную открытость всему интересному, прекрасному и возвышенному: «Она вообще интересовалась всем, что есть интересного в жизни», «всегда выбирала в жизни лучшее, и этим жила, она очень ценила красоту жизни».¹³¹ К этому нужно добавить, что Наталья Львовна была с друзьями всегда

¹²⁹ Котикова Н. Л. 1) В. К. Томилин. Л., 1968 (совм. с. В. Азаровым); 2) «Коммунист—композитор—человек» // Музыкальная панорама Ленинграда. Л., 1976; 3) Ф. А. Рубцов // Рубцов Ф. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973.

¹³⁰ Аида Александровна Селезнева — доктор химических наук, мастер спорта по художественной гимнастике. Вдова композитора Е. Г. Веврика.

¹³¹ Интервью А. А. Селезневой автору настоящей публикации, посвященное последним годам жизни Н. Л. Котиковой, записано в ноябре 2008 г. Хранится в архиве автора.

Рис. 18. Н. Л. Котикова и Ф. А. Рубцов. Репино. 1970-е гг.
Архив Фольклорно-этнографического центра
С.-Петербургской консерватории.

открыта, непосредственна, искренна, без малейшей рисовки и фамильярности — примета истинного духовного аристократизма («умение держаться»), подкупавшая даже и тех, кто ее недолюбливал за прямоту, с которой она высказывалась о том, что ей не нравилось в людях.

Одной из запоминающихся, ярких черт личности и характера Натальи Львовны было ее поразительное чувство юмора, несомненно унаследованное от отца; друзья говорили о ней как о «жизнеутверждающем человеке».¹³² Она подмечала смешные стороны жизни и человеческих характеров, ценила мастерски сложенный и артистично рассказанный анекдот (именно как фольклорный жанр), умела посмеяться и над собственной оплошностью, а иной раз и едко высмеять то, что было для нее неприемлемо, но всегда этот юмор носил неповторимо «котиковские» черты благородства, ума и тонкости. А нередко был еще и немного

¹³² Там же.

Рис. 18. Н. Л. Котикова и А. А. Селезнева. Сортавала. 1979 г.
Архив А. А. Селезневой.

печальным. Так, на последней странице одной из неоконченных рукописей красуется старательно выписанный рукой Натальи Львовны отрывок из стихотворения А. Блока «Друзьям» (1908), озаглавленный ею *«Друзьям за гробом»*:

...Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд.

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем неповинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат.

...Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить
И стать достоянием доцента,
И критиков новых плодить...

Наталья Львовна обладала еще одним редчайшим даром — умением вселять в души людей добро и человечность. Казалось, она могла заглянуть в самую душу человека, словно знала о ней все — и хорошее и плохое... «Она как-то знала интересы [конкретных] людей», их потребности, «очень любила людей».¹³³ Когда она ушла из жизни,¹³⁴ многие люди, которым она помогла делом и советом, и нередко — собственным примером стойкости, умением находить лучшее, светлое, положительное, ради чего стоило жить, вспоминали о встречах с ней как о значимых событиях всей их жизни. По словам Федора Абрамова, с которым она много лет дружила, у Натальи Львовны был «самый высокий талант, которым природа наделяет человека, — талант доброты и человечности», и при этом «какой-то особый нюх на болевые точки в жизни, какое-то особое чутье на тех людей, которым нужно помочь, которые нуждаются в слове утешения и ободрения».¹³⁵ А главное — она умела сказать это слово утешения твердо, почти жестко — так, что человеку становилось ясно, что он и может, и должен «себя держать» (рис. 18).

Почему же так много людей, «грелось и отогревалось у костра ее души»?¹³⁶ Откуда брались эти могучие духовные силы? Конечно, здесь сыграл свою роль духовный опыт предыдущих поколений трех ветвей ее предков, подкрепленный собственным опытом борьбы, страданий и нравственных побед. Но все же главным стержнем ее напряженной духовной жизни была народная песня. Именно в экспедициях, в общении с народными певцами и музыкантами Наталья Львовна черпала силы, чтобы жить и дарить людям твердость духа в несчастьях, надежду и свет.

Судьба отобрала у нее родных и семью, родовое гнездо, но зато подарила — всю Псковщину, а по существу — всю Россию с ее могучим духовным и художественным наследием. И в благодарность за этот дар она создала лучший памятник родине своих предков — собрала «лучшее от лучших» и сумела насытить им духовную жажду создателей нарождавшейся в те годы «новой русской музыки».

¹³³ Там же.

¹³⁴ Н. Л. Котикова умерла 16 февраля 1981 г. Похоронена на Серафимовском кладбище, рядом с матерью В. А. Бирилёвой (Остен-Сакен).

¹³⁵ Абрамов Ф. Чем живем-кормимся. С. 294.

¹³⁶ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

География собирательской деятельности Н. Л. Котиковой

Годы	Область, район (на момент записи)	Участники экспедиции	Тип звуконосителя
1946	Псковская обл., Печорский р-н	Н. Л. Котикова, А. Г. Кудышкина	Восковые цилиндры
1947	Псковская обл., Печорский, Полновский, Пушкино-горский р-ны	Н. Л. Котикова, С. Д. Магид	Восковые цилиндры
1949	Великолукская обл., Усть-Долынский, Пореченский р-ны	Н. Л. Котикова, С. Д. Магид	Восковые цилиндры
1951	Ленинградская обл., Тихвинский р-н	Н. Л. Котикова	Восковые цилиндры
1952	Ленинградская обл., Ломоносовский р-н; Псковская обл., Дедовичский, Печорский р-ны	Н. Л. Котикова	Восковые цилиндры
1953	Псковская обл., Печорский, Качановский, Полновский р-ны	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели, И. М. Ельчева, Т. А. Воронина, М. Кац, З. Джанузаква	Восковые цилиндры
1954	Псковская обл., Ашевский, Лядский, Пыгаловский, Гдовский р-ны	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Восковые цилиндры
1955	Новгородская обл., Мошенский, Пестовский р-ны	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1956	Великолукская обл., Бельский, Нелидовский, Торопецкий р-ны	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1957	Записи в Ленинграде (Укатова и Калинина из д. Городище Печорского р-на)	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1958	Псковская обл., Печорский р-н	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента

Годы	Область, район (на момент записи)	Участники экспедиции	Тип звуконосителя
1959	Псковская обл., Опочецкий, Печорский, Гдовский р-ны	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели, В. А. Гаврилин, Юлия К., Юлия Ц.	Магнитная лента
1961	Псковская обл., Гдовский р-н	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1962	Псковская, Великолуцкая обл., Красногородский, Пустошкинский, Пушкиногорский, Пореченский р-ны	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1963	Псковская обл., Великолуцкий, Невельский р-ны; Ленинградская обл., Волховский р-н, Ст. Ладога, Нов. Ладога; Псковская обл., Куньинский р-н	Н. Л. Котикова, С. М. Слонимский, А. И. Гомартели, Г. Г. Белов	Магнитная лента
1964	Калининская обл., Торжокский р-н; Псковская обл., Холмский р-н	Н. Л. Котикова, Г. Г. Белов, Т. Г. Знаменская, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1964	Алтайский край, Бийский, Солгонский, Смоленский р-ны	Н. Л. Котикова, Г. Г. Белов	Магнитная лента
1965	Псковская обл., Великолуцкий, Куньинский, Новосокольнический, Себежский р-ны	Н. Л. Котикова, С. М. Слонимский, Г. Г. Белов, Т. Г. Знаменская, Н. П. Рязанова, А. М. Мехнецов, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1966	Новгородская обл., Солецкий р-н, с. Медведь	Н. Л. Котикова, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1966	Эстония (берег Чудского озера) Псковская обл., Себежский р-н	Н. Л. Котикова, Г. Г. Белов, Т. Г. Знаменская, Н. П. Рязанова, А. М. Мехнецов, А. И. Гомартели	Магнитная лента
1966	Ленинград, Лахта (записи сестер Судаковых)	Н. Л. Котикова, Г. Г. Белов	Магнитная лента
1967	Ленинградская обл., Волховский р-н, Псковская обл., Бежаницкий, Локнянский, Новоржевский, Пушкиногорский р-ны	Н. Л. Котикова, Г. Г. Белов, М. К. Кузьмина (Институт культуры), З. П. Запругская (Псковский ОДНТ), А. М. Мехнецов (в сентябре)	Магнитная лента

Годы	Область, район (на момент записи)	Участники экспедиции	Тип звуконосителя
1968	Новгородская обл., Новгородский, Солецкий, Валдайский районы Эстония (берег Чудского озера)	Н. Л. Котикова, С. М. Слонимский Н. Л. Котикова, Г. Г. Белов	Магнитная лента
1968	Ленинград, Лахта (записи сестер Сулаковых)	Н. Л. Котикова, А. М. Мехнецов	Магнитная лента
1970	Псковская обл., Порховский, Гдовский р-ны	Н. Л. Котикова, С. М. Слонимский, А. И. Гомартели	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Сборник С. Д. Магид «Песни Псковщины» по рукописи РНБ

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
1	Песня про Сталина (Из-за гор из-за высоких)	5684.01	1947	Полновский р-н, д. Сяянщина	Котикова, № 177
2	Партизанская (с пластинки) (В чистом поле под ракитой)	5683.03	1947	Полновский р-н, д. Сяянщина	
3	Лежат поля просторные (Лён)	5688.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	
4	Частушки	5683.01	1947	Полновский р-н, д. Сяянщина	
5	Частушки (наигрыш на губах)	5683.02	1947	Полновский р-н, д. Сяянщина	
6	Частушки (наигрыш на губах)	5694.04	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	

Русские частушки, страдания, припевки

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
7	Припевки	5694.03	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	
8	Частушки (протяжные)	5695.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	
9	Нет				
10	Нет				
11	Нет				
12	В отца, в матери было девять сынов	5671.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 17
13	За морем синичка не пышно жила	5584.03	1941	О-в Залита	Котикова, № 205
14	На быстрой на речке плавала досечка	5647.01	1941	Ст. Изборск	Котикова, № 81
15	А я в горку шла да диву видела	5677.03	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 16
16	Из Парижа было до Москвы-матушки	5637.02	1946	Печорский р-н, д. Декшино	
17	Как начал француз палить, да выше леса дым валит	5676.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 91
18	Об чем задумался, служивый	5682.02	1947	Полновский р-н, д. Сяянщина	Котикова, № 142
19	Три года на службы казак молодой	5694.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 143
20	Байка (Тпрунды, тпрунды, тпрунда- ши, продай, баба, лимяши)	5669.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 105
21	Душа-Саша (Да ты не плачь-ка, ду- ша-Саша)	5691.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 157
22	Во зеленой рощи да пташки распе- вают	5694.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 155
23	Я вечераса да глупо сделала, да свое- го дружка да распрогневала	5695.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 156
24	Часал милый кудярцы, часал милый руссы свой волоса	5693.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 159

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
25	Прощай, жисть-радость мила, ой, скоро уеду, милый, от тебя	5693.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 158
26	Марусенька (На речке, на речке, на том бережечке)	5680.02	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 163
27	Соловешко прилестный да взвеселый с горя меня	5680.01	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 160
28	Что вы, девушки, да приуныли	5681.01	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 161
29а	Эх, что ж ты, Маша, при... эх, приуныла	5639.02	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 26
29б	Эх, что ж ты, Маша, при... эх, да приуныла	5666.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
30	Снеги белы, алушисты, снеги белы алушистые да выпадали на моря	5685.01	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	
31	Расшумелись комари, да ночь спок... а, ночь спок... а-я не дала	5672.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 35
32	Без печали не прожить. А-ах, дружка любить можно — нельзя по ём тужить	5672.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 36
33	Эх, полно солнце, о-ох, да по-за-лесью, сонца, светить	5669.03	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
34а	Ах ты молодость моя, а-ах ты молодость моя да молодецкая	5631.01	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 52
34б	Ах ты молодость моя, ах ты молодость моя да молодецкая	5673.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
35а	Э-о-ох, что ж ты, волюшка моя, во... моя волюшка, воля дорогая	5631.02	1946	Печорский р-н, д. Декшино	

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
35б	Ах, что ж ты, волюшка моя, во... моя волюшка, воля дорогая	5669.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
36а	Эх, печальная сердце моё, ох, безо вре- мечка...	5635.01	1946	Печорский р-н, д. Декшино	
36б	Эх, печальная сердце моё, о-ох, безо времичка тужит	5670.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
37а	На бережке камешок А-ах, разбелё- шеник лежит	5635.02	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 37
37б	На бережке камешок А-ах, разбелё- шеник лежит	5667.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
38а	Не одна в поле даро... эх, дарожка	5632.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 23
38б	Не одна в поле даро... эх, дарожка	5674.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
39а	Калинушка с малиною лазоривый цвет	5639.04	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 24
39б	Калинушка с малиною лазоривый цвет	5666.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
40	За быстряну за речушкой слабодка стоит	5646.03	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	
41а	А-ох, полно, полно вам, белым сне- жочкам	5631.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 33
41б	Эх, полно, полно вам, белым снежоч- кам	5668.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
42а	Эх, да ох вы горы мой, горы, да горы Во... робье... Воробьё-овские	5638.01	1946	Печорский р-н, д. Декшино	
42б	Эх, да ох вы горы мой, горы, да горы Воробьё-о... Воробьёвские	5667.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
43а	Какой Ванька, да разудалы-й голова	5637.04	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 29
43б	Какой Ванька, да разудала голова	5671.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
44а	Э-ох, денёк-скупа, ах, да со милым дружкойм да разлука	5639.01	1946	Печорский р-н, д. Декшино	
44б	Э-эх, денёк-скупа, ах, да со милым дружкойм да разлука	5668.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 162
45	Ты возвейся, возвейся, вознесися, мой сизинький голубок	5639.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	
46	Я посеяла млада-младенька цветика-то маленько	5687.02	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 56
47	А я встану млада-молоденька да из утра раненько	5646.02	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	
47-бис	О-охти, я вечер-га дружка унимала	5585.03	1941	О-в Залита	Котикова, № 200
48	Окол куста хмелинушка истелит-ся-вьётся	5582.06	1941	Д. Анашкино	
49	Ваня в Питери родился, в Москву жить приисялился	5589.05	1941	Д. Анашкино	
50	Расказать ли вам, подружки, про не-счастье про мое	5589.01	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 140
51	И я чахоткою страдаю	5582.05	1941	Д. Анашкино	
52	Возле речки да возле моста	5690.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	
53	И-ой, за Дунаем, ой, за Дунаем, за Дунаям солучилася беда	5682.01	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 5
54	Что ль во поле-полечки ёлочка стоит	5645.02	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
55	На стулике сижу, ва руках топор дяр- жу	5689.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 185
56	Уж я еду-то поезду во Китай-город гулять	5689.03	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 184
57	Да сиди пташечка на ветки, говорила она мне	5686.02	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 182
58	По улице дождик, по широкой частый	5646.01	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	Котикова, № 82
59	Как по морю, как по морю, как по мо- рю-морю синему	5632.02	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 73
60	Я по терему ходила, по высокому гу- ляла	5690.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 183
61	Размолоденький миленький дружок	5681.02	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 181
62	Да во лузях, да во лузях, да бывало всё во зеленых лузях	5689.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 186
63	Не будите молоду да утром рано по- утру	5686.03	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 180
64	Из-за леса из-за гор заходила ту- ча-гром	5637.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 84
65	Как по мосту-мосточку по калиново- му	5590.03	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 202
66	Не люблю я Александру	5590.05	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 201
67	При долинушке калинушка стоит	5647.02	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	Котикова, № 83
68	Как на горе калина	5675.03	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
69	Как на горе калина (2)	5675.04	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
70	Во Кузнечной улицы	5635.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
71	Пойдем, мое детитко, пойдём на гу- ляньицо	5677.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 90
72	Вот на что было капустку садить	5677.01	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
73	Как ходил-то Ваня к Кати	5645.03	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	
74	Была у нас Дуня, милая Авдотья	5675.01 5676.04	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 101
75	Что на горке на крутой постоялый двор худой	5676.01 5673.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	
76	Ты пчела ли моя пчёлочка	5588.03	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 247
77	Ой, вино, вино, вино зелёное	5588.02	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 251
78	А кто в нас хороший	5590.06	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 249
79	Как у месяца звёзды частыи	5587.02	1941	Д. Анашкино	
80а	Как Анашкинска ряка	5588.01	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 248
80б	Мы посеёмте лянку в огороде в угол- ку	5587.04	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 204
81	Виноград у нас в бору растё	5587.01	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 250
82	Уж ты луга моя луговая	5587.03	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 203
83	Земляничка моя ягодка	5585.01	1941	О-в Залита	Котикова, № 241
84	А как по мосту-мостечку	5584.04	1941	О-в Залита	Котикова, № 243
85	По сеням-то было по сеничкам	5585.04	1941	О-в Залита	Котикова, № 244
86	Истоптана травина, соголодена му- равина	5584.05	1941	О-в Залита	Котикова, № 245
87	Э, Боже благаслави. Христос, игру заигравать	5634.01	1946	Печорский р-н, д. Декшино	

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
88	Зашла туча, зашла туча, туча грозная, зашла туча	5634.02	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 110
89	Распалалась грушенка, распалалася зелёная	5634.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 57
90	Ходили девушки по берегу	5675.02	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 120а
91	Высоко соколик, высоко летал	5678.04	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 120а
92	На сием на мори уплыли корабли	5648.01	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	Котикова, № 227
93	Не ешь, Марья-душа, на чужу сторону	5648.03	1946	Печорский р-н, Ст. Изборск	Котикова, № 226
94	Ты мята ль моя, мята, мята зеленая	5687.01	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	
95	А я стану по солнышку, да а стану по солнышку, да наберу жита по зёрнышку	5684.03	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	
96	Ты, Марья Григорьевна, хороша была уборливая	5682.03 5684.02	1947	Полновский р-н, д. Сиянщина	Котикова, № 228
97	По лугам кони попуцаны, шелковым пугам попутаны	5697.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 234
98	Вот как по саду-саду, да э-хе-хе	5696.03	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 233
99	И что во новой горницы, во светлой светлице	5696.04	1947	Полновский р. д. Мишина Гора	Котикова, № 231
100	Эй, да наш князь молоденькой	5696.01 5697.01	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 230
101	Виноград-то во саду растё	5688.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 236
102	Ни во сеничках гусельцы висели, да висели	5697.03	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 232

№	Название	Шифр ФА	Год записи	Место записи	№ по сб. Котиковой
103	На горы, на горы-красота — разгоре- лась цепочка золота	5696.02	1947	Полновский р-н, д. Мишина Гора	Котикова, № 235
104	Растопися, парная баенка	5587.05	1941	Д. Анашкино	Котикова, № 246
105	Востопися, парна баенка	5585.05	1941	О-в Залита	Котикова, № 242
106	Растопися, парна баенка	5678.03	1947	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 111
107	Ты растопляйся, парна баенка	5687.03	1947	Полновский р-н, д. Сяянщина	Котикова, № 225
108	Ох, призавейте вы, витерочки буйнаи	5633.01	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 106
109	Вот пала-пала порошок, напало снеж- ку немножко, виноградьа краснозя- лёная	5638.03	1946	Печорский р-н, д. Декшино	Котикова, № 107
110	Ты пойдём ли, пойдём, Аксотка	5634.04	1946	Печорский р-н, д. Декшино	
111	Вот задумал старый дед на девке жа- ниться	?	?	Печорский р-н, д. Декшино	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Документы Н. Л. Котиковой, представленные в экспозиции народного музея «А музы не молчали...»: Школа им. Д. Шостаковича. СПб., наб. р. Пряжки 2/4

1. Справка

Штаб обороны Дзержинского р-на г. Ленинграда.
31 августа 1941 г.

Справка выдана тов. Котиковой Наталье Львовне в том, что она действительно зачислена в состав батальона № 116 арт[иллерийского] подразд[еления] Народного ополчения Дзержинского района. Принадлежащий ему военный билет, как лица _____ состава отобран Штабом обороны района.

За начальника Штаба обороны Райвоенком —
старший политрук (Смирнов)

Притиска внизу: Военного билета не имеет.

2. Характеристика

От 10 октября 1941 г.

Т. Котикова Нат[алья] Льв[овна] находилась в ополчении Дзержинского района Ленинграда в 3 батальоне в качестве бойца-ополченца с 22 июля по 7 октября 1941 г. За время нахождения в батальоне отличалась дисциплинированностью, аккуратностью и полностью усваивала преподносимую теорию военного обучения. Ушла из отряда в связи с реорганизацией ополченческих батальонов.

Политрук батальона М. Фарафонов.
1941 г. 10 октября

3. Билет

для проезда в черте города по линиям трамвая. Без права входа с передней площадки.

Сентябрь 1941 г.

Без фотокарт[очки] и без печати недействителен.

4. Пропуск

Всесоюзный Комитет по делам искусств.
Музыкальное училище ордена Ленина Ленинградской кон-
серватории.

5. Пропуск 3 216 649

Действителен по предъявлении паспорта по первое ноября
1948 г.

Выдан Управлением милиции гор. Ленинграда.

Гр. Котикова Наталья Львовна год рожд. 1906, паспорт серии
ЛФ № 871242 на право проезда от станции Ленинград до станции
Бернгардовка и обратно для обработки земельного участка.

Нач. 27 отд. мил. Л.Г.М.

22 мая 1944 г.

6. Лист: отметки о явке и выполнении оборонных работ

Время явки	
С 15 до 17 ч.	
С 13 до 15	
14.30 — 16.30	
15	2 ч.
10	6 ч.
10	6 ч.
10	6 ч.
10	6 ч.

Задание выполнено. Подпись бригадира.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**«Реабилитация продолжается» —
о реабилитации родителей и брата Н. Л. Котиковой /
Подгот. А. Пузанов // Псковские хроники. 2001.
№ 1 (34); 2002 г. <http://pskovcity.ru/hron20021.htm>**

УТВЕРЖДАЮ

Прокурор Псковской области старший советник юстиции
Н. Н. Лепихин 13 марта 2001 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивному уголовному делу № С-14302

9 июня 1921 г. постановлением коллегии Псковской губернской чрезвычайной комиссии без ссылки на закон репрессированы по политическим мотивам и социальным признакам:

Остен-Сакен Лев Эрнестович, 1879 года рождения, уроженец им. Иваньково Михайловской волости Великолукского уезда, проживал в г. Петрограде, дворянин-барон, русский, морской офицер — капитан 1-го ранга, служил военным прокурором, капитаном царской яхты «Полярная Звезда» и в других должностях, значился членом «царской охоты», арестован 11 января 1921 года, перед арестом служил инспектором рабоче-крестьянской инспекции Северо-Западных железных дорог, жил в имении Иваньково. На иждивении имел трех несовершеннолетних детей.

Признан виновным «в злостной контрреволюционной деятельности, выразившейся в тонкой агитации среди крестьян о несущественности идей Советской власти, является самым активным сторонником монархизма».

Мера наказания ему была определена — расстрел.

Постановлением Президиума ВЧК от 2 июля 1921 г. эта мера наказания заменена «на 2 года заключения в лагерь».

Его жена — Остен-Сакен Варвара Алексеевна, 1883 года рождения, уроженка г. Кронштадта, дворянка-баронесса, дочь морского министра Бирюлева, русская, образование высшее (словесный факультет), сестра милосердия, политические убеждения — «в партии толстовцев», арестована 8 января 1921 г., перед арестом проживала в имении Иваньково, постоянно — в г. Петрограде, на иждивении трое несовершеннолетних детей.

Признана виновной «в контрреволюционном заговоре с целью свергнуть Советскую власть».

Мера наказания ей определена «с учетом не столь злостных выявленных деяний подвергнуть заключению в концлагерь на 5 лет».

Коллегией ГубЧК от 24 августа 1921 г. это наказание снижено до «полтора года концлагерей».

Их старший сын — Остен-Сакен Максимильян Львович, 1903 года рождения (17 лет), уроженец и житель г. Петрограда, дворянин, русский, учащийся подготовительного курса политехнического института, проживал с родителями, арестован 12 января 1921 г., освобожден на подписку о невыезде из им. Иваново 28 февраля 1921 г.

Признан виновным «в контрреволюции, но ввиду отсутствия конкретных обвинительных данных от наказания освободить».

Из материалов уголовного дела усматривается, что все обвиняемые никаких практических действий против советской власти и в отношении граждан не совершали. Супруги Остен-Сакен в разговорах выражали свое недовольство изъятием у них собственности и лишением привилегий, что в какой-то мере можно расценить как формальные признаки антисоветской агитации, которая в настоящее время Законом РФ признается не содержащим общественной опасности деянием, а репрессированные за нее лица подлежат реабилитации.

С учетом изложенного и в соответствии с п. «б» ст. 3, п. «а» ст. 5 Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» ОСТЕНА-САКЕНА ЛЬВА ЭРНЕСТОВИЧА, ОСТЕН-САКЕН ВАРВАРУ АЛЕКСЕЕВНУ, ОСТЕНА-САКЕНА МАКСИМИЛЬЯНА ЛЬВОВИЧА по настоящему делу реабилитировать.

И. о. прокурора отдела прокуратуры Псковской области
5 марта 2001 года А. Пузанов

СОГЛАСЕН:

Начальник отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности старший советник юстиции В. Иванов
5 марта 2001 года.

Справка: дело проверено без заявления в соответствии с требованиями Закона РФ от 18.10.1991 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

**Выписки из списка «бывших людей», намеченных
к административной высылке из Ленинграда.
Операция «Бывшие люди»: Ленинград, 1935 год
(персональный список №2) / Публ. В. А. Иванова,
С. Б. Кокуева // История Петербурга. 2001. №1 (1). С. 71**

[...] 16. Остен-Сакен Лев Эрнестович, 1879 г. рождения. Заведующий музыкальной частью Государственной Академической Капеллы. Бывший барон и капитан 1-го ранга Гвардейского экипажа, владелец имения в Псковской губернии. В 1920 г. был арестован ЧК за оказание сопротивления при конфискации имущества, приговорен к лишению свободы на 1.5 года. В 1933 г. находился под стражей в ДПЗ. Выслать в Тургай на 5 лет.

17. Остен-Сакен Алексей Львович, 1910 г. рождения. Технический инспектор Государственной конторы технических учебных пособий. Сын бывшего барона, капитана 1-го ранга Гвардейского экипажа, помещика Остен-Сакена Льва Эрнестовича. При поступлении на службу скрыл свое социальное прошлое. По имеющимся материалам вместе с отцом поддерживал связь с контрреволюционными офицерскими кругами. Выслать в Тургай на 5 лет.

18. Остен-Сакен Варвара Алексеевна, 1882 г. рождения. Домохозяйка. Жена бывшего барона, капитана 1-го ранга Гвардейского экипажа, помещика Остен-Сакена Льва Эрнестовича. Выслать в Тургай на 5 лет.

А. Н. В Л А С О В

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ*

(КРАТКИЙ ОБЗОР МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ, СОБРАНИЙ
И ПУБЛИКАЦИЙ КРАЕВЕДОВ СЕВЕРНОЙ РОССИИ.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

В рамках научной программы «Свод русского фольклора» сотрудниками ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН были предприняты широкомасштабные поиски фольклорных источников в известных государственных архивах и хранилищах (Архив РГО, РО ИРЛИ и Фонограммархив ИРЛИ, Карельский ИЯЛИ РАН, Фольклорная комиссия Союза композиторов РФ, Государственный литературный музей, ОР РГБ и др.) и в вузовских фольклорных архивах (МГУ, СПбГК, МГК, Института им. Гнесиных и т. д.).¹ Кроме известных фольклорных собраний планомерное и систематическое выявление фольклорно-этнографических источников было начато в музейных хранилищах, школьных коллекциях, библиотеках, частных собраниях краеведов Ленского (с. Яренск), Котласского (г. Сольвычегодск), Вилегодского (с. Ильинско-Подомское), Красноборского, Вельского (Вельск и Шенкурск), Каргопольского, Верхне-Тоемского, Виноградовского, Приморского районов Архангельской области, Тотемского, Верховажского, Никольского, Тарногского районов Вологодской обла-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), грант № 11-04-00284.

¹ Обзор известных фольклорных архивов содержится в статье: *Ипполитова А. Б.* Роль фольклорных архивов в современной фольклористической практике // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. М., 2010. С. 174—183.

сти, Орловского, Котельнического, Лузского (Лальск) районов Кировской области.²

Предпринятая программа по выявлению фольклорно-этнографических источников показала, что все эти материалы дошли до нас в разнообразных письменных жанровых формах: этнографические очерки, отдельные главы в составе исторического исследования местного краеведа, публикации (статьи) в краеведческих сборниках или альманахах, в письменных воспоминаниях местных жителей, словарях местного говора, в практике составления фамильных родословных, полевых записях музейных сотрудников или любителей, сборниках одного составителя, репертуарных сборниках с самозаписью исполнителей и т. п. В редких случаях фольклорные записи хранятся на звуковых носителях, которые были обнаружены лишь в Сольвычегодском историко-художественном музее, Красноборском краеведческом музее и Афанасьевском музее.

Нет никакого сомнения в том, что этот аспект собирательской практики был всегда в поле зрения серьезных исследователей: репертуарные сборники и сборники с самозаписями исполнителей (их копии) привозятся почти из каждой фольклорной экспедиции. По нашим наблюдениям, подобные фольклорно-этнографические записи за последние 50 лет приобрели характер массового явления, которое иногда обозначается понятием «наивная» фольклористика.³ Ранние записи, хранящиеся в музеях, относятся к началу прошлого столетия, а наибольшее их количество приходится на его вторую половину (1960—1990-е гг.). И все же эти материалы остаются на периферии современных исследований, поскольку пока не входят в сферу прямых интересов собирателей фольклора.

Этому отношению существует множество объяснений. Одно из них заключается в недостаточной аутентичности данных записей, в непрофессиональном подходе к записи фольклорного текста или этнографического репортажа со стороны местного собирателя (любителя, краеведа), поскольку им иногда допускалось прямое вмешательство в текст с целью «улучшить» его понимание, зачастую игнорировались паспортные данные об исполнителях и указания на место записи. Такие записи с точки зрения профессиональных фольклористов считаются недостоверными и сомнительными. По этой причине, как правило, мало что из этих материалов попадает в серьезные фольклористические издания.

И все же это явление заслуживает внимательного отношения со стороны исследователей-фольклористов, и его следует харак-

² В экспедициях принимали участие: Е. А. Дорохова, А. И. Васкул, С. А. Жадовская, И. В. Козлова и студенты РГПУ им. А. И. Герцена.

³ См. рубрику «Наивная» фольклористика // Живая старина. 2010. № 1. С. 2—22.

теризовать как процесс саморефлексии традиции, так как материалы широко публикуют в массовых исторических изданиях и серийных сборниках, а также в местной краеведческой литературе. Назовем только некоторые из них.

К явно неудачным издательским опытам за последние годы относятся такие местные публикации, как «К истокам народной мудрости : Сборник старинных песен, частушек из собрания В. В. Логачевой» (Каргополь, 1993); «Записки краеведа : (Из наследия С. Г. Третьякова)» (Верхняя Тойма, 2008); *Тунгусов А. А.* «Кабы не Арза не река» (Архангельск, 2005).⁴ По материалам групповых поездок этнографов, объединившихся позднее в «Морское товарищество», была издана книга: «Не век жить — век вспоминать : Народная культура Поонежья и Онежского Поморья : (По материалам Онежских экспедиций)» (Онега; Архангельск; Москва, 2006), представляющая собой странное в жанровом отношении сооружение. В ней составители предлагают вниманию читателей воспоминания жителей Поонежья и онежского Поморья. Эти рассказы собраны в результате историко-этнографических экспедиций 1987—2001 гг., проводившихся Онежским историко-мемориальным музеем, Соловецким музеем-заповедником, Архангельским областным центром христианской культуры. Книга построена по территориальному принципу. Основу каждой главы составляют воспоминания местных жителей, записанные в ходе экспедиций. При этом максимально точно сохранялись лексика и стилистика речи, а фонетика адаптировалась к книжному написанию. Глава заканчивается краткой исторической справкой, составленной на основе привлеченных источников. К сожалению, публикации фольклорных (песенных) текстов, вопреки заявлению составителей книги, не выдерживают никакой критики, поскольку носят случайный характер.⁵

Чрезвычайно распространен в местной издательской практике книжный жанр «записки краеведа», представляющий собой синтетическое образование из бытового и этнографического очерка, «дневника», мемуаров, официальных «памятных книжек о местном крае»: *Тунгусов А.* Мой Верхнетоемский район : Записки краеведа. Архангельск, 2001; *Седова Е.* Черевково — Ракулка : Материалы к краеведению. Архангельск, 2008; *Кокорина Д. А.* 1) Малая Пинежка: (Очерки краеведа). Котлас, б/г; 2) Шершавое

⁴ См.: Александр Александрович Тунгусов // Библиографический указатель литературы. Архангельск, 2002.

⁵ В Соловецком музее-заповеднике были обнаружены дневники участников этнографических экспедиций в Плесецкий, Каргопольский (ф. 2, оп. 1, № 148), Мезенский (ф. 2, оп. 1, № 131), Верхнетоемский, Онежский районы в конце 70—80 гг. XX в., но среди этих материалов нет фольклорных текстов.

детство. Котлас, 2006; 3) «Деревня моя, очень древняя — дальняя». Котлас, б/г; 4) «Неровные и скромные следы» : (О судьбах земляков) : Записки краеведа. Котлас, 2002. К столь же сомнительным попыткам относится публикация материалов «Из записных книжек» краеведа и писателя Л. А. Полушина на страницах научного альманаха «Традиционная культура».⁶ К серьезным краеведческим опытам, казалось бы, можно отнести публикации тотемского краеведа А. В. Кузнецова, но и в них использованный фольклорный и этнографический материал не имеет отсылок на подлинные источники или фольклорные записи и, кроме того, претерпел литературную обработку автором. Показательна именно последняя книга краеведа «Легенды, предания и были Тотемского уезда»,⁷ представляющая собой сборник небольших рассказов из жизни Тотемского края, которые расположены в алфавитном порядке и напоминают азбучный патерик. В заключении Кузнецов прозрачно намекает на особую композицию своей книги и ее художественные особенности: «Надеюсь, что к концу книги читатели постепенно все-таки разобрались в некоторых особенностях „амадизации“⁸ моего произведения. Тотемские легенды, предания и были от А до Я прошли перед вами из далекого прошлого до наших дней. Нужно еще отметить, что книга состоит из трех основных компонентов — легендарного, научного и художественного. В каждой из 33 глав их соотношение строится по-разному: где-то преобладают научные истоки, где-то во главу угла поставлены старинные народные легенды и предания, а где-то ваш автор дал волю своей фантазии. Думаю, читателям будет под силу самим разобраться в этих хитросплетениях жанров. Если у кого-то после знакомства с книгой возникнут замечания, дополнения или исправления — я с удовольствием их приму и отнесусь со вниманием к любому отклику».⁹ Им же подготовлено издание «Любовные письма тотемского подьячего Арефы Малевинского к девице Аннице сестре дьякона Воскресенской церкви, писанные летом 1686 года» с предисловием и комментариями, условно составленными А. В. Кузнецовым (Вологда, 2004).¹⁰

⁶ Каргин А. С., Шевелева Н. М. Фольклорные картинки Л. А. Полушина; Полушин Л. А. 1) Заговоры : (Очерк); 2) Пословицы и поговорки : (Очерк) : Из записных книжек писателя // Научный альманах : Традиционная культура. 2005. № 4 (20). С. 50—51; 52—59; 59—64.

⁷ Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005.

⁸ Предполагаю, образовано от имени героя средневекового испанского рыцарского романа Амадиса.

⁹ Кузнецов А. В. Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005. С. 169.

¹⁰ Публикация представляет собой неточное переиздание статьи: Панкратова Н. П. Любовные письма Арефы Малевинского // ТОДРЛ.

К числу местных относятся также такие малопримечательные с фольклористической точки зрения издания, как брошюра краеведа С. А. Филиппова «Тотьма и ее исторические особенности» (Верховажье, 2001), книга В. Н. Филипповского «Страницы истории Верховажского края» (с. Верховажье, 1999); а также «Верхнетоемские частушки» (Архангельск, 1991) с вступительной статьей Е. К. Рассказовой (без комментариев);¹¹ С. Третьякова «Записки краеведа» (В. Тойма, 2008).¹²

М.; Л., 1962. Т. 18. С. 233—239. У переиздателя нет указания на источник (ОР РНБ, Собрание актов и грамот Зинченко, № 981. Дело Архиепископского разряда, 1686 г. «Дело Устюжского Архиепископского разряда между тотемцем Арефой Малевинским и тотемским дьяконом Михаилом Федотовым об отказе Малевинского жениться на сестре чело-битчика, согласно сговорной записи»), а также неправильно указано название ежегодника «Труды Отдела древнерусской литературы», надеемся не специально, — «Древнерусская литература».

¹¹ В сборник вошли частушки из коллекции Зинаиды Петровны Некрасовой, а также записи студентов Поморского гос. пед. ун-та (1979—1989).

¹² Для того чтобы представить известное нам явление не только севернорусскими материалами, приведем пример издания книги Н. П. Грозиной «История села Беляковского» (Екатеринбург, 1997). Краевед из села Беляковского Талицкого района Свердловской области использует различные архивные документы, историческую литературу, собственные воспоминания и воспоминания старожилов. «История села Беляковского» в жанровом отношении может быть определена как народные мемуары.

«Жанр народных мемуаров возник в результате столкновения традиционной крестьянской культуры с культурой письменной, как правило, церковной. Овладение письмом как главной формой выражения недеревенской культуры позволяет носителю крестьянской культуры взглянуть на нее извне, почувствовать ее необычность, своеобразие. Народный мемуарист — человек, находящийся одновременно в двух культурах, точнее, отчасти покинувший одну культуру — крестьянскую и пытающийся включиться в другую культуру — письменную. Такой человек пользуется формами и приемами письменной культуры (может быть, не всегда искусно), но, сохраняя мироощущение и все бессознательные ценностные установки носителя традиционной культуры, создает произведение именно традиционной крестьянской культуры, пусть даже внешне, по форме подобное тексту письменной культуры. „История села Беляевского“ Т. П. Грозиной, конечно, в значительно большей степени, чем дореволюционные крестьянские мемуары, обнаруживает влияние письменной культуры, однако собственные впечатления и опора на рассказы стариков делают доминантой книги именно традиционное мироощущение. По широте и глубине охвата различных сторон крестьянской жизни „Историю села Беляковского“ можно также рассматривать как своего рода энциклопедию традиционной народной культуры Урала» (*Востриков О. В.* Об авторе и жанре книги «История села Беляковского» // Грозина Н. П. История села Беляковского. Екатеринбург, 1997. С. 141—142.

К сожалению, использовать такие издания в качестве источников для исследовательской работы фольклористов практически невозможно. От этих краеведческих изданий на местах выгодно отличается книга московского исследователя В. И. Щипина «История Черевковской волости» (с. Красноборск, 2008).

К более или менее удачным опытам относится также новое издание «Свадьбы в Кокшеньге» М. Б. Едемского (Вологда, 2002).¹³ Составители предложили и некоторые принципы переиздания, которые сводятся к тому, что при соблюдении точности авторского текста переиздание снабжено комментариями. Но заметим, что при этом нет даже намека на сравнительно-текстологический анализ фольклорных источников, чтобы определить степень аутентичности записей Едемского и сохранности песенных сюжетов, а также языковых особенностей фольклорных текстов.¹⁴

Отдельного разговора заслуживают предпринимающиеся в регионах попытки издания серий краеведческих альманахов (например, «Старинные города Вологодской области»¹⁵ и др.), к разряду любопытных изданий о местном крае относятся три выпуска «Тотьма : Историко-литературный альманах» (Вологда, 1995. Вып. 1); «Тотьма : Краеведческий альманах» (Вологда, 1997. Вып. 2); «Тотьма : Краеведческий альманах» (Вологда, 2001. Вып. 3). В альманахе кроме статей современных авторов-краеведов и сотрудников музея публикуются архивные материалы, в частности книга тотемского краеведа Д. А. Григорова «Тотьма и ее окрестности» (1915—1929) и биографическая статья С. П. Белова о тотемском краеведе «Дмитрий Александрович Григоров

¹³ По словам издателей, оно «открывает целую серию публикаций „Традиционная культура провинции в записях начала XX века“, целью которых является систематизированное издание неизвестных современному читателю архивных материалов, коллекций фольклорных записей и переиздание малоизвестных и малодоступных печатных работ краеведов, этнографов и фольклористов, посвятивших свою жизнь изучению традиций, быта, многогранной народной культуры Вологодского края» (*Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда / Сост. М. А. Вавилова, С. Н. Смольникова; Отв. ред. С. Ю. Баранов. Вологда, 2002. С. 5*).

¹⁴ Даже статья, специально посвященная разбору публикации М. Б. Едемского, в должной мере не затрагивает этих вопросов (*Вавилова М. А. Свадьба в Кокшеньге в записи М. Б. Едемского : К проблеме интерпретации фольклорного текста // Тотьма : Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 3. С. 151—179*).

¹⁵ В 1992 г. публикацией первого выпуска историко-краеведческого альманаха «Устюжна» открылось издание серии «Старинные города Вологодской области». В 1994 г. вышли в свет следующие книги: «Устюжна» (Вып. 2), «Вологда» (Вып. 1), «Белозерье» (Вып. 1), «Кириллов» (Вып. 1). В 1995 г. изданы: «Тотьма» (Вып. 1), «Великий Устюг» (Вып. 1), «Устюжна» (Вып. 3), «Вожега». В 1996 г. — «Череповец» (Вып. 1). В 1997 г. — «Кириллов» (Вып. 2), «Вологда» (Вып. 2), «Тотьма» (Вып. 2) и др.

и его книга о Тотьме». Кроме того, там же, как правило, публикуются труды местных краеведов, в том числе и записи фольклорно-этнографического материала.¹⁶

Собирание подобного рода местной полиграфической продукции несомненно важно сразу по нескольким причинам: подавляющее число этих изданий не попадает в поле зрения исследователей, и они почти сразу становятся библиографической редкостью, между тем в них могут содержаться новые источники по истории культуры края, кроме того, подобные издания достаточно ярко отражают механизмы «саморефлексии традиции» в лице местных авторов и составителей.

Обратимся непосредственно к выявленным источникам.

В Яренском краеведческом музее Ленского района Архангельской области было обнаружено несколько книг исторических очерков Н. М. Голенева о г. Яренске, среди которых есть воспоминания о с. Софроновка. В этом историко-этнографическом очерке описаны быт, настроения, развлечения сельской молодежи начала XX в., много мелких жизненных подробностей и сцен, которые, как правило, со временем исчезают в устных рассказах информантов. Кроме того, автором приведено несколько песенных текстов.¹⁷

Там же хранится тетрадь,¹⁸ содержащая практически полный песенный репертуар с. Выемково, — до 75 сюжетов народных песен. Сборник составлен приблизительно в 60-е гг. XX в. О. М. Селивановой со слов матери Анисьи Михайловны Качевой (1878 г. р.). Факт, что сборник был составлен не фольклористом-собираателем, позволяет нам утверждать, что перед нами, хоть и в опосредованном виде (материал записан не самим носителем, а с ее слов — членом семьи), письменно зафиксированное явление фольклорной самоидентификации (самозаписи). Сборник представляет собой как бы фотографический снимок

¹⁶ См., например: *Желтов А. А.* Исследования Г. Н. Потанина по этнографии Никольского уезда Вологодской губернии; *Потанин Г. Н.* Никольский уезд и его жители // *Никольская старина* : Исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 297—355.

¹⁷ Очерк был опубликован в краеведческом альманахе «Еренский городок», представляющем собой самиздат при районной библиотеке (*Голенев Н. А.* Софроновка : (История деревни) // *Еренский городок* : Краеведческий альманах. Яренск, 2000. Вып. 1. С. 5—30). Известно всего 4 выпуска альманаха.

¹⁸ Тетрадь состоит из трех частей: в первой части помещено описание начальных этапов свадебного обряда и относящихся к нему песенных форм, во вторую — под названием «Проголосные-напевные» включены необрядовые лирические песни, третья — «Хороводные песни» — содержит тексты игровых и собственно хороводных песен. Тетрадь не имеет фондового номера.

традиции и дает субъективное видение и восприятие устной традиции одним из ее представителей. Специфика подачи материала (выбор и расположение песен в сборнике, комментарии составителя, самоопределение жанра и т. д.) позволяет судить о динамике устной традиции и механизмах ее существования на синхронном уровне.

В школьном музее с. Козьмино Ленского района силами краеведческого кружка была собрана фольклорная коллекция. В состав ее входят около 22 песенных текстов и этнографические репортажи, записанные учениками от своих родственников. Конечно, все эти записи требуют тщательной проверки и идентификации с известными аутентичными записями, сделанными профессиональными фольклористами, но тем не менее среди них могут быть весьма интересные и, возможно, наиболее полные варианты текстов.¹⁹ Естественно, материалы из школьной коллекции могут только частично, после серьезной проверки, привлекаться к изданию сборников текстов.

В том же качестве возможно привлечение записей, сделанных клубными работниками и участниками местных клубных фольклорных коллективов. Примером такого сборника текстов в Ленском районе может служить репертуарный сборник Галины Васильевны Широких, бывшего руководителя фольклорного коллектива Яренского дома культуры. Сборник содержит традиционные свадебные, хороводно-игровые и лирические песни, по уверению составительницы, она их запомнила еще в детстве от своей бабушки.²⁰ Усвоенные через поколение (от бабушки) традиционные песни и фольклорное знание в контексте современной

¹⁹ Так, например, нами были обнаружены редкие для местной традиции «Виноградье» (малое) и текст игрового сюжета «Как у наших у ворот» и т. д.

²⁰ Широких Галина Васильевна, 1915 г. р., из д. Лантыш Ленского района Архангельской области. Петь ее учила бабушка, от нее она и знает в основном весь местный песенный репертуар. «Раньше в одной деревне эти песни так поют, в другой смотришь — иначе» (РГПУ 2 ФА 03-26). Обучалась она в то время, когда прядла или ходила в гости к своим подругам. Слышала, как поют на свадьбе, позже сама стала подпевать. Г. В. прошла традиционную школу обучения народному пению. С 1943 г. она стала участвовать в районном народном хоре, репертуар которого состоял из традиционных и современных песен. Позже Г. В. стала руководителем яренского хора. Таким образом, с народным хором с. Яренска связана ее сознательная певческая деятельность. Еще в детстве она была свидетельницей всех деревенских праздничных гуляний. С 14 лет Г. В. покинула родную деревню и получила профессию учительницы младших классов, принимала активное участие в школьной самодеятельности. При исполнении традиционных песен Г. В. склонна к комментированию (уточнению обрядового смысла песен) или пояснению устаревшей лексики. В ее репертуар входят 12 свадебных, 10 хороводно-игровых и 3 лирические песни.

массовой клубной культуры приобрели непривычные для традиции формы. Поэтому составленный для памяти репертуарный сборник сыграл роль письменного свидетельства «живой» старины. При сопоставлении вариантов песен в записи от Широких с другими исполнителями того же района можно заключить, что текстовые варианты Г. В. Широких претерпели некоторые изменения в сторону упрощения, ясности сюжета, в них намечается тенденция к потере местных диалектных черт и композиционной универсальности. Все эти изменения связаны с исполнением фольклора на клубной сцене. Таким образом, Г. В. Широких входит в категорию таких поздних исполнителей, которые помимо своей воли пережили деформацию принципов функционирования, трансляции традиционных фольклорных форм. Она явилась непосредственной участницей тенденций, направленных на разрушение традиции. Г. В. Широких в этом процессе разрушения сыграла роль неосознанного культуртрегера, популяризируя традицию как некую экзотику. Такие исполнители завершают традицию. Являясь, с одной стороны, ее последними представителями, с другой стороны, — новаторами, они приспособливают фольклорные произведения к жизни в несвойственной им сценической функции, унифицируя эту традицию до тиражирования одного варианта устных текстов, как в письменной культуре.

Таким образом, подобные записи можно относить в равной степени как к области непрофессиональной фольклористической деятельности, так и к явлениям современной субкультуры.

В Вельском краеведческом музее также были обнаружены материалы, представляющие интерес для фольклориста.²¹ К ним относятся: Сборник песен в записях И. И. Могутова (ВКМ н-всп. 1872/1—1876);²² Сборник исторических преданий Устьянского края; коллекция фольклорно-этнографических материалов краеведа М. И. Романова; Сборник обрядово-бытовых песен Вельского уезда (с нотировкой) (машинопись ВКМ 9115); фольклорный фонд Марии Ильиничны Шалауровой-Федоровой (1878 г. р.), включающий описание свадебного обряда Вельского уезда (ВКМ 9114); записи песенного фольклора, сказок и народных преданий из Устьянского, Шенкурского и Ровдинского районов 1939—1940 гг. (ВКМ 9116); записи разных фольклорных жанров (по-

²¹ Одной из самых ранних публикаций местного фольклора является публикация П. Вороновым свадебного причета. См.: *Воронов П.* Вельск, уездный город Вологодской губернии // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1859. Ч. 25. С. 95—118.

²² И. И. Могутов, вельский краевед, оставил записи — «Старые народные песни моего века (1920—1930 гг.):» песни литературного происхождения, романсы, протяжные, игровые, свадебные, частушки.

бывальщины, приговоры) от жителей с. Орлово в 1937 г. (ВКМ 9120) и др. Кроме того, среди рукописей были обнаружены тетради с заговорами XVIII—XIX вв., сборник М. И. Кузнецова 1970 г. «Игровые песни Устьянского района Архангельской области» (без шифра), в фонде Романова хранится рукопись А. Шустикова «Сказания и сказки Вельского уезда, записанные со слов крестьянина дер. Велико-Никольской Степана Орлова» и жителей других деревень (ВКМ н-всп. 1511). Обозревая фольклорные коллекции Вельского музея, необходимо отметить, что несколько лет назад там погибли в пожаре уникальные звуковые записи, переданные местным энтузиастом и любителем-фольклористом А. М. Келаревым.

Наиболее значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов (1886—1956).²³ Из его трудов при жизни были изданы лишь «История одного северного захолюстья» (В. Устюг, 1925), описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек» в литературном альманахе «Север» за 1936 г.²⁴ Позднее были опубликованы «Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII—XX вв.» (М., 2004) и «Хроника старого дома» (самиздат, б/д).²⁵ Свои основные краеведческие материалы: сборник «Фольклор Устьи»²⁶ и «Словарь Устьянских говоров»²⁷ он еще при жизни передал в Рукописный отдел ИРЛИ РАН.²⁸ Романова знали и старались помочь ему известные историки М. М. Богословский и Н. В. Устюгов, археолог А. А. Спицин, фольклористы А. М. Астахова и М. К. Азадовский, языковеды-академики С. П. Обнорский и В. В. Виноградов. Главная ценность «Фольклора Устьи» — наиболее законченного труда (из двадцати очерков отсутствуют лишь три) — заключается в уникальности собранных Романовым материалов: песен, сказок, приворотов, названий бесконечных ручейков, горюшек, выгонов. Романов по

²³ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера : Штрихи к портрету. Вельск, 2006.

²⁴ Север. 1936. С. 116—123.

²⁵ Список опубликованных работ см.: *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов. С. 23—24.

²⁶ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устьи.

²⁷ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 5. М. И. Романов. Словарь Устьянских говоров : Народные говоры по реке Устья: Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Материалы поступили в 1986 г. № 52, 338 с. В состав рукописи входят также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен в народном произношении Устьянских волостей (л. 339—347); 2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма, 1950. 66 с.).

²⁸ О чем свидетельствует письмо М. К. Азадовского, зав. Отделом фольклора, от 8 июля 1936 г.

сути осуществил на практике сложнейший полевой метод «вживания» в традицию в течение почти двух десятилетий.

В своих исследованиях Романов использовал так называемый краеведческий метод анализа и систематизации огромного и разнородного материала, отличие которого он видел «в том, что ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача — дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...».²⁹ Поэтому краевед решался на широкие параллели и обобщения, на попытки выявить взаимосвязи между, казалось бы, далекими явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. Он предпринял попытку реконструировать целостный мир народной культуры Устьянского края.³⁰ Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса фольклора,³¹ неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и так называемой расовой теории,³² у него встречаются откровенно наивные

²⁹ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 5.

³⁰ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов. С. 16—17.

³¹ Так, у Романова читаем: «Словотворчество было в первобытные времена не обыденным и не легким делом. Каждое слово изобреталось с не меньшим трудом, чем более поздние достижения материальной культуры — орудия, оружие, металлы, машины. Каждое новое слово, как великое изобретение, начинало совершать во вселенной, населенной людьми, владеющими только ручной речью, тот же путь, какой совершали и достижения материальной культуры: огонь, каменные орудия, горшечное искусство и т. д. Вместе со словами бродили по всему миру и заключенные в них магические настроения и понятия, выродившиеся впоследствии в мифы»; «Творцом отдельного нового слова могла быть каждый раз новая человеческая группа, но не племенная. Племен не было, потому что не было еще отдельных звуковых языков. По всему миру обитала одна человеческая „раса“, объяснявшаяся всем понятной речью жестов и мимики. В эту „речь“ только постепенно, поодиночке, внедрялись „жуткие“, священные и не всем доступные магические слова звуковой речи. Следовательно, не может быть речи о заимствовании фольклорных тем от каких-то „избранных“ рас, не может быть речи и о существовании самих рас в те эпохи, когда разговорная речь формировалась и закладывались основные споры фольклорных тем. Раса — явление очень позднего времени» (РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 58).

³² «Не отрицая полезности и необходимости работы по сравнению фольклорных тем, бытующих у всех народов земли, необходимо признать, однако, что компаративистика привела, с одной стороны, к сухому и мертвому формализму, с другой — к фашизму, признающему творцом фольклорных тем „избранные расы“ и „благородные классы“. Не удовлетворяет и научно отвергнутая мифологическая школа, выводящая фольклор из „творческого духа народа“, именно, своего народа, считающая его

реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным выводам.³³

В Каргопольском районе нами были также зафиксированы ценнейшие документы местных архивов, в том числе ранее неизвестные переделки былин и записи сказок местных краеведов. К ним относится коллекция фольклорных материалов 20—30-х гг. XX в. каргопольского краеведа И. И. Рудометова (1891—?), состоящая из 18 тетрадей сказочной прозы и 11 сюжетов былин. В 1919 г. в типографии Каргопольского уездного отдела народного образования была издана его книга «Каргопольский край».³⁴ В предисловии автор предупреждает читателей, что в сборнике нет полной картины жизни всего уезда. Однако имея целью показать жизнь глухого края накануне революции, он решил выпустить в свет настоящую книгу, написанную за время с 1911 по 1915 г., намереваясь потом продолжить и дополнить ее новыми бытовыми очерками, рисующими жизнь народную уже в Советской Республике. В послесловии книги И. И. Рудометов между прочим отмечает, что назрела потребность в изучении родиноведения, а никаких серьезных пособий нет и что если в других губерниях и уездах будут написаны подобного рода очер-

осколками былой мифологии, именно, мифологии своего народа. Фактов заимствования нельзя отрицать, но нельзя и подчинять им всю область фольклора... Это объясняется не заимствованием, а одинаковой стадией культурного развития. Так что корни однородных сказочных тем могут залегать именно в древней культовой подпочве. Подпочва же эта создавалась не одной „избранной расой“ и не одним „благородным классом“, до днесь существующим, а длинным рядом сменившихся, прогрессирующих и смешивавшихся между собой „рас“, и даже не рас, а стадийных состояний человечества. Когда закладывалась эта общая сокровищница, рас еще не было, не было еще „ни эллина, ни иудея“, ни германца, ни славянина» (РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 290).

³³ См., как, например, интерпретирует Романов текст детской заклички: «Судя по одной детской песенке-заклинанию, радуге придавалось, однако, большое значение: Радуга-дуга, / Не давай дождя, / Давай солнышка / Из-под бревнышка. Радуга представляется тут распорядительницей над дождем и солнцем, может дать по произволу или то, или иное. Непонятным представляется, в ее прямом смысле, последняя строчка. Возможно, что последнее слово нужно производить не от „бревно“, а от „бровь“. Солнце представляется как бы глазом неба, который в ненастную погоду закрывается наспуленную бровью, а в ясную выглядывает из-под нее. Такое представление о солнце вытекает из самой палеонтологии этого слова» (РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 129).

³⁴ В содержание ее входят очерки «В Каргополе», «У жаждущих», «Между старым и новым», «Старинное село», «Лесные люди», «Тайна болот», «Обновление жизни» (*Рудометов И. И.* Каргопольский край. Каргополь, 1919).

ки, то это даст обширный материал, представляющий огромный интерес для изучения истории края. Этнографические очерки И. И. Рудометова публиковались в «Вестнике Олонецкого губернского земства».

Судьба И. И. Рудометова чрезвычайно интересна, как и многих северных народоведов.³⁵ И. И. Рудометов был знаком с каргопольским краеведом К. А. Докучаевым-Басковым.

Надо сказать, что неопубликованные рукописные тексты былин и сказок претерпели осознанную переработку И. И. Рудометова. Более того, в предисловии к подготовленным для публикации текстам былин он пишет об исторической неосведомленности поздних сказителей, которые в своем творчестве искажают «старинные сказания», и упрекает собирателей, которые записывают такие псевдоисторические тексты: «Все они говорят прежде всего об усердии „собираателей“ былин, которые, проявляя ревность/резвость не по разуму, иногда записывали буквально всякое слово, исходящее из уст „сказителей и сказительниц“, и тем самым нередко засоряли ниву народного творчества. В настоящее время необходимо расчистить эту ниву. С этой целью следует прежде всего сделать пересмотр творчества псевдосказителей, подходя к нему с научной точки зрения, и тем самым восстановить образы старины, очистить их от всех последующих наслоений. Настоящая книжка и является одной из попыток в этом деле».³⁶ Замечание откровенное, но, к сожалению, типичное, отражающее вообще отношение краеведов к профессиональным научным исследованиям. И далее, опираясь на тексты былин из популярных изданий начала XX в., он предпринимает псевдоисторическую реконструкцию севернорусского эпоса по

³⁵ Из биографической справки, составленной Н. Проницовой (машинопись), мы узнаем: Иван Ильич Рудометов родился 2 ноября 1891 г. в деревне Софоновской Ловзангской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1910 г. И. И. Рудометов окончил Петрозаводскую учительскую семинарию. Работал он преподавателем русского языка и литературы в Каргопольском реальном училище, занимался изучением своего края. В 1923 г. И. И. Рудометов переехал в Москву, где преподавал в Сокольническом рабочем институте. Вечерами учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова. Вел русский язык и литературу в вечернем техникуме. Методические статьи преподавателя публиковались в журнале «Русский язык в школе», в сборниках Академии педагогических наук. Русским писателям-краеведам он посвятил большое библиографическое обозрение. В конце 20-х гг. Ивана Ильича увлекли торфяные разработки. Двадцать лет посвятил он торфяному делу, написал более 70 научных статей и книг, стал кандидатом экономических наук. Работал сотрудником одного из научно-исследовательских институтов Москвы.

³⁶ Каргопольский краеведческий музей (ККМ) № 491. Рудометов И. И. Былины. М., 22 марта 1966. С. 2. (Машинопись).

примеру известного издателя популярного свода для юношества «Книги былин» В. П. Авенариуса. Однако при текстологическом сравнении былинных сюжетов в книге Рудометова и Авенариуса оказалось, что они не всегда восходят к одному и тому же печатному источнику.³⁷ Возможно, некоторые «переделки» былин у Рудометова восходят к устным вариантам.

Характерно, что поколение краеведов советской эпохи увлеклось историческими реконструкциями фольклорных источников. Сам факт таких «реконструкций» еще более углублял пропасть между профессиональными фольклористами и местными собирателями.

К числу местных краеведов советского времени принадлежит Тимофей Васильевич Ажгибков (1914—1994), «творческое наследие» которого было передано им самим в конце жизни в Верховажский районный исторический музей (ВРИМ).³⁸ Архивные материалы представляют около 30 рукописных тетрадей с записями автора, рисунки³⁹ и поделки из дерева и глины.

Необходимо подчеркнуть, что «записки» Т. В. Ажгибкова на протяжении всей его достаточно долгой жизни велись не систематически. Так, его краеведческие работы: «Верховажье в конце XIX—начале XX в. : (Социальный и культурно-бытовой очерк : 22 года жизни, 1895—1917 гг.)» датируется 1969—1970 гг.; «Материалы и документы крестьянской семьи Головачевых—Дружининских, II половина XIX и I половина XX в. : (О людях близких и родных)» (ВРИМ. № 5057) — 1970—1971 гг.⁴⁰ Вторая тетрадь, очевидно, представляет собой продолжение предыдущей. Рукопись о Верховажском посаде состоит из несколь-

³⁷ Достаточно привести только оглавление: Вместо предисловия. 1. Пир у князя Владимира (вступление к былинам). А. Три дочери богатыря Микулы Селяниновича. 2. Добрыня Никитич и Настасья Микулична. 3. Добрыня и Алёша Попович. 4. Дунай Иванович и Марья Микулична. 5. Ставр Гоудинович и Василиса Микулична. 6. Смерть Василисы Микуличны. Б. Забава Путятична, племянница князя Владимира. 7. Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 8. Бой Добрыни со Змеем Горынычем. 9. Соловей Будимирович. В. Другие богатыри. 10. Илья Муромец и Святогор богатырь. 11. Сухман богатырь (ККМ. № 491. С. 53).

³⁸ *Завьялова А. В.* Т. В. Ажгибков и его рукопись «Родословная крестьянской семьи Головачевых—Дружининских, II половина XIX—I половина XX в.» // Важский край : Источниковедение, история, культура : Исследования и материалы. Вельск, 2004. Вып. 2. С. 239.

³⁹ *Завьялова А. В.* Творчество наивных художников как отражение национальной самобытности русской души : (По материалам Верховажского районного исторического музея Вологодской области) // Важский край : Источниковедение, история, культура : Исследования и материалы. Вельск, 2002. Вып. 1. С. 123—125.

⁴⁰ Там же. С. 240—244.

ких небольших и разных по тематике очерков и воспоминаний старожилов, записанных с их слов составителем. Поэтому эти очерки представляют собой в стилистическом и композиционном плане авторский текст Т. В. Ажгибкова. «Рассказы бабушки Вари» — записи воспоминаний из жизни старой деревни.⁴¹ Интересно, что эти повествования выполнены в характерной стилевой манере — в форме воспоминаний свидетелей событий. В отличие от литературного приема, имитирующего объективность авторского повествования, в нашем случае Ажгибков действительно производит запись рассказов своих информантов. Насколько эти записи аутентичны? Вопрос остается открытым.⁴² То, что они литературно обработаны и в большей или меньшей степени композиционно подчинены воле составителя, Ажгибков даже не скрывает. У этих повествований Ажгибкова несомненно есть общее свойство, которое позволяет относиться к ним как к попытке местного бытописания, отличающегося от подобных опытов профессиональных литераторов гораздо большей степенью инклюзивности и точностью деталей в описании нравов, быта, культурного и природного ландшафта местного края.⁴³

Отметим, что в местном музее находится любопытная рукопись мемуаров Аф. Н. Степанова «Мой путь» (Курск, 1962) (ВРИМ б/ №), которая требует к себе особого внимания наряду с другими текстами народной мемуарной прозы.

При обследовании фондов в Красноборском музее нам удалось обнаружить рукописные материалы по истории быта местного населения, среди них: «Исторический очерк о Белой Слуде» неизвестного автора; очерки Н. П. Борисова «Быт северного крестьянства», «Летний день в крестьянской семье», «Зимний день в крестьянской семье», «О празднике Петрова дня», «Из истории Алексеевской волости», его же заметки о родословных жителей д. Усть-Евды, «Воспоминания о деревне Усть-Евде» (1983); «Воспоминания о Великом Устюге» (машинопись); очерки П. Зашихина «Дьявольское искушение старовера Копылова» (1957); «Былинный богатырь Иван Лобанов» (1983); «Первые насельники Севера»; «Рассказ бабушки Ненилы» (1962); исторические очерки о землепроходцах; запись сказки «Иван Дупленский» (456, ЗПГ); заметки по истории Красноборска; некоторые рукописи известного красноборского краеведа, основателя местного музея С. Тупицина «Канза — деревня древняя» (1988), Записки и очерки С. Тупицина «Об Уфтыуге и уфтыужанах»; чер-

⁴¹ «Слушанья» на святки в Каргополье // Живая старина. 2009. № 1. С. 11.

⁴² Там же.

⁴³ Власов А. Н., Ахметова М. В. Тимофей Васильевич Ажгибков : Портрет локального бытописателя // Живая старина. 2010. № 1. С. 13—19.

новики газетных статей Тупицына, рукописные материалы краеведа Тупицына: волнения в Сольвычегодске 1648 г. (на ст. 208), Тупицын С. И. «Старообрядчество» (1996) (н. а. П-96); рукописи краеведа С. И. Кириллова (н. а. унт.-1); Рукописное собрание пословиц, собрал учитель П. А. Жигалов, 30—50 гг. (122 л.), собраны из разных источников, в том числе книжных, многие без указания источников; (на унт.-3); Рукописное собрание северных частушек А. Н. Сухановской датированы 1974 г. 350 ед. зап. (на унт.-4); старинные свадебные песни и обряды, записаны в 20-е гг. на Уфтюге О. А. Шестаковой (бывшая учительница); рукописный журнал «Юный краевед» 1961—1962 гг., содержащий выписки из рукописной книги о Соезерской пустыни, заметку С. Зашихина о купцах Гусельниковых; самиздат школьного кружка краеведов «Красноборские игры» (2006) и др.

В музее также хранятся расшифровки сотрудниками музея полевых записей с магнитных носителей: Фольклорно-этнографические материалы Новошинского с/с, 1992 г., включающие 462 ед. зап.: баллады, протяжные лирические песни, игровые, хороводные песни, шуточные песни, текст коледы, свадебные песни, причеты, частушки, песни позднего происхождения, романсы, детский фольклор (байки, колыбельные, прибаутки, потешки, считалки), загадки, поговорки, приметы, сказки, несказочная проза (былички, бывальщины, предания), заговоры, приметы, рассказы об играх, свадебном и календарном обряде, нравах, наигрыши на гармошке, суеверия, сведения о Бестужевской церкви и истории края и др.; Фольклорно-этнографические материалы Ляховского с/с, 1990-е гг. (РФ № 7. Ф. 01-03); Фольклорно-этнографические материалы Перморгского с/с, записи 1998 г. (ф. 10-01/10-03); Фольклорно-этнографические материалы Черевковского с/с, 450 ед. зап., запись 1991 г. (10-01, 04); Черевковский с/с (Ракулка), 680 ед. зап., запись 1995 г.; Фольклорно-этнографические материалы Черевковского с/с (Фомино), 194 ед. зап. 1998 г.

В Красноборске в районной библиотеке были обнаружены рукопись краеведа Павла Григорьевича Зашихина «История одного красноборского захолустья (о деревне Усть-Молома) и самиздат В. В. Копыткова «История деревень Ляхово» (Ляховский с/с, 1987), а также газетные вырезки и сведения о местных любителях старины.

В Черевковском филиале Красноборского музея хранятся материалы сказительницы Олимпиады Васильевны Антроповой (песни, сказки, рассказы); историко-этнографические записи местного краеведа В. А. Пономарева (1894—1971),⁴⁴ в том чис-

⁴⁴ Дело его жизни : К 115-летию В. А. Пономарева — основателя Черевковского музея : Буклет / Автор-сост. Т. В. Лапина. Черевково, 2009.

ле фольклорные тексты (легенда об атамане разбойничьей шайки Чевоче) и автобиографические записи, книга (машинопись) «История Черевковской волости» (Черевково, 1967).

В Верхнетоемском районе в музее с. Афанасьевское были обнаружены следующие материалы: тетрадь с записями поговорок и пословиц (собиратель неизвестен); тетрадь с записями частушек Александра Владимировича Шкрябина.

В Сольвычегодском историко-художественном музее (СИХМ) помимо старых фондов, включающих фольклорно-этнографические записи первой половины XX в., содержатся: экспедиционные материалы 1921 г. сотрудников музея под руководством И. И. Томского (СИХМ, ф. 2, о. 1, д. 28, 29), этнографический очерк Н. Н. Аруева «Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около города Сольвычегодска»⁴⁵ и несколько бытовых рассказов о северных крестьянах «Минувшее» 1924 г. (СИХМ, ф. 3, о. 1, д. 5—6), «Пицкий клад» 1940 г. (СИХМ, ф. 3, о. 1, д. 6, л. 16 об.—29), «Убийца (рассказ бывшего присяжного заседателя)» 1939 г. (СИХМ, ф. 3, о. 1, д. 6, л. 16 об.—29), «Два кума».⁴⁶ Несомненный интерес представляет собой коллекция фольклорно-этнографических записей 1990—2000-х гг., собранная сотрудниками музея в Вилегодском, Ленском, Котласском, Красноборском, Верхнетоемском районах ФА СИХМ, 0101—0116; 0301—0304; ВА СИХМ 01—07 (включает 40 ед. хр. на аудио- и видеоносителях). Следует отметить, что репортажные записи и записи текстов фольклора сделаны на достаточно высоком профессиональном уровне с использованием современной технической аппаратуры. Эти экспедиционные записи позволя-

В буклете содержатся краткие сведения о краеведе: «Василий Алексеевич Пономарев родился 10 февраля 1894 г. в д. Борисовской Холмовского общества Черевковской волости в семье крестьянина-бедняка. Отец его, Алексей Филиппович, был грамотным человеком. Мать, Анна Павловна, грамоты не знала. <...> Осенью 1909 г. поступил в Сольвычегодское городское четырехклассное училище. <...> В 1914 г. закончил двухгодичные педагогические курсы в Архангельске и до призыва в армию работал учителем в Кемском уезде. С 1915 г. служил в ротном полку фельдшером. После демобилизации работал учителем в школах Холмогорского, Устьянского, Черевковского районов. <...> Им были написаны: Наш Черевковский микрорайон (геологическое описание территории); Исторический очерк Северного края; История народного образования в уезде и нашей волости; и др. В 1967 г. — главный труд „История Черевковской волости“».

⁴⁵ Аруев Н. Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского Общества изучения местного края. В. Устюг, 1928. С. 1—11. Вып. 5.

⁴⁶ На основе архивных материалов сотрудниками музея и привлеченными специалистами подготовлен к печати сборник: Музей в истории культуры Сольвычегодского края : Материалы и исследования / Автор., сост. А. Н. Власов, З. Н. Мехреньгина, И. Г. Котова, Е. А. Шевченко (2007).

ют дать достаточно полную характеристику состояния местной фольклорной традиции конца XX в.⁴⁷ Сотрудники музея практически владеют современной методикой собирательской работы.⁴⁸

К сожалению, на современной территории Европейского Севера среди когда-то известных очагов фольклорной культуры появились «белые пятна», в которых традиционная культура даже в форме письменной (архивной) памяти исчезла. Так, обследование Кеми не привело к серьезным результатам в поиске архивного фольклорно-этнографического и культурно-исторического материала. В местном музее, который был организован всего несколько лет назад на базе общественного музея, кроме предметов народного быта, нам не удалось найти записей фольклорного материала. В районной библиотеке и редакции газеты были обнаружены подборки материалов по истории и культурной жизни Кеми, малотиражные издания местных авторов (в основном поэтические сборники, воспоминания).⁴⁹

Часто свои материалы и труды краеведы по какой-либо причине не доверяют местному музею и передают их в областные и даже в столичные хранилища. Так, в Архангельском областном краеведческом музее были обнаружены рукописные материалы, присланные «с мест»: «Записки из жизни : Воспоминания о до-революционной жизни Кенозера» А. К. Шишкина, 1980 г. (ф. III, оп. 3, № 182); Деревня Волохница : (История. Коллективизация. Великая Отечественная война. Современность) Е. М. Перфильева, 1980 г. (ф. III, оп. 3, № 183); «Увезу тебя в тундру : (Доброй памяти о Земле Ненецкой)» В. И. Едовина, 1993 г. (ф. III, оп. 3, № 691); 975 песен-частушек, исполняемых в конце XIX—XX в. молодежью онежских деревень Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области. Пояснение к фольклорно-этнографическому очерку «Онежские вечеринки» И. И. Березина, 1981 г. (ф. III, оп. 3, № 83, 216); 117 русских народных песен, 2 хоровода, 9 романсов, записанных в Пудожском и Каргопольском

⁴⁷ Материалы Сольвычегодского музея широко используются в настоящее время при подготовке регионального фольклорного сборника участниками проекта «Музыкально-песенный фольклор нижней Вычегды» (грант РГНФ № 08-04-00114а).

⁴⁸ Например, З.Н. Мехреньгиной на основе собственных полевых разысканий подготовлен сборник сказочной прозы одного исполнителя, соответствующий всем современным нормам издания фольклорного материала. См. также публикацию: *Канева Т. С., Мехреньгина З. Н., Шевченко Е. А.* Часовни и кресты Малопинезья : (По следам экспедиции И. И. Томского) // Живая старина. 2004. № 2. С. 2—6.

⁴⁹ *Комелина Н. Г., Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В.* Фольклорно-археографическая экспедиция на Терский берег Белого моря, в Соловецкий музей-заповедник и г. Кемь // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3. С. 224—231.

уездах Олонецкой губернии, детский фольклор, 1982 г. (ф. III, оп. 3, № 228); мемуары (ф. III, оп. 3, № 241), народные бытовые сказки и побасенки, собранные в Пудожском уезде Олонецкой губернии, 1986 г. (ф. III, оп. 3, № 498); биографическая повесть «Братишки» (ф. III, оп. 3, № 517); трилогия «Все ушли на фронт» (ф. III, оп. 3, № 526, 527), повесть «Бурлаки» (ф. III, оп. 3, № 529, 530, 531), автобиографическая повесть «Путь моей жизни» (ф. III, оп. 3, № 567), Двадцать шесть рассказов супругов Туруновых, «Бабушкины были», записанные в 1910—1920-х гг., рассказы, детские рассказы, юмор, смешные рассказы, 1990 г. (ф. III, оп. 3, № 582). В Архангельском музее хранится архив известного шенкурского краеведа П. И. Едемского (1862—1942) (ф. III, оп. 3, № 641), который включает следующие его работы: «Очерк экономического положения крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии», 1900 г., «Города и посады Архангельской губернии до введения и по введении городского положения», «Общественные деятели Северного края», «Хроника г. Шенкурска», «Город Шенкурск Северного края : Краткий историко-географический и статистический очерк», 1935 г.; «Очерк истории Важской области и г. Шенкурска», 1940 г. Также в музее хранятся рукопись И. М. Митягова «На память потомкам» (г. Нарва, 1979), представляющая собой воспоминания автора о своей деревенской жизни на Вытегре (ф. III, оп. 3); небольшой исторический очерк М. Мясникова «Историческое описание Ваги и Шенкурска» (ф. III, оп. 3, № 25); записи ненецкого фольклора Н. И. Сухашинского, 1935 г. (д. 28, 29); фольклорные записи 1935—1939 гг., характеристики северных художников и сказителей, сказки (оп. 1, д. 43, 53); фольклорные записи в Вельском и Шенкурском районах 1940—1950-х гг. (заговоры, частушки и старинные песни), составители Коргуз, Денисов (оп. 1, д. 118).

Среди материалов Архангельского краеведческого музея следует выделить рукописи Василия Алексеевича Сухих (1908—1973). Он составил несколько историко-этнографических очерков, которые оформились в четыре отдельные книги о Вилегодском крае.⁵⁰ Основная тематика первой книги складывается из харак-

⁵⁰ Сухих В. А. 1) Из недалекого прошлого Вилегодского народа. Кн. 1: Детские годы: (Воспоминания) (Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, 390, 1966 г., 301 л.); 2) Из недалекого прошлого вилегодского народа. Кн. 2 : Игры, преимущественно детские (Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, 378, 1963 г., 76 л.); 3) Крестьянские постройки по берегам реки Виледи : (Постройки прошлого) (Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, 378); 4) Заметки о прошлом Вилегодского народа : Материалы по (истории) этнографии района; 5) О быте Вилегодского крестьянского населения в недалеком прошлом. 1966 г., 34 л. См.: Кузнецова Е. А. Этнографические записки о Вилегодском крае В. А. Сухих // Культурное наследие Русского

терных тем подобного рода краеведческих сочинений: историческое прошлое края, родословная автора, этнографический облик края, образцы текстов местной фольклорной традиции, особенности местного говора,⁵¹ нравы и быт местных жителей. Сквозной, как правило, является автобиографическая тема. Вторая книга полностью ориентирована на известный труд Е. А. Покровского «Детские игры. Преимущественно русские».⁵²

Кроме того, среди документов, хранящихся в Архангельском краеведческом музее, особого внимания заслуживают полевые записи сотрудников самого музея: Книга рассказов экспедиции 1959 г. в Шенкурский район (ф. III, оп. 3, № 156); Отчеты сотрудников о поездке в Приморский (с. Зимняя Золотица), Холмогорский, Пинежский районы Архангельской области в 1981 г. (ф. III, оп. 3, № 210); рукопись Ю. П. Прокопьева «Труд и быт крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии в конце XIX—начале XX в.»; материалы комплексной историко-бытовой экспедиции в Шенкурский район в 1960 г. (ф. III, оп. 3, № 9).

В Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова помимо редких изданий, в которых можно найти упоминание об отдельных сказителях,⁵³ публикацию текстов,⁵⁴ в редком случае сборник текстов,⁵⁵ хранится рукописный сборник, подаренный в 1975 г. Государственным русским народным хором А. Е. Суховерховой «Сказы и песни» (№ Ф. 868692), в котором содержится песенный репертуар известной сказительницы.

В Тотемском краеведческом музее были обнаружены: Записи 1915 г. Ал. Сташиловского «Игровые песни в Вельском уезде», содержащие до 20 текстов игровых и хороводных песен и этнографическое их описание (Д. № 4)⁵⁶; Тетрадь с записями причитаний

Севера: Память и интерпретации : К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 181—195.

⁵¹ Автор часто объясняет значение местной лексики. Например: «Перебор — мелководе поперек реки, песчаная или каменная грядка/ маленький порог». Или: «Курья — остатки старого русла» (л. 4).

⁵² Покровский Е. А. Детские игры. Преимущественно русские. М., 1895.

⁵³ Пономарев Б. Литературный Архангельск. Архангельск, 1966. С. 17—23 и др.

⁵⁴ Романов М. Из фольклорных записей; Попов Н. Д. Ненецкие сказки // Север. 1936. С. 116—123; 124—130.

⁵⁵ О рыбаках, морских зверобоях и охотниках : Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы / Сост. Н. Рождественская. Архангельск, 1952; Народное творчество Северной Двины : Старинные песни, прибаутки, детские песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды / Сост. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова. Архангельск, 1966, и др.

⁵⁶ Указания в скобках являются в настоящее время принятым музейным шифром документа.

невесты 1915 г. Баженовой Марии Петровны из Шабенской вол., д. Жуковской (Д. № 5); Записи Н. Тюкавина «Свадьба Шуйской волости записано в дер. Жидовины» в 1916 г. (Д. № 12);⁵⁷ Записи старинных песен, сказок и бывальщин от Прасковьи Горынцевой, часть записей сделали Петр и Павел Горынцевы из д. Старый Двор в 1914 г. (Д. № 13); Этнографические записи из Шебенской вол., сделанные учительницей Стародворского училища Н. Ефимьевой в 1917 г. (Д. № 13/2);⁵⁸ Записи Вотчинской свадьбы, сделанные А. Широковым (нач. XX в.) (Д. № 20); Описание деревень Тотемского уезда, составил М. П. Попов, крестьянин деревни Митино в 1916 г. (н. а. 21);⁵⁹ Свадьба в д. Хариново, записана со слов местных жителей неизвестным собирателем (нач. XX в.) (н. а. 26); рукопись «Свадьба Тотемского уезда», запись со слов М. Матерухиной неизвестного собирателя (н. а. 1500); Сведения о поселениях чуди на берегах р. средней Сухоны близь г. Тотьмы, записал Праведников в 1921 г. (н. а. 32); Записи вечерины святочной д. Орловской и сказки (нач. XX в.) (н. а. 39—40).

Перечисленные фольклорно-этнографические материалы составляют довольно объемный корпус текстов и, как удалось установить по записям на них собирателей, некоторые были предназначены для известного вологодского краеведа М. Б. Едемского, составителя «Свадьбы в Кокшенье».⁶⁰ Следует отметить, что корреспондентами М. Б. Едемского были сельские учителя и грамотные крестьяне. Эти материалы имеют научную ценность в качестве источников при переиздании и издании трудов краеведа, а также для составления Свода русского фольклора, представляя собой фонд записей на ранней стадии собирательской работы в Тотемском крае.

К более ранним рукописям с записями фольклорно-этнографических сведений в собрании Тотемского краеведческого музея относится тетрадь В. Т. Попова «Пословицы и поговорки» 1854 г.

⁵⁷ Тюкавин Николай Львович — студент Петроградского учительского института (*Белов С. П.* История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915—1920 гг.) // Тотьма : Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 534.

⁵⁸ Ефимьева Ника Васильевна — учительница Стародворского земского училища Тотемского уезда (Там же. С. 532).

⁵⁹ Попов Михаил Павлович — крестьянин, член-корреспондент Николаевской главной физической обсерватории, д. Митино Косиковской вол. Тотемского уезда (Там же. С. 533).

⁶⁰ Едемский Михаил Борисович — директор Тотемской учительской семинарии. *Едемский М. Б.* Свадьба в Кокшенье Тотемского уезда // Живая старина 1910. Вып. 1—2. Приложение. С. 1—48; Вып. 3. Приложение. С. 49—96; Вып. 4. Приложение. С. 97—137; То же / Сост. М. А. Вавилова, С. Н. Смольникова; Отв. ред. С. Ю. Баранов. Вологда, 2002.

(н. а. 786);⁶¹ известный этнографический интерес представляют черновые наброски книги Д. А. Григорова «Тотьма и ее окрестности» (н. а. 611);⁶² книга Д. П. Осипова «Крестьянская изба на севере России» (нач. XX в., машинопись) (н. а. 41); бытовые рассказы из крестьянской жизни тотемских крестьян в записи 1925 г. неизвестного собирателя (н. а. 64); черновые записи «Словаря местного говора» неизвестного собирателя (н. а. 150); записи суеверных рассказов неизвестного собирателя (н. а. 556); а также рукопись неизвестного составителя под названием «Летопись существования г. Тотьмы» (н. а. 79).

В научном архиве музея хранятся коллекции записей краеведов, содержащие: Колыбельные песни Биряковской волости Тотемского уезда, записал Ф. Е. Малевинский, 1924 г. (н. а. 36);⁶³ наблюдения о бытовании частушек в среде молодежи Биряковской волости Тотемского уезда и записи текстов 1929, 1927, 1928 гг. Ф. Е. Малевинского (н. а. 122, 123); рукопись Ф. Е. Малевинского «Причитания и песни невесты и ее подруг в Биряковской волости Тотемского уезда», 1929 г. (н. а. 124). Там же находятся некоторые материалы краеведа В. Е. Величутина:⁶⁴ «Записки по краеведению» 1948 г., Дневник научной командировки в Матвеевский и Мосеевский с/с Тотемского района, 1951 г.; «Кокшенгские хороводные песни и припевки», 1960 г. (н. а. 703); М. Арсакова «Легенды, записанные со слов жителей Петропавловского района Череповецкого округа в 1929 г.». Отдельную коллекцию составляют материалы школьного кружка юных краеведов, действовавшего во время Великой Отечественной войны: записи частушек от школьников в военные годы (н. а. 453, 454, 489, 490); записи пословиц и поговорок, загадок, 1945 г. (н. а. 492); записи сказок, присказок, 1945 г. (н. а. 493); стихи бойцов, командиров и колхозников (н. а. 497). Эти материалы имеют некоторое историческое значение, характеризуют занятия школьников военных лет: записи выполнены на газетных и книжных клочках бумаги между строчками. К полевым записям последних десятилетий относятся материалы музейных работников, например о народных праздниках, собрала В. А. Притчина (н. а. 583, 615).

⁶¹ См. о нем: *Соболев А. И.* Почетный потомственный гражданин : (Памяти В. Т. Попова — основоположника тотемского краеведения) // Тотьма : Историко-литературный альманах / Под ред. М. А. Безнина. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 315—325 (там же литература о нем).

⁶² *Григоров Д. А.* Тотьма и ее окрестности // Там же. С. 119—287. Издание подготовил С. П. Белов, художник-реставратор.

⁶³ Малевинский Феодосий Евгеньевич — священник, законоучитель, с. Стрелица Тотемского уезда. См.: *Белов С. П.* История Тотемского отдела Вологодского общества... С. 533.

⁶⁴ О нем см.: *Соболев А. И.* Подвижник на ниве народоведения // Тотьма : Историко-литературный альманах. С. 326—331.

В Тотемской районной библиотеке нами было обнаружено множество газетных публикаций и местных малотиражных изданий по истории и этнографии края.

Дополнить системный поиск источников фольклора по Северу России можно благодаря случайным, попавшим в наше поле зрения материалам, принадлежавшим частным коллекционерам, собирателям и мемуаристам. К ним принадлежит Павел Григорьевич Сухогузов, краевед из города Ухта, который оставил записи по истории и фольклору своей «малой родины» — с. Прокопьевка Прилузского района Республики Коми. Основу «Записей о Прокопьевке» составляют воспоминания старожилов, пересказанные автором. Информанты практически всегда связывают историю поселения со своим собственным родом или, наоборот, историю семьи или свою биографию передают через призму исторических событий. Не вызывает сомнения объективность в передаче записанных «на карандаш» и переведенных на русский язык рассказов; об этом можно судить как по стилю повествований, так и по тем заметкам-пояснениям, которые при необходимости П. Г. Сухогузов помещает в скобки, сопровождая авторской отсылкой, или выделяет в особый абзац как «Замечания автора записок».⁶⁵

Во второй части воспоминаний под названием «Село Прокопьевка. Обычаи, верования, суеверия, игры, праздники, лечения» П. Г. Сухогузов приводит сведения преимущественно фольклорно-этнографического характера, содержание которых соответствует названию этой части. По рассказам более чем двадцати информантов представлены воспоминания о местных праздниках, свадебном обряде, знахарстве, развлечениях молодежи, рассказы о мифологических существах и т. п. И хотя данные материалы не дают исчерпывающей картины местного народного календаря, свадьбы или похорон, они содержат немало интересных деталей (например, в свадебном обряде: «обрядовые хулы» невесте, присказка сватов, использование прялки, ряженье).⁶⁶ Подобные свидетельства ярко характеризуют

⁶⁵ *Канева Т. С.* Краеведческие материалы П. Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции с. Прокопьевка Прилузского р-на Республики Коми // *Славянская традиционная культура и современный мир : Личность в фольклоре : Исполнитель, мастер, собиратель, исследователь.* М., 2008. Вып. 11. С. 260—266.

⁶⁶ Экспедиционные записи СыктГУ 1990-х гг., инициированные появлением коллекции П. Г. Сухогузова, позволили дополнить комментарии краеведа относительно особенностей исполнения «рождественских» песен (место в общем песенно-игровом сценарии, порядок разыгрывания, хореография), однако зафиксировать песенный репертуар Прокопьевки в такой полноте, как это сделал П. Г. Сухогузов в конце 1970-х гг. (и лирики, и игрового фольклора), уже не удалось.

не только общественно-социальные процессы, происходившие в деревне за последние 50 лет, но и те катастрофические подвиги, которые могли произойти в традиционном крестьянском сознании.

Под воздействием новых социальных условий отношение к прошлому приобрело негативный оттенок. В связи с этим П. Г. Сухогузов приводит характерные выписки из школьных сочинений своих сельчан. На их основании можно говорить, что именно на поколении 70-80-летних оборвалось живое бытование памятников традиционной народной культуры. Поэтому материалы фольклорного сборника с. Прокопьевка представляют собой своеобразные воспоминания об устнопоэтических произведениях, скорее, уходящую память об их живом бытовании.

К жанру народных мемуаров принадлежит рукопись 1987 г. Георгия Степановича Горева (1925 г. р.) «Деревня Вилки, ее жители и их нравы», хранящаяся в Орловском краеведческом музее (без фондового номера). Воспоминания Г. С. Горева любопытны тем, что в них отражено ностальгическое чувство по утрате своей «малой родины» («Сейчас нашей деревни нет, она ликвидирована. Даже место, где стояла она, перепахано тракторами.<...> В своих воспоминаниях намерен вкратце показать жизнь деревни и отдельных ее жителей до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, так как именно этим периодом кончилось мое детство и юность, а также кончилась моя жизнь в деревне. На примере жизни нашей деревни, таким образом, примерно, складывался уклад жителей других деревень нашего района. Может быть, будет интересно знать о нашей жизни и нашим потомкам: детям, внукам, правнукам» — л. 1—3). Собственно фольклорно-этнографических материалов в очерке содержится не так много, за исключением описания некоторых детских игр, атмосферы деревенских молодежных гуляний, способов обработки льна, варки деревенского пива и т. д. — словом, того общего, что сохранила память человека о своей молодости.

Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но, несомненно, их объединяет одно — стремление показать свое отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов.

Наиболее примечательным трудом местных краеведов является «ПомОрьска говОря : Краткий словарь поморского языка» И. И. Мосеева.⁶⁷ Автор этого издания попытался придать зна-

⁶⁷ Мосеев И. И. ПомОрьска говОря : Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

чимость своей книге, поместив вначале положительные отзывы на нее «своих» рецензентов.⁶⁸ Статья «От автора», состоящая из нескольких небольших главок,⁶⁹ начинается с пафосного вступления («Трудно не восхищаться гармонией природы и человеческого духа, создавшего неповторимую культуру нашего Поморья. Величественная красота поражает каждого, кто попадает в настоящую поморскую глубинку, будь то Онега, Вага, Двина, Пинега, Кулой, Мезень, Лешуконье или другая поморская сторона. Бескрайние лесные дали...»)⁷⁰

В Словаре, по словам составителя, «содержится попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения».⁷¹ В обращениях к детским воспоминаниям можно усмотреть один из главных мотивов, побудивших автора к сбору лексического материала. Именно «память детства» является одним из деятельных рычагов в механизме саморефлексии традиции.

В этой попытке языковой самоидентификации можно усмотреть целеполагание трудов тех, кто осознанно участвует в этом процессе. Поэтому автору важно отметить, в чем заключается разница между его собственным трудом и другими подобными трудами.⁷²

В механизме саморефлексии традиции важно осознание главных ценностных ориентиров. Так, в главке «Восстанавливаем

⁶⁸ Это заметки П. А. Есипова, руководителя Национально-культурной автономии поморов Архангельской области, «О проекте», где декларируется, что «настоящий проект — попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения»; «Историко-этнографический этюд о поморской общности» В. Н. Булатова, д-ра ист. наук, проф. Поморского университета; Н. М. Теребихина, д-ра ист. наук (кстати, философских наук. — *А. В.*) под названием «Ученые о поморах» (с. 5—7), где нет ни слова об этом издании (Там же. С. 4, 5—7).

⁶⁹ Память детства. О словаре. Ценно только подлинное. Восстанавливаем родную речь. Словарь — наша лоция. О мироощущении поморов. Древние корни говОри (Там же. С. 8—33).

⁷⁰ *Мосеев И. И.* ПомОрьска говОря. С. 9.

⁷¹ Там же. С. 10.

⁷² «Зачем нам сегодня нужен „Краткий словарь поморского языка“ — разве мало издано и издается диалектических словарей, написанных учеными? Есть ведь оригинальный „Поморский словарь“ К. П. Гемп, словарь „Живая речь кольских поморов“ И. С. Меркурьева, издается прекрасный многотомный „Архангельский областной словарь“ О. Г. Гецовой — разве этого недостаточно? Такие вопросы мне задавали не раз, но я неизменно отвечал, что „Краткий словарь поморского языка“ вовсе не повторяет другие словари, у него другое предназначение, иная концепция и философия. Его основное отличие в том, что это не академическое издание и в его составлении участвуют не ученые, а сами коренные жители Поморья, увлеченные родной говОрей. Такого словаря еще не было» (Там же. С. 13).

родную речь» уже декларируются настроения политической и культурной самоорганизации поморов.

Что касается самой словарной статьи, то она состоит из собственно лексемы (существительное в именительном падеже или глагол в инфинитиве), ее значения и употребления в контексте предложения или смысловой фразы.⁷³

Обратим внимание на несовершенство составления словарной статьи. Во-первых, приводится только одно лексическое значение слова в единственной словоформе (например, зафиксированное в «говОре» слово «впрохОдку — мимо, не заходя» является явно производным от слова «впроход» (ср.: Архангельский областной словарь. М., 1987)).

В конце словарного корпуса составитель приводит несколько текстов сказок с переводом их на литературный русский язык. Правда, вопрос об аутентичности публикуемых текстов «на говОре» остается открытым, не говоря даже о том, что там нет указания на источник — от кого, где и когда были записаны тексты составителем.

Подобные же опыты составления словарей мы встречаем у других местных любителей и краеведов. Одну из таких жанровых разновидностей представляет книга Платона Алексеевича Худякова «Говор и быт Мало-Пинежья»,⁷⁴ которая состоит из собственно словаря местных слов и мемуаров составителя. «Главным же источником для словаря, — говорит автор, — послужила собственная память, крепко и детально зафиксировавшая всех людей, окружавших меня в детстве и ранней юности, их говор, их действия и события. И за многие годы пенсионных раздумий, обращения в далекое прошлое, — память выдала все, что знал о своей Малой Родине».⁷⁵ В словарных статьях Худяков иногда допускает развернутое историческое комментирование того или иного персонажа мифологии. По большей части собранная им лексика представляет собой хозяйственно-бытовой и эмоционально-экспрессивный слой местного словарного фонда, местные названия рек, урочищ и т. п. Часто в словарной статье приводятся в качестве примера суеверные рассказы, былички в форме народного мемората и исторического предания в пере-

⁷³ Например: АБИк — выступающая из-под воды верхушка большого подводного камня (У баклАнця аБИк вЫголить) (см.: баклАнец, вЫголить). См.: Мосеев И. И. ПомОрьска говОря. С. 8.

⁷⁴ Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3; П. А. Худяков «Говор и быт Мало-Пинежья», 1978 г. (машинопись). П. А. Худяков — уроженец д. Горка б. Сольвычегодского у. Вологодской губ. Горьковской вол., по новому административному делению: Верхне-тоемского р-на Архангельской обл.

⁷⁵ Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, л. 19.

сказе составителя.⁷⁶ Во введении к книге и словарных статьях составитель склонен к наивным этимологическим выводам, поэтому он высказывает характерные методологические положения: «Поскольку народный язык отражает духовную и производственную деятельность народов во времени, анализ старого местного говора, развивавшегося столетиями изолированно от внешнего мира, предоставляет возможность судить о происхождении первопоселенцев, основоположников местного говора, заселивших на заре колонизации Севера этот удаленный Пинежский край».⁷⁷

Одну из главных целей своего труда составитель видит в том, чтобы сохранить «память для грядущих поколений о жизни небольшой обособленной группы древнего русского народа — для сравнения и поучения».⁷⁸

Ряд составленных краеведами словарей местного говора, топонимических лексиконов, словарей местных фамилий можно продолжить публикациями А. В. Кузнецова «Язык земли Вологодской : Очерки топонимики»; «Корни тотемских фамилий»; «Сухона от устья до устья : Топонимический словарь-путеводитель»;⁷⁹ Н. Ф. Аннина «Словарь каргопольского говора»⁸⁰ и множеством газетных статей местных авторов в районных «малотиражах».

Определенный научный интерес представляет «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской—Дмитриевской волости».⁸¹ Словарь — это не просто сборник диалектной лек-

⁷⁶ «Много суеверий было связано с существованием рядом с людьми другого невидимого мира, мира нечистой силы, которая нет-нет да и проявит себя в отношении отдельных нарушителей неписанных правил поведения» (Там же, л. 81).

⁷⁷ Там же, л. 8.

⁷⁸ Там же, л. 4.

⁷⁹ Кузнецов А. В. 1) Язык земли Вологодской : Очерки топонимики. Архангельск, 1991; 2) Корни тотемских фамилий. Тотьма, 1998; 3) Сухона от устья до устья : Топонимический словарь-путеводитель : Летопись русской провинции. Вологда, 1994.

⁸⁰ Аннин Н. Ф. Словарь каргопольского говора / Предисл., ред., прилож. О. В. Онучиной, Н. И. Решетникова М.; Каргополь, 2001. Изданию присущи все характерные недостатки провинциальных публикаций, несмотря на то что составители и редакторы книги включили в приложение фрагменты выступлений на Пятой науч. конф., организованной Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником в 1999 г.

⁸¹ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 5 (М. И. Романов. Словарь Устьянских говоров : Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Рукопись поступила 1986 г. № 52), 338 с. Включает также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей» (с. 339—347);

сики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.⁸²

Таким образом, Словарь местного говора, составленный краеведом или любителем старины как сложившийся книжный жанр, становится одним из важных источников в фольклористических исследованиях.

Обратим внимание еще на один аспект в собирательской практике краеведов и любителей. Это — чрезвычайно распро-

2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области». Пежма, 1950.

⁸² Структура словарной статьи: «А — неопределенная частица, с которой часто начинается разговор. А! — ага! Ну! Ври она што! А? — что? Абу — нет (коми абу — нет), употребляется для усиления отрицания. — Дай покурить — Абу, нет!»;

«Алатырь камень — встречается в фольклоре, особенно в заговорных словах, например: На синём мори-окияне/ на том острове на буяне... (с отсылкой на Фольклор Устья. — А. В.). Это заговорное слово несомненно обращено к древнему божеству зари. Поэтому, вероятно, происхождение названия этого камня от корня ал, алый — алый заревой. От него же существительное алость, алота и алотынь (см. дальше). Последние — превосходная степень лости, зарёвости. Это предположение находит опору в яферических (?) языках. Гурейское алион — зоря. Абхазское танча — тча — атча — женская ипостась солнца». В качестве отдельной словарной статьи представлена, например, такая: «Бабушка Соломонидушка, Христова повиваленка — персонаж из заговорных слов, употребляемых главным образом при родах. Из заговоров видно, что ей подчинялась „зверина силушка“. Древним прототипом ее была, всего вероятнее, богиня земли Земляница, Землянушка: Бабушка Соломонидушка, / Христова повивалёнка/ Сидит на золоте стуле/ Дёржыт камфарной блюдо/ На том блюде — золоты ключи/ Отпират она ими святые ступеньци...». Или следующая статья: «Бай, байки, баеньки, баю, баюшки — в колыбельных песнях: Баю-бай, баю-бай,/ Байки — баюшки — побай/ Спи-ко Ваня усыпай, / Со анделами, / Со арханделами... (из колыбельной песни)». Или представляющая краткую характеристику одного из свадебных ритуалов: «Баня невесты последнее перед свадьбой мытьё невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами». Или слова с попыткой этимологического анализа: «Барабать — лапать, хватать голыми руками (шв. Ваг — голый, гарр — удар); Баракша (нижнеустьянское) — дикий, неотёсанный. (Эка баракша дикая) (зап.-фин. Раггакас бородатый)». Или объяснение слов из словаря фольклора: «Бедно — обидно, горько. Бедно стало до слёз/ Бедно мне да забедно, / Бедно показалось... (из причета)». Или мифологические объяснения: «Божья дуга — радуга. Собственно говоря, радуга-дуга была Перуна, а так как наследником Перуна в христианстве был Илья пророк, то радуга считается дугой Ильи пророка». Как правило, Романовым приводится только одно грамматическое значение слова и его толкование.

страненное в настоящее время составление фамильных родословных. Часто они носят чисто документальный характер и выражены в виде графической схемы.⁸³ Иногда этот жанровый вид воплощается в историческом сочинении, включающем бытовые рассказы, семейные легенды, воспоминания и проч.⁸⁴ И в этом отношении они представляют для фольклористов определенный интерес.

Краткий обзор хранящихся в краеведческих музеях фольклорно-этнографических и историко-краеведческих материалов позволяет составить представление о количестве, жанровом составе, репертуаре, принципах фиксации, их аутентичности, именах собирателей и основных целях собирания. Фондирование и опись этого солидного корпуса документов в настоящее время пока не соответствует даже простым правилам архивохранения и оставляет желать лучшего. Большинство документов сами по себе как будто не представляют серьезной научной ценности вне контекста с другими материалами и записями, сделанными профессиональными фольклористами и этнографами в той же местности. Поэтому попытка ввести историко-этнографические сведения и документы, хранящиеся в провинциальных музеях, в научный оборот чрезвычайно затруднена, а имеющиеся опыты (в большинстве своем неудачные) использования музейных материалов можно оценить в той или иной мере, обратившись к местным (в том числе областным) изданиям краеведческих сочинений.

Рамки настоящей статьи не позволили дать развернутую характеристику всех жанровых разновидностей фольклорно-этнографических материалов, хранящихся в местных хранилищах и зафиксированных в результате архивной полевой работы во время экспедиций.

Введение их в научный оборот является актуальной задачей академической фольклористики в свете решения проблем по созданию Свода русского фольклора. Несомненно, обращение к таким сложным по характеру источникам позволяет поставить ряд новых теоретических проблем на современном этапе развития отечественной науки. Прежде всего это связано с выявлением новых имен собирателей, характеристикой их фольклористической деятельности на местах и с их ролью в национально-культурной самоидентификации общества.

⁸³ Примером может служить «Родословная крестьян Золотицкой волости Зимнего Берега Белого моря», составленная краеведом В. А. Точиловым (см. цифровую копию в материалах фольклорной экспедиции 2008 г. ИРЛИ РАН).

⁸⁴ Например, *Коробейников Г. А. Наша родословная* Архангельск, 2008. (Собственное издание в 10 экз.).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
----------------------	---

РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОР ПУШКИНСКОГО ДОМА

А. А. Горелов. Из прошлого и настоящего Отдела фольклора ИРЛИ	7
Т. Г. Иванова. Отдел фольклора Института литературы АН СССР в 1939—первой половине 1941 г.	49
М. А. Никифорова. Письма М. К. Азадовского С. Ф. Ольденбургу	86
Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (Из полевых дневников А. М. Астаховой). (Публикация и комментарии Т. С. Каневой) ..	109
Л. И. Петрова. Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме (Документы и факты)	147
Записи В. А. Кравчинской в Лужском районе Ленинградской области (Экспедиция Отдела фольклора Пушкинского Дома 1947 г.). Публикация М. В. Рейли	205
Мезенские сказки в записях экспедиций Отдела фольклора Пушкинского Дома 1958—1961 гг. Публикация и комментарии Я. В. Зверевой	267
М. Н. Власова. Из истории экспедиций Отдела фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в Новгородскую область (1963—1987). Экспедиционные дневники В. В. Митрофановой (1965, 1967)	302
В. И. Жекуллина. Атаман (По страницам дневника собирателя Жекулиной Валентины Ивановны. Экспедиция в Старорусский и Новгородский районы Новгородской области с 19 по 27 июня 1979 г.)	333

**РАЗДЕЛ II. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

В. И. Е р е м и н а. Творческие контакты ученых (Речь А. А. Шахматова о Ф. И. Буслаеве. Из переписки Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского)	346
А. Л. Т о п о р к о в. А. Н. Афанасьев в полемике с Н. Г. Чернышевским? (Эпизод из журнальной полемики 1850-х гг.)	369
О. И. Ч а р и н а. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г.	419
Е. А. С а м о д е л о в а. Фольклорист А. Н. Нечаев — научный консультант А. Н. Толстого (По архивным источникам)	438
Е. Н. Г р у з д е в а. Надежда Михайловна Элиаш и ее место в истории русской фольклористики	481
Е. И. Я к у б о в с к а я. Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой	512
А. Н. В л а с о в. Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения).	585

Научное издание

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 8

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова* и *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 18.06.13. Подписано к печати 12.12.13.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38.5. Уч.-изд. л. 39.3.
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 3975. С 241

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038331-9

9 785020 138331 9